

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

•

КОРОНОВАНИЕ ЛЮДОВИКА

•

НИМСКАЯ ТЕЛЕГА

•

ПЕСНЬ О СИДЕ

•

РОМАНСЕРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1976

Вступительная статья
Н. Томашевского

Сб 4
П 28

Иллюстрации
Д. Бисти

П $\frac{70700\text{-}206}{028\,(01)\text{-}76}$ подписное

ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ ФРАНЦИИ И ИСПАНИИ

«Песнь о Роланде» и «Песнь о Сиде» — величайшие поэтические памятники французского и испанского народов. Они знаменуют собой блистательное начало двух во многом родственных литератур, давших так много всей мировой культуре.

Совмещение этих памятников в одном томе — с добавлением некоторых других текстов — не произвольно. И дело не только в лингвистической и культурно-исторической близости французов и испанцев. Дело еще и в том, что к параллелям и аналогиям побуждает прибегать сама общность проблематики французского и испанского эпоса.

Вопрос о происхождении средневековых героических сказаний, о времени их зарождения и путях развития — чрезвычайно сложный и запутанный. За двести лет, отделяющих нас от первой публикации «Песни о Сиде» (1779), и почти за сто пятьдесят лет — от первой публикации «Песни о Роланде» (1837), накопилось множество противоречивых мнений и трудно согласуемых между собой общих теорий.

Суть основных из них сводится к следующему. Романтическая критика и порожденная ею филологическая наука, пытаясь объяснить существование коллективной поэзии, рассматривала старинный эпос как поэзию, созданную «душой народа». С развитием позитивизма мистичность такого объяснения стала очевидной. Бесплотному коллективизму в творчестве была противопоставлена теория индивидуального авторства, предложенная известным французским филологом Жозефом Бедье. Но «индивидуалистическая» теория Бедье зачеркивала несомненный факт существования коллективной поэзии. С водой выплеснули ребенка.

Между двумя этими полярными воззрениями размещались теории, вслед за романтиками признававшие, что эпос является продуктом коллективного творчества народа. Механизм появления эпоса сторонникам одной из этих

теорий, так называемой «традиционалистской» (Гастон Парис и др.), рисуется так: событие, взволновавшее его участников или свидетелей, порождает кантилены (лирические или лиро-эпические песни сравнительно небольшого размера). С течением времени кантилены поглощаются эпопеей, как бы «сводной» эпической песнью, которую певцы-сказители искусно составляют из отобранных ими кантилен согласно общему своему художественному замыслу. Сложенные поэмы передаются изустно из поколения в поколение, приспосабливаясь к вкусам все новых и новых слушателей. В кантиленный период действует национальная традиция, в эпический — литературная. Противоречия, которые обнаруживаются в эпических поэмах, объясняются «мозаичностью» их происхождения. Теория получила много сторонников, внесших в нее частные поправки и уточнения.

В конце XIX века, однако, эта логично построенная и с виду убедительная теория под напором накопленных фактов была дискредитирована. Слишком много в ней оказалось натяжек и умозрительных допущений. Начать хотя бы с того, что для Франции ясного представления о кантиленном периоде не складывалось просто за отсутствием материала, а огромный материал романсной поэзии в соседней Испании легко опровергал эту теорию. Тогда же был выдвинут ряд гипотез о происхождении французского, например, эпоса непосредственно из германских (франкских) песенных сказаний, или о складывании эпических поэм на основе устных легенд и преданий о действительно имевших место событиях.

Восторжествовала индивидуалистическая теория, в значительной степени обязанная своим успехом литературному таланту Ж. Бедье. И по сию пору она имеет наибольшее количество сторонников, несмотря на то, что теория «неотрадиционалистов», разработанная одним из крупнейших филологов нашего века Рамоном Менендесом Пидалем, представляется на сегодня наиболее убедительной. С неотрадиционалистской теорией читатель познакомится ниже; именно ее положения легли в основу данной статьи.

В состав предлагаемого тома «Библиотеки всемирной литературы», помимо «Песни о Роланде» и «Песни о Сиде», вошли еще две французские эпические поэмы («Коронование Людовика», «Нимская телега») и подборка народных и литературных испанских романсов. Представляется целесообразным с них-то и начать разговор, так как именно материал романсов позволил ученым пересмотреть многие запутанные вопросы, связанные с народным испанским и французским стихотворным сказанием. Тем более, что в романсе долго и упорно усматривали начало песенного творчества в целом.

Что такое испанский классический романс? Чаще всего его определяют как короткое лиро-эпическое сочинение с произвольным количеством шестнадцатисложных стихов, связанных ассонансами и разбитых на восьмисложные полустишия. С развитием романсного творчества, начиная примерно со второй половины XVI века, когда классический анонимный романс делается пол-

ноправным поэтическим жанром, эти полустишия приобретают бóльшую самостоятельность и сами становятся стиховой единицей. Отсюда — обычное определение романсного стиха как восьмисложного, с ассонансами на четных стихах. Романсный стих и по сей день остается в Испании и странах испанского языка очень распространенным. Его гибкость, предопределенная максимальным соответствием условиям испанской речи, такова, что он способен с полной естественностью и свободой выразить любую поэтическую тему. Особенно часто прибегают к романсному стиху для поэтического повествования. Это хорошо подметил еще Лопе де Вега в «Новом руководстве к сочинению комедий».

В вышеприведенном значении слово «романс» едва ли не впервые появилось в середине XV века у знаменитого поэта маркиза де Сантильяны. До него слово «романс» употреблялось лишь в значении сочинения, писанного на «вульгарном», то есть не на латинском, а на своем, местном языке. Наиболее ранние романсы, в словоупотреблении Сантильяны, восходят к началу XV века (мнение Мила-и-Фонтанальса и Менендеса Пелайо). В XV веке зарождаются так называемые «летописные романсы» (romances noticieros), среди которых особой распространенностью пользуются романсы «пограничные», сообщающие о реальных событиях порой с такой достоверностью, которая доступна только очевидцам. Несомненно, что сочинялись они по свежему следу, а не на основе имевшихся прозаических летописей. Бытовали в ту пору и романсы излагающие те или иные эпизоды из старых героических поэм. Они-то, вероятно, и являются наиболее древними. Основываясь на их рассмотрении, Рамон Менендес Пидаль доказательно относит время зарождения романсного творчества к XIV веку. Разрабатываемые в этих романсах эпизоды были связаны главным образом с Реконкистой, то есть с отвоеванием испанцами своих земель у захвативших их мавров. Понятно, что в выборе эпизодов сказывались дух и нужды времени. Романсы, как правило, не записывались, а передавались из поколения в поколение в изустной традиции. Приноровленные к настроениям слушателей, романсы изменялись в зависимости от места и времени не только в частностях, но и в идеологической своей окраске.

В начале XVI века они стали распространяться на так называемых «летучих», или «отдельных», печатных листках. Их популярность среди народа была чрезвычайно велика. Вскоре увлечение охватило и другие слои испанского общества. Проникают они даже в аристократические круги (сборники Лопе де Суньиги, Фернандеса де Константина, Эрнана дель Кастильо). К середине века (1545—1547?) романсы были собраны в большой сборник «Песенник романсов», изданный в Антверпене. Там же в 1550 году он был, в сущности, повторен, а одновременно в Сарагосе Эстеван де Нахера выпустил «Лес романсов». Романсы, собранные в этих изданиях, получили название «старых» (то есть изданных до 1550 года). Подавляющее большинство из них были анонимными. Но к традиционным версиям порой прикладывали руку изощренные литераторы.

В эпоху Возрождения, в связи с повышенным интересом к народному началу, популярность романсов достигла апогея. Они проникли ко двору

королевы Изабеллы, к ним сочинял музыку Хуан дель Энсина, их записывал Амбросио Монтесино, восхвалял тончайший гуманист Хуан Вальдес. На Пиренейском полуострове буквально не было уголка, где бы не распевались романсы под музыкальный аккомпанемент. Солдаты испанского короля и германского императора Карла V услаждались ими в перерывах между боями во Фландрии, занесли их в Ломбардию и Неаполитанское вице-королевство. С конкистадорами романсы переправились через океан и звучали на огромной территории от Калифорнии до Чили, были заброшены на Филиппины. Португальцы завезли их в Африку и индийские колонии. Они сопровождали испанских авантюристов в Леванте, на Балканах, в Марокко. Испанские евреи, изгнанные католическими королями, утешались ими в новых своих поселениях по берегам Средиземноморья и Причерноморья. Отдельные стихи из романсов вошли в язык в качестве речений, поговорок, присловий (свидетельство тому — текст сервантесовского «Дон Кихота»). Ораторы украшали речи цитатами из романсов, военачальники с помощью романсов призывали солдат к героизму, солдаты отыскивали в них примеры злой своей судьбы. Романсами зачитывались, ими «разговаривали» в быту. Герой «Интермедии романсов» крестьянин Бартоло — предполагаемый прототип славного идальго из Ла-Манчи — сошел с ума от чтения романсов.

За их сочинение принялись величайшие испанские поэты — Лопе де Вега и Луис Гонгора. Сочинял их и Сервантес. Правда, не они были в этом деле первооткрывателями. Начало эпохе «новых» романсов было положено сборником «Романсеро» (название, впервые использованное для сборников подобного рода), который выпустил в 1551 году Хуан Лоренсо де Сепульведа.

Поэтическому миру старых народных романсов «Романсеро» Хуана Лоренсо де Сепульведа противопоставляет — в пределах той же метрической схемы — поэзию ученого типа. Авторы новых романсов стремятся переработать старые романсы, «нынче,—по замечанию Сепульведы,— столь модные, хотя и очень завиральные и весьма бесполезные», приблизить их по духу и содержанию к современности, тем самым как бы канонизируя старинный романс в законный литературный жанр. С таких позиций был составлен ряд поэтических сборников, которые в конце концов были объединены во «Всеобщем романсеро» («Romancero general»), появившемся где-то между 1600 и 1604 годами. Среди авторов здесь фигурируют Гонгора и Лопе де Вега. В новых романсах преобладают темы пасторальные, исторические (тут особенно очевидна зависимость новых романсов от старых) и мавританские. Мавританские сюжеты становятся чрезвычайно популярными после выхода в свет книги Переса де Иты «Гражданские войны в Гранаде».

Важную роль в обновлении романса сыграли Гонгора и Лопе де Вега. Гонгоре удалось придать поэтике старого романса тонкость и изощренность при сохранении внешней наивности и естественности. По точному замечанию поэта и критика Дамасо Алонсо (в книге «Поэтический язык Гонгоры»), романсы Гонгоры «пронизаны той же фантазией, тем же темпераментом, той же

культурой, наконец, теми же художественными устремлениями, что и его будущие произведения «Полифем», «Соледадес», «Пирам и Тисба».

Иной подход у Лопе де Вега. Будучи горячим приверженцем старой испанской поэзии, «способной выразить любую тему с максимальной простотой и изяществом», Лопе стремился ввести в «ученую поэзию» простоту и ясность старого романса. Он популяризировал его в драматургии, вводя, например, в свои пьесы не только отдельные стихи из старых романсов, но и романсы целиком. Мало того, Лопе де Вега и его последователи (Гильен де Кастро, Велес де Гевара, Монтальван) охотно черпали в романсах сюжеты для своих сценических произведений. С именем Лопе де Вега (хотя он и имел предшественников вроде Хуана де ла Куэвы, правда, куда менее удачливых и умелых) связан факт чрезвычайной важности для испанской литературы: история, эпопея и поэтическая легенда актуализировались, воскресив для испанцев начала XVII века их героическое и, казалось, уже далекое прошлое. Была восстановлена «связь времен», в глазах многих современников Лопе уже порвавшаяся. Вновь ожила народная, глубоко демократическая традиция, выработанная в ходе семисотлетней борьбы за свободу и независимость. И то, что с течением времени старый классический романс был вытеснен новым литературным, и то, что в XVII веке в условиях испанского контрреформенного барокко в романсе возобладают, с одной стороны, религиозные мотивы (см., например, «Духовный романсеро» того же Лопе де Вега), а с другой — бурлескные и даже «плутовские» мотивы, направленные на дегероизацию прошлого, не отменяет достигнутого. С корифеями литературы «золотого века» романс прочно вошел в национальное литературное сознание.

В XVIII веке, в пору господства в испанской литературе косного подражательного классицизма, романс не исчезает, но претерпевает новую эволюцию. Романс будет использован народом для воспевания «жестоких страстей», трагических сюжетов (так называемые «романсы слепца»). Романс проникнется духом сурового, порой кровавого реализма, но почти всегда будет иметь очевидную социальную подоплеку (стоит вспомнить, например, романс о мельничихе и коррехидоре, послуживший в XIX веке сюжетной основой знаменитой повести Педро Аларкона «Треугольная шляпа»).

В последние десятилетия XVIII века начинается в Испании постепенное возрождение интереса к классическому романсу. В этом немалая заслуга принадлежит эрудитам, обратившим особое внимание на национальное прошлое, на великие традиции,— Сармьенто, Рафаэлю Флоресу, Лопесу де Седано, который в свое многотомное издание «Испанский Парнас» (1768—1778) включил и сборники романсов.

В возрождении интереса культурной публики к романсам велика роль и двух больших писателей: Леандро Фернандеса де Моратина (1760—1828) и Мелендеса Вальдеса (1754—1815).

В международный культурный обиход испанские романсы ввели романтики. Именно им принадлежит решающее слово в оценке и ознакомлении читающей публики с этой сокровищницей испанской поэзии. Иоганн Готфрид

Гердер (1744—1803) поместил в опубликованных им в 1778—1789 годах «Народных песнях» ряд испанских романсов. Впрочем, он не был единственным, кто заинтересовался в пору повального в Европе оссианизма народной поэзией. Напечатанные им романсы на темы гранадской войны он извлек из «Памятников древней английской поэзии» (1765) Томаса Перси. Последние годы жизни Гердер переводил романсы о Сиде, сборник которых вышел в 1805 году, уже после его смерти. Сид был для Гердера олицетворением мужества и чести. В бесписьменной поэзии южных европейских народов он искал подтверждения некоторых особенностей фольклорной поэзии северных стран.

Любопытно при этом, что известные Гердеру романсы были не подлинно старыми, «народными», а романсами, созданными — либо обработанными — профессиональными литераторами уже в более позднее время. Гердер же принимал их за «самое чистое выражение души испанского народа».

Но так или иначе, с легкой руки Гердера испанские романсы прочно вошли в романтический образ мировой литературы. И образ этот — если вспомнить исторические обстоятельства времени его создания — отнюдь не носил отвлеченно философический характер. Это было время подъема национального самосознания порабощенных Наполеоном народов, время борьбы за свободу и независимость. Частично порабощена была родина самого Гердера, вот-вот должно было начаться вторжение наполеоновских полчищ в Испанию, о котором уже усиленно поговаривали. Романсы о Сиде в переводе Гердера вышли в момент, когда исторические примеры народного героизма были особенно важны. История помогала современности. Борьба необученных испанцев против вышколенной армии Наполеона, героическая оборона Сарагосы, не уступавшая по трагизму легендарной защите Нумансии,—лучшее подтверждение стойкости национальных традиций, за святость которых так ратовали романтики.

Повышенный интерес к испанским романсам проявляли вслед за Гердером и другие немецкие романтики: братья Шлегели, Тик, Брентано. В 1815 году Якоб Гримм выпускает «Лес старых романсов». В отличие от Гердера, он четко различает «старые» романсы от «новых». Вслед за Гриммом к старым романсам обращается основоположник романской филологии Фридрих Диц, который в своем собрании делает особый упор на короткие романсы, в чем-то близкие северным балладам. Венский филолог Фердинанд Иозеф Вольф издает в 1856 году большой сборник, который является как бы сводом понятий романтической филологии о романсе.

Волна интереса к испанским народным романсам, возбужденного немецкими романтиками, охватив Францию (два сборника Абеля Гюго, издавшего в начале 1820-х годов романсы о короле Родриго и романсы исторического содержания), Англию (сборники Локхарта и Боуринга), Россию (переводы Жуковского, Катенина) и другие европейские страны, где утвердился романтизм, докатилась, наконец, и до родины романсов Испании. Агустин Дуран начал работу по собиранию романсов в 1828 году, еще не будучи знакомым с романтическими идеями. Закончил он ее к концу 40-х годов, ког-

да романтизм победил и в Испании. Его сборник «Romancero general» (1849—1850) является и поныне самым представительным по объему собранием романсов различных эпох, хотя в научном смысле и далеким от совершенства.

Однако, как и подобает родине романсов, Испания быстро наверстала упущенное. В 1874 году выходит капитальный труд «О кастильской народно-героической поэзии» Мануэля Мила-и-Фонтанальса. Отправляясь от талантливой догадки Андреса Бельо, замечательного венесуэльского поэта и ученого, натурализовавшегося в Чили, догадки, которую тот высказал еще в 1843 году в газетной статье, почти не обратившей на себя внимания, и суть которой заключалась в том, что романсы являются отпочковавшимися фрагментами эпических поэм, Мила-и-Фонтанальс построил совершенно новую концепцию происхождения романсов. Точка зрения его сводится к следующему: вопреки господствующему среди филологов мнению о первородстве романсов по отношению к эпическим поэмам (хотя к тому времени рапсодическая теория происхождения гомеровских поэм уже потерпела крах), данные старинных хроник свидетельствуют о существовании ряда эпических поэм, имевших широкое хождение в народе, включая военную знать, и только впоследствии оставленных на потребу низших слоев общества. «Песнь о моем Сиде»,—замечал Мила,— датируется самим Вольфом серединой XII века. Но существование романсов того же времени — лишь плод ученой фантазии, следствие умозрительной романтической концепции народной поэзии. Героические (эпические) поэмы, пусть более краткие, чем дошедшие до нас, являются созданием профессиональных странствующих певцов-сказителей («хугларов» в Испании, «жонглеров» во Франции), а не обезличенного «народа». Когда общество в целом перестало в них нуждаться, они оказались на положении пасынка, отошли в область изустной традиции, стали дробиться на фрагменты. Люди запоминали только особо занимательные куски, находившие живой современный отклик среди неграмотных слушателей.

Из интуиции Бельо и трудов Мила-и-Фонтанальса следуют два существенных вывода: во-первых, что романсы не предшествуют эпическим поэмам, а вытекают из них; во-вторых, что романсы — акт индивидуального творчества.

Следующий шаг к прояснению этой одной из самых запутанных историко-литературных проблем сделал Рамон Менендес Пидаль. Обследовав огромное количество вариантов одних и тех же романсов (иногда число вариантов доходило до внушительной цифры — 164), Пидаль предложил совершенно новую концепцию. Романс следует понимать, согласно Пидалю, как «поэзию традиционную», а не как «поэзию народную». «Необходимо,—указывает Пидаль,—различать среди разных типов поэзии две самые главные категории: *народную* (popular) поэзию и поэзию *традиционную* (tradicional). Всякое произведение, обладающее специфическими свойствами, необходимыми для того, чтобы нравиться публике, чтобы быть много раз повторяемым и в течение определенного времени удовлетворять общественный вкус, является произведением народным. В этом смысле в большей или меньшей степени народными

представляются как произведения прославленных поэтов... так и другие, авторы которых оказались забыты... Народ слушает или повторяет эти стихи, не изменяя и не переделывая их; он знает, что это — чужое произведение, и потому, повторяя его, не следует вносить изменений. Но существует другой вид поэзии, в большей степени укрепившийся в традиции, более укоренившийся в памяти; к этому виду чаще обращаются и используют его более широко. Народ получил его как свой, принял его как принадлежащий к его духовной сокровищнице и, повторяя его, не остается пассивно верен оригиналу... а, чувствуя, что он ему принадлежит и прочно вошел в его сознание, воспроизводит его вдохновенно, творчески и в связи с этим в большей или меньшей степени переделывает, считая себя как бы одним из авторов... Это поэзия собственно традиционная, заметно отличающаяся от обычной народной. Сущность традиционного характера поэзии состоит не только в простом принятии или допущении данного произведения народом, сущность заключается в переработке поэтического произведения путем создания его вариантов». И далее: «Варианты представляют собой... не отрицательное явление, не способствуют разрушению произведения (как обычно считают), а, напротив, их создание является элементом поэтического творчества и единственной или, во всяком случае, самой важной формой, в какой народ как коллектив участвует в создании поэзии»[1].

Произведение традиционной поэзии будет являться «анонимным», поскольку оно — произведение различных авторов (вплоть до совершенно определенных и даже знаменитых), но вовсе не «голосом всего народа», как полагали романтики. Акт создания продолжается во времени и пространстве теоретически бесконечно. Любая его стадия представляет собой отражение нескончаемого процесса движения замысла. Любые варианты — всего лишь одна из стадий творческой работы, не имеющей объективного «предела». Создатели вариантов движутся не от плохого к хорошему, а от одних решений художественной задачи к другим. Таким образом, Пидаль считает поэзией традиционной не ту законсервировавшуюся и более или менее безразличную поэзию, которая переходит из поколения в поколение изустным или даже письменным путем, а ту поэзию, которую каждое данное время, каждая определенная местность считает своей, вносит в нее все новые и новые поправки, создает все новые и новые варианты.

Признав зависимость романсов от эпических поэм (из которых сказители первоначально вылущивали отдельные эпизоды, могущие прийтись по вкусу слушателям) и,—как непосредственное следствие этого положения,— первородство романсов эпико-героического содержания, легко допустить мысль о том, что они-то и могли послужить моделью для сочинений лирическо-повествовательного или исторического содержания, то есть сочинений иного происхождения.

---

[1] Рамон Менендес Пидаль. Избранные произведения. М., ИЛ, 1961, с. 528—529.

Мысль о том, что первые романсы являются отпочковавшимися от поэм фрагментами, подтверждается и анализом метрики. Бросающееся в глаза противоречие между нерегулярностью стиха эпической поэмы и регулярностью романсного является, на самом деле, мнимым. Все дело в том, что романс отпочковался не от первозданных редакций поэм, а от более поздних, где нерегулярность метрики выправляется.

На основе разнообразных наблюдений исследователи испанских романсов предполагают, что именно романсы, посвященные эпическим героям от Бернардо дель Карпио до инфантов Лара, Фернандо Гонсалеса и Сида, являются старейшими. Тот факт, что только в случае с Сидом, величайшим национальным героем Испании, существует прямая эпическая традиция, никак не колеблет утверждения Пидаля. Существование поэм, посвященных другим эпическим героям, документировано прозаическими изложениями в старинных хрониках.

Достоверным представляется и то положение, что так называемые «летописные» (noticieros) романсы, то есть «пограничные» и «исторические», возникали сразу же или вскоре после реально происшедших событий (пограничные стычки с маврами, междоусобицы и т. д.). Трудно предположить, чтобы частные, в большинстве случаев, события могли взволновать слушателей по прошествии долгого времени. Несомненно, современными событиям являются романсы, связанные, например, с личностью короля Педро Жестокого (1350—1369). Сочинены они прямо по желанию графа Трастамарского, его противника. Известно также, что испанские короли посылали своих поэтов и придворных музыкантов сочинять романсы о гранадской войне.

В совокупности романсы эти являются как бы стихотворной хроникой, летописью, даже своеобразной газетой. По своему содержанию они могут быть сближены с романсами эпико-героическими. Формально же эпико-героическим романсам больше соответствуют романсы так называемого «каролингского» типа, то есть романсы о Карле Великом и его паладинах; они восходят к испанским или французским эпическим поэмам соответствующего содержания. Более поздние романсы каролингского цикла (XVI в.) могли питаться и другими источниками — новыми итальянскими или французскими сочинениями.

Наряду с группой романсов эпического или исторического содержания имеется группа романсов, быть может, менее компактная, но в художественном отношении не менее интересная, так называемых «новеллистических» и «лирических». По своему содержанию они находят соответствие в общей западноевропейской традиции. Складывались они в период бурного распространения романсов эпико-героических. Формальное влияние последних не подлежит сомнению. Поэтический мир этой группы романсов во многом совпадает с лирической песней и балладой (романс о доне Буэсо). Связь с аналогичными по духу германскими, скандинавскими и пьемонтскими сочинениями прослеживается легко. Они были хорошо известны испанцам. Посредниками являлись солдаты, купцы, паломники. Характерно, что романсы, принадлежащие именно к этой группе, имеют в целом наибольшее количество редакций. Источник,

точка отсчета терялись где-то в тумане стран и языков. Однако «запиренейское» происхождение многих мотивов не препятствовало тому, что разрабатывались они сугубо по-своему, по-испански. Таков, например, романс о юноше, оскорбившем прах, — романс, послуживший одним из источников для всемирно известной пьесы Тирсо де Молина «Севильский озорник» и давший начало галерее образов Дон Жуана в мировой литературе.

«Песнь о Сиде» («Poema de mio Cid») дошла до нас в списке 1307 года. Сочинена же она была около 1140 года, то есть более чем за полтора столетия до того, как некий Перо Аббат снял дошедшую до нас копию с доступного ему древнего текста. Список Аббата дефектен. В нем не хватает трех листов. Одного в начале и двух в середине. Более того, список был сделан с текста хотя и древнего, но, вероятно, не во всем идентичного оригиналу 1140 года. Об этом свидетельствуют содержащиеся в списке разного рода погрешности. Существенно для истории «Песни о Сиде» и то, что в XIV же веке появился еще один «Сид». Прозаическое переложение поэмы о нем было включено в «Хронику двадцати кастильских королей», и для своего переложения автор пользовался отличным от Перо Аббата текстом. В прозу вкраплены отдельные стихи, представляющие большой интерес для сравнения. Кроме того, благодаря «Хронике» стало возможным восстановить приблизительное содержание утерянных листов списка Аббата. О том, что список 1307 года вряд ли полностью соответствует изводному, говорит и разница — хотя не столь уже значительная — между списком Аббата и той редакцией «Песни», которой пользовался составитель «Первой всеобщей хроники» (конец XIII в.). Наличие трех редакций, а также ряда отрывочных свидетельств о «Песни» подтверждает «неотрадиционалистскую» теорию Менендеса Пидаля, о которой говорилось в связи с романсами. Другое дело, что из всего наличного материала пальма первенства принадлежит списку 1307 года. О нем и пойдет речь в дальнейшем.

Идейно-художественное единство «Песни о Сиде», отсутствие очевидных «вставок» и противоречий показывает, что автором ее был незаурядный поэт, никаких сведений о котором до нас, к сожалению, не дошло.

Топография поэмы и описываемые в ней события заставляют считать родиной «Песни о Сиде» юго-восточную часть Кастилии, район Мединасели, тогдашнего пограничного города. Симптоматичным является и то, что автор говорит скороговоркой или умалчивает вовсе о подвигах Сида за пределами этого края. Зато подробно повествует о его деяниях более частных, с точки зрения исторической, но связанных с местожительством автора. Под стать топографии выбор действующих лиц. В поэме, например, не упоминаются многие известные арабские деятели, связанные с историей Сида, зато непомерное значение придается тем лицам мусульманского лагеря, памяти о которых история не сохранила, но которые были хорошо известны автору, так сказать «на правах соседства». Доводы в пользу именно этой части Кастилии подкрепляются и некоторыми лингвистическими особенностями поэмы и тем, что в ту

пору пограничная эта полоса была особенно богата поэтическими сочинениями.

Некоторыми исследователями выдвигалось предположение, что автор был клириком и поэма родилась в стенах бенедиктинского монастыря. Однако весь «идеологический настрой» поэмы противоречит этому утверждению. Автор — несомненно профессиональный сказитель, хуглар, да к тому же еще явно демократических убеждений. Слишком уж видное место занимает в поэме мотив посрамления представителей высшей знати: инфантов де Каррион и графа Барселонского. По-видимому, не случайно снижает он и родовитость самого Сида, женатого, согласно истории, на родственнице короля Альфонса VI Химене Диас. А учитывая нескрываемую симпатию автора к простому рыцарству, вассалам Сида, включая тех, кто получил личное дворянство за воинские заслуги, следует согласиться с мнением профессора А. А. Смирнова, писавшего,что «поэт адресовался в первую очередь к демократически настроенным низам рыцарства, ущемленным высшей аристократией, а также к тем активным кругам горожан и состоятельного крестьянства, которые в своей патриотической борьбе за освобождение родины и объединение ее смыкались с названным мелким рыцарством»[1].

Одна из характерных особенностей поэмы — ее большая историческая точность. В описании событий, лиц, географических мест, обычаев и нравов автор бывает, как правило, достоверен. И прежде всего в тех частях поэмы, где речь идет о земле и людях, хорошо знакомых автору по местным преданиям. Внимательный историк может многое почерпнуть в поэме для выяснения обстоятельств пленения графа Барселонского или взаимоотношений Сида с могущественной семьей Бени-Гомесов. В ученых работах о «Сиде» приведено множество примеров безукоризненной точности автора, пусть даже в лапидарных описаниях леса Корпес, замка Атьенсы и других мест Старой Кастилии. Поэма рисует четкую картину бытовавших тогда межсословных отношений. Особого внимания заслуживает отношение незнатного рыцарства (к которому автор причисляет Сида) к монарху. Демократически настроенный автор-хуглар заставляет своего героя боготворить того самого монарха, который жестоко обидел его, отправив в изгнание, презрев воинские заслуги Сида. На первый взгляд тут есть если не психологическое противоречие, то во всяком случае известная недомолвка, немотивированность. Но следует считаться с тем, что в сидовские времена, кроме общих понятий чести, вассального долга и т.д., монарх рассматривался как некое уравнительное начало, посредник и арбитр в межсословных отношениях. В нем народ и мелкое рыцарство видели единственного защитника от притеснений титулованной и потомственной знати, крупных феодалов. Очень точно автор поэмы изображает внутрисемейные отношения. Понятия семьи, принадлежности к определенному дому, роду были тогда незыблемо крепкими. Оскорбление кого-нибудь из семейного клана было

---

[1] А. А. Смирнов. «Песнь о Сиде» как литературный памятник.— В кн.: «Песнь о Сиде». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, с. 220.

равнозначно оскорблению всего клана и требовало соответствующего отмщения. Так же крепки были понятия принадлежности к дому в смысле вассальной зависимости. Сеньор обязан был опекать не только своих слуг и вассалов, но и их жен, детей и родичей. Как король выдавал замуж дочерей своих вассалов, так и его вассалы пеклись о судьбе дочерей зависящих от них лиц.

Между простым рыцарством и знатью не было в те времена непреодолимых преград. Браки между представителями простого рыцарства и знати случались не так уж редко. В поэме дочери не родовитого Сида выходят замуж за графов Каррионских, представителей высшей знати, польстившихся на богатое приданое. Вокруг этого события завязывается трагический узел поэмы. Пример любопытный, но не только в смысле характеристики тогдашних обычаев. Во-первых, эпизод этот метко рисует отрицательное отношение к феодальной аристократии того демократического рыцарского сословия, для которого хуглар сочинял поэму. Во-вторых, в этом эпизоде проявляется одна художественно очень достоверная черточка в столь социально определенно заданном характере героя: найдя управу на инфантов, Сид прежде всего требует у опозоривших его зятьев вернуть полученные ими по случаю свадьбы богатые дары. Под пером автора Сид приобретает черты рыцаря-буржуа или рыцаря—богатого крестьянина: он практичен, рачителен в хозяйстве, любит счет, не без житейской хитрецы и хватки, домовит, в отношениях с Хименой нет и следа рыцарской куртуазности, скорее это счастливая крестьянская чета. Словом, по характеру своему он напоминает будущего Саламейского алькальда, а не героев классических рыцарских романов и поэм. Конечно, можно усомниться в том, что таким характером обладал Сид исторический. Но историческая и психологическая достоверность эпизода (кстати, можно сомневаться и в самом факте брака дочерей Сида с инфантами Каррионскими, ибо никаких подтверждений этому факту нет) заключается в достоверности отображения авторского самочувствия в самом широком смысле этого слова. Он сочинял поэму для своего времени и в значительной мере о своем времени. Понятия историзма в нынешнем смысле литература еще долго не знала. Другое дело — конкретные частности. Тут поэма может являться для историка незаменимым подспорьем, а иногда и просто единственным источником. В поэме о Сиде содержится множество подробностей, связанных, например, с ратным делом того времени: тактикой, вооружением, способами ведения боя, передвижением. Это касается как испанского лагеря, так и лагеря противника.

Поэма почти не дает примеров фантастики или даже просто явной литературной придумки. Никаких элементов сверхъестественного. Обычно, правда, ссылаются на явление святого Гавриила. Но счесть это за прославление «чуда» нельзя. Все происходит как-то деловито, по-бытовому, без патетики и экстаза. Тогда искренне верили и не в такие чудеса. Ссылаются на эпизод с сундуком, который Сид отдает в залог кредиторам-евреям, и на эпизод со львом. Кажется, однако, что если этого и не случалось в действительности с Сидом, то вполне могло бы случиться. В замках держали и львов и других зверей. Что же касается фальшивого залога, то мотив этот можно встретить и у других

авторов, включая Боккаччо. Сочинитель поэмы и тут остается в пределах бытового правдоподобия. Вымысел в «Сиде» вполне уравновешен с общей реалистической тональностью поэмы, чуждой какой бы то ни было выспренности. Ей свойственна трезвость оценок, мудрая человечность даже в изображении врагов, уверенность в торжестве правого дела — как его понимает автор: справедливость борьбы за отвоевание своих земель, вознаграждение добра и отмщение злу. Нет в ней ни религиозного фанатизма, ни ненависти к иноверцам.

В цитированной выше статье А. А. Смирнов справедливо указывает, что «средневековая Испания поры Реконкисты была мало похожа на сложившуюся о ней впоследствии «черную легенду». Очевидным подтверждением тому является «Песнь о Сиде». Место ее в духовной и литературной жизни Испании чрезвычайно значительно. Нет нужды в том, что, после успеха в момент ее появления, два последующих века она распространялась не в первозданном виде, а в переделках, что в XV веке она продолжала жизнь в романсной традиции, возникшей из этих переделок, что в XVII веке образы и герои ее перекочевали в драматургию. Подспудно она продолжала жить, питая своими чувствованиями и идеями все новые и новые поколения литераторов и читателей, ибо в ней, как ни в одном другом раннем произведении испанской литературы, отразились духовные черты испанского народа, столь верно схваченные ее безвестным автором.

Сама же поэма стала доступной читателю лишь в 1779 году, когда Томас Антонио Санчес издал случайно найденный им текст. Однако при господствовавших тогда вкусах поэма, как и вообще ранняя испанская литература, особого интереса не вызвала. Даже такой тонкий ценитель поэзии, как Кинтана, скептически замечал в 1807 году: «Наш хуглар (автор «Песни о Сиде».—*Н. Т.*) все же не настолько лишен дарования, чтобы хоть местами не проявить поэтичность». Единственным всерьез достойным эпизодом он считал сцену прощания Сида с Хименой (да и то, как истинный классицист, едва ли не по аналогии со сценой прощания Гектора с Андромахой).

Как и в случае с романсами, поэму поняли быстрее и лучше за пределами Испании. У романтиков она получила восторженный прием. Английский поэт Роберт Саути (через год после скептического отзыва Кинтаны) назвал ее лучшей поэмой на испанском языке. А еще через пять лет он сравнил «Песнь о Сиде» с самой «Илиадой». Тикнор, автор прекрасной для своего времени «Истории испанской литературы», пошел еще дальше. Он прямо утверждал, что: «... после крушения греко-римской цивилизации до появления «Божественной комедии» не было в поэтической литературе Европы произведения столь оригинального, столь богатого чувством, энергией и изобразительностью». В Германии высоко оценил поэму Фридрих Шлегель. Но еще существеннее для последующих представлений о «Сиде» оказался разбор поэмы, сделанный в 1831 году Фердинандом Вольфом, который указывал на безупречность самого плана поэмы, на слаженность всех ее частей, на удивительное правдоподобие изображения действительности, естественность, отсутствие надуманности, простоту и энергию. Появление в 1837 году «Песни о Роланде» отнюдь

не снизило интереса к «Сиду». Напротив, «конкуренция» даже подстегнула интерес. Именно с тех пор появилась тенденция к сравнительному анализу двух примечательнейших памятников, стоящих у начала испанской и французской литератур. Не обходилось без курьезов. Один, характерный,—обычное следствие чрезмерного увлечения предметом,—приводит Менендес Пидаль. В статье «Песнь о моем Сиде» он рассказывает, как Дамас Инар, известный французский испанист и переводчик, сравнивал авторов «Песни о Роланде» и «Песни о Сиде»: «Создатель «Роланда» был ученее автора «Сида», он знал классическую древность во всем объеме сведений своей эпохи и сложил свое произведение по превосходно задуманному плану; по единству и красоте композиции поэма может считаться предшественницей произведений французских классицистов XVII века. Но ее творцу не хватало одного великого для поэта качества — непосредственности ощущения жизни и дара, позволяющего такое ощущение выразить. География «Песни о Роланде» фантастична; ее персонажи часто вымышлены или просто чудовищны, как, например, язычники из Мицены с огромными головами, заросшие щетиной, как кабаны. Действия этих уродов также невероятны. Звук Роландова рога раздается на тридцать лиг; Турпен после четырех ранений копьем или Роланд с раскроенной головой и брызжущим из ушей мозгом действуют и сражаются как ни в чем не бывало. Армии в «Песни о Роланде» огромны, по 360 000 и 450 000 рыцарей. Пять французов побивают 4000 язычников. Та же неестественность и в манере изложения. Достаточно напомнить злоупотребление повторами: восемь всадников Марсилия сообщают каждый в отдельном куплете о своем желании убить Роланда; Оливье трижды просит Роланда протрубить в рог, и трижды Роланд отказывается; Карл Великий, найдя своего племянника мертвым, трижды обращается к нему, и трижды его речь прерывается обмороками. Подобные повторы довольно часты в «Роланде», и если они хороши в лирической поэме, то в повествовательной поэзии мешают свободному течению действия и только утомляют или рассеивают внимание читателя.

Автор «Сида», напротив, не желает похваляться своим воображением, он прибегает к его помощи только для того, чтобы воссоздать перед нашими глазами саму действительность, он не рисует перед нами картину Испании XI века, а переносит нас туда и делает свидетелями происходящего. Действующие лица обрисованы удачно найденными полутонами. Колорит и тон повествования легко подчиняются особому характеру каждого эпизода. Сравним хотя бы сцены с ростовщиками, с графом Барселонским, сцену в дубовом лесу Корпес и значительнейшую из всех сцену суда в Толедо, в которой никому не ведомый хуглар поднимается до уровня самого знаменитого повествователя нового времени Вальтера Скотта. Когда непосредственно сопоставляешь «Песнь о Сиде» и «Песнь о Роланде», нельзя не заявить, подобно древним судьям на турнирах, что победа присуждается испанскому поэту».

Курьез заключается в том, что другой критик поэм, бельгийский писатель Л. де Монж, придерживаясь воззрений на поэмы, прямо противоположных Инару, приходит к выводу, почти аналогичному. По Монжу, автор

«Роланда» — гениальный дикарь, преисполненный поражающего невежества; автор же «Сида»—«просвещенный ум, постигающий поверх реальности времени идеал более возвышенный, с редким умением и тактом добивающийся желанной цели. В «Роланде» поражает грубость обычаев, кровожадность, нетерпимость; в «Сиде» — человечность, сострадательность, доброта. Отсюда де Монж делает вывод: «Песнь о Сиде», быть может, менее величественна, чем «Песнь о Роланде», но имеет характер менее варварский, и в то же время более реальный, более живой, более человечный и более доступный пониманию людей всех времен»[1].

Приобщению испанской публики к «Сиду» много содействовала работа каталонского ученого Мила-и-Фонтаналься, о которой уже говорилось в связи с романсами. Он не только определил место поэмы в испанской эпической литературе, но и дал всесторонний анализ ее художественной системы; отметил стилистическое разнообразие в описании различных по характеру сцен, рельефность персонажей, гибкость и выразительность языка, пусть часто неправильного и грубоватого; ему удалось полнее, чем кому-либо из предшественников, показать неповторимую оригинальность поэмы, автор которой впервые в истории средневековой эпики сумел дать столь яркое изображение человека. С «Песнью о Сиде» человек вошел в испанскую литературу и навсегда остался главным ее предметом.

С тех пор как почти сто сорок лет тому назад была опубликована «Песнь о Роланде», научные споры о ней не прекращаются. До нас дошло несколько редакций поэмы (рифмованных и с ассонансами). Важнейшая из них — так называемый Оксфордский список середины XII века. Именно он почитался если не изводным текстом, то, во всяком случае, наиболее к нему близким.

Поводом для создания эпической поэмы послужили далекие события 778 года, когда Карл Великий вмешался в междоусобные распри мусульманской Испании, выступив по просьбе сторонников багдадского халифа против Абдеррахмана, решившего отложиться от Багдадского халифата и создать самостоятельную державу. Взяв несколько городов, Карл осадил Сарагосу, однако через несколько недель вынужден был снять осаду и вернуться за Пиренеи из-за осложнений в собственной империи. Баски при поддержке мавров напали в Ронсевальском ущелье на арьергард Карла и перебили отступающих франков. Среди других в этом бою погиб, по свидетельству Эгинхара, историографа Карла Великого («Vita Caroli», между 829—836 гг.), «Хруотланд, маркграф Бретани». Напавшие разбежались. Покарать их не удалось.

Сохранившиеся хроники того далекого времени долго замалчивали это событие. Впервые о нем сообщила хроника 829 года («Annales regios hasta 829»), то есть через пятьдесят лет после события. Совершенно очевидно, что

---

[1] Р. Менендес Пидаль. Избранные произведения. М., ИЛ, 1961, с. 187—188.

официальные летописцы никак не были заинтересованы в столь неприятных признаниях. Логично предположить, что в народной памяти рассказы об этом событии крепко удержались и игнорировать «глас народный» летописцы уже не могли. И ясно, что ходили не просто слухи, сбивчивые рассказы; печальная повесть о событии была, по-видимому, облечена в какую-то отточенную стихотворную форму. Факты показывают, что в те времена общей неграмотности, наряду с письменной историей, прерогативой официальных грамотеев, существовала «песенная история» (термин Пидаля), и эта «песенная история» иной раз оказывалась достовернее и могущественнее письменной.

Стало быть, событие, зафиксированное песенной историей и подтвержденное письменными сообщениями испанских летописцев и арабских историков, легло в основу «Песни о Роланде», дошедшей до нас в списке середины XII века, единоличное авторство которой сторонники индивидуалистической теории (и в первую очередь Ж. Бедье) приписывают некоему фантастическому Турольду, гениальному поэту. Бедье считает, что для рождения «Песни о Роланде» вовсе не нужны были века творческих усилий ряда поэтов-жонглеров. Поэма родилась в тот момент, когда гениальный Турольд выдумал конфликт Роланда и Оливье. Но, как показывают факты, этот конфликт был выдуман еще за век до Турольда.

«Индивидуалисты» отправлялись от того положения, что все свидетельства о легенде Роланда появились позднее Оксфордского списка. Стало быть, «Песнь о Роланде», подписанная Турольдом,— начало, она родилась как чисто поэтическая фикция, весьма далекая от исторической правды. Бедье прямо утверждал, что «Песнь о Роланде» могла и не существовать. Она существует только потому, что появился гениальный автор. Дух, пронизывающий «Песнь о Роланде», может быть, по мнению Бедье, объяснен только климатом крестовых походов, начиная с конца XI века. «Индивидуалисты» утверждают, что Роланд погиб от руки сарацин и это придумал Турольд, тогда как хроники приписывают его смерть баскам. Роланд действительно погиб от руки сарацин, но только это было зафиксировано неизмеримо раньше Турольда. Согласно Бедье, Карл Великий — воплощение защитника христиан, воплощение духа крестовых походов, останавливающий солнце, чтобы отомстить неверным за смерть лучшего своего апостола (по Бедье, двенадцать пэров Карла — это своеобразная поэтическая трансформация двенадцати апостолов Христа). Но и гипербола с солнцем, и двенадцать пэров появились задолго до Турольда.

Свою теорию возникновения «Песни о Роланде» Бедье облек в эффектную формулу: «В начале была дорога богомольцев...», то есть, по Бедье, толчок к появлению поэмы дали клирики, сочинявшие всевозможные легенды, связанные с хранящимися у них реликвиями, гробницами и т. д. В легендах, повествующих о гробнице Роланда, в одном из таких центров, где останавливались пилигримы, и почерпнул вдохновение Турольд. Другой последователь индивидуализма (Пофиле) подправил формулу Бедье, сделал ее категоричнее: «В начале был поэт...»

Менендес Пидаль [1], разобрав подробнейшим образом аргументацию как «индивидуалистов», так и более умеренных и историчных Г. Париса и Пио Райна, пришел к выводу:

«Песнь о Роланде» появилась не потому, что поэтам XI века пришло на ум писать новеллы исторического содержания (Ж. Бедье); не потому, что хуглары X века стали обрабатывать лирические кантилены, складывая из них эпические поэмы (Г. Парис); не потому, что почти современный событиям поэт опирается на короткую традицию какого-то поэтического вымысла и сам домысливает ее со свободой Ариосто (П. Райна).

Менендес Пидаль считает, что эпическая поэма рождается как современное и правдивое повествование о событиях (без всякой новеллистической традиции), претерпевает с течением времени последовательные переделки, причем каждая переделка утрачивает что-то из изначальной правды. «Эпопея,— пишет Пидаль в указанной выше книге,— не есть поэма чисто исторического содержания, но прежде всего поэма, выполняющая высокую культурно-политическую миссию истории; в этом смысле эпопея является поэмой историографической...» В противовес Бедье и Пофиле, он выдвигает свою формулу: «В начале была история...» Ссылаясь на пример испанского эпоса (единственного возможного пункта сравнения с французским эпосом), он категорически отвергает формулу Бедье, подразумевающую монастырско-церковное (позднее и литературное) происхождение «Песни о Роланде», да и вообще героического эпоса. «В начале была история... и история была песней светского поэта, история живая для всех тех, кто, не зная грамоты и латинского языка, не мог знать письменной прозаической истории, сухой и мертвой в латинских изображениях клириков» [2].

Испанский эпос родственен французскому, и проблематика его, как считает Менендес Пидаль, общая с французским. К примеру романсов для выяснения многих сторон песенного фольклора Франции обращались со времен Фориэля, Мила-и-Фontанальса, Пио Райна. Пора, говорит Пидаль, учесть и опыт испанского эпоса, предшественника романсов.

«Во всех испанских эпических сочинениях поэтическая фикция настолько сочетается с правдой, что со всей очевидностью дает ощутить трепещущую реальность происшедших событий, в то время как древнейшие из дошедших до нас французских поэм являются редакциями, очень удаленными от изначальных, сильно переделанными и украшенными (novelizados)» [3].

Жизнь романсов, пришедших на смену эпосу, вскрывает механизм жизни эпоса в предшествующие века. Любопытно, что тема Роланда в испанских романсах оказалась устойчивее, чем во Франции. Романс про донью Альду, возлюбленную супругу Роланда, еще и до сих пор бытует в испанских поселениях на Греческом архипелаге и в Северной Африке.

---

[1] Ramón Menéndez Pidal. La chanson de Roland. Espasa-Calpe, S. A. Madrid, 1959.

[2] Цит. соч., с. 429—430.

[3] Там же, с. 430—431.

На древность французского эпоса (вопреки всем сторонникам индивидуалистической теории) указывает архаичность строфики и метрики: варьируемое количество стихов в строфе и неравносложность стиха. Данные эти показывают, что эпический жанр относится еще к периоду становления романских языков, то есть к тому времени, когда история и поэзия были еще одним и тем же, когда не было особой разницы между сословиями образованными и необразованными, когда люди вдохновлялись общим национальным делом, когда существовала потребность в знании и сохранении фактов действительности и прошлого, а письменности не было, когда народ с помощью стиха и песни удерживал памятные события. Это и была «песенная история».

Конечно, удаленность Оксфордской редакции от изводного текста сильно затрудняет чтение «Песни о Роланде». Когда сторонники «традиционализма» боролись с идеями Бедье, то они, как кажется, вовсе не отрицали отдельных и очень тонких наблюдений Бедье над проникновением в поэму помыслов и духа конца XI — начала XII века. Они отрицали главные и конечные выводы Бедье. Но, с другой стороны, даже и поздняя редакция поэмы передает настроения ее зачинателей. Идея борьбы с магометанством восходит, конечно, ко временам, близким реальным событиям, которые легли в основу поэмы. Выведенные в ней паладины Карла Великого при всей гиперболизации (характерной в той или иной степени для всякого народного эпоса) все же мало похожи на героев крестовых походов. Идея борьбы с неверными не принимает в поэме догматического характера. Пожалуй, наиболее очевидным свидетельством влияния идеологии крестовых походов является пространный эпизод с Балиганом — торжество креста над полумесяцем. Но сам эпизод — явно позднейшая вставка, противоречащая общему плану и стилистике поэмы. Наличие его — скорее аргумент против теории индивидуалистов.

Позднейшей вставкой (лет за сто до Оксфордского списка) признается и эпизод с Оливье (безудержная отвага Роланда — благоразумие Оливье, ставшее вскорости одним из пунктов рыцарского кодекса). Однако появление в поэме Оливье, как, впрочем, и красавицы Альды, внесло отсутствовавшую в более старых редакциях лирическую струю. По мнению Менендеса Пидаля, Оливье и Альду внесла одна и та же рука (где-то около 1000 года).

Но вот все связанное с личностью самого Роланда, его отвагой, непоколебимой верностью и любовью к Франции, все связанное с осуждением своекорыстия отдельных крупных феодалов (Ганелон) — все это, по-видимому, с некоторыми частными потерями и приобретениями, идет еще от первоначального текста. Роланд — идеальный рыцарь, патриот и правдолюбец, герой, заданный народным воображением. Отсюда его чрезвычайная популярность, отсюда устойчивость изначальных характеристик. Удивительна, кстати, сопротивляемость материала. Поэт, который так счастливо (по намерению) ввел в поэму Альду, так и не смог реализовать свой замысел. Для этого потребовалось бы изменить характер Роланда, придать ему несвойственную чувствительность. Умирая, он думает только о выполненном долге и перечисляет

товарищей по оружию. Любимую свою он даже не вспоминает. Иначе произошло бы нарушение цельности того Роланда, к которому слушатель, видно, уже привык и которого полюбил. Сказители, создавшие новые редакции, очень чутко улавливали вкусы и пристрастия своей аудитории.

Первоначальная редакция поэмы была, по всей вероятности, сдержаннее, суше, информативнее, с течением времени она обрастала новыми подробностями и деталями, идущими уже не от событий, а от поэтического воображения, вкусов и духа времени авторов последующих редакций.

Согласно распространенной еще с XIII века классификации, французские героические сказания подразделяют по тематическому признаку на три цикла: поэмы о короле Франции (величайшей из которых является «Песнь о Роланде»), поэмы о Гарене де Монглане и поэмы о Дооне де Майанс.

Помещенные в томе сказания «Коронование Людовика» и «Нимская телега» входят в цикл Гарена де Монглана, который вернее было бы назвать по имени главного героя цикла Гильома д'Оранжа. Цикл объединяет несколько поэм, воспевающих доблесть мужественного рыцаря Гильома д'Оранжа, который вынужден служить слабому и неблагодарному королю Людовику. Замечательным качеством Гильома и других представителей его рода является то, что все свои владения они приобрели только силой собственной руки, а не монаршими милостями. Поэмы «Коронование Людовика», «Взятие Оранжа», «Подвиги Гильома», «Алисканс», «Нимская телега» и другие образуют как бы «биографический» цикл о Гильоме. Следует, однако, иметь в виду, что «биографический» порядок поэм не всегда соответствует хронологии их создания (XII—XIV вв.). Гильом — лицо историческое. Он жил при Карле Великом, который сделал барона Гильома (790 г.) графом Тулузским и наставником своего сына Людовика. Умер он в 812 году монахом в монастыре Желлоны. В поэмах отразились не столько факты, сколько общие печальные настроения современников и создателей поэм. Правление бездарного и слабого Людовика Благочестивого вошло в историю Франции как время усиления феодальных междоусобиц. Сочинители поэм противопоставляют честного, неподкупного Гильома хищникам феодалам, готовым разодрать Францию на куски. Гильом становится чуть ли не единственной опорой ничтожного короля, которого, однако, он оберегает от врагов, видя в нем защитника, хоть и немощного, общих интересов.

Если согласиться с Дамасом Инаром, видевшим в «Песни о Роланде» как бы предварение театра французского классицизма XVII века (в «Сиде» Менендес Пидаль усматривал предварение испанского национального театра Золотого века), то поэмы о Гильоме предваряют другую струю французской литературы, скорее бурлескно-прозаическую. Сам облик Гильома, здоровяка, любящего застолье, не гнушающегося орудовать колом вместо меча, чем-то сродни персонажам Рабле и его последователей.

«Коронование Людовика» как бы открывает цикл сказаний о Гильоме

д'Оранж. В ней возникает облик совершенного вассала, бескорыстно служащего своему сюзерену и своей родине. Сюжет поэмы вращается вокруг обстоятельств, связанных с восшествием на престол пятнадцатилетнего Людовика. Гильом расстраивает козни своевольных феодалов, своей рукой карает изменников, побеждает врагов Франции, коронует в Риме Людовика императором и, в апофеозе, женит его на своей сестре. Главная тема поэмы — поддержание целостности страны.

В «Нимской телеге» возникает тема монаршей неблагодарности. В ней повествуется о том, как Людовик награждает своих вассалов наделами. Забыт только Гильом. Гильом упрекает короля. Тот, пытаясь задобрить разгневанного вассала, предлагает ему четверть Франции. Гильом отказывается и требует города Ним и Оранж, находящиеся под властью сарацин. Он-де освободит эти города от неверных, освободит страдающих под их игом христиан. Король соглашается. Гильом собирает дружину и выступает в поход. Неприступный Ним он берет хитростью: переодевшись торговцем, он ввозит в Ним огромную бочку, в которую спрятаны его воины. Ночью они выходят из бочки и открывают городские ворота. Отдельные эпизоды поэмы написаны очень живо, с лукавым юмором. Если собрать поэмы о Гильоме воедино, то получится пространный стихотворный роман со сквозным героем. Поэмы о Гильоме, не сравнимые по своему значению с «Песней о Роланде», интересны тем не менее и как литературный памятник, и как поэтическое свидетельство о времени.

«Песнь о Роланде» и «Песнь о Сиде» называют «величественными вратами» в литературы Франции и Испании. Эпические поэмы и романсы, некоторые образцы которых читатель найдет в книге, свидетельствуют о том, что врата эти не стояли в чистом поле. Бурно зачиналась могучая многообразная литература.

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

ПЕРЕВОД СО СТАРОФРАНЦУЗСКОГО
Ю. КОРНЕЕВА

I

Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял,
Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни.
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлена славит,
Но не уйдет он от господней кары.
Аой!

II

Однажды в зной Марсилий Сарагосский
Пошел искать прохлады в сад плодовый
И там прилег на мраморное ложе.
Вкруг — мавры: тысяч двадцать их и больше.
Он герцогам своим и графам молвит:
«Узнайте, господа, о нашем горе:
Карл-император нам грозит разгромом.
Пришел из милой Франции он с войском.
А у меня нет силы для отпора,
И не хватает мне людей для боя.
Совет подайте, мудрые вельможи,
Как избежать мне смерти и позора».
В ответ ему язычники — ни слова.
Не промолчал лишь Бланкандрен Вальфондский.

III

Блистал меж мавров Бланкандрен умом,
На поле битвы был боец лихой,
Советом рад сеньеру был помочь.
Он говорит: «Оставьте страх пустой.
Отправьте к Карлу-гордецу послов,
Клянитесь другом быть ему по гроб.
Пошлите в дар ему медведей, львов,
Псов, соколов линялых десять сот,
Верблюдов, мулов с золотой казной,
Что не свезут и пятьдесят возов.
Наемникам пускай заплатит он.
Довольно нас он разорял войной,
Пора ему вернуться в Ахен вновь.
Скажите, что в Михайлов день святой
Там примете и вы завет Христов
И Карлу честным станете слугой.
Захочет он заложников — пошлем.
Хоть двадцать их отправим в стан его.
Не пожалеем собственных сынов,
Пошлю я первый на смерть своего.
Уж лучше там им положить живот,
Чем нам утратить славу, земли, кров
И побираться с нищенской сумой».
Аой!
46-а [Язычники в ответ: «Совет хорош».]

IV

Воскликнул Бланкандрен: «Моей десницей
И бородой, что мне на грудь спустилась,
Я вам клянусь, французы лагерь снимут,
Во Францию уйдут, в свой край родимый,
И разбредутся по родным жилищам.
Карл в Ахен, град свой стольный, возвратится,
Дождется дня святого Михаила,
Отпразднует его, но сроки минут,
А он о нас словечка не услышит.
Горяч и в гневе лют король спесивый,
С плеч голову заложникам он снимет.

Но лучше уж им головы лишиться,
Чем потерять нам край испанский милый
Да горе мыкать, как бездомным нищим».
Язычники в ответ: «Он прав, как видно».

V

Совет Марсилий распустил тогда.
К нему Кларен из Балагета зван,
Эстрамарен и Эдропен спешат,
И Приамон, и бородач Гарлан,
С Магеем-дядей Машине-смельчак,
Мальбьен Заморский, Жоюнье-силач
И Бланкандрен, что мастер речь держать.
Марсилий всем злодеям так сказал:
«Отправьтесь к Карлу спешно, господа.
Он осаждает Кóрдову сейчас.
Несите ветвь масличную в руках —
Смирения и дружелюбья знак.
Коль с королем вы примирите нас,
Я серебра и золота вам дам,
Земель, феодов, всякого добра».
Они в ответ: «Заслужим, государь».
Аой!

VI

Тогда совет Марсилий распустил,
Сказал вассалам: «Доброго пути!
Пора вам наломать ветвей с олив
И ехать Карла-короля просить,
Чтоб нас он бога ради пощадил.
Не минет месяц, как вослед за ним
Явлюсь я с тысячью людей моих.
Пусть Карл велит их и меня крестить,
И буду я ему слугой всю жизнь.
А коль нужны заложники — дадим».
Воскликнул Бланкандрен: «То нам с руки!»
Аой!

VII

Велит привесть Марсилий мулов белых:
Король Сватильский в дар прислал их десять.
На каждом золоченая уздечка.
Послы в серебряные седла сели
И в руки взяли по масличной ветви.
Злодеи к королю французов едут.
Ему от козней их не уберечься.
Аой!

VIII

Карл император радостен и горд:
Взял Ко́рдову он штурмом, башни снес,
Баллистами своими стены смел,
Рать оделил добычею большой —
Оружьем, золотом и серебром.
Язычников там нет ни одного:
Кто не убит в бою, тот окрещен.
Сидит в саду плодовом наш король.
При нем Роланд и Оливье-барон,
Спесивец Ансеис, и дук Самсон,
И Жоффруа, Анжу его феод,
В сраженьях знамя Карла он несет,
Жерен, Жерье, бойцов отборных сонм —
Всего пятнадцать тысяч храбрецов.
Одни расселись на шелках ковров,
Другие в зернь играют за столом;
Кто стар — склонен над шахматной доской;
Кто юн — потешным боем увлечен.
Там, где цветет шиповник, под сосной,
Поставлен золотой чеканный трон.
Карл, Франции король, сидит на нем.
Седоволос он и седобород,
Прекрасен станом, величав лицом.
Издалека узнать его легко.
Сошли с коней послы, узрев его,
Как должно, отдают ему поклон.

IX

Вот первым Бланкандрен заговорил.
Он молвит Карлу: «Пусть вас бог хранит,
Преславный бог, кого должны мы чтить!

Король Марсилий вам сказать велит:
Он понял, что закон ваш благ и чист,
И предлагает вам дары свои —
Верблюдов, львов, медведей, псов борзых
Да десять сот линялых ловчих птиц.
Пришлет на мулах столько он казны,
Что в пятьдесят возов не уместить.
У вас довольно будет золотых,
Чтоб заплатить наемникам своим.
Немало лет у нас вы провели.
Пора уже вам в Ахен ваш уйти.
Вослед туда придет мой господин».
Воздел наш император руки ввысь,
Чело в раздумье долу опустил.
Аой!

X

В раздумье Карл не поднимал чела
И долго, в землю взор вперив, молчал:
Ответ любил он взвесить не спеша.
Потом сурово глянул на посла
И так промолвил: «Речь твоя красна,
Но ваш Марсилий — мой заклятый враг.
Какую можешь ты поруку дать,
Что не солгали мне твои уста?»
«Заложников дадим,— ответил мавр.—
Найдем вам хоть десяток их, хоть два.
Их к вам отправят первые меж нас.
Пошлю и сам я сына хоть на казнь.
Вернитесь в Ахен, в свой дворец, назад.
Король мой в день спасенья на водах,
В Михайлов день, к вам явится туда
И в ваших богом созданных ключах
Воспримет, как сказал, закон Христа».
«Дай бог ему спастись!» — воскликнул Карл.
Аой!

XI

Прекрасен день, закат огнем горит.
В конюшню белых мулов отвели.
Карл приказал в саду шатер разбить,
Десятерых послов в нем поместил,

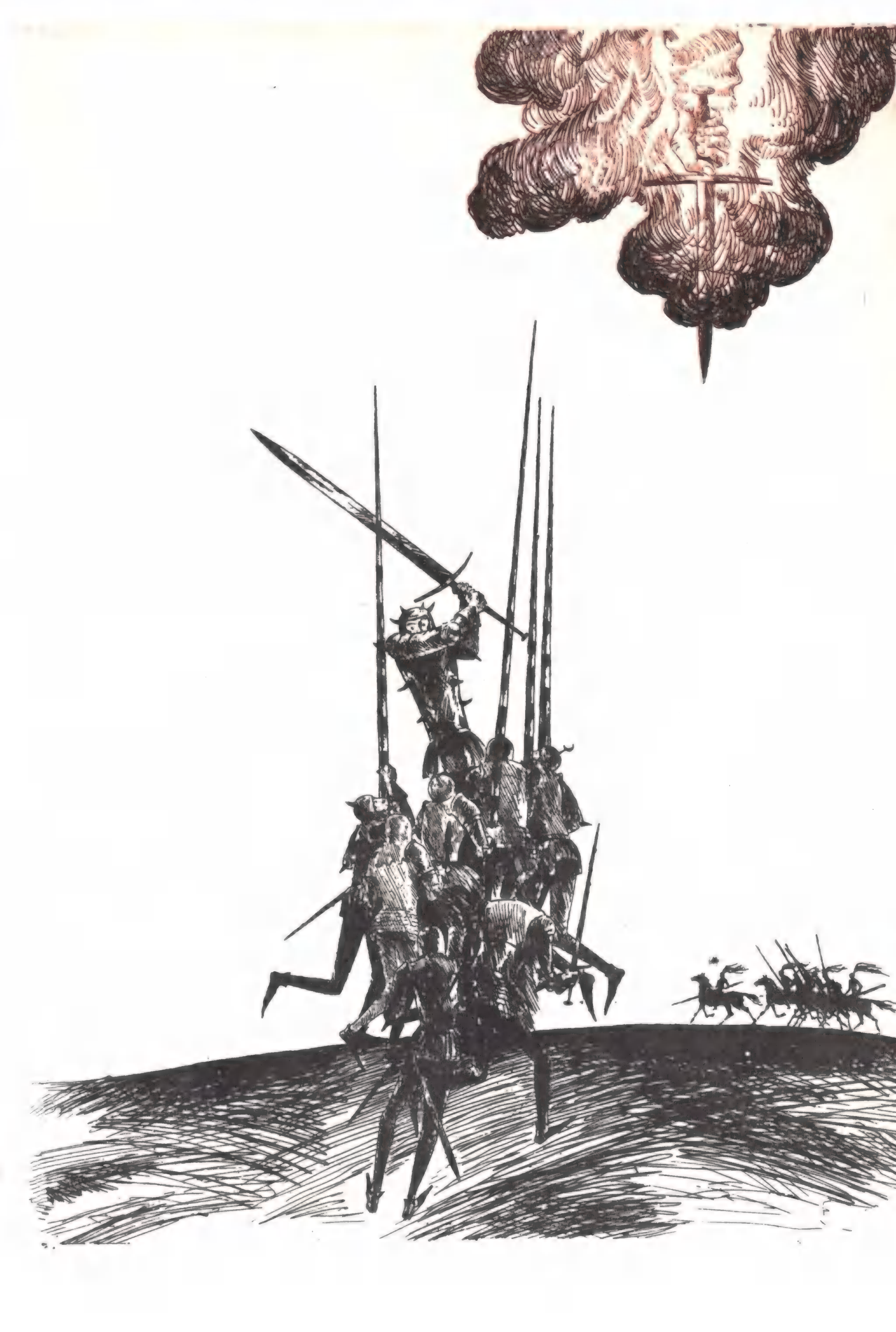
Двенадцать добрых слуг приставил к ним.
Проспали там посланцы до зари.
Встал Карл с рассветом, в церковь поспешил,
Все утро у святой обедни был,
Потом в саду сел под сосной в тени
И звать баронов на совет велит:
Он не привык вершить дела без них.
Аой!

XII

Карл-император под сосной воссел.
Сошлись к нему бароны на совет:
Турпен-архиепископ, дук Ожье,
С племянником Анри Ришар, что сед,
Граф Аселен, гасконский удалец,
Жерен, Тибо из Реймса и Жерье.
Пришел с Тибо Милон, его кузен,
И граф Роланд явился им вослед.
С ним знатный и отважный Оливье.
За тысячу собралось человек.
Пришел и Ганелон, предавший всех.
Совет тот стал причиной многих бед.
Аой!

XIII

Промолвил император Карл: «Бароны,
Прислал послов Марсилий Сарагосский.
Он мне сулит даров богатых много —
Верблюдов и медведей, львов и гончих,
Да соколов линялых десять сотен,
Да золотой казны на мулах столько,
Чтоб ею пятьдесят возов наполнить.
Взамен он просит, чтоб домой ушел я.
Прибыть клянется в Ахен вслед за мною.
Он примет там крещение святое
И в лен от нас свой край получит снова.
Но, может быть, он обмануть нас хочет».
Французы молвят: «Будем осторожны».
Аой!

«Песнь о Роланде»

XIV

Король умолк: он все сказал совету.
Но не одобрил граф Роланд той речи,
Поднялся с места. Карлу стал перечить.
Он говорит: «Марсилию не верьте.
Семь лет воюем мы в испанских землях.
Коммибль и Нопль добыл я вам в сраженьях,
Завоевал и Пину и Вальтерну,
Взял Балагет, Севилью и Туделу.
Марсилий же и раньше был изменник.
Прислал он к вам пятнадцать мавров прежде.
Из них нес каждый по масличной ветви.
Вели они пред вами речи те же,
Просили так же вы у нас совета,
И мы, глупцы, поверили их лести.
Послали вы двух ваших графов смелых,
Базана и Базилия, к неверным.
Марсилий их в Альтилье казни предал.
Как встарь, арабов без пощады бейте,
Ведите рать на Сарагосу-крепость,
Под нею стойте хоть до самой смерти,
Но отомстите за послов злодею».
Аой!

XV

Карл-император головой поник,
Мнет бороду и теребит усы,
Племяннику ответить не спешит.
Не промолчал лишь Ганелон один,
Поднялся с места, на ноги вскочил
И королю бесстрашно говорит:
«Поверьте не Роланду — он кичлив,
Не мне, не прочим, а ушам своим.
Желает заключить Марсилий мир,
Вам руки в руки, как вассал, вложить,
И в лен у вас Испанию просить,
И в нашу с вами веру перейти.
Кто вас к отказу пробует склонить,
Тот ни во что не ставит нашу жизнь.
Не слушайте вы тех, кто горделив.
Лишь мудрость вами пусть руководит».
Аой!

XVI

Встает Немон, он седовлас и стар,
Но самый славный при дворе вассал.
Он молвит королю: «Разумен граф.
Благой совет он подал вам сейчас.
Не надо просьбу мавра отвергать.
Войну король Марсилий проиграл.
Его твердыни вы сожгли дотла,
Баллисты ваши их смели во прах.
Он потерял и рать и города.
Пощады просит ныне он у вас,
И вам ему грешно ее не дать.
[Должны вы отрядить к нему посла.]
Коль он готов заложников прислать,
Великую войну кончать пора».
Французы восклицают: «Герцог прав!»
Аой!

XVII

«Прошу, бароны, дайте мне совет,
Кого послать к Марсилию теперь».
Сказал Немон: «Дозвольте ехать мне.
Прошу у вас перчатку я и жезл».
Король в ответ: «Вы здесь умнее всех.
Клянусь седою бородой моей,
Вас ни за что не отпущу в отъезд.
Пока вас не зовут, извольте сесть».

XVIII

«Бароны, я от вас совета жду,
Кого послать к Марсилию могу».
Роланд промолвил: «Я отправлюсь в путь».
Граф Оливье в ответ: «Не быть тому.
Надменны вы, ваш нрав не в меру крут.
Вы ссору там затеете, страшусь.
Коль королю угодно, я пойду».
«Молчите оба! — крикнул Карл ему.—
Ни одного из вас не отпущу.

Усами вам и бородой клянусь,
Посла из пэров я не изберу».
Французы стихли и молчат вокруг.

XIX

Тогда Турпен из Реймса с места встал.
Он говорит: «Нельзя баронов слать.
Семь лет они воюют этот край —
Хлебнули горя и лишений всласть.
Жезл и перчатку мне прошу вас дать.
Я ваш ответ доставлю мавру сам
Да погляжу, каков наш враг с лица».
Король прикрикнул на него в сердцах:
«Сесть на ковер приказываю вам.
Извольте, коль я не спросил, молчать».
Аой!

XX

Сказал король: «Отважные бароны,
Меж вами укажите мне такого,
Кто быть послом к Марсилию достоин».
Роланд ответил: «Ганелон, мой отчим».
Французы молвят: «Он на это годен.
Посла меж нас вы лучше не найдете».
Тут стало страшно графу Ганелону.
Он плащ, подбитый горностаем, сбросил,
Остался только в шелковом камзоле.
Лицом он горд, сверкают ярко очи,
Широкий в бедрах стан на диво строен.
Граф так хорош, что пэры глаз не сводят.
Роланду молвит он: «Безумец злобный,
Известно всем и так, что я — твой отчим.
Из-за тебя к Марсилию я послан,
Но коль вернуться мне господь поможет,
Тебе за все воздам я так жестоко,
Что будешь ты меня до смерти помнить».
Роланд в ответ: «С ума свела вас гордость:
Все знают, что не страшны мне угрозы.
Кто всех мудрей, тот быть послом и должен.
Но я вас заменю, коль Карл позволит».
Аой!

XXI

«Мне,— молвил Ганелон,— ты не замена:
Тебе я не сеньер, а ты не ленник.
Мне отдал император повеленье,
В град Сарагосу к маврам я поеду,
Наделаю безумств я у неверных,
Чтоб отвести хотя б немного сердце».
Роланд услышал, закатился смехом.
Аой!

XXII

Роландов смех услышал Ганелон.
От злобы сердце у него зашлось.
Едва без чувств не пал на землю он.
И молвит графу: «Знай, я недруг твой:
Ты виноват, что избран я послом.
Я — перед вами, праведный король,
Исполнить вашу волю я готов».
[Карл говорит: «Сердиться вам грешно».]
Аой!

XXIII

«Я вижу, к маврам надо ехать мне.
Кто послан к ним, тому возврата нет.
Король, на вашей я женат сестре.
Красавец сын у нас родился с ней.
То — Балдуин, он будет удалец.
Я вас прошу ему отдать мой лен,
А мне уж сына не видать вовек».
«Не в меру нежны вы,— король в ответ.—
Пора вам ехать, раз я повелел».
Аой!

XXIV

Король сказал: «Приблизьтесь, Ганелон,
Чтоб жезл с перчаткой вам вручить я мог.
Вы слышали, избрали вас послом».

Граф говорит: «Роланд всему виной.
Он будет ненавистен мне по гроб,
Я враг и Оливье, с кем дружит он,
И пэрам вашим, любящим его.
Бросаю им при вас я вызов свой».
Король в ответ: «Умерьте вашу злость.
Пойдете вы, раз приказал король».
«На смерть пойду я, как Базан пошел
И с ним Базилий, брат его родной».
Аой!

XXV

Король снимает правую перчатку.
Но скрыться рад бы Ганелон подальше.
Перчатку он берет, роняет наземь.
Все молвят: «Что же будет, о создатель?
Посольство это нам сулит несчастье».
«Увидим»,— Ганелон им отвечает.

XXVI

«Дозвольте ехать,— молвил Ганелон.—
Пора мне в путь, как требует мой долг».
Король ответил: «С вами я и бог».
Затем посланца осенил крестом,
Жезл протянул ему, вручил письмо.

XXVII

Граф Ганелон ушел в шатер к себе,
Весь воинский припас пересмотрел,
Облекся в наилучший свой доспех,
Златые шпоры на ноги надел,
К бедру привесил добрый меч Морглес,
Сел на Ташбрюна-скакуна затем,
А стремя подал дядя Гюннемер.
Вкруг рыцари стоят в слезах, в тоске.
Все молвят: «Граф, послали вас на смерть.
Давно вы состоите при дворе.
Считают вас бароном славным здесь.

Того, кто вас послом избрать посмел,
Сам Карл не защитит, не минет месть.
Вас граф Роланд был должен поберечь:
Ведь родом вы столь знатный человек.
Мы все поедем, граф, за вами вслед».
«Бог упаси! — им Ганелон в ответ.—
Погибнуть лучше одному, чем всем.
Как будете опять в родной стране,
Вас кланяться прошу жене моей;
И Пинабелю: он мой друг и пэр;
И Балдуину: я ему отец.
Он ваш сеньер, его покинуть — грех».
И поскакал дорогою своей.
Аой!

XXVIII

Вот граф в тени олив высоких скачет.
С ним рядом сарацинские посланцы:
Нарочно Бланкандрен позадержался.
Беседу мавр заводит ловко с графом
И говорит ему: «Дивлюсь я Карлу.
Апулию с Калабрией он занял,
Смирил он за соленым морем англов,
Петру святому дань платить заставил.
Но для чего пришел он в земли наши?»
Ответил граф: «Так, видно, он желает.
С ним не под силу никому тягаться».
Аой!

XXIX

Араб сказал: «Французы благородны,
Лишь те из вас, вельмож французских, злобны,
Кто Карла подстрекает на раздоры,
Зря и его, и весь народ тревожит».
Граф отвечает: «Нет у нас подобных.
Один Роланд себе позора хочет.
Скрывался раз король в тени от зноя.
Его племянник в панцире подходит.
Он только что разграбил Каркасону.
Румяный яблок Карлу он подносит.

«Вот так же, государь,— он дяде молвит,—
Я поднесу вам разом все короны».
Укоротить ему пора бы норов.
Он каждый день рискует головою.
Убить его — и прекратятся войны».
Аой!

XXX

«Жесток Роланд! — воскликнул сарацин.—
Ужель он хочет всех поработить
И страны все завоевать решил?
Где рать ему для этого найти?»
Ответил Ганелон: «Французы с ним.
Они ему верны, и он им мил.
Он не жалеет золота для них.
Им брони, мулов, шелк, коней дарит.
Готов он сделать все, что Карл велит,—
Хоть до Востока покорить весь мир».
Аой!

XXXI

Так ехали араб и Ганелон,
Пока не поклялись друг другу в том,
Что им Роланд заплатит головой.
Вот в Сарагосу прискакал посол.
Сошел с коня у тиса, пред дворцом.
Стоит там под сосной, в тени, престол.
Парчой александрийской устлан он.
Сидит король Испании на нем.
Арабов двадцать тысяч вкруг него.
Но слова вслух не вымолвит никто:
Всем новости услышать невтерпеж.
Тут входят Бланкандрен и Ганелон.

XXXII

Вот Бланкандрен к престолу подступил,
С послом перед Марсилием стоит
И молвит: «Пусть вас Магомет хранит
И Аполлен, которого мы чтим.

Я вашу волю Карлу изложил,
Но лишь воздел в ответ он руки ввысь
И бога восхвалил от всей души.
К вам этот граф французский послан им.
Он знатен и у короля в чести.
Пусть скажет, что привез,— войну иль мир».
Послу Марсилий молвил: «Говори».
Аой!

XXXIII

Ответ успел обдумать Ганелон
И речь повел, как человек с умом:
Не в первый раз он был уже послом.
Он говорит: «Пусть вас хранит господь,
Преславный, чтимый всеми нами бог.
Вам объявляет Карл, владыка мой:
Коль примете святой закон Христов,
Даст в лен вам пол-Испании король.
А коль не согласитесь вы на то,
Схватить вас и связать прикажет он.
Вас в стольный Ахен увезут потом.
Там вынесут вам правый приговор.
Там ждут вас суд, и гибель, и позор».
Пришел король арабский в гнев большой,
Дрот златоперый над послом занес,
Но удержал его синклит вельмож.
Аой!

XXXIV

В лице Марсилий изменился разом.
Он потрясает дротом над посланцем.
Граф это видит, меч рукой хватает.
Его из ножен вынул на два пальца
И говорит: «Ты светел и прекрасен.
Пока тобой, мой меч, я препоясан,
Наш император про меня не скажет,
Что смерть один я принял в чуждом крае:
Со мной погибнут лучшие из мавров».
Кричат арабы: «Развести их надо».

XXXV

Синклит вельмож Марсилия унял.
Король арабский сел на трон опять.
И альгалиф воскликнул: «Так нельзя!
Дрот на посла заносите вы зря.
Вы не грозить должны ему, а внять».
Промолвил граф: «Стерплю обиду я,
Но не заставит замолчать меня
Все золото, что в ваших есть краях,
Все, чем богаты суша и моря.
То, что услышал я от короля,
Его врагу скажу я, не чинясь».
На землю шубу сбросил граф с себя,
На ней парчою крыты соболя,
И Бланкандрен спешит ее поднять.
Лишь меч посол не разрешает взять,—
Рукою правой сжал он рукоять.
«Вот смелый рыцарь!» — мавры говорят.
Аой!

XXXVI

К Марсилию подходит Ганелон
И молвит: «Зря вас обуяла злость.
Велит сказать вам Франции король,
Чтоб обратились вы в закон Христов.
В лен даст вам полстраны испанской он,
А полстраны Роланд себе возьмет.
Ваш соправитель будет крут и горд.
А коль вам не по нраву мир такой,
На Сарагосу Карл пойдет в поход,
Прикажет вас схватить, связать силком
И в стольный Ахен увезет с собой.
Вас не посадят в доброе седло,
Не повезут вас мул, лошак иль конь —
На кляче вы поедете верхом,
А в Ахене проститесь с головой.
Вот что вам пишет император мой».
Сказал — и мавру протянул письмо.

XXXVII

Король Марсилий яростью охвачен,
Печать ломает, воск бросает наземь.
Письмо прочел он, говорит арабам:
«Мне пишет Карл, французский император,
Свои обиды он припоминает.
Базилия убил я и Базана,
В горах Альтильских я их предал казни.
Велит он, коль хочу в живых остаться,
К нему отправить альгалифа-дядю,
Не то я Карлу ненавистен стану».
Тут королевич голос возвышает,
Отцу он молвит: «Нас срамит посланец.
Пусть он за это жизнью нам заплатит.
Проститься с нею я его заставлю».
Граф это слышит, меч свой обнажает,
Встал под сосну, к стволу спиной прижался.

XXXVIII

Марсилий встал, пошел в плодовый сад.
Знатнейшие из мавров вслед спешат.
Принц Журфалей пришел на зов отца.
Там альгалиф — он дядя короля,
Там Бланкандрен, чья голова седа.
Он молвит: «Не позвать ли нам посла?
Ведь он поклялся мне стоять за нас».
В ответ Марсилий: «Пусть придет сюда».
Вот за руку привел француза мавр.
Они перед Марсилием стоят,
Измену замышляют сообща.
Аой!

XXXIX

«Граф Ганелон,— сказал послу Марсилий,—
Вы были мной обижены безвинно.
Я дротом вас в сердцах убить грозился.
Дарю за то вас мехом соболиным.

Он мною куплен за пять сотен ливров.
Такой подарок возместит обиду».
«Приму с охотой! — Ганелон воскликнул.—
Пусть бог за это вам воздаст сторицей!»
Аой!

XL

Марсилий молвил: «Граф, поверьте мне,
Нам ум и доблесть ваши по душе.
О Карле я вас расспросить хотел.
Ведь он уж стар и прожил долгий век:
Ему, как я слыхал, за двести лет.
Завоевал столь много он земель,
Столь много отразил щитом мечей,
Столь многих разорил он королей!
Когда ж свой нрав уймет он наконец?»
«Карл не таков,— посол ему в ответ.—
Вам скажет каждый, кто его узрел,
Что мир не видел воина смелей.
Слов в языке людском достойных нет,
Чтобы воздать ему хвалу и честь!
Не рассказать мне вам, каков он есть,—
Так щедро от творца он взыскан всем.
Чем с ним расстаться, лучше умереть».

XLI

Король сказал: «Не взять мне в толк никак.
Ваш государь и стар и седовлас.
Ему за двести лет, как я слыхал.
В поход водил он войско много раз,
На нем от стрел и копий много ран,
Он разорил войною много стран.
Когда ж он наконец уймет свой нрав?»
«Не быть тому, покуда жив Роланд,
Наихрабрейший под луной вассал,
И Оливье, его лихой собрат,
И пэры, коих чтит и любит Карл.
При них двадцатитысячная рать.
Спокоен Карл, ему неведом страх».
Аой!

XLII

Язычник молвит: «Не возьму я в толк.
Стар государь ваш и седоволос.
Лет двести, как я слышал, прожил он.
Им много королевств покорено,
От стрел и копий много ран на нем,
И много стран он разорил войной.
Когда ж он наконец свой нрав уймет?»
«Не быть тому, пока Роланд живет,
Вассал наихрабрейший под луной,
И Оливье, лихой собрат его,
И пэры, коих возлюбил король,
И с ними двадцать тысяч их бойцов.
При них не страшен королю никто».
Аой!

XLIII

«Любезный граф,— король послу сказал,—
Народ мой многочислен и удал.
В четыреста сберу я тысяч рать,
А с ней могу отпор французам дать».
«На это не надейтесь,— молвил граф.—
Вы зря свои погубите войска.
Нет, подчинитесь голосу ума:
Французам нужно дать такую дань,
Чтоб кругом голова у них пошла,
Заложников десятка два послать.
Во Францию пусть возвратится Карл,
А позади оставит арьергард,
Отдаст его Роланду под начал.
Учтивый Оливье с ним будет там.
Они погибнут, в том ручаюсь вам.
Карл спесь свою забудет навсегда
И побоится с вами воевать».
Аой!

XLIV

«Любезный граф,— спросил посла Марсилий,—
Как сделать, чтоб Роланд лишился жизни?»
Ответил граф ему: «Король, внемлите.

Как только вступит Карл в ущелье Сизы,
Он арьергард оставит у теснины.
В нем будут граф Роланд неустрашимый
И Оливье, собрат его любимый.
Даст под начал король им двадцать тысяч.
На них сто тысяч ваших мавров двиньте.
Пускай французы первый натиск примут
И понесут урон немалый в битве,
Хоть и потерпят бо́льший сарацины.
А вы затем начните бой вторично:
В одном из двух Роланда смерть не минет.
Великое деянье вы свершите,
Жить будете до самой смерти в мире».
Аой!

XLV

«Коль сможете Роланда погубить,
Без правой Карл останется руки.
Коль войско пэров истребите вы,
Вновь Карлу не найти бойцов таких.
Во Франции наступит вечный мир».
Мавр обнял графа, поблагодарил,
Повел смотреть сокровища свои.
Аой!

XLVI

Сказал король: «Мы речи тратим зря.
Совету без доверья грош цена.
Клянитесь же Роланда нам предать».
Посол сказал: «Охотно клятву дам».
Моргдес он взял, поклялся на мощах:
Их в рукоять меча он вделал встарь.
Аой!

XLVII

Слоновой кости там стоял престол.
Кладет Марсилий книгу на него.
Записан терваганов в ней закон.

Поклялся сарацин на книге той,
Что если в арьергард Роланд пойдет,
Всю рать арабы разом двинут в бой,
Чтоб ускользнуть от смерти граф не мог.
«Да будет так!» — промолвил Ганелон.
Аой!

XLVIII

Язычник Вальдаброн пришел туда.
Марсилия воспитывал он встарь.
С веселым смехом он послу сказал:
«Вот меч — нигде такого не сыскать.
За рукоять я сто червонцев дал.
Его примите, граф, приязни в знак.
Сгубить Роланда пособите нам,
Добейтесь, чтоб он в арьергард попал».
Ответил Ганелон: «Да будет так»,
Облобызал язычника в уста.

XLIX

Язычник Климорен подходит к ним,
Послу с веселым смехом говорит:
«Вот шлем — нигде такого не найти.
Дарю его, чтоб был наш враг убит.
Чтоб мы могли Роланда посрамить».
«Да будет так!» — посланец подхватил,
И с ним облобызался сарацин.
Аой!

L

Подходит королева Брамимонда
И молвит графу: «Вы мне милы очень.
Вас хвалят все — и муж мой, и вельможи.
Жене свезите две богатых броши.
На них немало аметистов добрых,
И все богатства Рима их не стоят.
Ваш император не видал подобных».
Взял граф и сунул их в сапог глубоко.
Аой!

LI

Марсилий казначея подозвал:
«Готова ль дань для Карла, Мальдуа?»
Ответил тот: «Погружена казна.
Семьсот верблюдов с нею шлём мы в дар.
Заложников получит двадцать Карл».
Аой!

LII

Король Марсилий Ганелона обнял
И молвит: «Нет мудрей, чем вы, барона.
Молю вас вашей верою святою —
За нас и впредь, как ныне, верно стойте.
Не пожалею я для вас сокровищ.
Дам десять мулов, золотом груженных,
И столько ж буду слать вам ежегодно.
Вот вам ключи богатой Сарагосы.
Вы их вручите королю с поклоном.
Роланда прикрывать назначьте войско.
Я повстречаюсь с ним в ущельях горных,
И мы тогда на смертный бой сойдемся».
Ответил граф: «Нельзя мне медлить дольше».
Сел на коня и в путь помчался снова.
Аой!

LIII

Путь император к Франции направил,
Стал по дороге лагерем под Гальной.
Разрушен этот город был Роландом,
Сто лет потом там не селились мавры.
Ждет Карл вестей от своего посланца
И дани от испанских басурманов.
С зарей, едва лишь солнце показалось,
Граф Ганелон въезжает в лагерь Карла.
Аой!

LIV

Чуть свет наш император с ложа встал.
Он в церкви у обедни побывал,
Сел на траву у своего шатра.
При нем Роланд и Оливье-вассал,
Немон и прочих рыцарей толпа.
Предатель Ганелон пришел туда,
Коварно речь повел издалека.
«Храни вас бог! — он королю сказал.—
Вот здесь ключи от Сарагосы вам,
А вот и мной полученная дань.
Заложников для вас я двадцать взял.
Король Марсилий просит не серчать,
Что он вам альгалифа не прислал.
Четыре сотни тысяч мусульман,
Все в панцирях и крепких шишаках,
Чернь с золотом на их стальных мечах,
Уселись с альгалифом на суда,
Чтоб таинства крещенья избежать.
Но не пришлось отплыть — я видел сам —
И на четыре мили кораблям,
Как налетели шторм и ураган.
Погибли альгалиф и с ним вся рать;
А будь он жив, он был бы здесь сейчас.
Клянется вам Марсилий-басурман,
Что месяц не пройдет еще сполна,
Как явится он в наш французский край,
Воспримет там святой закон Христа,
Вам руки в руки вложит, как вассал,
И в лен возьмет Испанию от вас».
Король воскликнул: «Господу хвала!
А вам не пожалею я наград».
Трубят французы в трубы и рога,
Садятся на коней, покинув стан,
В дорогу к милой Франции спешат.
Аой!

LV

Великий Карл Испанию разграбил,
Разрушил города и занял замки.
Он мнит, что время мирное настало,
И едет к милой Франции обратно.

Вот стяг его Роланд на землю ставит.
С холма взметнулось грозно к небу знамя.
Вокруг стоят французские палатки.
Меж тем в ущельях сарацины скачут.
На них стальные панцири и латы,
Все в шлемах, препоясаны мечами,
На шее щит, копье в руке зажато.
В засаду сели мавры в горной чаще.
Четыреста их тысяч там собралось.
Увы, французы этого не знают!
Аой!

LVI

День миновал, на землю ночь спустилась.
Могучий император сон увидел:
У входа он стоит в ущелье Сизы,
Зажал копье из ясеня в деснице;
Но за копье граф Ганелон схватился,
Потряс его и дернул что есть силы.
Взвились обломки древка к небу вихрем...
А Карл все спит, не может пробудиться.

LVII

Потом ему привиделось во сне,
Что он в капелле ахенской своей.
Рвет правое плечо ему медведь.
Вдруг мчится леопард с вершин Арденн.
На Карла прянул он, разинув зев,
Но из дворца проворный пес приспел.
От короля он отогнал зверей,
Медведю ухо правое изъел,
За леопардом кинулся затем.
«Великий бой!» — кричат французы вслед,
Хоть и не знают, кто одержит верх.
А Карл все спит: проснуться мочи нет.
Аой!

LVIII

Ночь минула, заря, алея, встала.
Рога и трубы оглашают лагерь.
Пред войском Карл Великий гордо скачет.

«Бароны,— вопрошает император,—
Тесны ущелья здесь и круты скалы.
Кого бы нам оставить в арьергарде?»
Граф Ганелон ему в ответ: «Роланда.
Мой пасынок — храбрейший из вассалов».
Услышал Карл, на графа гневно глянул
И говорит ему: «Вы — сущий дьявол.
Вас злоба неизбывная снедает.
А кто пойдет дозором перед ратью?»
Граф Ганелон сказал: «Ожье Датчанин.
Надежнее вы не найдете стража».
Аой!

LIX

Роланд узнал, куда он отряжен,
Заговорил, как рыцарь и барон:
«Большое вам спасибо, отчим мой,
Что я назначен прикрывать отход.
Не потеряет Франции король,
Пока я жив, коня ни одного.
За каждого из вьючных лошаков,
За каждого из мулов и ослов
Взыщу я плату с недругов мечом».
«Я это знаю»,— молвил Ганелон.
Аой!

LX

Узнал Роланд, что в арьергард назначен,
И отчиму промолвил в гневе страшном:
«Ах, подлое отродье, ах, предатель!
Ты думаешь, я уроню перчатку,
Как ты свой жезл, на землю перед Карлом?»
Аой!

LXI

Роланд воскликнул: «Праведный король,
Я вас прошу, мне лук вручите свой.
Уж я не заслужу упрека в том,

Что перед вами уроню его,
Как сделал это Ганелон с жезлом».
Наш император Карл поник челом,
Мнет бороду и крутит ус рукой.
Но удержать никак не может слез.

LXII

Немон вслед за Роландом держит речь,—
Вассала нет славнее при дворе.
Он молвит королю: «Слыхали все,
В какой пришел Роланд великий гнев.
Он с арьергардом остается здесь,
И заменить его нельзя никем.
Ему ваш лук вручите поскорей,
Дружины дайте лучшие из всех».
И лук Роланду Карл принять велел.

LXIII

Роланду молвит император Карл:
«Племянник милый, вот вам мой наказ:
Возьмете вы полвойска под начал.
С ним никакой вам не опасен враг».
Роланд ответил: «Да не будет так.
Свой род не посрамлю я никогда.
Лишь двадцать тысяч мне прошу вас дать.
Ведите с миром остальных в наш край:
Пока я жив, никто не страшен вам».
Аой!

LXIV

Роланд сидит на боевом коне.
При нем его товарищ Оливье.
За ними едут храбрый граф Жерье,
Жерен, Атон, Асторий, Беранже
И Ансеис, чья непомерна спесь.
Старик Жерар из Руссильона здесь
И славный герцог удалец Гефье.
Турпен сказал: «Мне отставать не след».

«Иду с Роландом,— подхватил Готье,—
Ведь я его вассал: он дал мне лен».
Ушло их двадцать тысяч человек.
Аой!

LXV

Зовет к себе Роланд Готье де л'Она:
«Возьмете вы французов десять сотен,
Займете все ущелья и высоты,
Чтоб император не понес урона».
Аой!
Готье в ответ: «Исполню все, как должно».
Взял он с собой французов десять сотен
И занял все ущелья и высоты.
Откуда враг ударить ни захочет,
Семьсот мечей он встретит обнаженных.
Король Альмар Бельфернский в час недобрый
Даст нынче бой Готье с его дозором.

LXVI

Хребет высок, в ущельях мрак царит,
Чернеют скалы в глубине теснин.
Весь день идут французские полки,
На много миль разносятся шаги.
Вот уж они до Франции дошли.
Гасконь, владенье Карла,— впереди.
Припомнились родные земли им,
Невест и жен припомнили они.
Сбегают слезы по щекам у них,
Но больше всех великий Карл скорбит:
Племянник им оставлен позади.
Не плакать с горя у него нет сил.
Аой!

LXVII

В чужой земле двенадцать пэров встали
И двадцать тысяч рыцарей отважных.
Ни бой, ни смерть им не внушают страха.
Во Францию спешит наш император,
829-а [Рвет бороду и неутешно плачет.]

Лицо плащом в унынье прикрывает.
Старик Немон конь о конь с Карлом скачет.
Он молвит королю: «Что вас печалит?»
Король ему в ответ: «Вопрос ваш празден.
Я так скорблю, что не могу не плакать,
Граф Ганелон погубит войско наше.
Мне нынче в ночь явил виденье ангел:
Сломал копье мне Ганелон-предатель,
Он в арьергард определил Роланда.
В чужой земле племянник мной оставлен.
Беда, коль он умрет: ему нет равных».
Аой!

LXVIII

Сдержать не может слез великий Карл,
С ним плачет вся стотысячная рать.
Его и всех французов мучит страх,
Что Ганелоном предан граф Роланд.
Богатые дары предатель взял —
И серебро, и злато, и шелка,
Коней, верблюдов, мулов, львов, собак.
Три дня Марсилий подданных скликал.
Все званы — герцог, альгалиф и князь,
Эмир, барон, и альмасор, и граф.
Четыре сотни тысяч он собрал.
Рокочет в Сарагосе барабан.
На башню идол Магомет подъят,
Чтоб все могли к нему с мольбой воззвать.
В седло садится войско басурман.
И вот уж по Серданье мавры мчат,
И виден им уже французский стяг.
Двенадцать пэров с войском ждут врага
И бой ему не побоятся дать.

LXIX

Племянник короля летит вперед,
Вскачь гонит мула, древком бьет его.
Марсилию со смехом молвит он:
«Не раз я вам служил своим мечом,
Для вас претерпевал и труд и боль,
Одерживал победы над врагом.

Прошу вас даровать мне первый бой.
Роланда я сражу своим копьем.
Коль Магомет захочет мне помочь,
Испанию мы отвоюем вновь
От Дюрестана до Асприйских гор.
Устанет Карл, откажется от войн,
И проживете в мире век вы свой».
Племяннику перчатку дал король.
Аой!

LXX

Взял тот перчатку с дядиной руки,
Марсилию спесиво говорит:
«Пресветлый государь, ваш дар велик.
Двенадцать мне соратников нужны,
Чтобы двенадцать пэров перебить».
На зов явиться Фальзарон спешит,
Марсилию он братом был родным.
«Племянник, вы пойдете не один,
Готов я вместе с вами в бой вступить,
Мы арьергард французов разгромим.
Не суждено живыми им уйти».
Аой!

LXXI

Вторым подъехал Корсали туда.
Душа бербера этого черна,
Но он лихой вассал, и смел в речах,
И храбрость ценит выше всех богатств.
С ним Мальпрimi, чья родина Бриган,
Он бегает быстрее скакуна.
Марсилию он громко закричал:
«Отправиться готов я в Ронсеваль.
Роланд погиб, коль с ним я встречусь там».

LXXII

Вот амирафль из Балагета мчит.
Он станом строен и лицом красив.
Спесиво он на скакуне сидит,

Оружьем похваляется своим.
Он храбростью повсюду знаменит.
Одна беда — он не христианин.
Пред королем он встал и говорит:
«Прошу вас в Ронсеваль меня пустить.
Коль встречу там Роланда, он погиб,
Погибнут Оливье и пэры с ним.
Постигнут всех французов смерть и стыд.
Карл выжил из ума, он стар, чуть жив,
Устанет скоро он войну вести,
И мы вкусим в краю испанском мир».
За речь Марсилий поблагодарил.
Аой!

LXXIII

Вот скачет альмасор из Морианы,
В Испании нет нехристя коварней.
Пред королем он встал и начал хвастать:
«Дружину поведу я к Ронсевалю,
Пойдет со мною двадцать тысяч храбрых.
Роланд погиб, коль с ним я повстречаюсь.
Весь век о нем придется Карлу плакать».
Аой!

LXXIV

Вот скачет граф Торжис из Тортелозы.
Его феод наследный этот город,
Всех христиан сгубил бы он охотно.
С другими он к Марсилию подходит
И молвит: «Будьте, государь, спокойны.
Наш Магомет сильней Петра святого,
Коль вы ему верны, он вам поможет.
С Роландом в Ронсевале мы сойдемся,
Ему оттуда не уйти живому.
Вы видите, как длинен меч мой добрый,
Он скоро в щепы Дюрандаль расколет.
Молва вам скажет, кто кого поборет.
Мы победим французов в бранном споре.
Карл не избегнет срама и позора,
Носить корону не дерзнет он больше».

LXXV

Вот скачет Эскреми вдогонку прежним,
Владеет этот сарацин Вальтерной.
Кричит он громко королю неверных:
«Я в Ронсеваль смирить французов еду!
Роланд погиб, коль там его я встречу,
Погибнет Оливье, кто всех смелее,
Предам я с ним двенадцать пэров смерти,
Французский край навеки опустеет.
Карл не найдет таким бойцам замены».
Аой!

LXXVI

Вот Эсторган-язычник подскакал,
За ним Эстрамарен, его собрат,
Душа у них коварна и черна.
Король сказал: «Приблизьтесь, господа.
Спешите по ущельям в Ронсеваль,
Вести мне помогите в битву рать».
Они в ответ: «Исполним, государь,
Роланд и Оливье погибнут там,
Никто из пэров не уйдет от нас,
Остры у нас клинки, крепка их сталь,
Мы обагрим ее в крови врага.
Умрут французы, Карл поднимет плач.
Всю Францию наш меч добудет вам.
О государь, велите бой начать!
В плен попадет к вам император Карл».

LXXVII

Вот Маргари Севильский подъезжает.
Он землями до Казмарины правит.
За красоту свою он мил всем дамам.
Чуть поглядит ему в лицо любая,
Не может от улыбки удержаться.
Нет воина отважнее у мавров.
Толпу он пред собою раздвигает,
Марсилию кричит: «Не опасайтесь!

Я еду в Ронсеваль убить Роланда,
И Оливье в живых я не оставлю,
Израню всех двенадцать пэров насмерть.
Вот меч мой с золотою рукоятью,
Эмиром Прима был он мне подарен,
Клянусь его окрасить кровью вражьей.
Французов мы побьем и обесславим,
А император их, седой и старый,
День изо дня от горя будет плакать.
Не минет год — мы Францию захватим,
Свои палатки в Сен-Дени поставим».
Король ему поклоном отвечает.
Аой!

LXXVIII

Вот и Шернобль Монэгрский лошадь шпорит.
До пят свисают у него волосья.
Играючи он больший груз уносит,
Чем увезти семь вьючных мулов могут.
В краю, откуда этот нехристь родом,
Хлеб не родит земля, не светит солнце,
Не льется дождь, не выпадают росы,
Там черен даже каждый камень горный.
Есть слух: там у чертей бывают сходки.
Шернобль воскликнул: «Взял я меч свой добрый,
Его окрашу в Ронсевале кровью.
Я там Роланду заступлю дорогу.
Будь я не я, коль на него не брошусь,
Коль Дюрандаль я не добуду с бою.
Французов мы побьем и опозорим».
Двенадцать пэров-сарацин уходят,
Стотысячную рать ведут с собою.
Всем поскорей затеять бой охота,
Все в бор идут и надевают брони.

LXXIX

В доспехах сарацинских каждый мавр,
У каждого кольчуга в три ряда.
Все в добрых сарагосских шишаках,
При вьеннских прочных кованых мечах,
При валенсийских копьях и щитах.

Значок на древке — желт, иль бел, иль ал.
Арабы с мулов соскочить спешат,
На боевых коней садится рать.
Сияет день, и солнце бьет в глаза,
Огнем горят доспехи на бойцах.
Скликают мавров трубы и рога,
К французам шум летит издалека.
Роланду молвит Оливье: «Собрат,
Неверные хотят на нас напасть».
«Хвала творцу! — ему в ответ Роланд.—
За короля должны мы грудью встать.
Служить всегда сеньеру рад вассал,
Зной за него терпеть и холода.
Кровь за него ему отдать не жаль.
Пусть каждый рубит нехристей сплеча,
Чтоб не сложили песен злых про нас.
За нас господь — мы правы, враг не прав.
А я дурной пример вам не подам».
Аой!

LXXX

Граф Оливье взошел на холм крутой,
Взглянул направо на зеленый дол
И видит: войско сарацин идет.
Зовет он побратима своего:
«Шум слышен в стороне испанских гор.
Горят щиты и шишаки огнем.
Французов ждет сегодня тяжкий бой.
Всему виной предатель Ганелон:
Он нас назначил прикрывать отход».
Роланд ему в ответ: «Он — отчим мой.
Я не позволю вам бранить его».

LXXXI

Граф Оливье глядит на дол с холма.
Вдали видны испанская страна
И сарацин несметная толпа.
Везде сверкают золото и сталь,
Блеск лат, щитов и шлемов бьет в глаза.
Лес копий и значков над долом встал.

Языческих полков не сосчитать:
Куда ни кинешь взор — повсюду враг.
Пришел в тревогу и смущенье граф,
Спустился поскорей с холма назад,
Пошел к французам, все им рассказал.

LXXXII

Промолвил Оливье: «Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копья, прочны их мечи.
Бой небывалый нынче предстоит.
Французы, пусть господь вас укрепит.
Встречайте грудью натиск сарацин».
Французы молвят: «Трус, кто побежит!
Умрем, но вас в бою не предадим».
Аой!

LXXXIII

Граф Оливье сказал: «Врагов — тьмы тем,
А наша рать мала, сдается мне.
Собрат Роланд, трубите в рог скорей,
Чтоб Карл дружины повернуть успел».
Роланд ответил: «Я в своем уме
И в рог не затрублю, на срам себе.
Нет, я возьмусь за Дюрандаль теперь.
По рукоять окрашу в кровь мой меч.
Пришли сюда враги себе во вред.
Ручаюсь вам, их всех постигнет смерть».
Аой!

LXXXIV

«Трубите в рог скорей, о друг Роланд!
Король услышит зов, придет назад,
Баронов приведет на помощь нам».
«Не дай господь! — Роланд ему сказал.—
Не стану Карла я обратно звать,
Себе и милой Франции на срам.

Нет, лучше я возьмусь за Дюрандаль,
Мой добрый меч, висящий у бедра,
По рукоять окрашу в кровь булат.
Враги себе во вред пришли сюда.
Их всех постигнет смерть, ручаюсь вам».
Аой!

LXXXV

«О друг Роланд, скорей трубите в рог.
На перевале Карл услышит зов.
Ручаюсь вам, он войско повернет».
Роланд ему в ответ: «Не дай господь!
Пускай не скажет обо мне никто,
Что от испуга позабыл я долг.
Не посрамлю я никогда свой род.
Неверным мы дадим великий бой.
Сражу я мавров тысячу семьсот,
Мой Дюрандаль стальной окрашу в кровь.
Врага французы примут на копье.
Испанцам всем погибнуть суждено».

LXXXVI

Граф Оливье сказал: «Вы зря стыдитесь.
Я видел тьму испанских сарацинов,
Кишат они на скалах и в теснинах,
Покрыты ими горы и долины.
Несметны иноземные дружины.
Чрезмерно мал наш полк в сравненье с ними».
Роланд в ответ: «Тем злей мы будем биться.
Не дай господь и ангелы святые,
Чтоб обесчестил я наш край родимый.
Позор и срам мне страшны — не кончина.
Отвагою — вот чем мы Карлу милы».

LXXXVII

Разумен Оливье, Роланд отважен,
И доблестью один другому равен.
Коль сели на коня, надели панцирь —
Они скорей умрут, чем дрогнут в схватке.

Их речи горды, их сердца бесстрашны.
На христиан арабы бурей мчатся,
И молвит Оливье: «Враги пред нами,
И далеко ушли дружины Карла.
Когда бы в рог подуть вы пожелали,
Поспел бы к нам на помощь император.
Взгляните вверх, где круты скалы Аспры:
Там арьергард французов исчезает.
А нам теперь уж путь назад заказан».
Роланд ему: «Безумна речь такая.
Позор тому, в чье сердце страх закрался.
Стоим мы здесь и не пропустим мавров.
Верх мы возьмем, и поле будет нашим».
Аой!

LXXXVIII

Роланд увидел: битвы не минуть,
Как лев иль леопард, стал горд и лют,
Воскликнул громко: «Побратим и друг!
Вам говорить такое не к лицу.
Не зря нас Карл оставил с войском тут:
Не знает страха ни один француз,
И двадцать тысяч их у нас в полку.
Вассал сеньеру служит своему.
Он терпит зимний холод и жару,
Кровь за него не жаль пролить ему.
Копьем дадите вы отпор врагу.
Я Дюрандаль, что Карл мне дал, возьму.
Кто б ни владел им, если я паду,
Пусть скажет, что покойник был не трус».

LXXXIX

Турпен-архиепископ взял в галоп,
Коня пришпорил, выехал на холм.
Увещевать французов начал он:
«Бароны, здесь оставил нас король.
Умрем за государя своего,
Живот положим за Христов закон.
Сомненья нет, нас ожидает бой:
Вон сарацины — полон ими дол.

Покайтесь, чтобы вас простил господь;
Я ж дам вам отпущение грехов.
Вас в вышний рай по смерти примет бог,
Коль в муках вы умрете за него».
Вот на колени пали все кругом.
Турпен крестом благословил бойцов,
Эпитимью назначил — бить врагов.

XC

Французы поднимаются с земли.
Турпеном им отпущены грехи,
Он их святым крестом благословил.
На скакунов садятся вновь они.
Доспех надежный на любом из них,
К сраженью все готовы, как один.
Вот графу Оливье Роланд кричит:
«Вы мудро рассудили, побратим.
Нас Ганелон-предатель погубил.
Взял он за это деньги и дары.
Пускай ему за нас король отмстит.
Ты, сарацин Марсилий, нас купил —
Так вот мечом покупку и возьми».
Аой!

XCI

Долиной мчит Роланд на скакуне.
Конь Вельянтиф под ним горяч и резв.
К лицу ему оружье и доспех.
Копье он держит меткое в руке,
Вздымает грозно к небу острие.
Значок играет белый на копье,
Свисает бахрома до рук и плеч.
Прекрасен телом граф и ликом смел.
Ему вдогонку скачет Оливье.
Несется клич французов им вослед.
Роланд надменно мавров оглядел,
Любовно глянул на своих людей
И стал держать к ним ласковую речь:
«Бароны, не гоните зря коней:
Язычников не минет ныне смерть.

Такую мы возьмем добычу здесь,
Какой не брал никто из королей».
Сходиться рати начали затем.
Аой!

XCII

Граф Оливье сказал: «К чему слова!
В рог затрубить казалось стыдно вам.
Теперь король нам помощь не подаст.
За это было б грех ему пенять:
Не знает он, что́ ожидает нас.
Пришпорьте лучше скакуна, собрат!
Бароны, ни на шаг не отступать!
Молю вас ради господа Христа,
Держите строй, крушите басурман!
Ударим с кличем Карла на врага».
И крикнули французы: «Монжуа!»
Кто этот крик в бою слыхал хоть раз,
Тот видел тех, кому неведом страх.
Погнали тут коней французы вскачь.
Как шпорят их они, как лихо мчат!
Осталось им одно — рубить сплеча,
Но и арабов трудно испугать.
И вот уж грудь на грудь сошлись войска.

XCIII

Марсилиев племянник Аэльро
Пред войском мавров мчит во весь опор,
Язвит французов наших бранью злой:
«Эй, трусы, ждет вас ныне смертный бой.
Вас предал ваш защитник и оплот:
Зря бросил вас в горах глупец-король.
Падет на вашу Францию позор,
А Карл простится с правою рукой».
Роланд услышал, в ярый гнев пришел,
Коня пришпорил и пустил в галоп,
Язычнику нанес удар копьем,
Щит раздробил, доспехи расколол,
Прорезал ребра, грудь пронзил насквозь,
От тела отделил хребет спинной,
Из сарацина вышиб душу вон.

Качнулся и на землю рухнул тот.
В груди торчало древко у него:
Копье его до шеи рассекло.
Воскликнул граф Роланд над мертвецом:
«Презренный, ты сказал о Карле ложь.
Знай, не глупец и не предатель он.
Не зря он нам велел прикрыть отход.
Да не постигнет Францию позор!
Друзья, за нами первый бой! Вперед!
Мы правы, враг не прав — за нас господь».
Аой!

XCIV

Вон Фальзарон, Марсилию он брат.
Ему принадлежит, как лен, тот край,
Где Авирон с Дафаном жили встарь.
Мир нехристя коварней не видал.
Так у него огромна голова,
Что добрый фут уляжется меж глаз.
Разгневался он, что племянник пал,
Отъехал от своих, понесся вскачь
С арабским бранным кличем на устах.
Французам нашим он кричит в сердцах:
«Сражу вас, милой Франции на срам!»
Услышал Оливье, что́ крикнул мавр,
Коню в великом гневе шпоры дал,
Как истинный барон, нанес удар.
Пробил он щит, кольчугу в три ряда,
Копье в араба по значок вогнал
И замертво свалил его с седла.
Увидел граф, что умер подлый враг,
Сказал над трупом гордые слова:
«Трус, мне твоя угроза не страшна!
Друзья, вперед! Не одолеть им нас!»
И крикнул он французам: «Монжуа!»
Аой!

XCV

Вон нечестивый Корсали-бербер,
Король лежащих за морем земель.
К арабам держит он такую речь:
«Возьмем легко мы в битве этой верх:

«Песнь о Роланде»

Французов мало, нас — не перечесть.
Тех, что пред нами, вправе мы презреть.
Им не поможет Карл, их ждет конец.
Их всех до одного постигнет смерть».
Турпен услышал, яростью вскипел.
Тот мавр ему на свете всех мерзей.
Пришпорил он коня, приник к луке,
Врагу нанес удар что силы есть,
Щит раздробил, в куски разнес доспех,
Грудь распорол, переломил хребет.
Качнулся мавр, не усидел в седле,
Его с коня архиепископ сверг.
Турпен увидел, что пред ним мертвец,
И так сказал, сдержать не в силах гнев:
«Неправду ты изрек, поганый лжец!
Карл, наш сеньер,— защита нам и здесь.
Не опозорим мы себя вовек:
Сумеем вас унять и одолеть.
Всем вашим будет то же, что тебе.
За нами — первый бой! Друзья, смелей!
Победу нам послал господь с небес!»
И возгласил он «Монжуа!» затем.

XCVI

Вот пал сеньер Бригана Мальприми.
Жерен его ударил в добрый щит,
Навершный шип из хрусталя разбил.
Щит лопнул, разлетелся на куски.
Конец копья через доспех проник,
И граф оружье в грудь врагу всадил.
С коня свалился мертвым сарацин,
Чью душу тут же черти унесли.
Аой!

XCVII

Разит и граф Жерье под стать собрату:
Пробил он щит и панцирь амирафля.
В живот ему свое копье направил,
Пронзил его насквозь одним ударом,
С коня свалил на землю бездыханным.
Граф Оливье воскликнул: «Бой удачен!»

XCVIII

Самсон на альмасора наскочил,
Копьем ударил в золоченый щит.
Язычнику доспех не пособил:
До легких герцог грудь ему пронзил,
Его с коня, на горе маврам, сшиб.
«Вот доблестный удар!» — Турпен кричит.
Аой!

XCIX

Вон Ансеис коня галопом гонит,
Вступает в бой с Торжисом Тортелозским,
В щит метит, под навершье золотое.
Пробил он бронь с подкладкою двойною,
Копьем пронзил язычнику утробу,
Прогнал сквозь тело наконечник острый,
С коня араба наземь мертвым сбросил.
Роланд воскликнул: «Вот удар барона!»

C

Бордосец Анжелье, гасконский рыцарь,
Поводья бросил, шпорит что есть силы,
С вальтернцем Эскреми спешит схватиться.
На шее мавра щит висел — разбился,
Копье сквозь кольца панциря проникло.
Промеж ключиц глубоко в грудь вонзилось.
Язычник мертвым с лошади свалился.
«Вы все умрете!» — молвил победитель.
Аой!

CI

На Эсторгана ринулся Атон,
Ударил в щит из кожи расписной,
Рассек багряно-белый верх его,
Пробил кольчугу нехристя насквозь,
Всадил в араба острое копье,
С коня на землю сбросил труп толчком
И молвил: «Смерть постигнет весь ваш род!»

CII

Эстрамарена Беранже теснит.
Щит нехристю он раздробил в куски,
Рассек доспехи, в грудь копье всадил,
Сразил врага средь тысяч сарацин.
Уже десятый пэр у них убит.
Лишь двое до сих пор еще в живых —
Шернобль и с ним красавец Маргари.

CIII

Был этот Маргари собой хорош,
Могуч, неустрашим, проворен, скор.
На Оливье коня направил он,
Навершный шип щита разбил копьем,
С размаху им ударил графа в бок,
Но тела не задел — не дал господь.
Мавр выбить графа из седла не смог
И мимо пролетел во весь опор,
В рог затрубил: скликает рать на бой.

CIV

Сраженье грозно, и враги упорны.
Роланд бесстрашно рвется в гущу боя,
Бьет так, что не выдерживают копья:
Уже пятнадцать раз он брал другое.
За Дюрандаль он взялся, меч свой добрый,
К Шерноблю скакуна галопом гонит.
Шлем, где горит карбункул, им раздроблен.
Прорезал меч подшлемник, кудри, кожу,
Прошел меж глаз серединой лобной кости,
Рассек с размаху на кольчуге кольца
И через пах наружу вышел снова,
Пробил седло из кожи золоченой,
Увяз глубоко в крупе под попоной.
Роланд коню ломает позвоночник,
На землю валит всадника и лошадь
И молвит: «Нехристь, зря сюда пришел ты!
Ваш Магомет вам нынче не поможет.
Не одержать победы маврам подлым».

CV

Вот граф Роланд по полю битвы скачет.
И рубит он и режет Дюрандалем.
Большой урон наносит басурманам.
Взглянуть бы вам, как он громит арабов,
Как труп на труп мечом нагромождает!
И руки у него в крови и панцирь,
Конь ею залит от ушей до бабок.
Граф Оливье разит под стать собрату,
И остальные пэры бьются славно.
Врага французы косят и сражают,
Без чувств и без дыханья валят наземь.
Турпен сказал: «Бароны наши храбры»,—
И бросил войску: «Монжуа!» — клич Карла.
Аой!

CVI

Граф Оливье несется полем вскачь.
Обломок древка у него в руках.
Он Мальзарону им нанес удар,
Щит расписной сломал, разбил шишак,
У мавра вышиб из орбит глаза,
И вылетел на землю мозг врага.
Убил еще семьсот неверных граф,
Торжиса с Эсторгосом покарал,
Но и свое копье вконец сломал.
Роланд воскликнул: «Вы сошли с ума!
Жердь для подобной битвы не годна.
Железо, друг, потребно здесь и сталь.
Да разве Альтеклера нет у вас,
Отделанного золотом меча?»
«Я бью арабов,— Оливье сказал.—
Мне меч из ножен недосуг достать».
Аой!

CVII

Граф Оливье достал свой меч из ножен,
Желанье побратима он исполнил,
Меч обнажил пред ним, как рыцарь добрый.
Вот с ним Жюстен из Валь-Ферре сошелся.

Граф в голову ему удар наносит,
И череп рассекает, и утробу,
И все седло с отделкой золоченой.
Хребет коню сломал своим клинком он,
С седла на землю сарацина сбросил.
«Вы брата мне милей! — Роланд промолвил.—
Оценит наш король удар столь мощный».
Клич: «Монжуа!» — ему повсюду вторит.

CVIII

Несет Жерена в бой скакун Сорель,
И мчит Жерье горячий Пассесерф.
Тот и другой пришпорили коней,
На Тимозеля мчат что силы есть.
Ударил в щит Жерен, в броню Жерье.
Сломались копья, раздробив доспех.
На луг свалился мертвым Тимозель.
Не слышал я, и неизвестно мне,
Кто из двоих нанес удар быстрей...
Эперварена, чей отец — Борель,
Сразил в бою бордосец Анжелье.
Турпеном наземь сброшен Сиглорель,
Уже бывавший в пекле чародей:
Юпитер ад ему помог узреть.
Сказал Турпен: «Коварен был злодей».
Роланд в ответ: «Язычнику конец.
Мне мил такой удар, друг Оливье!»

CIX

Все яростней, все беспощадней схватка.
И мавры и французы бьются славно.
Одни разят, другие отражают.
Взглянуть бы вам, как копья там кровавят.
Как рвутся в клочья и значки и стяги,
Как в цвете лет французы погибают!
Ждут матери и жены их напрасно,
Напрасно ждут друзья за перевалом.
Аой!
Великий Карл терзается и плачет,
Но помощь им — увы! — подать не властен.

На смерть обрек их Ганелон-предатель:
Он в Сарагосе продал их арабам.
Но не ушел изменник от расплаты:
Был в Ахене разорван он конями.
Подверглось тридцать родичей с ним казни —
Никто из них не вымолил пощады.
Аой!

CX

Ужасен бой, и сеча жестока.
Разят Роланд и Оливье врага,
Разит Турпен — ударам нет числа.
Бьют остальные пэры им под стать.
Французы рубят сарацин сплеча.
Погибло много тысяч басурман.
Кто бегством не спасется от меча,
Тот рад не рад, а должен жизнь отдать.
Но тяжки и потери христиан.
Не видеть им ни брата, ни отца,
Ни короля, который ждет в горах.
Над Францией меж тем гремит гроза,
Бушует буря, свищет ураган,
Льет ливень, хлещет град крупней яйца,
И молнии сверкают в небесах,
И — то не ложь! — колеблется земля.
От Ксантена и до нормандских скал,
От Безансона и по Уиссан
Нет города, где стены не трещат,
Где в полдень не царит полночный мрак.
Блестят одни зарницы в облаках.
Кто это видит, тех объемлет страх.
Все говорят: «Настал конец векам,
День Страшного господнего суда».
Ошиблись люди, не дано им знать,
Что это по Роланду скорбь и плач.

CXI

Французы бьют без промаха врагов.
Арабы понесли большой урон:
Из сотни тысяч двое не спаслось.

Сказал Турпен: «Бесстрашен наш народ.
С ним не сравнится никакой другой.
В «Деяньях франков» писано о том,
Что Карл один имел таких бойцов».
Французы полю делают обход,
Собратьев ищут в грудах мертвецов,
Скорбят по ним, сдержать не могут слез,
Меж тем Марсилий рать на них ведет.
Аой!

CXII

Ведет Марсилий войско по ущельям.
Дружины, с ним идущие, несметны:
Полков за двадцать будет там, наверно.
Горят у всех на шишаках каменья,
Блестят щиты и пышные доспехи.
Семь тысяч труб трубят перед сраженьем,
Оглашена их ревом вся окрестность.
Такую речь Роланд к собрату держит:
«Обрек нас Ганелон-предатель смерти.
Теперь уже сомненья нет в измене,
Но уготовит Карл ему отмщенье.
Нам предстоит неслыханная сеча —
Страшнее битвы не было от века.
Я буду Дюрандалем бить неверных,
А вы, мой друг, разите Альтеклером.
Мы с ними побывали в стольких землях,
Добыли ими не одну победу.
Так пусть о нас не сложат злую песню».
Аой!

CXIII

Марсилий видит мавров перебитых.
В рога и трубы затрубить велит он,
В седло садится, в бой ведет дружины.
Араб Абим пред войском первый мчится.
На свете нет коварней сарацина.
Злодейств немало свершено им в жизни.
Не чтит он сына пресвятой Марии.
Угля и сажи он чернее видом.
Милей ему измена и убийство
Всех кладов и сокровищ галисийских.

Никто его смеющимся не видел.
Отважен он до безрассудства в битве.
За то его и любит так Марсилий:
Свой стяг с драконом вверил он Абиму.
Но этот мавр Турпену ненавистен,
Схватиться жаждет с ним архиепископ
И молвит про себя невозмутимо:
«А этот мавр, как видно, нечестивец.
Убить его я должен иль погибнуть:
Я сам не трус и не люблю трусливых».
Аой!

CXIV

Турпен коня на сарацин направил,
А тем конем владел Гроссаль когда-то —
Король датчан, от рук Турпена павший.
Несет Турпена в бой скакун поджарый.
На загляденье у него все стати:
Короткий в бедрах, длинен он боками;
Подъемистый в седле, широк он задом;
Хвост белый у него при гриве чалой;
Он мордой рыжеват и мал ушами.
Коню такому нет на свете равных.
Архиепископ шпорит лошадь рьяно,
С разгона на Абима налетает,
Бьет в щит, который дивно изукрашен:
Горят на нем бериллы и топазы,
Алмазы и карбункулы сверкают.
Сам сатана добыл их в Валь-Метасе,
Абиму ж их эмир Галафр доставил.
Турпен ударил мавра беспощадно.
Сломался щит, не выдержал удара.
Прошло копье сквозь тело басурмана,
И бездыханным он свалился наземь.
Французы молвят: «Вот вассал отважный!
Врагу свой посох не отдаст наш пастырь».

CXV

Французы видят: враг велик числом
И окружил их рать со всех сторон,
Бросают Оливье с Роландом зов,

Зовут двенадцать пэров, свой оплот.
Турпен их увещает, в свой черед:
«Друзья, гоните мысль о бегстве прочь!
Да не попустит всеблагой господь,
Чтоб всех нас помянули в песне злой!
Уж если гибнуть, так вперед лицом.
Да, нынче умереть нам суждено.
Мы до конца прошли наш путь земной.
Но я душой моей ручаюсь в том,
Что вам сужден по смерти рай святой.
В сонм мучеников вас допустит бог».
Французов ободрила речь его.
Клич «Монжуа!» они бросают вновь.
Аой!

CXVI

Был меж арабов сарагосец некий —
Он полстолицы в подчиненье держит.
То — Климорен, коварный от рожденья.
Совет держал с ним Ганелон-изменник,
Лобзанье принял от него при встрече,
Шлем получил с рубином драгоценным.
Французов посрамить грозится нехристь.
Сорвать корону с Карла он намерен.
Конь Барбамош под ним, скакун отменный.
Он ласточки и ястреба быстрее.
Араб дал шпоры, отпустил уздечку,
И на гасконца Анжелье наехал.
Не помогли тому его доспехи.
Копье вогнал ему неверный в тело
Так, что наружу вышел наконечник.
Пронзен насквозь, пал Анжелье на землю.
Воскликнул мавр: «Язычники, смелее!
Таких, как этот, враз мы одолеем».
Французы молвят: «Тяжкая потеря!»
Аой!

CXVII

Взывает к графу Оливье Роланд:
«Мой побратим, смерть Анжелье взяла.
Храбрей барона не было у нас».

Ответил Оливье: «Отмстим, бог даст».
Всадил златые шпоры в скакуна,
Кровавый Альтеклер рукою сжал,
Коня направил прямо на врага,
Удар нанес, и рухнул наземь мавр,
Чью душу черти потащили в ад.
С ним вместе герцог Альфайенский пал.
Убил Эскабаби отважный граф,
Семь арабитов вышиб из седла —
Не воевать им больше никогда.
Сказал Роланд: «Разгневан мой собрат.
Он подал мне и всем пример сейчас:
Такой лихой удар оценит Карл.
Разите мавров, рыцари, сплеча!»
Аой!

CXVIII

Вот Вальдаброн-язычник мчится в бой.
Воспитан был им встарь Марсилий злой.
В четыреста судов он водит флот.
Он вождь всех сарацинских моряков.
Взял Иерусалим изменой он,
И Соломонов храм им осквернен,
И патриарх убит пред алтарем.
Ему поклялся в дружбе Ганелон.
Он наградил предателя мечом.
Под ним скакун по кличке Грамимон.
Быстрей, чем сокол, этот борзый конь.
Язычник мчит на нем во весь опор
Туда, где рубит мавров дук Самсон.
Он щит ему разбил, прорезал бронь,
Вплоть до значка копье вогнал в него.
Сшиб пэра и кричит над мертвецом:
«Арабы, в бой! Мы верх возьмем легко!»
Французы молвят: «Горе, пал барон!»
Аой!

CXIX

Роланд увидел, что Самсон погиб,
Великий гнев и горе ощутил,
Коню дал шпоры, повод отпустил,

Свой Дюрандаль, бесценный меч, схватил,
Ударил Вальдаброна что есть сил,
Шлем, где горят каменья, разрубил,
Лоб, и броню, и тело раскроил,
Седло с отделкой золотой пронзил,
Клинком коню хребет переломил,
Убил и мавра и коня под ним.
«Жесток удар!» — воскликнули враги.
«Я ненавижу вас! — Роланд кричит.—
Мы служим правде; вы, злодеи,— лжи».
Аой!

CXX

Был некий нехристь-африканец там —
Сын короля Малькюда — Малькиан.
Его доспехи золотом горят,
Ни у кого нет столь блестящих лат.
Конь Сальтперту под ним несется вскачь,
На свете нет резвее скакуна.
С копьем на Ансеиса грянул мавр,
В лазурно-алый щит нанес удар,
Рассек броню на графе пополам,
До половины древко в плоть вогнал.
Свой путь земной свершил и умер граф.
Французы восклицают: «Горе нам!»

CXXI

Но тут архиепископ мимо ехал,
А он таков, что ни один священник
Не превзошел его в деяньях смелых.
Он молвил: «Бог тебя накажет, нехристь.
О том, кого ты сшиб, скорблю я сердцем».
Коня на мавра он погнал карьером,
Ударил Малькиана в щит толедский,
И мертвым наземь был араб повержен.

CXXII

Вон королевич именем Грандоний,
Каппадокийца Капуэля отпрыск.
Резв и горяч скакун его Марморий.

Как птица, он летит по полю боя.
Наездник бросил повод, шпорит лошадь,
Жерена что есть силы бьет с разгона,
По алому щиту удар наносит.
Копье сломало на кольчуге кольца,
До желтого значка вошло в утробу.
Свалился граф с коня на холм высокий.
Его собрат Жерье сражен был тоже,
Убиты Беранже, и Ги Сентонжский,
И славный герцог, удалец Асторий,
Чей лен — Анвер и Валлери на Роне.
Злодей, на радость маврам, их прикончил.
Французы молвят: «Гибнет наших много».

CXXIII

Роланд кровавый Дюрандаль сжимает.
Он слышит, как французы застонали.
В груди его от скорби сердце сжалось.
Он мавру молвит: «Бог тебя накажет.
Ты за убитых мне сейчас заплатишь».
Коня он шпорит, мчится на араба.
Кто б верх ни взял, ужасна будет схватка.

CXXIV

И мудр и смел Грандоний был всегда,
В сраженье никогда не отступал.
Пустил он на Роланда скакуна.
Хоть графа он увидел в первый раз,
Но вмиг его узнал по блеску глаз,
По статности, по красоте лица.
Невольный страх почувствовал араб,
Попробовал, но не успел бежать —
Роланд нанес ему такой удар,
Что по забрало шлем пробила сталь,
Сквозь лоб, и нос, и челюсти прошла,
Грудь пополам с размаху рассекла,
И панцирь, и луку из серебра.
Роланд коню спинной хребет сломал,
Убил и скакуна и седока.
Испанцы стонут — их печаль тяжка.

Французы молвят: «Лихо рубит граф!»
Ужасен бой, и сеча жестока.
Французы на копье берут врага.
Когда бы привелось увидеть вам,
Как мрут бойцы, как хлещет кровь из ран,
Как трупы грудой на траве лежат!
Не устоять язычникам никак —
Хотят иль нет, а надо отступать.
Французы их теснят и гонят вспfive.
Аой!

CXXV

Ужасна сеча, бой жесток и долог.
Французы бьются смело и упорно,
Арабам рубят руки, ребра, кости
И сквозь одежду в них вгоняют копья.
Зеленая трава красна от крови.
Арабы стонут: «Устоять нет мочи.
Французский край, будь Магометом проклят.
Твои сыны — отважней всех народов».
Марсилию кричат все мавры в голос:
«Король, поторопись подать нам помощь!»

CXXVI

Вот графа Оливье Роланд зовет:
«Мой побратим, согласны вы со мной,
Что пастырь наш Турпен — боец лихой?
Никто на свете не затмит его.
Разит он славно дротом и копьем».
Ответил тот: «Пора ему помочь».
И оба в битву поскакали вновь.
Удар их мощен, грозен их напор,
И все же христианам тяжело.
Когда бы вам увидеть привелось,
Как Оливье с Роландом бьют мечом,
Как мавров на копье Турпен берет!
Известно павших сарацин число —
И в грамотах и в жесте есть оно:
Их было тысяч свыше четырех.
Четырежды французы дали бой,
Но пятый был особенно жесток.

Всех рыцарей французских он унес.
Лишь шестьдесят от смерти спас господь,
Но сладить с ними будет нелегко.
Аой!

CXXVII

Роланд увидел — велики потери
И к Оливье такое слово держит:
«Собрат, я вам клянусь царем небесным,
Весь луг телами рыцарей усеян.
Скорблю о милой Франции я сердцем:
Защитников она лишилась верных.
Ах, друг-король, опора наша, где вы?
Брат Оливье, скажите, что нам делать?
Как королю послать о нас известье?»
Ответил граф: «Не дам я вам совета.
По мне, погибель лучше, чем бесчестье».
Аой!

CXXVIII

Роланд сказал: «Возьму я Олифан
И затрублю, чтоб нас услышал Карл.
Ручаюсь вам, он повернет войска».
Граф Оливье ответил: «Нет, собрат.
Вы род наш осрамите навсегда.
Не смыть вовек нам этого пятна.
Не вняли вы, когда я к вам взывал,
А ныне поздно нам на помощь звать.
Бесчестьем было б затрубить сейчас —
Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас».
«То вражья кровь!» — воскликнул граф Роланд.
Аой!

CXXIX

Промолвил граф Роланд: «Ужасна сеча!
Я затрублю, и Карл сюда поспеет».
Ответил Оливье: «То нам не к чести.
Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
Будь здесь король, мы гибели б избегли,
Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.

Собрат, клянусь вам бородой моею,
Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
Она с Роландом ложе не разделит».
Аой!

CXXX

Спросил Роланд: «Чем так вы недовольны?»
А тот ответил: «Вы всему виною.
Быть смелым мало — быть разумным должно,
И лучше меру знать, чем сумасбродить.
Французов погубила ваша гордость.
Мы королю уж не послужим больше.
Подай вы зов, поспел бы он на помощь
И не избегли б нехристи разгрома,
Король Марсилий — плена или гроба.
Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
Теперь вы Карлу больше не помощник.
Вовек он не найдет слуги такого.
Вы здесь умрете, Франции на горе,
И наша дружба кончится сегодня:
До вечера мы дух испустим оба».
Аой!

CXXXI

Архиепископ спор услышал их,
Златые шпоры в скакуна вонзил,
Подъехал и с упреком говорит:
«Роланд и Оливье, друзья мои,
Пусть вас господь от ссоры сохранит!
Никто уже не может нас спасти,
Но все-таки должны вы затрубить.
Услышит Карл, неверным отомстит,
Французы маврам не дадут уйти.
Сойдут они со скакунов своих,
Увидят нас, изрубленных в куски,
Оплачут нашу смерть от всей души,
Нас приторочат к мулам на вьюки
И прах наш отвезут в монастыри,
Чтоб нас не съели свиньи или псы».
Роланд в ответ: «Умней не рассудить».
Аой!

CXXXII

Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднес ко рту и затрубил с усильем.
Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнесся миль на тридцать.
Французы слышат, слышит Карл Великий.
Он молвит: «Наши с маврами схватились».
Но уверяет Ганелон в противном:
«Не будь то вы, я речь назвал бы лживой».
Аой!

CXXXIII

В свой Олифан трубит Роланд с трудом.
Превозмогает он тоску и боль.
Стекает с губ его густая кровь,
С натуги лопнул у него висок.
Разнесся зов на много миль кругом.
Услышали его в ущельях гор
И Карл, и все французы, и Немон.
«Я слышу Олифан,— сказал король.—
А раз Роланд трубит, там грянул бой».
«Какой там бой! — ответил Ганелон.—
Вы — человек и старый и седой,
А, как ребенок, говорите вздор.
Все знают, что Роланд ваш — сумасброд.
Как только спесь ему прощает бог!
Вас не спросясь, он взял когда-то Нопль.
Сразились с ним арабы у ворот.
Он изрубил их всех до одного
И вымыть луг водой велел потом,
Чтоб не узнали вы о битве той.
Теперь, наверно, зайца гонит он
Иль пэров потешает похвальбой.
Помериться с ним не дерзнет никто.
Вперед! Зачем задерживать бойцов?
До Франции идти им далеко».
Аой!

CXXXIV

Уста покрыты у Роланда кровью,
Висок с натуги непомерной лопнул.
Трубит он в Олифан с тоской и болью.

Карл и французы слушают в тревоге.
«Как долог зов!» — король Немону молвит.
А тот в ответ: «Беда стряслась с бароном.
Я вам клянусь, дерутся там жестоко.
Изменник тот, кто задержать вас хочет.
Доспех наденьте, клич свой ратный бросьте,
Ведите нас племяннику на помощь.
Вы слышали, как он о ней вас просит».

CXXXV

Король велел трубить во все рога.
Рать спешилась, в доспехи облеклась.
Все при кольчугах, шишаках, мечах,
Булатных копьях, расписных щитах.
Значок копейный бел, иль желт, иль ал.
На скакунов опять садится рать.
Бароны шпорят, по ущельям мчат,
У каждого одно лишь на устах:
«Когда б в живых Роланда нам застать,
Узнал бы враг, как мощен наш удар».
Увы, на помощь не поспеет Карл.

CXXXVI

Садится солнце, но горит светло.
Блестит в лучах оружие бойцов,
Пылает и слепит глаза огонь —
Так много там сверкает шишаков,
Цветных значков и расписных щитов.
Мчит император, ярым гневом полн,
Французы скачут в горести большой.
Скорбят они, сдержать не могут слез,
Боятся, что унес Роланда бой.
Взять Ганелона приказал король.
Велел, чтобы стерег его Бегон,
Начальник всех придворных поваров:
«Глаз не спускай с него: изменник он.
Арабам предан им племянник мой».
Отвел на кухню Ганелона тот.
До сотни поваров туда сошлось.

Рвет каждый графу бороду рукой,
Четырежды бьет кулаком в лицо,
Злодея лупит палкой иль кнутом.
За шею был прикован Ганелон,
На цепь посажен, как медведь лесной,
На клячу взгроможден и сдан в обоз,
Где до суда так и везли его.
Аой!

CXXXVII

Высоки горы, мрачен склон и крут,
Ущельями потоки вниз бегут.
Со всех сторон несутся звуки труб:
Ответ французы Олифану шлют.
Мчит император, гневен и угрюм,
От горя у баронов рвется грудь,
Ручьями слезы по лицу текут.
Все молятся всевышнему творцу,
Чтоб охранил Роланда он в бою,
Пока они на помощь не придут.
Увы, молитвой не поможешь тут:
Им не поспеть на выручку к нему.
Аой!

CXXXVIII

В великом гневе мчится император,
Поверх кольчуги — борода седая.
Коней бароны шпорят, понукают,
Рыдают от печали и досады,
Что рядом не сражаются с Роландом,
Который бой дает испанским маврам;
Конец его бойцам, коль графа ранят.
Увы, всего их шестьдесят осталось.
Но мир не видел воинов, им равных.
Аой!

CXXXIX

Взглянул на склоны мрачные Роланд.
Везде французы мертвые лежат.
По-рыцарски их всех оплакал граф:

«Да упокоит бог, бароны, вас,
Да впустит ваши души в светлый рай
И даст возлечь вам на святых цветах.
Мир доблестней вассалов не видал.
Служили вы мне долгие года,
Со мною покорили много стран.
Вас вырастил, себе на горе, Карл.
Французский край, прекрасная страна,
Ты тяжкую утрату понесла!
Бароны, ваша смерть — моя вина:
Ведь я не уберег вас и не спас.
Пускай господь за муки вам воздаст.
Брат Оливье, я с вами — до конца:
Коль не убьют, умру с тоски по вам.
Мой побратим, нам снова в бой пора».

CXL

Опять Роланд по полю боя мчит,
Как истинный вассал, мечом разит:
Фальдрона из Пюи перерубил
И двадцать с лишним нехристей убил,—
Никто еще так яростно не мстил.
Быстрее, чем олень от псов бежит,
Арабы рассыпаются пред ним.
«Вот истинный барон! — Турпен кричит.—
Быть рыцарю и следует таким.
Кто взял оружье и в седле сидит,
Тот должен быть и смел, и полон сил.
Тот и гроша не стоит, кто труслив.
Пускай себе идет в монастыри,
Замаливает там грехи других».
Роланд в ответ: «Вперед! Смелей руби!»
Вновь мавров бить французы принялись,
Но падает немало их самих.

CXLI

Кого в бою не плен, а гибель ждет,
Тот даром жизнь свою не отдает.
Французы бьются яростнее львов.
Вот мчит Марсилий, как лихой барон.

Под ним скакун по имени Ганьон,
Он на Бевона устремил его.
Бевон держал, как лен, Дижон и Бон.
Мавр щит и бронь пробил ему копьем,
Француза вышиб из седла легко.
Убиты им Иворий и Ивон,
Жерар из Руссильона им пронзен.
По счастью, был Роланд недалеко.
Он молвил: «Да сразит тебя господь!
Ты, сарацин, убил моих бойцов,
Но без расплаты с поля не уйдешь.
Знакомство ты сведешь с моим мечом».
Ударил граф, как истинный барон,—
Простился с кистью правою король.
На Журфалея грянул граф потом,
Марсилиеву сыну череп снес.
Взывают мавры: «Магомет, наш бог,
Отмсти же Карлу за твоих сынов!
Злодеев сущих здесь оставил он —
Умрут, но не отступят ни за что».
Вопит вся рать: «Бежим отсюда прочь!»
Ушло арабов с поля тысяч сто,
Как ни зови, назад их не вернешь.
Аой!

CXLII

Король бежал, но мало пользы в этом:
Здесь альгалиф, Марсильев дядя-нехристь.
Гармалью, Карфаген, Альфрер он держит,
Проклятой Эфиопией владеет.
Ведет он племя черное в сраженье —
Широконосых, большеухих негров.
Их будет там полсотни тысяч целых.
На бой они летят в великом гневе,
Бросают клич язычников победный.
Воскликнул граф Роланд: «Бароны, верьте,
Здесь мученический конец мы встретим.
Трус — тот, кто жизнь уступит за бесценок.
В бой, рыцари! Мечом разите метко,
Не на живот, а на смерть с мавром бейтесь,
Чтоб милой Франции не обесчестить.
Сеньер наш Карл придет на это место —

Увидит, что побита тьма неверных,
А наших трупов раз в пятнадцать меньше,
Благословит за это нас посмертно».
Аой!

CXLIII

Граф на безбожных негров посмотрел
И видит, что они чернил черней.
Лишь цвет зубов у басурманов бел.
Роланд сказал: «Бароны, верьте мне,
Мы все до одного поляжем здесь.
Французы, бейте нехристей смелей».
«Трус, кто отстанет!» — молвил Оливье
И ринулся врагам наперерез.

CXLIV

Арабы видят, что французов — горсть,
Твердят друг другу в радости большой:
«Не прав пред нашим богом их король».
Мчит альгалифа в битву рыжий конь,
Златою шпорой колет мавр его.
Он в спину Оливье разит копьем.
Кольчугу графа взрезало оно,
Навылет через грудь его прошло.
Смеется альгалиф: «Удар хорош!
Напрасно Карл оставил вас меж гор:
Он этим лишь нанес себе урон.
Тебя убив, я отомстил за все».

CXLV

Увидел Оливье — подходит смерть.
Сжал он свой вороненый Альтеклер,
Ударил мавра им по голове.
Шлем драгоценный лопнул на враге,
До челюстей рассек араба меч.
Граф альгалифа на землю поверг
И молвил: «Будь ты проклят, подлый лжец!
Что Карл разбит — не скажешь ты вовек
И перед дамой иль женой своей
Не станешь хвастать у себя в стране,

Что повредить нам хоть на грош сумел —
Мне иль другим, кто бился с вами здесь».
И Оливье позвал: «Роланд, ко мне!»
Аой!

CXLVI

Увидел Оливье, что смерть пришла,
Спешит неверным отомстить сполна.
В ряды арабов он коня вогнал,
Щиты и копья рубит пополам,
Пронзает руки, груди и бока.
Взглянуть бы вам, как крошит он врага,
Как валит мертвеца на мертвеца,
Сказали б вы: «Отважней нет бойца!»
Граф громко возглашает: «Монжуа!» —
Тот клич, с которым в битву мчится Карл.
Зовет Роланда он: «Ко мне, собрат!
Побудьте подле друга в смертный час.
Расстаться суждено сегодня нам».
Аой!

CXLVII

Роланд бросает взгляд на побратима.
Тот бледен и уже синеет ликом.
Из ран на теле кровь ручьем струится,
Всю мураву вокруг она смочила.
Граф молвит: «Как помочь, о вседержитель?
Собрат, отвага ваша вас сгубила.
Таких, как вы, не будет больше в мире.
Ах, край французский, милая отчизна,
Тебя утрата горькая постигнет.
Потерпит наш король ущерб великий».
И чувств от горя граф в седле лишился.
Аой!

CXLVIII

Когда бы вам их видеть привелось!
Один — чуть жив, лишился чувств — другой.
Граф Оливье ослаб, теряет кровь.

Так стало у него в глазах темно,
Что он узнать не может никого.
К нему подъехал побратим его,
А он по голове Роланда бьет,
Шлем золотой рассек на нем мечом,
Но сталь, по счастью, не задела лоб.
Роланда вмиг удар в себя привел,
Спросил у побратима кротко он:
«Намеренно ль вы подняли клинок?
Ведь я Роланд, что к вам любовью полн.
За что же вы мне платите враждой?»
А тот в ответ: «Не видит вас мой взор,
Хоть я и слышу звуки ваших слов.
Прошу простить, коль рану вам нанес».
Роланд к нему: «Я цел, свидетель бог,
И вас простить я перед ним готов».
Они друг другу отдали поклон,
Любовно распростились пред концом.

CXLIX

Увидел Оливье, что смерть подходит.
Запали у него глаза глубоко,
Слух отказал ему и зренье тоже.
Сошел со скакуна и наземь лег он,
В грехах, свершенных им, признался богу.
Вот руки он сложил и к небу поднял,
Впустить его в ворота рая просит,
За милый край родной, за Карла молит
И за Роланда, друга дорогого.
Остановилось сердце в нем, он дрогнул
И на траве во весь свой рост простерся.
Скончался граф и богу душу отдал.
Его собрат над ним рыдает горько.
Еще никто так не терзался скорбью.

CL

Увидел граф Роланд, что друг убит,
Что головой к востоку он лежит,
Стал сокрушаться горестно над ним:
«Ты храбростью своей себя сгубил.

Ты был мне братом много лет и зим,
Друг другу не чинили мы обид.
Коль дух ты испустил — и мне не жить».
Так граф промолвил и без чувств поник
На скакуне, чье имя Вельянтиф.
Но в стремена он ноги пропустил
И потому с коня не рухнул вниз.
Аой!

CLI

Едва Роланд в сознание пришел,
Оправился и сил набрался вновь,
Как он увидел, что проигран бой:
Все войско христиан костьми легло,
Жив лишь Турпен и с ним Готье де л'Он.
Готье сошел к своим в долину с гор.
Он пораженье нехристям нанес,
Но потерял и всех своих бойцов.
Вернуться одному ему пришлось.
Зовет Роланда на подмогу он:
«О, где ты, граф, отважный мой сеньер?
С тобою не боюсь я никого.
Я — тот, кем Маэльгю был покорен,
Готье, чьим дядей был седой Дроон.
По доблести я — сотоварищ твой.
Пробит мой щит, изломано копье,
Изрублена в куски мечами бронь,
И тело пронзено мое насквозь,
Но я арабам отплатил с лихвой».
Услышал граф — Готье зовет его,
Дал шпоры, поспешил Готье помочь.

CLII

Вскипел Роланд от гнева и тоски,
В ряды врубился, стал врага косить,
Поверг на землю двадцать сарацин,
Шесть их — Готье и пять — Турпен убил.
Все войско нечестивое вопит:
«Друзья, уйти злодеям не дадим!
Позор тому, кто убоится их,

Бесчестие тому, кто их щадит!»
Со всех сторон несутся гам и крик,
Кольцом обстали рыцарей враги.
Аой!

CLIII

Отважен и бесстрашен граф Роланд,
Готье де л'Он — боец ему под стать,
Архиепископ — опытен и храбр.
Прикрыть в бою собрата каждый рад.
Втроем они врубились в строй врага.
Сошла арабов тысяча с седла,
А сорок тысяч на конях сидят:
Боятся, видно, бой французам дать
И не подходят на длину меча,
Лишь копья мечут в них издалека.
Готье убили с первого броска,
Затем был ранен в голову прелат.
Проломлен щит его, пробит шишак,
Рассечена броня и пронзена,
Четыре пики разом в ней торчат.
Убили под Турпеном скакуна.
Увы, архиепископ наземь пал!
Аой!

CLIV

Турпен увидел — тяжко ранен он:
Четыре пики вонзены в него,
Но тут же встал, как истинный барон,
Взглянул вокруг, к Роланду подошел
И молвил: «Я еще не побежден.
Живым не сдастся в плен вассал честной».
Взял он Альмас, меч вороненый свой,
И тысячу ударов им нанес.
Воочью видел после наш король —
Четыреста арабов там легло:
Кто тяжко ранен, кто пронзен насквозь,
А кто и распростился с головой.
Так молвит жеста, пишет муж святой,
Барон Эгидий, зревший этот бой.
Хранится в Лане летопись его,
И лишь невежда не слыхал о том.

CLV

Безжалостно Роланд разит врага,
Но он в поту, в жару и жив едва.
От боли у него темно в глазах:
Трубя, виски с натуги он порвал.
Он хочет знать, вернется ль Карл назад,
Трубит из сил последних в Олифан.
Король услышал, скакуна сдержал
И говорит: «В горах беда стряслась.
Племянник мой покинет нынче нас.
Трубит он слабо,— значит, смерть пришла.
Коней пришпорьте, чтоб не опоздать.
Пусть затрубят все наши трубы враз».
Труб у французов тысяч шестьдесят,
Им вторит дол, и отзвук шлет гора.
Смолкает смех у мавров на устах.
«Подходит Карл!» — язычники вопят.
Аой!

CLVI

Язычники вопят: «Король подходит!
Иль не слыхать вам труб французских голос?
Беда нам будет, если Карл вернется.
Покуда жив Роланд, войну не кончить,
Он всех нас из Испании прогонит».
И вот на графа мчатся в шлемах добрых
Четыре сотни сарацин отборных.
Их натиск рьян, удары их жестоки.
Роланда ждет нелегкая работа.
Аой!

CLVII

Увидел граф, что враг к нему спешит,
Стал снова лют, опять набрался сил.
Не сдастся он — не взять его живым.
На Вельянтифе резвом граф сидит,
Коня златою шпорой горячит.
Врывается он в гущу сарацин,
Турпен-архиепископ рядом с ним.
Кричат они друг другу: «Бей, руби!
Уже слыхать французский рог вдали.
Подходит Карл, наш мощный властелин».

CLVIII

Не жаловал и не терпел Роланд
Ни труса, ни лжеца, ни гордеца,
Ни рыцаря, коль он плохой вассал.
«Сеньер,— отцу Турпену молвил граф,—
Хоть пеши вы, а я не сбит с седла,
Мы с вами вместе будем до конца,
Разделим скорбь и радость пополам.
Я ни на что не променяю вас.
Запомнят сарацины навсегда,
Как бьет Альмас и рубит Дюрандаль!»
Турпен в ответ: «Тому, кто дрогнул,— срам!
Вернется Карл и отомстит за нас».

CLIX

Вопят враги: «Будь проклят этот день!
На горе нам мы родились на свет.
Лишились мы сеньеров наших здесь.
Могучий Карл сюда спешит уже.
Рев труб французских слышен вдалеке.
Клич «Монжуа!» летит ему вослед.
В бесстрашии Роланду равных нет,
С ним ни один не сладит человек.
Метай в него копье — и прочь скорей!»
Град пик и дротов в графа полетел.
Пустили мавры рой пернатых стрел.
Щит рыцаря пронизан ими весь.
Пробит и рассечен на нем доспех.
Хоть сам Роланд ни разу не задет,
Но Вельянтиф поранен в тридцать мест,
На землю он упал и околел.
Язычники бегут что силы есть.
Остался граф Роланд один и пеш.
Аой!

CLX

Полны арабы гнева и стыда.
Бегут они в Испанию назад,
Не может их преследовать Роланд:
Конь Вельянтиф под ним в сраженье пал.

Отныне пешим должен биться граф.
Турпену помощь он спешит подать:
Шлем золотой он развязал сперва,
Затем кольчугу расстегнул и снял,
Разрезал на куски его кафтан
И раны накрепко перевязал.
Потом к своей груди его прижал,
Отнес туда, где гуще мурава,
Стал перед ним смиренно речь держать:
«Сеньер, дозвольте мне покинуть вас.
Собратья наши мертвыми лежат,
Но бросить их не к чести было б нам.
Пойду я мертвых по полю искать.
У ваших ног на луг сложу их в ряд».
Турпен в ответ: «Несите их сюда.
Господь велик, оставил поле враг!»

CLXI

Роланд обходит груды мертвецов.
Осматривает дол и горный склон.
Отысканы им Беранже, Атон,
Затем Жерен, Жерье, собрат его,
Спесивец Ансеис и дук Самсон,
Жерар из Руссильона, пэр седой.
Унес он их останки чередом,
К Турпену с ними возвратился вновь,
У ног его сложил тела бойцов.
Не мог сдержать архиепископ слез,
Благословил соратников рукой
И молвил: «Вас сгубил злосчастный бой.
Да упокоит ваши души бог
В раю небесном меж святых цветов.
И я умру — уже недолог срок.
Мне Карла увидать не суждено».

CLXII

Вновь по полю Роланд побрел один,
Увидел: побратим его лежит.
Он поднял Оливье, прижал к груди,
Отнес к Турпену, наземь опустил.

С другими рядом положил на щит.
Прелат крестом всех пэров осенил,
А граф Роланд еще сильней скорбит.
Он молвит: «Оливье, мой побратим,
Тебя маркграф Ренье на свет родил,
Был он долин Рунерских властелин.
Щит расколоть, копье переломить,
Спесивцу дать урок и страх внушить,
Наставить тех, кто честен и не лжив,
Злодея покарать и поразить
Не мог никто на свете так, как ты».

CLXIII

Увидел граф, что пэров больше нет,
Что умер друг любимый Оливье,
Скорбит и льет он слезы из очей,
Весь побледнел, меняется в лице.
Потом от скорби ослабел вконец,
Без памяти простерся на земле.
«Беда! Умрет барон»,— сказал Турпен.

CLXIV

Турпен увидел — чувств лишился граф.
Ни разу так прелат не горевал.
Рукою он нащупал Олифан.
Со склона ключ сбегает в Ронсеваль.
Решил Турпен напиться графу дать.
Встает он, чтоб добраться до ключа.
Но стоит каждый шаг ему труда:
Немало крови потерял прелат.
Шатаясь, он прошел один арпан,
Сознание утратил и упал,
В мучениях предсмертных ждет конца.

CLXV

Меж тем Роланд пришел в сознанье вновь,
Встал на ноги, но скорбь томит его.
На горы и на дол он бросил взор.

Спят на траве все пэры вечным сном,
А подле них лежит Турпен-барон,
Архиепископ и слуга Христов.
Покаялся в грехах свершенных он
И обе руки к небесам простер,
Моля, чтоб в рай впустил его господь...
Почил Турпен, кого любил король.
Служил он Карлу словом и мечом,
Разить неверных был всегда готов.
Да ниспошлет ему прощенье бог!
Аой!

CLXVI

Увидел граф — Турпен повержен наземь,
Из тела внутренности выпадают,
Сочится мозг, течет на лоб из раны,
А на груди, промеж ключиц прелата,
Белеют руки, сложены крест-накрест.
Блюдя родной обычай, граф восплакал:
«О рыцарь славный и рожденьем знатный,
Да смилуется царь небес над вами.
Вам со времен апостолов нет равных
В служенье нашей вере христианской,
В умении заблудшего наставить.
Пусть вашу душу бог от мук избавит,
Пред нею распахнет ворота рая».

CLXVII

Почуял граф, что смерть его близка,
Что мозг ушами начал вытекать.
За пэров молит бога он сперва,
А после, Гавриила за себя.
Чтоб не покрыл его посмертно срам,
Схватил он Олифан и Дюрандаль
И углубился в землю басурман
Намного дальше, чем летит стрела.
Два дерева там вниз глядят с холма,
Четыре глыбы мраморных лежат.
Граф на траву, недвижимый, упал,
Лишился чувств, встречает смертный час.

CLXVIII

Хребет высок, и высоки деревья.
Четыре глыбы мраморные блещут.
Граф на траве простерся без движенья.
Давно следит за ним один неверный.
Прикинулся он мертвым, лег на землю,
Испачкал кровью и лицо и тело.
К Роланду он кидается поспешно.
Смел этот нехристь и могуч сложеньем,
Объят смертельной злобою и спесью.
Он молвит, тронув графские доспехи:
«Племянник Карла побежден в сраженье.
Сей меч со мной в Аравию уедет».
Роланд открыл глаза при этой речи.

CLXIX

Почуял граф, что нет при нем меча,
Открыл глаза, арабу так сказал:
«Сдается мне, что родом ты не наш».
Взял он свой неразлучный Олифан,
Ударил мавра в золотой шишак,
Пробил и шлем и голову врага,
На землю вышиб из орбит глаза,
Труп нехристя свалил к своим ногам
И молвил: «Ты рехнулся, подлый мавр!
Тебе ли руку на Роланда класть?
У всех ты прослывешь за дурака.
Жаль, расколол свой рог я об тебя,
С него отбил все злато и хрусталь».

CLXX

Почуял граф, что смерть его настигла,
Встал на ноги, собрал остаток силы,
Идет, хотя в лице и ни кровинки.
Пред темной глыбой он остановился,
По ней ударил десять раз сердито.
О камень меч звенит, но не щербится.
Граф молвит: «Богоматерь, помоги мне,
Пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься.
Мне больше ты уже не пригодишься.

С тобой мы многих недругов побили,
С тобой большие земли покорили.
Там Карл седобородый правит ныне.
Владеть тобой не должен враг трусливый:
Носил тебя вассал неустрашимый,
Такого край наш больше не увидит».

CLXXI

Бьет граф теперь мечом по глыбе красной.
Сталь не щербится — лишь звенит о камень.
Он видит, что с клинком ему не сладить,
И начинает тихо сокрушаться:
«Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!
Ты в Морианском доле дан был Карлу —
Тебя вручил ему господний ангел,
Чтоб ты достался лучшему вассалу,
И Карл меня тобою препоясал.
С тобой я покорил Анжу с Бретанью,
С тобою Мэн и Пуату я занял;
С тобой громил я вольный край нормандский;
С тобой смирил Прованс, и Аквитанью,
И всю Романью, и страну ломбардцев;
С тобою бил фламандцев и баварцев;
С тобой ходил к полякам и болгарам;
С тобой Царьград принудил Карлу сдаться;
С тобой привел к повиновенью саксов,
Ирландцев, и валлийцев, и шотландцев,
И данниками Карла сделал англов;
С тобою вместе покорил все страны,
Где ныне Карл седобородый правит.
С тобой расстаться больно мне и жалко.
Умру, но не отдам тебя арабам.
Спаси нас, боже, от такого срама!»

CLXXII

Бьет граф Роланд теперь по глыбе серой.
Немало от нее кусков отсек он;
Сталь не щербится — лишь звенит, как прежде;
Меч, невредим, отскакивает кверху.

«Песнь о Роланде»

Граф видит — все усилья бесполезны
И тихо восклицает в сокрушенье:
О Дюрандаль булатный, меч мой светлый,
В чью рукоять святыни встарь я вделал:
В ней кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, божья человека,
Обрывок риз Марии-приснодевы.
Да не послужит сталь твоя неверным.
Пусть лишь христианин тобой владеет,
Пусть трус тебя вовеки не наденет!
С тобой я покорил большие земли.
Наш Карл пышнобородый — их владетель.
Он ими правит с пользою и честью».

CLXXIII

Почуял граф — приходит смерть ему.
Холодный пот струится по челу.
Идет он под тенистую сосну,
Ложится на зеленую траву,
Свой меч и рог кладет себе на грудь.
К Испании лицо он повернул,
Чтоб было видно Карлу-королю,
Когда он с войском снова будет тут,
Что граф погиб, но победил в бою.
В грехах Роланд покаялся творцу,
Ему в залог перчатку протянул.
Аой!

CLXXIV

Почуял граф, что кончен век его.
К Испании он обратил лицо,
Ударил в грудь себя одной рукой:
«Да ниспошлет прощение мне бог,
Мне, кто грешил и в малом и в большом
Со дня, когда я был на свет рожден,
По этот, для меня последний, бой».
Граф правую перчатку ввысь вознес,
Шлет ангелов за ним с небес господь.
Аой!

CLXXV

Граф под сосною на холме лежит.
К Испании лицо он обратил,
Стал вспоминать о подвигах своих,
О землях, что когда-то покорил,
О милой Франции и о родных,
О Карле, ибо тот его вскормил.
Он плачет — слезы удержать нет сил,
Но помнит о спасении души,
Вновь просит отпустить ему грехи:
«Царю небес, от века чуждый лжи,
Кто Лазаря из мертвых воскресил,
Кем был от львов избавлен Даниил,
Помилуй мою душу и спаси,
Прости мне прегрешения мои».
Он правую перчатку поднял ввысь.
Приял ее архангел Гавриил.
Граф головою на плечо поник
И, руки на груди сложив, почил.
К нему слетели с неба херувим,
И на водах спаситель Михаил,
И Гавриил-архангел в помощь им.
В рай душу графа понесли они.

CLXXVI

Роланд скончался, он в раю теперь.
Карл в Ронсеваль вернулся наконец.
Там ни тропинки, ни местечка нет,
Где б не лежал убитый на земле
Французский иль языческий боец.
«Где ты, племянник? — молвит Карл в тоске.—
Где вы, архиепископ, Оливье,
Жерен и побратим его Жерье?
Где вы, Атон и смелый Беранже,
Иворий и Ивон, что милы мне?
Где ты, гасконский рыцарь Анжелье?
Где дук Самсон и Ансеис-гордец?
Старик Жерар из Руссильона где?
Где пэры, коих я оставил здесь?»
Увы! Ни звука королю в ответ.

Карл восклицает: «Всеблагой творец,
Зачем я не был с ними в этот день!»
Рвет бороду, сдержать не может гнев.
Рыдает он, и с ним бароны все.
Без чувств там двадцать тысяч человек.
Седой Немон скорбит всего сильней.

CLXXVII

Нет рыцаря и нет барона там,
Чтоб в грудь себя не бил и не рыдал.
Горюют все о братьях и сынах,
О родичах, сеньерах и друзьях.
Без чувств от горя многие лежат.
Один Немон переборол печаль
И говорит, как истинный вассал:
«Вон там, в двух лье, не более, от нас,
Дорогу тучей пыль заволокла.
То восвояси нехристи спешат.
Вдогон поскачем, отомстим врагам».
Король в ответ: «Злодеи быстро мчат.
Создатель, помоги их покарать.
Цвет Франции погиб — то их вина».
Отона с Жебоэном он призвал,
Милона и Тибо им в помощь дал:
«Останьтесь дол и горы охранять
И тех, кто здесь сподобился конца,
Чтоб их ни лев, ни волк не растерзал,
Чтоб мертвецов никто не обобрал,
Чтоб не коснулась их ничья рука,
Пока не возвратимся мы назад».
Ответили бароны на приказ:
«Исполним все, сеньер и государь».
Им тысячу бойцов оставил Карл.
Аой!

CLXXVIII

Карл приказал полкам трубить поход.
В погоню он свои войска повел.
Арабы убегают от него,
Торопятся французы им вдогон.
Но видит Карл — темнеет небосвод.

На луг зеленый он с коня сошел,
Пал на траву лицом, мольбу вознес,
Чтоб солнце в небе задержал господь,
День удлинил и отодвинул ночь.
И вот услышал ангела король —
Тот ангел говорил с ним не впервой:
«Скачи, король,— продлится свет дневной.
Цвет Франции погиб — то видит бог.
Злодеям ныне ты воздашь за все».
Карл ободрился, вновь вскочил в седло.
Аой!

CLXXIX

Бог ради Карла чудо совершил
И солнце в небесах остановил.
Французы гонят вражие полки.
Карл в Вальтенебре нехристей настиг
И к Сарагосе сарацин теснит.
Его бароны бьют и рубят их,
Им отрезают к бегству все пути.
Арабы видят: Эбро впереди.
Быстрей и глубже не найти реки,
И нет на ней ни судна, ни ладьи.
Воззвали к Тервагану беглецы,
Попрыгали в поток, но не спаслись:
Доспехи увлекли на дно одних —
Те утонули раньше остальных;
Других сперва снесло теченьем вниз;
Кто разом захлебнулся — тот счастлив.
Простились с жизнью в муках все враги.
Скорбят французы: «Граф Роланд погиб!»
Аой!

CLXXX

Увидел Карл, что истребил врага:
Кто от воды погиб, кто от меча.
Несметная добыча им взята.
Сошел король прославленный с седла,
На землю пал и восхвалил творца.
Когда он встал, уже погас закат.
Карл молвил: «Здесь мы сделаем привал.
Вернуться в Ронсеваль мешает мрак.

Да и коням не худо отдых дать.
Их разнуздать и расседлать пора.
Пускай всю ночь пасутся на лугах».
Французы говорят: «Король наш прав».
Аой!

CLXXXI

Остановился наш король на отдых.
Разбили стан французы в чистом поле,
Со скакунов усталых сняли седла,
Уздечки золотые сняли тоже —
Пускай идут пастись на луг зеленый,
Коль не нашлось для них иного корма.
Уснули прямо на земле бароны,
Забыли даже выставить дозорных.

CLXXXII

Вот на лугу лег император спать.
Его копье большое — в головах.
В доспехах он остался до утра.
Броня на нем, блестяща и бела,
Сверкает золотой его шишак,
Меч Жуайёз свисает вдоль бедра,—
Он за день цвет меняет тридцать раз.
Кто не слыхал про острие копья,
Пронзившее распятого Христа?
Теперь тем острием владеет Карл.
Его он вправил в рукоять меча.
В честь столь большой святыни свой булат
Он Жуайёзом — «Радостным» — назвал.
Тот меч французам памятен всегда:
Недаром клич их бранный — «Монжуа!»,
Недаром их никто не побеждал.

CLXXXIII

Сияет месяц, и прозрачна ночь.
Горюет о племяннике король,
И графа Оливье жалеет он,

И пэров, и других своих бойцов,
Чьи трупы полнят ронсевальский дол.
Рыдает он, сдержать не может слез,
И молится, чтоб их простил господь.
Но утомил тяжелый день его.
Он обессилел и впадает в сон.
Лежат французы на поле пластом.
Свалились даже скакуны их с ног:
Траву жуют, а встать не могут вновь.
Да, тот учен, кто выучен бедой!

CLXXXIV

Уснул король — смертельно он устал.
Но Гавриила бог к нему послал,
Чтоб тот его оберегал от зла.
Архангел встал у Карла в головах
И в вещем сне явил его очам
Бой, что должны французы будут дать,
А это — грозный и тревожный знак.
Взор император поднял к небесам:
Лютуют там морозы, ветры, град,
Свирепствуют там бури и гроза.
Там молнии огнем слепят глаза
И прыщут на французские войска.
Сжигает пламя древки пик дотла,
Шипы златые плавит на щитах,
Копье ломает у бойца в руках,
Коробит сталь брони и шишака.
С французами стряслась к тому ж беда:
Кидаются на них медведь и барс,
Шлет змей, драконов, василисков ад,
И тридцать тысяч хищных грифов мчат —
Хотят баронов Карла растерзать.
Карл слышит крик: «На помощь, государь!»
Скорбит король: ему вассалов жаль.
На выручку он силится бежать,
Но видит пред собой большого льва.
Из леса зверь выходит, зол и яр,
На короля бросается, рыча.
С чудовищем вступает в битву Карл.
Не знает он, чем кончится борьба,
Но крепко спит, открыть не может глаз.

CLXXXV

Карл новый сон узрел за первым вслед.
Он в Ахене своем, пред ним медведь:
На цепь двойную им посажен зверь,
А тридцать подбегают от Арденн
И говорят на языке людей:
«Снимите, государь, с медведя цепь.
Не по закону взят он вами в плен.
Мы родича не отдадим на смерть».
Но из дворца проворный пес приспел,
Схватился с самым сильным из зверей
И покатился с ним по мураве.
Жестокий бой меж ними закипел,
Но Карл не знает, кто одержит верх.
Все это ангел дал ему узреть,
Но спит король — проснуться мочи нет.

CLXXXVI

Марсилий возвратился в Сарагосу.
В тени оливы с лошади сошел он,
Свой меч, шишак и панцирь слугам отдал,
Обезображен, на траве простерся.
Лишился правой он руки по локоть,
Лежит без чувств, теряет крови много.
Вопит его супруга Брамимонда,
Над ним рыдает и от скорби стонет.
Вопят с ней двадцать тысяч царедворцев,
Клянут владыку Франции жестоко.
Стоял там Аполлен, их идол, в гроте.
Они к нему бегут, его поносят:
«За что ты, злобный бог, нас опозорил
И короля на поруганье бросил?
Ты верных слуг вознаграждаешь плохо».
Они сорвали с идола корону,
Потом его подвесили к колонне,
Потом свалили и топтали долго,
Пока он не распался на кусочки.
Карбункул с Тервагана ими сорван,
А Магомет повален в ров глубокий.
Его там псы грызут и свиньи гложут.

CLXXXVII

Король Марсилий вновь пришел в сознанье.
Снести себя велит он слугам в спальню,
Где свод и стены роспись украшает.
Его супруга Брамимонда плачет,
Рвет волосы, зовет себя несчастной,
В отчаянии громко восклицает:
«О Сарагоса, стольный град арабов,
Твой славный властелин тобой утрачен!
Изменники и трусы боги наши:
Покинут ими он на поле брани.
Спасти нас лишь эмир отныне властен.
Позор ему, коль он за нас не встанет,
Не сломит этих христиан бесстрашных.
Пышнобородый Карл, их император,
Всегда был сумасброден и отважен:
От битвы сроду он не уклонялся.
Жаль, что убить его — не в силах наших».

CLXXXVIII

Великий император и король
Семь долгих лет в Испании провел,
В ней взял все города, все замки снес,
Марсилия поверг в испуг большой.
Войны еще не минул первый год,
Как в Вавилон Марсилий шлет послов.
Там был эмиром Балиган седой.
Вергилия с Гомером старше он.
Писал король, чтоб спас эмир его,
А если тот на помощь не придет,
Он отречется от своих богов,
И перейдет в святой Христов закон,
И с Карлом дело кончит мировой.
Войска эмир собрать не сразу смог,—
Ведь сорок стран он держит под рукой.
Он долго снаряжал могучий флот —
Галер и барж огромное число.
Александрия — порт его морской.
Там выждал он прибытья всех судов.
Лишь в мае, первой летнею порой,
Он отплыл во главе своих полков.

CLXXXIX

Языческие полчища несметны.
Гребут они, по ветру парус держат.
На мачтах и на самых верхних реях
Карбункулы и фонари алеют,
Залито море их слепящим светом,
И в полночь вид его великолепен.
Вот впереди встает испанский берег.
От судовых огней он весь зарделся.
К Марсилию о том пришло известье.
Аой!

CXC

Флот Балигана не встает на отдых,
Из моря входит разом в пресноводье,
Минует и Марбризу и Марброзу,
По Эбро вверх плывет без остановки.
Карбункулам и фонарям нет счета.
Озарена слепящим светом полночь.
К утру суда достигли Сарагосы.
Аой!

CXCI

Сияет день, и солнце взор слепит.
На берег сходит Балиган с ладьи.
Направо от него — Эспанели.
Семнадцать королей идут за ним,
А герцогов и графов счесть нет сил.
Под лавром, на густой траве, в тени
Ковер парчовый, цветом бел, лежит.
Слоновой кости трон на нем стоит.
Воссел на трон языческий эмир.
Вкруг трона встать велит он остальным.
Все слушают, а он им говорит:
«Вот что скажу я, ленники мои!
Отныне Карл, французов властелин,
Куска не съест, коль мы не разрешим.
Испанию войной он разорил.
Во Францию ему приду я мстить.
Не дам ему вздохнуть, покуда жив.
Коль не захочет сдаться, он погиб».
И снял перчатку с правой он руки.

CXCII

Эмир сказал — и слово сдержит он:
За все блага, что создал в мире бог,
На Ахен не отменит он поход.
Соратники одобрили его.
К себе двоих баронов он зовет:
Один был Кларифан, Кларьен — другой.
«На свет родил вас Мальтрайен-король.
Он встарь бывал не раз моим послом.
Скачите в Сарагосу во всю мочь,
Марсилию скажите: прибыл флот,
С французами схватиться я готов,
Коль с ними встречусь, будет бой жесток.
Я дам мою перчатку вам с собой,
Ему наденьте на руку ее,
Вручите жезл вот этот золотой.
Пусть утвердиться он в правах придет,
И на французов гряну я войной.
Коль Карл передо мною не падет,
Коль не отринет он Христов закон,
Корону я с него сшибу мечом».
Арабы молвят: «Мудр у нас сеньер».

CXCIII

«Бароны, в путь! — воскликнул Балиган. —
Жезл и перчатку я вручаю вам».
Послы в ответ: «Мы едем, государь».
Они поспешно в Сарагосу мчат,
Минуют десять врат и три моста,
По улицам летят меж горожан,
Но в верхний город въехали едва,
Как слышат стон и вопли у дворца.
Там собралась язычников толпа,
Рыдают все, клянут богов, кричат:
«Да сгинут Магомет, и Терваган,
И Аполлен, что погубили нас.
Куда деваться нам, куда бежать?
Постигли нас беда и вечный срам.
Наш властелин Марсилий жив едва:
Кисть правую отсек ему Роланд.
Пал белокурый Журфалей вчера.
Испанская земля в руках врага».
Послушали послы, сошли с седла.

CXCIV

С коней послы в тени оливы сходят,
Двум слугам-маврам отдают поводья.
Один берет рукой за плащ другого.
Идут они по лестнице дворцовой,
Вступают в спальню короля, под своды,
Дурной привет учтиво произносят:
«Пусть Магомет всесильный, в чьей мы воле,
И Терваган, и Аполлен наш грозный
От бед избавят короля с женою».
«Вздор вы сказали,— молвит Брамимонда.—
Изменники и трусы наши боги:
Нам в Ронсевале не пришли на помощь,
В бою не защитили наше войско,
Не сохранили моего сеньера —
Проститься с правой кистью был он должен.
Отрублена она Роландом гордым.
Весь край испанский Карл захватит скоро.
Что делать мне, несчастной и бездольной?
Как жаль, что не убита до сих пор я!»
Аой!

CXCV

«Уймитесь, госпожа! — сказал Кларьен.—
От Балигана принесли мы весть.
Он с войском к вам на выручку приспел.
Шлет королю перчатку он и жезл.
Поднялся флот его по Эбро вверх.
У нас четыре тысячи галер,
А барж, ладей, фелюг — не перечесть.
Эмир наш и могуществен и смел.
Отыщет Карла он в его земле,
Убьет или принудит сдаться в плен».
Так Брамимонда говорит в ответ:
«Французов может он найти и здесь.
Они воюют против нас семь лет.
Их император — доблестный боец.
Его не испугает даже смерть.
Пред ним дитя любой из королей.
С ним ни один не сладит человек».

CXCVI

Марсилий молвил: «Помолчи, жена,
Ко мне им подобает речь держать.
Вы видите, послы, я жду конца.
Мне некому владенья завещать —
Имел я сына, но вчера он пал.
Пусть мой сеньер эмир придет сюда.
Я признаю, что я его вассал.
Коль хочет, пусть возьмет себе мой край,
Но только от врага избавит нас.
Я дам ему совет, как воевать
Так, чтоб за месяц был разгромлен Карл.
А вот ключи от Сарагосы вам,
Чтобы во всем мне верил Балиган».
Послы в ответ: «Вы мудры, государь».
Аой!

CXCVII

Послам Марсилий молвил: «Император
Разбил моих людей, страну разграбил,
Взял и разрушил города и замки.
Теперь он с войском стал у Эбро станом.
Семь миль отсюда до него, не дальше.
Пускай эмир спешит туда с полками
И нанесет там пораженье Карлу».
Дал он ключи от города посланцам.
Отвесили они поклон прощальный,
Расстались с ним, помчались в путь обратный.

CXCVIII

Послы вскочили на коней своих,
В тревоге к Балигану понеслись,
Приехали туда, где ждал эмир,
От Сарагосы подали ключи.
«Что вы видали? — он послов спросил.—
Что ж короля ко мне не привезли?»
Кларьен в ответ: «Он при смерти лежит.
Вчера французы по ущельям шли —
Во Францию вел император их.
Он арьергард надежный отрядил:
Там граф Роланд, его племянник, был,

И все двенадцать пэров вместе с ним,
И двадцать тысяч рыцарей лихих.
Король Марсилий с ними в бой вступил.
Он и Роланд в сражении сошлись.
Ролапдов меч Марсилия настиг
И правой кисти короля лишил.
Граф и его наследника убил,
И рать арабов стер с лица земли.
Марсилий бегством должен был спастись.
Карл к Эбро по его следам спешит.
Король велел о помощи просить.
Испанию он вам отдать сулит».
Задумался эмир, челом поник,
Чуть не лишился разума с тоски.
Аой!

CXCIX

Сказал Кларьен эмиру: «Государь,
Был в Ронсевале сильный бой вчера.
Погибли у французов граф Роланд,
Двенадцать пэров, коих любит Карл,
И вся двадцатитысячная рать.
Король лишился правой кисти там.
Карл вышел к Эбро по его следам.
У мавров нет ни одного бойца:
Кто уцелел в бою, погиб в волнах.
Французы у реки разбили стан.
Теперь рукой подать от них до нас,
И вам легко закрыть им путь назад».
Сверкнул глазами грозно Балиган,
Возликовал, услышав речь посла,
С престола поднялся и приказал:
«Бароны, пусть покинет рать суда.
Все на коней! Довольно медлить вам!
Коль не успеет старый Карл бежать,
Ему я отомщу за короля —
За кисть его он голову отдаст».

CC

С судов арабы на берег сошли,
Седлают мулов и коней своих
И скачут в путь — что ж больше делать им?

Эмир в поход дружины проводил
И другу Жемальфену говорит:
«Ты под начал возьмешь мои полки».
Сам Балиган от войск отдельно мчит.
Летят четыре герцога за ним.
Вот в Сарагосу прибыли они.
К крыльцу подъехал, слез с коня эмир,
Ему четыре графа помогли.
К нему сбегает Брамимонда вниз,
На мраморных ступенях голосит:
«Увы мне, повелитель мой погиб!» —
И падает пред Балиганом ниц.
Эмир ей помогает встать с земли,
Идет наверх и вместе с ней скорбит.
Аой!

CCI

Король увидел — входит Балиган,
Двум слугам-сарацинам приказал:
«Приподнимите вы меня слегка».
Он в левом кулаке перчатку сжал
И молвил так: «Сеньер и государь,
Владения мои, и весь мой край,
И Сарагосу я вручаю вам.
Я и себя и рать сгубил вчера».
Эмир ему ответил: «Мне вас жаль,
Но медлить тут я не могу никак,—
Ведь Карл уйдет, меня не станет ждать.
Перчатку ж вашу я приму от вас».
Покой эмир покинул весь в слезах,
Аой!
По лестнице спустился до крыльца,
Сел на коня, догнал свои войска,
Вперед помчался, во главе их встал,
Бросает то и дело клич полкам:
«Вперед! Французы не уйдут от нас!»
Аой!

CCII

Чуть день взошел и небо озарилось,
Проснулся Карл, французов повелитель,
И Гавриил, сон короля хранивший,

Благословил его своей десницей.
Доспехи снял с себя король великий,
Бароны вслед за ним разоружились,
И поскакало войско торопливо
По тропам и дорогам в путь неблизкий
Взглянуть на тех, кто пали и погибли
В день злополучной ронсевальской битвы.
Аой!

CCIII

Карл прискакал обратно в Ронсеваль,
При виде мертвых горько зарыдал,
Французам молвил: «Не спешите так.
Я впереди теперь поеду сам.
Племянника хочу я отыскать.
Раз в Ахене я новый год встречал.
Не мало собралось баронов там,
И каждый похвалялся тем, что храбр.
А мой племянник граф Роланд сказал,
Что, коль придется на чужбине пасть,
Он будет впереди своих лежать,
Спиной к отчизне и лицом к врагам,
Как победитель даже в смертный час».
Отстала свита на бросок копья.
На холм искать Роланда едет Карл.

CCIV

Карл стал искать Роланда на холме.
Там у травы не зелен — красен цвет:
Алеет кровь французская на ней.
Заплакал Карл — не плакать мочи нет,
Три глыбы он меж двух дерев узрел,
На них увидел Дюрандаля след,
Близ них нашел племянника в траве.
Как мог король всем сердцем не скорбеть!
Он спешился там, где лежал мертвец,
Покойника прижал к груди своей
И с ним без чувств простерся на земле.

CCV

Король пришел в сознание опять.
Немон и Аселен, гасконский граф,
Брат Жоффруа Тьерри и Жоффруа
Снести его под сень сосны спешат.
Увидел Карл — лежит пред ним Роланд,
Оплакивать племянника он стал:
«Пусть, друг Роланд, господь простит тебя!
Тебе не будет равных никогда
В искусстве бой вести и побеждать.
Кто отстоит честь Карла от врага?»
И вновь король без чувств и сил упал.
Аой!

CCVI

Король наш Карл пришел в сознанье вновь.
Бароны держат на руках его.
Племянника он видит пред собой.
Тот с виду цел, но побелел лицом,
Глаза его потухли, мутен взор.
Стал наш король тужить над мертвецом:
«Да впустит в рай тебя, Роланд, господь,
Тебе даст место средь святых цветов.
Себе на горе ты сюда пришел.
Мне о тебе теперь скорбеть по гроб.
Лишусь я славы и утрачу мощь.
Кто отстоит честь Карла от врагов?
Мой лучший друг расстался здесь со мной:
Нет средь моей родни таких бойцов».
Рвет волосы в отчаянье король.
Стотысячная рать скорбит кругом,
Не в силах слезы удержать никто.
Аой!

CCVII

«О друг Роланд, когда я в Лане буду,
Когда опять увижу край французский,
Из многих стран пришельцы соберутся
И спросят, почему ты не вернулся,
А я скажу: «В Испании он умер».
Мне королевством будет править трудно,
Скорбь о тебе всю кровь мою иссушит».

CCVIII

«Роланд, мой друг, цвет молодости смелой!
Когда я буду в ахенской капелле,
Придет туда народ послушать вести,
И горестно я объявлю пришельцам:
«Погиб Роланд, стяжавший мне победы.
Мы в страхе саксов больше не удержим,
Пойдут теперь на нас болгары, венгры,
Восстанут Рим, Апулия, Палермо,
И Калиферн, и африканцы-негры.
День каждый будет приносить мне беды.
За кем пойдут мои полки в сраженье,
Коль нет того, кто шел пред ними первым?
О Франция, как ты осиротела!
Так горько мне, что рад я был бы смерти».
Рвет бороду король, скорбит безмерно,
Рвет волосы седые в сокрушенье.
Стотысячная рать с ним плачет вместе.

CCIX

«Увы, ты жизни, друг Роланд, лишился!
Пусть рай отверзнет пред тобой Спаситель.
Для Франции позор твоя кончина.
Я так скорблю, что не в охоту жить мне.
Мои бойцы из-за меня погибли.
Царю небесный, сын святой Марии,
Пусть не вступлю я вновь в ущелье Сизы;
Пусть раньше плоть мою мой дух покинет,
Чтоб с душами их воссоединиться;
Пусть здесь меня схоронят рядом с ними».
Рвет бороду седую Карл Великий,
И говорит Немон: «Скорбит властитель».
Аой!

CCX

Анжуец Жоффруа сказал: «Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Пусть сыщут христиан меж мертвецов,

Всех наших, кто арабами сражен,
И приготовят погребальный ров».
Король ответил: «Затрубите в рог».
Аой!

CCXI

В рог Жоффруа Анжуйский затрубил.
По слову Карла спешились полки,
Средь мертвецов нашли друзей своих,
Тела в могилу общую снесли.
Немало с войском шло духовных лиц —
Епископов, аббатов и других.
Они, свершив заупокойный чин,
Усопшим отпустили все грехи,
И обкурили фимиамом их,
И с превеликой честью погребли.
Что делать — их с собой не увезти.
Аой!

CCXII

Лишь трех бойцов земле не предал Карл:
То были Оливье, Турпен, Роланд.
Им грудь рассечь велел он пополам,
Извлечь и в шелк закутать их сердца,
Зашить в оленью кожу их тела,
Везти домой в трех мраморных гробах.
Но до того, как положить туда,
Обмыть настоем перца и вина.
Тибо и Жебоэна кликнул Карл,
Милона и Отона подозвал:
«Везите мертвецов на трех возах,
Ковром восточным их накрыв сперва».
Аой!

CCXIII

Путь к Франции направил Карл Великий,
Как вдруг разъезд языческий увидел.
Вот два гонца от мавров отделились,
Приносят Карлу вызов от эмира:
«Вам не уйти от нас, король спесивый!
Наш Балиган повсюду вас настигнет.

С несметным войском он сюда явился.
Посмотрим, впрямь ли вы неустрашимы».
Аой!
Король рукой за бороду схватился,
Припомнил всех, кто пали и погибли,
Окинул войско взором горделивым
И громким, звучным голосом воскликнул:
«В седло, бароны! Приготовьтесь к битве!»
Аой!

CCXIV

Карл первым стал изготовляться к бою,
Шлем завязал, надел свой панцирь добрый
И бедра препоясал Жуайёзом,
Мечом, блестящим, словно в полдень солнце.
На шею он повесил щит геронский,
Схватил копье, потряс его рукою,
Сел на коня лихого Тансандора,
Что добыл он у брода под Марсоной,
Где им убит был Мальпален Нарбоннский.
Он отпустил узду, пришпорил лошадь,
Мчит сквозь тридцатитысячное войско,
Взывает: «С нами бог и Петр-апостол!»
Аой!

CCXV

Сто тысяч человек по знаку Карла
Сошли с коней, доспехи надевают.
Как хороши бойцы в наряде бранном,
Как остро их оружье, кони статны,
Как ловко вновь они в седло садятся!
Ответят на удар они ударом.
Значок с копья до шишака свисает.
Отрадно Карлу видеть их отвагу.
Он молвит Жозерану из Прованса,
Немону и Ансельму, графу Майнца:
«Могу ль не верить я в таких вассалов?
Тот глуп, кто с ними убоится мавров.
Коль нехристи сойтись посмеют с нами,
За смерть Роланда мне они заплатят».
Немон ответил: «Дай нам бог удачи!»
Аой!

CCXVI

Рабеля с Гинеманом Карл призвал
И молвил: «Тем вы станете для нас,
Чем были Оливье и граф Роланд.
Я меч и Олифан вручаю вам.
Полк головной возьмите под начал.
Я первыми пошлю вас на врага,
Пятнадцать тысяч юношей вам дам,
Да столько же прикроют с тылу вас.
Ведут их Жебоэн и с ним Лоран».
И вот уже Немон и Жозеран
Построили два первые полка.
Коль ныне грянет бой, он будет яр.
Аой!

CCXVII

В передних двух полках — одни французы.
За ними третий выстроился тут же.
Он весь составлен из баварцев дюжих.
Их ровным счетом двадцать тысяч будет.
В бою они не дрогнут и не струсят.
Так милы сердцу Карла эти люди,
Что лишь французов больше их он любит.
Их вождь — Ожье Датчанин, граф могучий.
Бойцы такие поля не уступят.
Аой!

CCXVIII

Уже готовы три полка к сраженью.
Немон четвертый выстроил поспешно
Из воинов могучих и отменных,
Живущих в дальних алеманских землях.
Их двадцать тысяч в том полку, не меньше.
Доспехи их надежны, кони резвы.
Они умрут, а верх в бою одержат.
Ведет их в бой Эрман, Фракийский герцог.
Погибнет он скорей, чем оробеет.
Аой!

CCXIX

Немон и Жозеран Прованский с ним
Бойцов нормандских в пятый полк свели.
В нем двадцать тысяч воинов лихих.
Прочны их брони, резвы скакуны,
Их можно перебить — нельзя пленить,
Никто не равен в ратном поле им,
Идут с Ришаром Старым в бой они.
Копьем отважно будет он разить.
Аой!

CCXX

Бретонцы составляют полк шестой.
Их ровно тридцать тысяч набралось.
Мчат на конях они во весь опор,
По-рыцарски вздымают вверх копье.
Велел Одон, бретонцев тех сеньер,
Чтоб под начал их взяли Невелон,
Тибо из Реймса и маркграф Отон.
Он молвил им: «Мой полк ведите в бой!»
Аой!

CCXXI

Уж шесть полков у Карла вышло в поле.
Седьмой — Немон, баварский герцог, строит,
Из Пуату с Оверныо в нем бароны,
Всего их наберется тысяч сорок.
Надежны их доспехи, резвы кони.
Стоит тот полк от остальных поодаль.
Король бойцов благословил рукою,
Их Жозерану и Годсельму отдал.
Аой!

CCXXII

В восьмой по счету полк Немон зачислил
Фламандские и фризские дружины.
Бойцов в восьмом полку за сорок тысяч,
В бою они всегда неустрашимы.

Король сказал: «Побьем врага с такими».
Тот полк Рембо с Амоном Галисийским
На сарацин бесстрашно нынче двинут.
Аой!

CCXXIII

Отряд девятый Жозеран с Немоном
Составили из воинов отборных,
Из лотарингцев и бургундцев рослых,
Людей в нем тысяч пятьдесят и боле.
Подвязаны их шлемы, блещут брони,
Сверкают острия коротких копий.
Коль с поля враг не убежит без боя,
Они ему дадут отпор жестокий.
Тьерри, Аргонский герцог, их предводит.
Аой!

CCXXIV

Составлен из французов полк десятый,
А в нем сто тысяч доблестных вассалов.
Крепки их руки и горда осанка.
Сед головой и бородою каждый.
На всех двойные панцири иль латы,
При каждом меч французский иль испанский,
При каждом крепкий щит с особым знаком.
Вот «Монжуа!» — их ратный клич раздался.
Ведут их на арабов император
И Жоффруа Анжуйский с орифламмой.
То — стяг Петра: он прежде «Римским» звался,
А ныне «Монжуа» ему названье.
Аой!

CCXXV

Король наш Карл сошел на луг с седла,
На мураву лицом к востоку пал,
Глаза возвел с надеждой к небесам,
Смиренно молит господа Христа:
«Защитою нам будь, Спаситель наш!
Всеправедный наш бог, Ионе встарь
В китовом чреве не дал ты пропасть;

От гибели ты Ниневию спас;
Ты Даниила вызволил из рва,
Где пищей львам пророк был должен стать.
Трех отроков исторг ты из огня.
Простри же ныне надо мною длань.
Будь милостив ко мне и в этот раз,
За смерть Роланда дай отмстить врагам».
Молитву сотворил король и встал.
Грудь осенил он знаменьем креста,
Сел на коня, вдел ноги в стремена.
Держали их Немон и Жозеран.
Копье схватил и щит привесил Карл.
Как он могуч, и строен, и удал,
Осанист телом и красив с лица!
Никто его не выбьет из седла.
В тылу и впереди трубят рога.
Но вот покрыл все звуки Олифан,
И о Роланде зарыдала рать.

CCXXVI

На бой наш император гордо скачет.
Он бороду поверх брони спускает.
Весь полк в сто тысяч так же поступает.
Теперь узнать француза можно сразу.
Минует рать холмы, минует скалы,
Мчит по долинам и ущельям мрачным,
На склон из гор безлюдных вылетает,
И вот она опять в стране испанской,
И вот привалом на равнине стала.
Меж тем разъезд вернулся в стан арабский.
Идет один сириец к Балигану:
«Сеньер, узрели мы спесивца Карла.
Могучи и верны его вассалы.
Вам битва предстоит, вооружайтесь!»
Эмир ответил: «Вижу — ты отважен.
Трубите, чтобы рать о бое знала».

CCXXVII

Стан барабанной дробью оглашен.
Рогов и труб несется звонкий зов.
Рать спешилась и снарядилась в бой,

И сам эмир не отстает от войск.
Он в золоченый панцирь грудь облек,
Надел шишак с насечкой золотой,
На левый бок привесил свой клинок.
Эмир ему названье изобрел:
Про Жуайёз, меч Карла, слышал он
И потому Пресьозом меч нарек.
Таков же бранный клич его бойцов,
Когда они врагу дают отпор.
Эмир надел на шею щит большой.
Из золота навершье у него,
Ремень прострочен шелковой тесьмой.
Берет эмир Мальте, свое копье.
Не древко у того копья — ослоп,
А наконечник мул свезет с трудом.
Садится ловко Балиган в седло.
Марколь Заморский стремя подает.
Меж пят эмира — футов пять с лихвой.
Он в бедрах узок, а в плечах широк,
В груди могуч, на диво весь сложен.
Взор у него и ясен и остер.
Он волосом курчав и горд лицом,
Бел головой, как яблоня весной.
Известен он отвагой боевой.
Верь он в Христа, вот был бы славный вождь!
Коня он шпорит так, что брызжет кровь,
Одним прыжком перелетает ров,
Хоть футов пятьдесят и будет в нем.
Арабы молвят: «Вот боец лихой!
Французам до такого далеко.
Кто б ни схватился с ним, он верх возьмет.
Безумен Карл, что с поля не ушел».
Аой!

CCXXVIII

Эмир на вид был доблестный боец.
Он бородою яблони белей,
Меж мавров славен мудростью своей,
На поле битвы горделив и смел.
А сын его Мальприм — второй отец,
Во всем блюдет он славных предков честь.
Отцу он молвит: «Скачем в бой скорей,
Чтоб Карл уйти обратно не успел».

Ответил Балиган: «Нет, он храбрец,
О нем не зря сложили столько жест.
Но с ним Роланда больше нет теперь,
И он над нами взять не сможет верх».
Аой!

CCXXIX

«Любезный сын Мальприм,— эмир сказал,—
Вчера погибли славный граф Роланд,
И Оливье, что именит и храбр,
И пэры, коих Карл любил всегда,
И с ними в двадцать тысяч копий рать.
За тех, кто жив, перчатки я не дам.
Сомненья нет, вернулся Карл назад.
Сириец из разъезда мне сказал,
Что рать разбил на десять полчищ Карл.
Мчат впереди два смелые бойца.
Трубят они в трубу и в Олифан,
Ведут пятнадцать тысяч христиан,
Из юношей составлен тот отряд.
Детьми своими Карл их любит звать.
Разить они жестоко будут нас».
Мальприм ему: «Дозволь мне бой начать».

CCXXX

«Любезный сын Мальприм,— эмир в ответ,—
Я так и поступлю, как ты хотел.
Иди и христиан нещадно бей.
Пойдут с тобою перс, король Торле,
И Дапамор, князь лютичских земель.
Знай, если ты собьешь с французов спесь,
В лен дам тебе я часть страны моей —
От Кайруана и по Маракеш».
Мальприм сказал: «Благодарю, отец».
И принял во владение удел.
Король Флори в то время им владел.
Увы, Мальприму не пришлось вовек
Тот лен узреть и там на трон воссесть.

CCXXXI

Эмир спешит объехать ратный строй,
За ним наследник — ростом он высок.
А перс Торле и лютич Дапамор
Выводят рать из тридцати полков.
Людей в них столько, что и не сочтешь, —
В слабейшем тысяч пятьдесят бойцов.
Полк первый — ботентротцы на подбор.
Набрал эмир мейсинов во второй:
Люд этот волосат, большеголов,
Щетиной весь, как кабаны, зарос.
Аой!
Нубийцев, русов в третий полк он свел.
Боруссов и славян — в четвертый полк.
Сорабы, сербы — пятый полк его.
Берут армян и мавров в полк шестой,
Иерихонских жителей в седьмой.
Из черных негров состоит восьмой.
Из курдов — полк девятый целиком.
В десятом — из Балиды злой народ.
Аой!
Возвысил голос Балиган седой,
Клянется плотью Магомета он:
«Ума лишился, видно, Карл-король.
Коль рать его отважится на бой,
Заплатит нам за это он венцом».

CCXXXII

За десятью полками — новых десять.
Набрали в первый мерзких хананеев,
Далекого Валь-Фонта населенье.
В другой свели всех турок, персов — в третий,
В четвертый — орды диких печенегов,
А в пятый — и аваров и сольтернцев,
В шестой — армян и угличей свирепых.
В седьмом отряде — Самуила племя,
В восьмом с девятым — прусы и словенцы,
В десятом — люд из Оксианской степи,
Проклятый род, что в господа не верит.
Не видел мир отъявленней злодеев.

Их кожа, как железо, отвердела.
Им не нужны ни панцири, ни шлемы.
Жестоки и хитры они в сраженье.
Аой!

CCXXXIII

За десятью полками — десять новых.
Полк первый — исполинские мальпрозцы,
Второй — из гуннов, в третьем — венгров толпы.
В четвертом — люд Бальдизы отдаленной.
Полк пятый состоит из вальпенозцев,
Шестой — из эглей и бойцов Марозы,
Из ливов полк седьмой и атримонцев,
В трех остальных — аргойльцы и кларбонцы
И, наконец, бородачи вальфрондцы,
Народ, который ненавистен богу.
Полков там было тридцать ровным счетом.
Об этом нам «Деянья франков» молвят.
Под звуки труб арабы скачут гордо.
Аой!

CCXXXIV

Могуч эмир и храбростью известен.
Несут пред ним хоругвь с драконом в сечу,
И стяги Тервагана с Магометом,
И Аполленово изображенье.
Вокруг него гарцуют хананеи.
Их голоса разносятся далече:
«Кто от богов ждет помощи в сраженье,
Тот помолиться должен им смиренно».
Арабы устремляют взоры в землю,
Склоняют головы в блестящих шлемах.
Французы им кричат: «Готовьтесь к смерти.
Сегодня вам не избежать возмездья.
Храни, создатель, Карла от неверных
И ниспошли ему в бою победу».
Аой!

CCXXXV

Премудр и светел разумом эмир.
Он двум вождям и сыну говорит:
«Бароны, ваше место — впереди.

Вы поведете в бой мои полки,
Но я себе оставлю лучших три:
Армян отважных, турок удалых,
Мальпрозский полк, где каждый — исполин,
Да оксианский полк добавлю к ним.
Мы Карла и французов разгромим.
Коль с поля он посмеет не уйти,
То головы спесивцу не сносить.
Вполне он эту участь заслужил».
Аой!

CCXXXVI

Войска несметны, и полки прекрасны.
На ровном месте в бой они вступают.
Нет там ни гор, ни леса, ни оврага.
Насквозь друг друга видят обе рати.
Эмир кричит: «За мною, род проклятый!
Все на коня и битву начинайте».
Несет Амбор из Олоферна знамя,
Звучит «Пресьоз!» — военный клич арабов.
Французы отвечают: «Смерть поганым!» —
И «Монжуа!» в лицо бросают маврам.
Трубят все трубы в войске христианском,
Но Олифан все звуки заглушает.
Враги вопят: «Отважны люди Карла!
Бой предстоит нам долгий и ужасный».
Аой!

CCXXXVII

Равнина широка, простор безмерен.
На шлемах золотых горят каменья.
Щиты и брони нестерпимо блещут,
Значки на древках копий гордо реют,
И трубы оглашают всю окрестность,
Но Олифан всех труб звончей и резче.
К эмиру призывают Канабея —
Он брат его и правит Флоредеей,
До Валь-Севре он землями владеет.
На войско Карла брату кажет нехристь:
«Взгляните, сколько во французах спеси,
Как Карл на нас бросает взоры дерзко!
Ведет он полк бородачей в сраженье.

Их бороды торчат поверх доспехов.
Как свежий снег на льду, их кудри белы.
Мечи у них остры, а копья метки.
Жестокая нас ожидает сеча.
Подобной ей не видел мир вовеки».
От строя дальше Балиган отъехал,
Чем долетит обструганная ветка,
К дружинам обратился с краткой речью:
«Я проложу вам путь — за мной, смелее!»
Затем эмир потряс копейным древком,
На Карла он направил наконечник.
Аой!

CCXXXVIII

Когда эмира Карл узнал в лицо,
Узрел дракона, ратный стяг его,
И множество языческих полков,
Покрывших всю равнину целиком,
Коль не считать тот луг, где встал король,
Французам крикнул в полный голос он:
«Бароны, нет средь вас плохих бойцов.
Вы все не раз со мной ходили в бой.
Пред вами — враг, чей нрав труслив и подл,
В чьей вере правды нету ни на грош.
Пусть мавров много — что нам до того?
Кто смел и в бога верует — за мной!»
Коня он тронул шпорой золотой.
Четыре раза прыгнул Тансандор.
Вся рать сказала: «Вот боец лихой!
Мы не покинем вас в бою, сеньер».

CCXXXIX

Сияет солнце, светел яркий день.
Прекрасны рати, и полков не счесть.
Передние ряды сошлись уже.
Граф Гинеман и рядом граф Рабель
Бросают повод, гонят вскачь коней.
Французы дружно мчатся им вослед,
Разят копьем, пускают в дело меч.
Аой!

CCXL

Вот граф Рабель, отважный рыцарь, мчит.
Коня златою шпорой горячит.
Торле, король персидский, встречен им.
Ни щит, ни панцирь мавра не спасли.
Пронзил его Рабель копьем своим,
С седла в кустарник бездыханным сшиб.
Кричат французы: «Бог нас сохранит!
Прав наш король, и долг велит с ним быть».
Аой!

CCXLI

Князь лютичей схватился с Гинеманом,
Но граф его в щит расписной ударил,
Пронзил и раздробил на князе панцирь,
Вплоть до значка всадил копье в араба.
Хоть плачь, хоть смейся,— мертвым пал он наземь.
Французы, видя это, закричали:
«Бароны, в бой! Друзья, не отставайте!
Прав наш король, а нехристи не правы.
Вершит над ними ныне суд создатель».
Аой!

CCXLII

Вот мчит Мальприм на белом скакуне.
В ряды французов с ходу он влетел,
Удары сыплет, бьет что силы есть,
Нагромождает груды мертвых тел.
Эмир в тревоге к войску держит речь:
«Бароны, я вскормил вас с юных лет.
Мой сын пробиться к Карлу захотел,
Но он один, а христиан не счесть.
Бойца смелей я не найду вовек.
На выручку, иль ждет его конец!»
Пускают мавры вскачь своих коней.
Удар их тяжек, натиск их свиреп.
Столь беспощадный бой кипит везде,
Что не видал еще такого свет.
Аой!

CCXLIII

Могучи рати, и полки несметны.
Они уже вступили все в сраженье.
Язычники упорны и свирепы.
Творец, как много сломано доспехов,
Изрублено щитов, копейных древков!
Взглянуть бы вам, как ими дол усеян!
Ковыль на нем с утра был свеж и зелен.
[Теперь от крови взмок и побурел он.]
Эмир опять кричит полкам неверных:
«Вперед, рубите христиан смелее!»
Упорна и ожесточенна сеча.
Такой еще не видел мир от века.
Одна лишь смерть противников разделит.
Аой!

CCXLIV

Эмир к своим язычникам взывает:
«Разите, чтоб победа нам досталась.
Я дам вам женщин, стройных и прекрасных,
Уделы и феоды дам в награду».
Арабы молвят: «Мы разим отважно».
Ломаются их копья от ударов.
Берутся за мечи сто тысяч мавров.
Сражение и долго и ужасно.
Тем бой знаком, кто видел эту схватку.
Аой!

CCXLV

К французам обращает слово Карл:
«Я вас люблю и доверяю вам.
Вы все сражались за меня не раз,
Немало мне завоевали стран.
В награду вам я все готов отдать —
Богатство, земли, самого себя.
Отмстите лишь за родичей сполна,
За всех, кто в Ронсевале пал вчера.
Вы знаете, кто в этой битве прав».
Французы молвят: «Знаем, государь».
Их двадцать тысяч ровным счетом там.

Они клянутся именем Христа,
Что Карлу будут верны до конца.
Летят они с мечами на врага,
Сшибают мавров копьями с седла.
Кровопролитна битва и страшна.
Аой!

CCXLVI

Мчит на коне Мальприм по полю боя,
Ряды французов беспощадно косит.
Немон его окидывает взором,
По-рыцарски удар ему наносит,
Щит сарацина пробивает с ходу,
Копьем ему пронзает панцирь добрый,
Его со скакуна свергает мертвым
Средь семисот языческих баронов.

CCXLVII

Вот Канабей, эмира младший брат,
Коня ударил шпорами в бока,
Свой меч с хрустальной рукоятью сжал.
Шлем на Немоне прорубила сталь,
Разрезала с размаху пополам,
Все пять ремней нашейных порвала.
Подшлемник задержать не мог удар.
Клинок рассек его на два куска.
Один из них упал к ногам коня.
Немону ни за что б несдобровать,
Но бог помог — не сброшен он с седла:
Успел обнять за шею скакуна.
Когда б ударил мавр еще хоть раз,
Дух испустил бы доблестный вассал.
Тут подоспел к нему на помощь Карл.
Аой!

CCXLVIII

Смерть герцогу Немону угрожает:
Мавр норовит опять его ударить.
Воскликнул Карл: «Ты будешь, трус, наказан!» —
И на араба ринулся отважно.

«Песнь о Роланде»

Пробил он щит его, к груди прижатый,
Прорезало копье нагрудник вражий.
Пал наземь всадник, а скакун умчался.

CCXLIX

Почувствовал король большую скорбь,
Когда увидел, что в крови Немон,
Что на траву бежит она ручьем.
Дал герцогу совет разумный он:
«Скачите без опаски вслед за мной.
Противник ваш сражен моим копьем.
В злодея крепко я вогнал его».
Немон в ответ: «Сеньер, я видел все.
Коль буду жив, вам отслужу с лихвой».
Помчались в бой они бок о бок вновь,
Вослед — двадцатитысячный их полк.
Французы рубят и крушат врагов.
Аой!

CCL

Мчит по полю на скакуне эмир,
Бьет графа Гинемана что есть сил,
Пронзил копьем прижатый к сердцу щит,
Одним ударом панцирь раскроил,
Отсек все ребра от грудной кости,
С седла христианина мертвым сшиб.
Лорана с Жебоэном он сразил.
Ришар, сеньер нормандцев, им убит.
Язычники вопят: «Коли, руби!
Пресьоз от христиан нас охранит».
Аой!

CCLI

Взглянуть бы вам на войско Балигана,
На тех аргойльцев, басков, оксианцев!
Неотразимы копий их удары,
Но поля наши им не уступают.
На землю трупы валятся все чаще.
До вечера не утихает схватка.
Урон немалый терпят люди Карла.
Бой кончится — придется им поплакать.
Аой!

CCLII

Бьют мавры и французы что есть сил.
Их копья разлетаются в куски.
Взглянуть бы вам, как там дробят щиты,
Услышать бы, как сталь о сталь звенит,
Как в панцири врезаются клинки,
Как наземь тот, кто сбит с коня, летит,
Как издает он перед смертью крик,—
Вам этого б до гроба не забыть.
Сраженье все неистовей кипит.
Вот Аполлена стал эмир молить
И Тервагана, Магомета с ним:
«Я вам служил, кумиры ваши чтил.
Из золота я их велю отлить
[Лишь помогите Карла победить]».
Вдруг Жемальфен эмиру возвестил —
Ему был другом этот сарацин:
«Сеньер, для вас день нынче несчастлив:
Пал от руки врага ваш сын Мальприм,
И Канабей, ваш брат, в бою погиб.
Сразили два христианина их.
Карл, мнится мне,— один из их убийц:
Уж больно у него могучий вид
И бел апрельский цвет его седин».
Шлем наклонил, услышав весть, эмир,
От горя головой на грудь поник.
Он так скорбит, что свет ему не мил,
Позвать Жангле Заморского велит.

CCLIII

Воскликнул Балиган: «Ко мне, Жангле!
Вы — мудрый и правдивый человек.
Ценил я неизменно ваш совет.
Скажите мне, кто должен одолеть,
Кто — я иль Карл — в бою одержит верх?»
А тот ответил: «Суждена вам смерть.
Вас боги ваши не спасут уже.
Французы храбры, и король их смел.
Таких бойцов не видел я вовек.
Но все же бросьте клич — пусть бьются все:
Мавр, оксианец, турок, энфр и перс.
Что б нас ни ждало, медлить смысла нет».

CCLIV

Эмир по латам бороду расправил.
Она белей боярышника в мае.
Что б ни было, он прятаться не станет.
К устам трубу язычник прижимает,
Трубит в нее, чтоб слышали все мавры,
Мчит по полю и нехристей скликает.
Заржали и завыли оксианцы,
Залаяли аргойльцы по-собачьи,
На христиан неистово помчались,
Полки их смяли и ряды прорвали,
Семь тысяч их убили басурмане.

CCLV

Ожье Датчанин сроду не был трусом.
Вовеки мир бойца не видел лучше.
Заметил он, что дрогнули французы,
Велел позвать Тьерри-аргонца тут же
И Жозерана с Жоффруа Анжуйским
И молвил Карлу гордо и разумно:
«Взгляните, как арабы наших рубят.
Пускай венца лишит вас вездесущий,
Коль отомстить у вас не хватит духу».
Все промолчали: отвечать нет нужды.
Коней бароны шпорят, вскачь несутся,
Язычников нещадно бьют повсюду.
Аой!

CCLVI

Разят арабов император Карл,
Ожье, Немон, анжуец Жоффруа,
Что носит императорский штандарт.
Особенно Ожье Датчанин храбр.
Коню он шпоры дал, понесся вскачь,
Убил того, кто нес с драконом стяг:
Ожье Амбора вышиб из седла,
Конем хоругвь эмира растоптал.
Эмир увидел, что дракон упал,
Что знамя Магомета — у врага,

И понял тут язычник Балиган,
Что Карл Великий прав, а он не прав.
Поприутихла ярость басурман.
Карл вопрошать своих баронов стал:
«Достаточно ли сил еще у вас?»
А те в ответ: «Не тратьте зря слова.
Позор тому, кто не разит сплеча!»
Аой!

CCLVII

День миновал, вечерний час подходит,
Но меч враги не вкладывают в ножны.
Отважны те, кто рати свел для боя.
Их ратный клич звучит, как прежде, грозно.
«Пресьоз!» — кричит эмир арабский гордо,
Карл «Монжуа!» в ответ бросает громко.
По голосу один узнал другого.
Сошлись они на середине поля.
Тот и другой пускают в дело копья,
Врагу удар наносят в щит узорный,
Его пронзают под навершьем толстым,
Распарывают на кольчугах полы,
Но невредимы остаются оба.
Полопались у них подпруги седел.
С коней бойцы свалились наземь боком,
Но на ноги вскочили тотчас ловко,
Свои мечи булатные исторгли,
Чтоб снова продолжать единоборство.
Одна лишь смерть конец ему положит.
Аой!

CCLVIII

Отважен милой Франции властитель,
Но даже он не устрашит эмира.
Враги мечи стальные обнажили,
Бьют по щитам друг друга что есть силы.
Навершья, кожа, обручи двойные —
Все порвалось, расселось, расскочилось.
Теперь бойцы одной броней прикрыты.
Клинки из шлемов высекают искры.
Не прекратится этот поединок,
Пока эмир иль Карл не повинится.
Аой!

CCLIX

Эмир воскликнул: «Карл, совету внемли:
В вине покайся и проси прощенья.
Мой сын тобой убит — то мне известно.
Ты беззаконно вторгся в эту землю,
Но коль меня признаешь сюзереном,
Ее получишь в ленное владенье».
«Мне это не пристало,— Карл ответил.—
С неверным я не примирюсь вовеки.
Но другом буду я тебе до смерти,
Коль ты согласен воспринять крещенье
И перейти в святую нашу веру».
Эмир ответил: «Речь твоя нелепа».
И вновь мечи о брони зазвенели.
Аой!

CCLX

Эмир великой силой наделен.
Бьет Карла он по голове мечом.
Шлем разрубил на короле клинок,
Проходит через волосы его,
Наносит рану шириной в ладонь,
Срывает кожу, оголяет кость.
Шатнулся Карл, чуть не свалился с ног,
Но не дал одолеть его господь.
К нему послал он Гавриила вновь,
И ангел молвил: «Что с тобой, король?»

CCLXI

Король услышал, что промолвил ангел.
Забыл о смерти он, забыл о страхе.
К нему вернулись разом мощь и память.
Мечом французским он врага ударил,
Пробил шишак, украшенный богато,
Лоб раздробил, разбрызгал мозг араба,
До бороды рассек эмира сталью.
Упал язычник, и его не стало.
Клич «Монжуа!» бросает император.
Немон, услышав это, к Карлу скачет
И сесть на Тансандора помогает.
Бегут арабы: так судил создатель.
Услышал он мольбы французов наших.

CCLXII

Бегут арабы: так судил творец.
Карл и бароны мчатся им вослед.
Король кричит: «Вершите суд и месть!
Воздайте за родных и за друзей,
Вы утром их оплакивали смерть».
«Да будет так!» — гремят полки в ответ.
Французы мавров бьют что силы есть.
Удастся лишь немногим уцелеть.

CCLXIII

Зной нестерпим, и пыль столбом клубится.
Французы мчат вдогонку сарацинам,
На Сарагосу скачут вслед за ними.
Меж тем на башню Брамимонда вышла,
Стоит она на ней с неверным клиром,
А у него и вид богопротивный,
И сана нет, и темя не побрито.
Победу Карла королева видит
И восклицает: «Магомет, спаси нас!
О государь пресветлый, мы погибли.
Пал Балиган позорной смертью в битве».
Лицо к стене поворотил Марсилий,
Заплакал, долу головой склонился
И принял, нераскаянный, кончину,
И завладел его душой нечистый.
Аой!

CCLXIV

Спасаются арабы, кто как может.
Закончил битву Карл победой полной.
Повержены ворота Сарагосы.
Французы видят: беззащитен город.
Король в столицу мавров вводит войско.
В ней на привал он станет этой ночью.
Горд и доволен Карл седобородый:
Ему сдала все башни Брамимонда —
Больших десяток, малых за полсотни.
Победа с тем, над кем десница божья!

CCLXV

День миновал, и ночь на землю пала.
Луна взошла, и звезды засверкали.
Взял город Сарагосу император.
Он тысячу баронов посылает —
Пусть синагоги жгут, мечети валят.
Берут они и ломы и кувалды,
Бьют идолов, кумиры сокрушают,
Чтоб колдовства и духу не осталось.
Ревнует Карл о вере христианской,
Велит он воду освятить прелатам
И мавров окрестить в купелях наспех,
А если кто на это не согласен,
Тех вешать, жечь и убивать нещадно.
Насильно крещены сто тысяч мавров,
Отсрочку только Брамимонде дали:
Пусть в милый край французский едет с Карлом
И добровольной христианкой станет.

CCLXVI

Ночь миновала, ясный день настал.
Все башни в Сарагосе занял Карл.
Он тысячу бойцов оставил там,
Чтоб город от врага оберегать.
Повел король назад свои войска,
С собой в дорогу Брамимонду взял:
Добра он ей желает, а не зла.
В обратный путь идет, ликуя, рать.
Нарбона ей ворота отперла.
Вот Карл вступил в Бордо, преславный град.
Он золотом наполнил Олифан,
Святому Северину даровал —
Там пилигримы видят этот дар.
Карл переплыл Жиронду на судах,
До Бле Роланда он сопровождал.
И Оливье был отвезен туда
И с ним Турпен, воитель и прелат.
В трех мраморных гробах они лежат.
Святой Роман хранит их бренный прах.
Поручен он господним именам.

Помчался Карл по до́лам, по горам,
До Ахена нигде не отдыхал,
Лишь у дворца сошел со скакуна.
Едва король достиг своих палат,
Судей велел он отовсюду звать.
Шлют их все области и племена:
Саксонский, фризский, алеманский край,
Нормандия, Бургундия, Бретань,
Мудрейших же — французская страна.
Недолго Ганелону ждать суда.

CCLXVII

Карл прибыл из испанского похода,
Вернулся в Ахен, свой престольный город.
По лестнице взошел он в зал дворцовый,
Был дамой Альдой встречен на пороге.
Та молвит: «Где Роланд, отважный воин,
Что клятву дал назвать меня женою?»
Король в унынье и великой скорби
Рвет бороду свою и плачет горько:
«Сестра, меня спросили вы о мертвом.
Я вам воздам заменою достойной:
То — первый мой вассал и сын Людовик,
Наследник всех моих земель и трона».
Она в ответ: «Мне странно это слово.
Да не попустят бог с небесным сонмом,
Чтоб я жила, коль нет Роланда больше».
Пред Карлом дама, побледнев, простерлась.
Она мертва — помилуй Альду, боже!
Скорбят о ней французские бароны.

CCLXVIII

Она скончалась — нет прекрасной Альды,
Но мыслит Карл, что дама — без сознанья.
Над нею, сострадая, он заплакал,
Ее приподнял, на ноги поставил.
Она к его плечу челом припала.
Тут Карл увидел, что она скончалась.
За нею четырех графинь прислал он
И тело в женский монастырь отправил.

Над нею там всю ночь псалмы читали,
Зарыли гроб у алтаря во храме.
Большую честь воздал ей император.
Аой!

CCLXIX

В престольный Ахен прибыл вновь король.
В оковах там изменник Ганелон
На площади стоит перед дворцом.
К столбу привязан дворней Карла он,
Прикручен крепко за руки ремнем.
Бьют и бичами и дубьем его.
Не заслужил он участи иной.
Пускай суда предатель в муках ждет.

CCLXX

Написано в одной старинной жесте,
Что Карл созвал людей из всех уделов,
На суд собрал их в ахенской капелле.
Сошлись они в господний праздник светлый,
В день божьего барона, в день Сильвестров,
Дабы воздать по совести и чести
Злодею Ганелону за измену.
Карл привести велел его немедля.
Аой!

CCLXXI

«Сеньеры и бароны,— молвил Карл.—
Вот Ганелон на суд явился ваш.
Со мною он ходил в испанский край,
Сгубил двадцатитысячную рать.
Из-за него погибли и Роланд,
И Оливье, что был учтив и храбр.
Он пэров предал маврам, деньги взял».
Ответил Ганелон: «Не стану лгать,
Лишил меня моих сокровищ граф.
Вот я Роланду смерти и желал.
Нельзя изменой это называть».
Бароны молвят: «Суд решит, кто прав».

CCLXXII

Предстал суду и Карлу Ганелон.
Он свеж лицом, на вид и смел и горд.
Вот был бы удалец, будь честен он!
Бросает на собравшихся он взор,
Стоят с ним тридцать родичей его.
Суду он громко говорит потом:
«Бароны, да хранит вас всех господь!
Ходил я с императором в поход,
Ему был предан телом и душой.
Но на меня Роланд замыслил зло,
Ко мне жестокой воспылал враждой,
На муки и на казнь меня обрек,
Послал меня к Марсилию послом.
При всех Роланду вызов брошен мой,
Его и пэров вызвал я на бой.
Всю нашу ссору видел сам король.
Я только мстил, и нет измены в том».
Бароны молвят: «Суд все разберет».

CCLXXIII

Увидел Ганелон, что дело плохо.
Зовет он тридцать родственников кровных.
Один из них над всеми верховодит.
То — Пинабель, что из Сорансы родом.
Он на язык остер и ловок в споре,
А коль дойдет до боя — воин добрый.
Аой!
Граф молвит: «Будьте мне в беде оплотом,
Не дайте кончить жизнь на месте лобном».
А тот ответил: «Ничего не бойтесь.
Кто здесь о казни вымолвит хоть слово,
С тем тотчас я вступлю в единоборство
И дам отвод оружьем приговору».
Тут ниц пред ним граф Ганелон простерся.

CCLXXIV

Сошлись на суд бургундцы и баварцы,
Французы, пуатвинцы и нормандцы.
Есть там саксонцы, есть и алеманы.

Всех судей остальных овернцы мягче —
Жестокий страх им Пинабель внушает.
Все говорят: «Покончим с этой тяжбой.
Оставим суд, пойдем попросим Карла,
Чтоб Ганелону дал король пощаду,
И тот ему опять слугою станет.
Погиб Роланд и не придет обратно.
Не воскресить его сребром иль златом.
От поединка проку будет мало».
Так мыслят все, кто там на суд собрался.
Один Тьерри, брат Жоффруа,— иначе.
Аой!

CCLXXV

Вот судьи к императору пришли
И молвят: «Мы решили вас просить,
Чтоб Ганелона пощадили вы.
Он будет впредь вам ревностно служить.
Он знатен родом — сжальтесь же над ним.
Ведь все равно племянник ваш погиб.
Златой казной его не воскресить».
Король ответил: «Все вы подлецы!»
Аой!

CCLXXVI

Увидел Карл — оставлен всеми он,
Нахмурил брови и поник челом,
Стал от тоски и горя сам не свой.
Вдруг предстает Тьерри пред королем.
То Жоффруа Анжуйца брат меньшой.
Он строен, худощав и быстроног,
Кудрями черен, смугловат лицом,
А ростом и не мал и не высок.
Учтиво Карлу молвил он: «Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Вы знаете: вам предан весь наш род,
И я, как предки, вам служить готов.
Да, отчима Роланд обидеть мог,
Но кто вам служит — нет вины на том.
А Ганелон его на смерть обрек,
Нарушил клятву и презрел свой долг.
На рель его! — таков мой приговор.
А труп изрежут пусть в куски потом.
Подлец не стоит участи иной.

А если кто из родичей его
Посмеет приговору дать отвод,
Я подтвержу свои слова мечом».
Все молвят: «Рассудил он хорошо».

CCLXXVII

Вот Пинабель пред королем предстал.
Велик он ростом, быстр, могуч и храбр.
Его удар смертелен для врага.
Он молвил: «Воля ваша, государь.
Пусть понапрасну судьи не кричат.
Я слышал, что Тьерри изрек сейчас,
И докажу мечом, что он не прав».
С тем он свою перчатку Карлу дал.
Король спросил: «А кто заложник ваш?»
Тот три десятка родичей призвал.
Король велел под стражей их держать,
Своих взамен представить обещал.
Аой!

CCLXXVIII

Тьерри увидел — бой не за горами.
Вручил он Карлу правую перчатку.
Тот взял, своих заложников назначил.
Четыре Карл велел скамьи поставить —
Пусть сядут там противники до схватки.
Счел суд законным бой единогласно.
Ожье Датчанин споры все уладил.
Бойцы коней и брони просят дать им.
Аой!

CCLXXIX

Как только бой судом дозволен был,
К обедне в храм отправились враги,
Покаялись во всех грехах своих
И вклад большой внесли в монастыри.
Вернулись вместе к королю они.
Надели шпоры на ноги бойцы,
В надежные доспехи облеклись,
Ремнями подвязали шишаки,
На пояса привесили мечи.

Взял каждый свой четырехпольный щит.
Копье в руках у каждого из них,
И слуги скакунов им подвели.
Вокруг сто тысяч рыцарей скорбит:
Роланд им дорог, жалко им Тьерри.
Ведь знает только бог, кто победит.

CCLXXX

Под Ахеном обширное есть поле.
Отправились туда враги для боя.
Могучи и неустрашимы оба.
Их скакуны легки и быстроноги.
Бароны шпорят, отпускают повод,
Друг другу что есть сил удар наносят.
Раздроблены щиты, пробиты брони.
Подпруги рвутся, и сползают седла.
С коней на землю валятся бароны.
Сто тысяч человек глядят и стонут.
Аой!

CCLXXXI

Бойцы на землю рухнули с седла,
Но тут же встали на ноги опять.
Проворен Пинабель, могуч и яр.
Друг к другу поединщики спешат.
Меч с золотым эфесом каждый взял.
Клинки о шлемы крепкие звенят,
Ударом отвечают на удар.
Скорбят французы, плачет Карл, молясь:
«О господи, дай правде воссиять!»

CCLXXXII

«Тьерри, сдавайся! — Пинабель кричит. —
И я вассалом сделаюсь твоим,
Отдам тебе владения свои,
Лишь Ганелона с Карлом помири».
Тьерри в ответ: «Об этом помолчи.
Я был бы низок, если б уступил.
Один господь нас может рассудить».
Аой!

CCLXXXIII

Тьерри кричит: «Ты, доблестный барон,
Могуч, сложен на славу и высок.
Известно всем, что ты вассал лихой.
Сдавайся мне, сопротивляться брось,
И короля я помирю с тобой.
А Ганелона не спасет ничто.
Неслыханную казнь претерпит он».
Ответил Пинабель: «Не дай господь.
За родичей стоять — мой долг прямой.
Вовек не уклонюсь я от него.
Уж лучше гибель, чем такой позор».
И вот удары зазвенели вновь.
По шлему золотому бьет клинок.
Взлетают к небу искры и огонь.
Теперь никто не разведет врагов.
Их поединок только смерть прервет.
Аой!

CCLXXXIV

Могуч и ловок Пинабель Сорансский.
В шлем провансальский он врага ударил.
От искр на поле запылали травы.
Так метко Пинабель свой меч направил,
Что расколол он на Тьерри забрало.
Клинок рассек ему шишак с размаху,
И лоб, и щеку правую поранил,
До живота насквозь прорезал панцирь.
Но спас Тьерри от гибели создатель.
Аой!

CCLXXXV

Тьерри увидел — ранен он в лицо.
Стекает на траву из раны кровь,
По голове врага ударил он
И до забрала шлем рассек на нем.
Из раны наземь вывалился мозг.
Пал Пинабель, издав последний вздох.
Закончился ударом этим бой.
Кричат французы: «Суд свершил господь!
Повешены должны быть Ганелон
И тридцать поручителей его».
Аой!

CCLXXXVI

Бой кончен, поле за Тьерри осталось.
Как победитель, он предстал пред Карлом,
И с ним четыре знатные вассала:
Анжуец Жоффруа, Немон Баварский,
Гильом из Бле и граф Ожье Датчанин.
Тьерри в объятья принял император,
Стер кровь с него плащом на горностаях,
Плащ отшвырнул, в другой облекся сразу.
С Тьерри доспехи осторожно сняли.
На мула он арабского посажен
И в город с ликованием отправлен.
Вот возвратились все на площадь в Ахен,
А там уже виновных ждет расправа.

CCLXXXVII

Сзывает Карл баронов на совет:
«Как поступить с задержанными мне?
За родича они пришли радеть.
В залог их нам оставил Пинабель».
Французы отвечают: «Всех на рель».
Наместнику Бабрюну Карл велел:
«Ступай и всех задержанных повесь.
Клянусь седою бородой моей:
Коль хоть один сбежит, тебе конец».
«Исполню все»,— Бабрюн ему в ответ.
Сто стражей силой тащат их на смерть.
На казнь пошло их тридцать человек.
Предатель губит всех — себя, друзей.
Аой!

CCLXXXVIII

Единодушно порешили судьи:
Баварцы, пуатвинцы и бургундцы,
Бретонцы и особенно французы,—
Чтоб Ганелон погиб в жестоких муках.
Вот к четырем коням злодей прикручен.
Привязан крепко за ноги и руки,
А кони эти дики и могучи.
Четыре стража отпускают узды,
Летят по лугу кони что есть духу,
На все четыре стороны несутся.

У Ганелона жилы растянулись,
Оторвались конечности от трупа.
Трава от крови покраснела густо.
Он умер смертью пленника и труса.
Изменой да не хвалится преступник.

CCLXXXIX

Возмездие свершил король наш славный.
К себе своих прелатов он сзывает —
Французов, алеманов и баварцев.
«С собой привез я полонянку в Ахен.
Ее здесь долго вере поучали.
Крещение она принять желает,
Чтоб спас ее от вечных мук создатель».
Все молвят: «Восприемниц ей назначьте,
Двух знатных дам и добрых христианок».
У Ахенских ключей народ собрался,
И в них крестилась королева мавров,
И восприяла имя Юлианы,
И добровольно христианкой стала.

CCXC

Когда король свой правый суд закончил,
И гнев излил, и сердце успокоил,
И приняла крещенье Брамимонда,
День миновал и ночь настала снова.
Вот Карл под сводом спальни лег на ложе,
Но Гавриил к нему ниспослан богом:
«Карл, собирай без промедленья войско
И в Бирскую страну иди походом,
В Энф, город короля Вивьена стольный.
Языческою ратью он обложен.
Ждут христиане от тебя подмоги».
Но на войну идти король не хочет.
Он молвит: «Боже, сколь мой жребий горек!» —
Рвет бороду седую, плачет скорбно...

Вот жесте и конец. Турольд умолкнул.

КОРОНОВАНИЕ ЛЮДОВИКА

ПЕРЕВОД СО СТАРОФРАНЦУЗСКОГО
Ю. КОРНЕЕВА

I

Честны́е господа, храни вас бог!
Коль вы речам пристойным внять не прочь,
О доблестных делах мы вам споем.
Плох тот жонглер, который вечно ждет,
Пока попросят начинать его.
Услышьте ж, как Людовик сел на трон
И что свершил Гильом Короткий Нос,
Нанесший сарацинам вред большой.
Вам лучшей песни не споет никто.

II

Честны́е господа, коль вы согласны,
Пристойным вас потешим мы рассказом.
Бог, девяносто девять царств создавший,
Над всеми ними Францию поставил,
Дал в короли Великого ей Карла,
А тот ее покрыл нетленной славой.
Нет стран на свете, Карлу не подвластных.
Он покорил и немцев, и баварцев,
Бретонцев, и анжуйцев, и нормандцев,
Наваррцев, и тосканцев, и ломбардцев.

III

Тот, кто короной Франции владеет,
Могуч быть должен и душой и телом,
Чтоб, если кто-нибудь его заденет,

Нигде не скрылся от возмездья недруг,
Пока не сдастся или смерть не встретит;
А кто позволит Францию бесчестить,
Тому златой венец носить невместно.

IV

Карл в Ахене капеллу освятил,
Пожаловал ей щедрые дары
И суд там при дворе — уж нет таких! —
С четырнадцатью графами вершил.
Шли к Карлу за защитой бедняки,
И не был им обижен ни один.
Иными стали судьи в наши дни:
Всё лихоимцы спустят людям злым —
Душой за мзду всегда кривят они.
Так пусть создатель неба и земли
В зловонный ад низринет их синклит —
Туда, откуда нет назад пути.

V

В тот день архиепископов, а также
Епископов сошлось по восемнадцать,
Обедню отслужил сам римский папа.

VI

В тот день досталось много слугам церкви
Пожертвований небывало щедрых.
Кто получил их, тот был рад безмерно.

VII

В тот день пришли аббатов двадцать восемь,
Четыре короля вассальных — тоже.
В тот день в капеллу призван был Людовик
И возложили на алтарь корону:
Ее в тот день родитель сыну отдал.

Один архиепископ встал к налою
И объявил крещеным людям громко:
«Послушайте, что я скажу, бароны.
Свое король наш, Карл Великий, отжил.
Он занимать престол не в силах дольше.
Корона стала для него тяжелой,
И сыну передать ее он хочет».
Прелату внемлет люд честной с восторгом,
Возносит к небу руки умиленно:
«Благодарим тебя, всеправый боже,
Что нам ты не дал короля чужого!»
Наш славный император сыну молвит:
«Прислушайся, мой сын, к словам отцовским.
Вон видишь там, на алтаре, корону?
Она — твоя, но на одном условье —
Что будешь ты на троне чужд порокам,
Не совершишь вовек измены подлой,
У сироты не отберешь феода.
Коль так ты станешь править — слава богу!
Надень корону и владей престолом.
А коли нет — ее, мой сын, не трогай,
И этот мой запрет до гроба помни.

VIII

Сын мой Людовик, ты корону видишь?
Надень ее как император Римский,
С собой в поход веди бойцов сто тысяч,
Через Жиронду переправься с ними,
Неверных разгроми в упорных битвах,
К нам присоедини их землю силой.
Коль ты поступишь так — корону примешь,
А коли нет — забудь о ней отныне.

IX

Коль ты не будешь, сын, гнушаться мздой,
Надменен станешь и не в меру горд,
Порокам волю дашь и в грех впадешь,
Начнешь у сирот отбирать феод
И вымогать последний грош у вдов,—
Короны не судил тебе господь.

Навек забудь, Людовик, про нее».
Смутился отрок, к алтарю нейдет.
Бароны плачут, глядя на него.
Приходит император в гнев большой.
«Как,— говорит,— я обманулся в нем!
На славу нашу он кладет пятно.
Кем этот жалкий трус на свет рожден?
Вовеки не сравнится он со мной.
Сажать такого на престол грешно.
Ему мы лучше темя острижем,
Его назначим в этот храм святой
Пономарем служить за кров и корм,
Чтоб по миру с сумою не пошел».
Встал Эрнеис тут перед королем.
Был этот орлеанец горд и зол.
Повел он речь искусно и хитро:
«Вам, государь, я дам совет такой.
Пятнадцать лет Людовику всего.
Он для короны не созрел еще.
Доверьте мне блюсти три года трон,
А там и ваш наследник подрастет.
Коль он окрепнет телом и умом,
Ему охотно я верну престол,
Умножу достояние его».
Ответил император: «Решено».
«Благодарим, сеньер наш и король»,—
Воскликнул Эрнеис со всей родней.
Добился бы скверновец своего,
Не подоспей с охоты граф Гильом.
С коня племянник слезть ему помог.
Граф задает вопрос: «Бертран, отколь?»
«Иду из храма этого, сеньер.
Дурное дело там совершено:
Народ и Карла Эрнеис обвел —
Отдать ему хотят французы трон».
Гильом ответил: «Плох его расчет!»
Не сняв оружья, в божий храм вошел
И видит, растолкав народ честной,
Что Эрнеис приять венец готов.
Он зарубить лжеца решил мечом,
Да вспомнил вдруг, что заповедал бог:
Убийство — смертный грех перед творцом.
Поглубже в ножны сунул граф клинок,
Поддернул рукава, шагнул вперед.

Он за волосы Эрнеиса сгреб,
По шее двинул правым кулаком,
Сломал злодею горловую кость.
Предатель рухнул и, как пес, издох,
А граф Гильом сказал ему в укор:
«Пусть бог воздаст тебе, подлец, за все!
Как смел чинить ты государю зло,
Когда любить сеньера всей душой,
Его владенья умножать — наш долг?
Хитрить ты перестанешь с этих пор.
Хоть я лишь дать тебе желал урок,
Ты — мертв, и я тебя не ставлю в грош».
Тут граф Гильом вперил в корону взор,
Снял с алтаря ее своей рукой
И возложил ребенку на чело:
«Прими во имя господа ее,
И сил тебе всевышний ниспошлет!»
За сына счастлив был король седой:
«Вам, граф Гильом, спасибо и поклон
За то, что возвеличили мой род».

X

«Людовик, милый сын,— промолвил Карл,—
Прими над нашим королевством власть
И на таких условиях им правь:
Не отнимать у сирот их добра,
У вдов последний грош не вымогать,
Святую церковь охранять всегда,
Чтоб видел сатана в тебе врага,
И рыцарей своих не утеснять.
За это будут чтить они тебя,
Полюбит и прославит вся страна».

XI

Когда Людовик восприял венец,
Король изволил распустить совет.
Разъехались бароны — всяк к себе.
Но прожил Карл потом всего пять лет.
Явился он однажды во дворец
И к сыну обратил такую речь:

XII

«Людовик, милый сын, отца послушай.
Ты скоро вступишь на престол французский,
А мне отдать придется богу душу.
Кто недруг мне, тот им тебе пребудет;
Тебя мой ненавистник не возлюбит.
Бог видит: с теми, кто со мной враждует,
За выкуп я не шел на мировую,
А воевал, пока их не изрубят.

XIII

Не скрою от тебя, наследник мой:
Бог над народом короля вознес
Не для того, чтоб тот презрел закон,
Грешил распутством, поощрял порок,
Или у сирот отнимал феод,
Иль вымогал последний грош у вдов.
Нет, государь карать обязан зло
И втаптывать его во прах пятой.
Пусть видят бедняки в тебе оплот.
Внять жалобам их будь всегда охоч,
Советом им стремись помочь во всем,
За их права во имя божье стой.
А с тем, кто нравом непомерно горд,
Будь сам, как лютый леопард, жесток.
Начнет войну он из-за пустяков —
Клич рыцарям французским тотчас брось,
И тридцать с лишним тысяч их сберешь.
Ударь туда, где враг тебя не ждет,
Займи и разори страну его.
А коль он угодит к тебе в полон,
Обидчика не милуй ни за что —
Пускай в куски изрублен будет он,
Утоплен иль отправлен на костер.
Ведь коль французов недруг разобьет,
Нормандцы скажут, сын, тебе в укор:
«Что нам за польза в короле таком?
Не дорожит своею головой
Тот, кто вторично с ним в поход пойдет
Иль ко двору его прибудет вновь.
Мы обойдемся без его щедрот».
Скажу тебе, мой сын, еще одно,

В чем будет для тебя немалый прок:
В советники тебе виллан не гож,
Сын стражника не гож и сын прево
(Всегда за грош тебя предаст холоп);
Им должен стать Гильом, лихой барон,
Чьим был нарбоннец Эмери отцом,
Кому Бернар Бребанский — брат родной.
Коль он престол оберегать готов,
Ты можешь положиться на него».
«Клянусь душой, вы правы»,— отрок рек,
Пошел к Гильому, наземь пал лицом.
Граф поднял гостя, задает вопрос:
«Что вам угодно, юный мой сеньер?»
«Чтоб сжалились вы, рыцарь, надо мной.
Отец сказал: вы — первый из бойцов,
Не равен под луною вам никто.
Хочу я наши земли и престол
Отдать вам под охрану до тех пор,
Пока не научусь владеть мечом».
Ответил граф: «Согласен всей душой»,—
И клятву дал пред образами он,
Что по миру скорей пойдет с сумой,
Чем нерадиво выполнит свой долг.
Предстал пред Карлом граф Гильом потом,
Челом ему, склонив колени, бьет:
«Прошусь в отъезд я, император мой.
Дозвольте в Рим отбыть на малый срок,
Пасть там во прах перед святым Петром.
Такой обет я дал давным-давно,
Но выполнить пятнадцать лет не мог,
И медлить с этим долее грешно».
Карл помрачнел, но согласился все ж,
Велел, чтоб граф взял шестьдесят бойцов,
Навьючил тридцать лошадей казной.
Гильом обнялся с ним — и был таков.
Назад вернуться графу удалось
Не скоро и с весьма большим трудом.
Когда он прибыл, Карл уже был мертв
И сын его воссел на отчий трон.
Но прежде чем Гильом поспел домой
И дать сумел изменникам отпор,
Людовик чуть не потерял престол.
Проститься мог бы он и с головой,
Промедли граф в пути хоть день еще.

XIV

Гильом Железная Рука явился
В отъезд у императора проситься.
Тот в шестьдесят бойцов ему дал свиту,
Велел казной коней навьючить тридцать.
С людьми своими в путь Гильом пустился.
Людовик долго ехал рядом с ними
И, плача, говорил слова такие:
«Останьтесь, бога ради, граф мой милый!
Уйдет из жизни скоро мой родитель.
Он стар, держать не может меч в деснице,
А я еще из детских лет не вышел.
Коль не помогут мне, наш край погибнет».
Гильом ему: «Тревожиться нет смысла.
Апостолу я еду поклониться,
Что на престоле восседает в Риме.
Туда гонца иль грамоту пришлите,
Коль надобность во мне у вас возникнет,
И поспешу — пусть каждый это слышит! —
Я вам помочь, чем только буду в силах».
Пустился в путь Гильом с людьми своими,
Уж сколько дней, не знаю, ехал рысью,
На Сен-Бернаре сильно притомился,
До Рима так и мчал без передышки.

XV

Торопится Гильом, барон-смельчак.
Гелен с Бертраном вслед за ним спешат.
У каждого упрятан меч под плащ,
И все-таки никто из них с себя
Не снял ни добрый панцирь, ни шишак.
Оруженосцы верные кряхтят:
Щит и копье господ тащить — не сласть.
Дней их пути нам не пересчитать.
Граф перебрался через Сен-Бернар,
Пронесся через всю Романью вскачь,
До Рима, не передохнув, домчал,
Оруженосцев кров послал искать.
Держал Сикер двор постоялый там.
Стал в доме у него постоем граф,
Себе позволил отдых в первый раз,
Отужинал, лег поскорее спать.

Заснул немедля — очень уж устал —
И видит сон, в нем пробудивший страх:
Со стороны Руси идет пожар,
Который Рим со всех сторон объял,
И мчится преогромный волкодав
В сопровожденье множества собак;
Он, граф, сидит под деревом в кустах
И до смерти напуган видом пса,
А тот наносит лапою удар,
И падает Гильом к его ногам.
Проснулся граф, к царю небес воззвал,
Но сон его был вещий божий знак:
Магометане вторглись в этот край.
Эмир Корсольт и с ним три короля —
Кремюз, Тенебр, Галафр вели их рать.
Она твердыни Капуи взяла.
Король Гефье к неверным в плен попал,
А с королем красавица жена,
И дочь, и тридцать тысяч христиан.
Им всем до одного грозила казнь,
Но графа так любил небесный царь,
Что пленников Гильом от смерти спас,
Хотя Корсольт, сраженный им силач,—
За Красным морем земли он держал,—
Нос рыцарю укоротил слегка,
О чем мы позже поведем рассказ,
Коль скупы не окажетесь вы к нам.
Тут понемногу начало светать.
С постели граф без промедленья встал;
К заутрени пошел в престольный храм;
Сложил свои доспехи на алтарь —
Мол, выкупит их, взяв с арабов дань;
Увидел там наместника Христа —
Пел мессу в этот день святитель сам.
Закончить службу он успел едва,
Как прибыли нежданно два гонца
С такою вестью горестной туда,
Что стало страшно многим храбрецам.

XVI

В престольный храм пришел Гильом с рассветом,
А мессу там служил Христов наместник,
Когда нежданно два гонца приспели

С нерадостным для христиан известьем:
Громят магометане край окрестный,
Твердыни Капуи в руках неверных,
И взято ими тридцать тысяч пленных.
Спасти их надо — иль не минут смерти.
Святитель побледнел, спросил поспешно,
Где тот, кого зовут Рукой Железной;
А граф лежал, на мраморе простéртый,
Молясь, чтоб сила в нем не оскудела
И жертвою не сделался измены
Людовик, Карла отпрыск и преемник.
Не стал святитель ни минуты мешкать,
Взял посох, тронул им плечо пришельца.
Вскочил Гильом, открыл лицо немедля.

XVII

Вскочил Гильом, поднялся в полный рост,
И говорит ему слуга Христов:
«Во имя божье, доблестный барон,
Вы нам не согласитесь ли помочь?
Язычники пошли на нас в поход.
Король Галафр — их войск несметных вождь,
А наш защитник сам в беде большой:
Король Гефье Сполетский взят в полон,
В руках врага жена его и дочь
И тридцать тысяч подданных его.
Коль мы им не поможем, казнь их ждет».
Перекрестился граф: «Помилуй бог!
Нам стольким королям не дать отпор».
Вмешался тут Бертран: «Клянусь крестом!
Что это, дядя, вам на ум взбрело?
Ведь вам досель не страшен был никто».
«Ты прав, племянник,— говорит Гильом,—
Но нам не сладить с нехристями все ж.
Пошлем-ка поскорей гонца домой —
Пускай Людовик, юный наш сеньер,
С войсками нам на выручку придет,
А Карл пусть охраняет край родной:
Он стар и воевать уже не гож».
Бертран ему в ответ: «Пускай господь
Ума и живота лишит того,
Кто королю такую весть пошлет!

Пускай расколют щит ему копьем,
Пробьют броню и добрый шлем стальной,
И грудь пронзят концом меча насквозь,
Коль он моим советам не вонмет!
Хоть у неверных войско тысяч в сто,
Возьмемся за оружие — и в бой!
Дадим мы сами нехристям урок».
Все римляне в испуге: враг силен,
А им сто тысяч не набрать бойцов.

XVIII

В престольном храме был Гильом у мессы,
И рыцарю сказал Христов наместник:
«Явите, бога ради, милосердье —
Нам помогите отразить неверных».
«Бог видит,— молвил граф Гильом, колеблясь,—
Паломником я в край явился здешний
Со свитой, малолюдною чрезмерно:
Лишь шестьдесят бойцов со мною смелых.
На стольких королей мне грянуть не с кем».
Но возразил святитель: «Рыцарь честный,
Апостол Петр да будет мне свидетель!
Коль за него вы вступите в сраженье,
Вам можно будет мясо есть вседневно,
И жен держать, коль хватит сил, хоть десять,
И в грех любой впадать, пусть даже смертный,
За исключеньем разве что измены,—
Я вам даю заране отпущенье.
Создатель вход откроет вам по смерти
Туда, где лишь его друзьям есть место,
Сам Гавриил введет вас в рай небесный».
Гильом воскликнул: «Господи предвечный,
Великодушней нету иерея!
Не потерплю я,— всяк да слышит это! —
Чтоб хвастал враг, хоть рать его несметна,
Что с ним я убоялся столкновенья.
Бертран, племянник мой, надень доспехи,
Зови сюда всех наших и Гелена».
Воитель стал готовиться к сраженью:
Велел принесть оружье прямо в церковь,
Надел броню и шлем, что цветом зелен,
И меч на перевязи драгоценной.

Коня ему подводят масти пегой.
Граф сел в седло, не вдевши ногу в стремя.
Червленый щит повешен им на шею.
Копье он держит со значком на древке —
Пять точек золотых на ткани блещут.
Осведомился граф: «Отец святейший,
У вас бойцов-то сколько во владеньях?»
«Скажу по правде,— рек первосвященник.—
Я рыцарей три тысячи имею,
И каждый при копье, мече и шлеме».
«Не худо для начала,— граф ответил.—
Готовьте к битве их, а те, что пеши,
Ворота будут охранять и стены».
«Так и велю я,— молвил папа,— сделать».
Всяк в Риме, кто оружием владеет,
Доспехи надевает, к храму едет.
Святитель всем дает благословенье.
«Бароны,— говорит Христов наместник,—
Того из вас, кто жизнь утратит в сече,
Допустит милосердный бог по смерти
Туда, где лишь его друзьям есть место,
Сам Гавриил проводит в рай небесный».
Тут устремились рыцари навстречу
Пришельцам дерзким и жестокосердым
С таким неистовством и нетерпеньем,
Что им в воротах главных стало тесно.
«Бароны,— крикнул им первосвященник,—
Остановитесь — ни к чему тут спешка.
К Галафру я отправиться намерен,
И выкуп будет мной ему обещан.
Коль нехристь уведет свои галеры
И рать его очистит здешний берег,
Я ни казны апостольской священной,
Ни чаш, ни риз, ни митр не пожалею:
Отдать ему мне легче грош последний,
Чем принести бойцов столь многих в жертву».
Бароны молвят: «Мудрое решенье».
Святой отец с одним аббатом вместе
Пошел во вражий лагерь без задержки,
Проник туда, где был Галафр надменный,
Встал перед ним, не поклонившись земно.
Язычник глянул на него свирепо,
А папа речь повел к нему смиренно:
«Я прислан, государь, сюда как вестник.

Апостол Петр и бог, творец вселенной,
Через меня изволят вам поведать,
Что увести вам надлежит галеры,
От ваших войск очистить здешний берег.
Я ни казны апостольской священной,
Ни чаш, ни риз на вас не пожалею
И предпочту отдать вам грош последний,
Чем принести бойцов столь многих в жертву.
Прислушайтесь же к моему совету».
Король в ответ: «Твои слова нелепы.
Сюда приплыл я за своим наследством —
Рим, город ваш, достался мне от предков,
Меж коих Ромул был и Юлий Цезарь,
Возведшие мосты и стены эти.
Коль не сдадитесь без сопротивленья,
Всех христиан я в Риме изувечу,
А божьих слуг казню, предав бесчестью».
Струхнул святитель: «Не останусь здесь я,
Хоть дай мне все богатства Карфагена»,
Стал пропуска назад просить немедля.
Галафр его трем сарацинам вверил
И вот что молвил папе напоследок:
«Чтоб ты, на ком колпак широк не в меру,
Не говорил потом, что я затеял
Обречь разгрому город свой наследный,
Давай найдем с тобой по человеку
Из тех, кто посмелей и познатнее,
И пусть покончат поединком дело.
Коль ваш господь пошлет мне пораженье
И моего бойца твой одолеет,
Рим за тобой останется навеки,
И у тебя по гроб никто на свете
Отнять головки сырной не посмеет.
А чтоб ты слову моему поверил,
Обоих сыновей пришлю к тебе я,
На выкуп им не дам с собою денег:
Коль я солгал — заложников повесишь».
Обрадовали папу эти речи
Сильней, чем все богатства Карфагена:
Он вспомнил, кто при всем вооруженье
Ждет от него в престольном храме вести —
Нет в мире поединщика отменней.

XIX

Когда Христов наместник убедился,
Что помощь ниспослал ему всевышний
И что единоборством все решится,
Он нехристю сказал слова такие:
«Вам, государь, признаюсь я открыто:
Коль скоро мы устроим поединок,
Я вашего бойца желаю видеть,
Чтоб знать, с кем будет наш защитник биться».
Галафр ему: «Уладим это живо».
Велел он, чтоб эмир Корсольт явился.
Был тот свиреп и безобразен с виду:
Огонь из глаз, как угли, красных, пышет;
Широкий лоб, нечесаная грива;
Меж глаз пол-локтя добрых уместится,
Меж брюхом и плечами — сажень с лишним.
Уродливей нет человека в мире.
На папу голос дерзко он возвысил:
«Зачем сюда пришел ты, коротышка?
Наверно, ты монах, коль темя брито?»
Ответил папа: «Я, Христов служитель,
Апостолом Петром и богом прислан
Во имя их просить вас удалиться
И здешний край от ваших войск очистить.
Я вас казной церковною осыплю,
Ни риз не пожалею, ни кадильниц,
Отдать вам грош последний не премину —
Лишь на галеры поскорей грузитесь».
Ответил нехристь: «Сильно ты ошибся,
За бога предо мной дерзнув вступиться.
Мне больше всех людей он ненавистен:
Сожжен был молнией мой родитель,
А на него ее ваш бог низринул.
Вы мните, ваш Спаситель по кончине
Вознесся на небо, где и укрылся.
Туда за ним я не взлечу — нет крыльев,
Но месть моя сынов его настигнет —
Всех тех, кого здесь на земле, крестили.
Их изрубил я тридцать с лишним тысяч,
Спалил огнем и утопил в пучине.
Их истреблять я буду в этой жизни,
Коль в небе дать не властен богу битву.

«Песнь о Роланде»

Ему я враг заклятый до могилы.
Он — царь небес, а я — земли владыка.
Коль мы займем владенья ваши силой,
Погибнут все, кто чтит Христово имя,
А с клириков ножами кожу снимут,
Тебя же, храма божьего правитель,
Изжарят над огнем неторопливо,
Чтоб из тебя на угли мозг повытек».
Когда услышал это папа римский,
В него, что и не диво, страх вселился.
С аббатом стал он совещаться тихо:
«Да этот турок, видно, одержимый!
Я изумлен,— клянусь святым Денисом! —
Что в ад его досель не вверг Спаситель.
Да будет, граф Гильом, отважный ликом,
Тот, кто распят за нас, тебе защитой!
Верх над тобой, боюсь, возьмет спесивец».
Стал пропуска назад просить святитель,
С ним двух сынов послал Галафр-язычник,
И те его до Рима проводили.
Гильом ему навстречу первый вышел,
Рукой за стремя папское схватился
И говорит: «Чего вы там добились
И виделись ли также с нечестивцем,
Что Рим отнять у господа замыслил?
Скорее про него мне расскажите».
«От вас, сеньер, не стану я таиться:
Не с человеком схож он — с исполином.
Живи Роланд и Оливье доныне,
Ат с Беранже, храбрец Иворий с Ивом,
Млад-Манессье, Турпен-архиепископ,
Эстольт из Лангра и Готье учтивый,
Жерен и Анжелье неустрашимый —
Двенадцать пэров, что в бою убиты;
Будь с ними Эмери, достойный рыцарь,
Родитель ваш, молвой превозносимый,
И ваши братья, как отец, лихие,—
И то бы с ним никто не смел схватиться».
Гильом озлился: «Вздор вы говорите!
Слуге творца быть не пристало лживым.
Не сами ль нас вы столько раз учили,
Что тот, о ком печется вседержитель,
Ни от кого в бою стыда не имет,
В воде не тонет и в огне не гибнет?

Клянусь святым Петром, патроном Рима,
Что выйду с нехристем на поединок,
Хотя б в нем росту двадцать сажен было.
Коль нашу веру бог решил унизить,
Придется нынче жизни мне лишиться;
Но коль меня создатель не покинет,
В бою вовек не покажу я тыла,
В воде не утону, в огне не сгину».
Ответу графа папа умилился
И молвил так: «Да будет, славный витязь,
Тот, кто распят за нас, тебе защитой!
Речей отважней сроду я не слышал.
Храни тебя создатель, где б ты ни был,
За то, что встать за веру не боишься!»
Петра святого он десницу вынес,
Ее из золотой обертки вынул,
К суставам дал Гильому приложиться,
Из золота ж слепил кресты святые,
Бойцу на шлем и к сердцу прикрепил их,
Так обереги сделать ухитрившись,
Что за победу над Корсольтом диким
Граф лишь пустячным заплатил убытком,
Которым после все его дразнили.
На доброго коня вскочил воитель.
На шею щит четырехпольный вскинут,
Тяжелый меч в руке остер на диво.
На холм взлетает граф без передышки.
Любуются им даже сарацины,
Друг другу говорят: «Вот рыцарь истый —
Учтив и смел, разумен и воспитан!
Когда бы нынче с ровнею он бился,
Противнику его пришлось бы лихо;
Но грош ему цена в бою с эмиром —
Четырнадцать таких Корсольт осилит».

XX

Галафр-язычник вышел из шатра.
Достоин короля на нем наряд.
Он говорит, на верх холма смотря:
«А ведь француз уже поспел туда.
Щит у него на славу, рост не мал.

Вот кто Корсольту бой сегодня даст,
Но он, на наше счастье, слишком слаб.
Коль с ним эмир не справится шутя,
Кагю и Магомету грош цена».
Звать своего бойца велел Галафр,
Эмира встретил и в объятьях сжал.
«Племянник,— он воскликнул,— в добрый час!
Француза видишь на холме, вон там?
Верх над тобою он задумал взять».
Корсольт в ответ: «Ему до смерти — шаг.
Со мною не заждется он конца.
Где мой доспех? Чего еще нам ждать?»
Доспех пятнадцать герцогов влачат,
Семь королей несут едва-едва.
Второго мир такого не видал:
Другому б человеку никогда
Не сдвинуться в нем с места и на шаг.

XXI

Четырнадцати королям Корсольт
Облечь его кольчугой дал стальной,
В два ряда бронь надел поверх нее,
Привесил меч, что режет сталь, как воск,—
В пядь шириной, в сажень длиной клинок.
Он вскинул лук с колчаном на плечо,
Взял арбалет со стрелами потом,
Рукою поднял изощренный дрот.
Вот подведен эмиру Алион,
Его на диво норовистый конь.
К себе он,— мне молва порукой в том,—
Не подпускал на сажень никого,
Кто в стойло ни входил к нему дотоль.
У лук седла торчат из тороков
Еще четыре дрота с булавой.
Эмир вдел ногу в стремя, сел в седло,
На шею щит повесил золотой,
Четырехпольный и в сажень длиной,
Но счел ненужным брать с собой копье —
Вооружен и так он до зубов.
Конь под эмиром сам пошел в галоп,
Летит быстрее зайца и борзой,
И все ж язычник не жалеет шпор.

Кричит Галафру, удаляясь, он:
«Мой дядя, страх пустой гоните прочь.
Пусть сенешали к вам спешат в шатер,
К обеду накрывают пышный стол.
Французу жить уже недолгий срок:
Арпана не пройдете вы еще,
Как он навек простится с головой.
Коль я врага не изрублю мечом,
Коль булавой не поражу в висок,
Коль конь его с ним вместе не умрет,
Пускай мне хлеба не дадут по гроб!»
Под крик неверных: «Магомет с тобой!» —
Пред ними мчит эмир во весь опор,
Те Магомета молят за него.
Увидел граф: въезжает враг на холм.
Он лют и до зубов вооружен.
Не диво, что чуть-чуть сробел Гильом,
Воззвал к творцу и деве пресвятой:
«Ах, как скакун у нехристя хорош!
Им должен бы владеть лихой барон.
Коня такого убивать грешно.
Не приведи меня всеправый бог
Его хотя б слегка задеть клинком».
Не скажет трус вовек подобных слов.

XXII

Граф по холму взлетел на самый верх.
На нем надежный кованый доспех.
Язычника он ждет, чуть-чуть сробев,
Но в этом упрекать его не след.
Со скакуна на землю рыцарь слез,
Лик повернул к восточной стороне,
О помощи воззвал к царю небес.
В подлунном мире человека нет,
Который бы молился горячей
Всевышнему владыке на заре,
Когда чинить нам черт не в силах вред.
Промолвил граф Гильом, душой смирен:
«О господи, жизнь даровавший мне,
Мир сотворил ты ровно за семь дней,
Морями окружил земную твердь,
Адама с Евой создал под конец,

На жительство их поместил в Эдем,
Дозволил рвать плоды со всех дерев,
На яблоко лишь наложил запрет.
Они ж, его отведав, впали в грех,
На стыд и посрамление себе.
Ты их из рая выдворить велел —
Пусть землю пашут, добывая хлеб,
И, в муках жизнь прожив, встречают смерть.
Убит был Авель Каином затем,
И горько вопиять пришлось земле,
И строг отныне общий наш удел:
Из праха выйдя, в прах уйдем мы все.
Потом, судья всеправый, ты узрел,
Что нет любви к тебе у тех людей,
Потоп и смерть на них с небес низверг.
Лишь Ной с тремя сынами уцелел.
Их с женами он погрузил в ковчег
И взял с собой из птиц, скотов, зверей
По паре, так, чтоб с самкой был самец.
Произошла от Ноевых детей
Та наимилосердная из дев,
В чьем лоне соизволил ты созреть,
В чью плоть святую дал себя облечь,
Чьей кровью обливался на кресте.
Благословенный город Вифлеем
Избрал ты, боже, родиной своей;
Там в ночь под рождество увидел свет;
Там первое содеял из чудес —
Анастасии руки дал, чтоб ей
Принять тебя, младенца, было чем;
Там смирну, ладан, с золотом ларец
В подарок получил от трех царей;
Когда ж они покинули твой хлев,
Им путь другой помог найти во тьме,
Чтоб головы им Ирод не отсек;
Там тридцать тысяч неповинных жертв
Царь Ирод предал в руки палачей.
Ты по земле как плотский человек
Ходил в теченье тридцати двух лет,
Учил людей, в пустыне пост терпел,
За целых сорок дней куска не съев,
И взнес тебя на кровлю храма бес.
На пасху, светлый праздник по весне,
В день приношенья пальмовых ветвей,

В Ерусалим ты въехал на осле,
Ворота Золотые сам отверз.
Чуждался ты надменных богачей,
Был прост, радел о каждом, кто в нужде.
Кров Симон-прокаженный дал тебе.
Ты там среди апостолов сидел,
А Магдалина проскользнула в дверь,
К твоим ногам приникла, воскорбев,
Омыла их слезами из очей
И ку́дрями отерла вплоть до чресл,
За что ей вины ты простил, творец.
Иуда, сребролюб и лицемер,
Тебе за тридцать изменил монет,
Чеканенных в Мафусаилов век.
Тебя лобзаньем выдал он, подлец,
И ты, к столбу привязан, как злодей,
Ночь простоял, а чуть блеснул рассвет,
Евреями на холм взведен был, пеш.
Голгофою зовется он досель.
Ты на плечах влачил тяжелый крест,
Был в рубище позорное одет,
И, что ни шаг, в лицо и по спине
Тебе удары наносила чернь.
Ты на кресте в мучениях висел,
И плоть твоя изнемогла совсем,
А сотник Ло́нгин с радостью в душе —
Он был тогда еще духовно слеп —
Бок прободал тебе копьем, глупец,
И руки обагрил в крови твоей,
Но глаз коснулся ими — и прозрел,
И горестно раскаялся в грехе,
И вины ты простил ему, творец.
Пришел к кресту Иосиф в темноте,
И Никодим, как тать, прокрался вслед.
С креста был снят ты ими поскорей,
И унесен, и погребен в скале,
Однако же на третий день воскрес,
Спустился в ад, проник до самых недр
И вызволил отголь своих друзей,
К нечистому давно попавших в плен.
Мне помоги, небесный наш отец,
Не дай костьми на поединке лечь.
Я с нехристем сразиться должен днесь,
А враг мой росл, могуч, широкоплеч.

Мне, богоматерь, помоги в борьбе,
Чтоб христиан не уронил я честь,
На вечный стыд и срам своей родне».
Перекрестился граф и встал с колен.
Тут изменился сарацин в лице,
Смутился и к Гильому подлетел:
«Таиться от меня, француз, не смей.
Признайся, с кем так долго вел ты речь».
«Скажу по правде,— граф ему в ответ.—
Молился я сейчас царю небес,
Чтоб он помог мне в доброте своей,
И на куски тебя рассек мой меч,
И ты нашел себе могилу здесь».
Эмир вскричал: «Ты не в своем уме.
Ваш бог не так могуч и милосерд,
Чтоб надо мною верх ты взять сумел».
Граф рек: «Срази тебя господь, наглец!
Коль не оставит бог меня в беде,
Сегодня же с тебя собью я спесь».
Но турок вновь: «Ты не в своем уме.
Признай, что твой Христос не бог, а лжец
И что его сильнее Магомет,
И больше всыплю я тебе в кошель,
Чем у твоей родни всей вместе есть».
Граф рек: «Срази тебя господь, наглец!
Отступником не стану я вовек».
«Я вижу,— молвил турок,— ты гордец.
Посмотрим, так же ль ты и в схватке смел.
Скажи, кто ты таков, да лгать не смей».
«Узнай же правду,— отвечал храбрец.—
Я не таил ее ни перед кем.
Меня нарек Гильомом мой отец,
А был им Эмери, что стар и сед.
У Эрменгарды, матери моей,
Сынов, опричь меня, родилось шесть:
Бернар, что получил Бребан в удел;
Эрнальт Геронский, чей близ моря лен;
Гарен, молвой прославленный уже,
И Бёв де Коммарши, лихой боец,
С Гибером д'Андерна́, меньшим из всех.
Приходится мне братом и Аймер,
Но этот — редкий гость у нас в семье:
Он днюет и ночует на войне —
Славян и сарацин громит везде».

Едва с ума не свел эмира гнев.
Он выпучил глаза, побагровел:
«Трус, не переживешь ты этот день,
Раз вы с моей роднею во вражде».

XXIII

Бросает графу сарацин надменно:
«Гильом, я вижу, не в своем уме ты,
Коли в того, кто слаб и жалок, веришь.
Ваш бог сидит за облаками в небе,
А здесь он и арпаном не владеет:
Земля есть достоянье Магомета.
Все ваши таинства, обряды, мессы,
Причастие, венчание, крещенье
Мне легковесней кажутся, чем ветер.
Я христианство почитаю бредом».
Граф рек: «Наглец, срази тебя предвечный!
Не вера у тебя, а вздор нелепый.
Твой Магомет, как каждому известно,
Спервоначалу был к Христу привержен
И наше проповедовал ученье,
Но занесло его однажды в Мекку,
Где он вином упился невоздержно,
Свининой мерзопакостно объелся.
Кто бога видит в нем, тот глуп безмерно».
Ответил нехристь: «Ты солгал бесчестно,
Но коль ты внимешь моему совету
И веру без раздумий переменишь,
Я столько дам тебе земель и денег,
Что весь твой род сполна имеет меньше,
Хоть знатен он, как я слыхал нередко,
И славится отвагой повсеместно.
Тебе я не хочу позорной смерти.
Коль ты согласен — говори скорее,
А не согласен — погибай в мученьях».
А граф: «Наглец, срази тебя предвечный!
Теперь ты для меня еще презренней:
Зря не грозится тот, кто смел на деле».
Граф на коня вскочил одним движеньем —
Не взялся за седло, не тронул стремя,
Четырехпольный щит надел на шею,
Рукою правой меч сжимает гневно
И со значком копье вздымает левой.

Врага окинул гордым взглядом нехристь,
Но сам себе признался откровенно:
«Свидетель Магомет, кому я предан,
Отваги в этом человеке бездна».
Когда б услышал граф такие речи
Да пожелал пойти на примиренье,
Легко он схватки избежать сумел бы.

XXIV

«Скажи, француз,— спросил Корсольт ужасный,—
Ради того, в чью честь готов сражаться:
Ты Рим своею вотчиной считаешь?»
Промолвил граф Гильом: «Скажу по правде.
Я конно и оружно буду драться
Лишь ради бога, коего мы чада.
Не мне, а Карлу город сей подвластен
С Калабрией, Тосканой и Романьей.
Там Петр святой на троне восседает,
Его местоблюститель папа правит».
Эмир в ответ: «Не в меру ты запальчив:
Сражаться за чужое достоянье
Не станет ввек тот, у кого есть разум.
Но все ж тебе я льготу предоставлю.
Нагни копье, наставь его как надо
И бей мне в щит — не шелохнусь я даже:
Охота мне взглянуть, сколь ты отважен
И сколь сильны твои удары, карлик».
Подумал граф: «Я глуп, коль медлить стану»,—
Отъехал на арпан, чтоб разогнаться,
Помчался по холму, что крут изрядно,
Нагнул копье и на врага наставил,
Но с места тот не сдвинулся упрямо.
Сказал Христов наместник: «Будет схватка.
Костьми в ней правый иль неправый ляжет.
Пусть молятся творцу все люди наши,
Чтоб жив Железная Рука остался
И невредим вернулся в Рим богатый».
Бой начинать решил Гильом бесстрашный —
Он будет глуп, коль дольше медлить станет,
Поводья бросил, вскачь коня пускает,
Копье склоняет со значком атласным,
В щит турка золотой вонзает с маху.

Посыпались с навершья чернь и краска,
Щит лопнул, вслед за ним броня двойная,
А вслед за той кольчужная рубаха.
Копье вонзилось в тело басурмана,
Да так, что наконечник вышел сзади —
Хоть вешай плащ, коль оказался рядом.
Гильом свершил и потрудней деянье:
Копье из тела вытащил обратно.
Но не моргнул и тут язычник глазом,
А лишь себе в душе признался тайно:
«Ручаюсь Магометом, чей слуга я,
Тот не умен, кто станет насмехаться
В бою над этим человечком малым.
Когда друг другу нынче мы предстали,
Я заключил, что мне он не опасен,
Его безумцем посчитал напрасно
И даже льготу дал ему, тщеславясь,
А так меня, как он, никто не ранил».
Эмир боится потерять сознанье.
Меж тем Гильом опять в атаку скачет.

XXV

Железная Рука могуч и лих.
Копье он в тело недругу всадил,
Потом извлек движением одним,
Порвал врагу ремень, что держит щит,
И щит слетел у нехристя с руки,
А графу громко закричал весь Рим:
«Гильом, господь с тобой! Смелей руби!
Апостол Петр, героя не покинь!»
Услышал смелый рыцарь этот крик,
Коня пришпорил, вскачь его пустил,
Нагнул копье так, что значок отвис,
Язычника ударил со спины.
Прорезал наконечник швы брони,
Как ржавый гвоздь, кольчугу разрубил,
Проник сквозь тело до грудной кости,
Наружу вышел посреди груди.
Такой удар любого бы сразил,
Но даже глазом не моргнул эмир,
Лишь поднял дрот, висевший у луки,
И молниею тот взметнулся ввысь,
И в графа грянул с треском громовым.

Тут оробел Гильом и приуныл.
Удар ему пришелся меж ключиц,
Но тела не задел — господь велик!
Граф молвил: «Да не даст меня сгубить
Бог, что святого Лота сотворил!»

XXVI

Приходится эмиру нелегко.
Копье пронзило грудь ему насквозь.
Он кровью обагрен до самых шпор
И молвит так, чтоб не слыхал никто:
«Свидетель Магомет, мой бог благой,
Впервые я терплю такой урон.
К тому ж меня считает враг глупцом —
Зря дал ему я льготу наперед».
Взял новый дрот эмир из тороков,
Метнул оружье с силою такой,
Что понеслось быстрей орла оно.
В испуге рыцарь отклонился вбок,
Однако дрот прошел сквозь щит со львом,
Со свистом распорол на графе бронь
И хоть Гильому не поранил плоть,
Но на два локтя врезался в песок.
Увидел это граф, поник челом,
К небесному отцу воззвал с мольбой:
«О господи, кем мир наш сотворен,
Кто утвердил на мраморе его,
Кто сушу окружил пучиной вод!
Адам из персти вылеплен тобой,
На свет ты матерь Еву произвел,
Обоих поместил в раю земном,
Им повелел вкушать от всех плодов,
Лишь яблока не трогать ни за что.
Они ж его отведали тайком
И грех жестоко искупили свой:
Ты ввергь их в ад, в бездонный Баратрон,
Где воет Вельзевул, Нерон ревет.
На пасху, в светлый праздник, ясным днем
Осленка ты нашел и сел в седло.
Бежали дети за тобой толпой.
На пасху шел вслед за твоим ослом
Причетников и лиц духовных сонм.

Тебе дал Симон-прокаженный кров.
К нему проникла Магдалина в дом,
Смиренно у твоих простерлась ног
И зарыдала, воскорбев душой,
Но поднял ты и обласкал ее,
И ей простил все вины до одной.
Ты предан был Иудой-подлецом:
Взял три десятка сребреников он
И на тебя донес, себе во зло.
Евреями ты на кресте казнен:
Они сочли, что ты злодей и вор,
Не ждали воскресенья твоего,
А ты на небеса вознесся вновь
И спустишься вторично к нам с высот,
Когда людей на Страшный суд созовешь.
Равны в день этот станут сын с отцом,
С причетником духовное лицо,
Архиепископ с голяком-слугой,
С вилланом граф и с герцогом король —
Получит каждый за грехи свое.
К апостолам ты был безмерно добр:
Неронов луг блюсти поставлен Петр;
Его сподвижник Павел — обращен;
Иона рыбам не пошел на корм;
От голода излечен Симеон;
И Даниил спасен во рву от львов;
И кару Симон-маг понес за ложь;
А Моисею видеть довелось,
Как куст горел, не становясь углем.
Коль вправду ты детей своих оплот,
Не дай меня сразить иль взять в полон.
Как быть мне, коль к врагу не подойдешь?
Вооружен язычник до зубов:
Он арбалет закинул на плечо
И булаву повесил на седло.
Один лишь ты, кем Лонгин был прощен,
Способен мне в опасный миг помочь».
Тут графу молвит сарацин в укор:
«Как видно, сердцем робок ты, Гильом.
Надеялся я: вот боец лихой,
А ты клинок пустить боишься в ход,
Но я тебя своим достану все ж».
Меч обнажил язычник с быстротой,
Пришпорил арагонца своего

И недругу такой удар нанес,
Что сквозь забрало острие прошло,
И рассекло кольчужный капюшон,
И сбрило у Гильома прядь волос,
И кончик носа отрубило прочь,
Чем и дразнили рыцаря потом.
Упал на холку конскую клинок,
И, надвое разрублен, рухнул конь.
На графе расползлась кольчуга врозь —
Колец в песок свалилось до трехсот,
Но выронил меч из руки Корсольт.
Гильом вскочил, встал на холме крутом
И вынул Жуайёз, свой меч стальной.
Врагу он норовит попасть в висок,
Однако сарацин настолько росл,
Что меч лишь на плече прорезал бронь,
И расползлась под ней кольчуга врозь —
Колец в песок свалилось до трехсот.
Но оказался все ж доспех хорош —
Удар уколом слабым турок счел.
Корсольт промолвил рыцарю в упрек:
«Как видно, сердцем робок ты, Гильом:
Слабее ты, чем овод жалит, бьешь».
Кричит весь Рим, хоть крик похож на стон,
И вторит папа, побелев лицом:
«За своего слугу встань, Петр святой!
Коль он умрет, навеки нам позор:
Во храм твой больше не придет народ,
Не будет месс и проповедей в нем».

XXVII

Бестрепетно стоит боец французский,
А нехристь мчит туда, где холм покруче:
Он при ударе выронил оружье —
Клинок, которым графский конь разрублен.
Ушел на арбалетный выстрел турок,
За булаву схватился, повернулся
И грянул на Гильома, скаля зубы.
Он в пене весь и схож со зверем лютым,
По чьим следам сквозь чащу псы несутся.
Щитом закрылся граф Гильом в испуге,
Но так его ударил недруг дюжий,

Что лопнул щит посередине тут же
И булава вошла в него снаружи
Через навершье, сквозь дыру большую,
Быстрей, чем коршун падает из тучи,
Затем по шишаку скользнула гулко,
Забрало окончательно погнула.
Не спас бы бедных римлян граф могучий,
Когда б не Дева и не присносущий.
Весь Рим кричит, унять не в силах ужас,
И вторит папа: «Петр святой, послушай,
Коль граф умрет, нам всем придется худо
И месс во храме у тебя не будет:
Погибну я, и прекратятся службы».

XXVIII

Идет у графа кругом голова —
Был тяжек им полученный удар,
Но все ж он замечает сквозь туман,
Что турок сильно утомил коня,
А сам немало крови потерял.
Нетрудно спéшить нехристя сейчас,
Но граф щадит упорно скакуна:
Его решил он у врага отнять,
На нем отныне хочет ездить сам.
Вновь на Гильома недруг мчится вскачь,
С насмешкой попрекает смельчака:
«Взять верх, француз трусливый, не мечтай.
Полноса лишь осталось у тебя.
К Людовику пойдешь ты на хлеба,
И отречется от тебя родня.
Ты видишь: не спастись тебе никак.
Тебя на части мне рассечь пора:
Галафр, мой дядя, ждет к столу меня,
Дивится, что так долго медлю я».
К луке передней сарацин припал,
На графа нападает в лоб опять,
Его достать старается с седла.
Проворно рыцарь отскочил на шаг,
Встал так, чтоб метче поразить врага,
И не избег удара басурман.
Меч грянул в золотой его шишак,
С которого посыпался хрусталь,

Кольчужный капюшон прорезал враз,
В куски подшлемник плотный изорвал,
Эмиру темя раскроил на пядь.
Поник коню на шею супостат,
Не может снова булаву поднять.
«За нос воздал я свой! — воскликнул граф.—
К сеньеру не пойду я на хлеба,
Не отречется от меня родня».
Гильом ремень подщитный с локтя снял,
Щит бросил на безлюдный склон холма.
До безрассудства был воитель храбр:
Останься турок невредим и здрав,
Погиб бы тут же граф наверняка,
Да не дал бог язычнику воспрять.
Не стал Гильом бесстрашный медлить зря,
Булатный меч покрепче сжал в руках
И нехристя рубнул по шее так,
Что лопнули завязки шишака
И с вражьих плеч скатилась голова,
А труп качнулся и с коня упал.
Не стал воитель время зря терять:
Меч, нос ему отсекший, с турка снял,
Но тут же бросил — он не великан;
Затем взглянул на вражьи стремена —
Длины в них лишней локтя полтора.
Гильом укоротил их кое-как,
Вдел ногу, сел в седло не без труда,
Взялся за древко своего копья,
Рывком извлек его из мертвеца,
В крови застывшей руки измарал.
«Создатель,— молвил он,— тебе хвала
За скакуна, что в схватке мною взят.
Мне все богатства Монпелье отдать
Сегодня было б за него не жаль».
Валом валит весь Рим встречать бойца,
Но папа обгоняет горожан,
Целует первым рыцаря в уста.
Бертран подходит к дяде весь в слезах,
Готье с Геленом плачут в три ручья —
Такой их пронял за Гильома страх.
«Вы живы, дядя?» — говорит Бертран.
Граф молвит: «Жив по милости творца,
И хоть короче малость нос мой стал,
Длинней отныне именуюсь я».

Сам прозвище себе он дал тогда:
«Пусть знают все, кто хочет мне добра,
Вся Франция и все Берри сполна —
Гильом Короткий Нос зовут меня».
Вот так и звался с этих пор смельчак.
Гильома отвезли в престольный храм.
Всяк стремя подержать ему был рад.
Употчевали славно удальца —
Шел пир, пока не занялась заря
И не пришла для дел иных пора.
«К оружью, храбрецы! — Бертран вскричал.—
Коль дядею моим убит вчера
Тот враг, что остальных сильней стократ,
Наш долг — сломить хотя бы тех, кто слаб.
Вы ж, дядюшка, останьтесь отдыхать:
Мучений и трудов довольно с вас».
Послушал это граф, захохотал:
«Со мной, племянник, спорить не дерзай.
Тем, кто влечет паломников сюда,
Клянусь, что без Гильома бой начать
За все богатства Монпелье не дам,
Но самолично встану в первый ряд,
И меч мой нынче не покроет ржа».
Весь Рим от этих слов возликовал,
И стал последний трус отважней льва.
Пусть нехристи дрожат: их ждет беда.
Так долго мешкать было им нельзя.
На них готовы римляне напасть.

XXIX

Выходит из шатра Галафр-язычник.
Наряд на нем по-королевски пышен.
«Урон невосполним,— он молвит свите.—
Убит Корсольт врагом на поединке.
Бог христиан воистину всесилен.
Снять поскорей палатки прикажите.
Бежим! Какой у нас еще есть выход?
Коль римляне нам дать успеют битву,
Мы восвояси не уйдем живыми».
«Вы правы»,— басурмане согласились.
Четырнадцать горнистов затрубили,
Пришел в движенье лагерь сарацинский.

Гильом во вражьем стане шум услышал,
Сказал своим: «Замешкались мы слишком.
Спастись решили бегством сарацины.
Вперед во имя божие! За ними!»
Окрестность огласилась кличем римлян.
Встал в первый ряд Гильом, лихой воитель,
Как накануне он ни утомился.
Пришпорил Алиона смелый рыцарь,
И конь в галоп пошел неудержимо:
Полегче у него стал всадник ныне.
Меж двух холмов язычников настигли.
Две рати там в жестокий бой вступили,
Голов от тел немало отделилось.
Был граф Бертран особенно неистов:
Сломал копье, клинок из ножен вырвал;
Взмах — и по пояс рассечен противник;
Кольчуги для Бертрана — что травинки;
Он за удары воздает сторицей.
Под стать Бертрану и Гелен рубился,
Готье Тулузский тоже дрался лихо,
Но граф Гильом был всех неустрашимей.
Издалека Галафра он завидел,
Пришпорил скакуна, щитом прикрылся.
Пришел король в изрядное унынье,
Кагю и Магомету стал молиться:
«Ужель меня ты, Магомет, покинешь?
Прибавь мне сил, не откажи в защите,
Чтоб с честью принял я Гильомов вызов».
Коня пришпорил басурман спесивый,
Но граф Гильом ничуть не устрашился.
Враги друг друга рубят что есть силы,
Расколоты у них щиты стальные,
Зияют на кольчугах звонких дыры —
В любую без труда клинок проникнет.
Но бог Гильома недругу не выдал,
И Петр за своего бойца вступился:
Остался граф живым и невредимым,
А сам попал так метко в сарацина,
Что из стремян удар Галафра вышиб
И скакуна его на землю кинул.
С седла почти без чувств король свалился.
Навершье шлема у него разбито,
Подшлемные завязки расскочились,
А распаленный боем победитель

Уже стоит над ним с мечом в деснице.
Язычник тут же головы б лишился,
Не удержи Гильома бог всевышний:
В плену немало христиан томилось,
Спасти их надо было от кончины.

XXX

Был граф Гильом могуч и духом смел.
К своим ногам он недруга поверг
И голову ему б мечом отсек,
Но возопил король Галафр: «Не бей!
Коль ты — Гильом, не причиняй мне вред.
Тебе меня взять выгоднее в плен.
Тогда отпустят короля Гефье,
Жену его, и дочку вместе с ней,
И пленных тридцать тысяч человек.
А если я умру, им тоже смерть».
«Клянусь святым Денисом,— граф в ответ,—
За это пощадить тебя не грех».
Уселся поудобней граф в седле,
Галафр ему вручил свой добрый меч,
И к папе короля повел храбрец,
А триста прочих пленных шли вослед.
Смекнули сарацины наконец,
Что сдался их законный сюзерен,
И бросились бежать что духу есть,
До Тибра не замешкались нигде,
Попрыгали на палубы галер,
От берега отплыли побыстрей.
Галафра вновь Гильом нашел меж тем.
Неверный под оливою сидел,
И граф повел к нему такую речь:
«Король, во имя божие ответь,
Когда вернешь ты пленников, и где,
И кто их снимет с ваших кораблей?»
Король промолвил: «Твой вопрос нелеп.
Тем, кто встречает пилигримов здесь,
Клянусь, что вам не поступлюсь ничем,
Пока не буду окрещен как след.
От Магомета проку нет в беде».
Вскричал Гильом: «Хвала тебе, творец!»
За папой он послал, и тот приспел.

Немедля приготовили купель,
И окрещен король был в тот же день.
Избрал он в восприемники себе
Гильома, и Гелена, и Готье,
И тридцать рыцарей, что познатней —
Меж ними всяк был истый удалец.
Лишь имя сохранил король и впредь,
У христиан в ходу оно теперь.
Тут воду принесли, все сели есть;
Когда ж обильный кончился обед,
Вновь поднялся Гильом, лихой боец:
«Во имя господа, царя небес,
Король, мой славный крестник, мне ответь,
Когда вернешь ты пленников, и где,
И кто их снимет с ваших кораблей?»
Король промолвил: «Нужен тут совет.
Коль в лагерь сарацин примчится весть,
Что их король крещенье принял днесь,
С меня всю кожу там сдерут скорей,
Чем хоть на грош сослужат службу мне.
В лохмотья надо вам меня одеть,
Да посадить на клячу подрянней,
Да четверть ваших отрядить к реке.
Спущусь я к Тибру на своем одре,
А вы попрячьтесь возле римских стен
В леске, среди оливковых дерев.
Когда окликну я своих друзей,
Вновь подведут они суда к земле,
Вы ж будете стоять настороже».
Граф молвил: «Боже, как ты милосерд!
Всем новообращенным он пример».
Всё сделали так, как Галафр хотел,
И сам он, чтоб побои не терпеть,
Себя измазал песьей кровью весь.
Отряд до Тибра доскакал в карьер,
И стал король взывать к своей родне:
«Эй, Шампион, о дяде порадей,
Не дай в могилу мне до срока лечь,
Сведи на берег пленников с галер,
Не то в плену я свой окончу век».
Сказал ему племянник: «Раз ты цел,
Радеет о тебе сам Магомет»,—
Пристал к земле, ссадил на сушу тех,
Кого в плену держал на корабле.

Но там в такой томили их нужде,
Там столько раз по ним гуляла плеть,
Что все они в крови от самых плеч
До пояса, а то и до колен.
Заплакал граф, душою воскорбел.

XXXI

На берег сводят пленников по сходням.
У всех тела в крови от плеч по пояс,
У каждого не платье, а лохмотья.
Железная Рука рыдает скорбно,
С наместником советуется божьим:
«Сеньер, молю вас именем господним,
Снабдим-ка с вами пленных, чуть не голых,
Плащами, шубами, одеждой теплой,
Серебряной и золотой казною,
Чтоб им домой добраться было можно».
А папа отвечает: «Славный воин,
Быть щедрым должен человек достойный.
Отказывать грешно в подобной просьбе».
Помчались в Рим они без остановки,
Всё перерыли, дали пленным вдоволь
Одежды теплой, шуб, плащей добротных,
С избытком наделили их казною,
Чтоб им домой добраться было можно.

XXXII

Граф пленным помощь в Риме оказал
И на крыльце уселся отдыхать.
Король Гефье пришел к нему туда,
Без промедленья пал к его ногам:
«Мне избавленье принесли вы, граф.
Был вырван вами я из рук врага,
Который бы в полон увез меня,
Презрел мое достоинство и сан.
Господь мне дочь-красавицу послал,
И если к ней лежит у вас душа,
Вам тестем стать весьма я буду рад.
Полкоролевства я за нею дам,
Наследником своим назначу вас».

Граф молвил: «Посоветуюсь сперва».
Спросил он, разыскав слугу Христа:
«Скажите, брать жену мне иль не брать?»
«Берите, не раздумывая зря:
Вы молоды, и вам земля нужна».
Воскликнул граф в ответ: «Да будет так!» —
Пошел и на невесту бросил взгляд:
Досель никто из смертных не видал,
В каких бы он ни побывал краях,
Красивее девицы, чем она.
Вступил бы с ней Гильом охотно в брак,
Когда б дурных вестей не услыхал.
Мы до ночи о них расскажем вам.

XXXIII

Сказать ли вам о красоте девицы?
Еще никто из смертных, где б он ни был,
Такой прелестной женщины не видел.
Гильом Короткий Нос на ней женился б,
Когда бы не известия дурные.
Мы до ночи вас познакомим с ними.
Гонцы из милой Франции явились.
Лихие кони у обоих в мыле,
Не скачут, а плетутся через силу.
Гонцы о графе справились у римлян,
И те в престольный храм их проводили,
А там Гильом с невестой находился,
И добрый папа в облаченье пышном
Готовился к торжественному чину.
Уже кольцо для молодой он вынул,
Как вдруг гонцы к Гильому обратились:
«Вам, граф, за ваши подвиги спасибо,
Но вы, сеньер, Людовика забыли.
Скончался Карл, преславный наш властитель,
Людовику оставил трон и скипетр,
Изменники ж прогнать его решили,
И сана королевского для сына
Ришар Руанский хитростью добился.
В стране печаль и горе воцарились.
Нам помогите, благородный рыцарь».
Граф выслушал, челом поник уныло
И к папе обратил слова такие:

«Какой вы мне, сеньер, совет дадите?»
А тот сказал: «Да славится всевышний!
Кто ждет совета, тот его услышит.
Епитимью вам назначаю ныне —
Людовику быть от врагов защитой.
Не дай господь, чтоб он венца лишился».
Гильом ответил: «Коль вы так велите,
Мне остается только согласиться».
Граф обнялся с невестой ясноликой,
А та в слезах к устам его приникла.
На этом навсегда они простились
И больше не видались до могилы.
«Сеньер,— сказал слуга Христов учтиво,—
Во Францию, свой милый край, вернитесь,
А город наш Галафру поручите —
Пусть как наместник ваш он правит Римом».
«Вы вздор несете! — крикнул рыцарь пылко.—
Не изменял я своему владыке,
Чей не Галафр, а я местоблюститель».
«Сеньер,— святитель вымолвил учтиво,—
Во Францию, свой милый край, вернитесь,
Бойцов с собою тысячу возьмите,
Казною лошадей навьючьте тридцать —
Ее своей рукою вы добыли».
«Благодарю сердечно!» — граф воскликнул.

XXXIV

Под третий понедельник после пасхи
Был в Риме граф Гильом, боец отважный.
Себе жену он взять намеревался,
Забыл Орабль невесты новой ради,
Когда гонцы из Франции примчались,
Пришли к нему с печальными вестями:
Скончался Карл, великий император,
Людовику владения оставил;
Изменники же — пусть их бог накажет! —
Того, кому отец Ришар Руанский,
Избрали королем противоправно.
Гильом Железная Рука заплакал,
В отъезд проситься спешно стал у папы,
А тот бойцов дал десять сотен графу,
Навьючил тридцать лошадей деньгами
И при прощанье пролил слез немало.

Доехал граф Гильом до Сен-Бернара,
Потратил много сил на перевале.
Мы дней его пути не сосчитаем.
До Бри он ни на час не задержался.

XXXV

Гильом Короткий Нос домой спешит.
Нам не исчислить дней его пути.
Ни часу он не отдыхал до Бри.
Раз повстречался графу пилигрим
С клюкой в руке, с сумою на груди.
На редкость у него могучий вид,
Хоть кудри белы, как весной цветы.
«Отколь ты, брат?» — Гильом его спросил.
«Из Тур-де-Сен-Мартен».— «Тогда скажи,
Не слышал ли ты новостей каких?»
«Да, слышал, но они не хороши:
Скончался Карл, венча́нный в Сен-Дени;
Людовику престол завещан им;
Изменников же — пусть им бог отмстит! —
Ришар Руанский на мятеж подбил,
И королем его был избран сын.
Но тут аббат — господь его спаси! —
Монастыря, где чтим святой Мартин,
Успел к себе ребенка увезти,
Не то б Людовик был уже убит.
О боже! — странник присовокупил.—
Где лучшие из рыцарей страны,
Сыны лихие графа Эмери?
Сеньера отстояли бы они.
Клянусь творцу крестом его святым:
Будь королю я в силах пособить,
С изменников я так бы спесь посбил,
Что изменять они бы зареклись».
В усмешке граф Гильом уста скривил,
Бертрана подозвал и говорит:
«Слыхал ли ты, что молвил пилигрим?
Будь королю он в силах пособить,
С Людовиком бы так не обошлись».
Граф страннику дал десять золотых,
Обрадовался тот от всей души,
И снова вскачь коня Гильом пустил.

Но много он везде имел родни,
И вскоре на пути пред ним возник
Отряд в сто сорок рыцарей лихих.
Во Францию тех воинов вели
Смугляк Гальден и храбрый Савари,
Чьи брони звонки, резвы скакуны.
Людовику они на помощь шли,
А граф обоим дядей был родным,
И братья с ним, ликуя, обнялись —
Не зря господь их свел на полпути.
Ничуть их встреча не должна страшить
Аббата, что Людовика укрыл:
Они ему друзья, а не враги.
В борьбе жестокой с родом Алори
Дня через три он будет не один.

XXXVI

Мчит граф Гильом, воитель благородный,
С ним рыцарей двенадцать сотен ровно.
Приказ он своему отряду отдал:
Коней и вьючных лошадей пришпорить,
Их не жалеть и не щадить в походе —
Тому, кто запалит тяжеловоза,
Скакун подарен будет чистокровный.
«Не дай нам бог приехать слишком поздно!
Воочию увидеть мне охота
Того, кого на трон французский прочат,
Но он, в чем мне порукой Петр-апостол,
Забудет скоро спесь свою и гордость:
Так на него надвину я корону,
Что с кровью мозг на землю брызнет носом».
Тут римляне сказали про Гильома:
«Он нравом крут. Беда с таким повздорить».
Не знаю, было ль что еще в дороге,
Но вплоть до Тура граф не стал на отдых.
Четыре он засады там устроил
И в них людей оставил десять сотен,
А двести человек повел с собою.
Сверкают ярко их двойные брони,
Завязки шлемов их зеленых прочны,
Наточены мечи стальные остро.

Вслед рыцарям спешат оруженосцы,
Везут щиты надежные и копья,
Чтоб господам в бою прийти на помощь.
Отряд примчал к обители галопом.
Гильом позвал привратника и молвил:
«Открой скорее — ждать нельзя нам долго.
Мы герцогу явились на подмогу —
Венец в монастыре у вас сегодня
С французами на сына он возложит».
Внял набожный привратник незнакомцу,
Чуть разум не утратил от тревоги
И крикнул: «Пресвятая матерь божья!
Кто вступится за вас, король Людовик?
Раз эти люди вам враждебны тоже,
Проститесь с головою вы бесспорно.
Увы! — вздохнул привратник богомольный.—
Где рыцари, отважные душою,
Бойцы из рода Эмери Нарбоннца?
Они б в обиду не дали сеньера».
Сказал он графу: «Нет сюда вам входа.
Здесь и без вас изменников довольно,
А я число их не намерен множить.
Дивлюсь я, как земля еще вас носит.
Пускай под вами твердь господь расторгнет,
Чтоб все вы очутились в преисподней,
И на престол воссел Людовик снова,
И от злодеев стал наш мир свободен!»
Гильом послушал, засмеялся громко,
Племяннику сказал: «Ответ достойный!
Бертран, а ведь привратник не из робких —
Не в каждом встретишь мужество такое.
Свести с ним дружбу было бы неплохо».

XXXVII

«Приятель,— громко крикнул смелый граф,—
Тобой мне храбро отповедь дана,
Но ты не знал, откуда родом я,
Как звать меня и кто моя родня;
А коль скажу я правду про себя,
Ворота сразу ты откроешь сам».
Привратник произнес: «Творцу хвала! —
В окошечко взглянул на пришлеца.—

Хотел бы знать я, не в обиду вам,
Как вас, достойный рыцарь, величать,
Откуда вы и кто у вас родня».
Граф молвил: «Не таюсь я никогда.
Узнай же, что Гильомом звать меня.
Нарбонн-на-море родина моя».
Привратник произнес: «Творцу хвала!
Я понял, граф, что нужно вам у нас:
Ваш род сеньеру верен был всегда.
Но здесь, в монастыре, злодей Ришар,
А с ним семьсот бойцов пришло сюда,
И слишком малочислен ваш отряд,
Чтоб верх могли вы над врагами взять».
Гильом в ответ: «Довольно сил у нас.
На помощь мне из четырех засад
Придет, коль нужно, тысячная рать,
А двести человек при мне сейчас.
На всех двойная звонкая броня
И шлем зеленый в дорогих камнях.
Оруженосцы позади стоят
И при нужде помогут господам».
Привратник произнес: «Творцу хвала!
Но коль вы, граф, не прочь совету внять,
Засадам дайте тотчас же приказ
Сюда стянуться скрытно от врага.
Изменники — в стенах монастыря.
Зачем же их искать в других местах?
Не стану правду я скрывать от вас:
Сегодня же, до истеченья дня,
Создатель в ваши руки их предаст,
Но тот, кто их намерен покарать,
Свиреп быть должен, как лесной кабан».
Граф выслушал его, потупил взгляд,
Племянника позвал: «Слыхал, Бертран?
Совет достойный нам привратник дал».

XXXVIII

Когда узнал привратник монастырский,
Что перед ним Гильом, отважный рыцарь,
Лицом к дворцу он вмиг поворотился,
И натянул перчатку на десницу,

И крикнул так, чтоб всюду было слышно:
«Тебе, Ришар, я днесь бросаю вызов,
Служить перестаю тебе отныне.
Кто низкое предательство замыслил,
Того возмездье божие не минет».
Ворота пред Гильомом растворились —
Привратник распахнул их что есть силы,
И люди графа въехали в обитель,
А рыцарю сказал привратник тихо:
«Изменникам проклятым отплатите
За их преступный умысел сторицей».
Граф выслушал, с коня на землю спрыгнул,
Оруженосца ближнего окликнул
И у ворот сказал ему открытых:
«Мчи к нашим поскорей, и пусть услышат
Готье Туделец и Гарен из Рима,
Что предо мной ворота растворились.
Коль наши мне хотят победы в битве,
Сюда без шума надо им явиться».
Приспел к своим оруженосец живо.
Те из засад повыехали быстро,
В ворота монастырские вступили.
Изменники на них со стен воззрились,
Сочли за подкрепление прибывших,
Но скоро предстоит в своей ошибке
Предателям воочью убедиться.

XXXIX

С привратником Гильом заводит речь:
«Не можешь ли, приятель, дать совет,
Где на постой мне разместить людей».
«Сеньер, ей-богу, не скажу вам — где.
В подвалах, в погребах и во дворе
Полным-полно оружья и коней,
А в кельях вражьи рыцари везде.
Но перевес на вашей стороне.
Обезоружьте ж недругов скорей,
А тем, кто не отдаст добром доспех,
Пусть голову снесут немедля с плеч».
«Клянусь святым Денисом,— граф в ответ,—
Совета я бы сам не дал умней.

Ворота не к лицу тебе стеречь —
Советником моим ты будешь впредь.
Слыхал, Бертран? — прибавил удалец.—
Не только мудр привратник, но и смел.
Такого сделать рыцарем не грех».
Бертран сказал: «Согласен я вполне»,—
Привратника с пристрастьем оглядел,
Нашел, что тот во цвете сил и лет,
Велел его по-рыцарски одеть
В броню двойную и зеленый шлем,
Ему копье вручить и острый меч,
Найти коня, чтоб был горяч и резв,
Оруженосца, вьючных лошадей
И жалованье положить как след.
Меж тем Гильом Готье позвал к себе.
Тулузец этот, сказывали мне,
Племянником ему был по сестре.
«Стань у ворот, ведущих к Пуатье,
Сын дамы благороднейших кровей,
Возьми с собою двадцать человек,
И кто б уйти ни захотел отсель,
Будь даже из духовных лиц беглец,
Рази любого, чтоб не встал вовек».
«Сеньер, исполню все»,— сказал Готье.

XL

Гильом Короткий Нос, отважный воин,
Сойе, что родом из Плесси, промолвил:
«У тех ворот, что на Париж выходят,
Расположитесь, рыцарь благородный.
Возьмите двадцать человек с собою,
И пусть никто из смертных за ворота
Живым не выйдет до ночи сегодня».
Ответил тот: «Приказ исполню точно».
Нет ни ворот, ни двери потаенной,
Куда б не выслал граф застав надежных,
А сам он въехал в монастырь господень.
У паперти на землю спрыгнул ловко,
Перекрестился, входит в церковь божью,
К распятью приближается святому,
Колени преклоняет умиленно

И, не вставая с мраморного пола,
Свести его с сеньером небо просит.
Был там один аббат, Готье рекомый.
Смекнул он, что пред ним за богомолец,
Его плеча коснулся осторожно
И этим от молитв отвлек Гильома.
Встал граф, открыл лицо и так промолвил:
«Чего ты хочешь, брат? Но лгать мне бойся».
Аббат ответил: «Все скажу неложно.
Коль вы пришли Людовику на помощь,
В обитель вход и выход всем закройте.
Здесь восемьдесят нынче лиц духовных.
Прелатов знатных между ними много.
Корысть подвигла их на дело злое:
Людовика они лишат престола,
Коль вы с творцом на помощь не придете.
Их обезглавить вас молю я слезно
И грех ваш на себя приму охотно:
Изменники другой не стоят доли».
Граф выслушал, расхохотался громко:
«Побольше бы нам клириков подобных!
Но где же мой сеньер, король Людовик?»
Готье ответил: «Коль творцу угодно,
С Людовиком сюда вернусь я вскоре».
На монастырский двор он вышел тотчас,
Спустился в подземелие большое,
Где прятался сеньер его законный,
И за руку взял отрока проворно:
«Не бойтесь, королей французских отпрыск.
У вас гораздо больше доброхотов,
Чем вы предполагали нынче ночью.
В обитель прибыл граф Гильом с зарею.
Он рыцарей привел двенадцать сотен
И видеть вас без промедленья хочет.
Нет ни ворот, ни двери потаенной,
Куда б не выслал он застав надежных».
Людовик так возликовал душою,
Что в церковь побежал без остановки,
И на ходу промолвил клирик добрый:
«Не бойтесь, королей французских отпрыск.
Граф верен вам. Ему падите в ноги,
Просите пособить вам неотложно».
«Я все исполню»,— согласился отрок.

XLI

Людовику аббат промолвил так:
«Не бойтесь, отпрыск Карла-храбреца,
И поспешите графу в ноги пасть».
Воскликнул отрок: «Все исполню я».
Склонился пред Гильомом он во прах,
К его ногам прижал свои уста,
Сапог ему облобызал в слезах,
Но граф пришельца не узнал сперва —
Был плохо освещен господень храм.
Сказал отважный рыцарь: «Мальчик, встань.
Нет у меня столь лютого врага,
Который, коль он пал к моим ногам,
Прощен бы не был мною сей же час».
Вмешался тут в их разговор аббат:
«Граф, видит бог, я вам не стану лгать.
Пред вами тот, кому отцом был Карл
И кто умрет до истеченья дня
Без вас, сеньер, и помощи творца».
Людовика Гильом в объятьях сжал,
Его высоко поднял на руках:
«Клянусь Христом, немного в том ума,
Кто научил вас пасть к моим ногам —
Вас и без просьб готов я защищать».
Граф рыцарей своих к себе призвал:
«По правде мне сказать прошу я вас,
Пристало ли тому, кто принял сан
И наречен служителем Христа,
За мзду в измену низкую впадать».
«Нет!» — дружно закричала вся толпа.
«А что с ним делать, коль в нее он впал?»
«Подлец повешен должен быть, как тать».
«Клянусь святым Денисом,— молвил граф,—
Не дам умней совета я и сам,
И хоть грешно обитель осквернять,
Предатели заплатят мне сполна».

XLII

Был беспримерно граф Гильом отважен.
Услышал он, что рыцари сказали,
С соратниками на амвон ворвался

И там застал Людовика предавших
Каноников, епископов, аббатов.
Он посохи повырвал у мерзавцев,
К ногам сеньера побросал, как палки,
А после стиснул отрока в объятьях,
Расцеловал его четыре раза.
Был скор бесстрашный рыцарь на расправу:
С соратниками на амвон ворвавшись
И там застав предателей-прелатов,
Он их, чтоб в грех не впасть, не обезглавил,
Зато дубиной выходил нещадно,
Из монастырских стен повыгнал взашей —
Пусть восемьдесят бесов их мытарят.
Кто своему сеньеру изменяет,
Тот кару должен понести по праву.

XLIII

Нет рыцаря отважнее Гильома.
Он молвит: «Мой сеньер, король Людовик,
Совет вам дать дозвольте к вашей пользе.
Гонец быть должен к Аселену послан —
Пусть передаст ему, чтоб он сегодня ж
На суд явился к своему сеньеру».
В ответ Людовик: «Быть по вашей воле».
Тут граф Гильом позвал Алельма тотчас:
«Скачи скорей за Аселеном гордым,
Вели ему прибыть на суд к сеньеру,
Перед которым очень он виновен».
Алельм спросил: «Мне ехать в одиночку?»
«Да, друг мой, и в руке держа лишь посох».
«Что, если враг про наши силы спросит?»
«Ответь, что сорок рыцарей со мною,
А коли он явиться не захочет,
Добавь погромче, что еще до ночи
Его такое ждет, чего не стоит
Терпеть за все богатства Авалона».
Алельм заверил: «Точно все исполню.
Апостолом, блюдущим луг Неронов,
Клянусь, что передам приказ дословно».
Уселся он на мула-арагонца,
Дал шпоры, поскакал без остановки,
По улицам домчался до подворья,

Где Аселен с людьми стоял постоем,
И крикнул так, чтоб все слыхали в доме:
«Вам, Аселен, вельможа благородный,
Велит Гильом, со львиным сердцем воин,
Тот самый, что Рукой Железной прозван,
На суд явиться к вашему сеньеру,
Перед которым вы виновны очень».
Послушал Аселен, потупил очи
И вестника спросил: «Ответь неложно,
У дяди твоего бойцов-то сколько?»
«Клянусь господним именем, их сорок».
Воскликнул Аселен: «И слава богу!
Скажи Гильому, чтоб он сделал то же,
Что сделали другие добровольно,—
Признал за мною право на корону.
Нельзя, чтоб правил Францией ребенок —
Он ни за грош погубит край наш отчий.
А дядя твой хоть рыцарь и достойный,
Да мало у него земли и войска.
Он от меня получит что угодно.
Я дам ему в удел любую область
И десять мулов с золотой казною.
Богат он станет, заживет роскошно».
Алельм в ответ: «Гильома невозможно
Купить за все богатства Авалона.
От имени его вам без уверток
Я говорю решительно и строго:
Коль не смиритесь, вас еще до ночи
Такое ждет, чего терпеть не стоит
За все богатства в этом мире дольнем».
Воскликнул Аселен: «И слава богу!
Раз не поладить с графом полюбовно,
Мой вызов передать ему изволь-ка».
Алельм в ответ: «Я выслушал, и понял,
И объявляю вам при всех баронах,
Что принят вызов ваш. Готовьтесь к бою».

XLIV

Горд Аселена нрав, надменна стать.
Он на Алельма глянул свысока,
Нашел, что тот красив, могуч и храбр,

«Песнь о Роланде»

Оруженосца сразу в нем признал
И так промолвил: «Дал ты маху, брат,
Что так честил при рыцарях меня.
Грош дяде твоему теперь цена.
Раз полюбовно не поладить нам,
Его заставлю вызов я принять,
На части разрубить отдам приказ.
Семьсот бойцов пришло со мной сюда,
При мне четыре графа-смельчака.
Врага предать мечу для них — пустяк.
Ты нынче был у дяди за гонца.
За это головы тебя лишат,
Изрубят на куски и бросят псам».
Алельм в ответ: «Тех, кто труслив, пугай!» —
И, не простясь, уехал со двора.
Стал Аселен своих людей сбирать,
Алельм же сел на мула, шпоры дал
И поскакал по улицам в обрат.
Граф первым заспешил его встречать,
Племянника спросил: «Ну, как дела?»
«Сеньер, нейдет на мировую враг,
Людовику вернуть не хочет власть.
Когда ему сказал я, сколько нас,
Он с дерзким видом бросил вызов вам
И голову с вас обещался снять,
Меня же, дядя, вашего гонца,
На части разрубить и бросить псам,
Иль сжечь в огне, иль утопить в волнах».
Граф выслушал и приказал бойцам
Обыскивать окрестные дома
И отбирать весь воинский припас,
А если кто добром его не сдаст,
С того немедля голову снимать;
Пустившихся же в бегство горожан
Пусть вяжут по рукам и по ногам.
Изменники — низринь их, боже, в ад! —
Смекнули наконец, что им беда,
На лошадей вскочили впопыхах,
Пустили их в галоп — и к воротам,
Но видят, что заставы там стоят.
Пришлось им столько побросать добра,
Что зареклись смутьяны бунтовать —
Забава эта слишком дорога.

Гильом во весь опор погнал коня
К тому подворью, что Энжье держал,
Увидел Аселена у крыльца,
Но был могуч и росл изменник так,
Что не затеял поединка граф.
Велел он, поразмыслив, трубачам
Подать к сраженью общему сигнал.
Видать бы вам, как ринулись туда
Готье Тулузец и храбрец Бертран,
А вслед за ними остальной отряд!
Видать бы вам, как схватка горяча,
Как копья на куски щиты дробят,
Как в клочья разлетается броня!
Когда резня не в шутку началась,
Изменники почувствовали страх,
Сковавший им и мышцы и сердца.
Мечи швырнула наземь их толпа,
С мольбой сложила руки и сдалась.
Гильом вскричал: «Вяжите тех, кто взят!»
Дал шпоры Аселен — и удирать,
А граф ему вослед несется вскачь
И говорит поносные слова:
«Поворотите, Аселен, назад,
Венец наденьте в церкви на себя,
Но так его надвину я на вас,
Что носом брызнет мозг до самых пят».

XLV

Гильом и статен, и умен, и крепок.
Кричит он что есть силы Аселену:
«Господь воздаст тебе за то, презренный,
Что своего сеньера ты бесчестишь!
Венец Ришар, отец твой, не наденет».
Бертран с мечом предлинным скачет следом,
И говорит Гильом, воитель смелый:
«Племянник, я прошу у вас совета,
Какою смертью умертвить злодея».
Бертран ему в ответ: «Тут нет сомнений.
Мы на него корону так наденем,
Чтоб мозг повытек изо рта на шею».
Вперед он мчится, длинный меч подъемлет,

И пал бы Аселен через мгновенье,
Да в ход пустить Гильом оружье не дал.
«Племянник,— молвил он,— помилосердствуй.
Не приведи господь, чтобы изменник
Был рыцарским оружьем смерти предан.
Нет, пусть пред нею стыд такой претерпит,
Чтоб род его позор не смыл вовеки».

XLVI

Отважен славный рыцарь граф Гильом.
К спесивцу был он более жесток,
Чем леопард, который лют и зол:
Побрезговал пустить оружье в ход,
Из тына вырвал заостренный кол,
И с криком «Монжуа!» его занес,
И Аселена стукнул так в висок,
Что брызнули до пят и кровь и мозг.
Воскликнул граф, когда злодей издох:
«Святой Денис, спасибо, что помог!
Счет с этим за Людовика сведен».
Коня погнал он, не жалея шпор,
В храм монастырский возвратился вновь,
Людовика, сеньера своего,
В объятьях сжал и поднял высоко:
«Мой юный государь, забудьте скорбь.
Я с отпрыском Ришара счеты свел.
На вас войной он больше не пойдет —
За это платят дорогой ценой».
«Спасибо,— молвил отрок.— Благ господь!..
Но было бы спокойней мне еще,
Когда б сочлись вы и с его отцом».
Гильом вскричал: «Где ненавистник мой?» —
Узнал, что здесь же, в божьей церкви, тот,
На поиски отправился бегом,
Взял восемьдесят рыцарей с собой,
Застал Ришара перед алтарем,
Но вспомнил, что не льют во храме кровь,
И негодяя за волосы сгреб.
Отвел назад он голову его,
По шее двинул правым кулаком,
И чувств лишился бунтовщик седой.

Его прикончить было бы легко —
Он даже пальцем шевельнуть не мог.
Увидел это граф и топ ногой:
«Встань, трус, да разразит тебя господь!»
Взял ножницы, остриг смутьяну лоб,
Раздел его, оставил нагишом,
Сказал своим и тем, кто взят в полон:
«Вот что постигнуть каждого должно,
Кто своего сеньера предает».
Пощады испросить с большим трудом
Баронам для Ришара удалось.
Не мстить за сына обязался он,
Дал обещанье мир блюсти по гроб
И с графом обнялся пред всей толпой.
Была цена такому миру грош:
Впоследствии в лесу стальным ножом
Лжец попытался графа заколоть,
Да помешать успел злодейству бог.
Меж тем Гильом собрался вновь в поход,
Готье-аббату на прощанье рек:
«Я в Пуату веду своих бойцов,
Затем что там изменников гнездо,
Но я, бог даст, их выкурю оттоль.
Сеньера охраняйте день и ночь,
Нигде не оставляйте одного,
Бойцов при нем всегда пусть будет сто.
Петром, что в Рим паломников влечет,
Клянусь вам: если без меня сеньер
Претерпит хоть какой-нибудь урон,
Я разнесу ваш монастырь святой,
А вас на части изрублю мечом».
Аббат ответил: «Будет здесь король
Надежнее храним, чем наш патрон».
Разумен славный рыцарь граф Гильом.
По всей стране он разослал гонцов,
Всех рыцарей велел сзывать на сбор.
Не минул день двенадцатый еще,
Как тридцать с лишним тысяч их пришло,
И рать Гильом на Пуатье повел,
И с этих пор три года день за днем,
Что в праздники, что в будни — все равно,
Зеленый шлем подвязывал с зарей,
Меч надевал и вскакивал в седло.
На самое большое торжество,

На рождество господне — граф и то
Свой добрый не отстегивал клинок.
Сил не щадил он, не жалел трудов,
Чтоб за сеньером сохранить престол.

XLVII

Три года в Пуату сражался граф,
Пока не усмирил мятежный край;
Ни праздника, ни отдыха не знал.
В дни пасхи, всех святых и рождества,
Которые повсюду люди чтят,—
И то он не развязывал шишак,
Меч не снимал и не сходил с коня.
Юн рыцарь был, но не жалел труда,
Чтоб своего сеньера отстоять.

XLVIII

Гильом и статен, и умен, и мощен.
Повел он рать к Бордо, что на Жиронде,
У Амармонда королевство отнял,
И тот признал Людовика сеньером,
Им был, как ленник, утвержден на троне.

XLIX

Был граф Гильом отважен беспримерно.
Когда под Пьерелатом он в сраженье
Взял верх над Дагобером Карфагенским,
Тот присягнул Людовику на верность,
Им был на троне утвержден, как ленник.

L

Гильом умен, и статен, и могуч.
На Аннадор он свой направил путь,
Достиг ворот Сен-Жиля поутру,

Взял город, с ходу бросившись на штурм,
Но в угожденье господу Христу
Не причинил вреда монастырю.
Жюльен, который правил в том краю,
Заложников покорно дал ему
И этим от разгрома спас страну.
Велел Гильом собрать всю рать свою
И так сказал, на радость большинству:
«Седлать коней, бароны, вас прошу.
Все по домам: поход пришел к концу,
И каждому пора обнять жену».

LI

Гильом Короткий Нос, лихой воитель,
В дорогу к милой Франции пустился,
Но в крепостях и замках пуатвинских
Оставить гарнизоны не преминул,
А рыцарей в них было двести с лишним.
Вдоль берегов Бретани ехал рыцарь
И наконец Мон-Сен-Мишель завидел.
Два дня он там провел, на третий выбыл
И в земли Котантена углубился.
Счет дням его пути мы позабыли.
Граф до Руана мчал без передышки,
Лишь в городе привалом стал впервые.
В одном он оказался легкомыслен:
Принять в соображенье поленился,
Что герцогства Нормандского властитель —
Ришар, чей сын убит Гильомом в битве.
Граф мнил, что враг простил ему обиду,
Раз мир они объятием скрепили,
Но грош цена была такому миру —
Ришар лишить задумал гостя жизни.
«Могу ль я не гневиться,— он воскликнул,—
Коль ездит по моей земле убийца,
Отнявший у меня такого сына,
Который всех правителей затмил бы?
Клянусь святым Петром, патроном Рима,
Что не уйдет живым мой ненавистник».
«Сеньер,— сказала свита,— гнев уймите.
С приезжим ссоры в городе не ищут —

Блюдут там люди долг гостеприимства,
И вам коварство ваше не простится».
Ришар в ответ промолвил: «Тем обидней!
Тогда уверю графа я для виду,
Что тоже еду в край французский милый,
В путь с ним конь о конь сам-шестнадцать двинусь,
Чтоб спутники его отстали — выжду,
А после вынем мы ножи стальные,
И жизни мой заклятый враг лишится».
Пятнадцать смелых рыцарей он выбрал,
Но лучше б дома им остаться было —
Тогда б они навек не осрамились.
Ах, если б граф про это раньше вызнал!..
Из города он выехал с денницей,
Чтоб чащ Лионских к сумеркам достигнуть,
Стал днем на отдых в местности пустынной.
Едой крестьяне путников снабдили.
Когда же те едою подкрепились,
Все спать легли — дорога их сморила.
Граф жалостью к товарищам проникся,
Потребовал доспехи боевые.
Оруженосцы подали их мигом.
Броню надел он, шлем на лоб надвинул,
Меч с золоченой рукоятью принял,
Вскочил на Алиона без усилья —
Вдел ногу в стремя левое и прыгнул,
Четырехпольный щит на шею вскинул
И, взяв копье, значок расправил длинный,
Где засверкали точки золотые.
Гильом к реке, что в тех местах струилась,
Направился с двумя людьми своими
И повстречался там с Ришаром Рыжим,
Весь день за графом издали следившим.
Пятнадцать человек с ним было свиты.
Узрел его Гильом и удивился.

LII

Гильом остановился на холме
И увидал Ришара вдалеке,
А с ним десятка полтора людей.
Заметил это граф и побледнел,

Позвал своих товарищей к себе,
Вполголоса повел такую речь:
«Бароны, как нам поступить теперь?
С Ришаром Рыжим встретились мы здесь,
А герцог этот — враг заклятый мне:
Был сын его убит рукой моей.
Однако между нами мир затем
Был в Турском заключен монастыре».
Бароны молвят: «Тут гадать не след.
Езжайте-ка на мост, нормандцу встречь,
И если он отринет ваш привет,
За щит беритесь, где начертан лев,
А мы уж не покинем вас в беде
За все богатства, что на свете есть».
«Благодарю!» — воскликнул граф в ответ.

LIII

Примчался первым граф Гильом на мост
И к герцогу такую речь повел:
«Скажите,— да продлит вам жизнь господь! —
Зачем вы нынче встретились со мной?
Мы в Туре спор уладили добром,
Был в церкви мир меж нами заключен,
И обнялись мы перед всей толпой».
Ришар ответил: «Ты речист, Гильом,
Да отнят у меня был сын тобой,
А он затмить всех венценосцев мог.
Клянусь святым Петром, что Рим блюдет,
Живым ты восвояси не уйдешь.
Ни люди не спасут тебя, ни бог.
Тебе снесу я голову долой,
На части изрублю тебя мечом».
«Трус,— молвил граф,— срази тебя господь!
Не человек, а бешеный ты пес».
Коня он колет шпорой золотой,
Ришара в щит четырехпольный бьет.
Копье проходит через сталь насквозь,
Распарывает на нормандце бронь,
Его глубоко ранит в левый бок,
И в две струи оттуда хлещет кровь.
Слетел с коня клятвопреступник злой,

Задрались кверху шпоры у него,
А шлем воткнулся в землю острием
И расскочились две завязки врозь.
Граф над Ришаром меч уже занес,
И недруг бы простился с головой,
Не подоспей — да разразит их бог! —
Пятнадцать человек его бойцов.
Видать бы вам, как взят Гильом в кольцо,
Как рубит он стальным мечом врагов,
Вы сжалились тогда б над смельчаком!
Но не остался рыцарь одинок:
Два спутника его вступили в бой,
И с помощью господней удалось
Десятерых им уложить втроем,
А пятеро бежали в страхе прочь.
За ними мчится граф во весь опор,
Поносные слова кричит вдогон.

LIV

На холм взлетают пятеро нормандцев.
Во весь опор Гильом за ними скачет,
Вдогон слова поносные бросает:
«Ответьте мне, бароны, бога ради,
Как вы еще не померли со сраму.
Когда сеньер законный в плен захвачен,
Не удирают честные вассалы».
Но беглецы взывают: «Граф, пощады!
Не рыцарем простым вам быть пристало,
А королем большого государства.
Ну, что для вас за честь в расправе с нами?
У нас кишки на седла выпадают,
Вот-вот со скакунов мы рухнем наземь».
Гильом послушал, повернул обратно.

LV

Граф тех, кто у него пощады просит,
За все богатства Монпелье не тронет.
К товарищам вернулся он галопом.
Втроем они оружье сняли с мертвых,

А герцог ими связан был надежно
И, словно вьюк на грузовую лошадь,
На спину взвален скакуну лихому.
Вернулись в лагерь с пленником все трое,
Соратников своих прервали отдых.
Бертран, отважный воин, дяде молвил:
«Я вижу, ваш клинок окрашен кровью,
А добрый щит изломан и расколот.
Опять у вас случилась с кем-то ссора?»
Гильом ответил: «Славь, племянник, бога!
Из лагеря я выехал дозором,
Затем что утомились вы в дороге
И отдохнуть вам надо было вдосталь.
Я взял с собой двух рыцарей всего лишь,
Но герцога Ришара встретил вскоре.
Весь день за мной следил он вероломно
И вел пятнадцать рыцарей с собою:
За сына, что моей рукой прикончен,
Убить меня пришла ему охота.
Но нам всеправый бог пришел на помощь:
Десятерых мы уложили тотчас,
А пятеро бежали с поля боя.
Взгляни: вот их оружие и кони,
Вот сам Ришар — у нас в плену он тоже».
«Хвала творцу!» — Бертран воскликнул громко.

LVI

«Сдается мне,— сказал смельчак Бертран,—
Что утомила, дядя, вас война».
«Заботлив ты, племянник,— молвил граф,—
Но мне ни сил, ни юности не жаль,
Лишь бы король вступил в свои права».
Гильом в дорогу двинулся опять,
Ни разу по пути не отдыхал,
Пока не прибыл в город Орлеан —
Король Людовик находился там.
Ришара граф привез с собой туда,
И бросили в тюрьму бунтовщика,
Которого потом, как я слыхал,
Свели в могилу раны и печаль.
Решил Гильом, что отдохнуть пора —

Охотиться или ходить гулять,
Но передышка не долга была.
Явились вдруг из Рима два гонца.
Их кони в мыле и бредут едва —
Немало лье пришлось им отмахать.
Гонцы порасспросили горожан,
Узнали, что Гильом у короля,
Повергнуться пришли к его ногам:
«Граф, бога ради, выслушайте нас,
Хоть, кажется, забыта вами та,
С кем вы вступить намеревались в брак.
Господь Гефье Сполетского прибрал,
И к ней вельможи сватались не раз,
Однако вам досель она верна.
Но нас тревожит не ее судьба.
Окончил дни свои король Галафр,
Что от купели вами восприят;
Прервалась жизнь наместника Христа.
Меж тем собрал Гугон Немецкий рать
И приступом твердыни Рима взял.
В унынье погрузился весь наш край.
Поторопитесь нам помочь, смельчак».
Послушал их Гильом, потупил взгляд,
Людовик же со страху зарыдал.
От гнева граф чуть не сошел с ума:
«Какой вы трус, король! Как дух ваш слаб!
Не обещал ли я за вас стоять,
Хотя б весь мир крещеный враг был вам
И всем хотелось вас лишить венца?
Ни молодости мне, ни сил не жаль,
Лишь бы могли вы восторжествовать.
Сзывайте ваших рыцарей сюда,
Не исключая тех, кто без гроша,
Пусть даже кони их убоже кляч,
А на доспехах и оружье ржа.
Любому, у кого сеньер — бедняк,
Я все, что нужно, предоставлю сам —
Немало золота и серебра,
Коней испанских, мулов хоть куда.
Из Рима столько я привез добра,
В Испании добычи столько взял,
Что мне богатство некуда девать.
Коль оделю им всех примкнувших к нам,
То и тогда не обеднею я».

Король ответил: «Пусть вам бог воздаст!» —
И вестников с указом сей же час
Послал по весям и по городам.
Неделя третья только началась,
А уж сошлось под королевский стяг
Лихих вассалов тысяч пятьдесят,
В расчет и слуг и рыцарей беря,
И каждому был конь горячий дан,
Чтобы никто в походе не отстал.
Дней их пути нам не пересчитать.
Попритомил их сильно Сен-Бернар.
До Рима шли без отдыха войска,
Но в город им не удалось попасть —
Закрыл ворота перед ними враг.
Разбить велел король Людовик стан,
Разжечь костры и собирать дрова —
Пускай готовят ужин повара.
А граф с собою взял большой отряд,
С ним добывать поехал провиант
И всю окрестность разорил дотла —
Нужна французам сытная еда.

LVII

Гильом окрест с большим отрядом рыщет.
Меж тем созвал Гугон Немецкий свиту,
И так сказал один вельможа римский:
«Мой государь, совета не отриньте.
Пусть тысяча бойцов вооружится,
И вы им сделать вылазку велите,
Покуда разбивает стан противник.
Пойду я с ними, коль необходимо».
«Совет разумен»,— рыцари решили.
Без промедленья каждый снарядился:
В броню облекся, шлем на лоб надвинул,
Меч прицепил, в седло проворно прыгнул,
На шею щит четырехпольный вскинул,
Копье рукою правой крепко стиснул.
На вылазку они пошли, но тихо,
А тут туман, к несчастью, так сгустился,
Что стало ничего вокруг не видно,
И лишь тогда французы спохватились,
Когда к ним в лагерь римляне проникли,

Коней угнали, конюхов убили,
В огонь на кухне вывернули пищу,
Лишив при этом сенешаля жизни.
Людовик пешим наутек пустился.
Бежит он меж шатров, спасенья ищет,
Кричит: «Бертран, Гильом, куда ж вы скрылись?
На помощь, бога ради, мне придите.
Без вас, бароны, нынче я погибну».
Меж тем Гильом окрест с отрядом рыскал.
Внезапно граф Бертран его окликнул:
«Не время ли нам, дядя, возвратиться?
Я шум изрядный в нашем стане слышу.
На выручку своим прийти должны мы».
Граф молвил: «Нет, направимся мы к Риму.
Пусть все подвяжут шлемы перед битвой.
Коль мы занять ворота исхитримся
Да наша рать из стана в поле выйдет,
Потяжелей несчастье Рим постигнет,
Чем в день, когда Гефье сошел в могилу».
Поворотил на Рим отважный рыцарь,
А тут, по счастью, так туман сгустился,
Что римляне не раньше спохватились,
Чем ворвался Гильом в ворота с криком:
«Французы, Монжуа! Смелей рубите!»
Видать бы вам, как закипела сшибка,
Как много было там щитов пробито,
Как много крепких броней расскочилось,
Как друг на друга мертвецы валились!
Рать короля из стана в поле вышла,
Ударила на вылазчиков с тыла.
Потери их уже неисчислимы:
Одни убиты, ранены другие,
А третьи в плен к французам угодили.
Пустился наутек их предводитель,
А граф Гильом за ним вдогонку мчится,
Кричит врагу: «Вернись! Коль бой не примешь,
Умрешь, как трус, бесславно и постыдно».
Копье француза в беглеца вонзилось,
И тот коню на шею пал бессильно,
И головы наверняка б лишился,
Когда бы не взмолился еле слышно:
«Барон, коль вы — Гильом, явите милость:
Меня не убивайте — в плен возьмите.
Бочонок денег дам я вам как выкуп».

К противнику подъехал граф поближе,
Его обезоружил торопливо,
К Людовику доставил в лагерь мигом
И к своему отряду возвратился.
Меж тем Гугон Немецкий кликнул свиту
И молвил так: «Словам моим внемлите.
Всех вылазчиков наших изрубили.
Коль не пошлю Людовику я вызов
И сам не выйду с ним на поединок,
Победы нам вовеки не добиться».

LVIII

Гонца Гугон Немецкий призывает.
Тот подъезжает на коне арабском
В плаще, что куньим мехом изукрашен.
Жезл, как копье, вздымает он руками.
Гонца Гугон Немецкий так наставил:
«Не мешкая скачи вон к тем палаткам.
Там станом стал Людовик, отпрыск Карла.
Скажи, чтоб нам он не чинил препятствий,
Не притязал на Рим, наследье наше.
А если мне ответит он отказом,
Пусть спор со мной оружием уладит —
Сам или за себя бойца представив.
Коль потерплю я пораженье в схватке,
Займет он Рим со всем окрестным краем
Как вотчину свою и достоянье;
А коль мечом победу я стяжаю,
Гроша с меня он не получит даже —
Пускай сидит в Париже или Шартре,
А Рим моим наследием признает».
Гонец ответил: «Государь, вы правы».
Ворота распахнулись, он помчался,
Влетел галопом во французский лагерь,
Там спешился у королевской ставки,
Вошел в шатер просторный и богатый,
Где пребывал Людовик, отпрыск Карла.
Гонец ему сказал при всех вассалах:
«Не с миром к вам я прибыл, император.
Вам здравья пожелать — и то нельзя мне.
Меня Гугон Немецкий к вам отправил,

Велел предупредить вас без утайки,
Чтоб больше вы на Рим не притязали.
А если вы ответите отказом,
С Гугоном спор оружием уладьте —
Иль сами, иль взамен бойца представив.
Коль вам противник верх уступит в схватке,
Займите Рим со всем окрестным краем
Как вотчину свою и достоянье;
А коль мечом победу он стяжает,
Гроша с него вы не возьмете даже —
Сидите впредь в Париже или Шартре,
А Рим его наследием признайте».
Король послушал, взор потупил мрачно,
Потом в глаза своим вассалам глянул:
«Бароны, я скажу, а вы внимайте.
Гугон Немецкий вызов мне бросает,
Решить оружьем хочет нашу тяжбу,
А я пока что слаб и юн годами,
Не выстоять мне в схватке столь опасной.
Кто из французов мне заменой станет?»
Послушали бароны, промолчали.
Король чуть с горя не утратил разум,
В свой горностай уткнулся и заплакал.
Но в лагерь возвратился тут, по счастью,
Гильом Железная Рука с отрядом.
Не сняв доспехов, он в шатер ворвался,
Увидел плачущего государя,
От ярости чуть не утратил разум
И громко закричал при всех вассалах:
«Король мой бедный, будь вам бог оградой!
Кто вас довел до слез? Кто обижает?»
Король в ответ, не мешкая нимало:
«Свидетель бог, признаюсь без утайки.
Гугон Немецкий вызов мне бросает,
Решить оружьем хочет нашу тяжбу.
Французы быть заменой мне боятся,
А я пока что слаб и юн годами,
Не выдержать мне столь опасной схватки».
Воскликнул граф: «Будь вам господь оградой!
За вас, король, сражался я раз двадцать.
Неужто в двадцать первый испугаюсь?
Ну, нет! Сегодня дам я бой изрядный,
А вот французов ваших в грош не ставлю».
Затем Гильом гонца окинул взглядом.

LIX

«Приятель,— граф Гильом промолвил гордо,—
Скажи тому, кем ты в наш лагерь послан,
Что здесь нашелся рыцарь благородный,
Который рад заменой стать сеньеру.
Заложников прошу я у Гугона,
А он моих получит ровно столько ж.
В их жизни победитель будет волен».
Тут палатин Бертран вскочил проворно:
«Обходитесь вы с нами, дядя, плохо.
Всё только вам — и битвы и походы.
Нам показать себя не удается.
Оставьте же хоть этот бой за мною.
Я вместо вас вступлю в единоборство».
Граф рассердился: «Эти речи вздорны.
Уж коль не в силах драться сам Людовик,
Перчатку, что ему противник бросил,
Никто, опричь меня, поднять не может.
Знай, право послужить сеньеру снова
Всей славы Абилана мне дороже.
Скачи, гонец, и пусть без проволочки
Гугон Немецкий выезжает в поле,
Хоть все равно Гильом его обгонит».
Гонец вскочил в седло, коня пришпорил,
До Рима доскакал без остановки.
Гугон Немецкий встречь ему выходит.
«Что, друг мой, от французов мне привез ты?»
«От вас я правду, видит бог, не скрою.
Нашелся у французов рыцарь добрый,
Который принял вызов ваш охотно.
Заложников он требует — и много,
Но в свой черед и вам представит столько ж.
В судьбе их будет победитель волен.
Звать рыцаря Гильом, как мне сдается.
Был там другой: племянник он Гильому,
А звать его Бертран — уж это точно.
Он вызов ваш принять готов был тоже».
«Друг мой,— гонцу Гугон Немецкий молвил,—
Гильома нынче я в бою прикончу.
Того же и Бертрану ждать недолго.
В сраженье он вовек не вступит больше.
Вели доспех мой лучший приготовить».

Гонец в ответ: «Немедленно исполню».
Гугона облекли оруженосцы
В броню из стали звонкой и надежной,
Которая светлей огня любого,
И подвязали плотно шлем зеленый
С карбункулом блестящим у наносья,
И слева прицепили меч на пояс,
И подвели к крыльцу коня лихого,
Меч запасной к луке привесив сбоку.
В седло Гугон Немецкий прыгнул ловко —
И не подумал в стремя сунуть ногу.
На шею им повешен щит тяжелый,
В руках копье, значок его развернут —
Пять золотых на ткани блещут точек.
Вот выехал он из ворот галопом,
И направленье взял на луг Неронов,
А этот луг и графом облюбован.
Гильом Бертрану и Гелену бросил:
«Я вижу, недруг скачет к месту боя.
Коль задержусь, лжецом меня сочтет он.
Пусть мне доспех мой лучший приготовят».
«Исполним все»,— в ответ сказали оба.
За дело принялись оруженосцы,
Пришел и сам Людовик им на помощь.
Вот граф уже в броне и шлеме звонком,
И препоясал бедра Жуайёзом,
Мечом, что Карл ему когда-то отдал.
Тут подвели Гильому Алиона,
И с ловкостью в седло уселся воин.
На шею щит повешен им тяжелый,
В руке копье, значок его развернут —
Пять золотых на ткани блещут точек.
Промчался меж шатрами граф галопом,
Вплоть до холма без передышки несся.

LX

На холм по склону граф Гильом взлетел.
Гугон Немецкий с ним заводит речь:
«Кто ты такой, скажи по правде мне,
И отчего настолько осмелел,
Что надо мною взять мечтаешь верх?»
Ответил граф: «Мне лгать расчета нет:

Что я зовусь Гильом — известно всем.
Граф Эмери Нарбоннский — мой отец.
Признаюсь и в другом: затем я здесь,
Чтоб доказал тебе мой острый меч,
Что Рим есть достоянье и удел
Того, кто в Сен-Дени приял венец,
В чем усомнясь, пал от руки моей
Араб Корсольт на этом же холме,
Хотя бойца сильней не видел свет.
В бою он кончик носа мне отсек».
Гугон бы отдал весь Париж теперь,
Лишь бы убраться подобру отсель,
И с графом он повел такую речь:
«Коль ты — Гильом, прославленный везде,
А Эмери Нарбоннский — твой отец,
Не лучше ли нам будет дружбу свесть
И Римом сообща с тобой владеть?»
«Трус,— молвил граф,— срази тебя творец!
Не проповедь пришел читать я днесь.
Сеньеру я не изменю вовек,
Скорей на части дам себя рассечь».
Едва с ума не свел Гугона гнев.
«Клянусь святым Петром,— он заревел,—
Ты мнишь, что сбить с тебя боюсь я спесь!
Знай, вновь бросаю вызов я тебе».
«А я тебе!» — воскликнул граф в ответ.
На столько, что не долететь стреле,
Разъехались противники затем,
Стальным щитом прикрыли грудь себе —
Не на живот им биться, а на смерть.
Пришпоривают рыцари коней,
Несутся вскачь, копье наперевес,
Удар наносят в щит что силы есть.
Щиты расселись, громко зазвенев,
Но копья не смогли броню задеть —
Сломались древки, как простая жердь,
Обломки всё усеяли окрест.
Единоборцы стали вдвое злей,
Сошлись щитом к щиту, броня к броне,
То метят в грудь, то бьют по голове.
Трещит на каждом от ударов шлем,
Рекою кровь и пот стекают с тел —
Не разберешь, где конь, где человек.

Упали кони — слишком бой свиреп,
А рыцари вскочили поскорей —
Опять на локте щит, клинок в руке.
Да, трудно было б их друзьями счесть!

LXI

С земли вскочил Гильом, лихой воитель,
Воззвал смиренно к богу и пречистой:
«Мария пресвятая, помоги мне:
Впервые нынче из седла я выбит».
Гугон Немецкий графу гордо кинул:
«Гроша, Гильом, не стоишь ты отныне.
За мной все земли и твердыни Рима —
Владеть не будет ваш Людовик ими».
«Трус,— молвил граф,— срази тебя Спаситель!
Тем, кто сюда сбирает пилигримов,
Клянусь тебе, что день еще не минет,
А уж за жизнь твою не поручится
Никто одним безаном в этом мире».
Стальной свой Жуайёз рукой он стиснул,
Проворно отразил им вражий выпад
И угодил Гугону в шлем так сильно,
Что все каменья из него повышиб.
Спас лишь кольчужный капюшон спесивца,
Не то бы тут же он лишился жизни.
Скользнул клинок до пояса и ниже,
Так, что на протяженье локтя с лишним
Отстала плоть и кости обнажились.
«Пустил тебе я кровь! — Гильом воскликнул.—
Как мой булат остер — теперь ты видишь».
В ответ Гугон Немецкий гордо кинул:
«Да поразит тебя, Гильом, всевышний!
Меня лишь поцарапал — не сломил ты,
А мяса у меня и так избыток.
Но тем, кого здесь пилигримы ищут,
Клянусь тебе, что день еще не минет,
Как я за рану заплачу сторицей».
Свой меч стальной Гугон рукою стиснул,
Проворно отразил им вражий выпад
И угодил Гильому в шлем так сильно,
Что все каменья из него повышиб.

Не будь в кольчужном капюшоне рыцарь,
Граф Эмери в тот день лишился б сына.
Но рассудил иначе вседержитель:
Гугону прыть его лишь повредила —
Меч от удара выпал из десницы.
Второй клинок Гугон из ножен вынул.
Увидел это граф, с насмешкой хмыкнул,
Стальной свой Жуайёз рукою стиснул,
Его на шлем врага обрушил с силой,
Но сталь в плечо Гугону угодила,
Грудь рассекла и в сердце углубилась.
Гугон качнулся, граф клинок свой вырвал,
А так как дело было возле Тибра,
Скатился в реку труп и в волнах скрылся —
Его на дно доспехи потащили.
Так никогда он больше и не выплыл.
Граф крикнул: «Монжуа! Сражен противник.
Бог и святой Денис за нас вступились.
Счет с этим за Людовика свели мы».
Вскочил на Алиона победитель,
Взял Клиневана в повод — конь-то дивный —
И без задержки в лагерь возвратился.
Смельчак Бертран навстречу дяде вышел,
К нему Людовик присоединился.
Гелен с Готье немало слез пролили:
За родича им столь же страшно было
Лишь в день, когда Гильом с Корсольтом бился.
«Ах, дядя, неужели впрямь вы живы?»
«Жив,— граф ответил.— Спас меня зиждитель.
Бертран, не стану от тебя таиться:
Вот конь тебе, чтоб не был ты в обиде
На то, что я — не ты с врагом сразился».
Сказал Бертран: «Большое вам спасибо».
Меж тем объяли страх и ужас римлян.
Твердят они: «Мы глупо поступили.
Пал и в куски изрублен наш властитель.
Одно нам остается — покориться.
Пойдем упросим, чтоб нас пощадили».
«Идем скорей»,— весь город согласился.
Кресты они выносят золотые,
Молитвенники, ладонки, кадила,
И мощи чудотворные, и миро.
Ворота городские растворились,
И в Рим вступил законный повелитель.

LXII

Вот въехал в Рим Гильом, отважный граф,
Во храм повел сеньера сей же час.
Сесть отроку на трон помог смельчак,
Его короной Франции венчал.
Людовику все присягнули там —
И те, кто верность соблюдал всегда,
И те, кто был готов в измену впасть.

LXIII

Вот въехал в Рим Гильом, отважный воин,
Сеньера своего венчал короной,
Империю его привел в покорность
И захотел домой вернуться снова.
Путь оказался долог и нелегок,
Но Франции родной достигло войско.
Направился в Париж король Людовик,
А граф в Монтрей-сюр-Мер неспешно отбыл
В надежде там вкусить желанный отдых —
Ходить гулять да ездить на охоту,
Но насладиться не успел покоем:
Вновь у французов начались раздоры.
Между собой ведут войну бароны,
Жгут города и разоряют села,
Людовика не слушаются вовсе.
Гонец об этом весть привез Гильому,
И тот чуть не сошел с ума от горя.
«Племянник, слышишь? — он Бертрану молвил. —
Совет разумный дай мне, ради бога.
Боюсь, лишится наш король престола».
Бертран в ответ: «Какая вам забота?
И Францию пошлите, дядя, к черту,
И короля, который глуп настолько,
Что сохранить корону не способен».
Гильом ему: «Нет, то моя забота.
Мне молодость не жаль отдать сеньеру».
Своих вассалов и друзей он поднял,
Встал во главе их, двинулся в дорогу
И рать привел в Париж, богатый город,
Где находился юный венценосец.
Меж тем сильней пошло междоусобье.

Гильом Короткий Нос с прискорбьем понял,
Что с этою страной расстаться должен —
Там у него врагов смертельных много.
В Лан был им увезен державный отрок
И под охрану горожанам отдан,
А граф пошел на недругов походом,
Стал выжигать и грабить их феоды,
Их замки брать и сровнивать с землею,
Во прах сметать их стены и донжоны.
Так со смутьянов за год сбил он гонор,
Что в Лан пришли пятнадцать графов гордых
И попросили короля с поклоном
Пожаловать их вновь уделом отчим.
Сестру Гильома взял Людовик в жены,
Им на престоле утвержден был прочно,
Но позабыл его заслуги вскоре.

НИМСКАЯ ТЕЛЕГА

ПЕРЕВОД СО СТАРОФРАНЦУЗСКОГО
Ю. КОРНЕЕВА

I

Честны́е господа, пускай во всем
Вам царь небес удачу ниспошлет!
Послушайте о том, кто до сих пор
Никем из христиан не превзойден.
То был маркграф Гильом Короткий Нос.
В Ним на простой телеге въехал он,
Оранжем с бою овладел потом,
Там отнял несравненную Гибор
У короля славонского Тибо,
Крестил ее, своей женой нарек,
И был под Римом им убит Корсольт.
Так послужил Христу он в мире сем,
Что рай святой отверз ему господь.
Шел месяц май, катился к лету год,
Деревья расцвели, стал зелен дол,
Защебетал привольно птичий хор.
Домой с охоты ехал граф Гильом.
В лесу он много времени провел,
Там двух оленей уложил стрелой,
На трех испанских мулах туши вез.
Колчан повесил он на левый бок,
Лук за́болонный вскинул на плечо.
С ним скачут сорок юных удальцов
Из графских и из княжеских родов.
Сан рыцарский им дан не так давно.
Бароны ловчих птиц везут с собой,
Ведут на длинных сворках гончих псов,
В Париж вступают через Малый мост.
Отважен граф Гильом, могуч и росл.

К себе домой добычу он везет,
Племянника встречает своего
И задает вопрос: «Бертран, отколь?»
«Скажу вам правду,— отвечает тот.—
Я из дворца, где целый день провел
И вдоволь понаслушался всего.
Наш император оделял вельмож:
Тем замки дал, тех одарил землей,
Иной и город получил в феод.
Лишь вы да я остались ни при чем.
Мне что! В юнцах хожу я до сих пор,
А вы везде прославлены молвой
И столько ратных приняли трудов,
Не спали ночью, голодали днем».
Со смехом молвил граф: «Племянник мой,
Зря не гневитесь из-за пустяков,
А возвратитесь поскорей домой
Да снарядитесь тщательно в поход,
Пока я потолкую с королем».
Бертран в ответ: «Покорствую, сеньер».
И возвратился поскорей домой.
Отважен граф Гильом, могуч и росл.
Коня сдержал он лишь перед дворцом,
Там под оливой спешился густой,
По лестнице из мрамора идет,
Ступает так, что пóножи долой
Слетают с добрых кóрдовских сапог.
В смятение и страх поверг он двор.
Король поднялся, указал на трон:
«Гильом, извольте рядом сесть со мной».
«Нет, государь,— сказал лихой барон.—
Мне лишь сказать вам надо кое-что».
Король ему в ответ: «Я внять готов».
«Готов иль нет,— вскричал барон лихой,—
А выслушаешь, друг Людовик, всё.
Тебе в угоду не был я льстецом,
Наследства не лишал сирот и вдов,
Зато не раз служил тебе мечом,
Верх для тебя взял в битве не одной,
Сразил немало юных храбрецов,
И этот грех на мне теперь по гроб:
Кто б ни были они, их создал бог.
С меня он взыщет за своих сынов».
«Сеньер Гильом,— рек доблестный король,—

Прошу вас потерпеть чуть-чуть еще.
Весна пройдет, ударит летний зной,
А уж тогда один мой пэр умрет,
И я вам передам удел его,
Равно как и вдову, коль вы не прочь».
С ума Гильома гнев едва не свел.
Воскликнул граф: «Клянусь святым крестом,
Не в силах рыцарь ждать столь долгий срок,
Коль он еще не стар, но нищ казной.
Нуждается в еде мой добрый конь,
А я не знаю, где добуду корм.
Нет, слишком круты и подъем и склон
Пред тем, кто чьей-то смерти втайне ждет
И на чужое зарится добро».

II

«Нет,— молвил граф,— так долго ждать не в силах
Столь молодой, как я, и бедный рыцарь,
Коль он остался все равно что нищим.
Мне скакуна кормить необходимо,
А я не знаю, где зерном разжиться.
Как можно тут, король, не быть в обиде?»

III

«Король Людовик,— гордо бросил граф,—
Все пэры подтвердят мои слова.
В тот год, когда покинул я твой край,
Письмом Гефье Сполетский обещал,
Что он полгосударства мне отдаст,
Коль зятем я ему согласен стать.
А ведь легко бы, поступи я так,
Мне двинуть и на Францию войска».
Такое тут король сказал со зла,
Чего б Гильому лучше не слыхать,
Но этим лишь усугубил разлад:
Пошла у них еще сильнее пря.

IV

«Сеньер Гильом,— сказал король в ответ,—
Никто из государей, в том числе
Король Сполетский, доблестный Гефье,

Не выстоит против моих людей.
Не минет год, как будет взят он в плен,
Убит иль изгнан из своих земель».
Воскликнул граф: «Невелика нам честь,
Коль мы должны вымаливать свой хлеб!
Стыд мне и срам, коль я останусь здесь!»

V

«Друзья,— промолвил свите граф Гильом,—
Отправьтесь-ка, не мешкая, домой,
Да снарядитесь тщательно в поход,
Да погрузите на коней добро.
Обида мне велит покинуть двор:
У короля просил я на прокорм,
И видите вы, как он нам помог».
Сказали все: «Покорствуем, сеньер».
Граф перед троном распрямился в рост,
На лук, который из лесу привез,
Рукой оперся с силою такой,
Что с громким треском разлетелся тот.
Куски взвились, попадали дождем,
Чуть королю не угодили в лоб.
Людовику бросает граф упрек —
Ведь он так долго был ему слугой:
«Моих заслуг не ценят здесь давно,
Мой ратный труд не ставят ни во что.
Король Людовик,— говорит Гильом,—
Ужели ты забыл жестокий бой,
Что я с твоим врагом под Римом вел,
А тем врагом был сам эмир Корсольт,
Силач, с которым совладать не мог
Из христиан и нехристей никто.
Искусно он направил свой клинок
В мой шлем, что был отделан хрусталем,
И весь хрусталь повышиб из него.
Прошло через забрало лезвиё,
До переносья нос мне рассекло.
Обрубок к месту я прижал рукой,
Повязку долго проносил на нем,
Но шрам остался,— видно, врач был плох.
Так я и стал Гильом Короткий Нос.
Мне стыдно за увечие свое

Пред пэрами и перед королем,
Но кто меня уродством попрекнет,
Пусть у того сломается копье,
Щит разлетится, раскуется конь!»

VI

«Король Людовик,— мудро граф прибавил,—
Законный император, отпрыск Карла,
Что был всех христианских государей
Славнее, справедливей и отважней,
Забыл ты, как на броде Пьерелатском
Мной Дагобер разгромлен был нещадно
И обязался стать твоим вассалом.
Вот он стоит в плаще из горностая,
Солжет он, если возражать мне станет.
За мной заслуга есть и не такая.
Когда отец венчал тебя на царство,
Он снял корону, на алтарь поставил,
А ты со страху сник и зашатался.
Увидели французы, сколь ты жалок,
И порешили: быть тебе аббатом
Иль клириком во храме захудалом,
И Эрнеис с родней своею знатной
В монастыре Марии из Магдалы
Прибрать к рукам корону попытался,
Но так пришлось мне это не по нраву,
Что с ног я сшиб его одним ударом,
И, бездыханный, рухнул он на мрамор.
Его родню повергло это в ярость,
А я прошел по церкви твердым шагом
Перед лицом всех тех, кто там собрался,
Пред папою и сонмом патриархов,
И на тебе корона оказалась.
Ты ж обо мне, король, не вспомнил даже,
Своим вельможам земли раздавая».

VII

Смельчак Гильом сказал: «Король Людовик,
Забыл ты, видно, о нормандце гордом,
Что оскорбил тебя при всех баронах,—
Мол, Францией владеть тебе негоже.

Не отыскалось при дворе такого,
Кто б наглеца отважился одернуть.
Лишь я решился защитить сеньера,
Всех растолкал, кол заостренный поднял,
И мертвым пал предатель вероломный,
За что я натерпелся страху вдосталь,
Когда в Мон-Сен-Мишель на богомолье
С Ришаром Старым встретился нос к носу,
С отцом того, кто пал в бою со мною.
С ним было двадцать человек, нас — трое,
Но взялся я за меч, как рыцарь добрый,
И семерых стальным клинком прикончил,
А их сеньера на глазах у прочих
Взял в плен, связал, в Париж увез с собою.
Здесь, в главной башне, смерть он принял после.
Но обо мне ты, мой король, не вспомнил,
Давая земли в лен своим вельможам.
Забыл ты, как Гугон Немецкий спорил
С тобой, Людовик, в Риме о короне,
Как требовал, чтоб Францию ты отдал,
Бургундию и Лан, богатый город.
Ему я пред лицом баронов многих
Вплоть до значка всадил копье под ребра,
А тело рыбам в воды Тибра бросил.
Свели бы за него со мною счеты,
Когда б Гюон, хозяин мой достойный,
Меня на судне не отправил в море.
Король, забыл ты про войну с Отоном.
Французы и бургундцы шли с тобою,
Фламандцы, фризы, лотарингцы тоже.
На Сен-Бернаре, и под Монбальдоне,
И возле Рима на лугу Нерона
Я водрузил твой стяг победоносный,
Успел тебе набить и дичи вдоволь».

VIII

«Когда наелся и напился ты,
Сказал я, что хочу к себе уйти,
И ты мне удалиться разрешил,—
Как видно, думал: пусть часок поспит
В палатке после долгого пути.
Я ж двадцать сотен взял людей своих

И рыцарей в засаду посадил
Меж сосен и меж лавров, где в тени
Был королевский твой шатер разбит.
Тут римляне на вылазку пошли.
Пятнадцать с лишним тысяч было их.
Копье наперевес, взялись они
Рубить растяжки и шатер валить,
Топтать еду и скатерти твои.
Твой сенешаль к ним в руки угодил,
А ты между шатров бежал один
Проворнее, чем гончая бежит,
И в ужасе кричал что было сил:
«Ко мне, Бертран! Гильом, меня спаси!»
Во мне ты состраданье пробудил.
Я приказал с врагами в бой вступить,
Семь тысяч римлян наповал сразил,
Тринадцать с лишним сотен с седел сшиб.
Их вождь за глыбу мраморную — прыг,
Но я его узнал среди других —
Карбункул он к забралу прикрепил.
Врага ударил я мечом стальным,
И он на шею скакуна поник
И у меня пощады попросил:
«Коль ты — Гильом, оставь меня в живых»,—
И пленником к тебе доставлен был.
Так сделался твоим феодом Рим,
Ты стал богат, а я, как прежде, нищ,
Хоть у тебя вернее нет слуги.
За службу я гроша не получил,
Одет беднее, чем простолюдин».

IX

«Король Людовик,— молвил удалец, —
Я у тебя на службе поседел,
А у меня коню на сено нет.
Одет я всех беднее при дворе.
Не знаю я, куда податься мне.
Мой государь, в своем ли ты уме?
Ведь нас с тобой считали за друзей.
Я столько для тебя загнал коней,
Прошел полей и топей пересек.
Будь проклят я, коль рыцарь в мире есть,

В чей щит вонзилось больше вражьих стрел,
Чей чаще был копьем пробит доспех!
Я двадцать тысяч турок в ад низверг,
А вот теперь клянусь царем небес,
Что больше не хочу служить тебе,
Раз я не из числа твоих друзей».

X

«Зачем, о боже,— граф прибавил хмуро,—
Убил я стольких рыцарей цветущих
И плакать стольких матерей принудил,
За что до гроба грех на мне пребудет?
Тебе я был слугой, король Французский,
А ты мне не дал и гроша за службу!»

XI

«Клянусь, сеньер Гильом,— король промолвил,—
Апостолом, блюдущим луг Нерона,
Есть шесть десятков пэров, ваших ровней,
Которым тоже не дал ничего я».
Гильом ответил: «Государь, вы лжете.
Мне ровни нет среди людей крещеных.
Вы не идете в счет: на вас корона.
Себя не ставлю я над венценосцем.
Пусть те, о ком вы речь вели со мною,
Подъедут ко дворцу поодиночке
На скакунах лихих, в доспехах добрых,
И коль их всех я в схватке не прикончу,
А заодно и вас, коль вам угодно,
На лен я притязать не стану боле».
Поник король достойный головою,
Потом глаза опять на графа поднял.

XII

«Сеньер Гильом,— воскликнул государь,—
Я вижу, зло таите вы на нас!»
«Такой уж я породы,— молвил граф.—

«Нимская телега»

Кто служит людям злым, с тем вечно так:
Чем больше сил на них он тратит зря,
Тем меньше и желает им добра».

XIII

«Сеньер Гильом,— рек доблестный король,—
Я вижу, вы на нас таите зло».
«Да,— молвил граф,— породы я такой.
Где плох сеньер, там и вассал не добр:
Чем больше служит, тем беднее он».
Людовик говорит: «Сеньер Гильом,
Вы честно мне служили с давних пор,
Вернее были всех моих вельмож,
И я достойный дар для вас нашел.
Примите лен, где правил граф Фукон,
А с леном и три тысячи бойцов».
Гильом в ответ: «Король мой и сеньер,
Покойный граф оставил двух сынов.
Им и владеть отцовскою землей,
А вы найдите мне другой феод».

XIV

Сказал Людовик: «Если вам невместно
Лишать его преемников наследства,
Себе, Гильом, возьмите во владенье
У мачехи Обри-бургундца землю,
У Эрменсаны де Тори прелестной,
Что краше всех вино вкушавших женщин;
Три тысячи бойцов возьмите с леном».
«Нет, государь,— Гильом ему ответил,—
У графа сын остался малолетний,
Робером нарекли его в крещенье.
Не в силах он покуда сам одеться,
Но телом и умом, бог даст, окрепнет
И вступит во владенье отчим леном».

XV

«Сеньер Гильом,— король могучий рек,—
Коль не хотите обижать сирот,
Вот вам маркграфа Беранже феод.

Вы вступите в закон с его вдовой,
Получите две тысячи бойцов,
Чьи кони быстры и клинок остер,
Не выложите ни гроша за все».
Граф чуть со зла не тронулся умом
И крикнул так, чтоб услыхал весь двор:
«Эй, рыцари, смотрите, как король,
Мой государь природный, чтит того,
Кто честно исполнял пред ним свой долг.
Я вам скажу, кто Беранже такой.
В Ривьерском доле свет увидел он,
Убил там графа, выкупа не внес
И в Лан бежал, где пал во прах у ног
Законного владыки своего;
А император обласкал его,
Женил пристойно, наделил землей,
Примерного вассала в нем обрел.
Случилось раз, что наш король в поход
На турок, сарацин, славян пошел.
Кровавый бой был долог и жесток.
С коня свалили короля копьем,
И больше он бы вновь не сел в седло,
Не будь, на счастье, Беранже при нем.
Увидел тот — в опасности сеньер,
Пришпорил скакуна, пустил в галоп,
Из ножен вырвал свой стальной клинок,
Как вепрь собак, пораскидал врагов,
С седла на землю соскочил потом,
Встать государю на ноги помог
И своего коня ему подвел.
Король пустился наутек, как пес,
А Беранже врагом был взят в кольцо.
Мы видели, как умирал герой,
Но нам спасти его не удалось.
Остался у погибшего сынок,
Что именем отцовским наречен.
Кто детям вред чинит, тот, видит бог,
Или безумец, иль предатель злой.
Сиротский лен король мне отдает,
Но до таких даров я не охоч
И вот что говорю вам сверх того:
Клянусь Петром, который Рим блюдет,
Коль сыщется во Франции барон,
Что на феод младенца посягнет,

Ему снесу я голову долой».
«Спасибо, граф!» — вскричали во всю мочь
Вассалы Беранже, воспряв душой,
А их не меньше сотни набралось,
И отдали ему земной поклон.
«Сеньер Гильом,— Людовик начал вновь,—
Коль лен сиротский вам принять грешно,
Для вас я подыщу надел иной,
Который приумножит вашу мощь.
Я дам вам четверть Франции родной:
По одному из каждых четырех
Архиепископств, марок, городов,
Священников, аббатов, чернецов,
Баронов знатных и простых бойцов;
Слуг-бедняков и богачей-господ;
Одну из четырех девиц и жен;
Четвертого коня из табунов
И из своей казны четвертый грош.
Я уступлю с охотою большой
Вам четверть всех подвластных мне краев.
Примите же даяние, Гильом».
Но граф ему ответил: «Ни за что!
Какой от всех богатств земных мне прок,
Коль скажет про меня барон любой:
«Хоть с виду этот граф Гильом и горд,
Да своему сеньеру сделал зло:
Полгосударства дал ему король,
А от него нет пользы никакой —
Лишь полказны он в свой карман кладет».

XVI

«Гильом,— воскликнул славный император,—
Клянусь Петром, Неронов луг хранящим,
Коль я и в этот раз вам не потрафил,
Другой феод найти мне не удастся,
И я не знаю, как поладить с вами».
Гильом ответил: «Спор пустой оставим.
Невмоготу мне препираться стало.
Нашли б вы для меня, коль пожелали б,
Довольно замков, городов и марок».
Спиной он повернулся к государю,
Спустился вниз по лестнице с досадой,

Пошел домой и повстречал Бертрана.
Тот спрашивает: «Вы откуда, дядя?»
Гильом ему в ответ: «Скажу вам правду.
Я из дворца, где время зря потратил.
С Людовиком мы долго препирались,
Но он за службу не дал ни гроша мне».
Бертран воскликнул: «Господи всеправый!
Не след с сеньером, дядя, вам тягаться.
Наш долг святой — служить ему исправно,
Быть для него от всех врагов оградой».
Граф рек: «Зачем же так он поступает?
Ему служил я, отдыха не зная,
А он мне не дал и на пропитанье».

XVII

Прибавил граф: «Бертран, племянник мой,
Людовику служил я с давних пор,
Его и возвеличил и вознес,
А он мне четверть Франции родной
Дает как бы в насмешку и упрек.
Вот как расчесться мыслит он со мной!
Клянусь святым Петром, что Рим блюдет,
Я с короля сорвать венец готов,—
Ведь это мной надет он на него».
Бертран в ответ: «Что вам на ум пришло?
Сеньеру своему грозить грешно.
Наш долг — ему оказывать почет
И защищать его от всех врагов».
«Да, ваша правда,— уступил Гильом.—
Лишь тот, кто верен,— истинный барон.
Так заповедал нам всеправый бог».

XVIII

Бертран благоразумный молвил: «Дядя,
Вернемтесь вместе во дворец сейчас же
Просить себе надел у государя:
Надумал я, чего нам добиваться».
«Чего ж?» — осведомился граф отважный.
Бертран ему в ответ: «Скажу вам правду.
Потребуйте отдать вам край испанский,
А также Тортелозу с Порпайаром,
Ним, город многолюдный и богатый,

И сверх того Оранж, что всюду славен.
Пускай король изъявит лишь согласье,
Но лен оружьем нам не добывает,
Ни рыцарей не шлет, ни пешей рати —
Довольно с нас и одного даянья,
Негоже нам быть государю в тягость».
Граф выслушал и громко рассмеялся:
«В час добрый родились вы, мой племянник!
Я сам просить о том же собирался,
Но ваше мненье знать хотел заране».
Рука в руке, пошли они обратно,
Остановились только в тронном зале.
Увидел их Людовик и поднялся,
И говорит Гильому: «Граф, присядьте!»
Тот молвит: «Нам садиться не пристало.
Мы только потолкуем с вами малость:
Надумал я, какой просить награды».
Король в ответ: «Хвала тебе, создатель!
Коль вы хотите, граф, феод, иль марку,
Иль город, или крепость, или замок,
Вам все, что ни потребуете, дастся.
В надел просите хоть полгосударства —
Я уступить его почту за радость
Вернейшему из всех своих вассалов,
Кому я троном Франции обязан».
Внял королю Гильом, расхохотался,
Потом поближе подошел и начал:
«Нет, нам таких щедрот от вас не надо.
В феод прошу я только край испанский,
А также Тортелозу с Порпайаром,
Ним, город многолюдный и богатый,
И сверх того Оранж, что всюду славен.
Нам изъявите лишь свое согласье,
Но лен оружием не добывайте,
Не шлите рыцарей и пешей рати:
Не умалим мы ваше достоянье».
Король послушал и заулыбался.

XIX

«Сеньер,— храбрец промолвил королю,—
Отдайте мне испанскую страну,
А я все золото, что там найду,
Вам с тысячею рыцарей пришлю.

XX

Пожалуйте Вальсур мне, государь,
И город Ним, что крепок и богат.
Оттуда изгнан будет мной Отран,
Язычник и французов лютый враг,
Что земли отнимал у них не раз.
Коль не оставит бог в беде меня,
Я большего не попрошу у вас.

XXI

Пожалуйте мне в лен Вальсор с Вальсуром,
Ним многобашенный и многолюдный,
Оранж, чьи стены неприступно круты,
И область Нима, и весь край тот тучный,
Где между пастбищ Рона катит струи».
Людовик изумился: «Иисусе!
Для одного не много ль это будет?»
«Управлюсь,— граф ответил, усмехнувшись.—
С коня не слезу я ни на минуту,
Не сброшу ни на миг броню стальную,
Пока не выбью сарацин оттуда».

XXII

«Сеньер Гильом,— повел Людовик речь,—
Клянусь Петром, хранящим Рим от бед,
Тот край — славян и сарацин удел.
Там правят Дераме и Мюргале,
Два короля языческих земель,
Кларьон Оранжский с братом Асере,
С Отраном Нимским Голиаф-злодей,
А также Арроган, Миран, Барре,
И Кэнзепом, и брат его Гондре.
Король Тибо на трон там должен сесть.
Женат он на эмировой сестре,
На той Орабль, что дев и женщин всех
Меж нехристей и христиан милей.
Боюсь я, вам не взять над ними верх
И этою землей не завладеть.

Не лучше ли пустить нам на раздел
Те города, что есть в моей стране?
Вам — Шартр, мне — Орлеан и мой венец,
Хотя устать я от него успел».
«Нет, ни за что! — воскликнул граф в ответ.—
Не то бароны скажут обо мне:
«Какой Гильом Короткий Нос наглец!
Король его вознес, другим в пример,
Ему полгосударства отдал в лен,
А от него на грош дохода нет —
Он только полказны берет себе».

XXIII

Сказал король: «Гильом, вы — храбрый воин,
Так что ж боитесь мнения дурного?
Владеть один я не хочу страною.
Вам — Шартр, мне — Орлеан с моей короной,
Раз у меня не просите вы больше».
«Нет, ни за что! — Гильом воскликнул громко.—
От всех богатств земли мне мало проку,
Коль разорю я своего сеньера,
Чье достоянье сам мечом умножил.
Вы — мой король, мне вам вредить негоже.
Был я в Михайлов день на богомолье
В Сен-Жиле у Эгидия святого
И там гостил у одного барона.
Употчевал меня хозяин вдоволь,
Коню овса и сена задал вволю,
Потом своих вассалов вывел в поле,
Позвал меня, чтоб с ними я развлекся,
Но мой скакун хозяйскою женою
Был схвачен под уздцы и остановлен.
Она мне стремя придержала ловко,
Я спешился и с нею через погреб
Прошел наверх, в чердачную каморку,
Где мне хозяйка вдруг упала в ноги.
Вообразил я, что игрой любовной
Потешиться со мной она охоча,
И к ней, когда б в том был уверен точно,
Озолоти меня — не подошел бы.
Спросил я: «Госпожа, что вам угодно?»
«Чтоб вы спасли нас, рыцарь благородный,

И стали краю нашему оплотом
Ради того, кто ра́спят на Голгофе».
Тут подвела она меня к окошку,
И вижу я окрест неверных толпы.
Жгут города они и колокольни,
Громят монастыри и храмы божьи,
У женщин груди отрезают злобно.
Я так проникся жалостью и скорбью,
Что навернулись на глаза мне слезы.
Тогда призвал в свидетели я бога
И клятву дал Эгидию святому,
Что той земле приду на помощь скоро
И приведу с собой побольше войска».

XXIV

Смельчак Людовик молвил: «Вижу, граф,
Скорбите вы о тех, кто страждет там,
За этот край болит у вас душа.
Готовьтесь же отправиться туда.
Примите в лен, храбрец, испанский край,
И вот в залог моя перчатка вам.
Всего одно условье ставлю я:
Коль на поход достанет сил у вас,
Не требуйте подмоги от меня».
«Я много не прошу,— Гильом сказал,—
В семь лет ее мне шлите только раз».
Король ему в ответ: «Да будет так!
Вам все, что ни попросите, я дам».
Воскликнул граф: «Спасибо, государь!»
Племянников глазами отыскал,
Двух отпрысков Бернара де Бребан.
Один звался Гелен, другой Бертран.
Гильом к себе обоих подозвал:
«Приблизьтесь-ка, Гелен! Сюда, Бертран!
Вы мне друзья и ближняя родня.
Пред троном встаньте, чтоб от короля
В залог его щедрот перчатку взять.
Мой лен, труды, расходы и блага —
Все будем мы втроем делить всегда».
С улыбкой внял Гелен его словам
И еле слышно брату прошептал:
«Сейчас я дядю огорчу весьма».

Бертран ему: «Так поступать нельзя.
Суров и вспыльчив у Гильома нрав».
Юнец Гелен в ответ: «Ну и пускай!
Мне только двадцать лет, я слишком слаб
И не созрел для ратного труда».
Расслышал все его отец Бернар,
Едва от гнева не сошел с ума,
Хлестнул с размаху сына по щекам:
«Трус! У меня ты честь решил отнять?
Ступай вперед и перед троном встань.
Клянусь Петром, что нас впускает в рай,
Коль ты дерзнешь перчатку не принять,
Тебе я дам мечом такой удар,
Что не поставит наилучший врач
До самой смерти на ноги тебя.
Вы с братом лен пойдете добывать,
Как добывал я в юные года.
Клянусь Петром, что нас впускает в рай,
Земли вам не оставить ни клочка —
Я сам решу, кому ее отдать».
Шагнул вперед Гелен, за ним Бертран.
На мраморной плите они стоят
И молвят так, чтоб каждый услыхал:
«Нас обделил Бернар, родитель наш,
Но за обиду взыщем не с отца,
А с сарацин и персов мы сполна.
Для них година черная пришла —
Их тысячами будут убивать».

XXV

Встал граф Гильом на мраморные плиты
И так заговорил, чтоб каждый слышал:
«Бароны милой Франции, внемлите.
Господь мне земли ниспослал большие —
На целых тридцать пэров их хватило б,
А ведь и день один еще не минул.
Всех рыцарей, что молоды и нищи,
Чьи кони хромы, чья одежда в дырах,
Кому за службу заплатить забыли
И кто готов идти за мною в битву,
Я оделю землей, казной осыплю.
Они получат замки и твердыни,

Коль лен мой мне добыть помогут силой
И веру божью примут под защиту.
Эй, рыцари, что молоды и нищи,
Оруженосцы, что пообносились,
За мною на Испанию идите,
Мой лен добыть мне помогите силой,
Возьмите веру божью под защиту,
И я казною каждого осыплю,
Дам всем наделы, замки и твердыни,
Коней испанских, резвых и мастистых!»
Послушали его бойцы лихие,
Воскликнули в веселии великом:
«С собой нас всех, сеньер, в поход ведите.
Кто без коня, тот и пешо́й сгодится».
Когда б вам этих рыцарей увидеть,
Оруженосцев-бедняков исчислить!
Набрал Гильом, маркграф неустрашимый,
Всего за час их тридцать тысяч с лишним.
Чем мог, тем каждый и вооружился.
Все графу поклялись бесстрашно биться,
Иль пусть отрубят руки им секирой.
Возрадовался от души воитель,
С признательностью прочитал молитву,
Разумно всем и вся распорядился,
Потом пошел с Людовиком проститься.
Король Гильому отпуск дал учтиво:
«Ступайте, граф, язычников разите,
И да поможет вам господь всевышний
Вернуться к нам живым и невредимым».
Ушел Гильом, маркграф неустрашимый,
И рыцари толпой с ним удалились.
Тут в тронный зал старик Эмон явился —
Пусть вседержитель в ад его низринет!
Приблизился он к трону, молвил тихо:
«Вы, император, промах совершили».
«Сеньер, какой?»— Людовик удивился.
Эмон сказал: «Ответить не премину.
Вы к нехристям с Гильомом отпустили
Воителей отважных много тысяч
И цвета вашей Франции лишились.
Где взять нам войско, коль война случится?
К тому ж вернется пешим граф спесивый
И в нищих превратятся остальные».
Вспылил Людовик: «Вздор вы говорите.

Гильом к сраженьям сызмалу привычен.
Меж рыцарей никто с ним не сравнится.
Мечом всегда он мне служил отлично.
Даст бог, вернется он как победитель,
Испанский край от нехристей очистит».
Был в зале том один достойный рыцарь,
Которого Готье Тулузцем кличут.
Услышал он, как графа очернили,
Стал от досады хмур и гневен ликом,
По лестнице спустился торопливо,
Успел наперерез Гильому выйти
И за узду его коня схватился.
«Сеньер,— сказал он,— хоть вы рыцарь истый,
Вас во дворце ни в грош не ставят ныне».
«Кто клеплет на меня?» — Гильом воскликнул.
Готье в ответ: «Не стану я таиться.
Старик Эмон вас поносил открыто
Перед законным нашим властелином».
Граф молвил: «Я воздам ему сторицей,
И если не погибну на чужбине,
Останется без рук мой очернитель,
Утоплен будет иль в петле повиснет».
Готье сказал: «Вы б лучше там грозились,
Где пребывает подлый ваш завистник.
Советую вам со злословом низким
Сегодня ж по заслугам расплатиться.
Еще не вышли в поле вы с дружиной,
А он уже вас опорочить тщится».
Граф рек: «Вы правы, друг, ручаюсь жизнью!»
Готье помог ему на землю спрыгнуть,
И в зал они, рука в руке, вступили.
Навстречу графу встал Людовик быстро,
Прижал его к груди что силы было,
Сердечно с ним расцеловался трижды,
К нему с учтивой речью обратился:
«Сеньер Гильом, быть может, вы хотите,
Чтоб на дорогу вас казной снабдили?
Я вам ее велю без счета выдать».
Гильом в ответ: «Нет, государь, спасибо.
Я всем запасся, что необходимо.
Мне лишь одну, король, явите милость:
В советниках мерзавца не держите».
Гильом окинул взглядом зал обширный,
Эмона увидал посередине,

Поносными словами разразился:
«Трус, пусть всевышний в ад тебя низринет!
За что честной вассал тобой унижен,
Хоть никогда тебя он не обидел?
За что во всем вредить ты мне стремишься?
Но я тебя, клянусь святым Денисом,
Не отпущу, с тобой не расплатившись».
Тут рукава он засучил повыше,
Врагу рукою левой в кудри впился,
А правой так его по горлу двинул,
Что горловая кость переломилась,
И мертвым пал предатель злоречивый.
Тулузец за ноги, а граф под мышки
Схватили труп и за окно пустили.
На яблоню упал он, зацепился
И ствол ей обломал до половины.
Вскричали оба: «Вор и проходимец,
Ты больше ложью ни гроша не снищешь!»
«Король,— Гильом добавил горделиво,—
Не доверяйте кознодеям льстивым —
Не жаловал вовек их ваш родитель.
А я в испанский край походом двинусь.
Он вашим станет, коль я не погибну».
«Ступайте, граф, язычников разите,
И да поможет вам господь всевышний
Вернуться к нам живым и невредимым».
Ушел Гильом, маркграф неустрашимый.
Идет с ним много знати родовитой,
Идут его племянники родные.
Коней под тяжким вьюком с ними триста.
Скажу вам, что́ везут передовые:
Распятья, дароносицы и ризы,
Кадила, псалтыри, епитрахили.
Достигнет рать владений сарацинских —
Ей, первым делом, нужно помолиться.

XXVI

Скажу вам, что везут другие кони:
Молитвенники, стихари из шелка,
Кресты и чаши золота литого.
Достигнет рубежей испанских войско —
Восславит сразу милосердье божье.

XXVII

Скажу вам, что везут на остальных:
Таганы, блюда, вертелы, котлы,
Ухваты, поварешки, кочерги.
Прибудет войско в землю сарацин —
Придется после долгого пути
Отванжого Гильома накормить,
А также всех бойцов, идущих с ним.

XXVIII

Прощается Гильом с родной страною,
За Францию и Ахен бога молит,
Париж и Шартр его вверяет воле,
Бургундию, Берри, Овернь проходит.
Вот под вечер он встал на горном склоне,
Разбить шатры приказывает войску.

XXIX

Уже огни разведены везде —
С дороги всем не терпится поесть,
А граф Гильом сидит в своем шатре,
Вздыхает и меняется в лице —
Так у него тревожно на душе.
Бертран увидел — дядя не в себе,
И говорит: «В своем ли вы уме?
К лицу ль вам сокрушаться, как вдове?»
«На то, племянник, основанья есть.
Боюсь, бароны скажут обо мне:
«Маркграф Гильом на вид удал и смел,
Да в нем почтенья к государю нет:
Тот полстраны отдать ему хотел,
А граф «спасибо» не сказал в ответ,
Испанию взял не по праву в лен».
Увижу вместе я двух человек
И думаю: «У них об этом речь».
«Свой страх забудьте, дядя: он нелеп,
А участь наша — в божией руке.
Велите лучше протрубить «к воде!» —
Давно уж нам пора за ужин сесть».

Гильом сказал: «Разумен ваш совет»,—
Во все рога трубить к воде велел
И приступил с баронами к еде:
Он по дороге настрелять успел
Павлинов, вепрей, журавлей, гусей.
Вот рыцари насытились вполне,
Оруженосцы убирают снедь,
И каждый отправляется прилечь.
Всю ночь французы спят, а на заре
Они уже опять сидят в седле,
Кричат Гильому, что удал и смел:
«Что вы, сеньер, надумали теперь
И долго ль нам скакать за вами вслед?»
Ответил граф: «Придется потерпеть:
От дома мы еще невдалеке.
В Бриуд мы с вами двинемся отсель.
Там принесем дары в монастыре
Пречистой деве и творцу небес —
Да не оставят христиан в беде».
«Покорствуем, сеньер»,— сказали все,
Ряды сомкнули, тронули коней,
Ущельями уходят за хребет.

XXX

Как приказал Гильом, так рать и едет.
Пересекла она Берри с Оверныо,
Клермон и Монферран обходит слева,
Ни в город не вступает, ни в деревню,
Чтоб жителям не причинить ущерба.

XXXI

Проспали ночь французы, утром встали,
Свернули вновь походные палатки,
На лошадей навьючили поклажу,
Пробрались через заросли и чащи,
Помчались по дороге Ригорданской,
До Ле-Пюи не делали привала.

XXXII

В обитель прибыл помолиться граф,
Три марки серебром привез туда,
Четыре штуки шелка, три ковра.
Вовек не возлагался на алтарь
Никем из пэров столь богатый дар.
Вот вышел граф из стен монастыря,
Своих французов стал увещевать:
«Бароны, я предупреждаю вас:
Мы входим в край, где нехристи царят.
Куда бы ни направили вы шаг,
Никто в пути не попадется вам
Здесь, кроме сарацин или славян.
Вооружайтесь и в седло опять,
Но раньше дайте выпастись коням.
Коль нам всевышний верх поможет взять,
Вся здешняя страна у вас в руках».
«Покорствуем, сеньер»,— сказала рать.
Шлем у французов крепок, бронь прочна,
Вся в золоте мечей их рукоять.
Сидят они на добрых скакунах.
На шее щит у каждого бойца,
Покрыта чернью сталь его копья.
Выходит войско в путь, за рядом ряд,
Вздымает орифламму, ратный стяг,
Идет на Ним, что люден и богат.
От блеска шлемов воздух засверкал.
Передовой отряд ведут Бертран,
Гильмер-шотландец, что умен и храбр,
Готье де Терм, Гелен, Бертранов брат.
Взят главный полк Гильомом под начал.
В нем десять тысяч смелых христиан,
И каждый рад урок неверным дать.
Четыре лье они прошли едва,
Как на глаза попался им виллан.
В Сен-Жиль он ездил, сбыл там свой товар
И к дому направлялся не спеша
С тремя детьми на четырех волах.
Смекнуть хватило у него ума,
Что соль в его краях не дешева.
Он бочку с ней в телеге вез назад,
А бочка та была полным-полна.

Он вдоволь хлеба для детей запас,
И шла у тех на радостях игра:
Они гоняли в бочке с солью шар.
Французы похватались за бока,
А граф Бертран виллану молвил так:
«Откуда ты и как попал сюда?»
Ответил тот: «Сеньер, не стану лгать.
Лаваль-сюр-Клер — вот родина моя.
В Сен-Жиль я ездил свой товар сбывать
И возвращаюсь убирать хлеба.
Коль не оставит Магомет меня,
Сполна набью я нынче закрома».
Воскликнули французы: «Негодяй!
Ты смеешь Магомета богом звать,
Мнишь, что от Магомета все блага,
Зной — летом, а зимою — холода?
В куски изрубим мы тебя, мужлан».
«Не надо делать так,— Гильом сказал.—
Я кой о чем спрошу его сейчас».

XXXIII

Виллану молвил граф слова такие:
«Скажи во имя веры, вами чтимой,
Впустили ли тебя в ворота Нима?»
«Да, и за это пошлину просили,
Но въезд бесплатный дали мне на рынок
Из жалости к моим детишкам нищим».
«Что за народ там?» — граф осведомился.
Виллан ему: «Богатый, сразу видно.
Нам за денье два хлеба уступили,
Хотя цена повсюду вдвое выше.
Как нимцев не хвалить за дешевизну!»
Граф молвил: «Дурень, о другом скажи нам. 68
Отважен ли Отран, король-язычник?
Что у него за рыцари в дружине?»
Виллан в ответ: «Об этом я не слышал,
А к выдумкам с рожденья не привычен».
Был там Гарнье, лихой и знатный рыцарь,
В уловках ратных сведущий воитель,
С умом изобретательным и хитрым.
Он взором четырех волов окинул
И рек: «Да просветит нас вседержитель!

На бочку, что в телеге, граф, взгляните.
Когда б мы десять сот таких добыли
Да рыцарям велели в них укрыться,
А после незаметно в Ним проникли,
Без боя этот город покорился б».
«Вы правы,— молвил граф,— ручаюсь жизнью!
Так и решим, коль войско согласится».

XXXIV

Своим французам граф Гильом велел
Виллана и его детей стеречь
И принести им всяческую снедь —
Вино, и мед, и пряности, и хлеб,—
Все, что угодно будет их душе.
Когда же всласть виллан с детьми поел,
Своих баронов граф призвал к себе.
Пришли они немедля на совет,
И стал Гильом держать пред ними речь.
«Бароны,— молвил он,— внемлите мне.
Вон, видите, телега с бочкой в ней?
Когда б нам десять сот таких иметь,
Да рыцарям велеть в те бочки сесть,
Да прямо по дороге — не в объезд
Приехать в Ним, прославленный везде,
Мы б захватили город без потерь,
В ход не пустили б ни копье, ни меч».
«Сеньер, вы правы,— согласились все.—
А то, что нужно, под рукою есть:
Найдется много в здешней стороне
Больших возов, повозок и телег.
Пошлите-ка назад своих людей
По Ригордане, где мы шли в набег —
Пусть всех волов поотберут окрест».
«Совет хорош»,— промолвил граф в ответ.

XXXV

Послушался Гильом своих вассалов,
Поразослал людей по Ригордане,
Их на пятнадцать лье назад отправил —
Пусть бочки и телеги отбирают.

Волов выводят добрые вилланы,
Сбивают бочки и телеги ладят.
А если кто и ропщет, что Бертрану?
Смутьянов ждет короткая расправа —
Их вешают иль ослепляют разом.

XXXVI

Когда б воочью видеть вы могли,
Как мужичье хватает топоры,
Старается побольше бочек сбить,
Спешит телеги ладить и возы,
Как в бочках прячут рыцарей лихих,—
Вам этого б доселе не забыть!
Дан тяжкий молот каждому из них:
Когда они проникнут в город Ним
И главный рог призывно затрубит,
Без молотов не высадить им днищ.

XXXVII

В другие бочки связки копий прячут
С двумя, а не одним значком на каждом,
Чтобы в бою с языческою ратью
Друг друга не задели христиане.

XXXVIII

А в третьих бочках сложены щиты.
По две отметки на любом из них,
Чтобы в сраженье с войском сарацин
Французы вред своим не нанесли.

XXXIX

Гильом спешить со сборами велел.
Когда бы вам увидеть, как окрест
Вилланы ладят множество телег,

И катят к ним за бочкой бочку вслед,
И в бочках прячут рыцарей на дне,—
Вы не забыли б этого досель!
Но нам пора и о Бертране спеть.
Диковинный наряд смельчак надел:
Кафтан из грубой шерсти, в саже весь,
И башмаки, разбитые вконец,—
Из сыромяти бычьей низ и верх.
Сказал Бертран: «О боже, царь небес,
До крови ноги можно в них стереть!»
Гильома рассмешила эта речь.
«Племянник,— молвил он,— вздыхать не след.
Гоните-ка упряжку поживей».
Бертран ответил: «Ваш совет нелеп —
Ведь я с волами дела не имел
И с места их не сдвинуть мне вовек».
Тут снова разобрал Гильома смех,
Его ж племянник помрачнел совсем.
Не искушенный в новом ремесле,
В болоте он с телегою засел —
В грязи она увязла до осей.
Со зла он чуть не тронулся в уме.
Когда б вам видеть, как он в лужу лез,
Как воз приподнял, не жалея плеч,
Вы б этому дивились и теперь!
И лоб и нос он в кровь разбил себе.
Захохотал Гильом еще сильней.
«Племянник,— молвил он,— поверьте мне:
Вам в новом ремесле не преуспеть —
Ему учиться нужно с детских лет».
Едва с ума не свел Бертрана гнев,
А тут еще из бочки, как на грех,
Кричат Гильмер, шотландский удалец,
Жильбер де Фалуаз, Готье де Терм:
«Сеньер, поосторожней будьте впредь.
Коль бочка рухнет наземь — всем нам смерть».
«Доедете»,— сказал Бертран в ответ.
Но спеть пора уже нам и о тех,
Кто поведет обоз в чужой земле.
У каждого котомка на спине,
На поясе вместительный кошель;
Под каждым кляча или мул-хромец.
С кем бы они ни встретились теперь,

Их за простолюдинов примут все.
Без этого им тут не уцелеть —
Беда, коль кто-нибудь из здешних мест
Признает в них не просто торгашей!
Обоз Гардон у брода пересек,
Стал станом на лугу невдалеке.
Но спеть и о Гильоме час приспел.
Пора поведать, как он был одет.

XL

Кафтан из грубой шерсти на Гильоме —
Такой, какие в здешнем крае носят.
Штаны надел он цвета голубого,
Заправил в сапоги из бычьей кожи;
Через плечо на перевязи прочной,
Как горожанин, нож повесил в ножнах.
Сидит Гильом на кляче запаленной,
В дрянные стремена просунул ноги;
Не очень новы у него и шпоры —
Лет тридцать им на вид, а то и больше.
Из войлока колпак на нем убогий.
На берегу Гардона, возле брода,
Бойцов оставил двадцать сотен добрых
Гильом, что был Рукой Железной прозван.
Граф всех вилланов отпустил до дому,
Чтоб ни один не выболтал оплошно,
Какой товар везут французы в бочках;
Велел стрекал нарезать двадцать сотен,
Их заострить и в путь сбираться снова.
В Нозьер он прибыл, Лаварди проходит,
А в том селенье есть каменоломни,
Откуда камень нимских башен добыт.
Снует немало нимцев по дороге,
И говорят они между собою:
«Валом валят сегодня к нам торговцы».
«Да, отродясь я их не видел столько».
Вот у того, кто впереди обоза,
Они спросили: «Что с собой везете?»
«Везем парчу, и бархат всевозможный,
И всякий шелк — зеленый, алый, желтый,
Мечи стальные, и щиты, и брони,

И шлемы золоченые, и копья».
Язычники в ответ: «Товар отборный!
На главный рынок поезжайте тотчас».

XLI

Оставили французы позади
Немало гор, пригорков и долин
И наконец до Нима добрались.
Прошли через ворота их возы
Один вослед другому, как в пути.
Мгновенно загудел весь людный Ним:
«Явились из-за рубежа купцы,
С собой товар отборный привезли,
Да только в бочках спрятан он у них».
Король Отран услышал шум и крик,
По лестнице сошел с Арпеном вниз:
Арпен Отрану братом был родным,
Отран с ним и престол и власть делил.
На рынок оба нехристя пошли,
За ними свита — двести сарацин.

XLII

Пусть царь небес, сын пресвятой Марии,
Благословит вас, господа честны́е!
Внемлите песне, что сложил я ныне
Во славу не безумцев горделивых,
Не выдумщиков хитрых и речистых,
Но тех, что край испанский покорили
И веру божью взяли под защиту.
Теперь владеют христиане Нимом.
Его патроном стал святой Эгидий,
Всей области и города хранитель.
А в те поры совсем иначе было:
Языческий закон в том крае чтили.
Там Магомету лживому молились,
У Тервагана помощи просили
И в капища для службы нечестивой
Со всей округи нехристи сходились.

XLIII

Направил лошадь прямиком на площадь
И слез у глыбы мрамора зеленой
Гильом, что был Рукой Железной прозван.
Граф развязал кошель, деньгами полный,
И уплатил за право на торговлю,
И тех спросил, кто собирает подать,
Не причинят ли здесь ему урона.
Язычники ответили: «Не бойтесь.
Здесь даже человек высокородный,
Коль он купцу ущерб иль вред наносит,
На дереве повешен будет тотчас».

XLIV

Пока стоял со сборщиками граф
И о делах торговых толковал,
Отран с Арпеном прибыли туда,
Спросили, где торговца разыскать.
Язычники вокруг им говорят:
«Вон видите того бородача,
На ком колпак и шерстяной кафтан
И чьих приказов слушается всяк».
Король велел позвать к нему купца.
«Откуда вы пожаловали к нам?»
«Из Англии обширной, государь.
На свет родился в Кентербери я».
«Купец, есть у тебя супруга?»—«Да,
И восемнадцать сыновей у нас,
Но двое лишь вошли уже в года.
Один зовется Бэг, другой — Соран.
На них взгляните — вот они стоят».
И граф Гильом Отрану указал
На отпрысков Бернара де Бребан.
Язычники друг другу говорят:
«Красивы у торговца сыновья.
Их приодеть — и будут хоть куда».
Отран спросил: «Тебя, купец, как звать?»
«Тиакром, государь, зовут меня».
Король сказал: «Не слышал никогда,
Чтоб человек достойный звался так.

Что ж вы с собой везете, друг Тиакр?»
«Парчу, тафту, и бархат, и шелка:
Зеленый, синий, алый — все цвета.
И копья и доспехи есть у нас,
Щиты и шлемы, что слепят глаза,
Мечи — их золочена рукоять».
Король Отран воскликнул: «Благо вам!»
Гильом ответил: «Это только часть.
Получше сзади мы везем товар».
«Какой?»— «Сейчас доставят на возах
Чернила, серу, ладан, фимиам,
Квасцы, червец, ртуть, перец и шафран,
Юфть, кóрдовскую кожу, и сафьян,
И столь порой вам нужный горностай».
Довольно улыбается Отран,
И каждый сарацин всем сердцем рад.

XLV

Король Отран опять заговорил:
«Во имя бога, что тобою чтим,
Мне, друг Тиакр, всю правду расскажи.
Я знаю, сколь товары хороши,
Что на возах тобой привезены.
Позволь их у тебя приобрести
И мне, и прочим нимцам молодым,
И ты на этом не продешевишь».
Гильом в ответ: «Извольте погодить.
Отсель мы не торопимся уйти.
Ваш Ним хорош, не прочь я в нем пожить.
Сегодня отдых нам необходим,
А завтра от зари и до зари
Успеет каждый столько накупить,
Что силачу — и то не унести».
Язычники сказали: «Поглядим.
Пока лишь на посулы щедры вы,
А их ведь делом нужно подкрепить».
«И подкреплю,— Гильом ответил им.—
Скупиться и ловчить я не привык.
Всегда всем достоянием своим
Друзьям готов и рад я услужить».
Граф одного из спутников спросил:

«Успели ль все телеги въехать в Ним?»
«Да, слава богу, здесь, сеньер, они».
Ведут бойцы по улицам возы
И груз на площадях снимают с них,
Чтобы себя не связывать в тот миг,
Когда придется взяться за мечи.
Вход во дворец так бочками забит,
Что сарацинам нет туда пути.

XLVI

Отран промолвил: «Друг Тиакр, признайся
Во имя бога, к коему взываешь,
Где взял ты столь отменные товары,
В какой стране с родней обосновался».
Гильом ему в ответ: «Скрывать не стану:
Добром я в милой Франции запасся,
С ним еду к калабрийцам и ломбардцам,
В Апулию и к сицилийцам также.
Германией пройду я до Романьи,
В Тоскане и у венгров побываю,
А вслед за тем в Галисию направлюсь,
Проследую по городам испанским,
Чрез Пуату прибуду в край нормандский.
Живу же я с роднею в землях разных —
Английских, и валлийских, и шотландских.
Намерен я добраться и до Крака,
Который древней ярмаркою славен,
А также заглянуть к венецианцам».
«Виллан,— с почтеньем нехристи сказали,—
Поездив столько, как не стать богатым!»

XLVII

Честны́е господа, храни вас бог!
Послушайте, как узнан был Гильом.
Когда такие речи граф повел,
Шрам на его носу узрел король,
И вспомнил сей же час Отран о том,
Кого зовут Гильом Короткий Нос,
Сын Эмери, чья вотчина — Нарбонн.
Едва с ума язычник не сошел,

Застыла в жилах у него вся кровь,
Беспамятство с трудом он превозмог,
Но все-таки учтиво начал вновь,
И речь его я повторю точь-в-точь:
«Во имя бога, чтимого тобой,
Скажи, кто нос тебе рассек мечом.
Припомнил я, с кем, друг Тиакр, ты схож.
Тот человек — Гильом Короткий Нос,
Сын Эмери, грознейший из бойцов,
Что обезлюдил мой державный род.
Дай бог, чей я блюду святой закон,
И Терваган, податель всех щедрот,
Чтоб очутился в Ниме недруг мой
Со мной, как ты, купец, к лицу лицом.
Клянуся Магометом, я его б
Повесил, изрубил в куски, иль сжег,
Иль выставил пред всеми на позор!»
Гильом расхохотался во всю мочь:
«Послушайте, что я скажу, король.
На ваш вопрос ответить я не прочь —
Мне лицемерить с вами не расчет.
Я с малолетства был изрядный вор,
А вырос — стал ходить и на грабеж.
Не знал я равных в ремесле своем,
Без промаха срезал кошель любой,
Но в руки мной обкраденных купцов
В один прекрасный день попался все ж.
Они мне обкорнали нос ножом,
Однако был я ими пощажен
И нынешним занялся ремеслом.
Оно — хвала творцу!— мне принесло
Все то, что я сегодня к вам привез».
«Ты — честный человек,— язычник рек.—
Напрасно я грозил тебе петлей».
Меж тем один из сарацин ушел.
Барре — вот имя нехристя того.
Был у Отрана сенешалем он,
И знал, что час трапезы недалек,
И в кухне развести спешил огонь.
Увидел он: забит дворцовый вход
Так плотно, что ни выйдешь, ни войдешь;
От гнева чуть не тронулся умом.
Поклялся Магометом суеслов
Виновному за все воздать с лихвой,

К Арпену побежал не чуя ног,
А тот Арпен делил с Отраном трон,
И так Барре повел с ним разговор:
«Поклясться Магометом я готов,
Что нам беду большую принесет
Виллан, пригнавший нынче в Ним обоз.
Вход во дворец им так загроможден,
Что ни войдешь, ни выйдешь ни за что.
Послушайте совета моего:
Виллану мы должны воздать за зло.
Привез немало он добра с собой,
А с нами торговать им не охоч.
Велите перебить волов его —
Пускай идет их мясо в наш котел».
Арпен ответил: «Молот мне спроворь».
Барре в ответ: «Покорствую, сеньер».
Расстался нечестивец с королем,
Железный молот вскорости нашел,
Его к Арпену тотчас же отнес,
А этот душегуб ударом в лоб
Убил Байе с Лонелем, двух волов,
Что первыми влекли передний воз.
Освежевать велел он их потом,
А обе туши в кухню уволочь —
Пускай идут неверным на прокорм.
Но мяса им отведать не пришлось,
И дорого с них взяли за него.
Один француз, стоявший у возов,
Увидел, что творит язычник злой,
Пошел к Гильому, рассказал про все
От сарацин и от славян тайком,
Так, чтобы только граф расслышать мог:
«У нас, сеньер, несчастие стряслось:
Убили двух передовых волов,
Что шли в упряжке вашей под ярмом
И отданы вам были под присмотр
Вилланом честным, везшим в бочке соль.
Теперь Гильмер, шотландец удалой,
Жильбер де Фалуаз, лихой барон,
Сидят с Готье де Термом в бочке той,
А воз Бертран, племянник ваш, ведет,
Но им, увы, защитник вы плохой».
Едва с ума Гильома гнев не свел,
Но граф лишь задал шепотом вопрос:

«Кто это сделал? Да не лги — умрешь!»
«Я и не лгу: какой от лжи мне прок?
Арпен-злодей — вот кто всему виной».
«Какой его толкнул на это черт?»
«Не знаю, разрази меня господь!»
Граф выслушал и в гнев пришел большой,
Но молвил так, чтоб не слыхал никто:
«Свидетель наш патрон, Денис святой,
Что разочтусь я нынче же с врагом».
Вокруг стеснились нехристи толпой,
Смеются и глумятся над купцом,
А тут и сам Отран вступает в спор.
С ним Аграпар Славонский заодно,
Отрана и Арпена брат родной.

XLVIII

Прошу послушать, господа честны́е,
Как графа в спор втянули сарацины.
Отран ему слова такие кинул:
«Виллан, да разразит тебя всевышний!
Зачем одел ты спутников, как нищих,
Хоть все вы горностай носить могли бы,
Что было б и пристойней и красивей?»
Гильом в ответ: «Считаю это лишним.
Сперва я возвращусь в края родные
К жене, меня мечтающей увидеть,
Ее одеждой пышной осчастливлю,
А уж потом о спутниках помыслю».

XLIX

Король Арпен ему враждебно бросил:
«Виллан, будь вечно Магометом проклят!
Зачем ты в сапогах из бычьей кожи,
А твой кафтан так груб и так изодран,
Что видом схож ты вправду с нищебродом?»
Впился он графу в бороду рукою
И выдрал волосков едва ль не сотню.
Гильом чуть не сошел с ума от злости
И так, чтобы никто не слышал, молвил:

«Затем я в сапогах из бычьей кожи
И мой кафтан так груб и так изодран,
Что я, Гильом, Рукой Железной прозван,
А мой отец, граф Эмери Нарбоннский,
Отвагой и умом всех превосходит.
За бороду меня язычник дернул,
Но рассчитаться с ним даю я слово
Иакову, апостолу святому».

L

Сказал Гильом так, чтоб не услыхали:
«Да, у меня штаны покрыты грязью,
И слишком мне велик кафтан дырявый,
И борода моя Арпеном драна,
Но я — Гильом, а мой отец отважный —
Граф Эмери, Нарбонна обладатель,
И я Петром-апостолом ручаюсь,
Что разочтусь до вечера с врагами».

LI

Честные господа, храни вас бог!
Послушайте, как поступил Гильом.
Когда был схвачен за бороду он
И у него убили двух волов,
Почуял граф, что слишком гневом полн
И коль не отомстит — с ума сойдет.
Вскочил на глыбу мрамора барон
И голосом громовым произнес:
«Да разразит вас, нехристи, господь!
Вы долго потешались надо мной,
Меня вилланом звали и купцом,
Но время правду вам открыть пришло:
Я — не Рауль де Макр, купец простой.
Пора уже, клянусь святым Петром,
Вам показать товар, что я привез.
А ты, Арпен, проклятый враг Христов,
Вцепившийся мне в бороду рукой,
Узнай, что гневом я воспламенен
И что не подкреплю себя едой,
Пока ты бездыханным не падешь».

Граф недруга настиг одним прыжком,
Рукою левой за волосы сгреб,
Назад Арпену голову отвел,
Занес над ним кулак могучий свой
И так огрел по кадыку его,
Что преломилась горловая кость,
И мертвым пал языческий король.
Чуть нехристи не тронулись умом
И графу закричали во всю мочь:
«Предатель, тать, от нас ты не уйдешь!
Клянемся Магометом, что не лжем:
Ждет кол тебя, петля или костер,
А прах твой будет ветром разнесен.
Заплатишь за Арпена ты с лихвой».
Язычниками взят Гильом в кольцо.

LII

«Ты — лиходей, купец!— вопят они.—
За что тобой король Арпен убит?
Знай, что возмездья ты не избежишь —
Тебе отсюда не уйти живым».
Занесены над графом кулаки.
Мнят сарацины, что Гильом — один,
Но рог он поднял, трижды протрубил,
И этот зов услышали бойцы,
Которых граф по бочкам рассадил.
За молоты воители взялись,
Ударили по днищам что есть сил
И — наголо мечи — из бочек прыг!
Клич «Монжуа!» со всех сторон звучит.
Погибнет нынче много сарацин.
С телег вассалы соскочили вниз,
По улицам потоком разлились.

LIII

Упорна схватка, долог бранный спор.
Жестокая резня идет кругом.
Сообразил языческий народ,
Сколь дух французов смел, а гнев силен,
И стал немедля снаряжаться в бой.
Неверные в числе весьма большом

Мечи хватают, надевают бронь,
Готовятся пришельцам дать отпор,
Выходят со щитами из домов,
Трубят в трубу, равняют ратный строй.
Меж тем успел один вассал лихой,
Который при Гелене службу нес,
Баронам подогнать их скакунов,
И мигом сели рыцари в седло.
У каждого на шее щит стальной,
В руке могучей острое копье.
Врубаются они в ряды врагов,
Клич «Монжуа!» звучит со всех сторон,
Но одолеть неверных нелегко:
Их много — город густо населен.
Когда бы вам увидеть довелось,
Как отлетают копья от щитов,
Как пробивают панцири насквозь,
Как валятся враги Христовы с ног!..
Спасенья в бегстве не находит тот,
Кто сразу же, на месте, не сражен.
Вокруг всю землю обагрила кровь.
Король Отран пустился наутек.

LIV

Упорна сеча, жестока резня.
Ударам смертоносным нет числа.
Отрана подгоняет смертный страх.
Бежит Гильом за нимцем по пятам,
За воротник хватает короля,
Ему бросает гневные слова:
«Известно ли тебе, кто ты, Отран?
Ты из людей, что господа не чтят,
А честь таким одна — позор и казнь.
Поэтому готовься смерть принять».

LV

Возвысил голос граф и крикнул зычно:
«Отран, да разразит тебя всевышний!
Уверуй в сына пресвятой Марии,
И я клянусь: ты избежишь кончины;

А нет, так с головою распростишься,
И Магомет тебе не даст защиты —
Гроша не стоит он, обманщик лживый!»
«Не знаю, что сказать,— Отран воскликнул.—
Но, Магомет свидетель, я не в силах
Признать, что бог ваш властвует над миром,
И верою своею поступиться».
От гнева граф ума чуть не лишился,
Повлек вниз по ступеням нечестивца.
Крик подняли французы, это видя.

LVI

Кричат французы: «Попроси, Отран,
Тебе неделю на раздумье дать».
Гильом в ответ: «Будь проклят я стократ,
Коль стану уговаривать врага!»
Он выбросил Отрана из окна,
И нехристь умер, не успев упасть.
Сто сарацин убил вот так же граф —
Швырнет их вниз, и кости пополам.

LVII

Французы взяли многолюдный город,
В нем заняли все башни и чертоги,
Вина и хлеба захватили вдоволь.
Держаться мог бы Ним семь лет и дольше —
Отнюдь не страшен нехристям был голод.
Но спохватился тут Гильом и вспомнил
О тех вассалах, что остались в поле,
И в рог велел трубить с дворцовой кровли.
Едва донесся этот зов до войска,
В седло вскочили тотчас же бароны,
И поскакали в Ним без остановки,
И въехали в него с большим восторгом.
Остались и вилланы всем довольны:
Тем, кто ссудил волов, возы и бочки,
Французы уплатили долг охотно,
Их не ввели в убыток и расходы.
Свое вилланы взяли — и с лихвою:

Деньгами наградили их без счета
И восвояси отпустили после.
По всей земле французской слух разнесся,
Что город Ним освобожден Гильомом.
Узнал об этом и король Людовик.
Ликует он и сердцем и душою,
Благодарит творца и матерь божью.

«Нимская телега»

ПЕСНЬ О СИДЕ

ПЕРЕВОД СО СТАРОИСПАНСКОГО
Ю. КОРНЕЕВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗГНАНИЕ СИДА

1

Созвал он родню и вассалов и объявил, что король повелел ему покинуть Кастилию, что на это дано всего девять дней и он хочет знать, кто пойдет с ним, а кто нет.

«Да воздаст господь идущим со мною,
А на тех, кто останется, я не злоблюсь».
Тут родич его Альвар Фаньес молвил:
«За вами пойдем мы куда угодно,
Покуда живы, в беде вас не бросим,
Для вас коней до смерти загоним,
Последним поделимся с вами охотно,
Не изменим вовек своему сеньору».
Дона Альвара все одобрили хором,
Всем отвечает мой Сид поклоном.
Держит на Бургос он путь-дорогу.
Бивар, его замок, пуст остается.
Заплакал мой Сид и громко и горько,
Назад обернулся, на замок смотрит:
Распахнуты двери, настежь ворота;
На нашестах ни шуб, ни одежды добротной,
Ни линялых сóколов нету больше.
Тяжко мой Сид вздыхает от скорби,
Молвит мой Сид разумное слово:
«Царь наш небесный с ангельским сонмом,
Вот что терпеть от врагов я должен!»

2

Всадники шпорят, поводья ослабив.
Ворона в Биваре взлетела справа,
А прибыли в Бургос — слева взлетает.

Мой Сид распрямился, повел плечами:
«Вот, Альвар Фаньес, мы и в изгнанье,
Но с честью в Кастилью вернемся обратно».

3

Вступает в Бургос мой Сид Руй Диас,
С ним шестьдесят человек дружины.
Встречать и мужчины и женщины вышли.
Весь людный город у окон теснится.
Бургосцы плачут в большом унынье.
Каждый твердит, взирая на Сида:
«Честно́й он вассал, да сеньором обижен».

4

Дать ему кров им в охоту, но страшно:
Король дон Альфонс на него серчает.
В Бургос указ накануне прислал он,
Строгий-престрогий, за крепкой печатью.
Сиду он кров давать запрещает,
А буде кто даст, пусть знает заране —
Утратит именье и оба глаза,
Лишится души и жизни на плахе.
В большой печали все христиане,
От Сида прячутся — что ему скажешь?
Выбрал мой Сид пристанище на ночь,
Поравнялся с домом, а вход-то заперт.
Решили соседи, боясь государя:
Не впустят Сида — пусть двери ломает.
На улице подняли шум бивахцы,
А в доме тихо — молчит хозяин.
Лошадь мой Сид к воротам направил,
Выпростал ногу, в створку ударил,
Но та устояла — засов не поддался.
Вышла тут девочка, год ей десятый.
«О Сид, в час добрый надевший шпагу!
Король запретил нам своим указом,
Строгим-престрогим, за крепкой печатью,
Давать вам приют под кровлею нашей,
Не то мы дома́ и добро утратим,
А к ним в придачу и оба глаза.

От нашей беды вам легче не станет.
Да будут вам бог и святые охраной!»
Так девочка молвит и прочь убегает.
Видит мой Сид: король беспощаден.
Поехал он через Бургос обратно,
До церкви святой Марии добрался,
Колени склонил, помолился жарко,
Кончил молитву и снова на конь.
За Арлансоном, город оставив,
У самых ворот стал станом на камнях,
Шатер раскинул и спрыгнул наземь.
Мой Сид — в час добрый надел он шпагу! —
Стал станом на камнях, раз крова лишают.
Вокруг он видит верных вассалов,
Но словно в горах разбит его лагерь:
Путь ему в Бургос на рынок заказан,
Не купит он там ни на грош припасов —
Не смеют с ним торговать горожане.

5

Мартин Антолинес, бургосец смелый,
Прислал тут биварцам вина и хлеба.
Не покупною — своею снедью
Он с преизбытком всех обеспечил.
Рад Кампеадор такому известью,
И все его люди рады душевно.
Мартин Антолинес им так ответил:
«Мой Сид, в час добрый вы шпагу надели!
Проспим здесь ночь и уйдем на рассвете.
За службу вам поплачусь я, конечно, —
Пойду в опалу, под гнев королевский.
Но если мы будем живы и целы,
В свой час дон Альфонс гнев на милость сменит,
А нет — так к чему мне мое именье?»

6

Рек Сид, рожденный на свет в час добрый:
«Мартин Антолинес, копейщик ловкий,
Коль не погибну, вам плату удвою.
Но я серебро и золото роздал.

Видите: мы без поклажи уходим.
А я кормить дружинников должен.
Ловчить не хотел бы, да, видно, придется.
Коль вы согласны, лари мы сколотим,
Для весу песком их оба наполним,
Обтянем кожей, запрем надежно.

7

Запоры злачены, кожа с тисненьем.
К Рахилю с Иудой скачите скорее:
Я, мол, в опале, нет в Бургос мне въезда,
А лари не свезти — тяжелы непомерно.
Пусть ночью в залог их возьмут евреи,
Чтоб не могли христиане проведать.
Видят творец и сонмы блаженных:
Лишь по нужде к обману прибег я».

8

Мартин Антолинес не мешкал нимало,
Помчался в Бургос, приехал в замок,
К Рахилю с Иудой в дверь постучался.

9

Сидели в лавке Иуда с Рахилем,
Считали вдвоем барыши да прибыль.
Мартин Антолинес молвит им тихо:
«Рахиль с Иудой, друзья дорогие,
По тайному делу сюда я прибыл».
В лавке все трое тотчас закрылись.
«Рахиль с Иудой, клянитесь десницей,
Нас ни христианам, ни маврам не выдать,
И станете вы богаты отныне.
Поехал за данью мой Сид Руй Диас,
Взял много добра, богатства большие,
Ни с кем не стал добычей делиться.
За это враги его очернили.
Набил два ларя он золотом чистым,
Но у дона Альфонса попал в немилость.

Вотчину, замок, домá он покинул,
Лари ж не берет — огласки боится,
Их на сохран отдать вам решился
В залог под ссуду с лихвой обычной.
Примите лари, у себя храните,
Но верой и правдой оба клянитесь,
Что год не заглянете в них под крышку».
Сказали торговцы, умом раскинув:
«Искать барыша все равно должны мы,
А нам известно, как Сид разжился:
Взял он у мавров немало добычи.
В пути при деньгах спокойно не спится.
Два эти ларя на сохран мы примем,
Припрячем их так, чтоб огласки не вышло.
Но сколько Сид призанять замыслил,
Какой мы за год получим прибыток?»
Разумно ответил Мартин Антолинес:
«Мой Сид у вас не запросит лишку,
Только б залог надежно хранился.
Люд неимущий валит к нам в дружину.
Шесть сотен марок нам необходимы».
Рахиль с Иудой сказали: «Дадим их».
«Но Сиду некогда — вечер близко.
Марки сейчас отсчитать потрудитесь».
Торговцы молвили: «Так не годится.
Нет ссуды, покамест залог не принят».
Сказал дон Мартин: «Ну, вот и отлично.
Со мною к Сиду поедем быстро.
Мы вам, как пристало, поможем посильно
Лари к себе увезти в жилище
От христиан и от мавров скрытно».
Торговцы в ответ: «Тогда сговорились.
Отдайте лари и деньги берите».
Мартин Антолинес в дорогу пустился.
Рахиль с Иудой вслед поспешили.
Не по мосту — вброд они едут рысью,
Чтоб в Бургосе их никто не увидел.
Сидит в шатре мой Сид досточтимый.
Входят торговцы, к руке склонились.
Кампеадор им молвит с улыбкой:
«Рахиль с Иудой, меня вы забыли!
Хоть я королем на чужбину изгнан,
А все же вам дам на себе нажиться.
Не будете знать нужды до кончины».

Торговцы руки целуют Сиду.
Мартин Антолинес договор пишет:
Лари, что они в залог получили,
Год сохранять им в запертом виде,
В чем верой и правдой они поклялися;
А вскроют — ославит их Сид за лживость,
Полушки — и той в кошель им не кинет.
«Грузите заклад,— дон Мартин воскликнул.—
Рахиль с Иудой, клятву блюдите.
Я с вами еду: мне марки отсыпьте,
Чтоб до петухов мог Сид удалиться».
Грузят торговцы лари с благостыней,
Хотя поднимают их через силу.
Думают оба в веселье великом:
«Богаты мы до скончанья жизни».

10

Сиду к руке Рахиль припадает.
«Мой Сид, в час добрый надели вы шпагу!
Ухóдите вы из Кастильи в изгнанье.
Большой вам добычи, большой удачи!
Кафтан привезти сарацинский, алый,—
Целую вам руки!— прошу мне в подарок».
Рек Кампеадор: «Привезти обещаю,
Иль цену его я к долгу прибавлю».
Держат торговцы путь восвояси.
Мартин Антолинес за ними скачет
Прямо к их дому в бургосском замке.
Кладут они одеяло на пол,
Белую простынь поверх бросают.
Отсыпали триста серебряных марок.
Дон Мартин не вешает — только считает.
Другие триста золотом взял он,
Пять нагрузил щитоносцев деньгами;
Сделав все это, сказал на прощанье:
«Рахиль с Иудой, лари вы забрали,
Так хоть на чулки посреднику дайте».

11

Рахиль с Иудой друг другу шепчут:
«Он нам помог, наградим его щедро.—
Мартин Антолинес, бургосец смелый,

Вот вам в подарок за ваше усердье
На чулки, и шубу, и плащ отменный
Три десятка марок полного веса.
Не в долг их даем — заслужил посредник.
Лишь будьте порукой в прочности сделки».
Взял дон Мартин с благодарностью деньги,
Простился с купцами, отбыл немедля,
Вброд Арлансон пересек и едет
К тому, кем шпага в час добрый надета.
Объятья раскрыв, мой Сид его встретил:
«Вы здесь, дон Мартин, вассал мой примерный?
Бог да поможет мне с вами расчесться».
«Я, Кампеадор, все, что нужно, сделал.
Вам дали шестьсот, мне — тридцать евреи.
Снимайте шатер, и в путь без задержки,
Чтоб быть с петухами в Сан-Педро в Карденье.
Вы свидитесь там с супругой своею,
Побудете с ней, и уйдем за рубеж мы».

12

Свернули шатер, чуть он речь закончил.
Пустился мой Сид с дружиной в дорогу.
На церковь святой Марии он смотрит,
Лоб себе крестит правой рукою.
«Славься здесь, на земле, и на небе, боже!
Приснодева Мария, будь мне опорой!
Из Кастильи изгнан я доном Альфонсом.
Не знаю, вернусь ли живым и здоровым.
Преславная, будь мне в изгнанье оплотом,
Спасеньем в несчастьях и днем и ночью!
Коль ты мне даруешь удачу в походе,
Пожертвую я на алтарь твой премного,
Велю отслужить тебе месс десять сотен».

13

Скачет воитель, душой он тверд.
Отпустил узду, не жалеет шпор.
Сказал дон Мартин: «Я съезжу домой,
Увижусь с женою, наставлю ее,
Как жить ей отныне с детьми одной.
Пусть всего лишусь, лить не стану слез.
До восхода вас нагоню я вновь».

14

Вернулся он в Бургос, а Сид де Бивар
К Сан-Педро в Карденье гонит коня.
На радость ему, с ним вассалы мчат.
Запел петух, заалела заря,
Когда в монастырь мой Сид прискакал.
Аббат дон Санчо, служитель Христа,
К заутрене затемно братью созвал.
С доньей Хименой пять знатных дам
Молят творца и святого Петра:
«Сида сгубить, вседержитель, не дай!»

15

Сид кличет братью, стучится в ворота.
Как рад дон Санчо, аббат достойный!
Огонь и свечи во двор выносят,
Кампеадора встречают с почетом.
Молвит дон Санчо: «Мой Сид, слава богу!
Уж раз вы здесь, останьтесь со мною».
Ответил мой Сид, в час добрый рожденный:
248-а «Я вам, дон аббат, благодарен очень,
Но лишь запасусь для дружины едою.
Идем мы в изгнанье. Вот марок полсотни.
Коль буду жив, эту плату удвою.
Обитель я не введу в расходы.
За донью Химену примите сотню.
Дать кров ей с дамами на год извольте
И двум моим малолетним дочкам:
Я вам их, дон Санчо, вверяю тоже.
Обо всех них, аббат, пекитесь как должно.
Коль будет нехватка в деньгах иль прочем,
Им все предоставьте и верьте слову:
За марку — четыре верну я вскоре».
Аббат согласился с большой охотой.
Тут с дочками донья Химена подходит.
Ведут их дамы к Кампеадору.
Супругу она обнимает ноги,
Целует руки, рыдает горько:
«Мой Сид, надевший шпагу в час добрый,
Изгнали вас из-за подлых доносов».

16

«Пожалейте нас, Сид, бородою славный!
С двумя дочерьми я здесь перед вами.
Они еще дети — годов им мало.
Рядом со мной мои верные дамы.
Я вижу: уходите вы в изгнанье.
Разлука с вами меня ожидает.
Наставьте же нас, приснодевы ради!»
Бородою славный горько заплакал,
Обеих дочек принял в объятья,
К сердцу прижал — любил он их страстно.
Вздыхая, молвит он со слезами:
«Донья Химена, жена дорогая,
Как душу свою, вас люблю я, знайте,
Но нынче разлука нас ожидает:
Мне уходить, вам здесь оставаться.
Дай мне господь и дева святая
Дочерей обвенчать своими руками.
Коль жив я буду и ждет нас удача,
Еще послужу вам, супруга честна́я!»

17

Всласть потчуют Сида в монастыре.
Звон колокольный летит окрест.
По всей Кастилье разносится весть:
«В изгнанье уходит Сид за рубеж».
Бросают рыцари дом и надел:
К Арлансонскому мосту всего за день
Их сто пятнадцать явилось уже.
«Где Кампеадор?»— вопрошают все.
Мартин Антолинес ведет их скорей
К тому, кто в час добрый рожден на свет.

18

Когда мой Сид де Бивар узнал,
Что идет все на лад и растет его рать,
Навстречу прибывшим погнал он коня,
Улыбкой приветил их издалека.
К его рукам все спешат припасть.

Сердечно он молвит такие слова:
«Царя небес я молю, чтоб для вас,
Кто дом покинул ради меня,
До смерти я сделал хоть каплю добра,
За ваши потери вдвойне вам воздал».
Рад он, что рать у него возросла,
Каждый вассал его этому рад.
Шесть дней он провел в монастырских стенах,
Еще осталось ему три дня:
Король приказал не спускать с него глаз
И, коль не минует он в срок рубежа,
Любой ценою его задержать.
Вот день померк и спустилась мгла.
Всех своих рыцарей Сид созвал.
«Вассалы, скажу не в обиду вам:
Вас не обделю я, хоть беден сейчас.
Вы ж, как пристало, ведите себя:
С зарей, чуть заслышите крик петуха,
Коней принимайтесь немедля седлать.
Вот грянут к заутрене колокола,
В честь троицы мессу отслужит аббат,
Ее отстоим — и в дорогу пора:
Срок близок, а ехать далеко нам».
Исполнила точно дружина приказ —
Чуть начал редеть на востоке мрак,
До петухов седлать принялась.
В Сан-Педро к заутрене громко звонят,
В храм донья Химена с мужем пришла.
К алтарным ступеням припала она,
Всем сердцем молит благого творца,
Чтоб Сида в опасностях он охранял:
«Славен повсюду будь, отче наш,
Создавший и сушу, и твердь, и моря!
Зажжены тобой солнце, звезды, луна.
Приснодева Мария тебя родила
В Вифлееме, когда пожелал ты сам.
Тебе пастухами хвала воздана.
Принесли тебе из арабских стран
Мельхиор, Валтасар и Гаспар, три волхва,
Ладан, и смирну, и золото в дар.
Ионе ты не дал погибнуть в волнах,
Извлек Даниила из львиного рва.
Спасен тобой в Риме святой Себастьян.
С Сусанны навет пред судом ты снял.

Тридцать два года ты пробыл меж нас.
Памятны всем твои чудеса:
Как камень стал хлебом, вином — вода;
Как Лазарь воспрял от смертного сна.
На горе Кальварийской принял ты казнь,
На Голгофе евреями был распят,
Меж двух разбойников там умирал:
Одного ждал ад, а другого — рай.
Ты чудеса творил и с креста:
Лонгин душой в слепоте пребывал,
Тебя прободал острием копья,
С древка на руки кровь полилась;
Поднял он их, коснулся чела,
Осмотрелся вокруг, обрел глаза,
В тебя уверовал, спас себя.
Восстал ты из гроба, спустился в ад,—
Воля твоя была такова!—
Праведных вывел, ворота взломав.
Владыка владык и отец ты наш,
С мольбою к тебе обращаюсь я,
Пусть и апостол молит тебя —
Кампеадору погибнуть не дай,
Чтоб свидеться нам довелось опять».
Помолилась — и мессе конец настал.
Опустела церковь — всем в путь пора.
Мой Сид супругу к сердцу прижал,
Стала она ему руки лобзать,
Не знает, что делать, от слез чуть жива.
А Сид мой с дочек не сводит глаз.
«Да хранит вас бог, бережет ваша мать.
Кто знает, свидимся ль мы еще раз».
Стонет Химена: его отпускать
Ей горше, чем сдернуть ноготь с перста.
Сиду с дружиной пора выступать,
А он на родных устремляет взгляд.
Альвар Фаньес Минайя его унял:
«Мой Сид — в добрый час вас мать родила!—
Сберитесь с силами, мешкать нельзя.
В свой срок весельем станет тоска —
Наставит нас тот, кто нам душу дал».
Все дону Санчо снова твердят,
Чтоб донью Химену он опекал,
И дочек ее, и верных ей дам.
Получит за это он щедрый дар.

Минайя молвит: «Отец аббат,
Коль кто-нибудь явится к нам сюда,
Скажите, чтоб шел по нашим следам
390 Искать нас в селах иль в диких горах».
Пускают коней дружинники вскачь —
Пора им покинуть родимый край.
В Эспинас-де-Кан стал Сид на привал.
395 Рать его за ночь еще возросла.
394 Пустился в дорогу он снова с утра,
396 Путь держит в изгнанье, в чужие края.
Слева остался град Сант-Эстеван.
399 Отряд в Альковьехе достиг рубежа,
400 Миновал дорогу Кинейскую вскачь
И Дуэро у Навас-де-Палос вплавь,
А в Фигеруэле заночевал.
Отовсюду народ подходит туда.

19

Отужинал Сид, прилег отдохнуть,
405 И чуть первым сном он сладко уснул,
Гавриил-архангел предстал ему:
«О Кампеадор, отправляйтесь в путь.
Доли славней не дано никому —
Пока вы живы, удачи вас ждут».
410 Сид перекрестился — проснулся он вдруг.

20

Сид перекрестился, бога восславил:
Доволен он сном, что видел недавно.
Утром, чуть свет, отправился дальше —
До срока ему только день остался.
415 В Сьерре-де-Мьедос разбил он лагерь.
398 Слева — Атьенса и башни мавров.

21

Солнце еще светило с небес,
А Сид дружину созвал уже.
Не считая пехоты, а также вождей,
Триста копий в ней и значки на всех.

22

«Покормите коней, да хранит вас бог!
Кто голоден — ешь, а кто нет — в седло!
Мы к утру уйдем из пустынных гор,
Покинем землю, где правит Альфонс.
Кто будет искать нас, найдет легко».
С рассветом мой Сид за хребет ушел.
По склону дружина берет в галоп.
Мой Сид де Бивар меж крутых высот
Велел отдохнуть и коням дать корм:
В седле нам, молвил, сидеть всю ночь.
Всяк добрый вассал рад речи такой:
Сеньора слушаться — долг его.
Поднял дружину мой Сид с темнотой —
Пусть по пути их не видит никто.
С седла не слезал он всю ночь напролет.
Стоит на Энаресе град Кастехон.
С дружиной в засаду мой Сид там залег.

23

Мой Сид в засаде до света пробыл.
Тут Альвар Фаньес совет ему подал:
«Мой Сид, что шпагу надели в час добрый,
С собой прихватите всадников сотню:
Когда овладеете вы Кастехоном,
Оттуда, сеньор, нас с тылу прикройте.
А две другие пошлите со мною.
Даст бог, изрядно мы разживемся».
Сказал мой Сид: «Вот разумное слово.
Возьмите, Минайя, две сотни копий.
Два Альвара — Áльварес и Сальвадорес
443-а И Галинд Гарсиас, копейщик ловкий,
Отправятся с вами, Минайя, все трое.
Нападайте дерзко, грабьте проворно,
За Итой и Гвадалахарой всю область
446-а Вплоть до Алкалы разорите с ходу.
Не брезгуйте там ни добром, ни казною,
Ничего не бросайте — мавров не бойтесь,
А с тылу вас моя сотня прикроет.
Я здесь удержусь, не сдам Кастехона.
Коль дело для вас обернется плохо,

Меня известите — приду на помощь.
Услышит о нас вся Испания вскоре».
Отобрали тех, кто пойдет походом,
И тех, кто с Сидом в тылу остается.
Тут мрак поредел, засияло солнце.
Какой, о господи, день погожий!
Встают в Кастехоне люди с зарею,
Открыли ворота, за стены выходят,
В сады и поля спешат на работу.
С ворот распахнутых сняты запоры.
Осталось на улицах мало народу.
Люд кастехонский разбрелся поодаль.
Мой Сид из засады дружину выводит,
С ней к Кастехону скачет галопом,
Всех мавританок и мавров ловит,
Ловит их скот, что вокруг пасется.
Мой Сид дон Родриго подъехал к воротам.
Стража завидела Кампеадора
И в страхе бежала, их не захлопнув.
Мой Сид Руй Диас вступает в город.
Шпагу высоко вздымает рукою,
Пятнадцати маврам голову сносит,
Берет серебра и золота много.
Сто его конных добычу привозят,
Все отдают своему сеньору.
А двести три в набег отряженных
С Минайей округу грабят жестоко,
Вплоть до Алкалы его знамя проносят,
Скачут обратно с поживой несчетной,
Гвадалахару обходят сторонкой,
Вверх по Энаресу с криками гонят
Коров и баранов стадо большое,
Везут одежду и утварь с собою.
Знамя Минайи вьется высоко.
Не смеет никто им ударить вдогонку.
Спешит дружина с добычей огромной
В град Кастехон, где Сида находит.
Из замка, который им занят прочно,
Навстречу Минайе коня он шпорит,
В объятья его принимает тотчас:
«Ко мне, Альвар Фаньес, копейщик ловкий!
Везде и во всем вы моя опора.
Пусть вашу добычу с нашею сложат.
Вы пятую часть из нее возьмете».

24

«Я вам премного, мой Сид, благодарен,
Но пятую часть, ту, что вы мне дали,
Альфонс Кастильский пусть получает.
Ее не возьму я: в расчете мы с вами.
Да слышит мою вседержитель клятву:
Пока я могу конем своим править
И в чистом поле с маврами драться,
Пока я владею копьем и шпагой
И вниз по локтям моим кровь стекает,
При вас обещаю, Руй Диас славный,
Не брать ни полушки из пятой части.
Мне можете что-нибудь дать в подарок,
А что останется — будет ваше».

25

Сложили тут всю добычу вместе.
Мой Сид, в час добрый шпагу надевший,
Смекнул, что король созовет ополченье,
Пойдет на изгнанников он непременно.
Добычу делить отдал Сид повеленье.
Ведут на пергаменте счет казначеи,
Каждому платят честно и щедро
В серебряных марках полного веса:
Всадникам — сотню, полсотни — пешим.
Сид пятую часть получил по разделу.
Ее не продашь, не раздаришь немедля,
А пленники войску в походе помеха.
Сид в Кастехоне, и в Ите соседней,
И в Гвадалахаре дал знать повсеместно:
Кто купит добычу — не будет в ущербе.
В три тысячи марок поставили пленных.
Доволен мой Сид был такой оценкой.
На третий же день он выручил деньги.
Но тут увидел мой Сид с сожаленьем —
Нельзя оставаться им в замке этом:
Хоть он и крепок, воды в нем нету.
«Король нас осадит с дружиной своею —
Он грамоту дал мирным маврам здешним.
Расстаться нам с Кастехоном время».

26

«Не в обиду, вассалы, скажу я вам:
В Кастехоне нам оставаться нельзя —
Королевская рать здесь настигнет нас.
Но не след и замок пустым оставлять.
Поселим сто мавров с женами там —
Пускай добром поминают меня.
Я с каждым из вас расчелся сполна.
Мы снова в поход выступаем с утра.
Король — мой сеньор: с ним грех враждовать».
Одобряют вассалы его слова,
Увозят из замка немало добра,
Мавританки и мавры их благодарят.
Вверх по Энаресу движется рать,
Чрез Алькарри́ю летит по холмам,
Пещеры Анкиты минует вскачь.
У Тарансского поля течет река.
Дружина вброд ее перешла,
За А́рисой ставит у Се́тины стан.
Сид много добра по дороге взял.
Что́ он замыслил — не вызнает враг.
Утром он выступил в путь опять,
Из Аламы в теснину сошел на рысях,
Повел чрез Бовьерку за Теку отряд,
Выше Алько́сера лагерем стал
На крутом холме, что высок, как гора.
Жажда здесь не грозит — Халон в двух шагах.
Взять хочет Алькосер мой Сид де Бивар.

27

Занял он холм, укрепился быстро,
К воде и в горы заставы выслал.
Мой Сид — в час добрый на свет он родился!—
Вокруг холма и у брода вырыть
Глубокий ров приказал дружине,
Чтобы врасплох ее не застигли,
Чтоб знали все, кто здесь стан раскинул.

28

По всей округе известно стало,
Что Кампеадор на холме окопался,
Христиан покинул, осел среди мавров.

За город выйти боится каждый.
Ликует мой Сид и его вассалы:
Спешат к нему алькосерцы с данью.

29

Алькосерцы дань приносят поспешно,
И жители Теки, и мавры Террера.
Лишь калатаюдцам не по сердцу это.
Пятнадцать недель там мой Сид промешкал —
Алькосер ему не сдается, как прежде.
Мой Сид схитрил: снял лагерь немедля,
Лишь ставку не трогать дал повеленье,
Стяг поднял и вниз по Халону поехал.
Люди его — при шпагах, в доспехах:
Хитростью замок взять Сид намерен.
Радует мавров его отступленье:
«Мало у Сида припасов и хлеба.
Лагерь он снял — лишь ставка на месте.
Как зверь от облавы, пустился он в бегство.
Ударим вдогонку, обоз отрежем,
Иначе его перехватят террерцы,
Из добычи нам ничего не отделят.
За дань в сраженье получим вдвойне мы».
Мой Сид обернулся, погоню заметил,
Как зверь от облавы, бежит все быстрее,
Мчит вдоль Халона вниз по теченью.
Вопят алькосерцы: «Мы одолели!»
И стар и млад выходят за стены.
Одна у них мысль — как пограбить успешней.
Настежь ворота, охраны там нету.
Сид глянул назад и смекнул мгновенно:
Отъехали мавры от замка далече.
Стяг повернул он, пошел в нападенье.
«Рыцари, в бой! Без пощады бейте!
Пошлет нам добычу отец наш небесный».
Сшиблись враги средь равнины окрестной.
Боже, какое кипит сраженье!
С Минайей мой Сид нападает первым.
Правят конями они умело,
Путь отрезают к замку неверным.
Сидовы люди рубят их метко:
Триста убили за краткое время.

Скачут и те, что в засаде сидели,
С криком несутся к воротам тесным,
Со шпагами в них становятся цепью.
Тут все остальные туда подоспели.
Взял Сид Алькосер таким манером.

30

Педро Бермудес внес знамя в город,
Поднял на башне самой высокой.
Молвит мой Сид, рожденный в час добрый:
«Слава создателю с ангельским сонмом!
Коням и людям здесь будет удобней».

31

«Внемлите, Минайя, внемлите, вассалы.
Немало добра в этом замке мы взяли.
Остались в живых лишь немногие мавры.
Не можем мы здесь никому продать их.
А коль обезглавим — не станем богаче.
Поселим их в замке, раз нам он достался.
Пускай они будут челядью нашей».

32

В Алькосере Сид остался с добычей.
Шатер свой с холма привезти велит он.
Террер на него и Тека сердиты,
И Калатаюд в немалой обиде.
Мавры снеслись с королем Валенсийским:
Мол, некий Руй Диас, прозванный Сидом,
Дона Альфонса прогневав, был изгнан.
Он под Алькосер пришел с дружиной
И захватил его, хитрость измыслив.
«Терреру и Теке на помощь придите,
Иль Калатаюда с ними лишитесь.
Страну, что Халоном с Халокой омыта,
И все королевство у вас отнимут».
Король Тамин, вняв гонцам, взъярился:
«Служат мне три короля сарацинских.

Двух я пошлю против Сида нынче ж.
Три тысячи мавров отправлю с ними.
Помогут им те, что живут по границе.
Пусть Сида пленят и везут в столицу:
Кто в край мой вторгся, тот платит жизнью».
Три тысячи мавров движутся рысью,
В Сегорбе ночь провели до денницы,
С зарею опять в дорогу пустились,
Вечером лагерь в Сельфе разбили.
Гонцов они к маврам шлют пограничным,
Чтоб те на подмогу к ним поспешили.
Войско, с рассветом Сельфу покинув,
Шло целый день — ни одной передышки,
В Калатаюде остановилось.
Разослан приказ по округе обширной,
Чтоб отовсюду люди сходились
К тем двум королям — к Гальве с Фарисом
Осадою брать в Алькосере Сида.

33

Шатры вкруг Алькосера всюду белеют.
К маврам валом валят подкрепленья.
На подступах к городу их разъезды
И ночью и днем объезжают местность.
Зорка их стража, силы безмерны.
Уж Сиду доступ к воде отрезан.
Дать его люди готовы сраженье,
Да настрого он запретил им это.
Держат в осаде их три недели.

34

Третья неделя к концу идет.
Созвал мой Сид на совет бойцов:
«Нет хлеба, воды — доступ к ней прегражден.
Ночью нам уйти не дадут ни за что,
А биться опасно — противник силен.
Скажите, как дать нам ему отпор».

Тут молвил Минайя, вассал удалой:
«Кто из Кастильи сюда пришел,
Тот силой у мавров пусть хлеб берет.
Нас в замке шестьсот, каждый в бой готов.
Врагов убояться не дай нам бог!
Ударим на них мы завтра с зарей».
Рек Сид: «Минайя, совет ваш хорош.
Немало дела вас утром ждет».
Всех мавров из замка повыгнали вон,
Чтоб замыслов Сида не вызнал никто.
Снаряжался он весь день и всю ночь.
Вот настал рассвет, заалел восток.
Мой Сид с дружиной в доспехах давно.
Такую речь он к вассалам ведет:
«Как выйдем из замка, все дружно за мной.
Лишь двум часовым стоять у ворот.
С честью умрем, коль не сломим врагов;
Будем богаты, коль верх возьмем.
Пусть Педро Бермудес мой стяг несет,
Хранит его, как вассал честнóй,
Но без приказа с ним в бой нейдет».
Целует Бермудес руку его.
На вылазку Сид дружину повел.
Вражьи дозоры идут наутек.
Мавры вопят, снаряжаются в бой.
Землю потряс барабанов гром.
Сколько у мавров в лагере войск!
Стяги двух королей видны далеко,
А прочих знамен никто не сочтет.
Вот двинулись мавры, полк за полком,
Чтоб Сида с вассалами взять в полон.
«Смирно стоять! Не рушить рядов!
Вплоть до приказа — ни шагу вперед!»
Сдержать Бермудес свой нрав не мог,
Стяг поднял, пускает коня в галоп.
«Мой Сид де Бивар, да хранит вас господь!
Со стягом я врежусь во вражий строй.
Пусть наши потрудятся мне помочь».
«Стойте!»— мой Сид закричал вдогон.
«Поздно!»— ответил Бермудес лихой,
Сквозь вражьи ряды пошел напролом.
Мавры берут знаменосца в кольцо,
Тщатся доспех прорубить на нем.
«На помощь!»— взывает Кампеадор.

35

Прикрылись вассалы щитами стальными,
Длинные копья вниз опустили,
К седельной луке головой склонились,
Без дрожи и страха вступают в битву.
Рожденный в час добрый громко воскликнул:
«Бог да хранит вас! Смелее рубите!
Рыцари, с вами ваш Сид Руй Диас».
Мавров вкруг Педро смяли кастильцы.
Копий у них со значками триста.
Много врагов сразила дружина,
Назад повернула — столько ж убила.

36

Видели б вы, как там копьями колют,
Как щиты на куски разбивают с ходу,
Как с маху рубят прочные брони,
Как значки на копьях алеют от крови,
Как мчатся без всадников резвые кони!
Кличу «Аллах!» клич «Сант-Яго!» вторит.
Бой тем жесточе, чем длится дольше.
Уж пало мавров тринадцать сотен.

37

Лихо бился, в седле золоченом сидя,
Мой Сид Руй Диас, славный воитель,
Альвар Фаньес Минайя, сеньор Сориты,
Бургосец смелый Мартин Антолинес,
Воспитанник Сида Муньо Густиос,
Мартин Муньос, Монтемайора властитель,
Два Альвара, два бойца знаменитых —
Сальвадорес и Áльварес неустрашимый,
Храбрец арагонский Галинд Гарсиас
И Фелес Муньос, племянник Сида.
Под Сидовым стягом шли они в битву.

38

Убили коня под Минайей арабы,
Спешат на помощь ему христиане.
Копье он сломал, обнажает шпагу,
Хоть пешим остался, разит отважно.

Видит мой Сид, что пеш Альвар Фаньес
И альгвасил на коне с ним рядом.
Правой рукой он шпагу вздымает,
Врага пополам рассекает с маху,
Его скакуна подгоняет к Минайе:
«Минайя, рука моя правая, на конь!»
Сегодня, Минайя, вам дела хватит:
Еще не устали мавры сражаться».
Со шпагой в руке Альвар Фаньес скачет,
Лихо разит лиходеев-мавров —
Кого ни настигнет, всех убивает.
Мой Сид — в час добрый надел он шпагу! —
Короля Фариса ударил три раза:
Два раза — мимо, третий — удачно.
Окрасился в кровь королевский панцирь.
Коня повернул король восвояси —
Сломлен неверный могучим ударом.

39

Антолинес Гальве удар нанес,
Карбункулы выбил из шлема его,
До темени сталь прорубил насквозь.
Король продолжать не осмелился бой.
Фарису и Гальве разгром учинен.
Послал христианам победу господь.
В ужасе мавры бегут со всех ног,
А Сидовы люди скачут вдогон.
Укрылся в Террере Фарис-король,
А Гальве там не открыли ворот.
В Калатаюд удирает он,
За ним по пятам мчит Кампеадор,
Гонит его до стены городской.

40

Коня ретивого шпорит Минайя.
Тридцать четыре убито им мавра.
Острую шпагу в руке он вздымает,
Кровь с его локтя стекает наземь,
Молвит он: «Нынче день был удачен.
Скоро теперь вся Кастилья узнает,
Что в битве мой Сид взял верх над врагами».

Мавров в живых почти не осталось.
Вдогон христиане спешат без опаски.
Но вот они возвратились обратно.
На добром коне Сид навстречу скачет —
Борода густая, заломлена шапка,
Стальное наплечье, в деснице шпага.
К вассалам своим он громко взывает:
«Царю небесному, господу слава!
В нелегкой битве мы верх одержали».
Вражеский лагерь грабят испанцы.
Захватили щитов, оружья немало,
Изловили и взяли на поле ратном
Пятьсот и десять коней арабских.
В большом веселии все христиане,
Хоть в битве своих потеряли пятнадцать.
Золота и серебра им досталось
Столько, что все они ныне богаты.
Доволен каждый такой удачей.
Изгнанных мавров вернули в замок.
Велел мой Сид, чтоб денег им дали.
У Сида с дружиной идет ликованье.
Добычу свою он делит на части,
В пятину себе сто коней оставил.
Боже, как щедр он к своим вассалам!
Ни пеших, ни конных не обделяет.
В час добрый рожденному все благодарны:
Каждый сполна получает плату.
«Рука моя правая, Альвар Фаньес,
Из этих богатств, что послал нам создатель,
Все лучшее вы отберите сами.
В Кастилью вас я хочу отправить
С вестью о битве, где верх мы взяли.
Я королю, хоть на мне и опала,
Тридцать коней посылаю в подарок.
Отменная сбруя, седло на каждом,
К луке приторочена шпага стальная».
Минайя в ответ: «Все исполню, как надо».

41

«Вот вам сапог, деньгами набитый.
Тысячу месс на них закажите
В Бургосе, в церкви девы Марии.

Остаток вручите жене моей милой,
Чтоб с дочерьми за меня молилась.
Ждет их богатство, коль буду жив я».

42

Рад Альвар Фаньес такому приказу.
826-а Людей для охраны ему отобрали.
Коней накормили, и стало смеркаться.
Мой Сид Руй Диас совет созывает.

43

«В Кастилью, Минайя, путь ваш лежит.
Друзей наших там прошу известить,
Что по воле творца победили мы.
Найдете нас тут на обратном пути,
А нет — расспросúте, куда мы ушли
От вражьих мечей и копий стальных.
Здесь нам отовсюду опасность грозит,
Спокойно здесь не дадут нам жить».

44

С зарей, как решили, Минайя отбыл.
В Алькосере Сид остается с войском.
Но здесь пребывать им опасно очень:
Следят отовсюду за ними в оба
Пограничные мавры и днем и ночью.
С Фарисом, чуть он оправился снова,
Террер и Тека вступили в сговор
И Калатаюд, главный тамошний город,—
Мол, купим Алькосер у Кампеадора.
Его за три тысячи марок он продал.

45

Продал мой Сид Алькосер арабам,
Не скуп он был дружине на плату:
И конным и пешим роздал немало.
В войске его бедняков не осталось.
Где щедр сеньор, там вассалы богаты.

46

Замок Алькосер покинул мой Сид.
Рыдают мавры и жены их:
«Пусть наша молитва вослед вам летит.
Премного вами довольны мы».
Алькосер оставил мой Сид позади.
Мавры и жены их плачут навзрыд.
Спускается Сид по Халону вниз,
Свой стяг развернул, перешел на рысь,
Знак добрый увидел в полете птиц,
Рад Калатаюд, и Террер счастли́в,
Один Алькосер о Сиде скорбит.
Скачет мой Сид, не медлит в пути.
Над Монте-Реалем он лагерь разбил
На крутом холме, что высок и велик.
Враг не страшен там ни с какой стороны.
Данью Дароку он обложил,
Молину, что дальше на запад лежит,
И с ней Теруэль, что насупротив;
Прибрал и Сельфу к рукам своим.

47

Милостив к Сиду будь, вседержитель!
Вот Альвар Фаньес в Кастилью прибыл.
Коней королю доставил он тридцать.
Дон Альфонс встречает его с улыбкой:
«Чей это дар, да хранит вас всевышний?»
«Изгнан мой Сид, что в час добрый родился,
Но взял он Алькосер, придумав хитрость.
Сведал о том король Валенсийский,
Сида осадою взять замыслил.
Мой Сид на вылазку войско вывел,
Двух королей разбил сарацинских,
В бою завладел несметной добычей.
Шлет он вам дар, наш сеньор и владыка,
Руки и ноги целует умильно,
Просит, чтоб гнев вы сменили на милость».
Сказал дон Альфонс: «Тороплив он слишком.
Не может вассал, короля прогневивший,
За три недели прощенья добиться.
Но дар я приму, раз у мавров добыт он.

Я даже рад, что Сид так разжился.
Вам же, Минайя, прощаю все вины,
Сполна возвращаю все земли ныне,
Даю беспрепятственный въезд и выезд,
Лишь речь со мной не ведите о Сиде.

48

И вот что вам сверх того скажу я:
Коль в землях моих смельчаки найдутся,
Что примкнуть пожелают к Сидовым людям,
Я им препятствовать в этом не буду».
Руки ему Минайя целует:
«Спасибо, сеньор, за милость такую,
Залог и предвестье щедрот грядущих.
Даст бог, за нее мы честно отслужим».
Король ответил: «Мешкать не нужно.
Проезд по Кастилье открыт вам всюду.
Не бойтесь, Минайя, к Сиду вернуться».

49

Мой Сид, в час добрый надевший шпагу,
Стал на холме над Монте-Реалем.
Пока живут христиане и мавры,
«Сидовым» будет тот холм называться.
Мой Сид с него всю окрестность грабит,
По реке Мартину ходит за данью.
В самой Сарагосе о нем узнали.
Обуяли мавров гнев и досада.
Недель он пробыл там ровно пятнадцать,
Когда же устал дожидаться Минайи,
В последнюю ночь не дал спать вассалам,
Снялся с холма и свернул свой лагерь,
За Теруэль направился дальше,
В сосновом бору у Тевара стал станом,
Всю местность окрест разорил без пощады,
От Сарагосы потребовал дани.
Три полных недели опять миновали,
Из Кастильи Минайя прибыл обратно,
Ведет две сотни конных при шпагах,
А пеших и счету даже не знает.

Мой Сид навстречу Минайе скачет,
Сердечно его принимает в объятья,
Уста и очи ему лобзает.
Тот Сиду поведал все без утайки.
Кампеадор улыбнулся от счастья:
«Минайя, творцу и угодникам слава!
Покуда вы живы, удача с нами».

50

Как рада, о боже, рать Кампеадора,
Что Альвар Фаньес вернулся снова!
От родичей всем привез он поклоны
И от тех бойцов, что остались дома.

51

Как радостен Сид, бородою славный!
За тысячу месс заплатил посланец,
От жены и дочек привет доставил.
Боже, как Сид доволен и счастлив!
«Многая лета вам, Альвар Фаньес!
Вовек я не видел посла исправней».

52

Рожденный в час добрый нимало не мешкал,
Выбрал две сотни всадников смелых,
Две ночи подряд был с ними в набеге,
Ходил на Альканьис, разграбил местность.
Одел он в траур весь край окрестный,
Назад возвратился на сутки третьи.

53

О Сиде повсюду известно стало.
В Уэске дрожат и Монсоне мавры,
А вот сарагосцы дань ему платят,
Его нападенья отнюдь не страшатся.

54

Вернулась в лагерь рать Кампеадора.
Ликует дружина — добыча огромна.
Доволен мой Сид, а Минайя — вдвое.
С улыбкой молвил рожденный в час добрый:
«Скажу вам, вассалы, правдивое слово:
Кто дома сидит, тот много не скопит.
Вскочим в седло мы завтра с зарею,
Покинем лагерь, пойдем походом».
К Алукатской лощине повел он войско,
Прошел Монт-Альбан и Уэску с боем,
Пробыл в пути десять суток ровно.
Молва по окрестностям весть разносит —
Кастильский изгнанник всех грабит жестоко.

55

Повсюду о Сиде стало известно.
Граф Барселонский тоже проведал,
Что Кампеадор разорил всю местность.
Счел граф для себя обидою это.

56

Граф молвил, а был он бахвал пустой:
«Обиды мой Сид чинит мне давно.
Оскорбил он меня,— свидетель весь двор!—
Племянника ранил, а пеню не внес.
Грабит он край, охраняемый мной,
Хоть жили с ним в мире мы до сих пор.
Пусть держит ответ за вторженье свое».
Собрал дон Раймунд поспешно бойцов —
Христиан и мавров большое число,
По следам биварца войско повел,
Три дня и две ночи скакал вдогон,
В бору под Теваром настиг его,
Расхрабрился, решил взять Сида живьем.
Мой Сид дон Родриго с добычей большой
По горному склону спускается в дол,
О доне Раймунде там узнает.

К графу гонцов посылает он:
«Пусть граф не считает нас за врагов,
Его я не трону, коль даст нам проход».
Ответил граф: «Не дам ни за что.
Пусть этот бродяга заплатит за все,
Меня обижать заречется вперед».
К Сиду гонец поспешил, как мог.
Увидел тот, кто в час добрый рожден,
Что не уйдет он без боя отголь.

57

«Гей, мои рыцари, прячьте добычу,
Доспехи наденьте, оружье возьмите.
Граф дон Раймунд на нас ополчился.
Христиане и мавры в его дружине.
Без боя они не дадут пройти нам;
Нагонят нас, коль не вступим в битву.
Оружье готовьте, коней осмотрите.
В туфлях за нами враги припустились,
Легки у них седла, подпруги жидки;
А мы — в сапогах, на седле галисийском.
Одна наша сотня управится с ними.
Возьмем на копье их при спуске в долину,
Каждым ударом троих опрокинем.
Раймунд Беренгарий хочет поживы,
Но сам под Теваром всего лишится».

58

Умолк мой Сид, все надели брони,
В седло вскочили, подняли копья,
Видят: французы мчатся по склону.
На самом скате, у края дола,
Дал к бою знак рожденный в час добрый.
Приказ исполняет дружина с охотой,
Копьем и мечом орудует ловко,
Недругов колет, сшибает с седел.
Победа досталась Кампеадору.
Пленил он Раймунда, Коладу добыл —
Тысячу марок меч этот стоил.

59

Взял верх мой Сид, бородою славный.
Пленил и в шатер свой привел он графа,
Оставил там под надежной охраной,
Вышел оттуда в поле обратно.
Вассалы к нему отовсюду скачут.
Добыча огромна, Сиду на радость.
Отменный ужин ему состряпан,
Но дону Раймунду не по сердцу яства.
Едва поставили их перед графом,
Оттолкнул он пищу, браниться начал:
«Хоть дай мне за это весь край испанский,
Не буду есть, лучше трупом стану,
Раз верх надо мной оборванцы взяли».

60

Узнайте, что графу мой Сид ответил:
«Откушайте хлеба, вина испейте.
Смиритесь, и я отпущу вас из плена,
Иль нет вам пути в христианскую землю».

61

«Нет, дон Родриго, ешь сам и ликуй,
А я уж от голода лучше помру».
Два дня не желал он смотреть на еду.
Пока делили, что взято в бою,
Корки сухой не скормили ему.

62

Мой Сид промолвил: «Поешьте хоть малость,
1033-а Не то не видать вам земли христианской.
А коль поедите вы, нам на радость,
Я вам и с вами двум вашим идальго
1035-а Свободу верну и домой вас отправлю».
Обрадовал он этой речью графа.
«Коль сдержите, Сид, свое обещанье,
До смерти я вас восхвалять не устану».
«Так ешьте же, граф, голод свой утоляйте,
И я отпущу вас с двумя бойцами.
А вот из того, что в битве мы взяли,
Я ни полушки отдать вам не вправе:

Тех, кто изгнан со мной, содержать мне надо.
Что взято в бою, то идет им на плату.
Покуда господь не решит иначе,
Так жить и придется нам, людям опальным».
Граф дон Раймунд был рад несказанно,
Велел, чтоб воды для рук ему дали.
С двумя идальго, что Сид отпускает,
Взялся за еду, да еще как жадно!
Рожденный в час добрый сидит с ним рядом:
«Коль есть вы не будете, мне на радость,
Вовеки нам не придется расстаться».
Граф молвил: «Охотно вам подчиняюсь».
Насытился он и его вассалы.
Мой Сид на них смотрит довольным взглядом—
Проворно орудует граф руками!
«Теперь мне, мой Сид, и ехать не страшно.
Коней нам дайте, и мы поскачем.
С тех пор как стал графом, не ел я слаще.
Запомню навек угощенье ваше».
Им дали коней под седлом богатым,
Дорогую одежду — шубы с плащами.
Мчит граф, с ним вассалы — слева и справа.
Мой Сид проводил их до входа в лагерь:
«Вот вы, дон Раймунд, и свободны, как раньше.
Спасибо за то, что вы здесь потеряли.
А коль захотите со мной расквитаться,
Опять к нам сюда с дружиной нагряньте,
Возьмите мое, иль возьму я ваше».
«Мой Сид, я вас больше трогать не стану.
От вас откупился я нынче на год
И с вами впредь не желаю тягаться».

63

Коня дон Раймунд пускает в галоп,
Но бросает назад украдкою взор —
Вдруг Сид погоню за ним пошлет.
Но Сид не поступит так ни за что:
Никогда не грешил вероломством он.
В свой лагерь вернулся Кампеадор.
Довольны и он, и вассалы его.
Большую удачу послал им господь:
Добыче они потеряли счет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СВАДЬБА ДОЧЕРЕЙ СИДА

64

1085 О деяниях Сида рассказ начинаем.
1087 В Алукатской лощине разбил он лагерь,
Сарагосу оставил, окрестности также,
Ушел из Уэски и Монт-Альбана,
1090 До самого моря довел вассалов,
Свернул к востоку, чуть солнце встало,
Взял Онду с Герикой и Альменаром,
Занял всю область вокруг Буррианы.

65

Победу послал ему царь небес:
1095 Город Мурвьедро он взял затем;
Уповая на бога, пошел в набег;
Валенсию в страх и трепет поверг.

66

Валенсийцев взяло на Сида зло.
Решили они осадить его,
1100 Гнали коней всю ночь, а с зарей
Окружили Мурвьедро со всех сторон.
Воскликнул мой Сид, сосчитав их число:
1102-а «Хвала тебе, боже, во веки веков!
Маврам чиним мы немалый урон:
Хлеба их топчем, пьем их вино.
1105 На нас они вправе идти войной.
Нам не поладить с ними добром,
Но им без подмоги не дашь отпор.

Мы из Герики с Ондой своих созовем,
В Алукат с Альменаром пошлем гонцов,
Из Бурриапы к нам помощь придет.
В открытом поле дадим мы бой.
Молю, чтоб послал нам победу господь».
На третьи сутки все войско сошлось.
Промолвил тот, кто в час добрый рожден:
«Вассалы мои, да хранит вас бог!
Христианский край нам покинуть пришлось,
Хоть отнюдь не мы виноваты в том.
С тех пор дела шли у нас хорошо,
Но вот валенсийцы нас взяли в кольцо.
Чтоб из этой земли нас не выгнали вон,
Мы дать им должны примерный урок».

67

«Минула ночь, наступило утро.
Седлайте коней, готовьте оружье.
Пойдем-ка глянем на мавров вчуже —
Ведь мы-то здесь иноземцы покуда,
А после будет всем по заслугам».

68

Промолвил тут Альвар Фаньес Минайя:
«Исполним мы, Сид, приказанье ваше.
Мне дайте сто рыцарей — больше не надо.
Вы с прочими в лоб на врага нападайте,
Рубите жестоко, бейте бесстрашно,
А я сам сотый с тыла ударю.
Даст бог, останется поле за нами».
По сердцу Сиду пришлась речь такая.
Стали кастильцы готовиться к схватке —
Что́ делать надо, знал из них каждый.
Чуть солнце взошло, на врага напали.
«Да хранят вас бог и апостол Иаков!
Мавров смелее крушите, вассалы.
Помните: с вами ваш Сид из Бивара».
Растяжки палаток рвутся на части,
Колышки их из земли вылетают,
Но мавров много — не сломишь их сразу.

Тут с тылу ударил на них Альвар Фаньес.
1145 Пришлось поневоле им бегством спасаться.
1151 Многих из них потоптали конями,
1147 Два короля их зарублены насмерть.
До самой Валенсии нехристей гнали.
Богатство огромное Сиду досталось:
1152 Разграбил он мавританский лагерь,
1153 С добычей вернулся в Мурвьедро обратно.
1146 Пошло там веселье, царит там радость.
1150 Себолью с округой биварец занял.
1155 От страха дрожат в Валенсии мавры.
1154 Повсюду о Сиде известно стало.

69

1156 До моря известно стало о Сиде.
С вассалами он в веселье великом:
Победу ему ниспослал всевышний.
Ночами с ним ходит в набеги дружина,
1160 В Гухеру с Ха́тивой с боем вступила,
В Денью ворвалась, к югу спустившись.
До моря разграбил он край сарацинский,
Пенья-Кадьелья ему покорилась.

70

Покорилась Сиду Пенья-Кадьелья.
1165 Хатива стонет, скорбит Гухера,
Валенсия тоже в горе безмерном.

71

Так, грабя врагов, разоряя всю область,
Днем отсыпаясь, в набегах — ночью,
Беря города, он прожил три года.

72

1170 Валенсийцам урок преподал мой Сид:
Не выйти им из ворот городских.
Сады он их вырубил, вред им чинит,
Мешает в город хлеб подвозить.

Валенсийцы в горе: что делать им?
Не подвозят хлеб ни с какой стороны.
Ни сына отец, ни родителя сын,
Ни друга друг не научат, как быть.
Плохо дело, сеньоры, коль нет еды,
Коль мрут от голода жены с детьми.
Валенсийцы не знают, как им спастись.
Королю Марокко шлют весть они,
Но им пособить у него нет сил —
Войну за Атласом он должен вести.
Рад Кампеадор этой вести был,
Ушел из Мурвьедро под кровом тьмы,
Монте-Реаля с зарею достиг.
В Арагон и Наварру он сообщил,
Велел, чтоб в Кастилье кликнули клич:
Тот, кто быть хочет богат, а не нищ,
Пусть к Кампеадору примкнуть поспешит —
Валенсией он овладеть решил.

73

«Кто хочет идти на Валенсию с нами
По доброй воле,— других мне не надо,—
Тех в Сельфском ущелье три дня ожидаю».

74

Промолвил это Кампеадор,
Вернулся в Мурвьедро, что им покорен.
Везде его клич разнесен молвой.
Прослышав, как щедр и удачлив он,
Валят к нему христиане валом.
Повсюду молва шумит про него.
Кто примкнул к нему, тот уже не уйдет.
Мой Сид де Бивар все богаче казной.
Рад он, что рать у него растет,
Не медлит, в поле выводит ее.
Валенсию взял биварец в кольцо,
Подступы занял со всех сторон,
Маврам отрезал и выход и вход.
Давали ему валенсийцы отпор
Девять месяцев ровно — немалый срок.

Настал десятый — их войско сдалось.
Большое веселье царило кругом,
Когда в Валенсию Сид вошел.
Стал конным тот, кто был пеш до сих пор.
Разжились все золотом и серебром.
Сделался там богачом любой.
Взял пятую часть мой Сид от всего —
Тридцать тысяч марок ему пришлось,
А прочей добыче кто знает счет?
Ликует мой Сид, что в час добрый рожден:
Взвилось над алька́саром знамя его.

75

Пока отдыхала дружина биварца,
Королю Севильи известно стало,
Что пала Валенсия — в ней христиане.
Повел он в поход тридцать тысяч арабов,
В валенсийской Уэрте дал бой испанцам.
Разбил его Сид, бородою славный.
Преследовал он до Хативы мавров,
Настиг на Ху́каре, где переправа,—
Пошло там ко дну неверных немало.
Король их бежал, получив три раны.
Вернулся мой Сид с добычей громадной.
В Валенсии много взял он богатства,
Но в этой битве — больше в три раза:
Пришлось на пешего по сто марок.
Смотрите, какая у Сида удача!

76

Удачу принес христианскому войску
Мой Сид Руй Диас, рожденный в час добрый.
Борода у него все длинней и больше.
Недаром сказал он такое слово:
«Хоть изгнал нас король, я, чтя венценосца,
В цирюльню навек забуду дорогу.
Пусть наши и мавры об этом помнят».
Мой Сид в Валенсии встал на отдых.
Минайя и здесь со своим сеньором.

Богаты изгнанники, всем довольны,
Все щедро взысканы Кампеадором,
Даны дома и земли любому.
Платит мой Сид, не скупясь нисколько,
Даже тем, кто пришел в Валенсию позже.
Но видит мой Сид: всем уйти охота
И добычу свою увезти с собою.
По совету Минайи приказ он отдал:
Коль, руки́ не целуя, домой без спросу
Уйдет кто-нибудь и окажется пойман,
Пусть отберут все добро у такого,
На кол посадят нещадно и тотчас.
Мой Сид все дела устроил как должно,
Призвал Минайю, так ему молвил:
«Коль вы согласны, узнать мне угодно,
Скольким богатство дано было мною.
Пусть всех людей перепишут по счету,
И если кто убежать захочет,
Пусть отберут у него нажитое
И тем отдадут, кто не бросил город».
«Вот мудрый приказ!» — Минайя одобрил.

77

Мой Сид созвал дружину на сбор,
Велел сосчитать пришедших бойцов.
Тридцать шесть сотен их было всего.
Улыбнулся мой Сид — и рад он и горд.
«Славен господь наш во веки веков!
Не столько нас из Бивара ушло.
Мы богаты, а станем богаче еще.
Я вас, Минайя, коль вы не прочь,
Пошлю в Кастилью: там у нас дом,
Там наш сеньор, король дон Альфонс.
Из того, что добыть нам здесь удалось,
В дар ему сто коней возьмите с собой.
За меня поцелуйте руки его,
Просите, чтобы дозволил мне он
Супругу с детьми увезти оттоль.
Скажите, что я пришлю за семьей,
Что доний Химену, Эльвиру и Соль
С почетом великим и честью большой
Доставят в край, что мной покорен».

Ответил Минайя: «Исполню всё», —
И стал собираться без лишних слов.
С собой сто воинов взял посол,
1284-а Чтоб не знать в пути ни забот, ни тревог,
1258 Тысячу марок в Сан-Педро повез,
На долю аббата из них пятьсот.

78

Покуда мой Сид веселился с дружиной,
Пришел к ним с востока достойный клирик,
Епископ Жером, господний служитель,
Разумный и сведущий в мудрости книжной,
Отважный и в пешей и в конной стычке.
Наслышался он про подвиги Сида
И с маврами жаждал померяться силой:
Позволь ему только схватиться с ними —
Вовек бы слез христиане не лили.
Был рад ему очень мой Сид Руй Диас.
«Мне, бога ради, Минайя, внемлите.
В благодарность творцу за великую милость
Епархию здесь, на земле валенсийской,
Для дона Жерома решил учредить я,
А вы эту весть доставьте в Кастилью».

79

Речь Сида пришлась Минайе по нраву.
Епископский стол Жеромом был занят.
Получил он землю, зажил в достатке.
О боже, как все христиане рады,
Что епископ в Валенсию к ним назначен!
Довольный, простился и отбыл Минайя.

80

В земле валенсийской покой и мир.
Альвар Фаньес Минайя в Кастилью спешит.
Умолчим о привалах — рассказ не о них.
Спросил он, где короля найти;

Узнал, что тот Саагун посетил
И наверно должен в Каррьоне быть.
Внял Альвар Фаньес вестям таким,
Повез в Каррьон подарки свои.

81

Как только мессу король отслушал,
Минайя — он выбрал удобный случай!—
Пред ним на глазах у толпы многолюдной
Колени склонил со смиреньем мудрым,
Пал ниц и рек, ему руки целуя:

82

«Сеньор наш, смилуйтесь, ради Христа!
Мой Сид-воитель, ваш верный слуга,
Руки и ноги целует вам,
Чтоб вы простили его и всех нас.
Изгнан он вами в чужие края,
Но и там не теряет времени зря:
Герику с Ондой приступом взял;
В Мурвьедро вошел, вступил в Альменар,
Кастехон и Себолья — в его руках,
Пенья-Кадьелья им занята.
Сеньором мой Сид над Валенсией стал,
Епископ им назначен туда.
Пять раз побеждал он, по воле творца,
Добычу огромную взял у врага,
И вот подтвержденье, что я не солгал,—
Сто добрых коней, друг другу под стать;
На каждом сбруя, седло, стремена.
Мой Сид вас молит принять их в дар,
Признает вас сеньором, вассалом — себя».
Чело осенил крестом государь:
«Великой добыче, что Сидом взята,—
Святым Исидóром клянусь! — я рад.
Желанна мне весть о его делах.
Охотно коней принимаю я».
Гарсия Ордоньес один в сердцах:
«Мавры людьми оскудели, знать,
Коль творит биварец, что хочет, там».

Воскликнул король: «Помолчите, граф.
Мечом мне служит мой Сид лучше вас».
Тут молвил Минайя, как добрый вассал:
«Молит мой Сид, чтоб дозволили нам
Супругу его и двух дочек забрать.
В Сан-Педро они жили эти года.
В Валенсии ждет их мой Сид де Бивар».
Ответил король: «Дозволение дам,
И стража проводит их до рубежа,
Чтоб уберечь от бесчестья и зла.
А там, где начнется чужая земля,
Пусть Кампеадор охраняет их сам.
Дружина и двор, вот вам мой наказ:
Не хочу я отныне Сиду вреда.
Всем, кто сеньором его признал,
Что́ я у них отнял, верну сполна.
Пока при Сиде они состоят,
Не трону их, не лишу добра —
Пусть служат ему, ничего не боясь».
Припал Минайя к рукам короля,
А тот с улыбкой промолвил так:
«Кто хочет к Сиду пойти под начал,
Тех с богом к нему отпущу хоть сейчас —
Это нам выгодней смут и свар».
Тут брату шепнул каррьонский инфант:
«Стал Кампеадор безмерно богат.
Не худо б вступить с его дочками в брак,
Да стыдно нам вслух об этом сказать —
Каррьонским инфантам мой Сид не ровня́».
Пошептались они и опять молчат.
Отпустил наконец дон Альфонс посла:
«С богом, Минайя! Вам ехать пора.
В дорогу проводит вас пристав наш.
Он охранять вам поможет дам.
До Медины он будет их опекать,
А уж дальше — вы и мой Сид де Бивар».
Простился Минайя и в путь поскакал.

83

Инфанты Каррьона, умом раскинув,
Нагнали Минайю, в путь проводили.
«Вы ловки на всё, так за труд не сочтите
Кампеадору от нас поклониться.

К его услугам всегда мы отныне.
Кто с нами дружит, не будет в убытке».
Ответил Минайя: «Труд невеликий!»
Он отбыл, а братья домой возвратились.
В Сан-Педро, туда, где Химена укрылась,
К радости общей, посланец прибыл,
Зашел помолиться во храм монастырский,
Супруге Сида предстал, помолившись.
«Пусть, донья Химена, хранит вседержитель
Вас с дочерьми от вреда и обиды!
Велел вам кланяться муж ваш милый.
Здоров он и взял большую добычу.
Со мной отпустить вас король согласился
В Валенсию — город, что мы покорили.
Знал бы мой Сид, что вы здравы и живы,
Не ведал бы он тоски и кручины».
Химена в ответ: «Помоги нам Спаситель!»
Альвар Фаньес Минайя трех рыцарей выбрал —
Пусть к Сиду в Валенсию едут быстро.
«Скажите ему,— да не знает он лиха!—
Жену с дочерьми к нему отпустили,
Король им охрану дал до границы,
И я, коль господь нам окажет милость,
Спустя две недели приеду с ними,
С собой привезу всех женщин их свиты».
Гонцы немедля в дорогу пустились.
Минайя назад в монастырь возвратился.
Рыцари скачут туда вереницей,
В Валенсию просятся, к Сиду в дружину,
Молят Минайю с собой прихватить их.
«Мой Сид,— отвечает он,— каждого примет».
Шестьсот пять рыцарей там скопилось,
Да сто при Минайе до этого было,—
Женщин теперь в пути не обидят.
Тысячу марок Минайя вынул,
Аббату дал из них половину,
Другую истратил на дочек Сида,
Химену и женщин, что им служили:
Велел накупить этот добрый рыцарь
Лучшие платья, что в Бургосе сыщут,
Отменных мулов, коней мастистых.
Когда же пристойно дам снарядили
И в путь был готов Минайя пуститься,
К ногам его пали Иуда с Рахилем:

«Сжальтесь, Минайя, доблестный витязь!
Сид разорил нас, всего мы лишились.
Лихвы нам не надо — лишь ссуду верните».
«Скажу о вас Сиду, коль с ним увижусь.
Не бойтесь: дадут ваши деньги прибыль».
Молвят торговцы: «Пусть бог вас услышит,
А нет — мы к Сиду пойдем с челобитной».
Собрался Минайя Сан-Педро покинуть,
Немалый отряд за ворота вывел.
Аббат дон Санчо с ним, плача, простился:
«Да хранит вас, Минайя, в пути всевышний!
Сиду к рукам за меня припадите;
Скажите, пусть помнит нашу обитель,—
Чем больше он нас щедротами взыщет,
Тем больше славы стяжает в жизни».
Ответил Минайя: «Сказать не премину»,—
Простился и двинулся в путь неблизкий.
Взял стражу с собой королевский пристав,
Дам охранял до границы кастильской.
Пять суток их вез из Сан-Педро в Медину
Альвар Фаньес Минайя с бойцами своими.
А трое гонцов, что к Сиду спешили,
Ворот валенсийских меж тем достигли.
Сердечно мой Сид был рад их прибытью,
Вассалам молвил с довольным видом:
«За добрые вести не платят дурными.
Вы, Педро Бермудес и Муньо Густиос,
И бургосец смелый Мартин Антолинес,
И вы, дон Жером, достойный епископ,
С собой сто латников наших возьмите,
Скачите на запад за Санта-Марию
В Молину, где данник и друг мой давнишний
Мавр Абенгальбон, этих мест правитель,
С сотнею конных отряд ваш усилит.
Оттуда вы прямо в Медину двиньтесь —
Туда, как сегодня мне сообщили,
С семьею моею Минайя прибыл,
И вы их с почетом сюда привезите.
А я не покину земли валенсийской:
Недешево мною она добыта,
И глупо ее оставлять беззащитной».
Сказал, и вассалы в седло вскочили,
Через Санта-Марию проехали рысью,
Во Врончалесе ночь провели до денницы,

Примчались в Молину на сутки вторые.
Мавр Абенгальбон о приезде их вызнал,
Встретил посланцев с душою открытой:
«Вассалов друга я счастлив видеть.
Не в тягость, а в радость мне гости такие».
Муньо Густиос ответил учтиво:
«Мой Сид вас просит, кланяясь низко,
К нам с сотней конных примкнуть самолично.
Жена его с дочками нынче в Медине.
В Валенсию с честью их проводите,
В пути неотлучно при них находитесь».
«Все сделаю»,— Абенгальбон воскликнул.
За ночь собрал он две сотни молинцев,
Хотя у него лишь сотню просили.
С зарей поскакали алькальд и кастильцы,
Одолели хребет, высокий и дикий,
Сквозь кустарник в Тарансе путь проложили.
Их столько, что с ними не вступишь в битву!
В дол Арбухуэльский они спустились.
Видят в Медине: подходят чужие.
Встревожен Минайя: вдруг это противник.
Двух рыцарей он на разведку выслал.
Один остался с отрядом прибывшим,
Другой к Минайе вернулся мигом:
«Сидовы люди за нами явились.
Вон Педро Бермудес, добрый воитель,
С ним Муньо Густиос, что любит вас пылко,
Мартин Антолинес, бургосец истый,
Епископ Жером, отважнейший клирик,
И Абенгальбон, и его сарацины.
Чтоб чести Сида урона не вышло,
Сюда они едут с охраной сильной».
Сказал Альвар Фаньес: «Их встретить должны мы».
Не медлил он ни минуты лишней.
Сто конных скачут с Минайей лихо:
На шее щиты, все одеты пышно,
Тафтяными попонами кони покрыты,
Копье со значком у любого в деснице.
Пусть видят все: вот Минайя мчится,
Везет из Кастильи Сидовых ближних.
Дозоры друг с другом съехались живо,
Потешный бой сей же час учинили.
Царит веселье в Халонской долине.
Подъезжают послы, пред Минайей склонились.

Мавр Абенгальбон, правитель молинский,
Бежит к Минайе с широкой улыбкой,
В плечо целует — таков их обычай.
«Поздравляю, Минайя, с приездом счастливым!
Вы прибыли к нам,— и за то вам спасибо,—
По воле Сида с его родными,
А Сида мы чтим и не чтить не могли бы,
Даже если б зло на него таили:
Верх за ним и в бою, и во время мира.
Глуп человек, об этом забывший».

84

Альвар Фаньес Минайя улыбнулся широко.
«Вы, Абенгальбон, друг Кампеадору.
Коль бог нас свидеться с ним сподобит,
Сид вам за услугу воздаст с лихвою.
А теперь идем: угощенье готово».
Ответил мавр: «Учтивостью тронут.
Трех дней не пройдет — отплачу вам двойною».
Услужил Минайя гостям как должно,
Угодил им в Медине радушным приемом,
А платил за все пристав дона Альфонса.
В Валенсии будет мой Сид доволен:
Почтили мединцы его хлебосольно,
Король — не Минайя покрыл расходы.
Минула ночь, пробудились гости,
Отслушали мессу, пустились в дорогу,
Летят из Медины к Халонскому броду,
В дол Арбухуэльский входят галопом,
Минуют быстро Тарансское поле,
Мчатся в Молину, лен Абенгальбона.
Епископ Жером, служитель господний,
Дам охраняет и денно и нощно.
Доспехи взвалив на коня заводного,
Все время с Минайей он едет бок о бок.
Вот и Молина, замок надежный.
Мавр Абенгальбон принимает посольство,
Гостям все дает, чего ни попросят,
Даже коням их меняет подковы,
Угождает дамам, как только может,
С зарею в путь провожает снова,
До самой Валенсии их довозит —

Там, денег не взяв, повернул он к дому
Так едут они с великим почетом.
Три мили до города им остается.
К тому, кто шпагу надел в час добрый,
Минайя гонцов посылает тотчас.

85

Не был мой Сид так весел вовеки:
Получил он весть о своем семействе.
Двести рыцарей он отряжает немедля
С приказом встретить Минайю и женщин,
А сам охраняет город, как прежде:
И один все сделать Минайя сумеет.

86

Скачут к Минайе две сотни конных,
Встречают семейство Кампеадора,
А сам он везде расставил дозоры —
В алькасаре крепком, на башнях высоких,
На подступе каждом к дверям и воротам.
Вот конь Бабьека воителю подан —
Король Севильи владел им дотоле.
Мой Сид, надевший шпагу в час добрый,
Не знает еще, что за конь им добыт,
Но хочет потешить жену и дочек
Забавою ратной у въезда в город.
Приняли дам с небывалым почетом.
Обогнал их Жером, епископ достойный,
Спрыгнул с седла у первой часовни,
Собрал кого можно из лиц духовных.
В стихарях белоснежных пошли они тотчас
Встречать Минайю и дам благородных.
Не мешкал мой Сид, в час добрый рожденный.
Бороду он распустил по камзолу,
Свистнул Бабьеку,— а тот уж оседлан,—
Вскочил в седло, взял копье боевое.
Проехал он на коне немного,
Пустил его рысью, потом галопом —
Увидел народ: скакун бесподобный.
Испании всей известен с тех пор он.

Спешился Сид после этого снова,
К жене и дочкам скорей подходит.
Донья Химена пред ним простерлась:
«Мой Сид, надевший шпагу в час добрый,
Спасли вы нас от беды и позора.
Я здесь с дочерьми, что живы-здоровы
И рады служить вам, сеньор, и богу».
Жену и дочек он крепко обнял.
У всех на глазах от радости слезы.
Дружина вся весела и довольна,
Мечет в мишень для потехи копья.
Рек тот, кто шпагу надел в час добрый:
«Донья Химена, мне данная в жены,
И дочки мои, что мне жизни дороже,
В Валенсию-крепость вступите со мною,
В удел ваш законный, что мной завоеван».
Припали все три к рукам его тотчас,
Въехали в город с честью большою.

87

Мой Сид в алькасар привез семью,
На башню повел дочерей и жену.
Глаза их видят округу всю:
Богатый город лежит внизу,
С другой стороны море льнет к нему,
Тучна и обширна равнина вокруг.
Каждый им вид отраден и люб.
Руки они воздевают к творцу,
За милость ему возносят хвалу.
Довольны мой Сид и весь его люд.
Вот зима миновала, март на носу.
О заморской стране я теперь скажу,
О Марокко, где правит король Юсуф.

88

Король Марокканский на Сида разгневан:
«Он клином врезался в наши земли
И только Христу воздает поклоненье».
Король Марокканский сзывает поспешно
Полсотни тысяч воинов смелых,

Сажает в ладьи свое ополченье,
Плывет на Валенсию, Сидову крепость,
Достигнув суши, выходит на берег.

89

Приплыл он к Валенсии, взятой Сидом,
Велел неверным лагерь раскинуть.
Сида немедля о том известили.

90

«Славься, творец и спаситель наш!
Что ни есть вокруг, все я добыл сам,
Валенсию взял, и она моя.
Покуда живу, ее не отдам.
Приснодеве Марии и богу хвала,
Что жена и дочки при мне сейчас.
Из-за моря арабы приплыли сюда.
Примем же бой, коль иначе нельзя.
Пусть в деле увидит меня семья,
Пусть знает, как жизнь на чужбине сладка,
Как хлеб приходится здесь добывать».
Жену он кликнул, дочек позвал,
Со стен показал им вражеский стан.
«Сид, ради Христа, что это там?»
«Воспряньте духом, честна́я жена.
То добыча нам в руки идет сама,
К приезду вашему знатный дар —
Приданое вашим двум дочерям».
«Спасибо вам, Сид, и творцу в небесах!»
«Смотрите, жена: от стен ни на шаг.
Не страшитесь, видя в битве меня.
Приснодева и бог не оставят нас.
Вы здесь — и сердцем я тверже стал.
Коль бог поможет, сломим врага».

91

Лагерь раскинут, заря золотится.
Частую дробь барабаны сыплют.
Весел мой Сид: «День будет отличный!»

1660 Сердце стучит у супруги Сида,
У всех ее дам и у дочек милых:
Сроду сильней они не страшились.
Погладил бороду Сид Руй Диас.
«Не бойтесь зря: это — ваша прибыль.
1665 Две полных недели, бог даст, не минут,
Как мы барабаны у мавров отнимем,
1666-а Вам на погляд привезем это диво,
А затем их возьмет дон Жером, епископ,
Поставит во храме Девы пречистой».
Вот что обещал мой Сид дон Родриго.
1670 Вновь женщины веселы — страх позабылся.
Вскачь марокканцы коней пустили,
В сады подгородные въехали лихо.

92

Дозорный их видит, в колокол грянул,
Вассалы Сида мешкать не стали,
1675 На вылазку вышли из города разом,
Встретили мавров, вступили в схватку,
Выбили их из садов со срамом,
Уложили в тот день пять сотен арабов.

93

Нехристей гнали до самых шатров.
1680 С победой дружина скачет домой,
Лишь Сальвадорес взят в плен врагом.
Вернулись к Сиду питомцы его,
Хоть видел он бой, рассказали про все.
Доволен мой Сид их ратным трудом.
1685 «Но, рыцари, рано нам на покой.
Нынче день был неплох, завтра будет — хорош.
Наденьте доспехи, чуть утро блеснет.
1689 Грехи нам отпустит епископ Жером.
1688 Как кончит он службу, мы двинемся в бой.—
1690 Другого выхода нам не дано.
1690-а С нами бог и Иаков, апостол святой.
Чем хлеб терять, лучше верх возьмем».
Ответили все: «Охотно, сеньор».
Речь Альвар Фаньес тотчас повел:

«Дайте мне, Сид, коль согласны на то,
Сто тридцать всадников, смелых бойцов.
Вы в лоб нападайте, ударю я в бок.
Не вам, так мне поможет господь».
Ответил мой Сид: «Дам с охотой большой».

94

День миновал, пала ночь на землю.
Люд христианский готовит доспехи.
Чуть петухи пред рассветом пропели,
Епископ Жером отслужил обедню,
Закончив обедню, всем дал отпущенье:
«Кто в битве погибнет лицом к неверным,
Тот чист от греха и пойдет на небо,
У вас же, кем шпага в час добрый надета,
За то, что я нынче пропел вам мессу,
Подарок в награду прошу смиренно —
Право на мавров ударить первым».
Промолвил мой Сид: «Дозволяю вам это».

95

За стены мой Сид вассалов выводит,
На Кастильской дороге искусно строит,
Стражу надежную ставит к воротам.
На Бабьеке мой Сид восседает гордо,
Сверкает конь его сбруей наборной.
Христиане из города знамя выносят.
Без трех десятков их сорок сотен,
В пять десятков тысяч у мавров войско.
Вот добрый Минайя и Альварес в бок им
Лихо ударили, с помощью божьей.
Бьет шпагой мой Сид, и копьем он колет,
Сражает стольких, что трупам нет счета,
В крови обагряет руки по локоть,
Королю Юсуфу три раны наносит,
Но спас неверного конь быстроногий,
В замок Гухеру умчал проворно.
До самого замка Юсуфу вдогонку
Мой Сид с дружиной скакал галопом.
Вернулся назад в час добрый рожденный.

Удаче своей он рад всей душою,
Бабьеку за резвость хвалит премного.
Добычу несметную в битве он добыл.
Полсотни тысяч у мавров урона,
Всего сто четыре бегством спаслося.
В их стане захвачено Кампеадором
Три тысячи марок в монете звонкой,
А прочей поживы — бог знает сколько.
Доволен мой Сид, и вассалы довольны,
Что в битве взять верх господь их сподобил.
Король Марокканский с позором прогнан.
Минайя добычу считать остается.
Сид в город въезжает с сотнею конных.
Скинул он шлем с улыбкой веселой,
Сидит на Бабьеке, Коладу поднял.
Встречают его супруга и дочки.
Осадил он коня, натянув поводья.
«Я вашу славу сегодня умножил.
Пока я сражался, блюли вы город.
Нам господом богом и ангельским сонмом
К приезду вашему дар ниспослан.
В мыле мой конь, меч красен от крови.
Вот как победа в бою достается.
Коль бог год-другой даст прожить еще мне,
Целовать вам руки все будут с охотой».
Так молвил мой Сид и спешиться хочет.
Увидев, что наземь он ставит ногу,
Служанки и дочки с супругой честнóю
Колени пред ним преклонили тотчас:
«Живите долго, а мы — в вашей воле».
Пошли они с Сидом в замок надежный,
Уселись там на скамьях удобных.
«Донья Химена, просили вы, помню,
Чтоб этих женщин, что служат вам долго,
Своим вассалам я отдал в жены.
Две сотни марок даю за любою —
Пусть знает Кастилья, кто их сеньора,
А дочек ваших просватаем позже».
Руки ему все целуют с восторгом,
В замке царит веселье большое.
Как Сид приказал, так и сделали точно.
Минайя с дружиной остался в поле
Считать и записывать взятое с бою:
Скарб и палатки, одежду и брони.

Добытая в битве пожива огромна.
Лишь то я назвал, что дорого стоит.
Там кони без всадников скачут на воле
Под седлом и в сбруе — лови, коль угодно.
Окрестные мавры разжились вдосталь,
И все же пришлось на Сидову долю
Ровно десять сот скакунов чистокровных.
Но если уж он получает столько,
То, видно, немало досталось и прочим.
Нет счета палаткам из ткани роскошной,
Что Сидовы люди с поля увозят.
Всех лучше — шатер короля Марокко
И в нем два столба резных, золоченых.
Мой Сид наказал христианам строго
Ставку Юсуфа отнюдь не трогать:
«Я этот шатер у нехристей отнял,
Чтобы в дар послать королю Альфонсу,—
Пусть видит, что есть у Сида доходы».
С добычей в Валенсию войско входит.
Все славят за храбрость дона Жерома.
Рубил он и правой и левой рукою.
Не счесть арабов, им в битве сраженных.
Разжился изрядно прелат достойный:
Мой Сид дон Родриго, в час добрый рожденный,
Пол своей пятины епископу отдал.

96

Ликует в Валенсии люд христианский:
Добра и коней у него в достатке.
Рада донья Химена с двумя дочерями
И служанки ее, что выходят замуж.
Мой Сид дон Родриго не мешкал нимало:
«Где вы, Минайя? Приблизьтесь, отважный!
Долю себе вы добыли сами.
Из моей пятины — то ваше право —
Что угодно возьмите, что нет — оставьте,
А завтра утром в Кастилью отправьтесь
С конями, что мне на долю достались,
Их оседлав и убрав побогаче.
За то, что жену и детей богоданных
Король ко мне отпустил без препятствий,

Я двести коней шлю ему в подарок —
Пусть добр будет с тем, кто Валенсией правит».
Бермудеса Сид отрядил с Минайей.
С рассветом пустились в дорогу посланцы,
Двести коней с собою погнали.
Мол, руки мой Сид королю лобзает,
Мол, он из добычи, в сражении взятой,
Двести коней шлет в дар государю,
Клянется по гроб быть ему вассалом.

97

Валенсия-город уже позади.
С дарами богатыми скачут послы,
Ни днем, ни ночью не медлят в пути,
Рубеж кастильский — сьерру прошли.
Дона Альфонса ищут они.

98

Горы и воды они миновали.
Вот Вальядолид, где король оказался.
Гонцов к нему шлют Бермудес с Минайей —
Пусть он их с дружиной принять прикажет:
Прислал из Валенсии Сид подарки.

99

Король дон Альфонс доволен душевно,
Созвать всех идальго дает повеленье,
Сам во главе их из города едет,
Посланцам Сида скачет навстречу.
Инфанты Каррьона, знайте, с ним вместе
И граф дон Гарсия, что Сиду враждебен:
Ведь тот одним люб, а другим не по се́рдцу.
Узрели идальго гостей издалеча,
Сочли не посольством, а войском целым.
Король осенил себя знаменьем крестным.
Бермудес с Минайей не стали медлить,
Подскакали, спрыгнули с седел поспешно,
Пред доном Альфонсом склонили колени,
Ноги ему целуют и землю.

«На нас, государь, не держите гнева!
Стопы вам мой Сид лобзает смиренно,
Чтить вас как сеньора клянется до смерти.
За милость он вам благодарен сердечно.
На днях, о король, разбит им в сраженье
Король марокканцев, Юсуфом реченный.
Полсотни тысяч погибло неверных.
Разжился мой Сид добычей безмерной.
Вассалы его забыли про бедность.
Двести коней шлет он вам в подношенье».
Ответил король: «С охотой приемлю.
Благодарен я Сиду за дар бесценный.
Недолго ему ждать со мной примиренья».
Королю все целуют руки за это,
Лишь граф дон Гарсия от злобы темнеет.
Отводит он в сторону родичей десять:
«Дивят меня Сид и его успехи.
Чем он славней, тем нам больше бесчестья.
Он у всех королей отнимает победу,
Коней, как у мертвых, уводит смело.
Во вред нам идет все, что б он ни сделал».

100

Слушайте все, что молвил король:
«Хвала вам, творец и святой Исидóр,
За дар, что мой Сид мне сегодня поднес!
Мое королевство усилил он.
Минайя, Бермудес, послы его,
Себе выбирайте наряд дорогой
И то из оружья, что вам подойдет,—
Чтоб Сида почтить, не жаль ничего.
Трех коней вам дадут из этих двухсот.
Сердце мое говорит мне тайком:
От этого будет для всех нас добро».

101

Ведут во дворец гостей на ночлег.
Дал король им все, в чем нужда у них есть.
Про инфантов каррьонских скажу теперь.

Меж собою тайком они держат совет:
«Становится Сид славней что ни день.
Попросим же в жены его дочерей,
Приумножим свое богатство и честь».
К королю идут они, кончив совет.

102

«Король и сеньор наш, мы молим нижайше
Явить нам милость и дать согласье
Сидовых дочек за нас просватать,
К чести его и к выгоде нашей».
Подумал король, ответил не сразу:
«Я Кампеадора отправил в изгнанье,
Зло ему сделал, а он мне — благо.
Как знать, рад ли будет он этому браку?
Но все же попробуем с ним столковаться».
Вот Педро Бермудес и Альвар Фаньес
Явились вдвоем на зов государев.
Король их отводит в угол палаты:
«Внимайте, Бермудес, и вы, Минайя.
Я рад, что мой Сид мне служит исправно.
Недолго прощенья ему дожидаться:
Пусть предо мной, коль хочет, предстанет.
Но новость тут есть для него другая:
Инфанты Каррьона Дьего с Фернандо
С его дочерями хотят обвенчаться.
Прошу вас, будьте моими гонцами
И доброму Сиду внушить постарайтесь,
Что он себе чести и славы прибавит,
Коль станет роднею каррьонским инфантам».
Бермудес с Минайей ему отвечают:
«Мы передадим, что вы наказали,
А там уж пусть Сид самолично решает».
«Тому, кем в час добрый надета шпага,
Скажите, что встретиться с ним мы желаем,
А место встречи пусть сам назначит.
Чтоб Сида почтить, приеду туда я».
С доном Альфонсом простились посланцы,
Знакомой дорогой в Валенсию мчатся.
Едва это Сиду известно стало,
Встречать он выехал верных вассалов,
Им улыбнулся, сжал их в объятьях:

«Минайя, Бермудес, вы снова с нами!
Таких баронов найдешь не часто.
Как там дон Альфонс? В добром ли здравье?
Охотно ли принял наши подарки?»
Минайя в ответ: «Доволен остался.
Свою благосклонность он вам возвращает».
Воскликнул мой Сид: «Вседержителю слава!»
Посланцы тут речь повели, как пристало,
Что Альфонс Леонский велел на прощанье
Дочек Сида посватать за братьев-инфантов,
Чем Сид себе чести и славы прибавит,
И что дан от души совет государев.
Внял Кампеадор этой вести нежданной,
Долго в раздумье хранил молчанье:
«Христе, мой сеньор, я тебе благодарен!
В изгнанье я был с позором отправлен,
Все, что имею, нажил трудами,
А ныне король снял с меня опалу,
Просит дочек моих для каррьонских инфантов.
Скажите, Бермудес, и вы, Минайя,
Стоит ли мне на брак соглашаться?»
«*Решайте, как знаете — спорить не станем*».
Сид молвит: «Инфанты рожденьем знатны.
При дворе они в силе, да слишком чванны.
Их сватовство не очень мне в радость,
Но коль так советует первый меж нами,
К переговорам приступим мы тайно,
А там уж господь нас на путь наставит».
«А сверх того дон Альфонс сообщает,
Что встретится он, где желаете, с вами
И милость свою от души вам изъявит.
Столкуйтесь с ним сами, как вам повидаться».
Ответил мой Сид: «Мне это по нраву!»
«А место свиданья вы там назначьте,
Где вам удобней»,— Минайя добавил.
«Мненье дона Альфонса знать бы мне надо:
Где будет король, туда и поскачем,
Чтоб сеньора почтить, как нам подобает.
Но поступим все ж по его приказу:
Я на берегу полноводного Тахо
С государем встретиться буду счастлив».
Написали письмо, скрепили печатью,
Двух рыцарей с ним к королю послали:
Исполнит мой Сид его пожеланье.

103

Прочитал письмо король благородный,
Остался им от души доволен:
«Кланяйтесь Сиду — рожден он в час добрый!
Через три недели с ним встречу устроим.
Коль буду жив, он меня не заждется».
Вернулись к Сиду гонцы неотложно.
К отъезду готовятся стороны обе.
Кто видел в Кастилье мулов столь добрых,
Коней столь могучих и на ногу легких,
Скакунов столь резвых и столь чистокровных,
Столько значков всех цветов на копьях,
Щитов золоченых и посеребренных,
Александрийского шелка цветного!
Отправил король припасов побольше
К месту свиданья на Тахо привольном,
Сам скачет туда с дружиной отборной.
Инфанты Каррьона с ним едут тоже.
Одно взяли в долг, прикупили другое.
Мнят, им богатство достанется вскоре —
Земель, серебра и золота вдоволь.
Король дон Альфонс иноходца шпорит.
С ним графы, вельможи, весь люд придворный,
Инфанты Каррьона со свитой большою.
Есть там галисийцы, немало леонцев,
А кастильцев — тех не сочтешь и вовсе.
Все к Тахо спешат, отпустив поводья.

104

Вот Кампеадор в валенсийском замке
Дружину поспешно в поход снаряжает.
Сколько там мулов отменной стати,
Ретивых коней, доспехов прекрасных,
Мехов дорогих и плащей с епанчами!
На всех до едина — цветное платье.
Педро Бермудес, добрый Минайя,
Мартин Муньос, Монтемайора держатель,
Мартин Антолинес, бургосец храбрый,
Прелат дон Жером, епископ бесстрашный.
Сальвадорес и Альварес — имя их Альвар,
Муньо Густиос, воитель отважный,

Арагонец Гарсиас, копейщик славный,—
Все готовятся с Сидом к дороге дальней,
Равно как другие его вассалы.
Но Сальвадорес — так Сид желает —
И Галинд Гарсиас в замке остались,
Чтоб беречь Валенсию пуще глаза.
Мой Сид весь народ отдал им под начало,
Велел держать на запоре алькасар,
Ни днем ни ночью замков не снимая:
Там супруга его с двумя дочерями,
За коих он душу отдать согласен,
И прочие женщины, их служанки.
Как истый барон отдал он приказанье,
Чтоб за ворота их не выпускали,
Покуда он сам не вернется обратно.
Быстро мой Сид из Валенсии скачет.
Сколько там коней чистокровных, ратных!
Не в дар они Сиду, а с бою достались.
Спешит мой Сид с королем на свиданье.
Король дон Альфонс приехал днем раньше.
Как увидел он, что́ пред ним за всадник,
С почетом его сам встречать помчался.
Рожденный в час добрый не мешкал нимало.
Отстать велел он своим вассалам,
С собою взял лишь лучших пятнадцать,
Сошел с коня вместе с ними наземь.
Рожденный в час добрый к земле прижался,
В нее, сырую, впился перстами,
Зубами грызет полевые травы,
От радости плачет слезою жаркой.
Знал Кампеадор, как почтить государя!
Мой Сид простерся у ног монарших.
Премного король этим был опечален:
«О Кампеадор, немедленно встаньте!
Целуйте мне руки, а ноги — не надо.
Встаньте ж иль снова ждите изгнанья».
Стоит на коленях мой Сид упрямо:
«Сеньор мой природный, мне милость вашу
Дозвольте принять, с колен не вставая,
Чтоб видели все, кто здесь нас окружает».
Молвил король: «От души дозволяю.
При всем дворе с вас снимаю опалу.
Вновь въезд вам дарую в мою державу».
Молвит мой Сид, королю отвечая:

«Мне милость ваша, сеньор мой, в радость.
Я богу и вам за нее благодарен
И всем этим людям, вкруг нас стоящим».
Руки мой Сид целует монарху,
Наконец, поднявшись, уста лобзает.
Все рады, а вот Альвар Диас мрачен,
Гарсия Ордоньес тоже в досаде.
Такое слово мой Сид изрекает:
«Хвала и слава тебе, создатель!
Раз в милость вошел у сеньора опять я,
Значит, господь нас вовек не оставит.
Будьте ж гостем моим, король богоданный».
Ответил король: «Нет, так не пристало.
Вы только что прибыли, мы — заране.
Сегодня вы будете гостем нашим,
А я, в свой черед, погощу у вас завтра».
Сид руки целует, дает согласье.
Подходят к нему с поклоном инфанты:
«Вам, кем в час добрый надета шпага,
Мы с братом служить чем угодно рады».
«Бог помочь»! — ответил мой Сид из Бивара.
Рожденный в час добрый во всем удачлив.
Пировал с ним король весь день до заката,
Полюбил его так, что не мог расстаться,
Бороде его длинной не раз изумлялся.
Дивятся на Сида все, кто там собрались.
Вот день прошел, и ночь миновала.
Вновь солнце утром блеснуло ярко.
Поспешно мой Сид поваров скликает
Готовить пир для бойцов и знати.
Гостей употчевал он на славу:
Все до единa они признались,
Что целых два года вкусней не едали.
Настал новый день, заря лучезарна.
Отслужил дон Жером обедню исправно.
Король весь двор на совет созывает,
Речь там заводит о деле важном:
«Слушайте, воины, рыцари, графы!
С просьбой, мой Сид, я к вам обращаюсь.
Дай бог, чтоб пошла она всем на благо.
Доньям Эльвире и Соль, дочкам вашим,
Инфанты Каррьона да станут мужьями.
Будут честь и прок от этого брака.
Советую вам не давать отказа,

И пусть к нашей просьбе присоединятся
Все, кто приехал со мною и с вами.
Бог да хранит вас, а дочек отдайте».
Ответил мой Сид: «Под венец им рано —
В года б им не худо войти сначала.
Инфанты каррьонские родом знатны.
Таким мои дочки, пожалуй, не пара.
Но дочек родил я, а вы питали.
И я и они по гроб вам подвластны.
И ту и другую я вам вручаю.
Что ни решите — перечить не стану».
«Спасибо, мой Сид, и вам и собранью».
Инфанты с места вскочили разом,
Кампеадору к рукам припали,
Пред лицом короля обменялись мечами.
Как истый сеньор, дон Альфонс добавляет:
«Спасибо вам, Сид,— а богу — стократно,
Что дочек просватать вы дали мне право.
Беру я их руки своими руками —
За каррьонских инфантов пусть выйдут замуж.
С согласья вашего я их просватал.
Даст бог, принесет вам радость венчанье.
Отдаю в ваши руки каррьонских инфантов.
Пусть едут с вами, а я — восвояси.
Обоим я дам серебром триста марок,
А вы решите, как деньги истратить.
В Валенсии жить им под вашей властью —
Равно вы отец что дочке, что зятю.
Делайте с ними, что сердце подскажет».
К рукам короля мой Сид припадает:
«Благодарю вас, сеньор мой державный,
Что дочек моих вы просватали сами».
Вот сговор свершили и слово дали,
Чтобы заутра, чуть солнце проглянет,
2112-а К себе домой возвратился каждый.
Премного мой Сид тут себя прославил.
Сколько мулов добрых, коней горячих,
2116 Дорогой одежды из лучших тканей
2115 Роздал он всем, кто охоч до подарка!
2117 Чего ни попросят, то и давалось.
Лошадей раздарил мой Сид шесть десятков.
Любому тот сговор радость доставил.
Собрались все в путь, чуть сумерки пали.
За руки взял дон Альфонс инфантов.

Кампеадору он их поручает:
«Да будут вам, Сид, зятья сыновьями.
Как хотите, вы с ними вольны обращаться —
Пусть отца и сеньора в вас почитают».
«Ваш дар принять, государь, я счастлив.
Пусть за него вам сторицей воздастся!»

105

«Сеньор мой природный, явите милость!
Раз дочкам моим женихов нашли вы,
Отца посаженого им изберите —
Своею рукой я их замуж не выдам».
«Где вы, Минайя? — король воскликнул.—
На свадьбе, взяв за руки Соль и Эльвиру,
Их вместо меня инфантам вручите.
Отцом посаженым будьте девицам.
При встрече расскажете мне все, как было».
Ответил Минайя: «Сеньор, не премину».

106

Уладили все разумно и с толком.
«Король дон Альфонс, сеньор мой законный,
На память о встрече принять извольте
Тридцать вьючных коней со сбруей наборной,
Под седлом дорогим иноходцев столько ж,
А я вам руки целую покорно».
«Смущен я подарком,— король промолвил,—
Но от вас его принимаю охотно.
Пускай вам создатель с ангельским сонмом
Воздадут сторицей за дар подобный.
Меня вы, мой Сид, почтили премного,
Я вашей службой весьма доволен.
Буду жив — в долгу не останусь тоже.
Храни вас творец, мне ж пора в дорогу.
Да будет и впредь вам господь опорой!»

107

Вскочил мой Сид на Бабьеку-коня:
«Объявляю всем пред лицом короля:
Кто на свадьбе будет — получит дар;
Пусть скачет со мной — не проездится зря».

С государем простился мой Сид де Бивар,
Не просил провожатых, мешкать не стал.
Как каждый из рыцарей счастлив и рад!
Королю они припадают к рукам:
«Государь и сеньор, отпустите нас
К Сиду в Валенсию попировать.
За инфантов каррьонских решил он там
Эльвиру и Соль, своих дочек, отдать».
У дона Альфонса редеют войска,
Зато возрастает у Сида рать:
В Валенсию толпы валят без числа
Вслед тому, кем взята она в добрый час.
Берут инфантов, как Сид наказал,
Бермудес с Густиосом под пригляд:
Пусть вызнают два его лучших бойца,
Каков у Фернандо и Дьего нрав.
Асур Гонсалес в пути к ним пристал.
Был он речист, да не скор на дела.
Холят инфантов, всячески чтят,
Привозят в город, что Сид мой взял.
Ликует, их видя, Валенсия вся.
Педро и Муньо мой Сид молвит так:
«Отведите на ночь покой женихам
И будьте при них — таков мой приказ.
Хочу я им завтра, чуть встанет заря,
Эльвиру и Соль, их невест, показать».

108

Разошлись на ночлег дружина и гости.
Мой Сид дон Родриго в алькасар входит.
Встречают его супруга и дочки:
«Вновь здесь вы, надевший шпагу в час добрый?
Дай бог вас во здравии видеть подольше!»
«Вновь здесь я, жена, слава в вышних богу!
Зятьев я привез, к нашей чести и пользе.
Кланяйтесь, дочки,— вам замуж скоро».

109

Руки Сиду Химена и дочки целуют,
Целуют служанки, что верно им служат:
«Да хранит вас, мой Сид, господь всемогущий!

Все поступки ваши разумны и мудры.
Не впадут при вас наши дочки в скудость».
«Раз вы нас просватали — бедны не будем».

110

«Донья Химена, творцу хвала!
Эльвира и Соль, говорю я вам:
Нам к чести и пользе послужит ваш брак.
Но знайте: его устроил не я.
Мой сеньор дон Альфонс вас просватал сам.
Так просил он меня, настаивал так,
Что ему я не смог ни в чем отказать
И в руки его отдал, дочки, вас.
Выдаю вас замуж не я — государь».

111

Алькасар в тот день разубрали на диво;
Застлали полы и стены обили
Дорогими коврами, парчой, аксамитом.
Счастлив, кто зван в хоромы такие!
Все рыцари Сида на свадьбу явились.
За инфантами тотчас гонцов отрядили.
Едут инфанты в алькасар к Сиду
В одежде богатой, с оружьем отличным,
Но входят пешком со смиренным видом.
Встречать их мой Сид с вассалами вышел.
Пред тестем и тещей инфанты склонились.
На резную скамью женихов усадили.
Все Сидовы люди отменно учтивы —
Подражают тому, кто в час добрый родился.
Встал Кампеадор и громко воскликнул:
«Раз всё мы решили, мешкать нет смысла.
Бесценный мой друг Альвар Фаньес, приблизьтесь!
Вручаю я вам дочерей любимых,
Как обещал своему властелину,
А слово мое вовек нерушимо.
Вы ж, в свой черед, женихам их вручите,
И в церковь пускай идут молодые».

«Песнь о Сиде»

Минайя ответил: «Рад вам подчиниться».
Вот за руки взял обеих девиц он,
Инфантам молвит слова такие:
«Вам я, Минайя, вручаю ныне,
Как велел дон Альфонс, мой и ваш владыка,
Двух этих девиц из семьи именитой.
Обеих с честью в жены возьмите».
С радостью те их принять согласились,
Тестю и теще к рукам приникли.
Затем мой Сид своих ближних кликнул,
Повел их в церковь святой Марии,
Где уж давно дон Жером облачился.
У входа во храм их встретил епископ,
Благословил, обвенчал по чину.
Отслушав мессу, все на конь вскочили,
За городом начали ратные игры.
Как Сид с вассалами в них отличился!
Коня под собою менял он трижды.
Остался доволен он тем, что увидел:
Инфанты Каррьона скакали лихо.
В Валенсию женщин отвез дон Родриго,
В алькасаре свадьбу отпраздновал пышно.
Прибить семь мишеней велел он с денницей —
Еще до обеда их изрешетили.
Две полных недели свадьба продлилась,
На третью гости домой запросились.
Рожденный в час добрый, мой Сид Руй Диас
Лишь мулов одних и коней ретивых
Приезжим рыцарям роздал сто с лишним.
Раздарил он шубы, плащи цветные,
А деньгам там счет и вовсе забыли.
Не поскупилась и Сидова свита —
Каждый принес от себя гостинцы.
Все, кто хотели, дары получили.
Все богачами вернутся в Кастилью.
Вот уже гости в путь снарядились,
Прощаются с тем, кто в час добрый родился,
С семейством его, а также с дружиной.
Гости премного довольны ими.
Никто не помянет хозяев лихом.
Фернандо и Дьего — в веселье великом.
Граф дон Гонсало обоим родитель.
Вот гости снова в стране кастильской,
А Сид с зятьями — в земле валенсийской.

Целых два года инфанты там жили,
В холе и чести, ни с чем не сравнимых.
С вассалами вместе мой Сид веселится.
Да не попустят господь с пречистой,
Чтоб Сиду тот брак во зло обратился.
Вот мы эту песнь до конца и сложили.
Храни вас создатель с небесной силой!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСКОРБЛЕНИЕ В ЛЕСУ КОРПЕС

112

В Валенсии Сид и его родня.
С ним инфанты Каррьона, его зятья.
Прилег на скамью и уснул он раз,
Но тут, узнайте, стряслась беда:
Лев вышел из клетки, запор сломав,
Весь двор привел в смятенье и страх.
Спавшие сбросили плащ с себя,
Окружили скамью, где сеньор их лежал.
Фернандо Гонсалес, каррьонский инфант,
Забыл с перепугу, куда бежать,—
Залез под скамью и спрятался там.
Дьего Гонсалес — за ворота́,
Кричит что есть мочи: «Каррьон, прощай!»
К столбу в давильне припал он, дрожа,
Измарал в грязи свой камзол и плащ.
Проснулся тот, кто рожден в добрый час,
Видит, вокруг вассалы стоят.
«Что тут стряслось? В чем у вас нужда?»
«Из-за льва, сеньор, сумятица вся».
Оперся на локоть мой Сид и встал,
Пошел на льва с плащом на плечах.
Устыдился лев, его увидав,
Поник головой, перестал рычать.
Взял за гриву его мой Сид де Бивар,
В клетку отвел и запер опять.
Удивились все, насколько он храбр,
Вернулись с ним в алькасар назад.
Мой Сид дон Родриго зятьев стал звать.
Искали их долго, нашли едва.

С лица они были белей полотна.
Послушать бы вам, как двор хохотал,
Покуда мой Сид не велел всем молчать.
Сгорели инфанты в тот день от стыда:
Уж больно обида была велика.

113

Чуть кончилось это, им на позор,
Марокканцы пришли под Валенсию вновь.
На поле Куарто стоит их шатров
Пять десятков тысяч иль больше того.
Слыхали про Бу́кара? То их король.

114

Рад Кампеадор с баронами вместе,
Что вновь им поживу шлет царь небесный.
Лишь у инфантов смутно на сердце:
Страшит их число шатров у неверных.
Отходят в сторонку Фернандо и Дьего:
«Не выгоду брак нам сулит, а потери.
Заставят ввязаться нас в бой, без сомненья.
Каррьона мы не увидим этак,
И дочери Сидовы овдовеют».
Муньо Густиос услышал их речи,
Явился к Сиду с такою вестью:
«Ваши зятья — смельчаки, наверно,
Коль им перед битвой домой захотелось.
Внушите вы им, чтоб смирно сидели:
Ни пользы, ни проку от них нам нету.
Даст бог, мы и сами одержим победу».
Сид входит к зятьям с улыбкой приветной:
«Да хранит вас создатель земли и тверди,
Мужья моих дочек, что солнца белее!
Вас тянет в Каррьон, а меня — в сраженье.
Останьтесь в Валенсии, отдыхом тешьтесь.
С маврами я управляться умею.
С помощью божьей, мы их рассеем».

115

Пока они вели такие речи, король Букар приказал передать Сиду, чтобы тот ушел из Валенсии и впредь не нарушал мир, не то поплатится за все свои дела. А Сид ответил посланцу: «Ступай и скажи Букару, этому вражьему сыну, что не минет три дня, как получит он то, чего добивается».

Заутра Сид велел вассалам взяться за оружье и повел их на врага. Каррьонские инфанты попросились в передовой отряд, и когда Сид развернул войско к бою, дон Фернандо, один из инфантов, поскакал вперед, собираясь напасть на мавра по имени Аладраф. Мавр увидел это и сам ринулся на инфанта, а тот насмерть перепугался, повернул коня и пустился наутек, даже не дождавшись противника.

Педро Бермудес, скакавший рядом с инфантом, увидел это, напал на мавра, взял над ним верх и убил его. Потом поймал лошадь убитого, нагнал беглеца и крикнул: «Дон Фернандо, возьмите коня и скажите, что это вы убили его хозяина-мавра, а я подтвержу ваши слова».

Инфант ответил: «Дон Педро Бермудес, премного вам благодарен...

Коль буду жив, вам воздам я вдвое».
Обратно к своим возвратились оба.
Стал хвастать инфант, дон Педро не спорит.
Доволен мой Сид и его бароны:
«Коль царь небесный и впредь нам поможет,
Зятья мои станут для битвы годны».
Говорят они так, а враги подходят,
Барабанный бой сотрясает воздух.
Тех, кому служба у Сида внове,
Немало дивит неслыханный грохот,
А Дьего с Фернандо дивятся всех больше.
Не видали б их здесь, будь на то их воля!
Услышьте, что молвил рожденный в час добрый:
«Эй, Педро Бермудес, племянник мой кровный,
Блюдите Фернандо и Дьего тоже,
Зятьям моим милым будьте оплотом.
Мавров, бог даст, мы с поля прогоним».

116

«Клянусь вам, мой Сид, милосердьем небесным,
Что дядькой инфантам быть не намерен.
Пусть блюдет их, кто хочет: нет мне до них дела.

Людей вести я должен в сраженье.
Вы ж стойте в тылу и ждите известий.
Коль выйдет нам худо, на помощь приспейте».
Вот и Минайя к Сиду подъехал:
2361-а «Внемлите, мой Сид, боец несравненный!
На войне лишь господь посылает победу,
А он всегда вашу сторону держит.
Распоряжайтесь, как надо, сечей,
А долг свой исполнить мы все сумеем.
Даст бог, удача вам не изменит».
Воскликнул мой Сид: «Так не будем мешкать!»
Но тут епископ, успеха предвестник,
Предстал перед Сидом в броне отменной:
«Отслужена троице мною обедня,
Но затем я покинул родную землю,
Чтоб вместе с вами разить неверных:
Свой орден и меч мне прославить хотелось.
Дозвольте мне врезаться в нехристей первым.
На значке моем — посох, герб — на доспехах.
Даст бог, испытаю их нынче в деле,
Чтоб душу и сердце вдоволь потешить
И чтоб вы меня похвалили за рвенье.
Коль откажете, вас я покину немедля».
«По нраву мне просьба,— мой Сид ответил.—
Выбирайте мавра, с ним схватку затейте.
Посмотрим, как бьется служитель церкви».

117

Пришпорил коня дон Жером, епископ,
С ходу ворвался в стан супротивный.
Успех ниспослал ему вседержитель.
Двух мавров разом пронзил он пикой,
Древко сломал, за шпагу схватился.
Какой, о боже, он славный воитель!
Двоих заколол, пятерых зарубил он.
Но мавров много, его окружили,
Бьют, да броню раздробить не в силах.
Рожденный в час добрый это увидел,
Копье наставил, щитом прикрылся,
Пришпорил Бабьеку, что мчится лихо,
Ударил на мавров с охотой великой.
Сквозь строй их пробился мой Сид Руй Диас,

Четверых пронзил, семерых опрокинул.
По милости божьей, взял верх он в битве,
Одолел супостата с людьми своими.
Рвутся растяжки шатров сарацинских,
Из земли вылетают колья резные.
Мой Сид из лагеря Букара выбил.

118

Из лагеря выбил, погоню начал.
Видеть бы вам, как щиты отлетают,
Как головы в шлемах валятся наземь,
Как мечутся кони, лишившись хозяев!
Целых семь миль продолжалась скачка.
За Букаром мчится мой Сид из Бивара:
«Стой, Букар! Приплыл из-за моря сюда ты.
Взгляни же: вот Сид, бородою славный.
Поцелуйся со мной, и станем друзьями».
Букар в ответ: «Вот так друг отыскался!
Лошадь ты шпоришь и держишь шпагу,—
Знать, ее на мне испытать желаешь.
Но если мой конь не споткнется случайно,
Хоть до моря скачи — меня не достанешь».
Ответил мой Сид: «Не бахвалься напрасно».
На ногу легок скакун у араба,
Но Сидов Бабьека резвей гораздо.
У моря с Букаром Сид поравнялся,
Занес Коладу, сплеча ударил,
Повыбил из шлема карбункулы разом,
Навершье рассек, раздробил забрало,
От лба раскроил до пояса мавра,
Убил короля из заморского края,
Добыл Тисону, меч в тысячу марок,
Победу стяжал в бою небывалом,
Покрыл себя великою славой.

119

Вспfive христиане поворотили.
Разграблен дочиста стан супротивный.
К нему едет тот, кто в час добрый родился,
Мой Сид Руй Диас, отважный воитель.
Две шпаги при нем бесценные ныне.
По вражьим трупам мчится он быстро,

Панцирь горит, на лице улыбка,
Заломлена шапка на самый затылок.
2455 Скачет вокруг удалая дружина.
2438 Вдруг нечто отрадное он увидел:
Едут к нему от шатров сарацинских
2440 Дьего с Фернандо, зятья дорогие.
Граф дон Гонсало — обоим родитель.
Улыбнулся приветно мой Сид дон Родриго:
«Вы ль это, зятья, что, как дети, мне милы?
Я знаю, вы нынче славно рубились.
2445 В Каррьоне вас не помянут лихом:
Букара с вами мы нынче сломили.
Коль господь со святыми нас не покинут,
Принесет нам победа немало выгод».
Вот и Минайя вернулся к Сиду,
2450 На шее щит, весь мечами избитый,
А дыр от копий в нем не исчислить,
Но Минайя за них сполна расплатился.
По локтю его кровь наземь струится:
Сразил он врагов два десятка с лишним.
2456 «Слава создателю ныне и присно
И вам, кто в час добрый на свет явился!
Букар убит, победа добыта,
Все вражьи богатства — наша пожива.
2460 Зятья ваши тоже нас убедили,
Что маврам в поле не кажут спину».
Мой Сид ответил: «Рад это слышать.
Кто смелы сейчас, те потом знамениты».
Он хвалит, а братья мнят, что глумится.
2465 В Валенсию-город отвозят добычу.
Мой Сид ликует с людьми своими,
Шесть сотен марок он каждому выдал.
Долю свою зятья получили,
Припрятали так, что никто не сыщет,
2470 Мнят, что не узнают нужды до кончины.
Живется в Валенсии им отлично:
Одеты богато, кормятся сытно.
С дружиной своею мой Сид веселится.

120

Рад Кампеадор, весь двор его рад:
2475 Выигран бой, и Букар в нем пал.
Бороду гладит мой Сид де Бивар:

«Сеньор наш небесный, тебе хвала!
Ты мне сегодня увидеть дал,
Как рядом со мною сражались зятья.
Каррьона о них достигнет молва.
Будет им честь и выгода нам».

121

Поделили часть поживы огромной,
Спрятали часть про запас надежно.
Велел вассалам рожденный в час добрый,
Чтоб из добычи, захваченной с бою,
Взял себе каждый законную долю,
А пятину Сида никто не трогал.
Приказ исполнили все как должно.
Досталось Сиду коней шесть сотен,
А мулов под вьюк и верблюдов столько,
Что счета никто им не знает толком.

122

Богатой добычей мой Сид завладел.
«Сеньор наш небесный, хвала тебе!
Был прежде я беден, богат — теперь;
Добыл я землю, золото, честь;
За каррьонских инфантов отдал дочерей.
Ниспослал мне господь немало побед.
Христиан и мавров — страшу я всех.
Марокканцы в мечетях ждут каждый день,
Что ночью на них пойду я в набег,
Хоть и в мыслях того у меня еще нет:
Что там искать, коль нехудо и здесь?
Зато уж дань — свидетель творец! —
Заплатят они, раз угодно мне».
В Валенсии-городе радость и смех.
Ликуют дружина и Сид вместе с ней,
Вспоминают, как взяли над маврами верх.
Инфанты Каррьона довольны вполне:
Пять тысяч марок им выплатил тесть.
Мнят себя богачами они в душе.
Вот пришли они на сбор во дворец.
Там Сид, дон Жером,— нет прелата храбрей! —

Альвар Фаньес Минайя, лихой боец,
И много других, кто ест Сидов хлеб.
Поклоном встретил Минайя гостей,
Ради Сида повел к ним такую речь:
«От вас, свояки, честь нашей родне».
Рад Кампеадор, что зятьев узрел:
«Пред вами мы все — я с супругой моей,
Эльвира и Соль, наши дочери две.
Пусть верно вам служат, вас любят и впредь.
Слава той, кем Спаситель рожден на свет!
Принесет ваш брак честь вашей семье —
Пойдет в Каррьон о вас добрая весть».

123

Дон Фернандо Сиду на это молвил:
«По милости вашей и с помощью божьей,
Добру своему мы не знаем счета.
Ради вас мы славу добыли с бою,
Мавров разим, побеждаем в поле.
Убит нами Букар, изменник подлый.
О других пекитесь — мы всем довольны».
Вассалы сидят, смеясь втихомолку:
Сами ходили и в бой и в погоню,
Но там не видали инфантов обоих.
Так разозлили каррьонцев бароны,
Потешаясь над ними и днем и ночью,
Что инфанты задумали дело злое.
Зашептались они,— вот уж братья точно! —
Да будет господь им за это судьею:
«Вернемся в Каррьон — загостились мы очень.
Домой мы приедем с поживой огромной.
Навряд ли ее истратим до гроба».

124

«Попросим, чтоб Сид с нами жен отпустил:
Мол, мы их в Каррьон увезти хотим —
Пора им взглянуть на владенья свои;
А как уйдем из здешней страны,
Сотворим что угодно с ними в пути —
Пусть львом нас больше никто не корит.

От графов Каррьонских мы родились,
2550 Уедем домой с богатством большим,
А Сидовых дочек вольны осрамить».
«Выдаст за нас — так богаты мы —
Любой государь дочерей своих.
Мы, каррьонцы, родом из графской семьи.
2555 А Сидовых дочек навек осрамим,
Чтоб львом нас больше никто не корил».
Сговорившись, к Сиду вернулись они.
Взял слово Фернандо, и двор затих:
«Коль дозволит творец небес и земли,
2560 И донья Химена, и сами вы, Сид,
И Минайя, и все, кто здесь собрались,
Мы жен богоданных хотим увезти.
В наши земли, в Каррьон, доставим мы их,
2564—2565 Покажем угодья, что им отдадим,
И все, чем владеет наш род искони,
Что к нашим сынам должно перейти».
2569 Не почуял мой Сид ни обмана, ни лжи.
2568 «Вручаю вам дочек и с ними дары.
2570 Вы женам поместья в удел отвели,
Я ж дам серебром вам тысячи три,
Мулов, коней под седло и вьюки,
Боевых скакунов, быстроногих, лихих,
Сукна, шелка, дорогие плащи,
2575 Коладу с Тисоной, мои мечи —
В честном бою я себе их добыл.
Я отдал вам дочек, вы мне — как сыны,
Но сердце мое увозите вы.
Пусть видит Леон и Кастилья узрит,
2580 Что не нищи вернулись зятья мои.
Ваших жен, наших дочек, беречь вы должны,
А я вам воздам за любовь и труды».
Инфанты жен беречь поклялись.
Дочек мой Сид каррьонцам вручил.
2585 Братья дары принимать пошли,
Понабрали всего, что по сердцу им,
Велели на мулов поклажу грузить.
В Валенсии-городе гомон и крик:
Каждый в доспехах на лошади мчит
2590 Сидовых дочек в Каррьон проводить.
Пора и в дорогу — все заждались.
Эльвира и Соль, две родных сестры,
Спешат перед Сидом колени склонить.

«Отец и сеньор, пусть бог вас хранит!
Мы матерью нашей от вас рождены.
Пред нею и вами мы обе стоим.
В Каррьон приказали вы нам отбыть.
Вашу волю исполнить нам долг велит.
Одну лишь милость просим явить —
Извещайте нас там о себе и родных».
В объятья дочек мой Сид заключил.

125

Отец обнимает их, мать им молвит:
«Дочки мои, отправляйтесь с богом.
Я и отец ваш — с вами душою.
Поезжайте в Каррьон, ваш удел законный.
Сдается, вас выдали замуж в час добрый».
Родителям руку целуют сестры,
Благословляют те их любовно.
Сбираются Сид и вассалы в дорогу.
Ретивы их лошади, крепки брони.
Из Валенсии светлой инфанты уходят.
Служанок обняли Сидовы дочки.
На рысях выезжают все за ворота.
Скачет мой Сид с вассалами бодро,
Хотя по птичьему видит полету,
Что проку не будет от брака такого.
Но он заключен, и его не расторгнешь.

126

«Эй, Фелес Муньос, мой кровный племянник,
Двоюродный брат милых дочек наших,
Тебе проводить до Каррьона их надо.
Взгляни на надел, что дан им мужьями,
И с вестью ко мне возвращайся сразу».
Муньос в ответ: «От души согласен».
Тут к Кампеадору подъехал Минайя:
«В Валенсию, Сид, вернуться пора нам.
Коль соизволит творец всеправый,

У каррьонцев в гостях мы еще побываем».
«Эльвира и Соль, храни вас создатель!
Ближним своим живите на радость».
«Дай бог вам здоровья!» — зятья отвечают.
Нелегким и долгим было прощанье.
Отец и дочери громко рыдают.
Вторят вассалы их горькому плачу.
«Эй, Фелес Муньос, мой кровный племянник,
В Молине вы нынче станете на ночь.
Абенгальбону поклон передайте.
Он друг мне, так пусть окажет вниманье
Мужьям моих дочек, каррьонским инфантам,
Что нужно в пути — им все предоставит,
Вплоть до Медины проводит сам их.
А я с ним потом с лихвой рассчитаюсь».
Как ноготь с перстом, тут они расстались.
В Валенсию Сид вернулся обратно.
Инфанты каррьонские едут дальше,
В Санта-Мария-д'Альварассин скачут,
Там отдыхают на кратком привале,
В Молину спешат, поспевают к закату.
Мавр Абенгальбон увидеть их счастлив,
Гостей принимает с великим тщаньем.
Боже, как щедр он, как ласков с каждым!
В путь провожает их сам спозаранок,
Две сотни конных берет для охраны.
Проходят они по Лусонскому кряжу,
По Арбухуэло к Халону съезжают,
В Ансарере на ночь становятся станом.
Сидовым дочкам дал мавр подарки,
А каррьонским инфантам — коней немало.
Сделал все это он Сида ради.
Достатки мавра увидели братья,
Предательство злое задумали тайно:
«Раз Сидовых дочек мы бросим со срамом,
Убьем и Абенгальбона также,
Себе заберем все богатство мавра,
Как доход с Каррьона, надежно припрячем.
Сиду взыскать его с нас не удастся».
Подслушал сговор каррьонцев коварных
Один из мавров, по-нашему знавший,
Таиться не стал, остерег алькальда:
«Тебя как сеньора я предупреждаю:
Инфанты на жизнь твою злоумышляют».

127

Мавр Абенгальбон и храбр и умен.
Две сотни конных ведет он с собой,
Подъезжает к инфантам, играя копьем.
Пришлись им не по сердцу речи его:
2677 «Не будь мне помехой пред Сидом долг,
Узнал бы весь мир, как плачу я за зло.
Сидовых дочек к отцу б я отвез,
2680 А вам бы вовек не увидеть Каррьон».

128

2675 «Скажите, инфанты, в чем я провинился,
Что вы за службу мне смерти хотите?
2681 От вас ухожу я, предатели злые.
Простите меня, доньи Соль и Эльвира,
Но нет до каррьонцев мне дела отныне.
Дай бог, что с небес управляет миром,
2685 Чтоб горя ваш брак не доставил Сиду».
Так молвил мавр и уехал быстро,
Реку Халон перешел с дружиной,
Вернулся, разумный, к себе в Молину.
Вот с Ансарерой инфанты простились,
2690 И ночью, и днем едут без передышки,
Взяли правей Атьенсы скалистой,
Сьерру-де-Мьедос минули рысью,
За Монтес-Кларос перевалили.
Слева владенье Аламоса — Гриса,
2695 Где Эльфу он в гроте держал, как в темнице;
Справа Сант-Эстеван, но дотоль не близко.
В лес Корпес инфанты теперь углубились.
Горы вокруг, дубы вековые,
Хищные звери повсюду рыщут.
2700 Нашлась там лужайка с источником чистым.
Шатер у воды инфанты разбили,
Заночевали с людьми своими.
Обнимают их жены, ласкают пылко,
Но худо бедняжкам придется с денницей.
2705 Заутра на мулов добро погрузили,
Свернули шатер, для ночлега служивший.
Слуги господ обогнали на милю:
Велели инфанты, чтоб все удалились —
И челядинцы, и челядинки,

Чтоб только жены остались с ними,—
Любовью, мол, хочется им насладиться.
Вот они — вчетвером, далеко — остальные.
Недоброе дело у братьев в мыслях:
«Эльвира и Соль, говорим вам открыто:
Ждет вас бесчестье в горах этих диких.
Уедем мы сами, а вас покинем.
Надела вам в Каррьоне не видеть.
Пусть узнает об этом мой Сид Руй Диас.
За шутку со львом мы ему отплатили».
Не оставили женам ни шуб, ни накидок,
До исподнего сняли, что на них было.
Шпоры остры у изменников низких,
Плети ременные крепко свиты.
Донья Соль это видит и молвит тихо:
«Фернандо и Дьего, явите милость.
У вас на боку две шпаги стальные,
Колада с Тисоной, что дал наш родитель.
Обезглавьте нас, и умрем мы безвинно.
Знают все, христиане и сарацины:
Ни в чем перед вами мы не согрешили.
Дурной вы пример, нас избив, подадите,
Навеки за это чести лишитесь,
На себя навлечете везде укоризну».
Не вняли злодеи, как их ни просили.
Избивают они сестер беззащитных,
Плетьми ременными хлещут с гиком,
Шпорами колют — кровь так и брызжет.
У женщин рубцами тело покрыто,
Исподнее взмокло и все обагрилось,
А сердце ноет от тяжкой обиды.
Вот счастье бы им ниспослал вседержитель,
Кабы мой Сид там тогда объявился!
Несчастных до смерти чуть не забили,
Алеет кровь на одежде их нижней.
Примахались у братьев руки и спины —
Лютовали инфанты в полную силу.
Сидовы дочки без чувств поникли.
Бросили их в дубраве пустынной.

129

Забрали их шубы из горностая.
Без накидок и платьев, в одних рубахах,

В горах, меж птиц и зверей плотоядных,
Лежат они, знайте, почти бездыханны.
Окажись здесь мой Сид, вот было бы счастье!

130

2754—2755 Инфантами брошены замертво жены,
Сказать друг дружке не могут ни слова.
Бахвалясь, мужья их мчат через горы:
«За брак наш постылый свели мы счеты.
2759—2760 Наложниц — и то нам не надо подобных.
Насильно король нас женил на неровнях.
За шутку со львом мы отмстили с лихвою».

131

Бахвалясь, инфанты мчат через лес.
О Фелесе Муньосе слово теперь.
Сид, его дядя, с ним в кровном родстве.
Вперед он уехал за челядью вслед,
Но тревога и страх у него на душе.
Отстал он, свернул, незаметно исчез
И в чаще густой у тропы засел:
Сестер двоюродных хочет узреть,
Узнать, не чинят ли мужья им вред.
Инфантов он видит, слышит их речь,
А тем невдомек, что тут кто-то есть:
Будь это не так, не остался б он цел.
Скрылись карръонцы среди дерев,
Помчался Муньос назад по тропе,
Нашел сестер без чувств на земле.
Вскрикнув: «О сестры!» — с седла он слез,
Коня привязал, подбежал к воде.
«Эльвира и Соль,— помоги вам творец! —
Пострадали безвинно вы от мужей.
Да воздаст им небо за этот грех!»
В чувство стал приводить сестер он затем,
А бедняжки молчат — язык онемел.
Взывает Муньос в слезах и тоске:
«Эльвира и Соль, ответьте же мне!
Сестры, в себя придите скорей,

Пока не стемнело и длится день,
Чтоб звери в горах не могли нас съесть».
Очнулись Эльвира и Соль наконец,
Увидели вдруг, что брат подоспел.
«Да поможет, сестрицы, нам царь небес!
Узнав, что меня меж челядью нет,
Инфанты разыщут нас в дубняке.
Вставайте живо, или всем нам смерть».
Шепчет донья Соль — не сказать ей слышней:
«Коль дорог вам, братец, мой Сид, наш отец,
Воды Христа ради прошу нам принесть».
Дорогою и новой шапкой своей —
Привез из Валенсии он эту вещь —
Фелес Муньос воды зачерпнул в ручье,
Дал напиться старшей и младшей сестре,
Уговорил приподняться и сесть,
Стал увещать еще потерпеть,
Собраться с духом помог, как умел,
Поднял с земли, устроил в седле,
Укутал обеих плащом потеплей,
Под уздцы взял лощадь, дубняк пересек,
Поехал горами, таясь от людей,
Спустился к Дуэро, чуть день померк.
Оставил он сестер на реке,
Где башня Урраки стоит на скале,
К Дьего Тельесу в Сант-Эстеван полетел:
От Минайи держал этот Тельес лен.
Вести он внял, изменился в лице,
Взял мулов, набрал про запас одежд,
За дочками Сида поехал во тьме,
Их в Сант-Эстеван доставил чуть свет,
Принял тепло — ничего не жалел.
Люд сант-эстеванский отзывчив к беде:
Каждому Сидовых жаль дочерей,
Каждый их рад приютить и беречь,
Пока не станут здоровы вполне.
Каррьонцы бахвалятся дома уже.
О расправе известно стало в стране.
Король дон Альфонс всей душой воскорбел.
В Валенсию мчит за гонцом гонец.
Выслушал Сид печальную весть,
Погрузился в раздумье, долго был нем.
Вот поднял он руку, поднес к бороде.
«Господи, слава тебе за честь,

Что мне воздана инфантами днесь!
Клянусь бородою, не рваной никем,
Вовек не спущу я каррьонцам их дел,
А дочки мои вновь пойдут под венец».
Опечален мой Сид, весь двор помрачнел,
А Минайя — так тот огорчен вдвойне.
Вот Минайя, Бермудес, смелый боец,
И Мартин Антолинес шпорят коней.
Двести мой Сид им дал человек,
Без передышки скакать велел —
В Валенсии ждет он своих детей.
Служа сеньору, мешкать не след:
Мчатся послы, не щадят лошадей,
В замке Гормас становятся, верьте молве,
В сумерках поздних на краткий ночлег.
Сант-эстеванцы узнали меж тем,
Что Минайя сестер увезет на заре.
Как умные люди, пошли они все
Навстречу посланцу, хоть ночь на дворе,
Принесли оброк — и вино и снедь.
Минайя был рад, но припасы отверг:
«Сант-эстеванцы, спасибо за честь,
Что вы оказали нам в нашей нужде.
Я благодарю всех собравшихся здесь
От себя и от Сида, хоть он вдалеке.
Да воздаст вам господь в своей доброте!»
Понравился всем учтивый ответ,
Ночь досыпать все ушли к себе.
Минайя сестер разыскал скорей,
На него наглядеться не могут те.
«Как бога, мы счастливы вас лицезреть.
Восславьте его, что мы живы досель.
В Валенсию нас везите, к родне —
Расскажем мы там о своем стыде».

132

Плачут обе сестры, и Минайя тоже,
А Педро Бермудес в слезах им молвит:
«Эльвира и Соль, позабудьте горе,
Коль скоро вы живы и в добром здоровье.
Ваш брак не удался — удастся новый,
А день отмщенья наступит скоро».

Проспали ночь они с сердцем легким,
Ехать домой собрались с восходом.
Сант-эстеванцы гостей в дорогу
До Рио-д'Амор проводили с почетом;
Там, с ними простившись, вернулись в город.
Чрез Алькосебу Минайя проходит,
Влево берет, огибает Гормас,
У Вадо-дель-Рей спускается к броду,
В замке Берланга ночлег находит,
В путь отправляется снова с зарею,
До Медины скачет без остановки,
Назавтра в Молину женщин привозит.
По нраву пришлось это Абенгальбону.
Встречать их мавр поехал охотно,
Употчевал славно Сиду в угоду,
В Валенсию прямо отправил оттоле.
Узнал обо всем рожденный в час добрый,
Выехал сам встречать своих кровных,
Играет копьем, веселится душою.
Вот Кампеадор милых дочек обнял,
Расцеловал и с улыбкой молвил:
«Вы ль это, дочки? Господь вам в помощь!
Каюсь, ваш брак не посмел я расстроить.
Но если на то меня бог сподобит,
Мужей получше найду я вам снова,
Зятьям же инфантам воздам с лихвою».
Целуют дочери руки отцовы.
Въезжают все в город, вздымая копья.
Как донья Химена ласкает дочек!
Рожденный в час добрый не мешкал нисколько.
На тайный совет он созвал баронов,
Гонца в Кастилью шлет к дону Альфонсу.

133

«Эй, Муньо Густиос, мой верный вассал!
Взращен в моем доме ты в добрый час.
В Кастилью гонцом к королю поезжай,
Руки ему целуй за меня:
Я — его ленник, он — мой государь.
Обида, что мне нанесли зятья,
Моего короля не задеть не могла:
Просватал дочек не я — он сам,

А их обрекли на позор мужья.
Коль нас постигнет от этого срам,
На доне Альфонсе за все вина.
Увезли каррьонцы немало добра,
Отчего обида вдвойне тяжела.
Короля я прошу кортесы созвать —
Пусть держат ответ лиходеи там.
Возмездия алчет моя душа».
Муньо Густиос вскочил на коня.
Два рыцаря с ним, два верных бойца.
Их оруженосцев с собою он взял.
В Кастилью они из Валенсии мчат,
Скачут, не знают ни ночи, ни дня.
В Саагуне нашли они короля.
Леон и Кастилья — его земля,
И вкруг Овьедо Астурия вся.
До Сантьяго подвластна ему страна.
Галисийские графы сеньора в нем чтят.
Муньо Густиос спрыгнул с седла,
Святым помолился, восславил творца,
Вошел во дворец, весь двор там застал.
Два вассала его идут по бокам.
Король дон Альфонс увидел посла,
Муньо Густиоса в нем узнал,
Поднялся, сделал навстречу шаг.
Густиос пред ним повергся во прах,
Устами припал к королевским стопам.
«Явите милость, владыка наш!
Сид ноги и руки целует вам.
Ему вы сеньор, а он ваш слуга.
С каррьонцами сами его дочерям
Вступить вы велели в почетный брак.
Вы слыхали про честь, что нам воздана.
Осрамили жестоко инфанты нас:
С Сидовых дочек одежду сорвав,
Обеих избили они без стыда,
Их бросили в Корпесе, в диких горах
На съедение птицам и хищным зверям.
В Валенсию Сид привез их назад.
Вам руки целуя, он молит вас
Злодеев суду кортесов предать.
Он опозорен, но вы — стократ.
Такую обиду спускать нельзя.
Заставьте каррьонцев ответ держать».

Король помрачнел и долго молчал.
«Обида моя, признаю́сь, тяжка.
Правдивы, Густиос, ваши слова.
Да, Сидовых дочек просватал я,
Кампеадору желая добра.
Лучше б той свадьбе вовек не бывать!
Для нас с ним бедой обернулась она.
Встать за него бог и долг мне велят.
Кортесы сбирать не хотел я пока,
Но повсюду весть разошлю сейчас,
Что в Толедо на них король приказал
Звать графов, вельмож и прочую знать.
Велю я каррьонцам явиться туда,
Чтоб призвал их к ответу мой Сид де Бивар.
Честь его отстоять постараюсь там».

134

«Пусть Кампеадор, рожденный в час добрый,
Через семь недель, взяв вассалов с собою,
Прибудет в Толедо, наш город стольный,
Где сберу я кортесы, Сиду в угоду.
Поклонитесь своим — пусть забудут горе:
Честью им воздадут за обиду скоро».
Густиос простился и к Сиду отбыл.
Дон Альфонс Кастильский сдержал свое слово.
Через гонцов, не медля нисколько,
Известил Сантьяго, дал знать Леону,
Стране португальской, Галисии тоже,
Кастильским баронам, равно и каррьонцам,
Что всяк в Толедо прибыть к венценосцу
Через семь недель на кортесы должен.
Во всех владениях дона Альфонса
Королевский приказ решено исполнить.

135

Инфантам каррьонским куда как досадно,
Что король в Толедо кортесы сзывает.
Встретить там Сида они боятся,
Просят в ответ на приказ монарший
Дозволить им не являться в собранье.

Король возразил: «Ни за что не согласен.
На кортесы прибудет мой Сид из Бивара.
Ответьте на иск, что он вам предъявит.
А кто осмелится дома остаться,
Тот мне не люб и пойдет в изгнанье».
Пришлось покориться каррьонским инфантам.
Весь род их сошелся и стал совещаться.
Граф дон Гарсия примкнул к ним тайно:
Он Кампеадору недруг заклятый,
Инфантам — советчик и благожелатель.
В указанный срок кортесы собрались.
С королем средь первых приехали графы
Дон Энрике с доном Рамоном старым,
Чьим сыном был император славный,
Дон Фруэла с доном Бирбоном храбрым
И много людей разумных и знатных
Со всех концов кастильской державы.
Граф дон Гарсия, Граньонец Курчавый,
И Альвар Диас, Оки держатель,
И бахвал пустозвонный Асур Гонсалес,
И два Асуреса — Педро с Гонсало,
И оба каррьонца — Дьего с Фернандо
С роднею своей явились туда же,
Чтоб Сида обречь бесчестью и сраму.
Не прибыл в Толедо из всех, кого звали,
Лишь тот, кем в час добрый надета шпага.
Встревожен король его опозданьем.
Лишь на пятый день подоспел биварец.
Гонцом к королю отрядил он Минайю:
Пусть руки целует сеньору и скажет,
Что будет Сид на кортесы к закату.
Доставила весть государю радость.
С большою свитой верхом он скачет,
В час добрый рожденного с честью встречает.
Сид едет с дружиной в доспехах богатых:
Каков сеньор, таковы и вассалы.
Как только король его замечает,
Сид сходит с коня и бросается наземь,
Хочет сеньора почтить, как пристало.
Король, это видя, воскликнул сразу:
«Святым Исидором прошу я, встаньте!
Рассержусь я на вас, коль не сядете на конь.
От всей души нам обняться надо.
Легло мне на сердце горе ваше.

Приезд ваш кортесы почтит и прославит».
«Аминь»,— ответил мой Сид государю,
К руке припал, потом с ним обнялся.
«Хвала творцу, что вас вижу во здравье!
Граф дон Рамон, вам кланяюсь также,
Вам, граф дон Энрике, и всем, кто с вами.
Да хранит короля и всех вас создатель!
Дочки мои и супруга честна́я
Бьют вам челом и руки лобзают.
Наша обида вам тоже в тягость».
Ответил король: «Видит бог, вы правы».

136

К Толедо король коня повернул,
Но за Тахо мой Сид не спешит отнюдь.
«Явить мне милость, сеньор, прошу:
Возвратиться извольте в столицу свою,
А я на ночлег в Сан-Серван поскачу.
Все силы мои туда подойдут.
В том месте святом я ночь промолюсь,
А с зарею в город людей поведу,
Еще до обеда в него вступлю».
«Согласен»,— король ответил ему.
Дон Альфонс пустился в обратный путь,
В Сан-Серван мой Сид поскакал во весь дух,
Потребовал свеч, приник к алтарю,
В месте святом помолился творцу,
Поведал ему про свою беду.
Минайя, а с ним и весь Сидов люд
В путь собрались, чуть рассвет блеснул.

137

Молились они на рассвете долго.
Заутреня кончилась лишь с восходом.
Получила обитель даяний много.
«Поедете вы, Минайя, со мною,
Затем дон Жером, служитель господень,
Бермудес с Густиосом, свычные к бою,

Мартин Антолинес, копейщик ловкий,
Два Альвара — Альварес и Сальвадорес,
И Мартин Муньос, в час добрый рожденный,
И Фелес Муньос, чей дядя я кровный,
И Маль-Анда, который сведущ в законах,
И Галинд Гарсиас, храбрец арагонский,
И сверх того сотня бойцов отборных.
Чтоб тело доспехи вам не натерли,
Наденьте камзолы под светлые брони,
Поверх же бро́ней шубы набросьте,
Шнуровку на них затяните плотно,
А мечи плащами прикройте надежно.
Идти на кортесы с оружьем придется,
Иначе мы век своего не добьемся.
А коли каррьонцы там с нами повздорят,
Всегда их уйму я при свите подобной».
«Охотно, сеньор», — все ответили хором,
Как Сид приказал, снарядились вскоре.
Рожденный в час добрый не мешкал нисколько:
Чулки натянул от ступней до бедер,
Обул сапоги, что сшиты на совесть.
Рубаха на нем светлее, чем солнце,
Золотой и серебряной блещет строчкой,
Закрывает руки до самых ладоней.
Поверх рубахи — камзол парчовый.
Шитьем золотым он слепит все взоры.
На алой шубе из золота пояс.
Мой Сид Руй Диас всегда в нем ходит.
Из виссона шапка у Кампеадора.
Поплотней ее он надел нарочно,
Чтоб его за кудри никто не дернул.
Бороду он подвязал тесьмою —
Пусть и ее никто не коснется.
Набросил он на плечи плащ роскошный:
Каждый дивится, кто ни посмотрит.
С сотней своею, в путь снаряженной,
Из Сан-Сервана он скачет галопом,
В Толедо стольный въезжает гордо,
Слезает с коня у ворот дворцовых,
Идет к палатам шагом нескорым,
Вассалы — вокруг, он сам — посередке.
Король дон Альфонс увидел, кто входит,
Навстречу Сиду встал благосклонно.
Поднялся́ граф Рамон, граф Энрике тоже

И все, кто туда на кортесы сошелся.
Рожденный в час добрый встречен с почетом.
Не встал перед ним лишь Курчавый Граньонец
С прочей роднею каррьонского дома.
Король дон Альфонс взял за руку гостя:
«Сядьте, мой Сид, со мною бок о бок
На эту скамью, ваш дар добровольный.
Не всем вы любы, но нам всех дороже».
Валенсию взявший признательно молвил:
«Как пристало сеньору, воссядьте на троне,
А я помещусь со своими поодаль».
Ответом король доволен был очень.
Сел Сид на скамью с богатой резьбою.
Вкруг сотня стоит, готова к отпору.
Смотрит на Сида весь люд придворный:
Борода подвязана крепкой тесьмою,
Барона в нем сразу видать по убору.
Глаз не поднять от стыда каррьонцам.
Вот дон Альфонс поднялся с престола:
«Внемлите, вассалы, господь вам в помощь!
Дважды сзывать я кортесы изволил:
Сначала в Бургосе, после в Каррьоне;
Теперь на них прибыл в Толедо стольный,
Чтоб Кампеадора почтить особо.
Зятьев к ответу призвать он хочет:
Он ими, мы знаем, обижен жестоко.
Пусть судят их графы Энрике с Рамоном
И прочие все, кто каррьонцам не родич.
Вникните в иск — вам законы знакомы,
Решите по правде — мне ложь неугодна,
А стороны пусть берегутся ссоры —
При всех я клянусь святым Исидором:
Зачинщик в изгнанье дни свои кончит.
Кто прав, за того я и встану сегодня.
Пусть же мой Сид свой иск нам изложит.
Инфантов каррьонских послушаем после».
Встал Сид и приник к руке венценосца:
«Я вам, государь, благодарен покорно,
Что созвали кортесы вы мне в угоду.
Вот в чем мой иск к инфантам каррьонским.
Король, с дочерей смыть позор я должен.
Их просватали вы своею рукою.
Зятья покидали Валенсию-город
В мире со мной и согласии полном.

Я дал им две шпаги, Коладу с Тисоной
(Как истый барон, взял я с бою обе) —
Пусть славой себя, вам служа, покроют.
Но, в дубраве Корпес жен своих бросив,
Они за любовь мне воздали злобой.
Пусть шпаги вернут: я не тесть им больше».
Рассудили судьи, что иск законен.
«За нами слово»,— рек граф Ордоньес.
Инфанты Каррьона со всею роднею
И свитой своей отошли в сторонку,
Посовещались, решили тотчас:
«Мой Сид поистине нам мирволит,
Не ставя в вину позор своих дочек,
А король эту тяжбу уладить склонен.
Шпаги вернем, как биварец просит.
Тогда бароны разъедутся снова.
Управы на нас Сид найти не сможет».
Вернулись они, возвысили голос:
«Явите милость, король благородный!
Сид шпаги нам отдал — об этом нет спору.
Коль дар свой ему отобрать охота,
При вас возвратить их мы Сиду готовы».
Вынимают инфанты шпаги из ножен,
Вручают их королю с поклоном.
Сверкают клинки так, что глазу больно,
Эфесы золотом блещут червонным.
Дивятся кортесы богатству такому.
Король оружие Сиду отдал.
Облобызал тот руку сеньору,
Уселся вновь на скамье узорной.
Держит он шпаги, глаз с них не сводит:
Они не подменены — это уж точно.
Вот Сид улыбнулся, голову поднял,
Погладил бороду с видом довольным:
«Не рваной никем клянусь бородою,
За дочек моих вы сведете счеты».
Окликнул мой Сид Бермудеса громко:
«Примите Тисону, племянник мой кровный.
Прежний владелец ее не стоил».
Мартин Антолинес, копейщик ловкий,
Вслед за Бермудесом к Сиду подозван:
«Возьмите Коладу, вассал мой достойный.
Владел ею прежде, чем я ее добыл,
Раймунд Беренгарий, граф Барселонский.

Дарю ее вам, чью изведал доблесть.
Себя вы покроете в час урочный
При этой шпаге славой большою».
Тот Сиду к руке припал по-сыновьи.
Встал Кампеадор и опять взял слово:
«Хвала вам, король, и господу богу!
Я шпаги забрал и рад всей душою,
Но с инфантами все ж не сполна расчелся.
В Валенсии дал я им на дорогу
Три тысячи марок в монете звонкой.
Мне злом и за это воздали с лихвою.
Пусть деньги вернут: я не тесть им больше».
Как тут инфанты взвыли от злости!
Спросил граф Рамон: «Иск верен иль ложен?»
Отвечают инфанты с тяжелым вздохом:
«Мы шпаги вернули с целью одною —
Чтоб Сида унять и с тяжбой покончить».
Граф дон Рамон возражает обоим:
«Я вот что скажу, коль король дозволит:
Ответьте тотчас на иск, вам вчиненный».
Прибавил король: «Я согласен с судьею».
Поднялся мой Сид со скамьи проворно:
«Верните деньги, что взяли с собою,
Иль предо мной оправдайтесь в расходах».
Вновь зашептались каррьонцы тихонько:
Не знают, что делать, где взять им столько,—
Ведь деньги у них разошлись давно уж.
Судьям они говорят в одно слово:
«Валенсию взявший прижал нас безбожно,
Но долг мы, коль Сид нас решил обездолить,
Уплатим землей из каррьонских угодий».
Судьи в ответ: «Вы признались в долге.
Платите землею, коль Сид не против,
А мы по закону требуем только,
Чтоб долг был уплачен под нашим присмотром».
Король же добавил, вняв приговору:
«Известно и нам, и всему народу,
Сколь перед Сидом инфанты виновны.
Из трех тысяч марок за мною две сотни:
Их принял я в дар, как отец посаженый,
Но верну каррьонцам, коль так им плохо,—
Пусть расплатятся с тем, кто рожден в час добрый.
От тех, кто в нужде, брать дары негоже».
Фернандо Гонсалес молвит в расстройстве:

«Столько наличных у нас не найдется».
Граф дон Рамон отвечает сурово:
«Спустили вы деньги, их нет у вас вовсе.
Вот как мы решим пред монаршей особой:
Платить вам натурой, а Сиду — не спорить».
Смекнули инфанты: перечить не стоит.
Видеть бы вам, как ведут иноходцев,
Надежных мулов, коней легконогих,
Сколько несут и мечей и броней!
Все принял мой Сид по оценке законной.
Кроме двух сотен, монарху врученных,
Вернули инфанты добро остальное —
Чужим одолжились, как вышло свое-то.
Обернулась тяжба для них бедою.

138

Принял мой Сид все это добро,
Отдал вассалам его под присмотр.
Покончив с одним, речь повел о другом:
«Явите милость, король и сеньор!
Забыть я не в силах горшее зло.
Внимайте, кортесы, печальтесь со мной!
Каррьонцами тяжко я оскорблен,
Без боя не дам им уйти домой».

139

«Скажите, инфанты, что я вам сделал
Словом, поступком иль хоть помышленьем?
Коль кортесы решат, повинюсь я немедля.
Но за что же меня вы ранили в сердце?
Из Валенсии вас отпустил я с честью,
Отдал вам своих дочек, добро и деньги.
Коль жен не любили вы, псы, лиходеи,
Зачем их с собой понуждали уехать?
За что их шпорами били и плетью?
За что их бросили в чаще леса,
Где их растерзали бы птицы и звери?
Да будет за это позор вам уделом.
Ответьте, иль пусть нас рассудят кортесы».

140

Вскочил тут на ноги граф дон Гарсия.
«Смилуйтесь, первый испанский властитель!
Пусть взглянут кортесы на этого Сида.
Отрастил он бороду, ею кичится,
Одних запугал, помыкает другими.
Но инфанты Каррьона столь родовиты,
Что даже в наложницы Соль и Эльвиру —
Не то что в жены — им брать неприлично.
По праву они, бросив их, поступили.
А Сидовы речи — угрозы пустые».
Погладил бороду Сид десницей:
«Слава господу богу и здесь и в вышних!
Да, граф, я оброс бородою длинной,
Но отчего же вам это обидно?
Не краснел за нее я ни разу в жизни,
Никому не давал ее рвать доныне —
Ни нехристю-мавру, ни христианину,
Как вашу мне в Кабре дергать случилось.
Когда эту крепость я взял с дружиной,
Драл вас за бороду каждый мальчишка.
Доселе в ней проплешины видны.
В кошельке у меня клок ее хранится».

141

Фернандо Гонсалес встал, в свой черед:
Услышьте, что громко вымолвил он:
«Пора б с этой тяжбой покончить давно.
Вернули вам, Сид, все ваше добро.
Не стоит длить между нами спор.
От графов каррьонских ведем мы род.
Любой государь отдаст за нас дочь.
Не ровня нам идальго простой.
По праву мы бросили в Корпесе жен.
Лишь пуще теперь мы гордимся собой».

142

С усмешкой мой Сид на Бермудеса глянул:
«Вновь, Педро Молчун, ничего ты не скажешь?
Иль дочкам моим не доводишься братом?
Кто метит в меня, тот тебя задевает.
Коль сам я отвечу, тебе не драться».

143

Тут Педро Бермудес слово берет.
Он не речист, на ответ не скор,
Но уж как начал, с ним лучше не спорь.
«У вас, мой Сид, в привычку вошло
В собраньях меня прозывать Молчуном,
Хоть знаете вы: я с детства таков.
Но не станет за мной, как до дела дойдет.—
Фернандо, ты лжец и болтаешь вздор.
Лишь честь принесло вам с Сидом родство.
Сейчас про тебя расскажу я все.
Припомни-ка, враль, под Валенсией бой.
Сид дал тебе первым вступить в него.
Полетел ты на мавра во весь опор,
Но, с ним не схватившись, пошел наутек.
Не будь там меня, ты бы ног не унес.
Я вместо тебя сразился с врагом,
Спе́шил его и пронзил насквозь.
Тайком его лошадь тебе подвел,
Никому о том не сказал до сих пор.
Ты ж Сиду и всем похвалялся потом,
Что мавра убил, как истый барон,
И каждый бахвальство за правду счел.
Труслив ты и подл, хоть пригож лицом.
Безрукий болтун, бесстыдно ты врешь!»

144

«Ну-ка, Фернандо, признайся нам,
Как в Валенсии лев привел тебя в страх,
Когда убежал он, а Сид дремал.
Как себя показал ты в беде тогда?
Под скамью, где спал Сид, заполз ты, дрожа,
И гроша за тебя я больше не дам.
Сеньора мы кинулись все защищать.
Тут проснулся мой Сид, что Валенсию взял,
Встал на ноги, смело пошел на льва.
Потупился зверь перед ним от стыда,
И Сид его в клетку отвел опять.
Когда воротился мой Сид назад,
Он всех вассалов вокруг увидал,
Спросил про зятьев, но вас не было там.
Бейся со мною, изменник и тать.

Сражусь я с тобой пред лицом короля
За доний Эльвиру и Соль де Бивар.
Вы бросили их, и грош вам цена.
Хоть вы мужчины, а пол их слаб,
Стоят они куда больше вас.
На поединке нашем, бог даст,
Придется тебе это, вор, признать.
Ни словом единым я здесь не солгал».
На этом меж ними кончилась пря.

145

Дьего Гонсалес молвил надменно:
«Мы — графского званья и знатны рожденьем.
О, если бы не было свадьбы этой!..
Нам с Кампеадором родниться невместно.
Мы бросили жен и о том не жалеем,
Они ж пусть вздыхают до самой смерти:
Их опозорили мы навеки.
На поединок я выйду смело.
Их бросив, себе мы прибавили чести».

146

Мартин Антолинес с места встает:
«Лжив твой язык, предатель и вор!
Вспомни, как струсил ты перед львом,
Как удрал за ворота на скотный двор,
Как в давильне, дрожа, стоял за столбом,
Как в грязи измарал свой плащ и камзол.
Не уйдешь ты нынче от боя со мной.
Не Сидовым дочкам, а вам позор!
Не стоите вы вами брошенных жен.
Признаться тебя я заставлю мечом,
Что ты — изменник, а речь твоя — ложь».

147

Кончилась пря между ними на этом.
Тут Асур Гонсалес входит в кортесы.
Обшит его плащ горностаевым мехом,
Лицо лоснится — всласть он наелся.
Не очень ведет он разумные речи.

148

«Кто это вздумал, бароны, чтоб мы
С каким-то биварцем тяжбу вели?
Пусть у себя на Увьерне сидит,
Дерет с мужичья за помол три цены.
Невместно каррьонцам родниться с таким».

149

Тут Муньо Густиос с места поднялся:
«Молчи, изменник, вор и предатель!
До заутрени ты садишься за завтрак,
Соседям во храме в лицо рыгаешь,
Ни сеньору, ни другу не скажешь правды,
Всем только лжешь, а богу — подавно.
Дружбу твою ни в грош я не ставлю.
Виновным себя ты в бою признаешь».
Молвил король: «Будет вам пререкаться.
Кто вызвал, пусть бьется,— господь за правых».
Едва он успел отдать приказанье,
Два рыцаря входят в кортесы нежданно —
Иньиго Хименес и с ним Охарра.
Сватами их в Кастилью прислали
Инфант Арагонский с Наваррским инфантом.
К рукам короля они припадают,
Сидовых дочек просят просватать,
Сулят им трон Арагона с Наваррой,
Коль король согласится выдать их замуж.
Смолкли бароны, внимают посланцам.
Мой Сид поднялся, встал пред собраньем:
«Явите милость, сеньор богоданный!
Всем сердцем господу я благодарен,
Что сватов к нам шлют Арагон с Наваррой.
Выдал замуж дочек не я — вы сами.
В ваших руках и теперь они также,
А я ни в чем вам перечить не стану».
Встал дон Альфонс, всех призвал к молчанью.
«Что вам угодно, мой Сид достославный,
Того и я от души желаю.
Две эти свадьбы сегодня мы сладим.
Именья и чести они вам прибавят».

«Песнь о Сиде»

Встал Сид и припал к рукам государя:
«Коль так вам угодно, сеньор, я согласен».
Промолвил король: «Да воздаст вам создатель!
А вы, Хименес с Охаррой, внимайте:
Дозволяю я сочетаться браком
Эльвире и Соль, дочкам Сида-биварца,
С Наваррским и с Арагонским инфантом.
Вручаю их вам и благословляю».
Хименес с Охаррой поспешно встали,
К руке короля припадают устами,
А после Сиду к руке приникают.
Учинили сговор и слово дали,
Чтоб все устроилось к общему благу.
Многим в кортесах это по нраву,
Зато каррьонцы отнюдь не рады.
Встал на ноги тут Альвар Фаньес Минайя:
«Явите милость, сеньор наш державный,
А Сид на меня пусть не будет в досаде.
Меня не слыхали в кортесах ни разу,
Но сказал кое-что сегодня и я бы».
Ответил король: «Ваша речь мне приятна.
Говорить здесь все, что угодно, вы вправе».
«Мне уделите, бароны, вниманье.
Каррьонцы меня обидели тяжко.
От лица короля по воле монаршей
Им своих сестер я вручил, как пристало.
Немало у Сида добра они взяли,
Но бросили жен, надругавшись над ними.
За это в измене я их обвиняю.
Из рода они Вани-Гомес, правда.
Было в нем много достойных графов,
Но эти двое в злодействе погрязли.
За то я творцу возношу благодарность,
Что к Соль и Эльвире прислали сватов
Инфант Арагонский с инфантом Наваррским.
Вам ровней, каррьонцы, они были раньше.
Теперь, как сеньорам, им руку лобзайте,
К стыду своему им во всем покоряйтесь.
Дону Альфонсу и господу слава!
Возвеличен ими мой Сид из Бивара.
Вы ж, повторяю, злодеи и тати.
А кто вам в защиту хоть слово скажет,
Того я немедля на бой вызываю».
Поднялся тут на ноги Гомес Пелаэс:

«Довольно, Минайя, с нас вашей брани.
Готовы тут многие с вами тягаться.
Тем хуже для вас, что вам этого мало.
Коль выйдем отсюда мы живы и здравы,
Я сам докажу вам, что вы солгали».
Молвил король: «Прекратим пререканья.
Пусть больше никто не вступает в распрю.
Поединку же быть на рассвете завтра.
Трое на трое будут, как вызвались, драться».
Каррьонцы на это ему возражают:
«Отсрочку нам, государь, предоставьте.
У Сида оружье и кони наши.
В Каррьон за новыми съездить нам надо».
Речь к Кампеадору король обращает:
«Где вам угодно, там бой и назначьте».
Тот молвит: «Зачем мне ехать куда-то?
Валенсии я — не Каррьона держатель».
Воскликнул король: «Ну вот и прекрасно!
Своих бойцов мне, Сид, передайте.
Пусть едут со мной под моей охраной.
Ручаюсь вам, как сеньор вассалу:
Никто из вельмож их не тронет пальцем.
Внемлите все моему приказу:
Чрез три недели в Каррьонском крае
Быть поединку в присутствии нашем.
А кто опоздает, тот будет объявлен
Изменником низким, бой проигравшим».
Подчинились инфанты, спорить не стали.
К руке короля мой Сид припадает:
«Своих трех бойцов я ныне вручаю
Вам, мой король и сеньор богоданный.
Все у них есть для победы в схватке.
Мне с честью верните их, бога ради».
Ответил король: «Как решит создатель!»
С золоченым шлемом мой Сид расстался,
Со светлой, как солнце, виссонной шапкой,
Снял тесьму, распустил всю бороду разом.
Не могут кортесы им налюбоваться.
К Энрике с Рамоном, двум графам знатным,
Подходит он, крепко их обнимает,
Предлагает обоим любые подарки,
Равно как всем за него стоявшим —
Пусть каждый берет, что ему по нраву.
Кто принял дары, а кто отказался.

Простил мой Сид королю двести марок
И много добра взять его заставил.
«Явите милость, сеньор, бога ради!
Коль скоро покончили мы с делами,
К руке меня допустите вашей,
И в Валенсию я отбуду обратно».

После чего, приказав дать послам Наваррского и Арагонского инфантов коней, мулов и прочее, что нужно в пути, Сид распростился со сватами.

Затем король дон Альфонс со знатнейшими вельможами выехал за город провожать Сида. И, достигнув Сокодове́ра, сказал Кампеадору, сидевшему на своем Бабьеке: «По чести, дон Родриго, вам следует проскакать перед нами на этом коне, о котором я столько наслышан».— «Сеньор,— с улыбкой ответил Сид,— в вашей свите немало именитых вельмож, коим это подобает больше, чем мне. Пусть они и потешут вас скачкой».— «Ваши слова мне по душе, Сид,— возразил король,— но все же прошу вас порадовать меня и проскакать на своем коне».

150

Тогда Сид пришпорил скакуна и помчался так быстро, что все изумились.

Перекрестился король торопливо:
«Святой Исидор, Леона хранитель,
Такого барона я вижу впервые!»
Мой Сид к королю подъезжает рысью,
Припадает устами к руке властелина:
«На Бабьеку не зря вы, сеньор, подивились:
Коня резвее нет в целом мире.
В подарок его от меня примите».
«Ни за что на свете! — король воскликнул.—
Хозяина лучше вовек он не сыщет.
Лишь такого достоин он господина,
Лишь на нем неверных громить должны вы.
Срази бог того, кто его отнимет:
Множит он с вами славу Кастильи».
Бароны с кортесов домой поспешили.
К бойцам своим так мой Сид обратился:
«Педро Бермудес, Мартин Антолинес
И Муньо Густиос, вассал мой милый,
3525-а В бою себя как бароны ведите,
Чтоб слух о победе в Валенсию прибыл».

Сказал Антолинес: «Тут речи излишни.
Коль скоро долг на себя уж принят,
Его мы уплатим иль жизни лишимся».
Рожденный в час добрый с друзьями простился
И, весел, в Валенсию отбыл с дружиной.
В Каррьон поехал Кастильи властитель.
Три полных недели минули быстро.
Сидовы люди к сроку явились,
Чтоб долг свой исполнить на поединке.
Король дон Альфонс не даст их в обиду.
Два дня ждать каррьонцев пришлось прибывшим.
Вот скачут инфанты, одетые пышно.
С роднею своей они сговорились
Застать врасплох поединщиков Сида,
К его позору на поле убить их.
Но ничего у каррьонцев не вышло:
Король дон Альфонс им страшен был слишком.
Всю ночь с оружьем бойцы промолились.
Заутра, едва занялась денница,
Сошлось туда много вельмож именитых,
Чтоб поединок воочью увидеть.
Король приехал вместе с другими,
Чтоб зла и кривды там не случилось.
Изготовились к бою три валенсийца:
Один у них долг, и они едины.
Каррьонцы тоже спешат снарядиться.
Дает им советы граф дон Гарсия.
Короля они просят с поклоном низким,
Чтоб Коладой с Тисоной никто не бился,
Чтоб в ход их пускать не дерзал противник,
Жалеют, что Сиду их возвратили.
Король не принял такой челобитной:
«Об этом в кортесах просить надо было.
Будьте храбрей, и ваш меч навострится
Под стать двум этим клинкам знаменитым.
Инфанты, на поле ступайте живо.
Как истые рыцари, бейтесь нынче:
Поединщики Сида — народ не трусливый.
Прославитесь вы, коль сладите с ними;
Коль вас побьют, зла на нас не держите —
Все знают: вы сами на то напросились».
Пришли инфанты в большое унынье,
О том сожалеют, что натворили,
Каррьон бы отдали, чтоб помириться.

Сидовы люди готовы к битве.
Подъехал король, их взором окинул.
Молвят они: «Наш природный владыка,
Король и сеньор, вам целуем десницу.
По правде с врагами нас рассудите,
Чтоб здесь не случилось ни зла, ни кривды.
У каррьонских инфантов большая свита.
Откуда нам знать, что их род замыслил?
Сеньор наш отдал нас вам под защиту.
Защитите же нас, да воздаст вам Спаситель!»
Король дон Альфонс им в ответ: «Не премину».
На коней быстроногих все трое вскочили
И в бой поскакали, перекрестившись.
На шеях щиты с шипами стальными,
Наконечники копий остры и длинны,
Значок на каждом ветер колышет.
Много баронов вослед им мчится
К вешкам, туда, где поля граница.
Уговорились бойцы нерушимо:
Каждому насмерть с врагом рубиться.
Навстречу им скачут каррьонцы лихо
С большою свитой: их род многочислен.
Судей назначил король самолично —
Решать им одним, кто в бою победитель.
Рек дон Альфонс, как поля достигли:
«Словам моим, инфанты, внемлите.
Когда б не вы, бой в Толедо был бы.
Трех этих бойцов, что выбраны Сидом,
В Каррьон я привез под своей защитой.
Стойте ж за правду и бойтесь кривды.
Кого уличат в ней, тот будет изгнан —
Нет места ему в державе Кастильской».
Невесело это каррьонцам слышать.
Расставили вешки судьи честны́е.
Все с поля ушли и вокруг поместились.
Шестерым бойцам престрого внушили:
Кто вышел за вешки, тот признан побитым.
Весь люд придворный вкруг вешек стеснился,
На полдюжины копий от них отодвинут.
Солнце между сторон поделив справедливо,
Судьи из круга за вешки вышли.
На каррьонцев помчались рыцари Сида,
Каррьонцы на них, в свой черед, устремились.
Каждый себе противника выбрал,

Добрым щитом надежно прикрылся,
Наклонил копье со значком развитым,
К холке коня пригнулся пониже,
Шпорит, чтоб несся скакун, как птица.
Дрожит земля, грохочут копыта.
Избрал противника каждый рыцарь.
В круге они трое на трое сшиблись.
Решил народ: «Все, наверно, погибнут!»
Бермудес первым вступил в поединок,
С Фернандо Гонсалесом он схватился.
В щиты друг другу бьют они с силой.
Щит дону Педро копье пронзило,
Вышло наружу, но в плоть не проникло,
Древко его в двух местах преломилось.
Не качнулся Бермудес, с седла не свалился,
Ударом воздал за удар, что принял.
Копье угодило под шип нащитный,
Разом вонзилось в щит до половины,
В тройной кольчуге два ряда пробило,
А в третьем застряло, от сердца близко,
Лишь потому Фернандо и выжил.
Рубашка, камзол и кольца стальные
В мясо ему на ладонь вдавились,
Багряный ток изо рта его хлынул,
Подпруги, не выдержав, расскочились.
Из седла Бермудес каррьонца вышиб.
Решил народ, что инфанта убили.
Копье бросил Педро и шпагу вынул,
Но чуть Фернандо Тисону завидел,
При судьях себя признал он побитым,
И с поля Бермудес прочь удалился.

151

Дон Мартин и дон Дьего бьются на копьях.
От удара сломались они у обоих.
Антолинес шпагу вырвал из ножен.
Сверкнул клинок, озарил все поле.
Бьет дон Мартин что есть силы наотмашь,
Рассек на инфанте шлем золоченый,
Завязки на нем порвал, как бечевки,
Забрало пробил до подкладки холщовой.
Шпага насквозь через холст проходит,

Волосы режет, касается кожи.
Осталось на Дьего полшлема только.
От удара Колады струхнул каррьонец,
Понял, что целым не выйдет из боя.
Показал он противнику спину тотчас,
Даже меч на него со страху не поднял.
Тут дон Мартин по хребту его ловко
Плашмя огрел Коладой тяжелой.
Инфант в испуге воскликнул громко:
«От этой шпаги спаси меня, боже!»
Коня погнал он за вешки галопом.
Поле осталось за бургосцем добрым.
«Ко мне возвратитесь,— король ему молвил,—
Победу добыть помогла вам доблесть».
Согласились судьи с таким приговором.

152

О Муньо Густиосе скажем теперь мы.
С Асуром Гонсалесом сшибся он смело.
Друг другу в щит копьем они целят.
Асур Гонсалес и ловок и крепок.
Щит дону Муньо пробил он метко.
Конец копья кольчугу прорезал,
Но вышел наружу, не ранив тела.
Нанес Густиос удар ответный,
В средину щита угодил с разбега,
Разрубил на Асуре сбоку доспехи,
Копье всадил в него около сердца.
Впилось глубоко в Асура древко,
Наружу вышло на локоть целый.
Копье повернул Густиос умело
И, выдернув, сбросил врага на землю.
Значок и древко от крови алеют.
Все мыслят: Асур не уйдет от смерти.
Копье над ним вновь заносит недруг.
Гонсало Асурес воскликнул: «Не бейте!
Осталось поле за вами в сраженье».
Сказали судьи: «Мы слышим это».
Отдал король разойтись повеленье,
Оружие взял, что осталось на месте.
Сидовы люди уходят с честью:
С помощью божьей они одолели.

В каррьонских землях печаль и смятенье.
Ночью пришлось валенсийцам уехать:
Решил король — так опасности меньше.
Мчат они днем и ночью не медлят,
Скачут в Валенсию, Сида владенье.
Осрамили каррьонцев они навеки,
Долг пред сеньором исполнив примерно.
Сид Кампеадор доволен и весел.
Инфантам везде воздают поношеньем.
Кто женщин безвинных смеет бесчестить,
Пускай такого же ждет удела.
Но речь о каррьонцах закончить время.
Получили они то, чего хотели.
О рожденном в час добрый пора поведать.
Валенсия-город в большом восхищенье:
Сидовы люди вернулись с победой.
Бороду гладит Руй Диас неспешно:
«За дочек отмстить мне помог царь небесный.
Хоть не достался Каррьон им в наследство,
На них жениться каждому лестно».
Посол арагонский с наваррским вместе
И Альфонс Леонский уладили дело:
Эльвира и Соль вновь венчаются в церкви.
Второй их брак почетней, чем первый.
Ныне мужья у них лучше, чем прежде.
Рожденный в час добрый стал всюду известен.
В Арагоне с Наваррой царят его дети.
Монархи испанские — Сидово семя.
Гордятся они достославным предком.
Расстался мой Сид с этим миром бренным
В троицын день, да простит его небо!
Дай бог того же и всем нам, грешным.
Вот что за подвиги Сид содеял.
На этом рассказ наш пришел к завершенью.

Аминь! Да сподобится рая писавший.
Писано в мае Педро Аббатом
В год тысяча триста и сорок пятый.
Кто книгу прочел, пусть вина поставит,
А коли нет денег, закладывай платье.

РОМАНСЕРО

СОСТАВИТЕЛЬ Н. ТОМАШЕВСКИЙ

РОМАНСЫ О КОРОЛЕ РОДРИГО

РОДРИГО ОТКРЫВАЕТ ЗАКОЛДОВАННУЮ ТОЛЕДСКУЮ ПЕЩЕРУ

Повелитель дон Родриго,
Чтобы трон прославить свой,
Объявил турнир в Толедо.
Небывалый будет бой:
Ровно шесть десятков тысяч
Славных рыцарских знамен.
Но когда турнир великий
Открывать собрался он,
Появились горожане,
У его склонились ног:
В древнем доме Геркулеса
Просят снять с дверей замок.
Рьяно взялся он за дело,
Как владыки всех времен,
Сбить замки и все засовы
Повелел немедля он.
В дом входя, он думал: клады
Геркулес оставил в нем,
Оказалось — в доме пусто,
Не хранил сокровищ дом.
Только надпись увидали:
«Встретишься, король, с бедой!
Кто проникнет в это зданье,
Тот погубит край родной».

Был еще сундук богатый
Вынут из одной стены.
Стяги в нем. На каждом стяге
Были изображены
Сотни мавров — как живые,
Их мечи обнажены,
Кони быстрые ретивы,
Лики всадников страшны.
Арбалеты, катапульты —
Устрашающий поток.
Дон Родриго отвернулся,
Больше он смотреть не мог.
Тут с небес орел спустился,
И сгорел немедля дом.
Армию король направил
В Африку прямым путем.
Графу дону Хулиану
Поручил команду он.
Но во время переправы
В море граф понес урон.
Двести кораблей погибло,
Сто гребных галер, и вот
Спасся граф с остатком войска.
Так закончился поход.

КАК КОРОЛЬ ДОН РОДРИГО ВЛЮБИЛСЯ В ЛА КАВУ, КОГДА ОНА МЫЛА ВОЛОСЫ В РОДНИКЕ

Чистой влагою хрустальной,
Родниковою водою
Мыла волосы Ла Кава —
Это чудо золотое.
Оттеняет мрамор шеи
Нежных прядей позолота,
Взор притягивают к шее
Эти пряди, как тенета.
На воду, на отраженье
Смотрит девушка влюбленно
И боится стать несчастной,
Как Нарцисс во время оно.
На нее глядел Родриго,
Стоя в заросли зеленой.

Был Родриго околдован
И промолвил, восхищенный:
«Что там Троя! Что Елена
Рядом с этой красотою,
Всю Испанию, пожалуй,
Я бы сжег в огне, как Трою».

РОДРИГО И ЛА КАВА

С приближенными своими,
Шаловлива и лукава,
Из дверей дворцовой башни
Выходила в сад Ла Кава.
Девушки в кружок уселись
На траве зеленой сада,
Под ветвями пышных миртов,
Под листвою винограда.
С ними в круг Ла Кава села,
Ей на ум пришла забава:
Лентою стопы обмерить
Повелела всем Ла Кава.
Все измерили. Последней
Измерять Ла Кава стала.
Оказалось: меньше ножки
И прекрасней не бывало.
Но откуда знать Ла Каве,
Что судьбе жестокой надо?
Увидал Родриго деву,
Отвести не в силах взгляда.
Задрожал Родриго. Случай
Выпустил на волю пламя,
Короля любовь объяла,
Широко взмахнув крылами.
Во дворец ушли девицы,
Опустела вдруг поляна.
Был пленен король Родриго
Самой нежной и желанной.
Он призвал ее назавтра
В свой покой и молвил: «Право,
Мне сегодня жизнь постыла,
О прекрасная Ла Кава!
Если ты мне дашь спасенье,
Ждет тебя тогда награда,

Я готов принесть корону
На алтарь твой, если надо».
Говорят, она сердилась,
Королю не отвечала,
Но потом обрел Родриго
Все, о чем просил сначала.
Сорван был цветок прекрасный.
Что раскаянье! Немало
Из-за прихоти Родриго
Вся страна потом страдала.
Нынче спорят, кто виновней
И кого судить по праву:
Женщины винят Родриго,
А мужчины все — Ла Каву.

* * *

Говорят, влюблен Родриго,
Ходит грустный, замечали.
Лишь Ла Каве он поведал,
В чем секрет его печали.
На красавицу глядел он
Восхищенными очами,
Руки белые он славил
Восхищенными речами.
«Ты пойми меня, поверь мне,
Я души в тебе не чаю,
Быть хочу твоим до гроба,
Сердце я тебе вручаю».
Хоть Родриго честью клялся,
Не поверила Ла Кава,
То смеялась, то винилась,
То упрямилась лукаво.
Этот смех притворный слыша,
Стал король еще печальней.
После трапезы полдневной
Скрылся он в опочивальне,
А пажа послал за Кавой,
И послушная девица,
О беде не помышляя,
Не замедлила явиться.
Лишь узрел король Ла Каву,
Обнял он ее мгновенно,

Дал ей согню обещаний,
О любви моля смиренно,
Но не верила Ла Кава
Обещаниям и лести,
И тогда Родриго силой
Взял ее, забыв о чести.
В свой покой ушла Ла Кава,
Обеспамятев от горя,
Как ей быть? Кому поведать
О несчастье и позоре?
Что ни день, она рыдала,
Красота ее увяла,
И одна ее подруга
Слезы Кавы увидала.
И рыдающей Ла Каве
Вот что дама та сказала:
«Я теперь, Ла Кава, вижу,—
Ты не веришь мне — иначе
Ты бы честно мне призналась,
Отчего исходишь в плаче».
И несчастная Ла Кава,
Хоть противилась вначале,
Все подруге рассказала,
Излила свои печали
И сказала, что об этом
Помолчать бы не мешало.
Но совет дала ей дама,
Вот что ей она сказала:
«Напиши отцу всю правду,
Обо всем поведай прямо».
Все исполнила Ла Кава,
Что советовала дама.
Отдала гонцу посланье,
И, покорствуя приказу,
На корабль он сел в Тарифе
И в Сеуту отбыл сразу,
Там вручил посланье графу,
Гордому отцу Ла Кавы.
Мать ее, узнав о горе,
Зарыдала: «Боже правый!»
Граф жену свою утешил,
Дал графине обещанье,
Что сочтется он с Родриго
За позор и поруганье.

ЛА КАВА ОПЛАКИВАЕТ СВОЙ ПОЗОР

Слезы градом льет на землю,
В воздух стоны исторгая,
Нет, не зря, не без причины
На сердце печаль такая
У Ла Кавы горемычной:
Вся страна поет ей славу,
По красе считают первой
И по горестям Ла Каву.
От любви — ее печали,
От презрения — страданья.
Охлаждение Родриго
Тяжелее поруганья.
«Ради прихоти минутной
Ты замыслил шаг коварный,
Честь, достоинство Ла Кавы
Ты попрал, неблагодарный.
Нет, из-за самой потери
Я б не стала убиваться,
Горько мне, что за бесчестье
Не могу я расквитаться.
За обман я мстить не в силах,
Спор с тобой веду напрасно:
Ты презрел меня, ославил,
А была я так прекрасна.
Да, к речам твоим коварным
Я была глуха когда-то,
Ибо им не доверяла,
Знала, что придет расплата.
Разве я могла представить,
Что увенчанный короной
Припадет с мольбой смиренной,
Словно юноша влюбленный.
О своей твердишь ты мести,
Но и в этом правды мало,
Ибо кровь моя причиной
Славного отпора стала».

ГРАФ ХУЛИАН КЛЯНЕТСЯ ОТОМСТИТЬ РОДРИГО ЗА БЕСЧЕСТЬЕ ДОЧЕРИ

Говорит сеньор Тарифы:
«О, позор моим сединам.
Отомщу я, оскорбленный

Королем и господином».
Старец рвет власы седые,
Стонет в исступленье диком
И серебряные нити
По ветру пускает с криком.
Благородный лик изранен,
И видны на этом лике
Два источника. Струится
Горести поток великий.
В гневе граф не видит неба,
Руки вскинул к звездным высям.
Там его беды свидетель,
От кого мы все зависим.
«О судьба, о жалкий жребий,
Ты в холодном безразличье
Так безжалостно караешь
Благородство и величье.
О король наш безрассудный,
Ты расплаты не предвидел,
Красотою ослепленный,
Ты меня и дочь обидел.
Даст бог, сил во мне достанет,
Отплачу я, не взыщи ты.
Я взываю к правосудью,
У небес молю защиты.
Люди, вы меня за эти
Речи строго не судите.
Если сам король предатель,
Что взять с подданных, скажите.
Боже правый! Превратится
Вся Испания в руины,
Потому что нечестивец
Оскорбил мой род старинный.
Невиновные заплатят
За неистовства владыки.
Если сам король бесчестен,
Ждет страну позор великий.
Прикрываясь божьей волей,
Деспоты жестокой каре
Предают людей невинных,
Словно Сулла или Марий.
Видит бог, когда бы мог я,
Я б не стал вредить отчизне,
Лишь тирану отомстил бы,

Не губил бы столько жизней.
Но иной мне выпал жребий:
Полонили сарацины
Мой удел, мою Тарифу,—
Всюду пламя и руины.
На несчастье иль на счастье
Грозная явилась сила.
Кость — в игре, а где та воля,
Чтоб ее остановила?
Слава богу! Наш властитель
Должен скоро расплатиться,
Скоро с честью и короной,
Скоро с жизнью он простится.
Так неужто же, безумцы,
Потакать ему должны мы?
Неужели злость и подлость
Тех, кто правит, несудимы?
Небо, небо, все ты взвесишь,
Всем воздашь ты за могилой,
Так взгляни на горе старца,
Пожалей его, помилуй».
Так дон Хулиан несчастный
Сетовал, читая строки
Горького письма Ла Кавы,
Чьи печали столь жестоки.

ПОТЕРЯННОЕ КОРОЛЕВСТВО

Войска короля Родриго
Позиций не удержали:
В восьмой решительной битве
Дрогнули и побежали.
Король покидает лагерь
Один, без охраны и свиты,
И едет прочь поскорее,
Тягчайшим горем убитый.
Дороги не разбирая,
Плетется конь еле-еле,
Король опустил поводья
И едет вперед без цели.
Усталость, голод и жажда

Совсем его доконали,
Сломило его бесчестье —
Оправится он едва ли.
Покрытые кровью вражьей,
Багровыми стали латы,
В бою затупилась пика,
Зазубрился меч булатный,
И шлем от многих ударов,
Подобно скорлупке, лопнул,
И согнутое забрало
Вонзилось до кости лобной.
К холму подъехал Родриго,
Взошел на его вершину,
И взглядом, полным печали,
Окинул король равнину.
Еще никогда Родриго
Не знал такого урона —
Отряды его разбиты
И втоптаны в грязь знамена,
Прославленные штандарты
Постыдно лежат во прахе,
Храбрейшие полководцы
Бежали в позорном страхе;
Все поле покрыли трупы,
Окончился бой без славы,
Ручьи окрасились кровью,
И красными стали травы.
И, плача, сказал Родриго
Себе самому с укором:
«Вчера я носил корону,
Сегодня покрыт позором;
Вчера владел городами,
Командовал войском огромным,
Сегодня без слуг остался.
Сегодня я стал бездомным.
В тот день и час посмеялась
Судьба надо мной жестоко,
Когда я на свет родился
И волею злого рока
Наследовал сан королевский.
Мне было дано так много,
Так мало теперь осталось!
Лишь смерти прошу у бога —
Не медли, приди скорее,

Свершится благое дело,
Когда мою грешную душу
Возьмешь из бренного тела!»

ПЛАЧ О ГИБЕЛИ ИСПАНИИ

Оглянитесь, дон Родриго,
Где ваш край и ваша слава?
Всю Испанию сгубили
Ваша прихоть и Ла Кава.
Поглядите — ваши люди
Полегли в бою кровавом.
Нет, отчизна не виновна.
Может, кровь ее нужна вам?
О Испания!.. Погибла.
А виной всему — Ла Кава.
Где добытая веками
Наших гордых дедов слава?
Королевство, жизнь и душу
Вы внезапно потеряли,
Ваше кончилось блаженство,
Наши множатся печали.
Честь всегда от злобы гибнет,
Погибает жизнь и слава.
О, Испания погибла.
А виной всему — Ла Кава.

ПОКАЯНИЕ КОРОЛЯ РОДРИГО

Несчастный король Родриго,
Лишившись всего, что имел,
Бежал в неприступные горы —
Такой ему выпал удел.
Один, без друзей и близких,
Он едет, тоской гоним,
И только горькое горе
Плетется следом за ним.
Все выше мрачные горы,
Тропинка крута и глуха,
Но вот он встречает стадо
И старого пастуха.

Промолвил король несчастный:
«Ты видишь беду мою,
Меня пожалей, дружище,
И путь укажи к жилью».
«Пустынны дикие горы,—
Пастух ему говорит,—
Здесь нет ни за́мка, ни дома,
Один только бедный скит.
Живет там старик столетний,
Отшельник, святой человек...»
«В скиту,— подумал Родриго,—
Окончу свой грешный век».
Король, завершив беседу,
Лишился последних сил,
И он попросил напиться,
И хлеба он попросил.
Пастух развязал котомку,
И все, что имел он сам —
Краюху хлеба и мясо,—
Пастух разделил пополам.
Но жилистым было мясо,
А хлеб — из темной муки,
И горько король заплакал
В порыве глухой тоски,
И вспомнил пиры былые,
И вспомнил былые дни...
И снял цепочку и перстень —
Ему не нужны они.
«Бесценные эти вещи
В подарок возьми от меня»,—
Сказал пастуху Родриго
И снова сел на коня.
Пастух указал дорогу,
Сказал, где надо свернуть,
И бывший король Родриго
Опять отправился в путь.
За горы скатилось солнце,
Последний отблеск пропал,
И скит он тогда увидел
Среди неприступных скал.
Навстречу вышел отшельник,
Вериги были на нем.
И молвил ему Родриго:
«Всесильным я был королем,

Свое королевство предал
Из-за проклятой любви,
Отец, я великий грешник,
И руки мои в крови.
Я богом прошу, отшельник,
Покаяться мне дозволь
И дай грехов отпущенье...»
Вот так говорил король.
Дрожа, ответил отшельник:
«Я исповедь слушать готов,
Но душу спасти не смею
И дать отпущенье грехов».
Пока они говорили,
Послышался божий глас:
«Тебе велю, исповедник,
Чтоб ты заблудшего спас.
Живым этот страшный грешник
Сойдет в могильную тьму
И примет там покаянье,
И все простится ему».
Король благодарный заплакал,
И богу воздал хвалу,
И сам безо всякого страха
В могилу лег, под скалу.
А страшная та могила
Была глубока и темна,
И змей с семью головами
Поднялся с черного дна.
«Молись за меня, отшельник,
Я знаю — близок конец».
Закрыв могилу плитою,
Молился святой отец.
Остался король Родриго
Со страшным змеем вдвоем.
«Что чувствуешь ты, несчастный,
На смертном ложе своем?»
«Грызет меня змей ужасный,—
Король говорит в ответ,—
Грызет мое бедное сердце —
Источник грехов и бед...»
Но вот над землей испанской
Поплыл колокольный звон:
Душа вознеслась на небо —
Покаявшийся прощен.

РОМАНСЫ О БЕРНАРДО ДЕЛЬ КАРПИО

РОЖДЕНИЕ БЕРНАРДО ДЕЛЬ КАРПИО

В те годы Альфонсо Чистый
Королевством Леона правил;
Хименой сестру его звали —
Красавицу из красавиц.
В Химену граф де Салданья
Влюбился — и не напрасно,
Поскольку инфанта тоже
Его полюбила страстно.
Было столько свиданий тайных,—
Молва их любви не касалась,—
Что инфанта прекрасная вскоре
Беременной оказалась.
Сын у нее родился —
Кровь с молоком, здоровый;
Она назвала Бернардо
Младенца с долей суровой;
Пеленала его, рыдая,
Причитала снова и снова:
«Зачем ты родился, сын мой,
От матери-горемыки?
Ты стал нам с отцом отрадой,
Но также бедой великой».
Узнав это, добрый король
Сослал в монастырь сестрицу,
А графа велел заточить
В башню Де-Луна — в темницу.

БЕРНАРДО НАДЕВАЕТ ТРАУР

При дворе короля Альфонсо
Бернардо живет, не тужит,
Не ведая, что в темнице
Отца его цепи душат.
Это было известно многим,
Но связал их король запретом,
И никто не решался открыто
Заговорить об этом.
Две дамы умно и ловко
Осведомили Бернардо,

И кровь его закипела,
Когда он услышал правду.
Он метался в своих покоях,
И громко и горько рыдал он,
Оделся в глубокий траур
И пред королем предстал он.
Король, увидав его в черном,
Сказал ему слово такое:
«Бернардо, ты, может быть, хочешь,
Чтоб смерть явилась за мною?»
Сказал Бернардо: «Сеньор,
Не надо мне смерти вашей,
А больно мне, что отец мой
Томится в тюремной башне.
Молю вас, король мой добрый,
Свободу ему верните».
В ярость пришел Альфонсо
И молвил в сердцах: «Уйдите,
Уйдите отсюда, Бернардо,
Вам язык прикусить придется,
Иначе вам эта дерзость
Дорого обойдется.
А я вам клянусь: покуда
Мои не иссякли годы,
Ваш отец не увидит
И дня одного свободы».
«Король, на все ваша воля,
Я должен молчать и слушать,
Но знайте — вы злом отплатили
Тому, кто вам верно служит.
Господь смягчит ваше сердце,
Отца вы освободите;
Пока же он заперт в темнице,
В трауре буду ходить я».

ЖАЛОБЫ ГРАФА САЛДАНЬЯ

В темнице дон Санчо Диас,
Владетельный граф де Салданья,
Омывает слезами стены,—
Безутешны его рыданья.
На сына своего Бернардо
Он сетует неизменно,

И на короля Альфонсо,
И сестру короля — Химену:
«О годах моего заключенья,
И долгих и невыносимых,
Всегда мне напоминают
Скорбные мои седины.
Когда я вошел в этот замок,
Борода едва пробивалась,
Теперь за мои прегрешенья
Она длинной и белой стала.
О, как ты беспечен, сын мой!
Ужель моя кровь в твоих жилах
Тебя не зовет на помощь
Тому, кто страдать не в силах?
Или общая с королевской
Кровь матери твоей гордой
В тебе говорит — и сам ты
В вину мою веришь твердо?!
Все вы трое — мои враги!
Горя, что ли, бедняге мало,
Что ему и плоть его плоти
Недругом тоже стала?
Я от стражи слыхал, что в битвах
Всех ты подвигами восхищаешь,
Но если не для отца,
Для кого ты их совершаешь?
Если ты мне помочь не хочешь,
Закованному безвинно,
Значит — или плохой отец я,
Иль имею плохого сына.
Прости — отводил я душу
Седой, одинокий, сирый;
Я плачу по-стариковски,
Ты ж молчишь, будто нет тебя в мире...»

БЕРНАРДО ПОБЕЖДАЕТ МАВРИТАНСКОГО КОРОЛЯ И ИЗБАВЛЯЕТ АЛЬФОНСО ЧИСТОГО ОТ ПОРАЖЕНИЯ И ПЛЕНА

Снаряжает король мавританский,
Властитель Мериды гордый,
Большое войско — язычник
На север ведет свои орды.

На землях Альфонсо Чистого
Он стяги свои взвивает,
У стен городских Бенвенте
Он лагерь свой разбивает.
Узнав об этом, Альфонсо
Собрал своих воинов лучших,
Он вышел навстречу мавру,
И бой завязался тут же.
Кровопролитная битва
Долгой была и упорной,
И там, где Бернардо сражался,
Враг отступал позорно.
Но мавров было так много,
Что Альфонсо они окружили,
И если бы не Бернардо,
Они б его в плен захватили.
Однако Бернардо примчался
И на мавров ударил с тыла.
И сказал ему тут король,
Пусть просит себе награду,
И слово дал, и прибавил,
Что сдержать его будет рад он.
Попросил Бернардо свободу
Дать отцу, и король согласился;
И Бернардо еще исступленней
На мавров опять устремился.
Он их сокрушал, настигая,
Не зная пощады и дрожи;
Убит был король мавританский,
А лагерь его уничтожен.
Много мавров было убито,
И в плен было много взято;
Король возвратился с почетом,
А также с добычей богатой.

БЕРНАРДО ТЩЕТНО ПРОСИТ СВОБОДЫ ДЛЯ СВОЕГО ОТЦА

Пред Альфонсо Чистым Бернардо
Предстал, преклонив колена:
За отца своего родного
Короля он молит смиренно.

«О могучий король,— говорит он,—
Признаю я и подтверждаю:
Провинился отец пред тобою,
Твой законный гнев возбуждая.
Но, король справедливый, вспомни,
То был юноша пылкий и смелый,
А теперь в каземате мрачном
Голова его побелела.
Простить его время настало:
О грехе единственном память
Я смыл уже кровью своею,
А он — своими слезами.
На сына преступного графа
Ты смотришь, быть может, и косо,
Но ведь кровь сестры твоей тоже
В моих жилах течет, Альфонсо!
Если б ты мою службу, сеньор,—
А служил я тебе на совесть,—
Соразмерил с обидой давней,
То смягчил бы свою суровость.
Сдержи королевское слово,
Или, богом клянусь и честью,
Содрогнется твое королевство,
Моей потрясенное местью».

СВИДАНИЕ БЕРНАРДО ДЕЛЬ КАРПИО С КОРОЛЕМ

Король посылает письма
И шлет к Бернардо гонцов:
Велит ко двору явиться —
Король говорить с ним готов.
Бернардо ехать не хочет,
Он полон предчувствий дурных,
Он письма в огонь бросает,
Людей собирает своих.
Когда собрались они вместе,
Сказал он им напрямик:
«Четыреста вас, мои люди,
Которые хлеб мой едят:
Никогда вас не разлучали.
Теперь же вас разлучат.

Сто из вас останутся в Карпио,
Наш замок стеречь; все пути
Сто других бойцов перекроют,
Чтоб никто там не мог пройти;
А двести пойдут со мною,
Чтоб говорить с королем;
Если скажет он злое слово,
Мы бóльшим ответим злом».
Он тотчас пустился в дорогу,
Был марш его быстрым столь,
Что вскоре отряд его прибыл
В то место, где был король.
Из двухсот человек половине
Он строгий приказ дает:
Стоять неусыпно на страже
У всех городских ворот;
А сам с другой половиной
В королевский дворец идет:
Пятьдесят в дверях оставляет,
Чтобы выход закрыть и вход;
Он тридцать на лестнице ставит —
Ни вниз не пускать, ни вверх!
А к королю — с Бернардо
Лишь двадцать идет человек.
В один из покоев он входит,
Король навстречу идет,
Он хочет к руке склониться,
Король руки не дает.
«Король, да хранит всевышний
Всех ваших близких и вас!
Зачем вы меня позвали,
Каким будет ваш приказ?
Или землю, что вы мне дали,
Вы хотите отнять сейчас?»
Король так сердит, что вначале
На него и не поднял глаз
И долго молчал, а после
Сказал ему без прикрас:
«Не к добру твой приход, изменник,
Ты сын дурного отца,
На время я дал тебе Карпио,
Ты же взял его навсегда!»
«Неправда, король мой, неправда,
Сказавший это — солгал;

Изменником не бывал я,
Изменников род наш не знал.
Вы вспомните об Энсинале,
Вы вспомните день и час,
Когда чужеземные люди
Убить собирались вас.
Коня под вами убили,
Вас пешим увидел я.
Тогда изменник Бернардо
Вам дал своего коня
И копьем пробил вам дорогу,
От ударов щитом храня.
Двух братьев тогда убил я,
Сыновей отца моего,
Ни епископ, ни архиепископ
Не хотят мне простить того.
Вы сами мне Карпио дали.
Я у вас не просил его».
«Я тебе по собственной воле
Никогда ничего не дарил.
Хватайте его, кабальеро,
Он дерзок со мною был!»
Никто не шагнул к Бернардо,
Боясь его гнев навлечь.
Плащом обернувши руку,
Из ножен он выхватил меч.
«Сюда, ко мне, мои люди,
Кому мои земли даны!
Сегодня — тот день, когда мы
Отстоять свою честь должны».
Король, увидав такое,
Его успокоить решил:
«Дурные свои привычки,
Племянник, ты не забыл:
Ты верил, когда, бывало,
С тобой человек шутил.
Я дал тебе замок на время,
Теперь дарю навсегда
И даже готов поклясться,
Коль встретится в том нужда».
Бернардо, выслушав это,
Сказал королю опять:
«Никто мой собственный замок
Не может в подарок мне дать,

А если отнять кто захочет,
Я сумею его отстоять».
Короля его смелость смутила,
И сказал он, чтоб дело решить:
«Бернардо, владей своим замком,
И в мире мы будем жить!»

БЕРНАРДО БРОСАЕТ ВЫЗОВ

По берегам Арлансы
Бернардо дель Карпио мчится;
Покрыт чепраком пурпурным,
Летит его конь как птица;
Скачет с копьем Бернардо,
Вооружен до зубов он,
И жители Бургоса в страхе
Следят за бойцом суровым:
За оружие зря не берутся,
А если берутся — то к бою.
Увидел король: словно цапля,
Стелется конь над землею,
И сказал, к своим обращаясь:
«Видно рыцаря с первого взгляда!
Это — или Бернардо дель Карпио,
Или грозный Муса из Гранады».
Пока они так говорили,
Бернардо вблизи показался;
Он коня своего осадил,
Но с копьем своим не расстался:
Положил его на плечо
И пред королем остался:
«Король, меня кличут бастардом
За то лишь, что сын я нежданный
Сестры твоей младшей и графа
Санчо Диаса де Салданья;
Говорят, что отец мой изменник,
А сестра твоя чести лишилась;
Лишь ты и твой двор их поносят,
Другие на то б не решились.
Кто б там ни был, такие слухи —
Бесстыдная ложь и низость:
Отец мой изменником не был,

И чести мать не лишилась;
Я зачат был ею, когда
Они уже поженились.
Приказал ты отца в темницу,
А мать в монастырь отправить,
Хочешь выдать страну французам,
Чтоб меня без наследства оставить.
Кастильцы умрут скорее,
Но не захотят смириться;
Леонцы и храбрые горцы,
И гордые астурийцы,
И сам король Сарагосы
Прийти мне на помощь готовы,
Чтоб на Францию ополчиться
И сразиться с ней в битве суровой.
Я с победой вернусь — это будет
Для всей Испании благом;
Не вернусь — за Испанию я
Умру под испанским стягом.
Ты мне клялся, ты дал мне слово,
Что отец мой на воле будет;
Или слово сдержи, или в поле
Пусть нас поединок рассудит».

БЕРНАРДО ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ЛЮДЬМИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ВОЙНУ С ФРАНЦУЗАМИ

С отборными астурийцами
В поход выступает Бернардо;
Леон покидает он, чтобы
Для Франции стать преградой.
Задумал Альфонсо Чистый
Французу отдать королевство,
Как будто бы нет в Леоне
Достойных такого наследства.
Куда ни глянь — землепашец
Из рук косу выпускает,
Садовый нож и мотыгу;
Пастух свой посох бросает.
Старики, прибодрясь, шагают,
Молодые — с воодушевленьем;

Опустели все города
И окрестные поселенья.
Все бегут навстречу Бернардо,
Провозглашая: «Свобода!»
На пограничной равнине
Перед началом похода
Делает смотр Бернардо
И так говорит народу:
«Я к вам обращаюсь, леонцы!
Кто считает себя благородным,
От того и не ждут поступков,
Недостойных людей свободных.
От свободных отцов мы родились;
Королю, своему сюзерену,
Воздаете вы все, что должно
По божественному изволенью.
Но господь в небесах не хочет,
Чтоб своих сыновей и державу
Предали вы иноземцам,
Посрамив своих дедов славу.
Пусть король отдает французам
Свое золото, но не вассалов,
Урезывать наши свободы
Он не вправе и в самом малом.
Как вассалы добрые, мы
Защитим короля на троне,
Защитим нашу землю и жизнь,
Наши семьи в нашем Леоне.
Неужели допустим мы, чтобы
Чужестранцы нас покорили,
Чтобы пасынками у французов
Сыновья наши завтра были?
Чтобы древней страной наших предков
Чужаки навсегда завладели
Оттого, что один только день
Мы выстоять не сумели?
Пусть тот, кто на поле боя
Трех французов не одолеет,
Нас оставит; нас будет меньше,
Но зато мы станем сильнее.
Я и каждый из вас, неробкий,
С четырьмя врагами сразимся,
Да и если б их больше было,
Мы всей Франции не побоимся!»

Покончив на этом, он вздыбил
Коня, и, сверкая бронею,
Он крикнул: «Вперед, леонцы,
Кто истинный рыцарь — за мною!»

БЕРНАРДО ДОБИВАЕТСЯ ТОГО, ЧТО ЕМУ ВОЗВРАЩАЮТ ОТЦА, НО—МЕРТВЫМ

«Король Альфонсо, ты клятву
Еще безбородому дал мне,
Что живым вернешь мне отца...
Не исполнил ты клятвы давней!
Сестра твоя, что родила меня,
Не считалась мне матерью даже,
А отца моего, еще раньше,
Ты отдал тюремной страже.
Вспомни, кто я, король Альфонсо,
Не к нему, так ко мне будь добрее:
Кровь одна у сестры и брата,
А рожден я сестрой твоею.
Коль отец был грехами опутан,
Ты опутал его цепями,
Но обычно легко прощают,
Коль виною — любовное пламя.
Ведь ты обещал мне это,
От слова нельзя отказаться:
Не в обычае королей
От сказанного отрекаться.
Твой долг — вершить правосудье,
Мой — вырвать отца из неволи,
Но если я — сын недостойный,
Винить я тебя не волен.
Друзья говорят, что я трус,
Что долгу я изменяю,
Если знаю, что жив мой отец,
А я его знать не знаю.
С тех пор как ношу я шпагу,
Тебе она верно служила,
Но чем я больше сражаюсь,
Тем меньше ко мне твоя милость.
Ты отца осудил, но за что же
Мать мою ты подверг осужденью?

Кто тебе послужил так много,
Заслужил ведь вознагражденье!
Всем известно, какая награда
Мне обещана безусловно;
Время дать мне ее, иль обманом
Я сочту королевское слово».
«Замолчите-ка, дон Бернардо,
Пусть сомненье вас не тревожит;
Никогда королевская милость
Слишком позднею быть не может.
Прежде чем у святого Хуана
Отстоите вы завтра мессу,
Отец ваш освободится
От себя и оков моих тесных!»
Король сдержал свое слово,
Но сдержал с коварством бесстыдным,
Ибо с выколотыми глазами
И мертвым был узник выдан.

РОМАНСЫ ОБ ИНФАНТАХ ЛАРА

ДОН РОДРИГО ДЕ ЛАРА

Ах, что за прекрасный рыцарь
Был дон Родриго де Лара,
С отрядом в триста кастильцев
Убил он пять тысяч мавров!
Умри он в сраженье этом,—
Отвагой затмил бы грандов,
Ведь не были б им убиты
Племянники, семь инфантов.
Такого подарка маврам
Не сделал бы рыцарь храбрый...
Но к свадьбе его вернемся
С красавицей доньей Ламброй.
Венчались они в Бургосе,
Пустились потом к Саласу,
Чтоб семь недель предаваться
Турнирам, питью и плясу.
Прекрасно сыграли свадьбу,
Но было плохим похмелье,

Когда роковая ссора
Испортила всем веселье.
Родриго и донья Ламбра —
Такая чудная пара!
Приехали их поздравить
Кастилия и Наварра.
Но ждал семерых инфантов
Дон Родриго де Лара.
Ах, вот они едут, едут,—
Сколько восторга, крика!
Выходит к ним донья Санча,
Родная сестра Родриго:
«С приездом! С приездом, дети,
Защита моя, опора!»
Инфанты целуют руку:
«Поможет вам бог, сеньора!»
Она их целует в щеки.
«Я очень вам рада! — шепчет.—
Но все же тебя, Гонсало,
Нежнее люблю и крепче.
Скорей на коней садитесь,
Езжайте на Кантарранас
И дома сидите. Верьте,
Что просьба моя — не странность:
Во время такого пира
Повсюду летают копья».
К хозяйке на двор постоялый
Инфанты коней торопят.
А там в честь дядиной свадьбы
На славу их угостили.
Попили они, поели
И шахматы попросили.
Но младший из них, Гонсало,
Требует плащ и лошадь,
Садится в седло картинно
И едет в толпу, на площадь.
Он видит, как дон Родриго
Копья с размаху мечет
И каждое попадает
Туда, куда рыцарь метит.
Решил и Гонсало пылкий
В таком отличиться деле,
Но слишком тяжелые копья
До башни не долетели.

Красавица донья Ламбра
Его осмеяла первой
И стала дразнить Гонсало,
И так говорить примерно:
«Любите, дамы, любите,
Любите кого угодно.
Сделать достойный выбор
Можно теперь свободно:
Чем семеро здешних — лучше
Один настоящий рыцарь».
Обиделась донья Санча,
Разгневалась, как тигрица:
«Стыдилась бы, донья Ламбра!
Ты что? Не в своем рассудке?
Заколют тебя инфанты,
Услышав такие шутки».
«Родить семерых сумела,
Так лучше сама молчи ты:
Я думала, только свиньи
Бывают так плодовиты!»
Ах, как налетел Гонсало
На тетку свою, невежу:
«Молчи, а не то для срама
Все юбки тебе подрежу!
Сперва до коленей самых,
А после — намного выше!»
Тут вопли и плач невесты
Счастливый жених услышал:
«Кто смел нанести обиду
Сеньоре моей прекрасной?
Скорей назовите имя,
И я отомщу ужасно!
К сеньоре с таким положеньем
Относятся с уваженьем!»

КАК ИНФАНТЫ ЛАРА ПРОСТИЛИСЬ СО СВОЕЙ МАТЕРЬЮ И УВИДЕЛИ ДУРНЫЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Там, где горы Альтамиры
День окрасил в цвет индиго,
Семерых инфантов Лара
Ждет коварный дон Родриго.

Заговорщик и предатель,
Сыновей сестры встречая,
Гибель юношам готовит,
Яд притворства источая.
Прежде времени явился
Дон Родриго к месту встречи,
Под горой остановился
И такие держит речи:
«Что-то всадников не видно.
Где инфанты эти, где же?
Заколю копьем любого,
Кто в дороге их задержит!»
Останавливал инфантов
Их учитель, старый Нуньо,
Потому что знак зловещий
Он увидел накануне,
И сказал своим питомцам
О примете этой жуткой,
Но беспечные инфанты
Отвечали дерзкой шуткой.
Сыновей поцеловала
Донья Санча на рассвете:
«Да хранит вас бог в дороге!
Не задерживайтесь, дети!»
Долго всадники скакали
По равнине, по откосу,
Наконец они попали
В дебри леса, Каникосу.
И когда в бору сосновом
Пробиралось войско это,
Появилась в небе снова
Несчастливая примета:
Над сухой верхушкой тонкой
Черный ястреб стал кружиться,
Ястреб высмотрел орленка,
Чтобы кровью освежиться.
И к неопытному войску
Обратился Нуньо с речью:
«Семь засад готовят мавры,
Едем гибели навстречу.
Заклинаю вас, инфанты,
Заклинаю духом божьим!
Не ходите к переправе,
Мы еще вернуться можем.

Вероломен, кровожаден
Ястреб, дьявольская птица.
Тот, кто берега достигнет,
Тот в Салас не возвратится!»
Отвечал ему Гонсало,
Был беспечен и спокоен
Самый пылкий, самый младший,
Но и самый лучший воин:
«Вы, учитель, старый Нуньо,
Нас удерживать не вправе.
Мы должны туда явиться!» —
И помчался к переправе.

СМЕРТЬ ИНФАНТОВ ЛАРА

Устали инфанты Лара,
Плечом шевельнуть не могут.
И рухнули братья наземь,
Свой жребий доверив богу.
Но медлят Виара с Гальве,
Воители Альмансора:
Никто исполнять не хочет
Кровавого уговора.
Они проклинают громко
Коварного дона Родриго
За то, что таких идальго
Погубит его интрига,—
Племянников благородных,
Инфантов из рода Лара!
Нет, их убивать не хочет
Ни Гальве и ни Виара.
Оружие сняв с инфантов,
Ведут их к шатрам походным,
И мавры вина и хлеба
Сеньорам дают голодным.
Встревожился дон Родриго,
Увидевший арестантов,
И маврам велел изменник:
«Убейте скорей инфантов!
Сбегут они, и не будет
В Кастилию мне возврата:
Убью одного — погибну

От гнева другого брата».
Задумались оба мавра
И горестно замолчали,
А младший инфант, Гонсало,
Кастильцу сказал в печали:
«Бессовестный ты предатель,
Изменник ты лицемерный!
Привел христиан испанских
С ордой воевать неверной,
А сам заставляешь мавров
Обряд совершить кровавый
И просишь, подлец трусливый,
Еще поспешить с расправой!
От бога не жди прощенья!
Злодея настигнет кара!»
Услышав такое, мавры
Сказали инфантам Лара:
«Не хочется вашей смерти,
Но нас не простит Родриго
И в Кордову к Альмансору
Отсюда поскачет мигом.
Там примет он веру нашу,
Достигнет высокой власти,
И сразу на нас обоих
Обрушатся все напасти.
Такой на любую мерзость
Пойдет с наслаждением явным!
Идальго, ищите лучше
Спасенья в бою неравном.
Попробуйте защититься,
Живыми покинуть битву!»
Инфанты оружье взяли,
Инфанты прочли молитву,
И души вручили богу,
И ринулись на ватагу,
А мавры с дикарским криком
Помчались вперед в атаку.
Была беспощадна битва!
Живые живых рубили,
И тысячу храбрых мавров
Инфанты в бою убили.
Но этого было мало,
И христиан не спасало
Искусство, с каким сражался

Младший инфант, Гонсало.
Отрок — от смерти к жизни —
Мечом прорубал дорогу!
Но снова устали братья,
Плечом шевельнуть не могут.
Их кони давно убиты,
Мертва половина свиты,
Доспехи, щиты и копья
Искрошены и разбиты.
Хватают инфантов мавры
И головы рубят с криком,
И смотрит на этот ужас
Довольный собой Родриго.
Последним, как самый младший,
Ждал казни инфант Гонсало.
Отчаялся он, увидев,
Что братьев живых не стало.
Рванулся, отбросил стражу,
Убил кулаком с размаха
Того, кто головы братьев
Срубил без всякого страха.
Мечом овладел идальго,
И маврам пришлось несладко:
Покуда его схватили,
Угробил он два десятка!
Убили его, удивляясь
Отваге такой и гневу.
А довольный собой Родриго
Отправился в Буруэву,
Когда совершил искусно,
Уверенный в том, что прав,
Чернейшее из предательств,
Подлейшую из расправ.

О ВЕЛИКОМ ПЛАЧЕ ДОНА ГОНСАЛО ГУСТЬОСА В КОРДОВЕ

Знатно мавра Аликанте
В стенах Ко́рдовы встречали.
Восемь штук голов кастильских
У него в мешке стучали.

Альмансор, властитель мавров,
Сам торопится к солдату,
Многих мавров перебили,
Но и враг понес расплату.
Вот помост сооружают
Для кровавого гостинца
И выводят из темницы
Дона Густьоса, кастильца.
И спросил властитель мавров,
Лишь явился пленный рыцарь:
«Погляди, Гонсало Густьос,
Узнаешь ты эти лица?
Бились мы у Альменара
И, вернувшись из похода,
Принесли добычу эту,
Знатного, должно быть, рода».
«Я скажу вам все по правде», —
Отвечал ему Гонсало.
Рыцарь кровь отмыл с убитых —
И лица на нем не стало.
«Это Нуньо, обучал он
Сыновей моих науке.
А других не узнавать бы!
Не придумать горше муки!
Все они из рода Лара,
Сыновья мои родные».
И Гонсало шепчет мертвым,
Словно все они — живые:
«О, храни вас небо, Нуньес,
Сыновей моих учитель!
Вам я всех детей доверил!
Где они теперь, скажите?
О, простите! Все я понял!
До того, как вас убили,
Вы урок им преподали,
Умереть их научили».
Тут он голову увидел
Сына старшего, Диего.
«О, добрей тебя, Диего,
Не встречал я человека.
У Фернандеса, у графа,
Знаменосцем был ты главным.
Мой любимец, мой наследник,
Умер ты в бою неравном».

Омывает он слезами
Голову второго сына,
Узнает черты родные,
Узнает лицо Мартина.
«Бог простит тебя, надеюсь,
Боль моя, мой сын любимый,
Несравненнейший наездник,
Шахматист непобедимый,
Замечательный оратор,
Собеседник остроумный».
И над третьей головою
Он рыдает, как безумный:
«Всех придворных, дон Суэро,
Очаровывал легко ты.
С королем вдвоем так часто
Возвращался ты с охоты.
Но изменник дон Родриго
Сети смертные расставил:
Восьмерых обрек на гибель,
А меня в плену оставил».
Над своим четвертым сыном
Наклоняется Гонсало
И, узнав лицо Фернана,
Стонет глухо и устало:
«Был ты крестником Фернана,
Графа лучшего на свете.
Бил ты вепря в одиночку
И матерого медведя.
Не дружил ты и не знался
Никогда с людьми дурными!»
Пятого он видит сына,
Пятое он шепчет имя:
«Сын мой милый, Руй Гонсалес,
Самый лучший рыцарь в мире,
Равных не было и нету
Ни в бою, ни на турнире.
О, как предал дон Родриго
Ваши души молодые!»
Видит он шестого сына,
Стонет, кудри рвет седые:
«О, не знал я, сын мой Густьос,
Изумительней солдата,
Не могли тебя заставить
Лгать ни серебро, ни злато.

Ты копьем владел на зависть
И чертям, и человеку!
Превратить любого мог ты
В мертвеца или калеку!»
Взял он голову с помоста,
И мороз прошел по коже:
«О, любимец доньи Санчи,
На нее во всем похожий!
Будет звать она: «Гонсало!
Драгоценный! Ненаглядный!»
Самый статный из танцоров,
Самый в обществе галантный.
Никогда кутилой не был,
Денег не бросал на ветер.
Чем дожить до этой встречи,
Лучше бы я умер, дети!»
Вся толпа вокруг рыдала,
Горе увидав такое.
И увел властитель мавров
Старика в свои покои.
Боль пронзила Альмансора,
И красавицу сестрицу
Он послал для утешенья
К старцу пленному в темницу.
Так прониклась мавританка
Милосердной этой ролью,
Так успешно дон Гонсало
Справился с жестокой болью,
Что родился сын Мударра,
Мститель за инфантов Лара.

МУДАРРА ОТПРАВЛЯЕТСЯ МСТИТЬ ЗА ОТЦА И БРАТЬЕВ

У прекрасной мавританки,
У сестрицы Альмансора,
Сын родился от Гонсало,
От кастильского сеньора.
Но сеньор не видел сына,
Потому что в награжденье
Был отпущен на свободу
За неделю до рожденья.

Молодая мавританка
Рада мальчику Мударре,
И фамилию Гонсалес
По отцу младенцу дали.
Альмансор к нему приставил
Двух упитанных кормилиц,
Чтоб здоровым рос ребенок,
Полумавр-полукастилец.
Через десять лет Мударра
Стал отважен и бесстрашен,
И, конечно, был недаром
Шлемом рыцарским украшен.
Альмансор к нему приставил
Двести рыцарей отборных,
Двести слуг вооруженных,
Каждой прихоти покорных.
Самым смелым и красивым
Стал Мударра очень скоро,
Был он если и не лучше,
То не хуже Альмансора.
И однажды все, как было,
Мать Мударре рассказала:
О погубленных инфантах
И о том, как дон Гонсало,
Разломав кольцо на части,
Ей оставил половину,
Чтоб она напоминала
Об отце родному сыну.
Рассказала о Родриго,
Потерявшем стыд и совесть.
И Мударру омрачила
Эта горестная повесть.
Возвратился он к отряду,
И сказал он со слезами:
«Об отце моем, Гонсало,
Вы, друзья, слыхали сами.
Этот пленник благородный
Перенес лишений много,
Хоть ничем не согрешил он
Против совести и бога.
Все вы знаете, невинней
Не бывало арестанта.
Знаете, как дон Родриго
Семерых сгубил инфантов.

Отомстить хочу тому я,
Кто коварством и обманом
Столько зла и столько горя
Причиняет христианам.
О друзья мои, скажите
Мне по совести, по чести:
Кто рискнет со мною вместе
Головой во имя мести?»
«Вся дружина, вся дружина,—
Закричали мавры хором,—
За Мударру отвечает
Перед нашим Альмансором!»
Отправляется Мударра
В королевские покои,
К сердцу матери любимой
Прижимается щекою.
К Альмансору он приходит
И ему целует руки,—
Словно милости великой,
Домогается разлуки,
Навестить отца родного
Рвется доблестное чадо.
Альмансор великодушно
Дал Мударре два отряда,
Слитки золота в дорогу
И вручил питомца богу.

МУДАРРА ЕДЕТ НА ПОИСКИ СВОЕГО ОТЦА

Сын Арлахи-мавританки
И отважного кастильца,
Чтоб найти отца родного,
С матерью своей простился
Храбрый Мударра.

Полкольца берет в дорогу,
А другая половина
У отца, у паладина.
Он по ней узнает сына
В храбром Мударре.

Пламя крови королевской —
В этой плоти мавританской,
Тело мавра сочетает
Он с душою христианской,—
Храбрый Мударра.

Тороплив и слишком пылок
Смуглый всадник, лошадь — в пене.
Но судьба, добра желая,
Усмиряет нетерпенье
В храбром Мударре.

Всей душой к отцу стремится,
Больше медлить не согласен,
Телом — в Кордове равнинной,
Сердцем — в доблестном Саласе
Храбрый Мударра.

Позади река рокочет,
С каждым часом путь короче.
«Цель моя достойна спешки!» —
В оправдание бормочет
Храбрый Мударра.

МУДА́РРА УБИВАЕТ ДОНА РОДРИГО

Мударра скачет из Кордовы,
Вздымается пыль густая.
Он ищет Гонсало Гу́стьоса,
Отцом его почитая.
Ведет он множество всадников,
На каждом блещет кольчуга,
Одежды у них одноцветные,
Похожи все друг на друга.
Вот в Са́лас вооруженная
Дружина его прискакала,
И он у сеньора знатного
Спросил о доне Гонсало.
Услышал в ответ от воина,
Одетого благородно:
«Я тот, о ком вы справляетесь,
Скажите, что вам угодно?»

Мударра молвил почтительно:
«Я сын ваш, и вот примета,—
Смотрите, вы моей матери
Кольцо оставили это».
Был крепко сыну обрадован
Отец, дон Гонсало старый:
Ведь всех сыновей его предали,
Убили у Альменара.

Не больше недели минуло.
Мударра сказал: «Поместье,
Отец, у вас превосходное,
Но мне ли сидеть на месте?
Убиты братья предательски.
Рожден я для правой мести.
Отмстить коварному недругу,—
Не это ли дело чести?»
На быстрых конях отправились
Отец с воинственным сыном.
Мударре верные рыцари
Помчались за господином.
В Кастилию, в Бýргос прибыли,
У замка спешились мигом
И в замке графа Ферна́ндеса
Застали дона Родриго.

Мударра грозно приблизился
К нему с такими словами:
«Предатель вы, и немедленно
Намерен я драться с вами.
Из всех презренных презреннейший,
Вы в страшных грехах повинны:
В темнице, в городе Кордове,
Без всякой на то причины,
Отца моего держали вы
И с маврами сговорились:
Всех братьев моих вы предали,
Хоть в слуги им не годились.
В неравном сраженье с маврами
Достойно погибли братья.
Обязан вас за предательство
Сегодня же покарать я!»

Сказал дон Родриго вкрадчиво:
«Я здесь ни при чем, поверьте,
Инфантов я не обманывал
И в их не виновен смерти».
Охвачен горем и яростью,
Мударра меч обнажает,
Идет с мечом на предателя,
Но граф того защищает.
Сказал: «Перемирье надобно,
Три дня пусть оно продлится».
Но нет, не пó сердцу мстителю,
Чтоб жить продолжал убийца!

Родриго остался в Бургосе
Затем, что смерти боялся.
Украдкой вышел он заполночь,
А выйти днем не решался.
К себе, в Барбадильо, двинулся,
В наследственное именье...
Пустился в обход предателю
Мударра в сильном волненье.
Приставил он соглядатая
К врагу,— да свершится кара!
Родриго явился засветло,
Но раньше пришел Мударра.
Сказал: «Бесчестный, погибнешь ты,
Нигде не найдешь защиты!»
Ударил Мударра недруга,
И тот свалился, убитый.

Мударра, а с ним и всадники,
Все триста, вернулись в Салас,
И Ла́мбра, сеньора знатная,
В плену его оказалась.
Живьем приказал он сжечь ее,
Затем, что эта сеньора,
При жизни графа кастильского,
Во время тяжкого спора,
Забыла о чувствах родственных,
О тех, с кем связана кровно,—
В убийстве семи племянников
Была и она виновна...

Везде восхвалялись, славились
Мударры храбрость и сила,
И донья Санча, хоть мачеха,
Как мать его полюбила.
Казался он ей подобием,—
Он так же был смел и молод,—
Того ее сына милого,
Что маврами был заколот,
Того Гонсало Гонса́леса,
Что был ее младшим сыном...
Мударра крестился,— наново
Сделался христианином.
Рассказано здесь, как недругам
Воздал за братьев Мударра...
О, пусть господня всеправая
Дурных покарает кара!

РОМАНСЫ О ФЕРНАНЕ ГОНСАЛЕСЕ

ПОБЕДА НАД АБДЕРРАМЕНОМ

В Кордове жил Абдерра́мен,
Жил богато и беспечно,
И считал, что христиане
Будут данниками вечно.
Каждый год им надлежало
Отдавать, не прекословя,
Сто и восемьдесят лучших
Девушек из всех сословий.
Раздавал их Абдеррамен
Маврам, что ему подвластны.
Но однажды он услышал:
«Ожидаешь ты напрасно
Дань, которую взимают
С христиан. Дурные вести
К нам дошли: король Рамиро
С королем Гарсией вместе
Перебили наших мавров,
Дань платить им отказались.
Их последовал примеру
Граф Кастилии Гонсалес».

Абдеррамен в сильном гневе
Созывает пеших, конных,
Собирает войско мавров,
До зубов вооруженных.
Во главе свирепых полчищ
Он в Кастилию ворвался
И, творя в ней беззаконья,
Над народом издевался:
Если видел, что от веры
Не хотят отречься люди,
То мужчин казнил немедля,
Вырезал у женщин груди.
И услышал дон Рамиро,
Что творится дело злое.
Был отважным королем он,
Стал войска готовить к бою.
Об огромной силе мавров
Не имел он представленья,
Но когда на холм поднялся,
То увидел в изумленье,
Что конца и края нету
Этим полчищам безбожным
И что, сколько ни старайся,
Сосчитать их невозможно.
Испугался дон Рамиро,
И в Симанкас отступил он,
Там с поспешностью великой
Два посланья сочинил он.
И король Гарсия вскоре
Получил его посланье,
Получил и граф Гонсалес
И узнал, что христиане
Терпят муки и невзгоды,
Что пылают мавры злобой.
Прочитав посланья эти,
В путь они пустились оба.
Но, прибыв на место встречи,
Пали духом в миг единый:
Приходилось двести мавров
На бойца-христианина.
Увидав, что мавры близко
И страшась их силы грозной,
Так сказал король Рамиро:
«Совещаться нам уж поздно.

Я по совести скажу вам:
Тут советы не помогут,
И одно мне остается —
Возносить молитвы к богу.
Остается уповать мне
Не на силу и отвагу,
А на святость и величье
Преподобного Сант-Яго.
Ибо в истинную веру
Обращал моих людей он
И покоится в том месте,
Коим я теперь владею.
На моей земле Сант-Яго
Чудеса творил когда-то,
И его я объявляю
Королем, чье имя свято:
Отдаю ему богатства
И людей моих, а также
Жизнь и честь мою, в надежде,
Что он помощь мне окажет».
И сказал Фернан Гонсалес,
И сказал король Гарсия:
«Есть другой святой, и тоже
У него большая сила.
В нашу землю он положен,
Сан-Мильян зовут святого,
Под его защиту встанем,
Чтоб спастись от мавра злого».
Ночь прошла, и утром вышли
Короли и граф на битву.
Перед тем как дать сраженье,
Вознесли они молитву.
У святых они просили
Быть щитом их и опорой
И давали им обеты,
Устремляя к небу взоры;
Опустившись на колени,
К небу руки воздевали.
Видя поднятые руки,
Мавры радоваться стали.
«Христиане нам сдаются», —
Так неверные решили.
Но вскочили христиане,
В бой отважно поспешили,

И тогда два кабальеро
В гущу врезались сраженья,
Красота коней их белых
Вызывала удивленье.
Вместе с войском христианским
Два отважных кабальеро
Гнали мавров и разили
Их направо и налево.
И от них бежали мавры,
Обезумев от испуга,
И толкали и топтали
Мавры яростно друг друга.
А потом сказали мавры,
Что не двое было конных,
А на каждого из мавров,
Оглушенных, ослепленных,
Приходилось десять сотен
Беспощадных кабальеро,
Десять сотен кабальеро
На конях скакали белых.
А за ними христиане
Устремились в битву храбро;
От Симанкас и до Асы
Шло преследованье мавров.
Христиане победили
Войско мавров, и в придачу
Победителями лагерь
Мавританский был захвачен.
И воздали благодарность
Христиане после битвы
Двум святым, что услыхали
Их обеты и молитвы.
Поклонялись христиане
Их останкам, как святыне,
С благодарностью великой
Вспоминают их поныне.

ФЕРНАН ГОНСАЛЕС УБИВАЕТ В СРАЖЕНИИ КОРОЛЯ НАВАРРЫ

Был отважный граф Гонсалес
С королем Наварры в ссоре.
Получил король Наварры
От него посланье вскоре.

И сказал посланец графа
Королю: «К тебе явился
Я затем, чтоб за убытки
С графом честно расплатился
Ты, дон Санчо, коль не хочешь
Запятнать себя навеки.
Дважды в год ты совершаешь
На Кастилию набеги,
И для этой цели с мавром,
Нечестивым и безбожным,
Ты в союз вступил. Такое
Зло терпеть нам невозможно.
Если хочешь ты, дон Санчо,
Чтобы было все как надо,
Зло исправь, и дружба графа
Будет для тебя наградой,
А не хочешь этой дружбы,
Вызов граф тебе бросает...»
Выслушав его, дон Санчо
Так посланцу отвечает:
«Если граф шутить надумал,
То плохая это шутка,
Если ж говорит серьезно,
То совсем лишен рассудка.
Или, может, граф Гонсалес
Позабыл о том, что мавры,
Побежденные им в битве,
Не чета бойцам Наварры?
Я пойду войной на графа,
Накажу его примерно,
Чтоб вернуть ему рассудок,
Отучить от шуток скверных».
Так сказал король посланцу,
И, уйдя с таким ответом,
Тот его поведал графу,
Ничего не скрыв при этом.
Рассердился граф Гонсалес,
И взыграл в нем дух геройский.
Граф людей собрал немедля
И к Наварре двинул войско.
И тогда король дон Санчо
Поспешил ему навстречу;
Вскоре встретились два войска
И сошлись в кровавой сече.

Гибли люди в жаркой битве,
На земле тела валялись,
И, увидев дона Санчо,
Громко крикнул граф Гонсалес:
«Подойди ко мне, дон Санчо,
Поединком кончим дело!»
Те слова король услышал,
К графу ринулся он смело.
Копья в ход они пустили,
И король на поле брани
Мертвым пал, а граф Гонсалес
Королем был тяжко ранен.
Видя графа распростертым,
Сражены кастильцы горем,
Все они любили графа,
Среди них он был героем.
Гнев в их сердце разгорелся,
Бросились они в сраженье,
Стали убивать наваррцев
В превеликом исступленье.
Подобрали тело графа,
Мертвецом его считая,
На лице у их сеньора
Кровь была и пыль густая.
И лицо ему омыли,
На коня взвалили тело,
Вдруг очнулся граф; отвагой
Сердце графское горело.
Он воскликнул: «Кабальеро,
Среди нас нет робких сердцем,
И должна еще сильнее
Ваша доблесть разгореться!
Знайте: мертв король дон Санчо,
Он сражен моей рукою».
И отважные кастильцы,
Слово услыхав такое,
На растерянных наваррцев
С новой силой устремились,
Те бежали с поля боя
И в Наварру возвратились.
Найден был король убитый,
И, забыв о розни старой,
Граф велел с большим почетом
Отвезти его в Наварру.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРАФА ФЕРНАНА ГОНСАЛЕСА ИЗ ТЮРЬМЫ

Был в тюрьме Фернан Гонсалес
От Кастилии далеко,
Приказал король Наварры
Обращаться с ним жестоко.
Путь держал через Наварру
Граф нормандский и услышал,
Что кастилец знаменитый
Чахнет под тюремной крышей.
Он поехал в Кастровьехо,
Где Гонсалес находился,
И, его желая видеть,
На подарки не скупился.
Был подаркам рад тюремщик,
Пропустил в тюрьму нормандца,
Долго графы говорили,
Не хотели расставаться.
Из тюрьмы уйдя, нормандец
Время не терял напрасно:
Повстречался он с инфантой,
Что была лицом прекрасна
И была девицей скромной,
Рассудительной и милой.
И когда с ней повстречался,
Так нормандец говорил ей:
«Да прощен я буду богом
И прощен святой Марией:
Из-за вас в тюрьме погибнет
Тот, кому нет равных в мире.
Из-за вас беда случилась,
И Кастилия страдает:
На нее напали мавры,
Разузнав, что погибает
Тот, кто был ее защитой,
А теперь сидит в темнице
И за то, что вас любил он,
Должен жизнью поплатиться.
Чем, инфанта, отплатили
Вы тому, кто был вам верен?
Если графа не спасете,
Будет ваш покой потерян,
А спасете — суждено вам

Стать кастильской королевой...»
Вот такую пред инфантой
Речь держал нормандец смелый.
И, узнав, что граф Гонсалес
Пожелал на ней жениться,
Собралась к нему инфанта
И вошла к нему в темницу.
Говорит: «Сеньор, не бойтесь!
Я темницу вам открою...»
И побег их был удачным.
И они ночной порою,
Не замеченные стражей,
Шли, покинув город спящий.
Вот и лес. Протопресвитер
Из лесной выходит чащи.
Был священник на охоте,
Брел по лесу наудачу,
Увидав инфанту с графом,
Говорить он с ними начал,
Королю грозил их выдать,
Если здесь, на этом месте,
Не поступится инфанта
Для него девичьей честью.
Граф скорее согласился б
Смерть принять, чем слышать это,
Или вновь в тюрьме томиться,
Божьего не видя света.
Говорит ему инфанта:
«Ради вашего спасенья
Я, сеньор, пошла бы смело
На любое униженье».
И тогда протопресвитер
Стал грозить инфанте снова,
А у графа нет оружья,
На ногах его — оковы.
И схватил прелат инфанту,
Обнимать ее он начал,
Но испуганная дева
От него бежала с плачем.
По лесу она бежала
И о помощи молила.
Граф, хотя и был в оковах,
К ней спешит, собрав все силы.
У насильника он вырвал

Нож его и полной мерой
Рассчитался со злодеем,
Наказав его примерно.
И затем с инфантой вместе
Снова в путь. И в час заката
Увидали мост подъемный.
Мчалась к мосту кавалькада,
Испугались граф с инфантой,
Видя, как несутся кони,
И решили, что за ними
Сам король послал погоню.
В страхе бросилась инфанта
К лесу, чтоб найти укрытье.
Но, вглядевшись в тех, кто мчался,
Граф ей крикнул: «Выходите!
Выходите, донья Санча,
Зла от всадников не будет,
Флаг Кастилии над ними,
И мои все эти люди».
Вышла из лесу инфанта,
Не страшна ей кавалькада,
И увидеть их обоих
Люди графа были рады.
Руки им они целуют,
Сесть на лошадей их просят
И живых и невредимых
Их в Кастилию привозят.

ССОРА МЕЖДУ ГРАФОМ ФЕРНАНОМ ГОНСАЛЕСОМ И КОРОЛЕМ ЛЕОНА

Рать леонцев, рать кастильцев
Понеслись во весь опор.
Между королем и графом
Пограничный вышел спор.
Гордый граф Фернан Гонсалес
Оскорбляет короля.
Тот в ответ: «Молчи, предатель,
Здесь кругом моя земля!»
Сброшены плащи на землю,—
Шпаги пусть решат, кто прав!
Не желают перемирья
Ни король, ни гордый граф.

Все придворные бессильны,
Только два отца святых
На пятнадцать дней, не больше,
Нет, не больше,—мирят их.

Граф не спит — король не дремлет.
Оба бдительны врага.
Оба войска выезжают
На Каррьонские луга.
Граф покинул город Бургос,
А король — родной Леон.
У реки Каррьон, у брода,
С двух сошлись они сторон.
Говорит король дон Санчо:
«Перейдет ли войско брод?
Королевское — сумеет,
Графское — не перейдет!»
Говорит, а сам на муле
Не спешит к речной волне.
Граф помчался и надменно
Въехал в реку на коне,
Короля обрызгал всадник
И водою и песком.
Закричал король: «Вы дерзкий
Рыцарь в платье щегольском!
Если бы не перемирье,
Обезглавил бы я вас,
Если бы не два монаха,
Окровавил бы сейчас
Вашей кровью переправу!»

Дерзкий граф сказал в ответ:
«Что за вздор, король мой добрый,
В вашей речи смысла нет!
Вы — верхом на толстом муле,
Я — на тонком скакуне,
Вы — в атласном одеянье,
Латы в трещинах на мне.
Вы в руке зажали скипетр,
Я — железное копье,
Ятаган ваш блещет златом,
Меч — оружие мое.
Вы — в перчатках надушённых,
Налокотники на мне.

Вы — в камзоле, в пышной шляпе,
Я же в шлеме и в броне.
У меня коней три сотни,
Сотня мулов есть у вас...»

Два монаха-миротворца
Появились в этот час:
«Стойте, стойте, кабальеро!
Что вы ссоритесь опять?
Иль условья перемирья
Не хотите соблюдать?»
Отвечал король: «Я строго
Выполняю уговор».
Граф сказал: «Стоял я в поле
И вступать не думал в спор».

Через брод король дон Санчо
Не желает перейти
И обратно в злобном гневе
Возвращается с пути.
Клятву дал король дон Санчо,
Ощущая страх и стыд,
Что Кастилию разрушит
И что графа умертвит.
Грандам он велит явиться,
На кортесы их созвав.
Собрались в столице гранды,
Не пришел один лишь граф.
К графу шлет король посланца.
Объявляет верховой:
«Граф, явитесь на кортесы,
Чтобы долг исполнить свой».

КОРОЛЬ ЛЕОНА ТРЕБУЕТ У ФЕРНАНА ГОНСАЛЕСА, ЧТОБЫ ОН ПРИСУТСТВОВАЛ НА СОБРАНИИ КОРТЕСОВ

«Добрый граф Фернан Гонсалес,
Вас король зовет в Леон,
На собрание кортесов
Вам велел явиться он.
Если будете в Леоне,
Наградит он щедро вас,

Даст он вам Паленсуэлу
И Паленсию вам даст,
Наградит вас городами,
К землям вашим Каррион
Присоединит, а также
Даст вам замок Мормохон.
Коль откажетесь вы ехать,
Вас изменником сочтет
Мой король». Тогда посланцу
Граф такой ответ дает:
«Королем своим ты послан,
На тебя я не сержусь.
Что до короля Леона,
То его я не боюсь.
У меня земель немало,
Замки есть и города:
Часть из них завоевал я,
Часть отец мне даровал.
И в наследственных владеньях
Никого я не теснил,
А на землях, взятых с бою,
Землепашцев поселил.
Если вол один в хозяйстве,
То второго я даю,
Если свадьба, то богато
Новобрачных одарю.
За меня молиться богу
Каждый подданный мой рад.
А за короля молитву
Люди что-то не творят.
Он не заслужил молитвы
И любви не заслужил.
Требует король налоги,
Я ж налоги отменил».

ГРАФ ФЕРНАН ГОНСАЛЕС ПОЛУЧАЕТ СВОБОДУ БЛАГОДАРЯ СВОЕЙ СУПРУГЕ

Был в тюрьме Фернан Гонсалес,
Потому что непреклонно
Порешил он, что не будет
Больше дань платить Леону.

Приказал король дон Санчо
Посадить его в темницу,
Тщетно за него пыталась
Знать Леона заступиться.
Тщетно и монах Пелайо
Умолял дать графу волю;
Гнал их прочь король Леона,
Был дон Санчо недоволен.
Зная это все, графиня
Действовать решила смело
И, собравшись в путь далекий,
Мула оседлать велела,
Две дуэньи были с нею,
Два оруженосца также,
Триста преданных идальго
Охраняли их, и каждый
Был вооружен отлично
И коня имел лихого,
И у каждого идальго
Нерушимо было слово:
Дали клятву все, что примут
Смерть, лишенья и невзгоды,
Но не возвратятся в Бургос,
Графу не вернув свободы.
В путь пустились. И в дороге
От жилья вдали держались;
И когда узрели город,
Где томился граф Гонсалес,
То в лесу велит графиня
Спрятать лошадь; и остаться
Должен был оруженосец
В том лесу и дожидаться
Графа и затем с ним вместе
Ехать тропами глухими.
Так распорядившись, в город
Направляется графиня.
С нею вместе две дуэньи
Во дворец вошли. Все речи
Смолкли вмиг. Взглянул дон Санчо
И поднялся ей навстречу.
«Едете куда, графиня?»
«Я в Сантьяго, мой сеньор,
Чтоб облобызать вам руку,
Посетила я ваш двор.

Умоляю вас, позвольте
Видеть графа мне в тюрьме».
Говорит король: «Согласен.
Тут беды не будет мне.
Отведите же сеньору
В башню ту, где заперт граф».
Привели графиню к мужу,
С узника оковы сняв.
И тогда она сказала,
Устремив на графа взор:
«Времени у нас немного,
Встаньте поскорей, сеньор.
Вы мое возьмите платье
И возьмите мой платок
И с дуэньями моими
Уходите, путь далек.
В лес дуэньи приведут вас,
Там найдете вы коня
И людей своих найдете,
А в тюрьме останусь я».
Видит граф: совет разумен,—
И решил его принять он,
Ни минуты граф не мешкал,
Женское надел он платье.
Стражу кликнули дуэньи.
Не замедлили явиться
Стражники. И вот открылись
Двери крепкие темницы,
Вышел граф и две дуэньи,
А на них не смотрят даже,—
Говорит одна дуэнья
Их сопровождавшей страже:
«В путь далекий отправляться
Надо нам без промедленья».
Отпустили их. У стражи
Не проснулось подозренье.
И, направив путь свой к лесу,
Что графиней был указан,
Видит граф оруженосца,
На коня садится сразу.
Солнце клонится к закату,
День прошел, сгустились тени,
К башне, где была графиня,
Направляются дуэньи,

У ворот их видя снова,
Очень стража удивилась:
«Что забыли вы, сеньоры?
Или с вами что случилось?»
Отвечают им дуэньи:
«Всякое могло случиться,
Но увидите вы сами,
Что забыли мы в темнице».
Тут все ясно стало страже,
А графиня, видя снова
Двух дуэний, так сказала:
«Я ответ держать готова.
К королю теперь идите,
Я в его распоряженье,
Потому что на свободу
Вышел граф из заключенья».
Удивлен король был очень,
Услыхав, как было дело,
Восхищался он графиней
За ее поступок смелый.
Он велел ей дать свободу,
От души ее поздравил,
И в сопровожденье свиты
К графу он ее отправил.
Граф когда жену увидел,
То возрадовался очень,
Королю велит сказать он:
«Милостив король... Но прочен
Будет мир, коль сам дон Санчо
Дань заплатит. Невысокой
Будет плата: конь горячий
И к нему в придачу сокол.
Если ж дани не заплатит,
То ее на поле брани
Граф добудет...» И, услышав
О такой почетной дани,
Приказал король дон Санчо
Выплатить ее скорее,
И еще дары в придачу
Приказал послать он с нею.
Понял он: Фернан Гонсалес
Дань платить ему не станет.
Так Кастилию навеки
Граф освободил от дани.

РОМАНСЫ О СИДЕ

КАК СИД НАКАЗАЛ ГРАФА, КОТОРЫЙ ОБИДЕЛ ЕГО ОТЦА

Молча Сид стоял и думал,
Думал он, что, как ни молод,
Отомстить он должен графу
За отцовскую обиду.
Знал, что грозен граф Лосано,
Что сильна его дружина,
Что ему в предгорьях служат
Десять сотен астурийцев;
Что его король наш добрый,
Дон Фернандо, крепко любит,
Ибо все считают графа
Первым голосом в совете,
Первой саблею в сраженье.
Как же Сид ему отплатит
За жестокую обиду,
Обесчестившую имя
Старика Лаинес Кальво?
Пусть он, Сид, еще мальчишка,
Что с того,—у благородных
Зреет мужество быстрее —
Не считается с годами.
И берет он старый меч,
Меч Мударры-кастильянца,
После смерти господина
Потускневший, заржавелый.
«Отомсти, клинок мой добрый!
Знай, моя рука сегодня
Для тебя — рука Мударры,
И тобой рука Мударры
За его обиду бьется.
Если ты бежать позорно
У меня в руке захочешь,
Помни, ты бежать не сможешь.
Для тебя — назад ни шагу,
Я, как ты, клинок булатный,
Буду в поле тверд и крепок,
Славен прежний твой хозяин,
Но не хуже будет новый.

Если враг тебя осилит,
Я позор терпеть не стану,
Я тебя по рукоять
В грудь свою всажу, не медля,
Пусть получит граф Лосано,
Пусть получит наказанье
И за свой язык бесстыдный,
И за пакостную руку».
Твердо Сид идет на битву,
Крепко держит меч заветный,
И прошло не больше часа,
А уже наказан граф.

ХИМЕНА, ДОЧЬ ГРАФА ЛОСАНО, ПРОСИТ КОРОЛЯ О МЩЕНИИ

Поднимался шум великий,
Крики, плач и звон оружья
В старом Бургосе, в том замке,
Где живут большие люди.
Вот со всей придворной свитой
Из дворца король выходит,—
Двор прошли и что же видят?
У ворот Химена Гомес
Заломила руки, плачет,
И с мечом, покрытым кровью,
Перед ней стоит Родриго.
Видят все, что ярым гневом
Вспыхнул гордый кастильянец,
Услыхав стенанья, вопли
И проклятия Химены.
«Добрый мой король, молю вас,
Накажите лиходея,
И от ваших сыновей
Пусть вам будет только радость.
Ибо тот король, который
Не стоит за справедливость,
Недостоин быть монархом,
Недостоин хлеб вкушать
С белой скатерти настольной,
Недостоин, чтоб ему
Люди знатные служили.
Добрый мой король! Отец мой
Родом был высок и славен,

Дед под знаменем кастильским
Помогал в боях Пелайо.
Но и без того должны вы
Мстить рукою справедливой
За обиженных и малых
И блюсти с большими строгость.
Ну, а ты, убийца лютый,
Погрузи свой меч кровавый
В грудь мою, в девичье сердце,
Уготованное смерти.
Бей, изменник, и не вздумай
Женщину во мне увидеть!»

ХИМЕНА ПРОСИТ СПРАВЕДЛИВОСТИ У КОРОЛЯ

В старом Бургосе на пире
Восседал король наш добрый,
И к нему Химена Гомес
С горькой жалобой пришла,
Вся одета в черный траур,
В кружевной косынке черной,
И колени преклонила,
Став на коврик, и сказала:
«Мой король, в бесчестье горьком
Я живу, и — бог свидетель —
Мать моя живет в бесчестье.
Каждый день должна убийцу
Моего отца я видеть.
На коне он гордо скачет,
На руке злодея — сокол.
Чтоб сильней меня обидеть,
Он спускает злую птицу
На моих голубок бедных,
Вскормленных моей заботой,
И уже не раз их кровью
Был камзол его забрызган.
Оттого, король мой добрый,
Справедливости прошу я,
В ней ты отказать не можешь!
Ведь когда король не может
Быть законно справедливым,
Он, я думаю, не должен
Ни страной своею править,

Ни на скатерти обедать,
Ни ласкаться с королевой».
И, слова такие слыша,
Про себя король подумал:
«Как же быть: убью ли Сида,
Заточу ль его в темницу,—
Шум поднимется в кортесах.
Не решусь и буду медлить —
Сам господь меня осудит».
А Химена продолжала
Примечательные речи:
«Мой король, тебе скажу я,
Как поправить это дело.
Хорошо держи кортесы,
Чтоб никто не внес там смуту,
А того, кем был загублен
Мой родитель достославный,
Мне скорей отдай в супруги,
Ибо тот, кто зло мне сделал,
Знаю, будет добр со мною».
И король сказал на это:
«Вот, всегда я только слышал,
А теперь и сам я вижу:
Непонятен женский нрав!
До сих пор она просила
Оказать ей справедливость,
А теперь, смотрите, хочет
За убийцу выйти замуж.
Так пошлю письмо я Сиду,
Повелю ему приехать».
И едва сказал он это,
Как письмо уже в дороге.
Но гонец его не Сиду
Отдал, а его отцу.

КАК СПРАВИЛИ СВАДЬБУ ХИМЕНЫ И РОДРИГО

У Химены и Родриго
Руку взял король и слово
И, призвав Лаинес Кальво
Как свидетеля на свадьбе,
Сочетал их воедино,
И они в любви взаимной

Распри старые забыли,
Ибо нет ни ссор, ни распрей
Там, где царствует любовь.
И король в подарок брачный
Отдал Сиду Вальдуэрну,
Бельфорадо и Салданью,
И Сан-Педро-де-Карденья.
Вместе с братьями для свадьбы
Одевается Родриго,
Снял сверкающий чеканом
Крепкий панцирь свой и латы,
Надевает плащ немецкий
(Их тогда носили франты)
И штаны короткой мерки
С голубыми галунами,
А потом чулки, сапожки
Из телячьей нежной кожи,
Крашенные кошенилью,
Не простые на шнуровке,
А на золотых застежках.
Тело плотно облегает
С круглым воротом рубашка
Без опушки, без оборок,
Ибо в те года крахмалом
Лишь детей у нас кормили.
Он надел камзол отцовский —
С рукавами, как раструбы,
Тот, что в битвах крепким пóтом
Пропитал его отец.
Он привязывает также
Острозубую Тисону,—
Этот страх и ужас мира,—
На роскошной перевязи,
Стоившей четыре кварто.
И, красив, как Геринельдо,
Сид во двор выходит гордо.
Там король, епископ, гранды
Стоя ждут уже героя.
Вслед за ним идет Химена,
Дорогой красуясь токой,—
Не в смешном уборе пестром,
Называемом сорокой,—
В дорогом расшитом платье
Из английской тонкой шерсти,

В облегающей рубахе,
В ярких туфлях, а на шее —
Ожерелье из десятка
Драгоценных медальонов,
И под ними образок
Пресвятого Михаила.
Вот жених с невестой входят,
Он дает невесте руку,
И невесту он целует,
И в большом смущенье молвит:
«Твоего отца убил я,
Но убил не как предатель,
А в открытом поединке —
Мстил за кровную обиду.
Так владей за это мною:
Человек за человека!
Принимай живого мужа
Вместо мертвого отца».

ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ СОБОРЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ В ГОРОДЕ РИМЕ

На собор, собор вселенский
В Рим святой отец сзывает,
И король наш дон Фернандо,
Слову папы повинуясь,
Едет в Рим, и среди прочих
Едет дон Родриго Сид.
Ровно столько дней потратив,
Сколько нужно на дорогу,
В Риме все с коней слезают,
И с учтивостью великой
Наш король подходит к папе
И ему целует руку.
Только Сид стоит в сторонке,
Он не хочет унижаться.
Вот в собор Петра святого
Молча входит дон Родриго,
Видит семь высоких тронов
Для семи высокочтимых
Христианских королей.
Трон французского монарха
Наравне с престолом папы,

Трон испанского монарха —
Целою ступенью ниже.
Пнул ногою Сид во гневе
Золотослоновокостный
Трон французского монарха,—
По ступеням он скатился
И на три куска разбился.
Сид же, взяв испанский трон,
Выше всех его поставил.
И тогда один вельможа,—
Говорят, савойский герцог,—
Крикнул Сиду: «Будь ты проклят!
Пусть святой отец за это
Отлучит тебя от церкви!
Ибо лучший из монархов
Здесь тобою обесчещен».
«Королей оставим, герцог,
Все они добры и славны.
Мы ж рассудим сами дело,
Как хорошие вассалы».
И на герцога пошел он,
По щеке его ударил.
И, узнав про это, папа
Отлучил от церкви Сида.
Но смиренно дон Родриго
Перед папой распростерся:
«Отпусти мне грех мой, папа,
Не отпустишь — прогадаешь:
Из твоей богатой ризы
Я коню скрою попону».
И, отец наш милосердный,
Так ему ответил папа:
«Дон Родриго Сид, охотно
Отпускаю грех твой ныне,
Только при дворе моем
Соблюдай вперед учтивость».

ПИСЬМО ХИМЕНЫ КОРОЛЮ

В замке Бургоса, в печали,
Дон Родриго ждет Химена
И готовится, волнуясь,
К приближающимся родам.

И однажды в воскресенье,
Лютой схваченная болью,
Вся в слезах, за стол садится
И берет перо и пишет,
Горько плачась на судьбину,
Пишет королю Фернандо:
«Вам, король и господин мой,
Вам, кто мудр и благороден,
Вам, надменных посрамитель
И смиренных покровитель,
Пишет вам рабыня ваша,
Та Химена, чей родитель
Был преславный граф Лосано,—
Вам из Бургоса в столицу
Шлет она поклон смиренный.
Пусть господь пошлет удачу
Вашим добрым начинаньям.
Мой сеньор, вы мне простите,
Что обиды не скрываю,
И за что на вас сердита
Вам пишу я без утайки.
По каким, спрошу, причинам
У жены вы мужа взяли?
По каким законам божьим
Вы томите нас разлукой?
Только раз в году ко мне вы
Отпускаете супруга,
А когда уж отпустили,
Вид его внушает ужас.
Потому что по колени
Конь его измазан кровью.
Чуть меня в объятья примет —
Вижу, спит в моих объятьях.
И во сне он стонет, рвется
И рукой наотмашь хлещет,
Будто ломит силу вражью,
Будто шеи вражьи рубит.
А едва заря займется,
Как его уже торопят
И гонцы и полководцы,
Чтобы он вернулся в поле.
Вас, король, молю я слезно
Вспомнить, как я одинока,
Возвратить жене супруга,

Возвратить отца ребенку.
Где сама отца найду я,
Где найду другого мужа?
Бог мне дал одно богатство,
И его вы отобрали.
Оттого по нем я плачу,
Будто он уже в могиле.
Если вы о том печетесь,
Чтоб его умножить славу,
Так Родриго славы хватит:
Бороды не отрастил он,
Страх зато нагнал на мавров,—
Мавританские сеньоры
У него в вассалах ходят.
Я, сеньор, ношу ребенка,
И пошел девятый месяц,
Мне, быть может, вредно плакать,
Помогите мне, сеньор!
А письмо мое сожгите,
Пусть о нем никто не знает,
Пусть меня не судят люди
За предчувствия дурные».

ОТВЕТ КОРОЛЯ

Утром — в десять иль пораньше —
У секретаря бумагу
Попросил король, желая
Написать собственноручно
Письмецо в ответ Химене.
Начертав четыре точки
И черту крестообразно,
Он слова такие пишет,
Как учтивый человек:
«Благородная Химена,
Вам, чей муж повсюду славен,
Я с отеческой любовью
Шлю привет мой королевский.
Вы в письме своем сказали,
Будто мною недовольны,
Потому что к вам супруга
Раз в году я отпускаю,
И что он у вас в объятьях

Не дарит вам ласки мужней,
Но мгновенно засыпает
От усталости смертельной.
Вы, сеньора, были б вправе
Сетовать, когда б узнали,
Что у вас для дел любовных
Я супруга забираю.
Но когда его зову я,
Чтобы он сражался в поле,
Чтобы гнал проклятых мавров,—
Разве вас я оскорбляю?
Если б войско наше Сиду
Я не отдал под начало,
Вы бы лишь хозяйкой были
У простого дворянина.
А когда бы он услышал
Все, что вы мне рассказали,
Он подумал бы, сеньора,
Будто это вам приснилось.
И о чем же ваши пени,
Если вы ребенка ждете?
Лишь супруг вам нужен рядом.
Значит, вам король не нужен,
Хоть бы тысячу подарков
Он вам сделал благосклонно.
Вы просили, чтобы сжег я
То письмо, что вы послали,
Ибо в нем усмотрят ересь,—
И его б огню я предал,
Но ведь есть там рассужденья
Столь разумные, как будто
Семь великих мудрецов,
А не вы его писали,
И его не сжечь, сеньора,
А в архив отправить нужно.
И мое письмо вы также
Не порвите, а храните,
Ибо я вам обещаю,—
Сына, дочь ли вы родите,—
Одарю дитя богато.
Если будет сын, ему я
Дам коня и меч булатный
И сто тысяч мараведи
Для его расходов личных.

Если дочь — со дня рожденья
Повелю ей каждый месяц
Выдавать по сорок марок
Серебром. На этом кончим».

О СМЕРТИ КОРОЛЯ ФЕРНАНДО В ЗАМКЕ КАБЕСОН НЕПОДАЛЕКУ ОТ ВАЛЬЯДОЛИДА

Болен, болен, умирает
Наш король, наш дон Фернандо.
Он лежит — ступни к востоку,
А в руках свеча из воска.
Перед ним архиепископ
И достойные прелаты,
И стоят от ложа справа
Все его четыре сына.
Трое — дети королевы,
А один — в грехе рожденный,
Но хоть он и незаконный —
Самый умный и ученый.
Был он папским кардиналом,
Был в Испании легатом,
Настоятелем в Сантьяго,
Архиепископом в Толедо.
«Если б я не умер, сын мой,
Ты бы стал, быть может, папой.
Но теперь, с моим наследством,
Ты и сам того добьешься».

ОБ ИНФАНТЕ ДОНЬЕ УРРАКЕ, ЧТО ОТПРАВИЛАСЬ В КАБЕСОН, ДАБЫ ОЧЕНЬ НЕХОРОШО ЖАЛОВАТЬСЯ ОТЦУ СВОЕМУ — КОРОЛЮ

«Мой отец, ты умираешь,
Да твою воспримет душу
Михаил, архангел божий!
Отказал свои ты земли
Тем, кому благоволишь ты.
Дону Санчо дал Кастилью,
Многославную Кастилью.

Дону Гарсии — Галисью
С Португалией в придачу,
А Санабрию, Леон
И Астурию назначил
Во владенье дон Альфонсо.
Лишь одну меня за то, что
Женщиной на свет явилась,
Без наследства ты оставил,—
Чтобы нищей побродяжкой
Мне бродить по белу свету
И своим прекрасным телом
Услаждать мужскую похоть.
Чтобы с мавром спать за плату,
С христианами задаром,
А на деньги за бесчестье
В церкви божией молиться
За твою, родитель, душу».
Тут король спросил, слабея:
«Это чью же речь я слышу?»
Отвечал архиепископ:
«Вашей дочери Урраки».
«Дочь моя, молчи, прошу я,
Удержись от слов подобных,
Ибо за такие речи
На костер возводят женщин.
Далеко в краях Леона
Мне достался славный город,
Называемый Саморой.
Неприступна та Самора,
Справа там течет Дуэро,
Слева там — крутые горы.
Кто отнять ее захочет
У тебя — да будет проклят!»
Все кругом: «Аминь»,— сказали.
Промолчал один дон Санчо.

О ДОНЬЕ УРРАКЕ, ОСАЖДЕННОЙ В САМОРЕ

Ах, король, король дон Санчо,
Бороды уж не растил бы!
Кто видал ее короткой,
Длинной так и не увидит.

Только умер дон Фернандо,
Осадил Самору Санчо.
Он идет на город справа,
Слева Сид навстречу ломит.
Где король ведет осаду,
Там стоит Самора твердо,
Где дружина Сида бьется,
Там Самора поддается.
Ой, красна вода в Дуэро,
Пахнет кровью христианской,
И тогда Урраке молвит
Старый Ариас Гонсало:
«Подадимся к маврам, дочка,
И расстанемся с Саморой,
Ибо Сид и брат твой кровный
Твой надел отнять решили».
И в отчаянье Урракa
Поднимается на стену
И на грозный лагерь Сида
С туповерхой башни смотрит.

ДОНЬЯ УРРАКА ВСПОМИНАЕТ, КАК СИД РОС ВМЕСТЕ С НЕЙ ВО ДВОРЦЕ В САМОРЕ

«Убирайся прочь, Родриго,
Прочь, надменный кастильянец!
Хорошо бы, если б дружбу
Старых добрых дней ты вспомнил,
Дней, когда во храме божьем
Перед алтарем Сант-Яго
Принял ты от дон Фернандо
Рыцарское посвященье.
Ты ведь королевский крестник,
Мой отец твоим был крестным,
Он тебе вручил доспехи,
Мать коня тебе вручила,
Я, их дочь, тебе вручила
Шпоры золота литого,
Чтобы чести больше было
Принимаемому в Орден.
За тебя я собиралась
Выйти замуж, но, как видно,

Слишком грешною была я,—
Ты женился на Химене.
Что ж, за нею взял ты деньги,
А за мною взял бы землю,
Но оставил ты инфанту
Ради дочери вассала».
И, услышав эти речи,
Опечалился Родриго.
«Уходи, моя дружина,
Уходите, конный, пеший.
С этой башни сквозь бойницу
Вызов дерзкий мне швырнули!
Правда, был он сходен с древком,
Наконечника лишенным,
Но мое пронзил он сердце.
И не будет мне спасенья,
Обречен я вечной каре».

О ВЕРНОМ САМОРСКОМ РЫЦАРЕ И О ВЕЛЬИДО ДОЛЬФОСЕ, КОТОРЫЙ ВЫШЕЛ ИЗ САМОРЫ, ЧТОБЫ ОБМАНУТЬ КОРОЛЯ ДОНА САНЧО, ПРИТВОРИВШИСЬ ЕГО ВАССАЛОМ

На стене Саморы стоя,
Вниз на поле смотрит рыцарь
И кричит в кастильский лагерь,
Обратясь к шатру дон Санчо:
«Берегись, король дон Санчо,
Слушай, что тебе скажу я,
Чтобы после не корил ты,
Что тебя не упредили.
Из Саморы осажденной
В полночь вышел к вам изменник,
Это ваш Вельидо Дольфос,
Дольфоса Вельидо сын.
Был отец большой предатель,
Сын — предатель вдвое больший,
Изменил четыре раза,
А сегодня будет пятый.
Если он тебя обманет,
На меня, король, не сетуй

И не жалуйся, что мною
Не был ты предупрежден».
Огласился криком лагерь:
«Вор ночной убил дон Санчо!»
А убил Вельидо Дольфос,
В пятый раз свершив измену.
И, убив его, он скрылся
Сквозь калитку потайную,
И пошел по всей Саморе,
И притом кричал хвастливо:
«Час настал, настал, Уррака,
Я исполнил обещанье!»

КАК ПЛАКАЛИ КАСТИЛЬЯНЦЫ

Спит король, король дон Санчо,
Уложил его Вельидо,
Крепким дротиком ударил,
Пригвоздил к земле холодной.
Плачет рядом с ним священство,
Плачут все владыки церкви,
Все кастильские дворяне,
Все большое войско плачет.
Пуще всех скорбит, страдает
Над убитым Сид могучий:
«Ах, король, король дон Санчо,
Будь он проклят, день недобрый,
День, в который мне не внял ты
И повел войска к Саморе.
В тот недобрый день свершилось
Твоего отца проклятье».
Встал Диего де Ордоньес
(Он рыдал у ног дон Санчо),
Был он цветом рода Лара,
Был он гордостью Кастильи.
«Все мы ждем, что выйдет рыцарь,
До захода солнца выйдет,
Чтоб Саморе вызов бросить,
Наказать ее злодейство».
Все сказали: «Прав Ордоньес!»
Но никто вперед не вышел.
Молча смотрят все на Сида,

Молча ждут, а вдруг он выйдет.
Но, поняв без слов их мысли,
Твердо Сид им отвечает:
«Воевать Самору шел я,
Ибо так хотел дон Санчо,
Но когда король мой умер,
Я клянусь ее не трогать,
Ибо я должник инфанты
И не властен долг нарушить».
И Диего де Ордоньес
Злобно прошипел сквозь зубы:
«Зря поклялся ты, Родриго,
В том, в чем клясться бы не должен».

КАК ДИЕГО ОРДОНЬЕС БРОСИЛ ВЫЗОВ САМОРЕ

Из ворот в двойных доспехах
Выезжает дон Диего,
Дон Диего де Ордоньес
На коне, как ворон, черном.
Едет он, чтоб вызов бросить
Всей Саморе вероломной
За двоюродного брата,
За убитого дон Санчо,
И на крепостной стене,
На стене Саморы старой,
Видит он, стоит почтенный
Старый Ариас Гонсало.
Тут коня остановил он,
Встал на стременах и крикнул:
«Эй вы, жители Саморы,
Я вам всем бросаю вызов,
Все в измене вы повинны,
Все от мала до велика.
Вызываю сильных, слабых,
Стариков, детей и женщин,
Вызываю тех, кто умер,
Кто еще и не родился.
Вызываю землю вашу,
На которой вы живете,

Вызываю лес и реку,
Травы, камни, пашни, вина,
Ибо все вы помогали
Вероломному Вельидо».
И в ответ, разумный старец,
Молвит Ариас Гонсало:
«Если б я был в том повинен,
Мне бы лучше не родиться.
Говоришь ты, рыцарь, храбро,
Но твои неумны речи.
Разве мертвые повинны
В том, что делают живые?
Разве дети виноваты
В том, что делают мужчины?
Так оставь в покое мертвых,
Отмени свой вызов детям,
А за всех живых и мертвых
Я один тебе отвечу.
Есть у нас обычай старый,
Я тебе его напомню:
Тот один, кто вызвал многих,
С пятерыми должен биться.
Если он хоть раз отступит,
Так на том конец и распре».
И, слова такие слыша,
Устыдился дон Диего,
Но без трусости ответил:
«Я согласен с этой речью!»
И сквозь малые ворота
Вскачь помчался дон Диего,
Поскакал туда, где судьи
Суд вершить уже сходились.

АРИАС ГОНСАЛО ГОТОВИТСЯ К ПОЕДИНКУ

В горе жители Саморы,
В горе, в тягостной печали,
Их в измене обвинили,
Вероломными назвали.
Лучше было б умереть им,
Чем изменниками зваться.

В день святого Милиана,
В день, назначенный для битвы,
Спит Самора, но не дремлет
Старый Ариас Гонсало.
День еще не зачинался,
И еще на небе звезды,
А уж он сынов сзывает,
И, чтоб молодцы узнали
О позоре и печали,
Он такое слово молвит
И такой наказ дает им:
«Должен я сразиться первым
С дон Диего, кастильянцем,—
Если нас винил он ложно,
Я облыжника осилю.
Если же у нас в Саморе
Есть хотя б один предатель,
Если нас не оболгал он,
Я паду на поле мертвым.
Умереть хочу, не видя,
Как умрут мои сыны».
И старик доспехи просит,
Сыновья несут оружье,
Но с великим стоном, с плачем
Входит вдруг сама Уррака:
«Ты зачем надел доспехи,
Старый друг мой и учитель,
И куда идти ты хочешь,
Иль Урраку разлюбил ты?
Если ты умрешь, погибнет
Все, чем я живу на свете.
Вспомни, как с тобой прощался
Мой родитель дон Фернандо,
Как ему пообещал ты
Быть со мной везде и всюду,
Никогда меня не бросить,
Не лишить своей поддержки!»
Также рыцари инфанты
Дона Ариаса просят,
Чтобы им он дал сразиться,
Дал вкусить им радость битвы.
Но лишь сыну — дон Фернандо —
Отдает старик оружье:
«Да пребудет бог с тобою,

Сын, тебя благословляю.
В бой иди, спаси Самору
Так, как спас людей Спаситель».
И, не ставя ногу в стремя,
В бой помчался дон Фернандо.

О ПОХОРОНАХ ФЕРНАНДО АРИАСА

Через малые ворота,
Что всегда стояли настежь,
Триста всадников я видел,
Флаг несли они кровавый,
Красный флаг с каймою черной.
А среди трехсот я видел
Окровавленное тело.
Был убит Фернандо Арьяс,
Тот, в ком славу и надежду
Видел Ариас Гонсало.
У ворот Саморы старой
Поднимался плач великий,
Сто девиц над мертвым плачут,
Сто — из самых благородных.
Пуще всех инфанта плачет,
Слезы льет сама Уррака,—
Хочет бедную утешить
Старый Ариас Гонсало.
«Тише, крестница, не надо,
Ни к чему так сильно плакать,
Пусть один мой сын зарублен,
Но в живых еще четыре.
Умер он не среди женщин,
Не играя с другом в шашки,
Умер он у стен Саморы,
Честь инфанты защищая.
Горе мне! Старик я глупый!
Для того ли, мой Фернандес,
Я родил тебя, чтоб мертвым
Ты лежал в моих объятьях?»
Колокольный звон рыдает,
Хоронить несут Фернандо
В самую большую церковь,
Где стоит алтарь Сант-Яго,

И в богатую могилу,
Сообразно с громким саном,
С плачем опускают тело
Павшего за дело чести.

О КЛЯТВЕ В САНТА-ГАДЕА-ДЕ-БУРГОС

В Санта-Гадеа-де-Бургос,
Где дворяне присягают,
Там у короля кастильцев
Принимает клятву Сид.
А дается эта клятва
На большом замке железном,
На дубовом самостреле.
И сурово дон Родриго
Молвит слово,— так сурово,
Что смущен король наш добрый:
«Пусть, король, убит ты будешь
Не дворянством благородным,
А людьми простого званья,—
Теми, что сандальи носят,
А не башмаки с завязкой,
И на ком плащи простые,
Не кафтаны, не камзолы,
Чьи узором не расшиты
Грубошерстные рубахи;
Пусть убит ты будешь теми,
Кто не лошадью, не мулом,
Кто ослом обзаведется,
Коль в дорогу соберется,
И не с кожаной уздечкой,
А с веревочной поедет;
Пусть убит ты будешь в поле,
А не в замке, не в селенье,
Не кинжалом золоченым,
А простым ножом дешевым;
Через правый бок пусть вынут
У тебя из груди сердце,
Если ты не скажешь правду.
Отвечай: ты был причастен,
Пусть не делом, так хоть словом,
К подлому убийству брата?»

Но король не отвечает,
Страшно дать такую клятву.
И тогда стоящий рядом
Молвит рыцарь приближенный:
«Добрый мой король, клянитесь,
Ни о чем не беспокоясь.
Кто слыхал, чтобы на свете
Был король клятвопреступник
Или папа отлученный?
Нет, такого не бывало,
Добрый мой король, клянитесь».
Но король, от гнева бледный,
Отвечает мрачно Сиду:
«Короля пытать ты хочешь?
Сид, плохой ты просишь клятвы.
Что ж, я клятву дать согласен,
Но тогда целуй мне руку».
«Нет, король мой добрый, вышло б
Так, как будто взял я плату.
Нет такой земли на свете,
Где не платят знатным людям».
«Уходи тогда, Родриго,
И оставь мои владенья,
Да забудь ко мне дорогу,
Если ты негодный рыцарь.
Ровно год не возвращайся».
Сид сказал: «Меня ты гонишь?
Что ж, гони, гони подальше!
Вот каков приказ твой первый
В день, когда на трон взошел ты.
Но меня ты гонишь на год,
А уйду я на четыре».
И поехал дон Родриго,
Повернулся, не целуя,
Не целуя, не пригнувшись
До руки до королевской.
Он Бивар свой покидает,
Покидает земли, замок,
Он ворота запирает
И засовы задвигает.
Он берет на цепь стальную
Всех своих борзых и гончих,
Много соколов берет он
Разных — молодых и взрослых.

Триста рыцарей отважных
Уезжают вместе с Сидом,
Под одними, смотришь, кони,
Под другими, смотришь, мулы,
Но у всех стальные копья
С наконечником двуострым,
И у каждого пред грудью
Щит с большой цветною кистью.
Вверх по берегу Дуэро
Едут, едут вслед за Сидом,
Словно едут на большую
Соколиную охоту.

КАК СИД КАМПЕАДОР ПОСЛАЛ В КАСТИЛИЮ ЗА ЖЕНОЙ И ДОЧЕРЬМИ

«Уходите с миром, мавры,
Хороните ваших мертвых,
Унесите всех, кто ранен,
Обожженных сосчитайте:
Ибо мы в сраженье люты,
В мирный час добросердечны,
Ваших нам богатств не надо,
Их у вас не отберу я.
И в наложницы не буду
Брать красивых дочек ваших,
Ибо, кроме той, с которой
Я святым обетом связан,
Мне другой жены не нужно.
А тебе, мой Альвар Фаньес,
Если приказать я властен,
Я приказываю ехать
К нам в Сан-Педро-де-Карденья
За моими дочерями
И за доньею Хименой.
Короля проси с поклоном,
Пусть позволит благосклонно,
Чтобы я к себе забрал их,
Как законный их владыка.
Ты же, Мартин Антолиньес,
Ты ступай к евреям честным
Иегуде и Рахилю,
Отвези им триста тысяч

Марок звонким серебром,—
Те, что в долг они мне дали.
Да еще — не удивляйся—
Дай им тысячу сверх долга
И проси, чтобы простили
Мне проделку с сундуками,
С теми, что в залог за деньги
Я когда-то им оставил,
Побуждаемый бедою,
Нищетой, но не злонравьем.
И хотя не что иное,
Как песок, залогом было,
Сундуки с песком хранили
Слова рыцарского злато».

ЧТО ПЕРЕДАЛ АЛЬВАР ФАНЬЕС И КАК БЫЛ ПРОЩЕН СИД

Альвар Фаньес прибыл в Бургос,
Королю привез подарки,
Он привез коней, оружье,
Много пленных и богатства,
Сто больших ключей от вражьих
Городов и замков разных.
Те, кто видели, как едет
По дороге Альвар Фаньес,
Обознавшись, говорили:
«Это воины чужие!»
А узнав их, были рады,
Что услышат и про Сида.
Альвар Фаньес входит в залу,
Где сидит король, и скромно,
Испросив его согласья,
Королю целует руку:
«О король, прими в подарок
То, что своему сеньору
Рыцарь изгнанный подносит.
Только знай, король, и помни,
Что ценою славной крови
Это взято все у мавров,
Что тебе мечом булатным
Дон Родриго за два года
Приобрел владений больше,

Чем король наш дон Фернандо,
Твой отец,— да спит он в мире,—
Передал тебе в наследство.
И, твою целуя руку,
Сид желает одного лишь:
Чтобы ты его Химену
С дочерьми к нему отправил,
Чтобы им позволил выйти
Из монастыря в Карденье
И в Валенсии богатой
Стать отныне госпожами».
Только смолкнул Альвар Фаньес,
Подняла свой голос зависть,
И Гарсия граф Ордоньес
Молвил очень некрасиво:
«Не бери, король мой добрый,
Завоеванное Сидом,—
Что завоевал он за год,
За два дня он потеряет.
Хочет он тебя задобрить
Подношеньями своими,
Чтобы ты, король, смягчившись,
Отменил его изгнанье».
Альвар стал чернее тучи,
Сжал кулак, надел он шапку
И, от гнева запинаясь,
Так в ответ промолвил графу:
«Злоречивые вельможи,
Плохо вы платить привыкли
Тем, чей меч вам был защитой
И расширил ваши земли.
Вместе с новым королевством
Сто границ завоевал он
И свои отдаст вам земли,
Хоть его неблагородно
Со своих земель вы гнали.
Он бы мог чужим отдать их,
Но такое непотребство
Не свершит наш дон Родриго,
Не продаст он честь кастильца.
Пусть завистники лихие
Отдыхают, не тревожась,
Ибо земли их и замки
Защищает грудь Родриго.

В добрый час! Пускай проводят
Во дворце свои досуги,
Но, чем пачкать честь другого,
Честь свою поберегли бы.
Ты ж, король, их лестью подлой
Услаждать себя привыкший,
Вышли в бой своих придворных,—
То-то славно будут биться!
Ты прости, что я от гнева
Говорю без уваженья,
И отдай мне, если хочешь,
Дочек Сида и Химену,—
Ты их держишь, как заложниц,
Так возьми богатый выкуп».
Поднялся король Альфонсо,
Просит он, чтоб Альвар добрый
Успокоился, и оба
Отправляются к Химене.
Но у двери дон Альфонсо
Обернулся и придворным
Так сказал, остановившись:
«Я, сеньоры, отменяю
С этих пор изгнанье Сида
И отобранные земли
Возвращаю дон Родриго.
Из того же, что добыл он
Силой своего оружья,
Я Валенсию за Сидом
Утверждаю. От себя же
Прибавляю к ней Бриеску,
Кампо, Ордехон и Лангу
Вместе с замком Ауэньяс,
Потому что славу Сида
Я своей считаю славой,
И она составит славу
Всей Испании великой».

О ЧЕМ ГОВОРИЛ СИД С НОВЫМ АББАТОМ КАРДЕНЬИ

Как в Сан-Педро-де-Карденья,
На подворье монастырском,
С добрым Сидом после мессы

Говорил король Альфонсо.
Вел он речь о тех владеньях,
Что неверным, просчитавшись,
Отдал встарь король Родриго,
И о том, как отобрать их.
Предложил король Альфонсо
Двинуть войско на Куэнку,
И на это дон Родриго
Так ответствовал разумно:
«Ты послушай, дон Альфонсо,
Здесь пока король ты новый.
Чем идти в чужие земли,
Успокой свои сначала.
Много в них бывало горя,
Если, сев на трон кастильский,
Уезжал король, как только
На челе своем венчанном
Успевал согреть корону».
Не король ответил Сиду,
А Бермудес: «Если в битвах
Извела тебя усталость
Или страсть к Химене гонит,
Поезжай в Бивар, Родриго,
Королю оставь заботы.
У него найдется много
Благородных слуг близ трона,
Тех, что с поля не вернутся,
Сделав дело вполовину».
«Кто позвал тебя,— ответил
Сид,— на наш совет военный?
Нет, монах достопочтенный,
Лучше ты пойди сейчас же
К алтарю во храм и бога
Попроси, чтоб он помог нам.
Разве мог бы Иошуа
Одолеть врагов, когда бы
Моисей не помолился
И не вымолил победу?
Так неси стихарь на хоры,
Я же — знамя на границу,
Пусть король свой дом наладит
Прежде, чем ходить в чужие.
Ни любовь меня не может
Сделать трусом, ни усталость.

У меня всегда под боком
Не Химена, а Тисона».
«Но ведь я,— сказал Бермудес,—
Человек, как все другие.
Если сам не бил я мавров
До того, как стал монахом,
То зачать успел немало
Тех, кто стал грозой неверных.
А теперь, коль час приспеет,
Шлем охотно я надену,
Меч возьму и сяду на конь».
«Чтоб удрать,— ответил Сид,—
Может, отче, и наденешь.
На твоей сутане больше
Масла постного, чем крови».
Тут разгневался король
И воскликнул: «Замолчите!
Не добром, так злом прошу вас.
Ты, Родриго, даже камни
Доведешь до исступленья.
Поднимаешь шум ненужный
Из-за всякой чепухи».
В это время граф де Оньяс
Проходил с своей сеньорой,
И король, чтоб оказать ей
Честь, довел ее до двери.

КАК ИСПУГАЛИСЬ ГРАФЫ КАРРИОНСКИЕ

Кончив трапезу неспешно,
На скамье на драгоценной
Крепко спит сеньор Родриго,
Подперев щеку рукою.
Сон Родриго охраняют
Зять Диего, зять Фернандо
И Бермудес — хоть гундосый,
Но решительный в сраженьях.
И они, чтоб скрасить время,
Меж собою тихо шутят,
Прикрывая рты ладонью,
Чтоб не разразиться смехом.
Вдруг, едва не руша стены,
Разнеслись по замку крики:

«Лев! Держите льва! Будь проклят
Рохля, выпустивший зверя!»
Дон Бермудес — тот не струсил,
Но зятья Родриго — братья —
Так от страха обомлели,
Что куда уж тут смеяться!
И, забыв понизить голос,
Оба враз заговорили
И мгновенно сговорились,
Как им действовать вернее.
Младший брат — Фернан Гонсалес —
Опозорился навеки:
Бедный, спрятался под Сида,
Под его скамью забился.
Старший брат его, Диего,
Спрятался еще подальше,
Он залез в такое место,
Что и вымолвить не можно.
И вбежали с криком люди,
С грозным рыком лев за ними,
Но с мечом в руке Бермудес
Встретил яростного зверя.
В это время Сид проснулся
И возвысил грозно голос,
И пред ним каким-то чудом
Тотчас лютый зверь смирился,
Даже завилял хвостом.
Сид, обрадованный этим,
Обнял хищника за шею
И отвел его в зверинец,
Говоря с ним, точно с другом.
Все кругом дивились молча,
Невдомек им, видно,. было,
Что хотя и лев ужасен,
Но Родриго — тоже лев,
И при этом он смелее.
И веселый Сид вернулся
Как ни в чем и не бывало
И спросил у окружавших,
Где ж они, его два зятя,—
Словно разгадал их низость.
Отвечал ему Бермудес:
«Где один,— я знаю точно:
Под скамьей лежит он, скрючась,

Посмотреть хотел он снизу,
Львица это или лев».
Тут вошел Мартин Пелайо,
Этот грозный астуриец,
Он вскричал: «Сеньор Родриго,
С вас подарок — еле-еле
Вынули его».— «Кого?» —
Молвил Сид. А тот ответил:
«Вон того, другого брата.
Есть места, куда и дьявол
Не полезет,— так со страху
Он залез туда. Смотрите,
Он идет. Вы отошли бы:
Чтобы стать с ним рядом, нужно
Кучу благовоний сжечь».
Загрустили оба брата:
Ведь теперь их Сид невзлюбит!
И за то, что осрамились,
Отомстить ему решили.

КАК ОСКОРБИЛИ ДОЧЕРЕЙ СИДА

Сговорились оба брата,
Дон Диего с дон Фернандо,
Оскорбить решили Сида
И ковать измену стали.
Мол, в свои владенья надо
Им вернуться, и нужны им
Жены их. А Сид и молвит,
Дочерей мужьям вручая:
«Вы, зятья мои, смотрите,
Хольте их и уважайте,
Как девиц дворянской крови
И как жен своих любимых».
И наказ его отцовский
Те исполнить обещают.
Только клятву дали графы,
Добрый Сид садится на конь,
И его сопровождают
Рыцари его и слуги.
По садам и палисадам
Скачут с шутками и смехом,

Но, одну проехав лигу,
Сид остановил коня.
А когда прощаться начал,
Удержать не мог он слезы,
Словно сердцем заподозрил,
Что куют измену графы.
И, племянника Ордоньо
Подозвав, ему велит он
Тайно следовать за ними,
Закрываясь капюшоном
И переменив одежду.
Графы с женами своими
Едут день, другой и третий
И в дубовый лес въезжают,
В лес, который прозван Корпес.
Этот лес густой и темный,
А деревья там до неба.
Вот людей и свиту графы
Далеко вперед услали,
Лишь Диего и Фернандо
Вместе с женами остались.
Оба спешились в молчанье
И с коней уздечки сняли,
А сестер стащили с мулов,
Жен своих,— рыдавших громко,—
Всю одежду с них сорвали,
И уздою начал каждый
Люто сечь свою жену.
Исхлестали их до крови,
Больно шпорами кололи,
Оскорбляли неповинных
Непристойными словами,
И покинули их, трусы,
И глумились, уезжая;
«Если вас мы оскорбили,
Извините нас, сеньоры,—
Мы ведь только отвечали
Местью вашему отцу.
Где уж вам идти за графов!
Ваш отец нас обесчестил,
Вы за то и заплатили.
Он погибель нам готовил,
Выпустив из клетки льва».

ОРДОНЬО, ПЛЕМЯННИК СИДА, ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ СЕСТРАМ

Справедливости у неба,
Наказанья подлым графам
Просят дочери Родриго,
Молодые доньи — Соль
И Эльвира. Бьются в путах,
И, привязанные к дубу,
Каждая кричит и молит,
Но одно лесное эхо
Отвечает им на крики,
Ибо тут с начала дней
Не бывало человека.
Только вдруг идет пастух,
И хотя мольбы их слышит,
Подойти он к ним не смеет.
«Подойди же, пожалей нас,
Друг пастух, мы богом просим!
Пусть твои стада тучнеют,
Пусть растут, хранимы небом,
И сыны твои, и дочки!
Только развяжи нам руки,
Ибо не твои же руки
Так безжалостно, так подло
Нас раздели и связали».
Вдруг из чащи к сестрам вышел,
Подошел Ордоньо славный,
Наряженный пилигримом,—
Как велел ему Родриго.
Гнев и скорбь от них скрывая,
Женщин быстро развязал он,
А они его узнали
И его целуют обе.
Он своим плащом укрыл их,
Чуть не плача, молвит: «Сестры,
Пусть господь злодеев судит!
Сид, отец ваш, не виновен,
Вам король мужей сосватал,
Но отец у вас достойный,
И блюдет он вашу честь».

СИД ЕДЕТ ПРОСИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ У КОРОЛЯ

Благородная Химена
Стремя держит перед мужем,
И, словам ее внимая,
Надевает плащ Родриго.
А она: «Сеньор, смотрите,
Вашу кровь в открытой битве
Смыть должны вы кровью графов.
Отомстите им, как рыцарь.
Вы направиться решили
Ко двору, а эти графы
Хоть безжалостны, как трусы,
Но, как трусы, и коварны.
И они предупредили
Всех друзей и короля,
Ибо ложь, как вам известно,
Главное оружье труса.
Вам у короля Альфонсо
Ни даров, ни извинений,
Ничего просить не нужно:
Никогда еще обиду
Не смывал никто словами.
Вам одно лишь надо помнить:
То, что к двум дубам, нагими,
Привязали ваших дочек.
Я ж молить у бога буду,
Чтобы королю помог он
Следовать путями правды».
«Так должно и быть, Химена»,—
Славный Сид ей отвечает.
И, кивнув ей головою,
Он садится на Бабьеку
И, коня пришпорив, скачет.

О КОРТЕСАХ В ТОЛЕДО

Три созвал король совета,
Целых три совета сразу,
В Бургосе — один совет,
А другой совет — в Леоне
И в самом Толедо — третий.

Для чего советы эти?
Чтоб установить виновность
Братьев, графов Карриона.
Тридцать дней дает он сроку,
Ровно тридцать — и не больше.
Кто не явится в тридцатый,
Будет проклят как изменник.
Вот пришел двадцать девятый,
И явились оба графа.
Тридцать дней прошло, промчалось —
Добрый Сид один не едет.
И тогда сказали графы:
«Вот, сеньор, ваш Сид — изменник!»
«Нет,— сказал король,— не верю,
Ибо Сид — могучий рыцарь,
Победитель супостатов,
И во всех испанских землях
Равных Сиду не найдется».
В эту самую минуту
Добрый Сид вошел на двор.

КАК СИД ПРИБЫЛ НА СОВЕТ

Вдоль реки Гвадалквивира
Супротив его теченья
Едут путники верхами.
Говорит народ, что это
Два хороших человека.
В епанчах они богатых,
В белых шерстяных бурнусах.
И крестьянскими плащами —
Может дождь пойти — накрыты.
Едут вечером и ночью,
Днем коней на отдых ставят,—
Не от страха встретить мавров,
От жары невыносимой.
Едут день, и три, и больше,
Приезжают на кортесы,
Их во двор встречать выходят
И король, и все вельможи.
«Старым стал ты, Сид мой, старым,
Борода — как белый цветень».
«Не с того же поседел я,

Что любил без счета женщин,
Нет, тебе, король, служил я
И в несчетных битвах дрался.
Я с сильнейшим из монархов,
С королем Букаром бился.
У него я много замков,
И земель, и градов отнял,
И чеканную в придачу
Золотую взял скамью».

КОРТЕСЫ ОБЪЯВЛЯЮТ ГРАФОВ ИЗМЕННИКАМИ

«Когда я, король мой добрый,
Был в Валенсии богатой
И гербы увидел ваши,
Знамя славное увидел,
Я тотчас же вам навстречу,
Как вассал к сеньору, вышел,
Вы же мне письмо с гонцом,
Добрый мой король, послали,
Чтобы в городе Рекенье
Вас готовился я встретить.
Там к столу я пригласил вас,
Мой король, ко мне пришли вы,
И моим вы были гостем.
А из-за стола поднявшись,
Повели вы речь такую,
Чтоб за графов Каррион
Дочерей своих я выдал.
И хотя Химена Гомес,
Их родившая, сказала,
Что она-де не согласна,—
Чтоб исполнить волю вашу,
Дочерей я графам отдал.
Но во время свадьбы лев
Как-то вырвался из клетки,
Графы струсили, бежали
И за свой позор решили
Отплатить мне подлой местью:
Попросили, чтобы дочек
Поскорей бы я им отдал,
Отпустил бы в Каррион.

И, конечно, я их отдал,
Ведь они им были жены,
Но среди дороги — боже! —
Что они им учинили!»
Тут совсем никчемный довод
Привели в защиту графы:
«Лжешь ты, Сид, безбожно лжешь ты,
Нам измена незнакома,
Королевские мы дети,
Дядя наш — сам император.
Так подумай, поразмысли:
Подобает ли жениться
Нам на дочках земледельца?»
Тут поднялся Пер Бермудес,
Воспитатель дочек Сида,
И в ответ на речь такую
Дал пощечину он графу.
Страшно двор заволновался,
Но король призвал к порядку:
«Ну-ка, выйди, Пер Бермудес,
Не мешай вести дознанье».
«Нет, король, дай нам сразиться,
Дай скрестить оружье с ними,
Ибо в скорби пребывает
Та, что родила их Сиду».
Графы, слыша речь такую,
Отвергают поединок,
Но король сказал сурово,
Все внимайте, что сказал он:
«Если, графы, не хотите
Защитить оружьем правду,
Я судить вас буду нынче».
И сказал оруженосец
Графов Каррион монарху:
«Нет, они пойдут сражаться
Завтра утром на рассвете».
А назавтра рано утром
Знать и челядь вышли в поле,—
Там за честь и право Сида
Будет биться Муньо Густьос,
Очень смелый человек.
С Муньо будет Пер Бермудес,
Дочек Сидовых наставник.
Графы — те в доспехах черных,

Люди Сида — в разноцветных.
На раскаявшихся графов
Даже больно посмотреть.
Вот их в поле выпускают,
Вот их ставят так, чтоб солнце
С вышины в глаза не било.
Вот противники несутся,
Копья взяв наперевес.
Как могучи Пер и Муньо!
Графы с первого удара
Наземь выбиты из седел.
И пред всем двором обоих
Обвинил король в измене.
Ну, а Густьос и Бермудес
Удостоились высокой
Королевской похвалы.

РОМАНСЫ О КОРОЛЕ ДОНЕ ПЕДРО ЖЕСТОКОМ

* * *

Разошлась молва в народе,—
Правда ль, нет,— но слух пустили,
Что магистр высокородный
Дон Фадрике де Кастилья
Опозорил дона Педро —
Короля, родного брата,
Соблазнил-де королеву;
Говорят одни: «Брюхата».
«Родила»,— иные шепчут.
Разошлись по всей Севилье
Кривотолки. Неизвестно,
Правда ль, нет,— но слух пустили.
Далеко король дон Педро,
И не слышал он покуда
Об измене. А услышит —
Кой-кому придется худо.
Что же делать королеве?
Сердце ужасом объято,
Пал на дом позор великий,
День и ночь страшит расплата.

И послала королева
За придворным именитым,
Был тот муж, Алонсо Перес,
У магистра фаворитом.
Он предстал пред королевой,
И ему сказала дама:
«Подойди, Алонсо Перес,
Не лукавь, ответствуй прямо,
Что ты знаешь о магистре?
Где он? Слышишь?» — «О сеньора!
Он уехал на охоту,
С ним все ловчие и свора».
«Но скажи... Ты, верно, слышал?
Толк о нем в народе шумный...
Я сердита на магистра.
Он такой благоразумный,
И к тому же благородный,
Славный столь и родовитый...
Родила на днях младенца
Девушка из нашей свиты.
Мне была она подругой
И молочною сестрою,
Очень я ее любила
И ее проступок скрою.
Беспокоюсь, что об этом
Вся страна узнает скоро».
Что ж в ответ Алонсо Перес?
«Вам рука моя — опора.
Воспитать берусь младенца,
Дайте мне его, сеньора».
Принесли немедля сверток
В желто-алом покрывале
Без гербов, без украшений
И Алонсо передали.
В Андалузию повез он
Этот сверток драгоценный,
В небольшой далекий город,
Называемый Льереной,
И дитя на воспитанье
Дал одной своей знакомой.
Женщина была прекрасна,
И звалась она Паломой.
Мать ее была еврейка,
А отец ее меняла.

Стал расти инфант, но вскоре
Эту тайну разузнала
Донья хитрая Мария,
Та, что вечно клеветала.
Толком истины не зная,
Королю она писала:
«Я — Мария де Падилья,
Знай, сеньор, твоя Мария
Век тебя не предавала,
Предали тебя другие.
То, что я пишу,— все правда,
Верь, сеньор, я лгать не стану.
Твой обидчик спит спокойно,
Хоть нанес тебе он рану.
Не придет он сам с повинной,
Обличить пора Иуду.
Все. На этом я кончаю,
Докучать тебе не буду».
Прочитал король посланье,
Вызвал грандов для совета,
В самый мрачный день недели —
В понедельник было это.
Покидал король в Тарифе
Дел немало неотложных,
За него остались править
Три советника надежных:
Дон Фадрике де Акунья,
Славный даром полководца,
Знал король — сей муж бесценен,
Если жаркий бой ведется;
Был вторым свояк владыки —
Дон Гарсия де Падилья;
Телье де Гусман был третьим,
Все его безмерно чтили,—
Дона Педро воспитал он,
Наделен умом был щедро.
В среду на заре вечерней
В путь отправился дон Педро
Вместе с Лопесом Осорьо,
Другом верным, неизменным.
Путники глубокой ночью
Прибыли к севильским стенам.
Как же им проникнуть в город?
Все ворота на запоре.

К счастью, мусорную кучу
Под стеной узрели вскоре,
Скакуна подвел дон Педро,
Встал на спину и мгновенно,
За бойницу ухватившись,
Перебрался через стену.
К своему дворцу дон Педро
Подошел и стал стучаться,
Позабыв, что в это время
Слуги спят и домочадцы.
И в него швырять камнями
Начала ночная стража,
Был король побит изрядно,
Потерял сознанье даже.
И вскричал тогда Осорьо:
«Стойте! Что вы натворили?
Это ваш король, дон Педро!»
Тотчас же врата открыли,
Подошли поближе слуги:
«Наш король, на самом деле!»
Повели его в покои,
И уснул король в постели.
Трое суток жил он тайно
Во дворце, в глухом покое,
А потом в далекий Кадис
Отослал письмо такое:
Брата своего, магистра,
В этом царственном посланье
На турнир прибыть в Севилью
Он просил без опозданья.

КАК КОРОЛЬ ДОН ПЕДРО ПРИКАЗАЛ УБИТЬ СВОЕГО БРАТА ДОНА ФАДРИКЕ

«В дни, когда я был в Коимбре,
Взятой мной у супостата,
Королевский вестник прибыл,
Мне привез письмо от брата.
Повелел мне брат мой Педро
Быть в Севилье на турнире.
Тотчас я, магистр несчастный,
Самый горемычный в мире,
Взял с собой тринадцать мулов,
Двадцать пять коней холеных

В драгоценных пышных сбруях,
В пестрых шелковых попонах.
Двухнедельную дорогу
Одолел я за неделю,
Но когда мы через реку
Переправиться хотели,
Вдруг мой мул свалился в воду.
Сам я спасся еле-еле,
Но кинжал свой потерял я
С рукояткой золотою,
И погиб мой паж любимый,—
Тот, что был воспитан мною.
Так привел меня в Севилью
Путь, отмеченный бедою.
А у самых врат столицы
Встретил я отца святого,
И монах, меня увидев,
Мне такое молвил слово:
«О магистр, храни вас небо!
Есть для радости причина:
В этот день — в ваш день рожденья,
Подарил господь вам сына.
Я могу крестить младенца.
Вы скажите только слово,
И приступим мы к обряду,—
Все для этого готово».
И ответил я монаху:
«Мне сейчас не до обряда,
Не могу остаться, отче,
Уговаривать не надо.
Ждет меня мой брат дон Педро,
Повелел он мне явиться».
Своего пришпорив мула,
Тотчас въехал я в столицу.
Но не вижу я турнира,
Тишиною все объято.
Как незваный, я подъехал
Ко дворцу родного брата.
Но едва вошел в палаты,
Не успел ступить я шагу —
Дверь захлопнулась, и мигом
У меня забрали шпагу.
Я без свиты оказался —
Задержали где-то свиту,

А без преданных вассалов
Где же я найду защиту?
Хоть меня мои вассалы
О беде предупреждали,
За собой вины не знал я
И спокоен был вначале.
Я вошел в покои брата
И сказал ему с поклоном:
«Государь, пусть бог поможет
Вам и вашим приближенным».
«Не к добру, сеньор, приезд ваш,
Не к добру. За год ни разу
Брата вы не навестили,
Прибегать пришлось к приказу.
Почему-то не явились
Вы, сеньор, своей охотой.
Вашу голову в подарок
К рождеству получит кто-то».
«Государь, в чем я виновен?
Чтил я ваш закон и волю,
С вами вместе гнал я мавров,
Верным был на бранном поле».
«Стража! Взять! И обезглавить!
Приступайте к делу быстро!»
Не успел король умолкнуть,
Сняли голову с магистра
И Марии де Падилья
Поднесли ее на блюде,
И она заговорила
С головой. Внемлите, люди! —
Вот какую речь держала:
«Вопреки твоим наветам
Мы сочлись за все, что было
В том году, а также в этом,
И за то, что дона Педро
Подлым ты смущал советом».
Дама голову схватила
И ее швырнула догу.
Дог — любимый пес магистра —
Голову отнес к порогу
И завыл, да так, что трепет
По всему прошел чертогу.
«Кто,— спросил король дон Педро,—
Кто посмел обидеть дога?»

И ответили дворяне
На такой вопрос владыки:
«Плачет пес над головою
Брата вашего Фадрике».
И тогда сказала слово
Тетка короля седая:
«Вы, король мой, зло свершили!
Вас, король, я осуждаю!
Из-за женщины коварной
Брата погубить родного!..»
Был смущен король дон Педро,
Услыхав такое слово.
На Марию де Падилья
Поглядел король сурово:
«Рыцари мои, схватите
Эту злобную волчицу!
Ждет ее такая кара,
Что и мертвый устрашится».
Появилась тут же стража,
Даму бросили в темницу;
Сам король носил ей пищу,
Разных козней опасался.
Лишь пажу, что им воспитан,
Он всецело доверялся.

ДОНЬЯ БЛАНКА СЕТУЕТ НА ЖЕСТОКОСТЬ СВОЕГО СУПРУГА КОРОЛЯ ДОНА ПЕДРО

Донья Бланка, там, в Сидонье,
Изнывая в заточенье,
Со слезами говорила
Преданной своей дуэнье:
«Я родная дочь Бурбона,
Я принцесса по рожденью,
Герб мой — символ королевский —
Лилии изображенье.
Здесь о Франции с тоскою
Вспоминаю что ни день я,
Родины я не забуду,
Даже став бесплотной тенью.
Если мне даны в наследство
Горести и злоключенья,
Значит, я — дитя печали
И несчастья порожденье.

Вышла я за дона Педро,—
Так судило провиденье.
Злобен он, как тигр гирканский.
Хоть красой ласкает зренье.
Мне венец он дал — не сердце,
Сотворил немало злого,
Разве можем ждать добра мы,
Раз король не держит слова,
Богом данную супругу
Он отверг без сожаленья,
Ибо он избрал другую,
Отдал сердце во владенье
Злой Марии де Падилья.
Мне он клялся, а на деле
Бросил ради фаворитки,
Что своей достигла цели.
Только раз он был со мною —
Гранды этого хотели.
Сотни дней, как мы расстались,
Вместе не прожив недели.
В черный день, во вторник утром
На меня венец надели,
День спустя мои покои
Стали мрачны, опустели.
Мужу в дар дала я пояс,
Яхонты на нем блестели,
Думала, что нас он свяжет,
Но была пустой затея.
Дал король мой дар Марии,
Все отдаст ей, не жалея.
Отнесла она мой пояс
К чернокнижнику-еврею;
Стал теперь мой дар бесценный
Мерзкому подобен змею.
С той поры не знаю счастья
И надеяться не смею».

СМЕРТЬ ДОНЬИ БЛАНКИ ДЕ БУРБОН

«О Мария де Падилья,
Вам печалиться о чем?
Ради вас мой брак расторгнут,
Что же лик ваш омрачен?

Не люблю я, презираю
Донью Бланку де Бурбон.
Повелел я ей в темнице
Стяг соткать: да будет он
Цвета самой алой крови
И слезами окроплен! —
Этот алый стяг, расшитый
Доньей Бланкой де Бурбон,
В знак любви моей, Мария,
Будет вам преподнесен.
Вызван дон Алонсо Ортис,
Прям душою и умен:
Пусть отправится в Медину,
Пусть прервет работу он».
«Государь,— промолвил Ортис,—
Ваш приказ для всех закон,
Но убивший королеву
Короля предаст и трон».
Не сказал король ни слова,
Молча встал и вышел вон.
Двух убийц он шлет в Медину,
Самых лютых выбрал он.
В час, когда молилась Бланка
В заточении своем,
Палачей она узрела,
Обомлела, но потом
Вновь пришла она в сознанье
И промолвила с трудом:
«Знаю, для чего пришли вы,
Сердце мне твердит о том.
Нет, нельзя судьбы избегнуть,
Всяк идет своим путем.
О Кастилия, скажи мне,
В чем я виновата? В чем?
Франция! Земля родная!
Дом Бурбонов, отчий дом!
Мне шестнадцать лет сегодня,
Встречу смерть к лицу лицом.
Девственницей умираю,
Хоть стояла под венцом.
Прощена ты мной, Мария,
Пусть виновна ты во всем.
Мною жертвует дон Педро,
Жаждет быть с тобой вдвоем».

Краткий срок ей для молитвы
Был отпущен палачом,
Но, не дав молитвы кончить,
Вдруг ударили сплеча,
И несчастная упала
Под дубиной палача.

О ПРИОРЕ ИЗ САН-ХУАНА

Дон Гарси́я де Падилья —
Пусть господь ему простит! —
С королем, замкнувши двери,
В строгой тайне говорит:
«В Консуэгре замок славный,
На земле подобных нет,
Овладейте этим замком,—
Добрый вам даю совет.
Хоть приор из Сан-Хуана
Нынче властвует над ним,
Но, клянусь, преграду эту
Мы в два счета устраним.
Не однажды вам случалось,
Наточив острее меч,
Угостить обедом гостя,
После — голову отсечь.
А когда свершится дело,
Передайте замок мне».
Через день приор приехал
На арабском скакуне.
«Да хранит господь всевышний
Королевский твой венец!»
«Рад вас видеть. Мне ответьте
На вопрос, святой отец:
В Консуэгре замок славный.
Чей же он? — вели мы спор».
«Этот замок и окрестность
Ваши, добрый мой сеньор!»
«Приглашаю вас на ужин,
Стол накрыт, извольте сесть».
Королю приор ответил:
«Низко кланяюсь за честь!
Но позвольте мне уехать,
В Консуэгре люди ждут —

Должен я монахам новым
Дать в обители приют».
«Что же, с богом, дон Родриго,
Посетите завтра нас».
Тут приор поспешно вышел
И слугу позвал тотчас.
Говорит ему, как ровне:
«Друг, прошу тебя помочь!
Обменяемся мы платьем,
А когда наступит ночь
И заснет покрепче стража,
Выбирайся из дворца».
Со слугой своим простившись,
Он седлает жеребца.
«Ах, скакун мой темно-серый,—
Да хранит господь коня! —
Ты спасал меня два раза,
В третий выручи меня!
Отпущу тебя на волю,
Коль спасешь на этот раз».
Вмиг приор в седло садится
И скрывается из глаз.
Время близится к полночи,
Время первых петухов.
Вот на улицах Толедо
Раздается звон подков,
Мимо, мимо, дальше, дальше,
В Консуэгру во весь дух!
«Эй, меня послушай, стража!
Погоди кричать, петух!
На вопрос скорей ответьте,
Все скажите, не тая,
Кто владеет этим замком
И земля в округе чья?»
«Это собственность приора,
Сан-Хуан его патрон».
«Так откройте мне ворота,
Я — приор!» — ответил он.
Распахнули двери настежь.
Скрип нарушил тишину.
И сказал приор: «Скорее
Дайте корму скакуну.
Сторожить я буду с вами,
Этой ночью не усну.

Сторожите, сторожите,
Сторожите, говорю!
Коль сослужите мне службу,
Я вас щедро одарю».
Только речь свою окончил,
Слышен голос короля:
«На вопрос ответьте, стражи,
Это чья вокруг земля?
Кто владеет этим замком?
Кто хозяин здешних мест?»
И ему сказали стражи:
«Все, что видишь ты окрест,
Это собственность приора,
Сан-Хуан его патрон».
«Так откройте мне ворота,
Я — приор!» — воскликнул он.
«Наш приор давно уж дома,
Убирайся лучше прочь!»
И король, насупив брови,
Проклял и коня и ночь.
«Отвори мне, добрый пастырь,
У дверей твоих стою,
И клянусь моей короной,
Я дурного не таю!»
«Мой король, творить дурное
Властен только я теперь.
Ждет тебя хороший ужин,
Распахните, стражи, дверь!»

СВЯЩЕННИК ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ДОНА ПЕДРО ОБ УГРОЖАЮЩЕЙ ЕМУ ОПАСНОСТИ

Крепость выстроил дон Педро,
Опасался он измены.
Посреди полей Асофры
Встали каменные стены,
Чтоб не мог напасть Энрике,
Брат, соперник дерзновенный.
Раз, когда король был в замке,
Постучал аббат в ворота
И сказал, что дону Педро
Хочет он поведать что-то.

Стража провела аббата
В отдаленные покои
К дону Педро, где священник
Рассказал ему такое:
«Государь, король дон Педро,
Ты лишился бы покоя,
Если б ведал, если б знал ты,
Что нависло над тобою.
Мне открыл святой Доминго
То, что я тебе открою:
Знай — тебе грозит опасность,
Потому что дон Энрике
Извести тебя замыслил,
Зреет заговор великий.
Коль беспечен и доверчив
Будешь ты, себе на горе,
Смерть тебя, король, постигнет,
В муках ты погибнешь вскоре.
Ты над этим поразмысли
И не забывай об этом,
Ради жизни и короны
Не пренебрегай советом:
Арестуй немедля графа,
Заточи его в темницу,
Требуя повиновенья,
И тогда твой брат смирится.
И пока не даст он клятвы,
Содержи его в темнице,
Наконец, убей Энрике,
Если он не подчинится.
Твердым будь в своих поступках,
Иль судьба постигнет злая.
Верь, король, моим советам,
Я тебе добра желаю.
Знай, король, мое известье
Для тебя, как воскрешенье,
Ты в опасности великой,
Я принес тебе спасенье.
Или ты, рассудку внемля,
Мне, король, поверишь — или
Встретишь гибель. Эту тайну
Небеса тебе открыли».
Старца выслушал дон Педро,
Сердце трепетом объято,

И, однако, он значенья
Не придал словам аббата.
Мыслил он: пустые слухи,
Лжет священник, без сомненья,
Но потом, слегка подумав,
Он решил без промедленья
Всех сановников, всех грандов
Для совета вызвать все же,
Вызвать рыцарей отважных.
И когда сошлись вельможи,
Он сказал им: «Кабальеро,
Я собрал вас для совета.
Мне господь раскрыл измену.
Что вы скажете на это?
Об опасности великой
Сообщил один священник,
Правда я ему не верю,
Думаю, что лжет, мошенник.
Может быть, у нас желает
Он снискать расположенье?»
Вновь король велел аббату
Рассказать об откровенье,
О явлении святого,
О зловещих кознях брата,
А потом придворной страже
Приказал схватить аббата.
Он решил, что тот смеется,
Не терпел дон Педро шуток.
Повелел костер зажечь он,—
В гневе был дон Педро жуток.
Он велел аббата бросить
В разгоревшееся пламя.
Чудилось всегда владыке
Лишь коварство за словами.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ДОНА ПЕДРО ОТ РУКИ ЕГО ЕДИНОКРОВНОГО БРАТА ДОНА ЭНРИКЕ

Руки мощные сплетают,
Обхватив друг друга, братья —
Дон Энрике с доном Педро.
Их железные объятья
Братскими не назовете,

Братья бьются, слов не тратя,
То кинжал сверкнет, то шпага,
Крепко сжаты рукояти.
Короля теснит Энрике,
Стоек Педро. Бьются братья,
В их сердцах пылает ярость,
С губ срываются проклятья.
В стороне стоит свидетель,
Молчаливый наблюдатель,
Юный паж, слуга Энрике.
Вдруг он видит,— о, создатель! —
Братья дрогнули и оба
На пол падают. Некстати
Чуть замешкался Энрике,
И король — верхом на брате.
Час твой пробил, дон Энрике.
Паж — в смятенье и, не глядя,
Бросился на дона Педро,
За камзол хватает сзади,
Говоря: «Прошу прощенья.
Государь, судите сами,
Я спасаю господина,
Потому невежлив с вами».
И уже вскочил Энрике,
Сталь в деснице засверкала,
В грудь коварного владыки
Острие вошло кинжала.
Сердце замерло навеки,
Захлебнулось кровью алой.
В христианском нашем мире
Злее сердца не бывало.

РОМАНСЫ РЫЦАРСКИЕ, НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ

* * *

«Нуньо Веро, Нуньо Веро,
Добрый рыцарь, славный витязь,
Скакуна гулять пустите,
От копья освободитесь.
Я хочу спросить о франке,
Что зовется Бальдовинос».
«Слушайте меня, сеньора,
Я отвечу, ваша милость.
Этой ночью ровно в полночь,
В город конно мы вступили,
Недруги на нас напали,
В плен живыми захватили.
Там был ранен Бальдовинос,
Был он сбит копьем недобрым:
Полдревка дрожит снаружи,
Острие прошло сквозь ребра.
Он скончается к рассвету
Или же еще скорее.
Если хочешь ты, Севилья,
Будь возлюбленной моею».
«Нуньо Веро, Нуньо Веро,
Рыцарь злой, недобрый витязь,
Я о франке вас спросила,
Надо мною не глумитесь.
Знайте, что минувшей ночью
Бальдовинос спал со мною.
Он на память дал мне перстень,
Я ему — шитье цветное».

* * *

«Это все случилось в мае,
Когда дни уже теплы,
Когда жаворонки свищут,
Отвечают соловьи
И когда сердца влюбленных
Опаляет жар любви.
Только я сижу, несчастный,
За решеткою тюрьмы.
Дня я светлого не знаю
И ночной не знаю тьмы,
Только птичка мне вещает
Появление зари.
Но убил охотник птичку,
Бог его вознагради!
Волосы мои по пояс
Упадают с головы,
Борода длинна, как скатерть,
Цвета высохшей травы,
Отросли на пальцах ногти,
Словно длинные ножи...
Ежели король то сделал,
Господи его прости,
Ежели злодей-тюремщик,
Бог злодею отомсти,
Только б с птицей говорящей
Снова душу отвести,
Кто бы мог мне жаворонка
Иль дрозденка принести,
Чтоб был дамами обучен
И мог тайну соблюсти,
Чтоб супруге Леоноре
Мог записку отнести.
Пусть пирог она пришлет мне,
Но не рыбный, не мясной,
А с напильником бесшумным
И с отточенной киркой.
Тот напильник для решеток,
А кирка для толстых стен».
Тут король его услышал
И велел покинуть плен.

* * *

«Юной розы, юной розы
Нежный цвет, прекрасный цвет!
Когда вас держал в объятьях,
Не умел служить вам, нет!
А теперь, когда умел бы,
Не владею вами, нет!»
«В этом я не виновата,
Виноваты вы, мой друг.
Сами мне письмо прислали
Вы с одним из ваших слуг.
Не умел хранить он тайну,
Был болтлив, а может — глуп,
Он сказал, что там, в Леоне,
Вы женаты, милый друг,
Что цветам подобны дети,
Что жена во цвете лет».
«Тот, кто так сказал, сеньора,
Не сказал вам правды, нет!
Не был я в земле Кастильской
И в Леоне не бывал.
Может, был я там младенцем,
Но любви тогда не знал».

* * *

«Ах, дружище, сотоварищ,
Та, в кого я был влюблен,
Вышла за простолюдина,
Вот на что я обозлен.
Я теперь уеду к маврам,
В отдаленные места,
Попадись мне христианин,
Враз лишится живота».
«Ах, не надо, сотоварищ,
У меня есть три сестры,
Ты из трех себе любую,
Мой товарищ, избери —
Иль женою, иль подругой».
«Что подруга! Что жена!
Если та, кого любил я,
Не была мне отдана!»

* * *

Ужас, ужас вслед инфанту
Мчится, словно воронье.
Плащ изнанкою — на левой,
В правой — острое копье,—
Плуг из борозды глубокой
Может вывернуть оно.
Восемь раз в крови дракона
Кузнецом закалено,
Восемь раз его точили,
Чтобы в тело шло легко,
Тот французский наконечник,
Арагонское копье,
Где вверху для украшенья
Соколиное перо.
Дон Куадроса он ищет,
Чтоб воздать ему за зло.
С императором пирует
Дон Куадрос заодно.
Держит старый император
Справедливости жезло.
Восемь раз инфант решает
Бросить острое копье.
Наконец инфант решился
И направил острие.
Не в Куадроса попало,
Пролетело близ него —
Плащ пронзило королевский,
Королевское шитье,
И с размаху в пол кирпичный
На ладонь оно вошло.
Говорит король инфанту,
Вот вам слово короля:
«Почему, инфант-предатель,
Ты решил убить меня?»
«Государь, прошу прощенья,
Я ведь метил не в тебя,
Нет, в Куадроса я метил,
Негодяя и лжеца.
Я, король, имел семь братьев,
А остался я один.
Я убийцу вызываю
Пред тобою, господин».

Не поверили инфанту,
Но пришла ему помочь
Та, что верила инфанту,—
Императорская дочь.
Увела обоих в поле
Из покоев короля.
Сразу же при первой стычке
Дон Куадрос пал с коня.
Голову инфант отрезал,
Вздел на острие копья
И поднес ее с поклоном
Властелину своему.
В жены добрый император
Отдал дочь свою ему.

* * *

Шел, стеная, кабальеро,
Извела его печаль,
На нем траурное платье,
Грубый шерстяной сайяль.
Шел по скалам, полный скорби,
Плача, дал себе обет
Удалиться от соблазна
В ту страну, где женщин нет.
Чтоб о них забот не ведать,
Чтоб никто не утешал,
Чтобы помнить об умершей,
Той, кем он не обладал.
Ищет он пустые земли,
Хочет жить средь диких скал.
На одной горе огромной
В отдаленье от жилья
Он построил дом печали
Возле мутного ручья.
Дом из желтой древесины,
Называемой тоска,
Стены — из каменьев черных,
Черного известняка.
Он угрюмые стропила
Крышей бурою покрыл,
Пол из мрачного металла,

Пол свинцовый настелил,
Дверь свинцовую он сделал,
Чтоб не видеть белый свет,
Набросал сухие листья,
Выполняя свой обет.
Где добра не ожидают,
Там надежде места нет.
В этом доме, доме скорби,
Одинокий, как монах,
Спит, как братья в Сан-Висенте,
На расстеленных ветвях.
Он питается лозою,
Слезы — все его питье,
Плачет он на дню два раза,
Тело мучает свое.
Он под дерево покрасить
Стену в доме приказал,
Балдахин повесить белый,
Словно это тронный зал,
И алтарь из алебастра,
Как небесному царю,
И из белого атласа
Украшенья к алтарю.
Статую своей подруги
Он воздвиг на тот алтарь.
Серебро литое — тело,
А лицо ее — хрусталь.
Платье белое из камки,
На монашеском плаще —
Знаки окончанья рода —
Луны шиты по парче.
Королевскую корону
На нее он возложил
И каштанами из рощи
Ту корону окружил.
Он каштанами украсил
Ту корону неспроста:
Первые пять букв каштана
Означают — чистота.
Двадцать два ей было года,
Когда смерть за ней пришла,
Красота ее бесценна,
И утрата тяжела.
Будет он в тоске, покуда

Смерть его не призовет.
Он глядит на изваянье,
Для того он и живет.
Дверь пред радостью он запер,
Перед горем — отпер дверь,
И вовеки дом печали
Не покинет он теперь.

ДОН ХУАН

К ранней мессе кабальеро
Шел однажды в божий храм,
Не затем, чтоб слушать мессу,—
Чтоб увидеть нежных дам,
Дам, которые прекрасней
И свежее, чем цветы.
Но безглазый желтый череп
Оказался на пути.
Пнул ногой он этот череп,
Наподдал его ногой.
Зубы в хохоте ощерив,
Прянул череп, как живой.
«Я тебя к себе на праздник
Приглашаю ввечеру».
«Ты не смейся, кабальеро,
Нынче буду на пиру».
В дом смущенный кабальеро
Воротился в тот же час.
Долго он ходил угрюмый.
Наконец и день угас.
А когда спустился вечер,
Стол накрыть послал он слуг.
Не успел вина пригубить —
В дверь раздался громкий стук.
Тут пажа он посылает,
Чтобы тот открыл запор.
«Ты спроси-ка, твой хозяин
Помнит ли наш уговор?»
«Да, мой паж, скажи, что помню,
Пусть он входит, так и быть».
Череп сел в златое кресло,
Но не хочет есть и пить.

«Не затем, чтоб есть твой ужин,
Я явился в час ночной,
А затем, чтоб ровно в полночь
В церковь ты пошел со мной».
Чуть пробило час полночный,
На дворе петух поет.
И они идут ко храму,
Только полночь настает.
Там открытую могилу
Видит рыцарь посреди.
«Ты не бойся, кабальеро,
Ты входи туда, входи.
Будешь спать со мною рядом
И вкушать мою еду».
«Бог не дал мне позволенья,
Я в могилу не войду».
«Если бы не имя божье,
Что хранит тебя от зла,
Если б ладанка на шее
Твою душу не спасла,
Ты б живым вошел в могилу
За недобрые дела.
Так ступай же, недостойный,
Снова в дом к себе вернись.
Если череп повстречаешь,
Низко, низко поклонись.
Прочитавши «патер ностер»,
В землю ты его зарой,
Если хочешь, чтоб по смерти
То же сделали с тобой».

* * *

Сын единственный у графа,
Сын один во всем роду.
Он отправлен был в ученье
К господину королю.
Он в чести у королевы,
Он в чести у короля,
Герб вручает королева,
Подарил король коня.
Дал король ему одежду,

Целый город — госпожа.
А советники дурное
Стали думать про пажа:
Мол, беседы королева
С ним ведет наедине.
«Пусть придут к нему и схватят,
Пусть заплатит по вине».
«Не убьют меня, не тронут,
Погубить себя не дам.
К матушке своей отправлюсь,
Ей два слова передам».
«Здравствуй, матушка графиня!»
«Зравствуй, свет мой, в добрый час!
Сядьте, рыцарь мой, и спойте
Песню старую для нас,
Что, бывало, в ночь под пасху
Ваш отец для нас певал».
Взял ташим, к устам приставил,
И запел, и заиграл.
Шел король, услышал песню,
Слугам говорит своим:
«Не морская ль то сирена
Иль небесный серафим?»
«Не сирена и не ангел,
Это мальчик, твой вассал,
Тот, которого недавно
Умертвить ты приказал...»
«Нет, убить его не дам я,
Пусть живет такой певец».
Взял владыка музыканта
И пошел с ним во дворец.

* * *

Эта дама так прекрасна!
Глянешь — душу ей отдашь.
На ней платье поверх платья
И обтянутый корсаж.
А голландская рубашка
Снега белого белей,
Ворот шелковый украшен
Крупным жемчугом на ней.

Перламутровые брови,
Две миндалины — глаза,
Нос прямой, ланиты — розы,
Золотые волоса.
Ее губы очень круглы,
Ее зубы — жемчуга,
Ее груди — два граната,
Шея стройная строга.
И, подобно кипарису,
Стан ее высок и прям.
А когда приходит в церковь,
Словно свечи вносят в храм.
Музыкант ее увидел —
Эта встреча в добрый час!—
На колени опустился:
«Я пришел сюда для вас.
Той не вижу я во храме,
Для которой я живу.
Семь годов вас ожидаю,
Как законную жену.
Год еще прождать сумею,
На девятый — изменю».
«Ждет меня король Французский,
И стамбульский герцог ждет.
Если герцог не полюбит,
Музыкант меня возьмет.
Будет петь мне до рассвета
И играть мне будет днем».
Взяли за руки друг друга
И ушли они вдвоем.

О ГАЙФЕРОСЕ

Как-то раз в своей гостиной
Мать-графиня восседала,
Ножничками золотыми
Сыну кудри подстригала.
Говорила сыну слово,
Слово горести и боли,
От ее речей суровых
Плакал мальчик поневоле.
«Даст бог, станешь бородатым,—

Говорит графиня сыну,—
Даст господь тебе удачи,
Как Рольдану-паладину.
Отомстишь ты смерть отцову —
Он был предан и поруган.
Был убит за то, что стал он
Вашей матери супругом.
Свадьбу пышную сыграли,
Но ее отвергло небо,
Платье пышное мне сшили,
Чтоб была как королева».
Хоть и мал годами отрок,
Но умом ребенок светел.
Так ответил ей Гайферос,
Слушайте, как он ответил:
«Сам о том молю я бога
И заступницу Марию...»
Граф Гальван услышал в замке,
Что мать с сыном говорили.
«Ты молчи, молчи, графиня,
Нету правды в твоем слове.
Не велел убить я графа,
Я не пролил графской крови!
Но за эту ложь, графиня,
Мальчик твой заплатит скоро!»
И зовет оруженосцев,
Слуг убитого сеньора,
Чтоб они ребенка взяли,
Увели его проворно
И такой казнили казнью,
Что сказать о том позорно:
«Ногу, что ступает в стремя,
Руку, на которой сокол,
У ребенка отрубите,
Око вырвите за оком.
Сердце мальчика и палец
Мне представьте без обмана».
Вот идет на смерть Гайферос,
Вот ведет его охрана.
Говорят оруженосцы
О бесчестье меж собою:
«Да хранит нас бог небесный
Вместе с девою святою.
Нас, когда убьем ребенка,

Бог помилует едва ли...»
Так беседовали слуги,
Что поделать им, не знали.
И увидели собаку —
Пса графини безутешной.
Тут один из слуг промолвил,
Вот что он промолвил, грешный:
«Мы убьем собаку эту,
Сердце вынем для обману,
Чтоб себя обезопасить,
Отнесем его Гальвану,
А у мальчика отрежем
Палец, чтоб отдать сеньору».
И зовут они ребенка,
Все свершить по уговору.
«Подойдите к нам, Гайферос,
И послушайте, что скажем.
Вы отсюда уходите,
Лучше жить в краю не нашем».
Чтоб не сбился он с дороги,
Дали верные приметы:
«Есть земля, а там ваш дядя,
Вы ступайте в землю эту».
И пошел Гайферос бедный,
Шел по свету неустанно.
Сделав так, оруженосцы
Воротились в дом Гальвана.
Сердце отдали и палец,—
Мол, Гайферос мертв отныне.
Чуть не лопнуло от горя
Сердце матери-графини,
Так несчастная рыдала,
Так печалилась о сыне.
Но графиню, что рыдает,
Здесь покуда мы покинем
И расскажем, как Гайферос
Все идет путем-дорогой,
День и ночь идет-шагает
Этот мальчик легконогий,
Наконец приходит в землю,
В ту, где дядя проживает.
Так беседует он с дядей,
Так беседу начинает:
«Да хранит господь вас, дядя!»

«Заходи, племянник, с честью.
Что ты доброго принес мне
Иль со злой явился вестью?»
«Я пришел с печалью горькой,
Сам едва от смерти спасся.
И пришел просить вас, дядя,
Может, нам двоим удастся —
Вы со мною не пойдете ль
И за смерть не отомстите ль:
Был предательски погублен
Брат родной ваш, мой родитель».
«Ты утешься, мой племянник,
У меня живи спокойно,
А за смерть отца и брата
Мы расплатимся достойно».
Так они вдвоем и жили
Года два, а то и дольше.
Наконец сказал Гайферос,
Не хотел молчать он больше.

СУЖЕНОГО ДОНЬЯ АЛЬДА ЖДЕТ...

Суженого донья Альда
Ждет, не зная, где Рольдан.
Суженого ждет в Париже,
С нею свита — триста дам.
Одинаково одеты,
Донье ровни по годам,
Все одну вкушают пищу.
Вместе шествуют во храм.
Только Альда равнодушна
К лучшим яствам и питьям.
Сто подруг прядут прилежно,
Сто шьют златом по шелкам,
Сто хозяйку ублажают
Музыкой по вечерам.
Донью Альду усыпляют
Эти струны и орган.
Сон ей видится недобрый
Душит горло, как аркан.
Просыпается от страха,
Нет конца ее слезам,

Так кричит она, что криком
Разбудила горожан.
Говорят ей камеристки:
«Что, сеньора, снилось вам?
Причинил ли зло вам кто-то?»
Так спросили триста дам.
«Дамы, сон мне снился страшный,
Уж не знак ли этим дан?
Я в горах себя видала,
По пустынным шла местам.
Над одной вершиной горной
Сокола я вижу там,
А за ним стремится беркут,
Беркут мчится по пятам.
Прячется в мою одежду
Сокол, страхом обуян,
На него несется беркут,
Словно злобный ураган.
И убитый клювом сокол
Падает к моим ногам».
И на это донье Альде
Говорит одна из дам:
«Смысл такого сновиденья
Должен быть понятен вам.
Сокол — это нареченный,
Что плывет к вам по морям;
Беркут — это вы, сеньора,
А гора — господний храм».
«Коль вы правы, камеристка,
Что угодно вам отдам».
А наутро донье Альде
Было вручено письмо.
Там чернилами писали,
На конверте кровь была,
Весть о том, что в Ронсевале
На охоте пал Рольдан.

РОМАНС О ДУРАНДАРТЕ

«Для чего я, о Балерма,
Для чего на свет явился!
Семь годов тебе служил —

Ничего я не добился;
А сейчас, когда ты любишь,
Умираю я от раны.
Мне не смерть горька, хоть, право,
Ухожу я слишком рано,
Но служить тебе, Балерма,
Для меня отрадней рая.
О кузен мой Монтесинос,
Умоляю, умирая:
Чуть душа моя отыдет,
Что служить умела верно,
Отнесите мое сердце,
Пусть возьмет его Балерма;
За меня ей послужите
Так, как я служил, бывало,
Обо мне напоминайте,
Чтоб меня не забывала.
Ей отдайте все владенья,
Что могли моими зваться,—
Той, которую теряю,
Пусть достанутся богатства.
Монтесинос, Монтесинос,
Я собрал свою отвагу,
Но рука моя устала
И уже не держит шпагу.
Из моей смертельной раны
Кровь не унимаясь льется
Холодеют мои ноги,
Все слабее сердце бьется.
Нашей Франции далекой
Не увижу я очами.
Умираю, Монтесинос,
Обнимите на прощанье.
Уж глаза мои не смотрят,
И язык мой смертью скован;
Вам передаю служенье
И обязываю словом».
«Бог, во имя вашей веры,
Ваше слово пусть услышит».
Под горой лежит высокой
Дурандарте и не дышит.
Плачет, плачет Монтесинос
Под горою, где лежал он,
Снял с него он шлем и шпагу,

Яму выкопал кинжалом;
Из груди он вынул сердце,
Чтоб отдать его достойной
И посмертного служенья,
Как приказывал покойный.
И слова он произносит
О своем погибшем брате:
«Брат души моей и сердца,
О кузен мой Дурандарте!
Ты не ведал поражений!
Ты храбрее всех сражался!
Коль тебя враги убили,
Для чего я жив остался!»

БЫЛО ТАК СВЕТЛО И ЛУННО

Было так светло и лунно,
Словно при дневном светиле,
Когда вышел Бальдовинос
И пошел в горах Севильи.
Повстречался с мавританкой
Стройной, юной, тонкорукой.
Семь годов была та дева
Бальдовиноса подругой.
Поугрюмел Бальдовинос,
Как те годы миновали.
«Что вздыхаешь, Бальдовинос,
Друг любимый, ты в печали?
Или ты боишься мавров,
Иль другая есть подруга?»
«Нет, не стал бояться мавров,
Ты одна моя подруга.
Но живем мы не по-божьи,
Христьянин и басурманка.
Я по пятницам скоромлюсь,
А закон мне запрещает».
«Для тебя я б окрестилась,
Чтобы стать твоей супругой,
Иль по-прежнему — подругой,
Как захочешь, Бальдовинос».

ФОНТЕ ФРИДА, КЛЮЧ СТУДЕНЫЙ

Фонте Фрида, ключ студеный,
Ключ любви, как он глубок.
Ключ, что всякую пичугу
Исцеляет от забот.
Только горлинка тоскует,
Как вдовица, слезы льет.
Соловей там появился,
Сладким голосом поет,
Говорит голубке речи,
Речи сладкие, как мед.
«Быть слугой твоим, сеньора,
Я хотел бы, если б мог».
«Ах, изыди враг, обманщик,
Ты зачем меня увлек!
Нет мне отдыха на ветке,
Мне постыл цветущий лог.
Мутной чудится водою
Мне прозрачный ручеек.
Не хочу иметь я мужа,
Чтоб его продолжить род,
Не утешат меня дети,
Не хочу иметь забот.
Ах, оставь меня, обманщик,
Надоедный сумасброд!
Не хочу идти я замуж,
Знаю, что вы за народ!»

РОМАНС О ГРАФЕ АРНАЛЬДОСЕ

И кому такое счастье
Приготовил океан!
Не тебе ли, граф Арнальдос,
Помогает Сан-Хуан?
Шел с ножом он на охоту,
Был он страшен для врагов,
И увидел он галеру
Возле этих берегов.
Паруса на ней из шелка,
Мачта — дерево-сандал,
И моряк, что вел галеру,
Громко песню распевал.

Утихают в море ветры,
Унимается волна,
Даже стаи рыб глубинных
Поднимаются со дна!
И слетаются все птицы,
Если он им приказал.
И сказал тогда Арнальдос,
Вот что граф тогда сказал:
«Спой мне песню, ради бога,
Повтори ее, моряк».
И моряк ему ответил,
Он ему ответил так:
«Песню ту лишь тот услышит,
Кто со мною стал под флаг».

ЕСЛИ ЗНАЛ ТЫ, КАБАЛЬЕРО

Если знал ты, кабальеро,
Если знал ты боль любви,
Как во Францию прибудешь,
Там Гайфероса найди.
И скажи: вручает дама
Рыцарю свою судьбу.
О его турнирах славных
Мы наслышаны и здесь.
Знаем также, что прослыл он
Покорителем сердец.
Что должна идти я замуж,
Вы скажите под конец,
С чужаком заморским завтра
Я отправлюсь под венец.

ЧАСОВНЯ САН-СИМОН

Есть часовенка в Севилье
По прозванью Сан-Симон.
На молитву часто ходят
Дамы в этот божий дом.
Ходит и моя сеньора,
Лучшая среди других,

В переливчатой мантилье,
И в сайялях дорогих.
У ней сахарные губки
И белее снега лик,
Оживленный чуть румянцем,
Нежным, словно сердолик,
И в глазах бездонно-синих
Пламя вспыхивает вмиг.
И она в часовне этой —
Словно солнечный родник.
И аббат, ведущий мессу,
Продолжать не может, нет.
И теряются все служки,
Отвечать не могут, нет.
И поют не аллилуйю,
А лепечут: «поцелую».

РОМАНС О ГРАФЕ АЛАРКОСЕ

В одиночестве инфанта,
Как обычно, дни проводит.
Быть одной ей надоело —
Понапрасну жизнь проходит.
Лучшие уходят годы,
Цвета жизни ей не видеть,
А король не помышляет,
Чтоб инфанту замуж выдать.
С кем бы горем поделиться?
Думала она, гадала,
Короля позвать решила,
Как порой это бывало,
Чтоб открыть владыке тайну,
Не дающую покоя.
Государь в ответ на просьбу
К ней пожаловал в покои.
Видит, что она скучает
Без людей, вдали от света,
На ее лице прекрасном
Горя явная примета.
От инфанты узнает он,
Что она живет в досаде:
«Что случилося, инфанта,
Расскажите, бога ради.

Почему в таком вы гневе
И за что меня вините,—
Мы добром уладим дело,
Как вы только объясните».
«Объясню вам, мой король,
В чем тоски моей причина,
Ибо матушка заботу
Обо мне отцу вручила.
Мой король, мне надо замуж,
Ибо время подоспело,
Но, стыдясь, об этом с вами
Говорить я не хотела,
Но, увы, об этом деле
Говорить мне больше не с кем».
И король ей отвечает
Добрым словом королевским.
«Сами в том вы виноваты,—
Был жених не из последних:
Ведь недавно предлагал вам
Руку Унгрии наследник.
Даже слушать не хотели
Вы посланников венгерца.
А меж тем среди придворных
Если кто вам и по сердцу,
Все равно он вам не ровня,—
Что об этом люди скажут? —
Кроме графа Аларкоса,
Он женат и вам откажет».
«Вы, король мой, Аларкоса
Отобедать пригласите,
А когда он к вам прибудет,
От меня его спросите:
Пусть он вспомнит уверенья,
Ибо вольно иль невольно
Он нарушил обещанье,
То, что дал мне добровольно,—
Быть навечно верным мужем,
Мне же быть ему женою.
Не хотела я, чтоб кто-то,
Кроме графа, был со мною.
А женитьбой на графине
На себя навлек беду он.
Я была б женою принца,
Если б прежде он подумал».

Как он мог нарушить клятву!
Как на это он решился!»
Государь услышав это,
Чуть рассудка не лишился.
Но, придя в себя, с досадой
Он дает ответ достойный:
«Разве это наставленья
Вашей матушки покойной?
Очень плохо вы, инфанта,
О моей радели чести,
Я подумал бы об этом,
Если б был на вашем месте.
И пока жива графиня,
Вы оставьте все мечтанья.
Даже если б состоялось
Ваше бракосочетанье,
То могли бы лишь злодейкой
Вы прослыть во мненье света.
Как нам быть теперь, не знаю
И прошу у вас совета.
Я советовался прежде
С вашей матушкой родною».
«Государь, прошу послушать,
Хоть я этого не стою.
Граф пускай убьет графиню
И расскажет, что супруга
Умерла своею смертью
От злосчастного недуга.
А когда минует траур,
Пусть меня начнет он сватать.
Так, король, мое бесчестье
Можно было бы упрятать!»
Государь, забыв веселье,
От нее задумчив вышел.
Отягчило государя
То, что он сейчас услышал.
Он увидел Аларкоса,
Что беседовал с друзьями:
«Что за польза, кавалеры,
Для чего мы служим даме,
Ведь усилья все напрасны,
Если нету постоянства.
О себе не говорю я,
Кавалеры, это ясно.

Я служил и поклонялся
Даме той, что всех милее.
Если я любил когда-то,
То теперь люблю сильнее.
Обо мне сказать возможно:
Кто любил — не забывает».
И как раз на этом слове
В залу сам король вступает.
Граф отходит от придворных,
С королем ведя беседу.
И король спешит любезно
Пригласить его к обеду.
«Граф, прошу ко мне назавтра —
Моего вина отведать,
Побеседовать со мною
И со мною отобедать».
«Государь, я буду счастлив,
Если скрашу вашу скуку,
И за добрую любезность
Я целую вашу руку.
А не то хотел сегодня
Я отбыть, по той причине,
Что письмо с такою просьбой
Получил я от графини».
День проходит, и назавтра
После выхода из храма,
Был обед накрыт. Но мысли
Короля томят упрямо.
Нужно с графом Аларкосом
Объясниться за обедом.
Но ему мешают слуги,
Что присутствуют при этом.
Наконец они поели,
Удалилась вскоре свита.
И настало время с графом
Побеседовать открыто.
И сказал король, как было
Решено с инфантой вместе:
«Граф, я должен вам поведать
Огорчительные вести.
Граф, нарушили вы слово,
Вольно или же невольно,
Потому что вы, как рыцарь,
Поклялися добровольно

Быть инфанты верным мужем,
И вы связаны обетом.
Если что меж вами было —
Речь, конечно, не об этом.
Граф, скажу вам откровенно,
И, прошу, все это взвесьте,
Вы должны убить графиню
Для спасенья нашей чести.
Слух пустите: от недуга
Давнего она скончалась.
И начните сватать, словно
Ничего и не случалось,
Чтобы дочери любимой
Честь и имя не страдали».
Добрый граф на этот довод
Отвечает государю:
«Мой король, все это было,
Я не стану отпираться.
В том, что вам сказали правду,
Я и сам готов поклясться.
Государь, я вас страшился,
Потому так совершилось.
Мы боялись, что согласья
Не получим, ваша милость.
Я за честь быть вашим зятем
Благодарен бесконечно.
Но, король, убить графиню
Не хотелось бы, конечно.
Нет вины на ней, графиня
Не заслуживает мести».
«Добрый граф, а что же делать
Для спасенья нашей чести?
Надо прежде было думать,
А теперь пора решиться.
Или ты лишишься жизни,
Иль она ее лишится.
А за нашу честь платили
И безвинной головою.
Что ж такого, что графиня
Не останется живою!»
«Мой король, она погибнет,
Воля ваша, но поверьте,
Что за этот грех придется
Вам ответить после смерти.

Словом рыцаря клянусь вам,
Что приказ я ваш запомню,
Что изменником не буду —
Слово данное исполню:
Я убью, как обещался,
Неповинную графиню.
А теперь прошу прощенья,
Государь, я вас покину».
«Добрый граф, ступайте с богом,
Возвращайтесь, до свиданья».
Добрый граф отъехал в горе,
Он не мог сдержать рыданья.
Он оплакивал супругу,
Что превыше жизни любит,—
Дети ведь осиротеют,
Если он ее погубит!
Младший их — грудной ребенок,
Отданный ее заботам,
Ибо груди у кормилиц
Почему-то не берет он.
Только грудью материнской
Хочет их дитя кормиться.
Два других не могут тоже
Без заботы обходиться.
Едет граф, и по дороге
Рассуждает сам с собой он:
«Поглядеть вам прямо в очи
Я, графиня, недостоин.
Вы теперь свою погибель
Встретите, меня встречая.
Я один тому виновник,
Я за это отвечаю».
Глядь — а перед ним графиня,
Чуть он молвил это слово.
Издали спешит супруга
Встретить мужа дорогого.
Видит сразу: граф печален
Так, как не было вовеки,
На глазах супруга слезы
И от слез припухли веки,
Словно плакал он в дороге
От неведомой напасти.
Говорит графиня графу:
«Слава богу, мое счастье.

Что в дороге приключилось?
Вы, душа моя, в печали.
Так лицом вы изменились,
Что с трудом мы вас узнали.
На себя вы непохожи.
Первый раз таким встречаю.
Вы во всем со мной делились,
Поделитесь и печалью.
Граф, я вашего ответа
Жду, как будто приговора».
«Я вам все скажу, графиня,
Срок настанет очень скоро».
«Граф, скажите мне скорее.
Слова жду я, как кинжала».
«Не томи меня, сеньора,
Еще время не настало.
Будем ужинать, графиня.
Накрывать велите ужин!»
«Все готово, как обычно,
Как всегда, мы вам услужим».
Добрый граф за стол садится,
Но кручина сердце гложет.
Добрый граф за стол садится,
Но куска он съесть не может.
По бокам садятся дети,
Сыновьям отец не внемлет.
Голова к плечу склонилась,
Притворяется, что дремлет.
А из глаз струятся слезы
От неведомой кручины.
На него графиня смотрит
И не ведает причины.
А спросить его не смеет,
Лишь молчит она печально.
Граф встает и говорит ей,
Что идет в опочивальню.
Говорит в ответ графиня,
Дескать, скучно ей в покоях.
И ложится рядом с мужем.
Сон бежит от них обоих.
Так лежат в покое спальном
В простынях и покрывалах.
Дети у себя остались,
Граф с собою не позвал их.

Только мать взяла с собою
В спальню младшего, грудного.
Граф ключом замкнул покои,—
Прежде не было такого,—
И позорную беседу
Начинает с нею вскоре:
«О несчастная графиня,
Как твое ужасно горе!»
«Нет, мой граф, себя несчастной
До сих пор я не считаю.
Ибо вашей быть супругой
Я за счастье почитаю».
«В этом-то и есть, графиня,
Ваше главное несчастье.
К госпоже моей когда-то
Был я полон тайной страсти.
На мое и ваше горе,
Я любил инфанту страстно.
Обещал на ней жениться,
И она была согласна.
И теперь моей супругой
Быть желает непреклонно.
И сумеет это сделать
По правам и по закону.
Королю она призналась,
И, радея за инфанту,
Он велел, чтоб я исполнил
Произнесенную клятву.
По приказу государя
Я убить тебя обязан,
Или он лишится чести,
Ибо я был словом связан».
Выслушав его, графиня
Замертво на землю пала,
А когда она очнулась,
Графу так она сказала:
«Тем ли, что была верна вам,
Заслужила я все это.
Граф, меня не убивайте,
А послушайтесь совета.
Вы в наследные владенья
Тайно жить меня отправьте.
Материнским попеченьям
Вы детей своих оставьте.

Там хранить вам буду верность
Я, покуда сердце бьется».
«Нет, умрете вы, графиня,
Раньше, чем заря займется».
«Аларкос, теперь я вижу,
Что одна я в этом мире:
Мой отец в годах преклонных,
Матушка давно в могиле,
Брат мой, добрый граф Гарсия,
Королю не страшен боле,
Ибо был подвергнут казни
Он по королевской воле.
Не о жизни я жалею,
Не боюсь неправой казни —
Дайте мне с детьми проститься,
И погибну без боязни.
Как им жить теперь на свете,
Каждый может их обидеть!»
«Нет, графиня, не придется
Вам детей своих увидеть.
Обнимите лишь малютку,
Что вам был всего дороже.
Тяжко с вами мне, графиня.
Как страдаю я, о боже!
Потому что не умею
Вам ничем помочь, графиня,
Этот долг — превыше жизни.
Вверьтесь господу отныне».
«Дайте мне прочесть молитву,
Ту, что я всегда читала».
«Помолитесь, но скорее,
До того, как утро встало».
«Коротка моя молитва,
Потерпите, ваша милость...»
И, упавши на колени,
Так графиня помолилась:
«Я тебе вручаю душу
Перед смертью, боже милый.
За грехи, что я свершила,
Господи, меня помилуй.
Ибо божье милосердье
Выше всякого людского».
Граф, молитву, что я знала,
Я прочла, и я готова.

Вам своих детей вручаю,
Пусть растут они счастливо.
И прошу вас, граф, молиться
Обо мне, покуда живы.
Это долг ваш, потому что
Умираю я безвинно.
И позвольте напоследок
Накормить мне грудью сына».
«Нет, будить его не стоит,
Пусть он спит, покуда спится.
И прошу у вас прощенья,
Но уже встает денница».
«Вас я, граф, за все прощаю,
Меры нет моей любови.
Королю же и инфанте
Не прощу невинной крови.
Пусть над ними суд свершится,
Как велит господь, так будет.
Тридцать дней всего минует,
И господь их всех рассудит».
После этих слов графиня
Приготовилась к кончине.
Граф обвил вуалью шею,
Горло нежное графини
Затянул двумя руками
И не отпускал. Сначала
Жизнь еще в ней трепетала.
А потом оттрепетала.
И когда он убедился,
Что навек сомкнулись вежды,
Граф бестрепетной рукою
Снял с усопшей все одежды,
Он принес ее к постели,
Уложил под покрывало,
Сам разделся, лег с ней рядом,
Как всегда это бывало.
А затем вскочил с постели,
Стал кричать: «На помощь, слуги,
Поскорее помогите
Умирающей супруге».
Слуги верные сбежались
Но помочь ей поздно было.
Так скончалася графиня,
Так взяла ее могила.

Но скончались и другие —
Тридцать дней не миновало.
Через десять дней инфанта
Безнадежно захворала,
Вслед за королем коварным
Граф скончался от печали.
И на высший суд все трое
Перед господом предстали.
Милость божья, будь над теми,
Кого люди покарали.

ЕСТЬ ОДИН В КАСТИЛЬЕ ЗАМОК

Есть один в Кастилье замок
Под названьем Рокафрида.
На скале стоит тот замок
А под ним источник — «фрида».
Там серебряные стены,
Основание из злата
И сапфирами зубцы
Изукрашены богато.
Они светят по ночам,
Словно солнце в них сокрыто.
В замке том живет девица,
Звать ее Росафлорида.
Семеро окрестных графов,
Также три ломбардских принца —
Все ей сердце предлагали,
Не могли на ней жениться.
Этой даме понаслышке
Полюбился Монтесинос.
Как-то ночью закричала,
Что-то страшное приснилось.
Увидал дежурный стражник,
Что в слезах Росафлорида,
Спрашивает: «Что случилось,
Горе или же обида?
Или, может быть, любовью
Сердце юное разбито?»
«Нет, любовью не томлюсь я,
Не томит меня обида.
Вот во Францию посланье,—
Говорит Росафлорида,—

Монтесиносу вручите
Вы любовное посланье
И скажите, чтоб ко мне он
Точно прибыл в день пасхальный.
Тело, лучшее в Кастилье,
Я б ему отдать хотела.
У сестры моей, быть может,
Есть еще такое тело.
Если рыцаря привлечь
Будут тщетны все усилья,
Я семь замков обещаю,
Лучше коих нет в Кастилье».

РОМАНС О ДОНЕ БЕЛАРДОСЕ

Небо тучами покрылось
И произошло затменье,
Когда славный граф Белардос
С честью вышел из сраженья.
Императору он отдал
Из своей добычи конной
Пять коней, что было долей
Императора законной.
А себе из всей добычи
Он оставил вороного.
Был печален император
И сказал такое слово:
«Все бы отдал я, племянник,
Чем славна моя корона,
Не вернулся Бальдовинос,
Нету большего урона.
Вы должны продолжить поиск,
Ибо вы моя опора».
«Как, сеньор, продолжу поиск?
Между нами вышла ссора,
Ибо сокола инфанта
Мне некстати подарила,
А его за дивный перстень
Только поблагодарила.
С соколом тем не сравниться
Прочим птицам поднебесным.
Но и этот сокол меркнет
Рядом с этим дивным перстнем...

Если им коснуться раны,
Заживает рана сразу,
Но, конечно, все, мой дядя,
Я исполню по приказу».
Вновь туда Белардос скачет,
Где была недавно сеча.
Вдруг он видит — по дороге
Скачут всадники навстречу.
Скачут всадники навстречу,
Опоясаны мечами,
С Бальдовиносом носилки
Поднимают над плечами.
На ветвях лежит оливы,
Нет числа кровавым ранам,
Он под черным покрывалом
С генуэзским талисманом.
И был бледен Бальдовинос,
Хоть душа его горела:
«Вы меня на этот клевер
Опустите, кабальеро.
Пусть и всадники и кони
Отдохнут в последний час мой.
И меня пусть овевают
Ветры Франции прекрасной.
Вспоминает ли о сыне
Мать моя, скажите, други?
А инфанта, там, в Севилье,
Вспоминает ли о друге?»
Чуть он молвил это слово,
Перед ним она явилась.
«Ах, душа моя и сердце
Бальдовинос, Бальдовинос!
Только ночь одну с тобою
Мы успели насладиться.
Пусть узнает император,
Что от нас дитя родится».

СООБЩАЮ С СОЖАЛЕНЬЕМ

«Сообщаю с сожаленьем,
Граф, вас велено казнить.
Хоть и грех ваш и проступок
Не ужасны, может быть,

Увлечения любовью
Можно было бы простить.
К королю я обращался
И просил вас отпустить.
Но король был в гневе, слуха
К просьбе не хотел склонить.
Он сказал, что нет прощенья,
Не велел о том просить.
Приговор уже подписан,
И его не отменить:
Вы посмели спать с инфантой,
А должны ее хранить.
Эшафот уже поставлен,
Где вам голову сложить.
Зря взялися вы, племянник,
Дамам головы кружить.
Меньше б дамам угождали,
Дольше б вы могли пожить.
Сами вы себе, племянник,
Так сумели удружить».
«К наставленьям вашим, дядя,
Мое сердце не лежит.
Лучше умереть за даму,
Чем, ее не видя, жить.
А возлюбленной не надо
Сильно обо мне тужить.
Я умру не как предатель,
Неудачливый игрок,
Жизнь свою отдам за даму,—
Ведь иначе я не мог,
И за малую провинность
Я на смерть себя обрек».

АЙ, ТОТ ПАРЕНЬ ИЗ ДЕРЕВНИ

«Ай, тот парень из деревни,
Ай, из этого он дома,
Ай, пришел он издалека,
Ай, приехал издалека.
Ай, чего тот парень хочет,
Ай, чего, скажите, ищет?»

«Ай, ищу я здесь девицу,
Белокурую девицу,
С голосочком тонким, нежным,
Как серебряная флейта.
Чтоб расчесывала кудри,
Чтобы косы заплетала».
«Нет другой такой в деревне,
Нет другой и в этом доме,
Кроме молодой кузины,
Кроме молодой сестрицы,
Но ее отдали замуж,
У нее супруг ревнивый».
«Ай, скажите белокурой,
Ай, скажите златовласой,
Что за нею друг вернулся,
Что подругу ожидает,
Где бежит ручей студеный
Вдоль по руслу золотому,
Что по золоту струится,
В шумное впадая море,
В бурное впадая море».
. . . .
И уже идет навстречу
Златокудрая девица
Вдоль студеной этой речки,
Что по золоту струится
Этим утречком прохладным,
Этой светлою зарею.
Ай, пусть свет дневной приходит!
Ай, пусть свет зари приходит!

РОМАНС О МЕНЬШОЙ ИНФАНТЕ

Был на ловле кабальеро,
Возвращаться собирался.
Гончие его устали,
Сокол в чаще затерялся.
Подъезжает рыцарь к дубу —
И в лесу такие редки,—
Видит юную инфанту
Там, на самой верхней ветке.

Ее волосы завесой
Ствол огромный прикрывают.
«Нет здесь чуда, кабальеро,
Пусть ничто вас не пугает.
Я инфанта, дочь кастильских
Короля и королевы,
Когда я была малюткой,
Мне судили феи-девы,
Что одна должна в чащобе
Семь годов я оставаться.
Семь годов прошли, и нынче
Мне пора освобождаться.
Вы меня с собой возьмите,
И за это вам воздастся.
Буду вам, сеньор, женою
Иль подругой — как хотите».
«Не угодно ли, сеньора,
Здесь до завтра подождите,—
Обо всем об этом должен
Я у матушки спроситься».
А ему в ответ инфанта:
«Сами вы могли решиться.
О, проклятье кабальеро,
Что одну оставил деву».
Так она в лесу осталась,
Он отправился по делу.
Мать советовала сыну,
Чтоб инфанту взял в подруги.
А когда он в лес вернулся,
Не нашел ее в округе,
Лишь увидел в отдаленье,
Что ее увозят слуги.
А увидев это, рыцарь
Пал на землю без сознанья.
А когда пришел в сознанье,
Он промолвил сквозь рыданья:
«Кто такое потеряет,
Тот достоин наказанья.
Буду сам себе алькальдом,
Что себя судом накажет:
«Пусть отрубят руки-ноги
И к хвосту коня привяжут».

ВЛЮБЛЕННЫЙ И СМЕРТЬ

Сон душе моей приснился,
Сон, исполненный печали.
Мне любимая явилась,
Мы в объятьях с ней лежали.
Входит белая сеньора,
Словно снег в ее вуали.
«Как, любовь моя, вошли вы?
Как в покой ко мне попали?
Слуги дверь мою замкнули,
Ставни все позакрывали!»
«Не любовь, а смерть, мой милый,
Небеса к тебе послали».
«Смерть, хоть день пожить позволь мне,
Я молю об этом даре».
«Час дарю тебе, не больше,
Пред твоей дорогой дальней».
Поскорее он оделся,
Вышел из опочивальни.
Он спешит к своей любимой,
Где его не ожидали.
«Свет мой, отвори скорее».
«Что такое? Не беда ли?
Только как тебе открою,
Чтоб про это не узнали?
Погоди, отец уедет,
Матушка задремлет в спальне».
«Если нынче не откроешь,
Не дождешься ты свиданья.
Смерть пришла, одна ты можешь
Сохранить мое дыханье».
«Под окно беги скорее,
Где сижу за вышиваньем,
Брошу шелковую сверху
Лестницу — и смерть отстанет,
Если лестницы не хватит,
То коса моя достанет».
Тонкий шелк не держит, рвется,
Смерть его с собою тянет:
«Час пришел, пошли со мною,
Разве смертный смерть обманет!»

РОМАНС О БУРОЙ ВОЛЧИЦЕ

Я сидел вблизи овчарни,
Посох украшал резьбою,
Высоко стояли «Козы»,
Месяц таял надо мною.
Слышу: овцы затоптались
И учуяли тревогу.
Семерых волков я вижу,
Выходящих на дорогу.
И они бросают жребий —
Кто расправится с отарой.
Выпало хромой волчице —
Бурой, и седой, и старой,
Но с клыками, как навахи,
И в любой охоте тертой.
Обошла загон три раза,
Обошла его в четвертый.
Утащили дочь Раззявы,
Внучку младшую Ухастой,
Что хозяева забить
Собирались перед пасхой.
«Эй вы, свора молодая,
Покажите-ка сноровку,
Эй ты, сука «трухильяна»,
Изловите-ка воровку!
Коль вернете мне овечку,
Хлебной тюрей награжу вас,
А упустите волчицу,
Крепкой палкой накажу вас».
За волчицей свора следом,
Когти крошит без дороги.
Так семь верст они бежали,
Где овраги и отроги.
Взобралися на пригорок,
Молвит бурая устало:
«Забирайте, псы, овечку,
Ту, что я у вас украла».
«Не нужна теперь овечка,
Что тебе попалась в зубы.
А нужна нам волчья шкура
Пастуху для зимней шубы.
Для ремня твой хвост сгодится,
Чтоб портки им подвязали,

А башка пойдет под сумку,
Чтобы ложки в ней лежали.
А кишки пойдут на струны,
Чтоб под музыку плясали».

ПОДРУГА БЕРНАЛЯ ФРАНСЕСА

Исповедуясь подушке,
В одиночестве лежу.
Это кто же там стучится?
«Отворите!» Вниз бегу.
«Я — Берналь Франсес, сеньора,
И вам верно послужу,
Ночью буду я в постели,
А с утра при вас в саду».
Простынь сбросила с постели,
Чуть прикрыла наготу,
Золотой взяла светильник
И скорее вниз иду.
Чуть я дверь приоткрываю,
Он светильник мой задул.
С нами дева пресвятая,
Отведи от нас беду.
Вдруг он жизнь мою погасит,
Как он погасил свечу!
«Не пугайся, Каталина,
Я не зря к тебе стучу.
Одного сейчас убил я
И попасться не хочу».
И она, чтоб этот рыцарь
Не попался палачу,
Привела в опочивальню,
Посадила на парчу.
И малисовой водою
Руки мыла беглецу.
Розами убрала ложе
И левкоями в цвету.
«Что, Берналь Франсес, не видишь
Ты земную красоту?
Ты боишься альгвасила?

Но его я не пущу.
Или слуг моих боишься?
Я молчать их научу».
«Не боюсь я правосудья,
Правосудья я ищу.
Не боюсь и слуг. Я сам им
За молчанье возмещу».
«Что, Берналь Франсес, случилось?
Я тебя не узнаю.
Или ты нашел другую
И забыл любовь мою?»
«Нет, другую не завел я,
Я одну любовь храню».
«Может, ты боишься мужа?
Он давно в чужом краю...»
«Дальний край стать может близким,
Потому я здесь стою.
Твой супруг пришел, сеньора,
Навестить жену свою.
А из Франции подарки
Для супруги я везу:
Есть карминовое платье
На малиновом шелку.
И такое ожерелье —
Не увидишь на веку:
Шпагой, словно ожерельем,
Твою шею облеку.
Пусть француз поносит траур
И изведает тоску».

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ ЛЮБОВЬ

Юный граф к любимой прибыл
Из-за моря-океана.
И коня поить повел он
В день святого Иоанна.
И покуда конь пьет воду,
Граф поет в тоске и в неге.
Птицы слушают ту песню,
Останавливаясь в небе;
Путник, слыша эту песню,

Забывает про усталость,
И моряк на этот голос
Поворачивает парус.
Вышивала королева,
Альба-нинья почивала.
«Поднимайтесь, Альба-нинья,
И откиньте покрывало,
И услышьте песнь русалки,
Лучшей песни не бывало».
«Что вы, матушка, ведь это
Не русалка распевает.
Это граф, в меня влюбленный,
Он от страсти умирает.
Как найти такое средство,
Что страданья умеряет?»
«Ах, проклятье этой песне!
Если королевну любит,
Прикажу его убить я,
И тебя он не погубит».
«Если вы его казните,
То и я умру при этом».
В полночь он простился с жизнью,
Умерла она с рассветом.
И она, как королевна,
Под плитой лежит алтарной,
Ну а он, потомок графов,
Рядом с той плитой алтарной.
И над ней взрастает роза,
А боярышник над графом.
Куст растет, растет и роза,
Птицы песнь поют в кустах им.
Ветки тянутся друг к другу
И друг друга обнимают.
А которые не могут,
В одиночестве вздыхают.
Королева в дикой злобе
Вырубить кусты велела,
Юный рыцарь горько плакал,
Совершая это дело.
От нее взлетела цапля,
От него — могучий сокол,
И они летают парой
В небе вольном и высоком.

РОМАНС О ПРЕКРАСНОЙ АЛЬБЕ

«Ах, цветка на свете, Альба,
Нет прекраснее, чем ты.
Даже солнце не сравнится
С блеском юной красоты.
Не снимаю я оружья,
Робко бодрствую в ночи.
Семь годов я сплю в доспехах,
Мне покоя не найти».
«Отдохните без оружья,
Страх ваш, рыцарь, пустяки.
Дон Альбертос на охоте,
Он в горах или в степи».
«Если впрямь он на охоте,
Пусть собьется он с пути,
Пусть погибнет его сокол,
Сбесятся от жажды псы,
Самого же мавр пусть пикой
С левой поразит руки».
«Спешивайтесь, граф дон Грифос,
Нынче жарко и в тени.
Ах, сеньор мой, как вы худы,
Руки ваши так тонки».
«Жизнь моя, не удивляйтесь,
Я страдаю от любви.
И не видел я награды
За страдания мои».
«Нынче вы ее добьетесь
За страдания свои».
Чуть ушли они в светелку,
А Альбертос сам в двери:
«Что случилося, сеньора,
Почему вы так бледны?»
«Ах, сеньор, в ужасных муках
Протекают дни мои.
Вы все время на охоте.
Мы скучаем здесь одни».
«Ты кого-нибудь другого,
Моя нинья, обмани.
Чей там конь заржал в конюшне,
Ты мне это объясни?»
«Этот конь — отца подарок,
Вы принять его должны».

«Ну а чьи это доспехи
В коридоре у стены?»
«Их мой брат носил. И это
Вам подарок от родни».
«Ну а чье копье большое
Там поставлено, взгляни?»
«Это то копье, которым
Ты насквозь меня пронзи.
Жить я больше недостойна,
Смерть, скорей меня возьми».

О БЛАНКЕ-НИНЬЕ

«Когда бы я снял доспехи
И раздетым уснуть посмел,
Увидела б ты, сеньора,
Что я, словно солнце, бел.
Но семь лет я в броню закован,
Семь лет я сражаюсь в ней,
И кажется мое тело
Чернейшей сажи черней».
«Ложись, мой сеньор, не бойся,
Доспехи тяжкие сняв,—
Охотиться в горы Леона
Надолго уехал граф».
«Пусть орлы заклюют его сокола
И псы его взбесятся там,
Пусть конь его сбросит и волоком
Притащит домой по камням!»
Внезапно с охоты в замок
Вернулся граф в эту ночь:
«Что ты делаешь, Бланка-нинья,
Отца-предателя дочь?»
«Сеньор, перед сном я косы
Расчесывала, скорбя,
Ведь ты отправился в горы,
И я одна без тебя».
«К чему притворяться, Бланка,
Язык твой проклятый лжет;
Чей это конь, скажи мне,
Внизу под стеною ржет?»
«Сеньор, это вам подарок,
Его прислал мой отец».

«А чьи доспехи в прихожей,
Признайся мне, наконец?»
«Сеньор, и это подарок,
Он прислан братом моим».
«А чье там копье, я вижу,
Блестит острием стальным?»
«Возьмите его, возьмите,
Вонзите его в меня,
Увы, мой граф, я виновна,
И смерть заслужила я».

РОНСЕВАЛЬСКАЯ БИТВА

Вот начинают французы
Против мавров сражаться,
А мавров столько, что просто
Не дают отдышаться.
Тут сказал Бальдовинос,
Внимайте его словам:
«Ах, кум дон Бельтран, не сладко
Приходится нынче нам;
Не с голоду — так от жажды
Я богу душу отдам;
Конь изнемог подо мною,
Рука устала рубить,
Давайте дона Рольдана
Попросим в рог затрубить;
В испанских горах император
Услышит далекий зов,
Подмога сейчас важнее
Ярости храбрецов».
Сражаясь, Рольдан ответил:
«Вы слов напрасно не тратьте,
Об этом уже просили
Двоюродные мои братья;
Просите лучше Ринальда,
Чтоб он за сигнал тревоги
Не попрекал меня после
Ни в городе, ни в дороге,
Ни в Испании, ни во Франции,
Ни с умыслом, ни ненароком,
Ни при дворе императора
На пиру за столом широким:

Я гибель предпочитаю
Постыдным его попрекам».
Тут дон Ринальд отозвался,
Рубившийся неподалеку:
«О, недостойны французы
Сынами Франции быть,
Когда перед кучкой мавров
Просят в рог затрубить!
Коль разъярюсь, как бывало,—
За мавров, грозящих нам,
Будь их столько и вдвое столько,
Я и хлебной корки не дам».
И, разъярен, как бывало,
Во вражеские ряды
Он входит, как жнец умелый
В хлеба во время страды;
Он головы так сшибает,
Как сборщик яблок — плоды;
И мавры по Ронсевалю
Бегут, бегут от беды.
Тут выскочил мавр-собака,
Родившийся в час недобрый:
«Назад,— закричал он,— мавры,
Чума на ваши утробы!
О, горе королю Марсину,
Что послал вас на славное дело,
Горе ей, королеве мавров,
Что войску платить велела,
Горе вам, получившим плату
За то, чтоб сражаться смело!»
Услышали это мавры,
Повернулись лицом к врагу,
Ударили неудержимо,
И вот уж французы бегут.
Но Турпина-архиепископа
Послышался голос тут:
«Назад, французы! Спешите
Сердца ваши ожесточить,—
Лучше погибнуть с честью,
Чем дальше в бесчестье жить!»
И повернулись французы,
И бросились в бой опять,
И столько сразили мавров,
Что словом не рассказать.

Не на коне— на зебре,
Среди угрюмых теснин,
Убегает по Ронсевалю,
Убегает король Марсин;
Кровь из ран его хлещет,
Окрашивая траву,
Вопли из горла рвутся
В небесную синеву:
«Магомет, от тебя отрекаюсь!
Я тебе, не жалея добра,
Члены — из кости слоновой,
Туловище — из серебра,
Из золота голову сделал;
И неустрашимых в борьбе
Я шестьдесят тысяч
Рыцарей отдал тебе;
Абрайма, моя супруга,
Двадцать тысяч тебе отдала,
И дочь моя Мателеона
Тридцать тысяч тебе отдала;
Никого я вокруг не вижу —
Изрубили их всех враги,
Только я в живых и остался,
Да и то без правой руки:
Мне ее, волшебством хранимый,
Отрубил Рольдан-паладин,—
Если б не был он заколдован,
Я бы справился с ним один;
Я в Рим ухожу — хочу я
Умереть, как христианин,
Пусть крестным отцом моим будет
Этот Рольдан-паладин,
И пусть окрестит меня этот
Архиепископ Турпин...
Но нет, Магомет, с досады
Кощунствую я, прости!
Я в Рим не пойду — от смерти
Хочу себя сам спасти».

О ПРЕКРАСНОЙ МЕЛИСЕНДЕ

Давно уснули все люди,
Чей сон всевышний хранит,
Не спит одна Мелисенда —

Императора дочь не спит,
Полюбился ей граф Айруэло —
И принцесса лишилась сна.
В чем мать родила — с кровати
Спрыгивает она,
Одевшись во что попало,
В покои спешит скорей,
Где отдыхают дамы,
Которые служат ей.
Расталкивает инфанта
Своих задремавших дам:
«Проснитесь, вставайте, сони,
Хочу обратиться к вам:
Кто сведущ в делах любовных,—
Подайте дельный совет,
И те меня пожалейте,
Кто не знает любовных бед.
Полюбился мне граф Айруэло,
Ни сна, ни покоя нет».
И первой сказала слово
Дама преклонных лет:
«Услады любви, сеньора,
Спешите узнать сейчас,
Если до старости медлить,
Никто не полюбит вас».
Не стала ждать Мелисенда,
Не стала смирять свой пыл,
Она во дворец поспешила,
Где граф Айруэло жил.
Но вдруг ей навстречу Эрнандо,
Отца ее альгвасил:
«Что это значит, инфанта?
Я удивлен весьма.
Вы или больны от страсти,
Или сошли с ума!»
«Рассудка я не лишилась,
У меня возлюбленных нет,
Но в детстве, болея тяжко,
Дала я такой обет:
Ходить девять суток к мессе
В собор Сан-Хуан-де-Латран —
Днем ходят мои дуэньи,
Прислужницы — по вечерам».
Пришлось замолчать Эрнандо;

Но за униженье и стыд
Разгневанная инфанта
Пожелала ему отомстить.
«Одолжи мне кинжал,— сказала,—
Ночной опустился мрак,
На улицах в эту пору
Я очень боюсь собак».
Едва свой кинжал инфанте
Доверчиво подал он,
Как замертво рухнул наземь,
Ударом ее сражен.
А она во дворец поспешила,
Где граф Айруэло жил;
Там заперты были двери,
И никто их не сторожил;
Волшебным заклятьем настежь
Она распахнула их.
От грохота граф проснулся,
Стал рыцарей звать своих:
«На помощь, ко мне, кабальеро,
На помощь, ко мне, друзья!
Враги во дворец забрались,
Гибелью мне грозя».
Но хитрая Мелисенда
Такой завела разговор:
«Напрасна твоя тревога,
Не бойся меня, сеньор;
Я — некая мавританка
С далеких заморских гор».
И тут же ночную гостью
По голосу граф признал,
Приблизился он к инфанте
И нежно за руки взял;
В саду под зеленым лавром,
В укромной его тени,
Без устали предавались
Забавам Венеры они...

О ПРЕКРАСНОЙ ИНФАНТЕ

Однажды инфанта сидела
Под сенью оливы густою,
Расчесывая свои кудри

Гребенкою золотою.
На небо она взглянула,
Где солнце являлось миру,
И видит: военное судно
Плывет по Гвадалквивиру.
То прибыл Альфонсо Рамос,
Седой адмирал Кастильи.
«В час добрый, Альфонсо Рамос,
Тебя в этот сад впустили;
О флоте моем могучем
Какие принес ты вести?»
«Сказал бы, но опасаюсь
Лишиться жизни и чести».
«Не бойся, Альфонсо Рамос,
Открыто мне все поведай».
«Сеньора, берберские мавры
В Кастилью вошли с победой».
«Когда б не дала я слово,
Твоя б голова слетела!»
«Когда б ты мою срубила,
Твоя бы не уцелела».

ДОЧЕРИ ГРАФА ФЛОРЕС

«Если будешь в Испании — пленницу
Привези мне, мавр, из похода:
Не белую, не дурнушку,
Не низкого рода».
Идет из часовни Флорес,—
Граф молился жарко и долго,
Послать ему сына иль дочку
Просил он господа бога.
«Горе ждет тебя, граф Кастильи,
Жена твоя пленницей станет».
«Не быть ей в плену — скорее
Последний мой час настанет».
Уехал граф, и жена его
В неволю попала сразу.
«Мавританская королева,
Твоему послушен приказу,
Красавицу христианку
Привез я тебе из похода:

Не белую, не дурнушку,
Не низкого рода,
Не какую-нибудь принцессу,
А жену кастильского графа».
«Рабыней моей любимой
Ты будешь. Служи без страха,
Хозяйкой ступай на кухню,
Ключи я тебе вручаю».
«Моя госпожа, о большем
Я счастье и не мечтаю».
Королева ходила тяжелой.
Была и рабыня с ношей,
И обе одновременно
Разродились по воле божьей.
Королева на троне рожала,
На голой земле — рабыня;
Родила королева дочку,
А невольница — сына.
Коварные повитухи,
Детей подменив, сплутовали:
Мальчика — королеве,
Рабыне — девочку дали.
Однажды, ее пеленая,
Рабыня сказала такое:
«Не плачь, не плачь, моя дочка,
Дитя, не рожденное мною!
Жили бы мы с тобою
На родине нашей милой,
Тебя бы я цветом жизни —
Марией Флор окрестила;
Была у меня сестрица —
Да к маврам в плен угодила:
Забрали ее в неволю,
Забрали утром ненастным,
Когда рвала она розы
В своем цветнике прекрасном».
Слова эти королева
Из комнаты слышит спальной
И шлет своего эфиопа
За пленницею печальной:
«Что ты сказала, красотка,
Что ты сказала, горюя?»
«Слова, что я говорила,
Тебе, госпожа, повторю я:

«Не плачь, не плачь, моя дочка,
Дитя, не рожденное мною,
Жили бы мы с тобою
На родине нашей милой,
Тебя бы я цветом жизни —
Марией Флор окрестила;
Была у меня сестрица —
Да к маврам в плен угодила:
Забрали ее в неволю,
Забрали утром ненастным,
Когда рвала она розы
В своем цветнике прекрасном».
«Ах, если все это правда,
Я тайну тебе открою:
Не с госпожой говоришь ты,
А со своей с сестрою!»
«Все это правда, сеньора,
Тебе не посмею солгать я...»
И сестры заплакали в голос,
Раскрыв друг другу объятья.
Король этот плач услышал
Из комнаты, где писал он,
И своего эфиопа
За женщинами послал он.
«Что ты плачешь, мое сокровище?
Что рыдаешь ты, моя радость?
С лучшим турецким домом
Я вас породнить постараюсь».
Ответила королева:
«Немало обид снесла я,
Но с кровью собак проклятой
Свою смешать не желаю».
Тайком сговорились сестры,
По саду с детьми гуляя,
И обе они вернулись
Домой из чужого края.

ГРАФ СОЛЬ

У Испании с Португалией
Большая война идет,
Позорная смерть на плахе
Дезертиров и трусов ждет.
Уже с королем простился,

Простился с женой граф Соль —
Командовать войском в походе
Назначил его король.
Графиня юная плачет,
К плечу супруга припав:
«Скажи, сколько лет ты должен
Пробыть на чужбине, граф?»
«Если с полей сражений
Через шесть не вернусь я лет,
Выходи за другого замуж»,—
Он ей говорит в ответ.
Минуло и шесть, и восемь,
И десять минуло лет—
Граф Соль домой не вернулся,
Известий от графа нет.
Отец навестил графиню:
«Скажи, любимая дочь,
Какая тоска тебя гложет,
Что плачешь ты день и ночь?»
«Отец дорогой, во имя
Спасенья моей души,
Ты мне на поиски графа
Отправиться разреши».
«Воля твоя, дорогая,
Хочешь искать — ищи».
Отправилась в путь графиня
По суше и по воде,
По Франции, по Италии —
Не видно графа нигде.
Она уже возвращалась
В отчаянье и тоске,
Когда огромное стадо
Увидела в сосняке.
«Пастушок, пастушок, во имя
Спасенья твоей души,
Меня обмануть не вздумай,—
Чистую правду скажи:
Чьи это коровы пасутся
На сочных полянах вдали?»
«То скот графа Соль, сеньора,
Владельца этой земли».
«А чьи хлеба колосятся,
Обильную жатву суля?»
«Того же графа, сеньора,

Это его поля».
«А чьи это овцы кормят
Своим молоком ягнят?»
«Эти отары, сеньора,
Графу принадлежат».
«А чьи там сады и замок,
Это поместье чье?»
«Того же графа, сеньора,
Это его жилье».
«А кони, чьи кони скачут,
Я слышу их громкий храп?»
«На этих конях, сеньора,
Охотиться ездит граф».
«А кто эта дама с мужчиной,
Ее обнимает он?»
«Это невеста графа,
С которой он обручен».
«Пастушок, пастушок мой милый,
Во имя святой Соледад,
Отдай мне свой плащ убогий
За шелковый мой наряд.
Что искала я — отыскала
И теперь не уйду назад!
Веди меня к его двери,
Пусть даже она заперта,
Его умолять я буду
Подать мне ради Христа».
Стоит у двери графиня
В плаще с чужого плеча,
Выпрашивает подаянье,
О милосердье шепча.
Сопутствовала удача
Бедняжке на этот раз:
Граф Соль на ее моленья
Откликнулся, не скупясь.
«Откуда ты, странница, родом?»
«Сеньор, из Испании я».
«Как ты сюда попала?»
«Почернела в скитании я.
Я искала любимого мужа,
По колючкам шла босиком,
А найдя его, я узнала,
Я узнала, что женится он;
Забыл он о верной супруге,

Подвергшей на долгом пути
Опасностям тело и душу,
Чтоб только его найти».
«Паломница, паломница,
Не надо меня смущать,
Не женщина ты, а дьявол,
Пришедший меня искушать!»
«Нет, добрый граф, я не дьявол,
Тебе не хочу я зла,
Я только твоя супруга,
И я за тобой пришла».
Когда граф Соль убедился,
Что с ним говорит жена,
Он велел оседлать немедля
Резвейшего скакуна.
Серебряных колокольцев
На сбруе бренчал набор.
И жарко сверкали дуги
Стремян золотых и шпор.
В седло граф Соль благородный
Вскочил и, в минуту одну
Плачущую от счастья
Легко подхватив жену,
Вихрем помчался, вихрем,
Вихрем летел домой,
Пока наконец не прибыл
В замок свой родовой.
Осталась ни с чем невеста,
Фата на ней ни при чем:
Надевший чужое — ходит
В конце концов голышом.

КРАСАВИЦА, НЕСЧАСТЛИВАЯ В ЗАМУЖЕСТВЕ

«В замужестве ты несчастлива,
Но, сеньора, ты так хороша,
Почему же печалью и гневом
Омрачилась твоя душа?
Если ты полюбить решилась,
Я готов быть твоим слугой;
Видел я, как твой муж, сеньора,
Миловался с другой госпожой,
Целовался и забавлялся,

Жизнью клялся и снова клялся,
Насмехался с ней над тобой».
Тут сказала ему сеньора,
Тут сказала ему она:
«Увези меня, кабальеро,
Я покинуть свой дом должна;
Я в далеких краях сумею
Тебе угодить во всем:
Буду стлать я помягче ложе,
На котором нам спать вдвоем;
Я на ужин буду готовить
То, что рыцарям подают,—
Каплунов, и цыплят, и уток,
И тысячу прочих блюд;
А этот супруг мой грубый
Ненавистен мне, видит бог,
Он сделал жизнь мою адом,
Как ты сам убедиться мог».
Вдруг нагрянул муж и воскликнул,
Жену повергая в дрожь:
«Что делаешь ты, негодница?
Сегодня же ты умрешь!»
«Но за что, господин, за что же
Пострадаю безвинно я?
Я мужчину не целовала,
И он не ласкал меня;
Карою, им заслуженной,
Покарай, господин, меня;
Поводом своей лошади
Отстегай, господин, меня;
На шнурах золотых и шелковых
Живою повесь меня;
В саду своем апельсиновом
Живьем закопай меня;
На украшенном костью слоновой
Надгробье моем золотом
Такие слова, господин мой,
Вели написать потом:
«Здесь лежит от любви погибшая
Нежнейшая роза из роз;
Хороните тут всех, чье сердце
От страсти разорвалось.
Так и мне, и мне, недостойной,
Умереть за любовь пришлось».

О БЛАГОРОДНОЙ ДАМЕ И ДЕРЕВЕНСКОМ ПАСТУХЕ

В саду благородная дама
Гуляла в полдневный час,
Ноги ее босые
Усладой были для глаз;
Она меня поманила,
Но я отвернулся, сердясь:
«Что надо тебе, сеньора?
Слушаю твой приказ...»
Звенел и дрожал задорный,
Лукавый ее смешок:
«Иди сюда, если хочешь
Позабавиться, пастушок,
На время полуденной сьесты
Прерви свой далекий путь,
Ты можешь здесь пообедать
И всласть потом отдохнуть».
«Но мне, госпожа, с тобою
Задерживаться недосуг:
У меня есть жена, и дети,
И дом, что требует рук,
И если я буду мешкать,
В горах разбредется скот,
И кончились все припасы
У тех, кто его пасет».
«Ступай-ка своей дорогой,
И бог с тобой, дурачок,
Ты прелести мои видел,
И оценить не мог:
Белее бумаги тело,
В талии я тонка,
Бело-розовы мои щеки,
Как роза из цветника;
Шея, словно у цапли,
Лучистей не сыщешь глаз,
Твердые, острые груди
Готовы прорвать атлас,
А прочее, то, что скрыто,
Еще похлеще, мой друг...»
«Будь там у тебя и больше,
Мне все равно недосуг».

РАЗЛУКА

«Скачите сюда, кабальеро,
К столбу привяжите коня,
Пику воткните в землю
И выслушайте меня:
С мужем моим на чужбине,
Быть может, встречались вы?»
«А кто он, скажите, сеньора,
Приметы его каковы?»
«Мой муж белокож и статен,
Он знатен, учтив, умен;
Он страстный любитель шахмат
И картами увлечен;
Сверкают гербом маркиза
Эфес его шпаги и щит,
Камзол его золотом вышит
И алым шелком подбит;
Добытый в бою турнирном,
На древко его копья
Прибит португальский вымпел
У самого острия».
«Судя по этим приметам,
Ты стала уже вдовой:
В дому одного генуэзца
За картами в час роковой
В Валенсии неким миланцем
Супруг был заколот твой.
О нем кабальеро скорбели
И много прекрасных дам,
Но дочь генуэзца, пожалуй,
Была всех печальней там;
Молва говорит: был близок
С той девушкой ваш супруг;
Не пренебрегите мною,
Коль нужен вам новый друг».
«Не надо, сеньор, не надо,
Не надо смущать меня,
Уйду в монастырь, навеки
Верность ему храня».
«Не можете вы, сеньора,
Исполнить замысел свой,
Ведь это ваш муж любимый
Пред вами стоит живой».

БЛАНКА ФЛОР И ФИЛОМЕНА

Вдоль по берегу над речкой
В час прогулки неизменной
Ходит с дочками Уррака:
С Бланкой Флор и Филоменой.
И король, владыка мавров,
К ним свернул с пути однажды,
С матерью завел беседу
О своей любовной жажде.
К старшей дочке, к Филомене,
Сватался король влюбленный —
Младшая ему досталась
От Урраки непреклонной;
Лишь из вежливости Бланку
Согласился взять он в жены.
«Обещай, король Туркильо,
С ней не обращаться худо».
«Вы, сеньора, не тревожьтесь,
Я ей добрым мужем буду;
То вино, что буду пить я,
Разделю с моей женою,
И тот хлеб, что буду есть я,
Будет есть она со мною».
Повенчались и умчались,
Мать оставили в печали;
Девять месяцев со свадьбы
Старую не навещали.
На десятый месяц только
К ней король приехал снова.
«Здравствуй, зять, король Туркильо,
Бланка Флор моя здорова?»
«Будьте в добром здравье, теща,
Никогда не знайте горя;
Ваша дочь вполне здорова,
Ждет она ребенка вскоре.
Я приехал с порученьем:
Филомену к нам доставить,
Чтобы ей на время родов
Вместо Бланки домом править».
«Рано отпускать девицу
Из дому в страну чужую,
Но сестру свою проведать,
Так и быть, ей разрешу я.

Пусть она через неделю
Возвратится — ведь нескромно
Девушке простоволосой
Долго быть вдали от дома».
На коня гнедого сел он,
А она — на вороного,
И они, семь лиг проехав,
Не промолвили ни слова.
На восьмой — король Туркильо
С нею пошутил немного
И любви стал домогаться
Тут же, посреди дороги.
«Что ты делаешь, опомнись,
Ты попутан сатаною,
Зятем ты мне стал, Туркильо,
Сестры мы с твоей женою!»
Он мольбы ее не слушал,
Соскочил с коня угрюмо,
Руки ей связал и ноги,
Сделал с нею, что задумал.
Голову отрезал, вырвал
Ей язык и бездыханный
Труп закинул в ежевику,
Где не ходят христиане.
Но, ведом рукой господней,
В этой чаще ежевичной
Брел пастух, и божьей волей
Речь обрел язык девичий:
«Ты мне письма, ради бога,
Напиши, пастух... Сначала
К матери моей несчастной,—
Лучше б вовсе не рожала!
А потом к сестрице милой,—
Лучше бы меня не знала!»
«Нет пера и нет бумаги,
Чтоб помочь вам бога ради...»
«Пусть пером тебе послужит
Волос мой из черной пряди.
Нет чернил — моею кровью
Ты пиши оледенелой,
Если не найдешь бумаги,
Ты возьми мой череп белый».
Но летел письма быстрее
Слух о том, что совершилось.

Бланка Флор в тот час недобрый
Мертвым сыном разрешилась;
Скинутого в час недобрый
Бланка Флор в котле сварила,
Чтобы покормить с дороги
В дом вошедшего Туркильо.
«Чем меня ты угостила,
Чем, скажи, я пообедал?»
«Собственной вкусил ты плоти,
Потрохов своих отведал;
То был вкус твоей же крови,
Но тебе ведь, несомненно,
Более пришлись по вкусу
Поцелуи Филомены!»
«Что, изменница, ты мелешь,
Как ты все узнала, сука?
Голову тебе отрубят
Той же саблей те же руки!»
Матери, мужей для дочек
Лишь в родном ищите крае;
Я когда-то двух имела,
И судьба у них такая:
От меча одна погибла
И от злой любви — другая.

ДОНЬЯ АЛЬДА

В поля ускакал дон Педро,
Он долго был на охоте,—
Собаки его устали,
И сокол пропал в полете.
Охотника смерть настигла,
И тень его мертвой плоти
Домой в ту ночь возвратилась
В посмертной своей заботе:
«О мать, помолчи,— ни слова
Моей донье Альде милой,
Она ведь еще ребенок,
И горе б ее убило.
Пускай она сорок суток
О смерти моей не знает...»
На сносях была донья Альда,
И сына она рожает.

«Скажи мне, свекровь, скажи мне,
Скажи, свекровь дорогая,
По ком это колокол гулкий
Звонит, звонит, не смолкая?»
«То в церкви к вечерней мессе
Колокола трезвонят».
«Ты слышишь, хор отвечает,
Кого они там хоронят?»
«То празднуют день патрона
Торжественной службой в храме».
Вот пасха пришла, и в церковь
Идет донья Альда с дарами.
«Какое надеть мне платье,
Скажи, свекровь, посоветуй?»
«Для стройных и белолицых
Нет лучше черного цвета».
«Да будет здоров дон Педро,
Сокровище моей жизни,
Успею носить я траур,
Еще далеко до тризны».
Служанки шествуют в черном,
Хозяйка — в наряде пасхальном.
Веселый пастух с волынкой
Встречает их словом похвальным:
«Что за вдовушка-щеголиха!
Что за вдовушка, что за краля!»
«Скажи мне, свекровь, скажи мне,
Что крикнул пастух, играя?»
«Что надо прибавить шагу,
Что месса начнется скоро».
На паперти с доньи Альды
Люди не сводят взора.
«Почему на меня так смотрят,
Разглядывают так странно?»
«Скажу тебе, донья Альда,
Я правды скрывать не стану:
Здесь прах королей хоронят
И первых грандов Кастильи,
И здесь твоего дона Педро
Недавно похоронили».
«Ах, горе мне, бедной, горе,
Не в трауре, не вдовою,
Пришла я сюда нарядной
Матерью молодою!

В недобрый час родила я
Тебя, мой сыночек кроткий,
Себе на беду ты будешь
Расти без отца сироткой».

КОГДА МНЕ БЫЛО ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

«Пятнадцатилетней девчонкой
Влюбилась я в дона Родриго.
Лишь знает владыка небесный,
Что жизнь моя — тяжкое иго.
Полы волосами моими
Подметает муж бесноватый;
Скажи я отцу об этом,
Ответит: сама виновата;
Признайся я матери в этом,
Заплачет, горем объята;
Скажи я об этом сестрам,
Не выйдут замуж, поди-ка;
Скажи я об этом братьям,
Убьют они дона Родриго.
Разумные жены без жалоб
Терпят и боль и попреки,
Они от людей скрывают
Супругов своих пороки».
Услышал ее дон Родриго:
«Ты что там, жена, бормочешь,
Иль кто тебя так обидел,
Что ты сдержаться не можешь?»
«Одна из моих служанок
Перечит мне, вот досада!»
«Хватит болтать — при муже
Жене помалкивать надо».

О ГЕРИНЕЛЬДО

«Геринельдо, Геринельдо,
Паж любимый короля,
С кем ты ночью, Геринельдо,
Под окном моим стоял?..

Мне сдается, Геринельдо,
Нынче очередь моя».
«Вы все шутите, сеньора,
С вашим преданным слугой».
«Бог свидетель, Геринельдо,
Не до шуток мне с тобой».
«И когда, моя сеньора,
Навестить могу я вас?..»
«В полночь замок засыпает,
Приходи сегодня в час».
Час уже часы пробили,
Геринельдо нет как нет.
«Неужели, Геринельдо,
Позабыл ты обо мне?»
«Открывайте дверь, сеньора,
Или ставень на окне!»
«Кто проник в мои покои?
Чей там голос? Что за стук?»
«Это я, моя сеньора.
Это я, ваш нежный друг».
Дверь инфанта отворила,
Гостя в спальню повела.
В долгих ласках, в поцелуях
Незаметно ночь прошла.
А под утро сон опутал
Утомленные тела.
Весь в поту король проснулся,
Что привиделось ему?
«То ль похитили инфанту,
То ли враг в моем дому...»
Второпях пажа он кличет
В предрассветной тишине:
«Геринельдо! Геринельдо!
Принеси одежду мне!»
Трижды глас его раздался.
Тишина была кругом.
И пошел король к инфанте,
Опоясавшись мечом.
Видит он девичье ложе,
Двух любовников на нем.
«Заколоть мне Геринельдо —
Воспитал его я сам...
Дочь убить — тогда кому же
Королевство передам?

Меч пусть ляжет между ними,
Будет он свидетель мой...»
Вышел в сад король, согнувшись
Под нежданною бедой.
Вздрогнула во сне инфанта,
Пробудилась и глядит —
Между нею и любимым
Королевский меч лежит,
И высоко в небе синем
Солнце ясное горит.
«Просыпайся, Геринельдо!
Поднимайся, милый мой!
Лег на ложе меч отцовский
Между мною и тобой».
«Как бы мне уйти отсюда,
Не попавшись королю?»
«Незаметно выйдешь садом,
Помни, я тебя люблю,
И с тобой судьбу любую
До конца я разделю».
«Что с тобою, Геринельдо,
Ты белей, чем белый плат?»
«Я ходил, король мой добрый,
Посмотреть цветущий сад,
И согнал со щек румянец
Белой розы аромат».
«Уж не той ли, что сорвал ты?
В том порукою мой меч».
«Знаю, смерти я достоин
И готов в могилу лечь».
Тут инфанта подбежала,
Слезно молит короля:
«Мой отец и повелитель,
Дайте мне его в мужья.
А убить его велите —
Вместе с ним погибну я».

О КОРОЛЕ МАВРОВ

«Валенсия, ах, Валенсия!
Валенсия, валенсианка!
Вчера была мавританкой,
Сегодня ты христианка.

Но скоро вернутся мавры,
Я это тебе предрекаю,
Королю христиан я саблей
Бороду обкорнаю;
Супруга его, королева,
В служанках моих завянет,
А дочь его, недотрога,
Наложницей моей станет».
Добрый король эти речи
Услышал по воле божьей;
Пошел во дворец к инфанте,
Она почивала на ложе.
«Дочь моя дорогая,
Немедля покинь свою спальню!
Радость моего сердца,
Надень свой наряд пасхальный,
И выйди навстречу мавру,
И его задержи речами».
«Скажи мне, скажи, красотка,
Почему ты одна на поляне?»
«Отец мой в поход уехал,
В часовне мать на молитве,
А старший брат мой, Фернандо,
Врагами зарублен в битве».
«Скажи мне, скажи, красотка,
Что за крики сюда долетают?»
«Это пажи в конюшне
Коням овес засыпают».
«Скажи мне, скажи, красотка,
Не копья ли там засверкали?»
«Это пажи толпою
Охотиться поскакали».
И часу не миновало,
Король мавританский схвачен.
«Скажи мне, скажи, красотка,
Какой мне конец предназначен?»
«Заслуги твои нам известны,
Конец тебя ждет по заслугам:
Сожгут на костре тебя, нехристь,
И пепел развеют над лугом».

РОМАНСЫ ПОГРАНИЧНЫЕ И МОРИСКСКИЕ

ОБ УТРАТЕ АНТЕКЕРЫ

У ворот Гранады мавры
Собирались утром рано,
Свой они хотели праздник
Праздновать в день Сан-Хуана.
На дыбы коней вздымали
Мавры, полные отваги,
И — дары любезных сердцу —
С копий свешивались флаги.
Одеяния сверкали
Золотом и жемчугами,
Каждый был повязан лентой
В знак приязни к милой даме,—
На турнир не выходили
Те, кто дамы не имели.
Дамы с башенок Альгамбры
На ристалище смотрели,
И король из Алькасабы
Любовался состязаньем.
Алой кровью истекая,
Мавр примчался со стенаньем:
«Мой король, с недоброй вестью
Поспешил слуга твой бедный,
Ибо занял Антекеру
Дон Фернандо, принц наследный.
Пали многие в сраженье,
Я успел уйти из боя,
Сквозь меня прошло семь копий,
Грудь пронзило мне седьмое.

Пребывают в Аркидоне,
Кто ушел из битвы целым».
Услыхал король про это,
И лицо вдруг стало белым.
Повелел он звать к оружью,
Приказал трубить он горнам,
Чтобы войску на Фернандо
Строем выступить походным.

ОБ АБЕНАМАРЕ И КОРОЛЕ ДОНЕ ХУАНЕ

«Абенамар, Абенамар,
Истый мавр отменной чести,
В час, как ты на свет явился,
Было верное предвестье:
Море грозное затихло,
Полнолуние настало,
А рожденным в эту пору
Правду прятать не пристало».
И ответил мавр сеньору:
«Жизнью жертвуя бесценной,
Я не стану лгать,—родился
Я от христианки пленной.
Мать в младенчестве твердила,
Чтобы я не лгал вовеки,
Ложь людскую называя
Самым низким в человеке.
Спрашивай, сеньор, не думай,
Что солгу тебе хоть малость».
«За любезность, Абенамар,
Мне благодарить осталось.
Что за гордые чертоги
Перед нами засверкали?»
«Пред тобой, сеньор, Альгамбра
И мечеть чуть-чуть подале.
А за ними — Аликсарес,
Тоже — чудо как наряден.
Мавр, который это строил,
Брал по сто дублонов за день.
А не спорилась работа —
И терял он ровно столько,
Но, едва закончил замок,

Он загублен был жестоко,
Дабы в будущем соседям
Не возвел таких же самых.
Дальше — замок Алых башен,
Превосходный тоже замок;
А за ним — Хенералифе,
С садом — не сыскать второго».
И сказал — внемлите, люди! —
Дон Хуан такое слово:
«Коль согласна ты, Гранада,
Стать супругою моею,
Я в приданое Севилью
С Кордовой не пожалею».
«Я ведь замужем покуда,
Я еще не овдовела,
Я тому, с кем повенчалась,
Душу отдала и тело».
Дон Хуан, король Кастильский,
Обернулся к бомбардиру:
«Зарядить баллисту Санчу,
Выкатить вперед Эльвиру!
Кверху выстрелы направим,
Вниз посыплются каменья».
Жителей ошеломило
Беспощадное сраженье.

МОРИАНА-ПЛЕННИЦА

Мориана с мавром Гальваном
В замке тихо проводит дни.
Чтобы ей не скучать, не плакать,
Сели в карты играть они.
Если в выигрыше Мориана,
Отдает ей мавр города,
Мориане руки целует,
Если в проигрыше она.
Разнежен Гальван, доволен,
Смежает очи и спит.
В окно глядит Мориана,
Заслышав топот копыт.
Видит, всадник по полю едет,
Слезы льются из глаз ручьем:

«Ай, вставайте, псы, просыпайтесь,
Разрази вас господний гром!
Утащили волки овечку —
Где теперь мне найти их след?
По дорогам и бездорожью
Я скитаюсь уже семь лет.
Окровавил босые ноги,
Все разыскивал день и ночь
Несравненную Мориану,
Короля любимую дочь.
Утром, в день святого Хуана,
Захотелось ей роз нарвать.
Взяли мавры в плен Мориану —
Где теперь мне ее сыскать?»
Мориана его узнала
С горькой радостью и тоской,
Щеки мавра она слезами
Окропила, словно росой.
Пробудился Гальван и молвил,
От гнева белый как мел:
«Что с тобою, моя сеньора,
Кто тебя обидеть посмел?
Если мавры мои виною —
Ай, поплатятся головой,
Если злые твои служанки —
Накажу своею рукой,
Ну, а если то христиане —
Обрушусь на них войной».

О ДОНЕ БУЭСО

В пасху это было,
В первый день недели:
На поля Оливы
Мавры налетели.
Ай, поля Оливы,
Ай, просторы Граны!
Полонили мавры
Христиан немало;
Юная инфанта
С ними в плен попала.
К королеве мавров
Привели инфанту

В жемчугах, в атласе,
В ожерельях, в бантах.
«Эта полонянка
Всех испанок краше:
В дар ее примите,
Королева наша.
Нет ни щек румяней,
Ни темнее взора:
В дар от нас примите
Пленницу, сеньора».
«Мне подарок этот,
Мавры, не годится:
Наш король так молод —
Может он влюбиться.
Прочь ее ведите,
Мне таких не надо:
Он ее полюбит
С первого взгляда».
«Пусть она, сеньора,
Хлеб печет до ночи:
Станут щеки желты,
Потускнеют очи.
Пусть стирает платья
В ледяном потоке:
Тусклы станут очи,
Пожелтеют щеки».
Вот она стирает
В холода и в грозы;
Побледнел румянец,
Облетели розы,
Растеряла розы,
До свету вставая,
Платья королевы
День-деньской стирая.
Едет дон Буэсо
На заре по лугу:
В землях мавританских
Ищет он подругу.
К речке подъезжает,
Говорит девице:
«Отойди, дочь мавра,
Дай коню напиться,
Пусть воды напьется
Чистой и студеной».

«Будь ты трижды проклят,
Идол прокаженный!
Кто перед тобою,
Ты не видишь, что ли?
Я Христовой веры,
Здесь томлюсь в неволе».
«Белы твои руки
В серебряных струях.
Если хочешь, девушка,
Тебя увезу я.
Нежны твои руки,
Вода — ледяная.
Если хочешь, девушка,
Увезу тебя я».
«Путь в горах не близкий,
Путь в горах пустынный:
Страшно будет ехать
Мне вдвоем с мужчиной».
«На мече клянусь я
Остром, золоченом —
Буду тебе братом,
Братом нареченным».
«Верь, с тобой уехать
Я была бы рада,
Только что мне делать
С этими нарядами?»
«И парчу и бархат
Ты возьми с собою,
Ну, а полотняные
Брось на дно речное.
Отвечай мне, девушка,
Темные очи,
Сядешь ли в седло ты,
Сзади ль ехать хочешь?»
«Девушке пристало
Сзади ехать, рыцарь».
Поднял, посадил он
На коня девицу.
Вот поля и рощи
Знакомого края:
Узнает их девушка,
Слезы утирает.
«Жизнь моя, что плачешь,
Слезы льешь рекою?

Лучше умереть мне,
Если я виною».
«Ай, просторы Граны,
Ай, поля Оливы!
В том дворце росла я,
Вольная, счастливая!
С королем, отцом моим,
Здесь мы проходили,
Вместе ту оливу
В землю посадили.
Королева-матушка
Шелком вышивала,
Я мотки держала,
Нить в иглу вдевала.
Дон Буэсо, брат мой,
На быка шел смело,
Объезжал коней он
Ловко и умело.
Я жила, не зная
Горя и заботы...»
«Пусть откроют, матушка,
Радости ворота!
Не себе подругу —
Дочь тебе везу я».
«Дочь была румяная,
Дочь не признаю я,
А везешь невестку —
Встречу, как родную».
«Потому, о матушка,
Побледнела дочка,
Что семь лет не ела
Хлеба ни кусочка.
Ела только травы,
Где река синеет,
Где пасутся кони,
Тихо свищут змеи.
Только травы ела,
Жесткие и горькие,
Там, где свищут змеи,
Кони пьют на зорьке...»
Сжалься, матерь божья,
Залечи нам раны!..
Ай, поля Оливы,
Ай, просторы Граны!

ОСАДА АЛОРЫ

Алора, над рекою
Вздымающаяся круто.
Тебя осадил губернатор
В одно воскресное утро:
Пешим и конным войском
Все поле занято было,
Мощная артиллерия
В стене твоей брешь пробила.
Видно было, как мавры
Укрыться в замке спешили:
Женщины — скарб и платье,
Мужчины — муку тащили,
Юные мавританки
Несли червонное злато,
Сушеный инжир с изюмом
Несли мальцы-мавритята.
Над окруженным замком
Стяг поднялся крылатый.
А на стене высокой
За толстым зубцом замшелым
Стоял мавританский мальчик
С натянутым самострелом.
Вдруг перед самым штурмом
Голос его раздается:
«Труби отбой, губернатор,
Крепость тебе сдается!»
И тот, чтоб узреть герольда,
Забрало поднял повыше:
Стрела ему лоб пробила
И через затылок вышла.
С коня его снял Пабло,
Взял на руки Хакобильо,
Приемышами сызмальства
Они в его доме были.
Его к лекарям носили,
Просили: «Спасти нельзя ли?»
Слова, что успел сказать он,
Его завещаньем стали.

О ПАДЕНИИ АЛАМЫ

Когда повелитель мавров
У врат городских в Гранаде —
От Эльвиры до Биваррамблы —
Прогуливался в прохладе,
Пришло к нему донесенье
О том, что Алама пала.
Швырнул он в огонь бумагу,
Гонца заколов сначала;
Он мула сменил на лошадь,
Он город, спеша, покинул
И поскакал к Альгамбре
В гору по Сакатину;
Велел затрубить он в трубы,
Ударить велел в литавры,
Дабы в Гранаде и в поле
Его услыхали мавры.
И вот к нему отовсюду
Стекается тьма народу;
И молвил мулла почтенный,
Альфаки седобородый:
«Зачем ты, король, созвал нас,
Зачем этот сбор сыграли?»
«Затем, чтоб вы знали, други:
Аламу мы потеряли».
«Поделом тебе, добрый король наш,
По заслугам твоим награда,
Убил ты Абенсеррахов —
Храбрейших бойцов Гранады;
Беглецов из Кордовы славной
Ты заточил без пощады.
Ты большей кары достоин:
Чтоб ты, не зная отрады,
Сгубил и себя и царство,
Чтоб кончился век Гранады».

О МАВРИТАНКЕ МОРАЙМЕ

Имя мое Морайма,
Мавританочка, быстрый взгляд.
Горе мне, какой-то неверный
Постучался в дверь невпопад;

По-арабски сказал так чисто,
Как с детства на нем говорят:
«Впусти меня, мавританка,
И воздаст тебе бог стократ».
«Но я ведь не знаю, кто ты,
Что речи твои таят?»
«Послушай, я мавр Масоте,
Я матери твоей брат.
Убил я христианина
И буду алькальдом взят;
Открой, иль меня тотчас же
У тебя на глазах казнят».
Горе мне, услыхав такое,
Дрожа с головы до пят,
Я накинула шаль поспешно,
Про атласный забыв халат,
Подбежала к дверям и настежь
Распахнула их наугад.

О САИДЕ

Саид в нетерпенье бродит
У дома прекрасной дамы
И ждет, когда хлопнут двери,
Когда распахнутся рамы.
Уже опустился вечер,
Он ждет, дождаться не может,
Огонь его кровь сжигает,
Тоска его сердце гложет.
Она наконец выходит,
Глядит на него с балкона,
Вот так же в часы ночные
Луна глядит с небосклона.
Промолвил Саид с мольбою:
«Прекрасная мавританка,
Ответь, неужели правду
Сказала твоя служанка?
Болтают, что гость заморский
Твоим назовется мужем,
Что верный Саид Саиде
Отныне уже не нужен.
Открой мне скорее правду —
Что пользы в таком секрете,

Который известен людям,
Всем людям на белом свете?»
Она отвечает скромно:
«Нельзя нам любить друг друга...
А тайна уже не тайна,
Коль знает ее округа.
Мне грустно, аллах свидетель!
Но если мы будем вместе,
Боюсь, случится дурное
И вскоре лишусь я чести.
Тебя горячо любила,
Но род наш богат и знатен,
Отец и слышать не хочет,
Чтоб стал бедняк его зятем.
Меня караулить ночью
Давно ему надоело,
Решил он назначить свадьбу
И разом покончить дело.
Ты встретишь другую даму
И станешь ее супругом,
Красавица эта будет
Ценить тебя по заслугам».
Саид бледнеет от горя,
Но ей отвечает внятно:
«Жестокость твоя, Саида,
Ей-богу, мне непонятна.
Ты гонишь прочь молодого,
Старик с тобой будет рядом.
Отдашь ему клад бесценный,
Но что ему делать с кладом?!
Однажды ты мне сказала,
В глаза посмотрев сердечно:
«Любила, люблю и буду
Саида любить я вечно».

О МОРЕХОДЕ АБЕНУМЕЙЕ

Прославленный Абенумейя,
Самый лучший из мореходов,
Командир галер мавританских,
Разбивший врага на водах,
Гроза моряков христианских,
Потопивший судов немало,

Сегодня сам утопает,
Как лодка во время шквала.
Если б это случилось в море,
Он бы встретил судьбу без страха.
Настигла беда на суше —
Ему неверна Селиндаха.
Прекрасной придворной даме
Муса приглянулся отважный —
В делах любви, как известно,
Разлука — слуга неважный.
Приказал моряк живописцу
На щите рисунок исполнить:
По бурному морю корабль
Плывет, рассекая волны,—
Ведь на женщин волна похожа,
Меняется снова и снова,
Волна не имеет формы,
А женщина — твердого слова.
Корабль на мели застревает,
Хоть вдали уже виден берег,—
Вот так бывает с мужчиной,
Который женщинам верит.
Но все же цела оснастка,
Возносится нос над волнами —
Потому что с высоким чувством
Служил кавалер своей даме.
Сквозь рифы измены женской
Поведет его лучший лоцман —
Мужское верное сердце,
Врожденное благородство.
На глаза похожие люки
Глядят и печально и живо,
Как будто тоскуют о счастье,
А счастье недостижимо.
Равнодушно повисли флаги,
Со стихиями спорить не стоит —
Встречает судьбы удары
С такою же твердостью стоик.
На бушприте четкая надпись,
Прочесть эту надпись несложно:
«Служил я верой и правдой,
Но плата была ничтожна».
Быть может, этот рисунок
Покой Селиндахи нарушит,

И поймет неверная дама
Превосходство моря над сушей.
Вот так мореход размышляет,
Покидая стены Гранады,
И держит путь в Альмерию,
К судам королевской армады.
И клянется Абенумейя
Не верить дамам отныне:
Ведь женское слово — ветер,
А сердце — морская пустыня...

О ТАРФЕ, ГАСУЛЕ И ДВУХ МАВРИТАНКАХ

На балконе высокой башни,
Почти что под самой крышей,
Где вершина любви высокой
И прелести наивысшей,
Стояли две мавританки.
Так прекрасны вдвоем девицы,
Что любить их хочется вдвое
И хочется раздвоиться.
Одну из них Селия звали,
А другую звали Харифа,
Харифа, что острые стрелы
Пускает в мужчин игриво.
Выходят Гасуль и Тарфе,
Под высоким балконом ходят,
Пред теми, что превосходством
Превосходнейших превосходят.
И бросают камешки сверху
Кокетки своими руками,
Дорога любви камениста,
Но камни смягчают камень.
И бросают лучи улыбок,
И лучится улыбки лучик,
Лучистого солнца ярче,
Самой лучезарности лучше.
Пламенея, застыли мавры,
Но пламя им души плавит,
Их пламенный взгляд пылает,
И пламя рождает пламя.
Слепящий свет ослепляет,
Но бежать от него нелепо —

Слепота слепцу не помеха
Красоте поклоняться слепо.
Ликуют два кавалера,
От света лишившись зренья —
Ведь зримый свет озаряет,
А незримый дает прозренье.
Цвета на одеждах мавров
Сплетены в такие узоры,
Что понять невозможно дамам,
Которую любит который.
С балкона сбегают обе
И бегут так быстро и скоро,
Как будто поможет скорость
Ускорить решенье спора.
Вблизи их живая прелесть
Увеличилась сразу вдвое,
Оживить она может мертвых
И повергнуть во прах живое.
И к ослепшим недавно маврам
Вернулось зренье при встрече,
Но, прозрев, они вновь ослепли
И вдобавок лишились речи.
Потом влюбленные мавры
Удалились куда-то вместе,
Очевидно, чтоб спор продолжить
В ином, подходящем, месте.

О ТАРФЕ И САИДЕ

«Твоих насмешек, Саида,
Я больше терпеть не стану,
Меня ты ранила больно,
Потом углубила рану,
Любовь казалась мне раем,
Когда ты бывала рядом.
Признайся, что рай желанный
Теперь обернулся адом.
Когда я прошу ответа,
Молчишь и смотришь лукаво,
Скажи, что не любишь больше,—
И будет честнее, право!
Зачем такая надменность
И вместе с нею кокетство?

Любовь не знает уловок,
Уловки — дурное средство.
В тебя знатнейшие мавры
Влюбляются то и дело,
Ты думаешь — обожанью
Вовек не будет предела.
Но гордые наши мавры,
И все мужчины, наверно,
Не вытерпят униженья,
Поскольку оно безмерно.
А время — игрок серьезный,
С ним шутки шутить опасно —
Проснешься и вдруг заметишь,
Что годы прошли напрасно.
Уж лучше ты выйди замуж,
Ведь брак сохраняет тайны,
Иначе чужой откроет
Все тайны твои случайно.
Не думай задобрить время,—
Законы его едины:
Оно не знает пощады
И все обратит в руины.
Внемли этой страстной речи,
Где правда каждое слово,—
Когда гремят аркебузы,
Глухой да услышит снова!
Хочу, чтоб глаза сияли
И сердце мое согрели,
Хочу, чтоб в моей победе
Звучала песня свирели!..»
С таким изяществом Тарфе
Открыл пред Саидой чувства.
Для каждого андалузца
Любовь — святое искусство.

О ХАРИФЕ

Задумал король Гранады
С Кастильским домом сражаться.
И пишет он в Антекеру:
«Копейщиков славных шестнадцать
Пришли мне, алькальд, на помощь,
Пусть восемь отправятся сразу

И путь свой держат к Хаэну,
А прочие ждут приказа».
Посланье алькальд целует,
Послушный воле сеньора,
Сзывает храбрейших мавров —
Пускай начинают сборы.
Как жаль, в этом деле трудном
Участвовать он не сможет —
Спешит ко двору, где смуту
Затеяли два вельможи.
Алькальд поручает сыну
Поехать с отрядом вместе,
В бою не уронит Харифе
Высокой семейной чести.
Проснулся от звона доспехов
Воскресным утром весь город —
На резвых конях кордовских
Проносятся всадники гордо.
В лазурных, желтых и белых
Одеждах гарцуют все восемь.
В честь дамы, прекрасной Селинды,
Они цвета эти носят.
Султаны из белых перьев
На шапках остроугольных
Чуть связаны лентой зеленой,
Их ветер колышет вольно.
Пристегнуты к портупеям
Тунисские сабли кривые,
Сверкают на солнце пики
И палицы боевые.
Высокие белые седла
На спинах коней буланых.
Сапожки из черной кожи
В стальных стременах чеканных.
Трубач самым первым едет,
Ведет отряд за собою,
Его труба возвещает,
Что мавры готовы к бою.
Простое камковое знамя
Высоко реет над ними,
На знамени этом строгом
Алькальда вышито имя.
И герб Сегрийского дома
Блестит на щитах и латах —

Пять львов свирепых и диких,
Стоящих на задних лапах.
Все мавры отряд провожают,
Любуются дамы отрядом...
Муса, прославленный рыцарь,
Померк с отважными рядом.
По улицам скачет Харифе
На быстрой своей кобылице,
Она белизной и статью
Лишь с лебедем белым сравнится.
Расчесаны тщательно грива
И хвост шелковистый длинный,
Усыпана бисером сбруя,
И вкраплены в бисер рубины.
Гербом его щит украшен:
Над солнцем черная птица
Раскинула крылья смерти,
И надпись: «Пока не затмится».
В тунисской шапке Харифе
С пером петушиным желтым,
Сплетение звезд и лилий —
Узор на плаще тяжелом.
Клинок из толедской стали,
Вдоль ножен — аквамарины,
Кончается рукоятка
Литой головой тигриной.
Харифе, пробуя силу,
Играет дубовой пикой,
С такою же легкостью ветер
Играет лозою гибкой.
Призывы трубы проникли
Сквозь стены Хенералифе,
Сады покидают дамы —
Спешат увидеть Харифе.
Вниманием он доволен,
Но ищет Селинду влюбленный
И вот наконец увидел
Ее у решетки балконной.
Сказал он: «Прекрасная дама,
Ах, если б ты только знала,
Как мучит меня разлука!
Мне рыцарской славы мало,
Не надо наград королевских,
И благ не ищу я бренных.

Тебе я отдам добычу —
Толпу христиан презренных.
Во имя твое эти мавры —
Пускай им судьба поможет! —
Свершат дела боевые
И славу свою умножат.
И я, повинуясь долгу,
Сегодня готовлюсь к бою,
И я вместе с ними еду,
Но сердце мое с тобою.
И если в сраженье будет
Сопутствовать мне удача,
Возьми меня в плен навеки
К рабам христианским в придачу!»
Селинда взглянула нежно,
Достоин рыцарь награды:
Харифе ей отдал сердце,
А меч — королю Гранады.
Прекрасная мавританка
Его осыпает цветами,
Харифе поклон глубокий
Отвесил прекрасной даме,
Махнул рукой на прощанье,
Подковы цокнули звонко,
Помчалась его кобылица.
И ветер за ней вдогонку.

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА

ОБ АБЕНСУЛЕМЕ

Славный знаменосец войска,
Молния на поле брани,
Воплощенье благородства,
Непреклонности, отваги;
Вызывавший зависть юных
И почтенье мудрых старцев,
Он, за кем с восторгом шумным
Чернь на улицах бросалась;
Он, учтивостью снискавший
Дам и дев благоволенье,
Этот баловень Фортуны,
Этот первенец успеха;
Он, украсивший мечети
Блеском боевых трофеев,
Он, кто населил темницы
Толпами гяуров пленных;
Он, кто храбростью своею
Больше, чем разящей сталью,
Дважды от границ отчизны
Отразил враждебный натиск;
Доблестный Абенсулема —
На изгнанье осужден он
Повелением халифа,
А верней — своей любовью.
Мавр пленился мавританкой,
Чьей красою несравненной,

Несравненным благородством
Сам халиф был ранен смертно.
Мавританкою однажды
Был цветок подарен мавру,
Для ревнивого владыки
Тот цветок стал злой отравой.
И, разгневанный, герою
Удалиться повелел он:
Очернил он верность мавра,
Обелить желая ревность.
Едет мужественный мавр,
Конь соловый горячится,
Долго пил он на прощанье
Воду из Гвадалквивира...
И обеими руками
Сдерживает мавр поводья,
Чтоб скакун его горячий
Вихрем не умчался в поле.
Конь звенит наборной сбруей, —
Марокканская работа:
Бляхи с чернью и финифтью,
С филигранью золотою.
В черное полукафтанье
Мавр одет, с накидкой белой:
Цвет неутолимой скорби
С цветом безупречной чести.
А над головным убором,
Темно-голубым, как небо,
Схвачены алмазной пряжкой,
На ветру трепещут перья.
Перья птиц он взял с собою,
Чтоб душа домой летела,
Пусть земли его лишили —
С ним остался вольный ветер.
На плаще узор из копий
Выткан серебром по краю
И слова: «Лишь в этом грешен» —
Вышиты арабской вязью.
Из оружья — только сабля,
Дар толедского владыки:
Не оружье, но отвага
От врагов ему защита.
Так через родной свой город
Ехал доблестный изгнанник:

По бокам его — алькальды
Мармолехо и Альгамбры,
Следом — рыцари верхами,
А вокруг — толпа народа.
Чтоб изгнанника увидеть,
Дамы сгрудились у окон.
Скрыть красавицы не тщились
Горьких слез, когда с балконов
Перед ним на мостовую
Выливали благовонья.
А прекрасная Балаха,
Что рвала в опочивальне
На себе густые кудри
Из-за прихоти монаршей,
Многогласный шум услышав,
На балкон свой устремилась,
И немым исходит криком
Взор ее красноречивый:
«Знай, ты одинок не будешь,
Мы в разлуке, но утешься,—
Пусть ты изгнан из Хереса,
Жить в моем ты будешь сердце».
Ей он отвечает взглядом:
«Буду и вдали — с тобою,
За неправый суд халифа
Мне воздаст любимой стойкость».
Сотни раз до поворота
На нее он оглянулся.
А потом коня направил
По дороге на Андухар.

ИСПАНЕЦ В ОРАНЕ

Королю служил в Оране
Шпагою один испанец,
А душой служил и сердцем
Он прекрасной африканке,
Столь же гордой и прекрасной,
Сколь любимой и влюбленной.
Ночью на любовном ложе
Был он с ней, и вдруг: «Тревога!»
Приближенье берберийцев —
Вот что вызвало тревогу:

Их щиты сияньем лунным
Были выданы дозору.
Под луной щиты сверкнули
Искрой для костров сигнальных,
Молния огней тревожных
Породила гром набатный,
И в объятиях любимой
Был возлюбленный разбужен:
Он услышал гул набата,
Конский топот, лязг оружья,
Долг в него вонзает шпоры.
Страсть удерживает повод:
Не пойти в сраженье — трусость,
Женщину покинуть — подлость.
Только он за меч свой взялся,
Как к нему она метнулась,
Шею обвила руками,
Телом трепетным прильнула:
«Что ж, иди! В слезах бессильных
Утоплю я это ложе,
Без тебя оно, любимый,
Мне страшней, чем поле боя.
Одевайся, что ж ты медлишь?
Ждет тебя военачальник,
Ты его приказам внемлешь,
Глух к моим мольбам печальным.
Для чего тебе кираса?
Сердце ведь твое — из стали:
Скорбью мне его не тронуть,
Не смягчить его слезами!»
Но, в доспехи облачаясь,
Так испанец ей ответил:
«О любимая! И в страсти
Ты прекрасна и во гневе.
Движим долгом и любовью,
Ухожу и остаюсь я,
Плоть моя идет в сраженье,
Но душа с тобой пребудет.
О властительница сердца,
Не печалься и не сетуй:
В честь твою пойду на бой я,
В честь твою вернусь с победой».

НЕВОЛЬНИК ДРАГУТА

Каторжной прикован цепью
Накрепко к скамье галерной,
Руки положив на весла,
Очи устремив на берег,
Раб турецкого корсара
Жалобы свои и пени
Изливал под скрип уключин
И бряцанье ржавой цепи:
«О, мое родное море,
О, родной испанский берег,
О, театр, где разыгрались
Тысячи морских трагедий!
Белым языком прибоя
Ты подобострастно лижешь
Горделивые, крутые
Берега моей отчизны.
Ты мне истину поведай
О судьбе моей супруги:
Вправду ль, проливая слезы,
Обо мне она тоскует?
Коль правдивое об этом
До меня дошло известье,—
Перлы слез ее пополнят
Жемчугом твои глубины.
Но письма напрасно жду я,
Может, нет ее на свете?
Если так, тогда зачем же
Я сопротивляюсь смерти?
Вот уж десять лет влачу я
Жизнь в неволе без подруги,
Лишь с веслом своим тяжелым
И тоскою неразлучен.
Если истинно сужденье,
Что волна красноречива,—
О божественное море,
Дай мне, дай ответ правдивый!»
Тут мальтийская эскадра
Выросла у горизонта,
И галерникам начальник
Приказал налечь на весла.

* * *

Белую вздымая пену,
Мчат алжирские галеры
За майоркским галеотом,
Словно гончие по следу.
В нем с женой — валенсианкой
Благородной и прекрасной —
От Испании к Майорке
Плыл счастливый новобрачный.
Он, любовью окрыленный,
На двойной стремился праздник:
Праздновать хотел он свадьбу
Вместе с празднованьем пасхи.
Весело плескаясь, волны
К веслам ластились бесшумно,
К парусу с лобзаньем нежным
Ветерок прильнул попутный.
Но предательская бухта,
Давшая приют корсарам,
Выпустила вдруг на волю
Их — грозу морей испанских.
Галеот вперед рванулся,
Но четыре вражьих судна
Мчатся по волнам — о, горе! —
За добычей неотступно.
Их подстегивает алчность,
А преследуемых — ужас...
Жемчуг слез роняя в волны,
Молит юная супруга:
«О зефир, о вольный ветер,
Взысканный любовью Флоры,
В час опасности ужели
Не поможешь ты влюбленным?
Если только пожелаешь,
Ты в своем всесильном гневе
Дерзновенные галеры
Сможешь выбросить на берег.
Ведь не раз, могучий ветер,
Вняв моленьям беззащитных,
Утлые челны спасал ты
От флотилий горделивых.

Не отдай наш бедный парус
В руки извергов бездушных,
Из когтей из ястребиных
Вырви белую голубку!»

* * *

Ты, что целишься так метко,
Озорной слепец-стрелок,
Ты, меня продавший в рабство,
Древний маленький божок,
Мстишь за мать свою, богиню,
Что должна была свой трон
Уступить моей любимой?
Пощади! Услышь мой стон:
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Преданно тебе служил я,
А какой был в этом толк?
Ветреный военачальник,
Покидаю я твой полк.
Хоть давно завербовался
Я под сень твоих знамен, —
До сих пор ничем за службу
Не был я вознагражден.
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Войско горемык влюбленных
Верит в разум твой и мощь,
Но беда солдату, если
У него незрячий вождь.
Где у полководца стойкость,
Если с крылышками он?
И как с голого получишь
Свой солдатский рацион?
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Труженик любовной нивы,
Жил я только для нее,
Десять лучших лет ей отдал,
Все имение свое.

Я пахал морские волны,
Засевал песчаный склон —
Урожай стыда и скорби
Я собрать был обречен.
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Башню в пустоте возвел я
Из неисполнимых снов —
Кончилось, как с Вавилоном,
Страшной путаницей слов:
Стала желчь там зваться «медом»,
«Стрекозою» — скорпион,
Зло преобразилось в «благо»,
Беззаконие — в «закон»...
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

* * *

Из-за черной сеньориты
В горе черный воздыхатель,
Из очей его из черных
Слезы черные струятся.
Чернотой ночной укутан,
Черною объят печалью,
Черную он серенаду
Ей поет о черной страсти.
Черная в руках гитара,
Черные колки и струны,
Словно черная досада
Их одела в черный траур.
«Черный день господь послал мне!
Если бы я не был черным,
Почернел бы я, увидев
Черную неблагодарность.
Ах! Меж нас, мой ангел черный,
Черная шмыгнула кошка,—
В черном теле меня держишь,
Белое зовешь ты черным».
Чернокожей сеньорите
Надоел вздыхатель черный,

И чернить беднягу стала
Черными она словами:
«Что ты ходишь, черномазый,
Вслед за мною черной тенью?
Ты достоин, черный дурень,
Только черного презренья».
Став чернее черной тучи,
Черный кавалер с поклоном
Черным помахал сомбреро
И пропал во мраке черном.

ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

О ТОМ, КАК АБИНДАРРАЭС ПОВЕДАЛ ДОНУ РОДРИГО ДЕ НАРВАЭС ПРО СВОЮ ЛЮБОВЬ И ПОЛУЧИЛ ДОЗВОЛЕНИЕ НАСЛАДИТЬСЯ ЕЮ

В цитадели Антекеры
Пленный мавр Абиндарраэс
Горько сетовал, и стонам
Эхо гулко откликалось.
И наместник антекерский,
Дон Родриго де Нарваэс,
Поражен был: воин должен
Стойкость проявлять в несчастье.
«Ах! — Абенсеррах воскликнул,—
Благороднейший Нарваэс!
Потерпел я пораженье,
Но, на этот жребий плачась,
Выказал бы я Фортуне
Черную неблагодарность:
Быть в плену у вас почетно
Даже для Абенсерраха.
Нынче двадцать два мне года,
И прекрасная Харифа
Двадцать и два года правит
В этом сердце как царица.
Это имя всем известно:
Не равно ли знамениты
Меч алькальда Антекеры
И краса моей Харифы?
С ней в один мы день родились,
Но боюсь, что я ошибся,

Двадцатидвухлетним сроком
Меря преданность любимой.
Нет, я знаю, что задолго
До того, как мне родиться,
Страсть мою сама природа
Властно предопределила.
Говорят, любовь нисходит
К нам по воле звезд лучистых,
Но стыдливо меркнут звезды
Перед красотой Харифы.
Мы росли, как брат с сестрою,
Нашей дружбы безмятежность
Подавила нетерпенье,
Сбила со следа надежды.
Но расстались мы,— и разом
Спала с глаз моих завеса:
Краткий час разлуки нашей
Длился для меня как вечность,
Свидеться должны мы были
Нынче на заре вечерней:
Собирался я на свадьбу,
Предстояло ж мне — сраженье.
Вы напали, дон Родриго,
В миг, когда слагал я строфы:
То, что мнил я гимном счастья,
Оказалось песнью скорби.
Я отважно защищался,
Но защиты нет от рока.
Я в плену. Моей Харифе
Ждать меня придется долго.
Человек мечтать лишь властен,
Но не властен над судьбою:
Ждал объятий я любовных,
А дождался злой неволи».
Тут алькальд великодушный,
Тронутый его рассказом,
Юноше вернул свободу,
И к Харифе мавр умчался.
Но о том, что с ним случилось,
Утром лишь она узнала,
Ибо ночь любви не терпит
Длительных повествований.

* * *

Аполлон в венке лавровом
И бог Марс с дубовой ветвью,
Препоясанный оружьем,
В латах и пернатом шлеме,
Чтимая среди испанцев
Память о великих предках
И сверкающая Слава,
Что сулит мужам бессмертье, —
Все они зовут Лисардо
К ратным подвигам, в то время
Как младой пастух беспечно
На лесной опушке дремлет.
«На войну!» — призывы эти
Слышит он в журчанье речки,
Слышит в щебетанье птичьем
И в блеянье стад овечьих.
Все как будто сговорились
И, под звуки труб военных,
Повторяют: «В путь, Лисардо,
Стань скорей под стяг победный!»
«Я иду!» — вскричал Лисардо,
Пробудясь; но с изумленьем
Увидал пастуший посох,
А не меч в своей руке он.
«Что ж, пускай, — сказал Лисардо, —
В шкуры я одет овечьи,
Я себе в долине Тахо
По плечу найду доспехи.
Много там прекрасных замков,
Предо мной падут их стены, —
И завидовать мне будут
Те, кто правит королевством».
В путь уже готов Лисардо,
Вещему призыву внемля;
Вдруг он слышит чей-то оклик,
Чувствует прикосновенье.
Обернулся он в досаде
И глаза Альсильды встретил, —
В них блистал, переливаясь,
Горьких слез бесценный жемчуг.
«Ты куда бежишь, предатель?

Где ж обещанная верность?
Лишь уснули подозренья,
Пробуждается измена».
Но ответствует Лисардо:
«О любовь моя, не сетуй!
Цапля мимо пролетела,
Подстрелить ее хотел я».
«Ты возьми меня с собою,
И пойдем за цаплей вместе:
Лук тугой сгибать ты будешь,
Подавать я буду стрелы».
«Нет! Завистливое солнце
Опалит твой лик небесный,
Исцарапают колючки
Кожу этих ножек нежных».
Но в ответ ему Альсильда:
«Иль не говорил ты прежде,
Что, меня завидев, солнце
Тотчас прячется в смущенье?
Иль меня не уверял ты,
Будто под ногой моею
Превращаются колючки
В лилии и первоцветы?»
И тогда сказал Лисардо:
«Должен я идти в сраженье:
Аполлон, и Марс, и Слава
Мне сулят венок победный».
Обезумевши от горя,
Рвет Альсильда в исступленье
Волосы свои златые:
«Предал ты меня, изменник!
Ты уйдешь и не вернешься...
Пусть же за тобою следом
Полетит любовь Альсильды
Охранять тебя от смерти.
Ни краса моя, ни юность
Пыл воинственный не сдержат,
Но пускай с тобою будут
Преданность моя и нежность».
Тут приблизились к Лисардо
Пастухи с лугов окрестных,
Чтоб, поверх овчины мягкой,
На него надеть доспехи.

* * *

В дни, когда и дуб могучий,
И высокий стройный тополь
Старые нагие сучья
Прячут под листвою новой,
А плодовые деревья
На зеленые покровы
Надевают плащ свой белый
Из соцветий благовонных,
Землю чествуя послушно
Этой данью ежегодной,
Как им велено премудрой,
Благодетельной природой;
В дни, когда законы жизни
Бурое жнитво сухое
Сызнова преображают
В зеленеющее поле,
Пышно зацветают травы
И своим цветеньем пестрым
Изумрудную лужайку
Делают ковром узорным,
А на травянистых склонах
Безмятежно и привольно
Корм пощипывают сладкий
Овцы со своим приплодом,—
Один пастух Альбано
Красы не видит вешней,
Все горестней он плачет,
Рыдает безутешней:
«Где ты, моя Белиса?
Тоскует твой Альбано.
В кровоточащем сердце
Не заживает рана».
К розмарину и тимьяну
Льнут заботливые пчелы,
Запасаясь неустанно
Сладким и прозрачным соком,
День-деньской они хлопочут,
Занимаясь медосбором,
Наполняют до отказа
Соты ароматным медом;
Медом выкормив личинок,
Выведут проворных пчелок,

Чтоб они пустые ульи
Заселили новым роем.
Толпы муравьев прилежных
Из дворцов своих просторных
Выползают деловито
На песок, согретый солнцем.
Птицы, рыбы, травы, злаки,
Все созданья, все живое
Радуется и ликует,
Жизнь благословляя снова,
Но грустит пастух Альбано,—
Чуждый радости всеобщей,
Льет он слезы по любимой,
Глядя на ее надгробье.
Один пастух Альбано
Красы не видит вешней,
Все горестней он плачет,
Рыдает безутешней:
«Где ты, моя Белиса?
Тоскует твой Альбано.
В кровоточащем сердце
Не заживает рана».
Нынче год, моя Белиса,
Как тоска мне сердце точит,—
Преждевременной утраты
Терпкую испил я горечь.
Год пред этим ты хворала...
Тысячу бы лет за хворой
Я ходил, когда бы этим
Горестный конец отсрочил!
Я один с тобой остался,—
Как мне быть с тобою розно?
Я любил тебя живую,
Верен остаюсь и мертвой.
И в свидетели беру я
Провидение благое:
Дорогая мне при жизни,
В смерти ты еще дороже.
И о доме и о стаде
На меня легли заботы;
Умирая, дар бесценный
Мне оставила в залог ты,—
В ней была моя отрада,
В дочери, тобой рожденной;

Безмятежный лик младенца
Был твоим портретом точным,
Но, увы, решило небо,
За мои грехи, должно быть,
Чтобы следом за тобою
В мир она ушла загробный.
Один пастух Альбано
Красы не видит вешней,
Все горестней он плачет,
Рыдает безутешней:
«Где ты, моя Белиса?
Тоскует твой Альбано.
В кровоточащем сердце
Не заживает рана».

* * *

Поет, тоскуя, Фабьо,
И, песне той внимая,
Вздыхают волны Тахо
И слезы льют наяды.
С вершин нисходит в долы
Неторопливый вечер,
Неся в своих объятьях
Густеющие тени.
Уже примолкли птицы
И притаились в гнездах,
День светлый незаметно
Сменился темной ночью.
Одни колеса мельниц,
Не покорясь молчанью,
Сверкающие нимбы
Из волн речных вздымают.
Сгоняет бич свистящий
Разбредшееся стадо,
И ждет нетерпеливо
Овец загон дощатый.
А в хижине пастушьей
Лежит, простершись, Фабьо,
Не на одре болезни,
Не на постели праздной,
Не спит,— мешают думы,
Не бодрствует,— мечтает,

Не умирает,— мертв он
В живых воспоминаньях.
Заря уже зарделась,
И, пробудясь, гвоздики
С улыбкою кивали
Жемчужинам росинок,
Когда коснулся Фабьо
Струн громкозвучной лиры,
И стало вторить эхо
Стенаниям тоскливым:

РОМАНСИЛЬО

Плененный, Амарилис,
Твоею красотой,
Любовью не посмел бы
Я свой назвать восторг.
Возвышенный твой разум
С душевной чистотой,—
Вот от чего зажегся
Любви моей огонь.
Не думай, что случайной
Я прихотью влеком,
К тебе неотвратимо
Я приведен судьбой.
Нет у меня надежды,
Утратил я ее
И,— безутешный странник,—
Утратил я покой.
Я слышу отовсюду,
Что сладостна любовь,
Но страх меня объемлет
Перед твоей красой.
Страсть и благоговенье
Порождены тобой,
Два столь враждебных чувства
Сливаются в одно.
Ужель возможно это,
И в существе моем
Ты разжигаешь битву
Меж плотью и душой?
Могу ли я отречься
От красоты такой?

Могу ли, созерцая,
Не возжелать ее?
Но в спор душа вступает,
Гоня желанье прочь,
О чистоте любимой
Напоминает вновь.
Чтобы меня не ранил
Твой оскорбленный взор,
К тебе я прикасаюсь
Лишь робкою мечтой.
И все же дерзновеньем
Я собственным смущен:
Ничтожный, я пленился
Небесною звездой.
Внемли же, Амарилис,—
Молчать, увы, невмочь,
Хочу излить я в песне
Тоску мою и боль.

ПЕСНЯ

Пусть мне горько и больно,
Не прошу ни о чем,
Нахожу упоенье
Я в страданье самом.
Я, любовью сраженный,
Лишь любовью живу.
Безответно влюбленный,
Сладким сном наяву
Я взаимность зову.
Обескровленный страстью,
Открываю путь к счастью
И в несчастье моем,
Нахожу упоенье
Я в страданье самом.

* * *

Был садовником Белардо
И, в садах валенсианских
Разводя цветы и травы,
Прилежаньем отличался.

Тот, кто хочет, чтоб весною
Расцвели его надежды,
В феврале посеять должен:
Май воздаст цветеньем вешним.
Маргаритки и ромашки
Для девиц сажал Белардо:
Любит ли, не любит милый,—
Лишь цветы откроют правду.
А для дам в летах сажал он
Мальву пышную, чей стебель
Вновь цветок готовит алый
Вянущим цветкам на смену.
Для вдовиц — лиловый ирис
Разводил он и вербену:
Ведь под траурным покровом
Зелень их свежа, нетленна.
Для невест и новобрачных
Он высаживал мелиссу:
Манят пчелок в новый улей
Этою травой душистой.
Был и сельдерей для чахлых,
И миндаль был для кормящих,
Вместе с мятой для холодных
И горчицей для горячих.
И красавка — для пригожих,
И полынь — для некрасивых,
И репейник — для жеманниц,
И для старых дев — крапива.
Чтобы птиц пугать, развесил
На смоковнице Белардо
Одеяние, в котором
Сам он щеголял когда-то:
Шляпа с перьями и брыжи,
Накрахмаленные туго,
Стали головой и шеей
Лучшему из птичьих пугал,
Был на нем камзол атласный,
Перевязь тисненой кожи
И, для полноты картины,
Щегольские панталоны.
Вышел утром, как обычно,
Поливать цветы садовник,
Дело рук своих увидел,
Усмехнулся и промолвил:

РОМАНСИЛЬО

О, пышная ветошь
Ушедших времен,
Живые останки
Скончавшихся грез!
Когда-то придумать
Вам было дано
Финал для трагедий,
Написанных мной.
Плюмаж мой солдатский,
Галун и шитье!
Все было да сплыло,
Быльем поросло.
Однажды на пасху
В родной городок
Явился я в новом
Наряде своем.
С балкона красотка
Мне бросила взор,—
Ах, белые плечи,
Ах, черная бровь!
Попался молодчик
На этот крючок,—
Пришлось Гименею
Уплачивать долг.
Стал ведом супруге
Мой давний грешок.
Жечь Трою,— не это ль
Призвание жен?
Бумаги и перья
Свалила в костер,—
Плоды вдохновенья
Вмиг стали золой.

* * *

Восходит звезда Венера,
Плывет над вершиной горной,
И недруг дневного света
Свой плащ расправляет черный.

Из стен Сидонии рыцарь,
Взглянув на вечернее небо,
Выходит в долину Хереса
И скачет, исполненный гнева,
Туда, где в Испанское море
Текут Гвадалете воды
И деву Марию Морскую
Прославили мореходы.
Он знатного рода, но беден,
И дама его отвергла,
И счастье его затмилось,
И радость его померкла.
Сегодня выходит Саида
За старого мавра замуж,
Но он богатый вельможа,
Алькальд Севильского замка.
Гасуль, вздыхая и плача,
Несется дорогой длинной,
И слабым печальным эхом
Ему отвечает долина.
«Ты моря коварней, Саида,
Что властвует над моряками,
А сердце твое, Саида,
Как твердый, холодный камень.
Жестокая, как ты можешь
Позволить, чтоб в день урожая
Обещанных мне сокровищ
Коснулась рука чужая?!
Предчувствую — дуб столетний
Погубит росток весенний,
И веткам твоим зеленым
Не знать никогда цветенья.
Три года меня любила,
Клялась — не разлюбишь вечно.
Зачем же к Альбенсаиду
Уходишь при первой встрече?
Бедняк твой богат безмерно,
Богач твой беден, как нищий.
Не хочешь богатства сердца,
Лишь блага земные ищешь.
С жестокой буду жестоким,
Тебя проклинаю отныне:
Пускай тебя ревность иссушит,

Как жажда сушит в пустыне.
Супруг будет мерзок в постели,
И хлеб покажется горьким,
Глаза от слез покраснеют,
Любовь обернется горем.
Его на турнир не проводишь,
Как это пристало даме,
И в праздники будешь дома
Сидеть за семью замками.
Ты вышьешь ему эмблему,
Он в бой не поедет с нею,
Твои цвета он отвергнет,
Чтоб сделать тебе больнее.
Его перед дальним походом
Обнимут чужие руки,
Он меч боевой украсит
Эмблемой своей подруги.
И, может быть, много позже,
Когда он падет в сраженье,
Аллах прояснит твой разум,
Откроет всю глубь униженья.
Но ты не молись напрасно,
Не плачь над тяжелой судьбою,
Запомни — в тот день свершится
Проклятье мое над тобою!»
И вот наступила полночь,
Гасуль доскакал до цели,
Весь замок сверкал огнями,
И лютни в замке звенели.
Толпою сбежались мавры,
Что зорко несли охрану,
Взметнулось факелов пламя
Средь ночи огнем багряным.
Под натиском дрогнули стражи,
И всадник ворвался мрачный,
Ударил мечом наотмашь,
И мертвым пал новобрачный.
Он рубит направо, налево
В слепом опьянении ратном
И вот, расчистив дорогу,
В Сидонию мчится обратно.

ФРАНСИСКО КЕВЕДО

О ТОМ, КАК ДОНА АЛЬВАРО ДЕ ЛУНА ВЕЛИ НА КАЗНЬ

«Ваша благостыня будет
Благом для души греховной»,—
Так молящиеся пели
Под трезвон под колокольный.
«Жертвуйте на погребенье!»
Был богаче всех вчера он.
А сегодня подаянья
Просит он у вас на саван.
Состраданья он достоин:
Нынче милостыню просит
Тот, кто милости дарил вам,
Снисходя на ваши просьбы.
Он, кто мог своею властью
Сделать каждого маркизом,
Графом, герцогом, прелатом,
Командором иль магистром,
Он, кто жаловал поместья,
Титулы дарил вельможам,
Умирает как преступник.
«Жертвуйте, кто сколько может!»
Лишь вчера всем королевством
Помыкал он, а сегодня
Отдан сам на помыканье
Палачам скотоподобным.
Главной улицей он едет
К месту казни, а давно ли
Ехал здесь в сопровожденье
Короля и всех придворных?
Почитал себя счастливцем
Тот, кто был тогда с ним рядом,
Все придворные ловили
И слова его, и взгляды.
А теперь другая свита
Вслед за ним валит толпою,—
Разношерстный сброд: зеваки,
Нищие, бродяги, воры.

Он, кто был вершитель судеб,
Сам судьбою изничтожен,
Умирает как преступник.
«Жертвуйте, кто сколько может!»
«Мир бессильный, мир порочный!
Вот как ты вознаграждаешь
Слуг своих. Увы, немногим
Ведомо твое коварство!» —
Так один монах воскликнул,
Видя, как толпа людская,
Набережную заполнив,
Устремилась к месту казни.
А разъезды личной стражи
Государя дон Хуана
Надзирали, чтоб для казни
Не было помех нежданных,
И на каждом перекрестке —
Альгвасилы и солдаты,
Под началом двух алькальдов,
Трех славнейших капитанов.
«Прочь с дороги!.. Прочь с дороги!..
Расступись!..»—кричат герольды.
«Ваша благостыня будет
Благом для души греховной».
Вот и Альваро де Луна,
Он в сермяжном балахоне,
Едет он верхом на муле,
Мул под траурной попоной.
В черном колпаке де Луна,
Изможден он заточеньем,
Справа от него — священник,
Слева от него — священник.
У людей у самых черствых
На глазах — слеза печали.
Но за что он умирает?
Пожимают все плечами.
Шепот, вздохи состраданья —
Словно стон многоголосый.
Осужденного выводят
На позорные подмостки,
Где трагедия де Луны
Завершается развязкой...
«Ваша благостыня будет
Благом для души несчастной».

ОТПОВЕДЬ ПОПРОШАЙКАМ

«Сестры, вы зачем стучитесь?
Лепты ждете? Вот те на!
Кто толкнул вас к этой двери?
Не иначе — сатана!
Собираете вы деньги.
Что же, я — банкирский дом?
Или я — корабль, груженный
Золотом и серебром?
Я — и деньги! Вот так штука!
Хочешь смейся, хочешь плачь.
Если б не моя бородка,
Был бы голым я, как мяч,
Если б золотом владел я,—
Я б его потратил сам,
Будь я болен золотухой,—
Подарил бы ее вам.
Видите, в каком я платье?
Гляньте, дырка на дыре,
Плащ мой лоснится, как ряшка
Келаря в монастыре.
Вылезают мои пальцы
Из разбитых башмаков,
Как из домика улитки
Кончики ее рогов.
Набиваю я утробу,
Если в гости пригласят,
Если ж нет — я утоляю
Только свой духовный глад.
И древней окрестных зданий,
И светлей мое жилье:
Гляньте,—крыша прохудилась,
Солнце светит сквозь нее.
Широки мои владенья,
Велики мои права —
По пословице: гуляка
Всему городу глава.
Если ухожу из дома,
То спокоен я вполне:
Все мое добро — со мною,
Весь мой гардероб — на мне.
Знайте, что, ко мне взывая,
Зря вы тратите труды:

Здесь вовеки не дождаться
Вам ни денег, ни еды.
Было бы умнее клянчить
У меня луну с небес:
Тут отказывать, быть может,
Я не стал бы наотрез.
Если ж у меня монетка
Завелась бы непутем,—
Каюсь, с нею бы я тотчас
Побежал в веселый дом.
С богом, сестры! Проходите!
И не появляйтесь впредь.
Высох пруд, и рыбы нету,
Не закидывайте сеть».

НЕУДАЧНИК

Хоть была моя мамаша
Хрупкого телосложенья,—
Вышел я живым из чрева,
Чтобы клясть свое рожденье.
В эту ночь луна сияла,
Как червонец, над опушкой;
Если б знала, кто родился,
Стала б ломаной полушкой.
Я родился поздней ночью:
Солнце погнушалось мною;
Тучки тоже это место
Обходили стороною.
Ровно в полночь дело было,—
Так в какой же день недели?
Вторник и среда об этом
Пререкаются доселе.
Под созвездьем Козерога
Я рожден, и провиденье
Предопределило, чтобы
Стал козлом я отпущенья.
Я не обойден дарами
Прочих знаков Зодиака:
Красотой я в Скорпиона,
Поворотливостью — в Рака.
Я родителей лишился,
С ними чуть сведя знакомство:

Уберечь решил господь их
От дальнейшего потомства.
С той поры хлебнул я горя:
Столько видел чёрных дней я,
Что чернильницей бездонной
Мог бы стать для грамотея.
Каждый час судьбина злая
Шлет мне новую невзгоду:
Коль об пень не расшибусь я,
Так ударюсь о колоду.
Если родственник бездетный
Хочет мне отдать угодья,—
Вмиг родится сын-наследник:
Я — лекарство от бесплодья.
Слепота на всех находит,
Коль я еду в экипаже,
Но слепец и тот заметит,
Как ведут меня под стражей.
Может предсказать погоду
Каждый, кто следит за мною:
Налегке я выйду — к стуже,
Потеплей оденусь — к зною.
Если приглашен я в гости,
Дело пахнет не пирушкой,
А заупокойной мессой,
Где гостей обходят с кружкой.
По ночам мужьям-ревнивцам,
Приготовившим дубины,
Чудится во мне соперник,—
Я плачусь за чьи-то вины.
Крыша ждет, чтоб подошел я,
Если рухнуть наземь хочет.
Камень, брошенный в собаку,
Мне, понятно, в лоб отскочит.
Дам взаймы — прощай дукаты;
И притом должник-мерзавец
На меня глядит при встрече,
Будто он — заимодавец.
Каждый богатей грубит мне,
Каждый нищий просит денег,
Каждый друг мой вероломен,
Каждый мой слуга — мошенник,
Каждый путь заводит в дебри,
Каждые мостки — с надломом,

Каждая игра — с потерей,
Каждый блин выходит комом.
Море мне воды жалеет,
В кабаке — воды избыток:
Захочу купаться — мелко,
Выпью — не хмелен напиток.
И торговля и ремесла
Мне заказаны, бог с ними:
Будь, к примеру, я чулочник,
Все ходили бы босыми.
Если б я вступил, к примеру,
В медицинское сословье,—
Воцарилось бы на свете
Нерушимое здоровье.
Холостым был — жил я худо,
А женился — стало хуже:
Взял я в жены образину,
Бесприданницу к тому же.
Говорят, что я рогатый;
Будь притом я травоядный,
Мне б ее стряпня казалась
Не такой уж безотрадной.
Не везет мне и в соседях,
Нет покоя даже в спальне:
Чуть рассвет — кузнец с размаха
Бухает по наковальне,
День-деньской без перерыва
Бьет башмачник по колодке,
Ночью выволочку шорник
Задает жене-молодке.
Если тонким комплиментом
Я хочу почтить сеньору,
То, смутясь, такое ляпну,
Что хоть провалиться впору.
Я зевну,—кричат: «Разиня!»
Оброню платок,—«Неряха!»
Коль румян я,—со стыда, мол,
Если бледен,—мол, от страха,
Бархатный камзол надень я,
Люди скажут: «Вот дерюга!»
Возведи я пышный замок,
Молвят люди: «Вот лачуга!»
Если тот, чье домоседство
Всем и каждому знакомо,

Позарез мне нужен, — слышу:
«Только что ушел из дома».
Тот, кто хочет скорой смерти, —
Пусть мне посулит подарок:
Сей же час отыдет с миром
Без бальзамов и припарок.
И, для полноты картины
Рокового невезенья,
Я, ничтожный неудачник,
Встретил вас, венец творенья.
Сто мужчин при вас, все носят
Званье гордое «поклонник»,
Недостойный этой чести,
Я всего лишь подбалконник.

Так взывал к Аминте Фабьо,
Но прелестное созданье
Не имело и понятья
О его существованье.

ПРОТИВ НЕПОМЕРНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕСТИ

Чтоб воспеть улыбку милой —
Жемчуг песнопевцу нужен:
Как же он прославит зубки,
Не упомянув жемчужин?
Ну, а коренные зубы
Не в пример передним — нищи,
Хоть на них лежит забота
Пережевыванья пищи.
В мадригалах и сонетах
Непременнейшие гости
Перламутровые ушки,
Носики слоновой кости.
Что же провинились локти,
Что о них молчат поэты?
Челюсти, виски и скулы
Тоже вовсе не воспеты.
В виршах множество сравнений
Для слезинок вы найдете,
Но не сыщете полслова
О слюне и о мокроте.

Если дева плачет — бисер
И роса идут тут в дело,
Ну, а что мне надо вспомнить,
Если милая вспотела?
Кудри — золото; но если,
Веря стихотворной справке,
Локон я подам меняле,
Выгонят меня из лавки.
Были женщины из мяса
И костей, теперь поэты
Видят розы в них и маки,
Лилии и первоцветы.
Эх, зеленщики-поэты!
Не грешно вам, пустосвятам,
В ваших виршах травянистых
Женщин приравнять к салатам?
Если ты не шмель, не шершень,—
Губы слаще, чем гвоздика,
И с кораллом лобызаться
Попросту смешно и дико.
Очи зарятся на деньги,
А уста подарков просят,
И, однако, виршеплеты
Без конца их превозносят.
А ведь есть тихони-бедра,
Бессеребреницы-ляжки,
Коим неприсуща зависть
И спесивые замашки.
Вот кому за бескорыстье
Посвящать должны поэты
Оды, стансы, и канцоны,
И романсы, и сонеты.
А рубинам ненасытным
И сапфирам завидущим
Лишь презренье вместо гимнов
Пусть достанется в грядущем.
Алчные уста, о коих
Приторный несете вздор вы,
Называть бы надлежало
Устьями бездонной прорвы.
Глазки, в коих блещет жадность,
Это — язва моровая,
Зубки, рвущие добычу,—
Хищная воронья стая.

Разорительны прически,
Так что волосы,— бог с ними —
Даже черные, как сажа,
Могут зваться золотыми.
Знай: слагая гимны зубкам,
Не вкусишь кончины мирной:
Тощей стервой поперхнешься
Или будешь съеден жирной.

ОГОРОДНАЯ СВАДЬБА

Дон Редис и донья Редька,—
Не креолы, не цветные,
Вроде там Цветной Капусты,
Но испанцы коренные,—
Поженились. И на свадьбу
Их высокоогородья,
Чьим благодаря щедротам
Кормится простонародье,
Всю свою родню созвали,
Пригласили цвет дворянства,
Тех особ, кому подвластны
Все земельные пространства.
Прикатила донья Тыква,
И дородна и спесива,—
Оттого, что всех дородней
И спесива особливо.
А за нею — донья Свекла,
Неопрятная уродка,
Все лицо в буграх и в ямах,
Бахрома вкруг подбородка.
Вон дон Лук, франт в белой шляпе,
Зелены на шляпе перья;
Скольких дам до слез довел он,
Обманувши их доверье!
Не замедлила Маслина:
Этой смуглой андалузке
Надо быть без опозданья,—
Без нее ведь нет закуски.
Вот дон Апельсин,— министром
Стал он, двор его возвысил;
Глянешь — гладок, с виду — сладок,
А когда раскусишь — кисел.

Вот сварливый и колючий
Дон Каштан; в его владенья
Не проникнешь, не имея
Должного вооруженья.
Вот обсыпанная пудрой
Куртизанка донья Слива;
Смугловата, нагловата,
Но округлости — на диво.
Вот капризная и злая
Низкорослая Горчица:
Всякий, кто не вышел ростом,
Свыше меры горячится.
Вот изящная Черешня;
Молодая — скулы сводит,
Но зато, когда созреет,
Тьму поклонников находит.
Вот ее сестрица Вишня,—
Покислей, темней оттенок,—
Смолоду в цене, а позже
Продается за бесценок.
Вот обманщица Капуста:
С виду — сдобненькая пышка,
Но под массой белых юбок —
Лишь сухая кочерыжка.
Дыня — образец матроны
Добродетельной и честной:
Вид ее сулит блаженство,
Вкус, увы, довольно пресный.
Вот дон Баклажан,— сияет
Лысиной своей лиловой:
В годы юности зеленой
Был он малый непутевый.
Вот дон Огурец,— сутулый,
Прыщеватый, малокровный,
Сразу виден в нем идальго
С безупречной родословной.
Вот дон Кабачок. Он бледен,
Давней одержим любовью:
Даст в куски себя разрезать,
Спечь, стушить,— но лишь с Морковью.
Прибыл и двуличный Персик.
Зависть его сердце точит,
Жесткость внутреннюю скрыть он
Бархатной улыбкой хочет.

Дон Лимон толк знает в свадьбах,
Не пропустит ни единой;
Побуждаем тонким вкусом,
Судит, рядит с кислой миной.
Вот карета с доном Хреном,
Очень важною особой;
Дряхлый, скрюченный подагрой,
Жив он горечью да злобой.
Вот хвастун, бретер дон Перец,
Он — причина слезных жалоб:
Если Перцу поперечишь —
Вмиг глаза полезут на лоб.
Вот ввалилась донья Брюква,—
Все ухватки грубиянки
Обличают в ней утеху
Школяров из Саламанки.
Но достаточно. В злословье
Перешел я грань приличья.
Впрочем, свадьбы, мой читатель,
Так скучны без злоязычья!

РАЗГОВОР ДУЭНЬИ С НЕИМУЩИМ ВОЗДЫХАТЕЛЕМ

Существо, чье назначенье
Нежным чувствам быть препоной,
Нечто среднее по виду
Меж гадюкой и вороной,
Склеп восторженных мечтаний,
Кладбище любовных писем,
Вечно бодрствующий призрак
С нюхом песьим, зреньем рысьим,
Оборотень черно-белый,
Та, кого уже с рожденья
Называют старой ведьмой,—
Словом, некая дуэнья
Так промолвила, взглянувши
Через переплет балконный
Вниз, где, испуская вздохи,
Ждал безденежный влюбленный:
«Стой, сыночек, хоть три года,
Плачь, вздыхай еще печальней,—
Понапрасну: слезы ценят
Разве что в исповедальне.

Коли к просьбам нет подмазки,
Ты не жди мягкосердечья:
Тары-бары без червонцев —
Тарабарское наречье.
Наделенный благородством,
Красотой, отвагой, силой,
Коль при всем при том ты беден —
Грош цена тебе, мой милый.
Не пеняй, что серенады
Остаются без ответа:
Сколь твои ни звонки песни,
Звонче звонкая монета.
Ты дерешься на дуэлях,
Чувства подтверждая кровью, —
Попусту! Доход с убитых —
Лишь судейскому сословью.
А подарками добудешь
Ты любую недотрогу:
Надо ставить обожанье
На коммерческую ногу.
Раньше верили в посулы,
В обещанья да в рассрочку,
А теперь иное время:
Деньги выложи на бочку.
Коль пусты твои карманы,
Принимай уж без протеста,
Что тебя не замечают,
Будто ты пустое место.
Неимущий — невидимка,
На манер бесплотной тени:
Как его заметишь, если
Ни даров, ни подношений?
Вот богач, куда ни ступит,
Сразу станет общим другом,
Перед ним все двери настежь,
Все и вся к его услугам.
Говорят, что я когда-то
И сама была девицей;
Но в дуэньях я мужчинам
За обиды мщу сторицей.
Я, чтоб насолить соседу,
Сделалась его женою;
Он скончался от удара,
Не поладивши со мною.

Вдовий я чепец надела
И, по милости господней,
Стала въедливой святошей
И достопочтенной сводней.
Вижу я в любви и дружбе
Только куплю и продажу,
Всех за деньги перессорю
И за деньги все улажу.
Рада я помочь влюбленным,
Но, понятно, не бесплатно.
Жалок мне вздыхатель нищий,—
С чем пришел — уйдет обратно.
Бог за слезы покаянья
В райские приимет кущи,
Но Мадрид слезам не верит,
Если плачет неимущий.
Спит сеньора. Полно клянчить!
Не надейся на подачку:
Причитанья голодранца
Девушек вгоняют в спячку».
Выслушал бедняк влюбленный
Речи пакостные эти,
И свое негодованье
Он излил в таком ответе:
«Ах, наемная ты кляча,
Скорпион ты плоскогрудый,
Чертова ты головешка,
Помесь Каина с Иудой!
Знаю я: тому, кто хочет
Совладать с нечистой силой,
Надобны священник с причтом,
Требник, ладан и кропило.
Вот вернусь я с крестным ходом,—
И от наших песнопений,
Словно рой гонимых бесов,
Сгинет сонмище дуэний».

ОТШЕЛЬНИЦА И ПИЛИГРИМ

«Ах, отшельница святая,
Ты, что в тишь уединенья
Скрылась от мирских соблазнов
Для молитвенного бденья!

Долгой истомлен дорогой,
Молит странник Христа ради:
Переночевать дозволь мне
Здесь в покое и прохладе».
И отшельница, услышав
Столь смиренное моленье,
Опустила очи долу
И рыгнула от смущенья.
«Ах, я вам сострадаю, отче,
В том порукой вседержитель!
Принимать вас недостойна
Жалкая моя обитель,
Но, коль вы проголодались
И утомлены дорогой,—
Не побрезгуйте, отец мой,
Этой хижиной убогой».
Вводит она гостя. В келье
Плеть, вериги, власяницы...
Странника за стол сажает,
Предлагает подкрепиться.
Есть козлятина, да только —
Ни полена дров в жилище.
Странник, постных яств отведав,
Возжелал скоромной пищи.
С шеи сняв полпуда четок,
Пламя он разжег такое,
Что на нем в одно мгновенье
Подрумянилось жаркое.
Но едва вкусил он мяса
И поджаристого сала,—
Бес в ребро ему ударил,
И монашья плоть взыграла.
После трапезы отменной
С богомольною черницей
За ее гостеприимство
Старец ей воздал сторицей.

ПОРТРЕТ КРАСАВИЦЫ

Я слепну, Марика,
Глядясь в твои очи:
Возможно ль не слепнуть,
Взирая на солнце?

Весь мир подчинен
Их победному взору,
Злой рок их бежит,
Им удача покорна.
Измены тебя
Не порочат, но красят:
Двуличная — дважды
Ты ликом прекрасна.
Богатому скряге
Твой рот подражает:
В нем столько жемчужин —
И нет подаянья.
Ланиты твои
Ароматную прелесть
Взаймы дать могли бы
Румяному лету.
Из кос твоих можно
Чеканить червонцы,
Ковать из кудрей
Золотые короны.
От пальцев исходит
Незримое пламя,
Сердца ледяные
Легко расплавляя.
Все ждут, все томимы
Надеждою страстной,
А я — я утратил
Недолгое счастье.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРВОГО ИЗ ЖЕНАТЫХ МУЖЧИН

Ты не жалуйся, не плачься,
Прародитель наш, Адам,—
Ведь жилось тебе вольготней,
Чем теперь живется нам.
Беззаботно, беспечально
От земных вкушал ты благ:
Не было портных, торговцев
И подобных им плутяг.
И тебе подругу жизни
Бог не всучивал, пока
Не пресытился ты вольным
Бытием холостяка.

Ты когда-то за супругу
Должен был ребро отдать,
Нашим женам ребер мало,
Семь бы шкур с мужей содрать.
Ты с женой своей законной
Спал спокойно по ночам,
Нынче, только муж задремлет,
Глядь — с женой другой Адам.
Ты не должен был касаться
Лишь запретного плода,
А у нас на всё запреты,
Хоть не суйся никуда.
В этот мир явилась Ева
Без мамаши, без отца,—
Стало быть, не знал и тещи
Ты по благости творца.
На змею ты в злой обиде,—
Дескать, в ней беда твоя,
Но поверь мне, прародитель:
Теща хуже, чем змея.
Та змея вас накормила,
Теща не змее чета:
Съела б вас она обоих —
И была бы не сыта.
Будь змеей не черт, а теща,
Сожрала б она весь рай,
От Эдема бы и фиги
Не осталось, так и знай.
Мудры змеи, но добавлю,
Змей отнюдь не понося,
Что еще мудрее тещи:
Теща знает все и вся.
Тещи подают советы
И зятьям своим твердят:
То не ешь, того не выпей! —
Мол, вино и пища — яд.
Теща зятю день скоромный
Превращает в день поста,
А сама телка обгложет
От рогов и до хвоста.
Так что ты на змей не сетуй,
Дорогой сеньор Адам,
Жребий твой не столь уж горек,
Как теперь ты видишь сам.

А сменять змею на тещу
Мог бы ты легко весьма:
Ведь охотников меняться
(И с приплатой) будет тьма.

Так взывал однажды некий
Долготерпеливый зять,
Умоляя провиденье
Тещу в рай скорее взfive.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Из всех национальных эпосов феодального средневековья наиболее цветущим и разнообразным является эпос французский. Он дошел до нас в виде поэм (общим числом около 90), из которых древнейшие сохранились в записях XII века, а наиболее поздние относятся к XIV веку. Поэмы эти именуются «жестами» (от французского «chansons de geste», что буквально значит «песни о деяниях» или «песни о подвигах»). Они имеют различный объем — от 1000— до 2000 стихов — и состоят из неравной длины (от 5 до 40 стихов) строф или «тирад», называемых также «лэссами» (laisses). Строки связаны между собой ассонансами, которые позднее, начиная с XIII века, сменяются точными рифмами. Поэмы эти предназначались для пения (или, точнее, декламации нараспев). Исполнителями этих поэм, а нередко и составителями их были жонглеры — странствующие певцы и музыканты.

«Песнь о Роланде», самая знаменитая из героических поэм французского средневековья, сохранилась в нескольких списках, из которых наиболее важны следующие:

1. Так называемый «Оксфордский вариант», о котором один из исследователей сказал, что «ценность его превышает ценность всех других редакций, вместе взятых». Эта рукопись, иногда обозначаемая Digby 23 (по имени ее владельца, завещавшего всю свою коллекцию древних манускриптов библиотеке Оксфордского университета), сделана примерно в середине XII века довольно тщательно англо-нормандским писцом с оригинала, диалект которого неясен, и дошла до нас в относительно хорошем состоянии. Она содержит 4002 ассонансированных стиха.

2. Венецианский ассонансированный текст по рукописи XIV века на французском языке с большой примесью итальянских слов и словесных формул: 6012 стихов.

3. Рифмованные тексты, представленные двумя группами рукописей: из Шатору и из библиотеки св. Марка в Венеции; из Парижской национальной библиотеки, из Муниципальной библиотеки г. Лиона и из библиотеки

Trinity College в Кембридже; в каждой более 800 стихов. Все это — обычные для зрелого и позднего средневековья переработки старых редакций поэм с тенденцией к «романтическому» развитию сюжета.

Сохранилось также несколько иноязычных переводов «Песни о Роланде», восходящих к французским подлинникам, непосредственно нам неизвестным; из них стоит упомянуть так называемую «Карламагнуссагу», прозаическую компиляцию нескольких французских эпических поэм, выполненную около 1240 года по повелению норвежского короля-просветителя Хакона V. Основой той ее части, которая соответствует «Песни о Роланде», послужила французская версия, довольно близкая к Оксфордской.

После многовекового забвения «Песнь о Роланде» была заново «открыта» в начале XIX века, в эпоху романтизма, для которого, как известно, был характерен интерес ко всему средневековому, «готическому».

Честь первого издания поэмы принадлежит французскому медиевисту Франсиску-Ксавье Мишелю (1809—1887), который наткнулся на Оксфордскую рукопись, разбирая старинные манускрипты, хранившиеся в библиотеке Оксфордского университета. Издание это вышло в Париже в 1837 году («La Chanson de Roland ou de Roncevaux», du XII siècle; publiée pour la première fois d'après le manuscript de la Bibliothèque Bodléienne d'Oxford, par F. Michel; «Песнь о Роланде, или Песнь о Ронсевальской битве», изданная Ф. Мишелем впервые по рукописи Бодлеянской библиотеки в Оксфорде). Критическое издание и перевод поэмы на современный французский язык осуществил в 1850 году Ф. Женен («La Chanson de Roland», poëme de Théroulde, texte critique accompagné d'une traduction et de notes, par F. Génin»; «Песнь о Роланде», поэма Турольда, критическое издание текста, перевод и примечания Ф. Женена»).

В последующие годы во Франции «Песнь о Роланде» издавалась множество раз и многократно переводилась на современный французский язык; особого внимания заслуживает факсимильное издание Оксфордской рукописи, вышедшее в 1932 году в Париже с историческими и палеографическими примечаниями Ш. Самарана.

Несколько слов о русских переводах поэмы. Наиболее старые из них принадлежат Б. Алмазову (М., 1868) и А. Чудинову (Пг., 1917). Первый из них — вольный пересказ на основе французского перевода, второй — также весьма свободное прозаическое переложение, не дающее никакого представления о поэтическом звучании и образной системе подлинника.

Наоборот, большого внимания и высокой оценки заслуживают два других перевода: первый из них, выполненный Ф. де ла Бартом, был опубликован в 1897 году и затем неоднократно переиздавался, а второй, принадлежащий перу ученого-филолога Б. И. Ярхо, вышел в 1934 году в издательстве «Academia».

Помещенный в данном томе перевод Ю. Б. Корнеева выполнен по одному из новейших изданий, точно воспроизводящих Оксфордский текст («Das altfranzösische Rolandslied nach der Oxforder Handschrift». Herausgegeben von

Alfons Hilka. Dritte verbesserte Ausgabe, besorgt von Gerhardt Rohlfs. Halle (Saale).

Этот перевод, впервые напечатанный в 1964 году в серии «Литературные памятники», основан на следующих принципах: он выполнен силлаботоническим стихом — белым пятистопным ямбом—с соблюдением системы ассонансов; имена собственные приближены к современному звучанию, за исключением княжеских, которые даны, согласно обычаю, в условной латинизированной форме (Карл,Людовик и т. п.); но главная задача, которую ставил перед собой переводчик,— это верно передать эмоциональное и смысловое содержание подлинника.

1. *Карл* — франкский король Карл Великий (768—814), коронованный в Риме в 800 г. императором Запада. Во время испанского похода императором он еще не был.

2. В 778 г. Карл Великий, имевший определенные политические и экономические интересы в северо-восточной Испании, вмешался во внутренние раздоры испанских мавров. Призванный на помощь Ибн аль-Араби, мусульманским властителем на севере страны, которого сместил кордовский халиф Абдеррахман, стремившийся создать в Испании самостоятельную мусульманскую державу, Карл предпринял поход в Испанию, приведший к созданию испанской марки (пограничная область до Эбро). Поход Карла Великого в Испанию продолжался не *семь лет*, а лишь несколько месяцев. Однако вполне возможно, что еще до сложения «Песни о Роланде» эти семь лет были уже заполнены какими-нибудь сказаниями о гибели Роланда и двенадцати пэров. Позже (в XIII в.) на итальянской почве (на смешанном франко-итальянском языке) появились поэмы, описывающие этот период: «Вступление в Испанию» (первые пять лет) и «Взятие Пампелуны» (последние два года).

3. *До моря* Карл в 778 г. не дошел; но его сын, будущий король Людовик Благочестивый, еще при жизни отца (801 г.) завоевал Барселону, расположенную у моря.

7. *Марсилий* — имя неясного происхождения, по форме скорее романское, чем арабское, быть может, вымышленное, а быть может, искажение имени Amoroz, как звали, согласно Эгинхару (IX в.), мавританского правителя Сарагосы, просившего Карла Великого помочь ему против эмира Кордовского Абдеррахмана.

8. Христианские проповедники старались изобразить магометан язычниками («нехристями», безбожниками). Отсюда — приписываемое им почитание античного бога Аполлона *(Аполлена)* и превращение Магомета, основателя мусульманской религии, в языческого бога.

9. В конце большинства тирад стоит *«аой!»*, которое до сих пор не нашло вполне удовлетворительного объяснения. В тех тирадах, где оно поставлено не на месте (иногда, например, в середине), следует видеть просто небрежность или ошибку последнего переписчика.

Существует несколько толкований этого «аой» («aoi»), из которых наиболее правдоподобны следующие: 1) «aoi» — нечто вроде припева, междометие, которое встречается также в эпической поэме «Алисканс»; 2) условное обозначение музыкальной модуляции saeculorum amen (во веки веков) или pax vobiscum (мир вам), воспроизводящее гласные этих слов. Это толкование менее правдоподобно, чем первое.

17. Под «Францией» в поэме разумеется то Иль-де-Франс, то все владения Карла. Эпитет «милая» принадлежит к числу «устойчивых эпитетов» и употребляется даже врагами Франции.

23. *Бланкандрен Вальфондский.*— Вальфонда — «Валье-Онда», город в северной Испании.

31. *Линялые соколы*— то есть те, которые уже вышли из периода линьки, считавшейся очень опасной болезнью для охотничьих птиц; они ценились много дороже, чем те, которым она еще предстояла.

46-а. Здесь и дальше строки, взятые в прямые скобки, интерполированы в Оксфордской редакции из других версий ради ясности или по иным соображениям.

49. *Французами* в этой поэме называются без различий то жители Франции в узком смысле слова, то подданные Карла вообще (вместе с жителями германских частей империи — баварцами, алеманами и проч.).

52. *Ахен* (с т а р о ф р а н ц. Aix, ныне Aix-la-Chapelle) — столица державы Карла Великого, который был похоронен в местном соборе.

53. *День святого Михаила*, который особенно чтился во Франции, до конца XI в. праздновался 29 сентября, позже — 16 октября.

63. *Балагет* — как полагают многие комментаторы, искажение названия города Балагер (в Сарагосской области).

63—68. Все имена мусульман здесь и далее — вымышлены. Характерно, что многие из них образованы от французского слова «mal»— «плохо», «дурно»: *Мальбьен*, *Мальприм* и т. д. *Приамон* — имя троянского царя Приама, случайно сюда попавшее.

71. В подлиннике Cordres (в венецианской рукописи — Cordoa) — Ко́рдова (город в южной Испании, с VIII в. до 1031 г. являвшийся столицей Испанского халифата) или же Cortes — местечко в северной Испании, в долине реки Эбро, между Туделой и Сарагосой. В пользу первого толкования, имеющего больше сторонников, чем второе, говорит то, что, по уверению хрониста Адемара де Шабанн, Карл Великий «владел всей землей, от Монто-Гаргано в Италии, до Кордовы в Испании». Но последнее сведение могло быть взято Адемаром из этого самого стиха «Песни о Роланде». Интересно, однако, что в «Песни о предательстве Гвенона», восходящей к более ранней форме «Песни о Роланде», чем Оксфордская, испанский город в этом месте назван не Кордовой, а Мориндой.

76. *Феод* — земельное владение, пожалованное сеньером вассалу под условием несения последним службы в том или ином виде.

90. *Сватильский король* — Сватилия — неизвестная страна. Венециан-

ский текст дает здесь: reis de Cecilia, то есть, вероятно, Сицилии. Последняя, действительно, была под властью арабов с 827 по 1061 г. Если так, то это архаическая черта, ибо в пору возникновения Оксфордского варианта Сицилия принадлежала уже норманнам, то есть была христианским государством.

104. *Роланд* — племянник Карла, один из пэров, пасынок Ганелона; историческим прототипом этого образа явился маркграф Бретонской марки Хруодланд, павший в бою с басками в 778 г. *Оливье* — нигде исторически не засвидетельствован. *Бароны* — здесь и дальше не титул, а название всех рыцарей, независимо от их титулов.

105. *Анcеис* — по-видимому, один из пэров; в других произведениях не упоминается (не следует его смешивать с героем позднейшего романа «Анседс Картахенский» (XIII в.), которого Карл сделал королем Испанским после смерти Роланда).

Самсон — один из пэров, бургундский герцог (дук), в других эпических поэмах не упоминаемый. *Пэры* — те из вассалов, которых сеньер считает себе равными.

106. *Жоффруа.*— Прототипом этого образа певцу (или редактору) «Песни о Роланде» послужил, очевидно, герцог Анжуйский Жоффруа I Гризгонель, несший королевское знамя в исторической битве при Суассоне (948 г.), как и его легендарный предок, упоминаемый в «Песни о Роланде». Некоторые ученые усмотрели в этом основание для того, чтобы утверждать особую связь «Песни о Роланде» с Анжу (или даже считать, что «Песнь о Роланде» возникла именно в этой провинции), ибо они толковали это место как лестный намек на старинные якобы притязания графов Анжу на наследственное звание королевского знаменосца. Однако для столь далеко идущих выводов приведенных фактов явно недостаточно.

108. *Жерен, Жерье* — неизвестные лица, парные имена. Трудно сказать, кто из перечисленных является пэром, а кто — нет.

117. *Седоволос он и седобород...*— Это описание Карла не соответствует исторической действительности, ибо в 778 г. ему было лишь тридцать шесть лет.

170. *Турпен-архиепископ* — епископ Реймский (753—794), лицо историческое; пользовался покровительством Карла Великого, но об участии его в походах ничего не известно. Вслед за «Песнью о Роланде» проник и в другие эпические поэмы.

Ожье — герой французского эпоса Ожье Датчанин; в эпопее «Подвиги Ожье» подробно рассказано о его враждебности к Карлу, а затем о его подвигах и заслугах перед Францией. Неизвестно, причисляется ли Ожье к пэрам.

171. *Ришар* — нормандский герцог Ришар I Старый (ум. в 996 г.). *Анри*, его племянник — неизвестен.

172. *Аселен* — неизвестен.

173—174. *Тибо из Реймса* и *Милон* — неизвестны.

198. *Коммибль* — название сильно искаженное; возможно, какая-нибудь деревня в северной Испании. Некоторые иноземные версии дают

здесь: Моринда. *Нопль* — Ноблехас близ Толедо (Тавернье) или Напаль близ Барбастро.

199. *Пина* — неизвестна. *Вальтерна* — сарацинский замок в 95 км от Сарагосы.

200. *Тудела* (Tuële) — город или селение между Ронсевалем и Сарагосой. *Севилья* — вероятно, Севиль, крепость в горах близ Барбастро.

208. *Базан, Базилий.*— Возможно, что существовало какое-то сказание о послах Карла Великого, осужденных язычниками на смерть. Во франко-итальянской поэме XIV в. «Взятие Пампелуны» говорится сначала о двух послах — Базане и Базилии, но затем появляется третий — Балдуин, который срывает с Марсилия корону, приносит ее Карлу и умирает у его ног. В других итальянских версиях встречаются несколько отклоняющиеся варианты сказания, что указывает на широкое его распространение.

209. *Альтилья* (и с п. altilla) — «возвышенность», «холм».

223. *Вам руки в руки, как вассал, вложить.*—Обряд принесения вассальной присяги сопровождался символическим актом: вассал, стоя на коленях, вкладывал свои руки в руки сеньера.

230. *Немон* (именит. пад. Naimes, косв. пад. Naimon) — вымышленный персонаж, тип мудрого советника.

346—347. У знаменитых воинов было в обычае давать личные имена своим мечам и коням. Имя меча Ганелона *Морглес* не поддается переводу. Имя его коня *Ташбрюн* означает «коричневый в яблоках».

371—372. Это неверно: Карл Великий ни *Апулии*, ни *Калабрии* никогда не покорял. На границах этих областей его власть кончалась. В Англию Карл Великий тоже никогда не вторгался.

373. *Петру святому дань* — ежегодный взнос по одному пенингу с «дыма» (жилья) в пользу папского престола (папа — наместник святого Петра); но налог этот был введен в Англии, конечно, не Карлом, а одним из англосаксонских королей.

385. *Он только что разграбил Каркасону.*— Каркасона — город в южной Франции. Существует средневековая латинская повесть «Деяния Карла Великого у Каркасоны и Нарбонна» (точно датировке не поддается), где Роланд завоевывает Сардинию (!) и Барселону, убивает сарацинских витязей Бальдрага и Тимиза и совершает еще ряд других подвигов. Марсилий спасается бегством, и стены Каркасоны падают перед Карлом.

386. *Яблок* — символ императорской власти («держава»).

408. Вплоть до XV в. Александрия была крупнейшей поставщицей ценных тканей в Западную Европу.

453. *Альгалиф* (букв.: «наместник пророка») — титул арабских государей. Но певец, видимо, совершенно не понимая этого слова, делает «альгалифа» дядей и вассалом мелкого арабского царька в Испании.

473—474. Это лживое заявление Ганелона было впоследствии истолковано как выражение действительного намерения Карла сделать Роланда королем Испании. Особенно это чувствуется в итальянских версиях легенды.

524. *Ему, как я слыхал, за двести лет.*— В устах Марсилия эти слова выражают не пренебрежение, а, наоборот, почтительное отношение к Карлу.

583. *Ущелье Сизы* (в древности Цезаревы ворота) — долина на северном склоне Пиренеев (со стороны Франции).

608. Останки святых (*мощи*) и другие реликвии высоко ценились как защита от смерти или ранения в бою; поэтому их часто вправляли в рукоятки мечей.

610. *Книга* — священная книга (Евангелие, Коран и т. п.), на которой в средние века обычно торжественно клялись. *Терваган.*— В жестах нередко встречается имя этого загадочного языческого божества, образующего вместе с «Аполленом» (Аполлоном) и «Маомом» (Магометом) триаду демонических существ, которым якобы поклонялись мусульмане. Мнения ученых относительно этого божества расходятся: А. Грегуар («L'étimologie de Tervagant», Mélanges d'histoire du théâtre du moyen Age. P., 1950, p. 67—74) возводит его к римской богине Diana Trivia (Геката, покровительница нечистой силы); Л. Шпицер («Tervagant», Romania, LXX. 1948—1949, p. 397—408) производит имя «Tervagant» от прилагательного «Terrificans» («устрашающий», «наводящий ужас»); Ш. Пелла («Mahom, Tervagant, Apollin», Actas del primer congresso de estudios arabes e islamicos. Madrid, 1964, p. 265—269) считает его искаженным арабским эпитетом, относящимся к Магомету и означающим «проклятый» или «губитель».

643. *Мальдуа* («находящийся на кривом пути») — казначей Марсилия.

662. *Гальна* — город, плохо поддающийся отождествлению; возможно, что нынешняя Хелса в 8 км от Сарагосы.

718—735. Вероятное значение пророческих снов Карла: обломки древка, взвивающиеся к небу,— души убитых героев, возносящиеся на небо; медведь — Марсилий; леопард — альгалиф; проворный пес — Роланд; ухо медведя — правая рука Марсилия.

764—765. Здесь певец вступает в противоречие с предыдущим: в ст. 333 Ганелон, принимая полномочия от Карла, роняет на землю не жезл, а перчатку, и в ст. 782 Роланд принимает не перчатку, а лук. Но еще важнее расхождение в тоне тирад LIX—LX. Дело не в том, что в первом случае в Роланде говорят радость и утонченность чувств (быть может, отчасти наигранные и насмешливые), а во втором — грубость и гнев: такое чередование могло бы еще иметь место. Но дело в том, что смена подобных чувств здесь лишена всякого блеска и изящества, свойственных речи Роланда, и ничем не отличается от грубой ругани. Отметим также, что эта вторая тирада отсутствует во всех других версиях, кроме Оксфордской. Если прибавить еще ошибку с перчаткой и жезлом, становится чрезвычайно вероятным предположение некоторых исследователей о том, что вся вторая тирада является интерполяцией.

792—801. Из перечисленных здесь лиц первые десять, включая Роланда, являются, очевидно, пэрами. Архиепископ Турпен, конечно, не может быть пэром, так же как и Готье де л'Он, называющий себя «вассалом» Роланда.

Однако если сравнивать перечень пэров с тем, который дан в ст. 2403—2410, то здесь не хватает Ивона и Ивория, гасконца Анжелье и Самсона; напротив, здесь добавлены Асторий и Гефье. Все это лучше всего объясняется множественностью сказителей, противоречивших друг другу.

795. *Атон, Асторий* — неизвестные лица.

797. *Жерар из Руссильона* — герой франко-провансальской эпической поэмы, граф Парижский, который был с 855 г. опекуном Карла, короля Прованса.

798. *Гефье* — вероятно, тождествен аквитанскому герцогу Вайфарию, с которым сражался отец Карла Великого Пипин Короткий (VIII в.), но потом помирился. См. также главу двадцать шестую второго тома «Дон-Кихота».

800. *Готье* де л'Он — неизвестен.

812. *Альмар Бельфернский* — лицо вымышленное.

849—850. Мы находим при дворе Марсилия удивительное смешение христианских титулов и званий (герцоги, графы, бароны) с арабскими (альгалиф, альмасор). *Альмасор* — искаженное Аль-Мансур, имя или, вернее, прозвище («Победоносный») хаджиба (министра, визиря) кордовского халифа Мухаммеда (939—1002), грозы христиан Испании, овладевшего Сантьяго-де-Компостела и другими твердынями Испании, но в конце концов потерпевшего сокрушительное поражение от соединенных сил королей Леона, Наварры и графа Кастилии при Калатаньясоре (998 г.). Имя Альмансор стало нарицательным для обозначения могучего арабского воителя в Испании.

856. *Серданья* (в подлиннике: tere Certeine, букв.: «известная земля»)— область в Испании, расположенная в долине реки Сегры.

870. *Асприйские горы* (Aspera vallis, букв: «трудная ложбина»)—Аспра, ныне Аспе, горный проход в Пиренеях. *Дюрестан* — неизвестен.

879. *Фальзарон* (от fals — «ложный», «лживый») — вымышленное имя; брат Марсилия.

886. Еще в VIII в. христиане, воевавшие с испанскими маврами, сталкивались с берберами. Роль последних особенно усилилась с середины XI в., когда кордовские халифы призвали из Африки на помощь против христиан фанатических альморавидов, принадлежавших к берберам (см. прим. на с. 625).

892. *Ронсеваль* — в настоящее время городок в Испании (Наварра) в долине, соединенной с Францией так называемыми Роландовыми Воротами.

909. *Мориана* — местечко в области верхнего течения реки Эбро, в северной Испании.

916. *Тортелоза* — обычно толкуется как Тортоза, городок в долине реки Эбро.

926. *Дюрандаль* — имя меча Роланда, происходящее либо от прилагательного «dur» — «твердый», либо от глагола «durer» — «быть прочным, устойчивым».

931. *Эскреми* — лицо вымышленное.

940—941. *Эсторган, Эстрамарен* — лица вымышленные.

955. *Маргари Севильский* — лицо вымышленное. Где находилась эта Севилья (имя, очень распространенное в испанской топонимике), неизвестно.

967. *Прим* — неизвестный городок (или область).

973. *Сен-Дени* — монастырь св. Дениса, считавшегося патроном Франции, и город в 9 км от Парижа, древняя усыпальница французских королей. Расположиться иноверцам на постой в монастыре значило осквернить его «святыню».

975. *Шернобль Монэгрский* — персонаж и место неизвестны, но по некоторым признакам можно думать, что певец имел в виду Эфиопию. Другие полагают, что Монэгр (Muneigre, Черная Долина) означает область близ Сарагосы.

979—982. Подражание пользовавшейся большой популярностью песни Давида на смерть Саула и Ионафана (Библия, Вторая Книга Царств, гл. I, ст. 21).

988. Меч побежденного переходил в собственность победителя.

997. *Вьеннский* — изготовленный в г. Вьенне на берегу реки Роны (Франция).

1014. *Злые песни.*—О существовании в каролингскую эпоху в дружинной среде насмешливых песен про трусов сохранились достоверные свидетельства.

1134. Средневековые эсхатологи различали разные степени посмертного блаженства: одной из высших было попасть после смерти в «вышний» рай.

1153. *Вельянтиф* — имя коня Роланда, образованное либо от глагола «veiller» — «бодрствовать» («бдительный», «недремлющий»), либо от прилагательных «vieil» — «старый» и «antif»— «древний», «дряхлый» в том смысле, в каком в наших былинах Илье Муромцу присваивается по виду совсем захудалый, но по своим качествам замечательный (верный, выносливый и т. п.) конь — «сивка-бурка, вещая Каурка».

1180. Боевой клич французов «Монжуа!» установился в XII в. Скорее всего, это восклицание французских паломников, которые испускали его с высоты Mons Gaudii («Гора радости», итал. название — Monte Mario), когда их взору впервые открывался Рим, цель их странствия. Объяснение этого клича в ст. 2505—2510 (см. прим. к ним: «Монжуа» будто бы от «Жуайёза») неправдоподобно и в лингвистическом отношении невозможно.

1215. *Авирон с Дафаном* — мятежники, которых, по библейскому преданию («Числа», XVI, 3—32), за неповиновение Моисею поглотила земля. Примесь книжных влияний порождает порою в «Песни о Роланде» самую причудливую и неожиданную фантастику.

1270. *Амирафль.*— Вероятнее всего это арабское «ал-модаффер» — «победитель». Не следует смешивать это слово с «amirail» (от арабск. «амир») — «эмир». Эти титулы напоминают «мурз-улановей» наших былин.

1363. *Альтеклер* («высокосветлый») — согласно поэме «Жирар Вианский», до Оливье этот меч принадлежал римскому императору Клозамонту, который потерял его в лесу. После того как меч был найден, его отдали папе,

но затем им завладел Пипин Короткий, отец Карла Великого, который подарил его одному своему вассалу; последний продал его еврею Иоахиму, ровеснику Понтия Пилата. Во время поединка с Роландом у Оливье ломается меч. Роланд разрешает ему послать в Виану за другим. Тогда Иоахим присылает ему Альтеклер, и поединок заканчивается миром. Ясен книжный характер этого предания и чуждость его народно-песенной традиции.

1380. *Пассесерф* — имя коня Жерье, буквально означающее: «перегоняющий оленя».

1392. *Юпитер.*— В средние века был обычай давать адским демонам имена античных богов.

1423—1435. Картина, очень близкая к картине светопреставления, как оно рисовалось ок. 1000 г., когда люди ждали наступления «конца света».

1428. *Ксантен* — город близ Кельна.

1429. *Безансон* — главный город провинции Франш-Конте. *Уиссан* — морская гавань близ Кале.

1443. «*Деяния франков*», на которые здесь и несколько раз дальше певец ссылается как на свой источник (см. ст. 684, 2095, 3263, 3742 и, может быть, 4002),— латинская или французская хроника, до нас не дошедшая. Но можно почти несомненно считать это вымыслом певца, желавшего такими ссылками, весьма обычными в средневековой поэзии, укрепить авторитет своего легендарного рассказа.

1470. Имя *Абим* (Abisme) буквально значит: «адская бездна».

1476. Возможно, что здесь имеются в виду сокровища монастыря св. Иакова Компостельского в Галисии (Санг-Яго де Компостела).

1488. *Гроссаль* — неизвестен.

1502. *Валь-Метас* — очевидно, вымышленная местность.

1503. *Галафр.*— Город Алеппо в средневековых латинских памятниках назывался Галапия, а властитель его— «адмиралом Галафа» или «Галафом». С другой стороны, в поэмах «Юность Карла Великого» и других Карл, принужденный бежать от преследования братьев, находит дружеский прием в Толедо со стороны «языческого царя» Галафра, дочь которого Галиена становится его невестой.

1528. *Климорен* — вымышленное имя.

1554. *Герцог Альфайенский* — то же.

1555. *Эскабаби* — то же.

1594. *Малькиан*, сын *Малькюда*—«Злонамеренный» и «Дурномыслящий», обычные для «Песни о Роланде» парные имена.

1597. *Сальтперту* — букв.: «потерянный (отчаянный) прыжок».

1614. *Каппадокия* — единственная область Малой Азии, известная певцу «Песни о Роланде», вероятно, в силу широкого распространения легенды о Георгии Победоносце, уроженце Каппадокии. *Грандоний*, *Капуэль* — вымышленные имена.

1702. *Олифан* — «Слоновая Кость», название Роландова рога.

1719—1721. Б. И. Ярхо по поводу этого места замечает: «Фраза построена

так, точно отношения между Роландом и Альдой уже хорошо известны слушателям. Почти невозможно предположить, что имя Альды произносится здесь впервые, как нечто только что выдуманное жонглером. Итак, позади «Песни о Роланде» стояла какая-то традиция, какое-то сказание, существовавшее до возникновения «Песни». Но какое? Старшие варианты не дают материала для разрешения этого вопроса: «Песнь о предательстве Гвенона» и «Хроника Лже-Турпена» вовсе не знают Альды; рукописи «Песни о Роланде» только развивают «смерть Альды», но умалчивают о праистории» [1].

До сих пор соображения Б. И. Ярхо вызывают наше безоговорочное согласие. Традиция должна была быть, и, со своей стороны, мы ее представляем себе в форме известных «ткацких песен» (девушка и «красавец герой», любящие друг друга) с их задушевностью и деликатным лаконизмом. Но когда Б. И. Ярхо пытается обнаружить (хотя и со всеми возможными оговорками) следы этой традиции в галантном романе Бертрана из Бара на Обе «Жирар Вианский» (конец XII в.), мы отказываемся за ним следовать, считая этот роман типичным новообразованием в духе сентиментально-психологических фантазий позднейшей эпохи [2]. Альда Бертрана — предтеча «прекрасной дамы, не знающей жалости», не имеющая ничего общего с архаической Альдой народной поэзии, как она нам рисуется. Не будем пытаться заглянуть за рамки нам известного, соединяя вещи несоединимые.

1775. *Нопль.*— Взятие Роландом Нопля (см. ст. 198) было, видимо, предметом особой песни. Подробно описана эта экспедиция как пример дерзкого самоуправства Роланда во франко-итальянской поэме Николая Падуанского «Вступление в Испанию» (XIII в.).

1843. Борода, выпущенная наружу, означала гордый вызов врагу (см. ст. 3122—3124 и 3520).

1856. *Святые цветы* (образ, восходящий к античному представлению о «Елисейских полях» или «Элизиуме») — луг блаженных, та часть рая (см. прим. к ст. 1134), пребывание в которой доставляет душам усопших наивысшее блаженство.

1890. *Ганьон* — букв.: «рычащий пес».

1891. *Бевон* — неизвестен.

1892. *Дижон* — главный город Бургундии. *Бон* — город в Бургундии.

1895. *Иворий и Ивон* — согласно франко-итальянской поэме «Взятие Пампелуны», сыновья герцога Немона.

1915. Как видно, владения альгалифа находятся в Африке: *Гармалья*— может быть, область племени гамара, жившего в XI в. в нынешнем Марокко; *Карфаген* — римская провинция на месте нынешнего Туниса; *Альфрер* — некоторыми толкуется как область племени бени-ифрен, в X в. занявшего Кайруан (в Тунисе).

---

[1] «Песнь о Роланде по Оксфордскому тексту». Перевод со старофранцузского,вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо. М.—Л., «Academia» 1934, с. 295.

[2] Подробнее об образе Альды у Бертрана из Бара на Обе см. там же.

2047—2048. *Маэльгю* (местность) и *Дроон* (лицо) — неизвестны.

2095—2097. Буквальный перевод: «Так гласит жеста, и тот, кто был на поле,— доблестный муж святой Эгидий, ради которого господь творит чудеса и (который) составил хартию в Ланском монастыре».

Святой Эгидий жил в Аквитании в VIII в. Но его житие, составленное в IX в., приводит его в связь с Карлом Великим; отсюда — удивительный анахронизм, делающий Эгидия очевидцем Ронсевальской битвы. Этот момент следует учесть при оценке ссылок певца на свидетельство «Деяний франков» (см. прим. к ст. 1443).

2209. *Рунерские долины* — неизвестны.

2230. *Арпан* — старофранцузская земельная мера (0,3—0,5 га). В разговорном языке слово «agrent» употребляется, кроме того, как синоним значительной, но неопределенной меры длины (ср. русское выражение «коломенская верста»).

2242. *Почил Турпен.*— Из этих слов должна явствовать апокрифичность «Хроники Лже-Турпена», в которой рассказ ведется от лица Турпена как свидетеля Ронсевальской битвы. Но певец вовсе и не заинтересован в том, чтобы отстаивать подлинность рассказа Турпена. Напротив, в половине случаев, когда он ссылается на «Деяния франков» (см. прим. к ст. 1443), он это делает, полемизируя против версии «Хроники Лже-Турпена».

2322—2332. Перечень Роландовых завоеваний говорит о плохом знании певцом истории Франции. Анжу, Пуату, Мэн, Прованс, Аквитания и Фландрия — наследственные владения Карла Великого, Ломбардия (бывшее королевство лангобардов) была завоевана им в 771 г. Бавария была окончательно покорена в 814 г. Нормандии как особого государства совсем не было: норманны заняли названную их именем часть северной Франции только в 912 г., то есть через сто лет после смерти Карла Великого. Интересно, что из всех названных земель лишь Нормандия снабжена почетным эпитетом «вольная»; очевидно, внимание к Нормандии объясняется местным патриотизмом певца (язык Оксфордской редакции близок к англонормандскому наречию). Бретани Карл не смог покорить, хотя успешно воевал с нею. Романьюон не захватил сам, а закрепил за папой. Саксов Карл действительно покорил после многочисленных войн. Покорение Венгрии, Польши (?), Болгарии, Англии, Шотландии, Уэльса, Ирландии и Константинополя — чистейшая фантазия.

2335. Судьба Дюрандаля остается неясной. Ответ дает «Карламагнуссага», черпающая, вероятно, из какого-нибудь французского источника. Карл посылает сначала одного, затем пять славнейших рыцарей, чтобы они взяли из рук мертвого Роланда и принесли меч ему. Они тянут меч, но рука Роланда не разжимается. Тогда Карл молится, и меч сам выпадает из руки. Карл снимает с меча рукоять ради заключенных в ней святых мощей, а клинок бросает в воду, «ибо он знал, что никто не достоин носить его после Роланда».

2373. *Граф правую перчатку ввысь вознес.*— Залог явки на службу или к месту поединка, который Роланд вручает богу, как своему небесному сеньеру.

2385. Эпизод из Евангелия от Иоанна, XI, 43—44.

2386. Эпизод из Библии, Книга Пророка Даниила, VI, 22.

2402—2409. Перечисление двенадцати пэров. Ср. ст. 792—800. Турпен в их число не входит.

2450—2459. Повторение чуда, совершенного богом для Иисуса Навина (Библия, Книга Иисуса Навина, X, 2).

2461. *Вальтенебра* — местность, не поддающаяся отождествлению.

2465. *Эбро* — река в северной Испании.

2501. *Жуайёз* — букв.: «радостный» (см. прим. к ст. 1180).

2503—2508. Во время Первого крестового похода было найдено предполагаемое «чудотворное» копье, которым был якобы прободен Христос, распятый на кресте. Тотчас же весь лагерь крестоносцев разделился на две партии — верящих в подлинность копья (южнофранцузская партия) и скептиков (нормандцы). Певец откликается здесь на этот спор, высказываясь за первых.

2510. Несмотря на тождество корня обоих слов, произойти одно из них от другого никак не могло (см. прим. к ст. 1180 и 2501).

2529—2554. Толкование первого вещего сна Карла не вызывает сомнений.

2555—2569. Толкование второго вещего сна (более туманного): на защиту первого медведя (Ганелона) встают тридцать его родичей, из них самый сильный (ст. 2564) — Пинабель, но против них выступает проворный пес (Тьерри), и между ним и медведем завязывается схватка с неясным исходом (ср. ст. 718—735).

2602. *Эмир* — Балиган.

2609. Здесь начинается «эпизод с Балиганом»— особая часть поэмы, добавленная к ней во время Первого крестового похода, на рубеже XI—XII вв.

2614. *Вавилон.*— Под этим названием разумеется не древний Вавилон (в Месопотамии), а Каир (Новый Вавилон) в Египте, резиденция султанов из династии Фатимидов (с 972 г.).

2616. Баснословная старость Балигана означает не его дряхлость, а почтенность. Стих любопытен и как свидетельство некоторой книжной учености жонглера, знакомого с именами античных поэтов.

2626. *Александрия.*— Владения Балигана находились в Египте.

2633. В средние века было распространено мнение, что драгоценные камни по ночам светятся. См., например, сербский эпос.

2641. *Марбриза и Марброза* (парные имена) — неизвестны.

2670. *Кларифан* и *Кларьен* — парные имена, очевидно, вымышленные.

2678. Горькая насмешка: у Марсилия правой кисти уже нет. Впрочем, может быть, это традиционное выражение, не имеющее реального смысла.

2687. При дворе Балигана господствуют те же рыцарские обычаи, что и у французов.

2710. *Дурной привет учтиво произносят.*— Послы приветствуют Марсилия и Брамимонду во имя языческих богов, поэтому их привет «дурной», хотя он и учтив.

2714—2715. Брамимонда в душе уже христианка.

2909. *Лан* при последних Каролингах (в конце IX — начале X в.) был столицей западной франкской державы наряду с Ахеном, еще не утратившим своего значения (см., например, ст. 2917).

2924. *Калиферн* — видимо, какая-то область в Азии, недалеко от Алеппо.

2991. *Геронский* — из города Хероны (Героны) в Каталонии.

2993. *Тансандор* («Резвый») — имя коня Карла Великого.

2994—2995. Намек на какое-то сказание, до нас не дошедшее, но, очевидно, известное слушателям.

2995. *Мальпален Нарбоннский* — неизвестен.

2998. Карл, как римский император, уповает в бою на помощь апостола Петра, патрона Рима.

3007. *Жозеран* — неизвестен.

3008. *Ансельм* — неизвестен.

3014. *Рабель, Гинеман* — неизвестны.

3027—3028. Баварцы и алеманы входили в состав имперского войска Карла Великого, но не могли быть в составе войска французских королей позднейших веков. Очевидно, мы имеем здесь архаическую черту.

3042. *Эрман*, фракийский герцог.— «Фракия» вызывает недоумение всех комментаторов.

3050. *Ришар Старый.*— См. прим. к ст. 171.

3056. *Одон* — неизвестен.

3057. *Невелон* — т о ж е.

3058. *Отон* — т о ж е.

3067. *Годсельм* — т о ж е.

3073. *Рембо, Амон Галисийский* — т о ж е.

3083. *Тьерри*, герцог Аргонский — неизвестен. Аргона, кстати, не была герцогством. Это ленное владение, входившее в состав графства Шампанского.

3093. *Жоффруа Анжуйский с орифламмой.*— О наследственном закреплении за графами Анжуйскими должности королевского знаменосца см. выше, прим. к ст. 106. Орифламма — первоначально знамя Римской империи (в христианскую эпоху) или города Рима. Оно было послано Карлу Великому папою Львом III. На мозаиках IX в. в церкви св. Иоанна на Латеране (в Риме) изображены два момента: 1) Карл Великий принимает из рук апостола Петра зеленое знамя города Рима или римских пап; 2) Христос вручает Карлу Великому алое знамя империи с крестом на древке.

Если название «орифламма» происходит от л а т. «aurea flamma»— «золотое пламя», то имеется в виду алое знамя империи. Капетинги стали называть свое знамя (стяг святого Дениса) орифламмою, возводя его к знамени Карла Великого. Ст. 3094 показывает, что певец знал о римском происхождении

орифламмы, хотя на деле она была в 1096 г. вручена брату французского короля, который был сделан знаменосцем христианских войск в войнах с исламом, и лишь в XI в. была утверждена Капетингами как французское государственное знамя.

3101—3102. Библия, Книга Пророка Ионы, II, 11.

3103. Там же, III, 1—9, где Иона в Ниневии (Ассирия) убеждает царя покаяться в грехах.

3104—3105. *Даниил.*— См. прим. к ст. 2386.

3106. *Три отрока.*— Библия, Книга Пророка Даниила, III: по приказанию царя Навуходоносора были брошены в раскаленную печь три отрока за отказ поклоняться золотому тельцу, но не погибли в ней. Подобное восхваление чудес, сотворенных богом в давние времена, было в ходу в средневековой эпической поэзии.

3146. *Пресьоз* — букв.: «драгоценный», название меча Балигана. Отсутствует в Оксфордской и восстановлено по другим рукописям.

3156. *Марколь Заморский* — имя, которое, быть может, восходит к имени Маркольф, слуга Соломона в восточных апокрифах (см. сказания о Китоврасе).

3176. *Мальприм* (так в Оксфордской; в других рукописях — Мальпрамис) — сын Балигана, образец рыцаря в западноевропейском духе.

3205. *Дапамор, князь лютических земель* — неизвестен. Лютичи — славянское племя, жившее между Одером, Балтийским морем и Эльбой (Померания). Карл Великий несколько раз воевал с ними. В X—XI вв. германские феодалы упорно стремились обратить лютичей в христианство, но лишь в XII в. это им удалось.

3208. *От Кайруана и по Маракеш.*— Кайруан — город в Тунисе, место паломничества мусульман. Маракеш — город в Марокко.

3211. *Флори* — неизвестен. Вся история с передачей земли не совсем понятна. Дальше наряду с подлинными именами народов перечисляется ряд фантастических племен, которыми певец в стиле всего эпизода с Балиганом, видимо, старается изумить слушателей.

3220. *Ботентротцы.*— Ботентрот — название горного прохода в Каппадокии, на сухом пути из Малой Азии в Палестину, приобретшего известность в Европе в эпоху крестовых походов (когда возник весь эпизод с Балиганом). Ботентрот рано подвергся смешению с Бутинтро на Эпирском побережье, напротив Корфу. В Бутинтро, согласно апокрифу, был в детстве воспитан Иуда Искариотский, занесенный туда морским течением.

3221. *Мейсины* — быть может, полабские славяне, жившие по верховьям Эльбы, или славянское племя мильчан (?).

3224. *Русы.*— В Венецианской рукописи на этом месте стоит «Ros», то есть «Русь» (!).

3225. *Боруссы* — прибалтийское племя.

3226. *Сорабы* — вероятно, сербы. *Сербы* — добавлены, может быть, для аллитерации.

3227. *Армяне и мавры* — в их обычном этническом смысле.

3228. *Иерихонские жители* (?). — Возможно, это лишь библейская формула.

3229. *Негры* — вероятно, в общепринятом смысле.

3230. *Курды* — в тексте «гросы»; обе попытки истолковать их как курдов и как грузин сомнительны.

3231. *Балида* — возможно, город Балис в Сирии (?).

3238. *Хананеи* — семиты, жившие в Малой Азии (известны из Библии).

3241. *Печенеги* — служили наемниками у византийских императоров, потому стали известны в эпоху крестовых походов.

3242. *Авары* — племя, в VI в. заселявшее земли по Дону и Каспийскому морю; в VII в. заняли территорию нынешней Венгрии, опустошая земли соседей, в начале IX в. были разбиты Карлом Великим и оттеснены им за Дунай и Тиссу. *Сольтерницы.* — Возможно, что это искажение слова, означающего «саранча» (?).

3243. *Угличи* — может быть, славянское племя угличей.

3244. *Самуила племя.* — Существует два маловероятных толкования: 1) прибалтийское племя, жители Самланда, то есть области вокруг нынешнего Калининграда; 2) болгары, названные так по имени (искаженному) их царя Самуиала.

3245. *Прусы* (Bruise) — вызвали два толкования: 1) пруссы — прибалтийское племя, населявшее нынешнюю Пруссию; 2) жители Бруссы (в Малой Азии).

3246. *Оксианская степь* — может быть, местности по берегам Амударьи.

3253. *Мальпрозцы* — неизвестны.

3254. *Гунны.* — О них, как и о *венграх*, в это время существовали лишь весьма смутные представления.

3255—3257. *Бальдиза, вальпенозцы* (Валь-Пеноза — «Долина страданий»), *эгли*, *Мароза* — неизвестны.

3258. *Ливы.* — Допускают два толкования: 1) ливы — финское племя, жившее в нынешней Латвии (Лифляндии); 2) ляхи, то есть поляки. *Атримонцы* — неизвестное племя.

3259. *Аргойльцы.* — Допускают два толкования: 1) древнее население Гаскони; 2) жители города Эргели (в древности — Гераклеи) в Малой Азии. *Кларбонцы* — неизвестны.

3295. *Эмир кричит: «За мною, род проклятый!»* — Характерная для эпического стиля наивность: Балиган называет своих бойцов обидной кличкой, данной им христианами.

3297. *Олоферн* — Алеппо.

3312—3313. *Флоредся*, *Валь-Севре* — неизвестны.

3474. *Баски* — реальные противники франков в Ронсевальской битве; здесь упоминаются вскользь.

3518. *Энфры* — неизвестны.

3546. Многие издатели считают этот стих интерполированным, а следующий затем подвиг приписывают Жоффруа.

3665. Отрицая божественную власть языческих богов, христиане признавали за ними колдовскую силу и способность совершать «ложные чудеса» при помощи чародейства.

3675. Начиная с тирады CCLXVI все рукописи значительно расходятся с Оксфордской и дают усложненную развязку. Главные дополнения ее:

1. Карл возвращается в Ронсеваль и молится за усопших. Происходят чудеса: небесный свет озаряет долину, ангелы уносят души героев, из могил вырастают зеленые рябины (это последнее чудо есть и в «Хронике Лже-Турпена»).

2. Карл строит на поле битвы монастырь.

3. Карл переходит Пиренеи и отправляет гонцов, чтобы вызвать Жирара Вианского с его племянницей Альдой и свою сестру Гислу, мать Роланда.

4. Ганелону удается бежать, однако Одон вовремя его настигает. Добрый конь предупреждает Ганелона об опасности. Происходит бой Ганелона с Одоном. Ганелон вскакивает на коня противника и снова убегает. Одон настигает его. Происходит новый бой. Появляются новые рыцари, и Ганелона приводят в лагерь.

5. Приезжает Альда. От нее скрывают несчастье и даже устраивают в лагере ложное веселье. Наконец, она узнает истину и умирает.

6. Гондребеф Фризский вызывает Ганелона на поединок, но тот снова убегает, и его опять ловят.

7. Бой Пинабеля с Тьерри.

8. Очень развита сцена суда, во время которого бароны предлагают казни одна другой страшнее и, наконец, останавливаются на четвертовании.

Весь рассказ пересыпан однообразными молитвами и другими длиннотами.

3683. *Нарбона.*— Думают, что здесь имеется в виду не Нарбонн у Средиземного моря, а баскское местечко Арбона близ Биаррица.

3686. Духовенство базилики св. Северина с XI в. хвалилось тем, что в этом храме хранится подлинный Олифан.

3689. *Бле* — город в Сентонже, близ устья реки Жиронды.

3694. *Поручен он господним именам.*— Во многих молитвах для вящей их действенности старались называть возможно большее количество имен божества,— прием, восходящий к магии. Одну из таких молитв и прочли над героями.

3742—3748. Сеньер не мог сам судить своего вассала, который подлежал «суду равных» (пэров). Карл мог выступить лишь как обвинитель Ганелона, но не как его судья. *Сильвестров день* — 31 декабря.

3783. *Соранса* — может быть, Сарранса в Пиренеях.

3818. Певец продолжает возвеличение Анжуйского дома (см. прим. к ст. 106).

3995—3996. *Бирская страна*, *Энф*, *Вивьен* — отождествлению не поддаются.

4002. Последняя строка «Песни о Роланде» загадочна, ибо допускает множество толкований ввиду двусмысленности почти каждого ее слова (кроме «ci»— «здесь»).

Допустимы следующие ее толкования: «Здесь (на этом) кончаются (обрываются, ускользают от нас, иссякают) «деяния» (историческое сочинение, книга, повесть, песнь), которые слагает (сочиняет, перелагает с латинского на французский, перерабатывает) Турольд (или: «потому, что Турольд утомился, выбился из сил, ослабел»,— возможен и такой смысл)». Итак, Турольд принимал какое-то участие в создании, сложении текста «Песни о Роланде», но мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем с полной достоверностью, участвовал ли он в создании канвы «Песни о Роланде», которую затем тот, кого мы называем «певцом», словесно оформил, или же, напротив, этот Турольд был переписчиком, изнемогшим от своего труда, изготовителем жонглерского списка, с помощью которого жонглер подкреплял свою память.

Исследователи немало потрудились, пытаясь отождествить Турольда с каким-либо историческим лицом. Выяснилось, что имя Турольд было достаточно распространенным в XI—XII вв. в зоне французского языка, но особенно в районе англонормандского наречия, то есть в державе Плантагенетов, преимущественно в клерикальной среде. Среди всех этих Турольдов были найдены три Турольда, более или менее подходящие к роли нашего Турольда; 1) бенедиктинец из феканского монастыря, который был назначен в 1066 г. аббатом Малмсберийским; 2) капеллан английских королей (ум. в 30-х годах XII в.); 3) нормандский священник, пришедший из Испании в 1128 г.. Учитывая степень распространенности имени Турольд в ту эпоху, пусть читатель судит сам о степени вероятия каждого из этих кандидатов.

А. Смирнов

КОРОНОВАНИЕ ЛЮДОВИКА

«Коронование Людовика» — одна из жест, входящих в группу старофранцузских героических поэм, именуемую по традиции «циклом Гарена де Монглана». Традиция эта восходит к труверу Бертрану из Бара на Обе, который в начале XIII века разделил все известные ему жесты на три цикла: один из них повествует о жизни и деяниях Карла Великого (так называемый королевский цикл), во втором описываются подвиги вымышленного героя Гарена де Монглана, а третий объединен именем Доона де Майанс (Майнцского), непокорного феодала, постоянно враждующего то с королем, то со своими соседями.

Центральное место в эпопее о роде Гарена де Монглана занимает маркграф Гильом д'Оранж, правнук Гарена: ему посвящено восемь из двадцати

четырех поэм этого цикла. Гильом воплощает доблести и добродетели идеального вассала, бескорыстно и верно служащего слабовольному и неблагодарному королю, который неспособен своими силами обеспечить целостность государства и оградить подданных от набегов сарацин и бесчинств собственных вассалов. Шесть из этих восьми поэм («Юность Гильома», «Песнь о Гильоме, или Алисканс», «Коронование Людовика», «Нимская телега», «Взятие Оранжа» и «Монашество Гильома») являются чем-то вроде довольно связной «романизированной биографии» героя.

По мнению большинства современных ученых, «Коронование Людовика» следует считать не только ядром «подцикла», посвященного Гильому, но и самой древней и во многих отношениях самой интересной частью эпопеи о роде де Монглана. Поэма делится (опять-таки по традиции) на пять эпизодов, или «ветвей», неравной длины. Первая «ветвь» (ст. 1—271) содержит описание коронации Людовика в Ахене; вторая (ст. 272—1449) повествует об осаде Рима сарацинами и о победе Гильома над исполином Корсольтом; в третьей (ст. 1450—2225) говорится о том, как Гильому удалось расправиться с мятежными феодалами; четвертая (ст. 2226—2648) рассказывает о сражении с Гугоном Немецким, захватившим Рим; в пятой (ст. 2649—2695) Гильому снова приходится усмирять непокорных вассалов Людовика.

В прошлом веке считалось, что первоначально эти «ветви» были самостоятельными песнями, сложенными в эпоху Каролингов разными авторами под влиянием различных исторических событий, а дошедший до нас текст «Коронования» является результатом слияния этих песен в единое целое. Такой точки зрения придерживался, например, Э. Ланглуа, один из первых исследователей и издателей «Коронования». Он обратил внимание на то, что в тексте поэмы существует немало неувязок и противоречий, наличие которых он объяснял механическим «сцеплением» воедино нескольких ранних сказаний. Действительно, в начале второго эпизода говорится, что Гильом отправляется в Рим, чтобы испросить отпущение грехов у папы, забывая о том, что папа в это время находится в Ахене, где только что свершилась церемония коронования. Далее, разгромив сарацин под стенами Рима, Гильом спешит на помощь Людовику,— но не в Ахен, как следовало бы ожидать, исходя из содержания первого эпизода, а в Париж, куда внезапно переносится столица. Перечисление подобных противоречий можно было бы продолжить, однако, по справедливому утверждению виднейшего французского медиевиста Ж. Бедье, все они свидетельствуют не о различных истоках каждого из эпизодов, а о специфически средневековой логике построения художественных произведений, вполне допускавшей такого рода неувязки. Вспомним хотя бы то место из «Коронования Людовика», где папа ведет переговоры с вождями сарацин у самых стен Рима, хотя из контекста поэмы явствует, что те находятся в Капуе, то есть на значительном расстоянии от Вечного города.

В первом томе своих «Эпических легенд» (1908) Ж. Бедье убедительно доказал художественное единство и композиционную целостность поэмы, созданной, по его мнению, одним автором в середине XII века на основе на-

родного сказания, бытовавшего в виде небольшой по объему героической песни. Позднее было высказано предположение, что этой первоначальной песнью является первый эпизод «Нимской телеги», в котором содержится краткое описание подвигов Гильома, составляющих сюжет «Коронования», однако предположение это до сих пор остается лишь любопытной гипотезой.

Кем был автор поэмы? Имя его, разумеется, неизвестно, однако личное самосознание поэта достаточно явственно выражено в первых лэссах поэмы, являющихся чем-то вроде вполне осознанного авторского вступления. Он, несомненно, знал латынь: об этом свидетельствуют разбросанные по всей поэме прямые и косвенные цитаты из Библии, а также из каролингских хроник. Эта достаточно высокая книжная культура не позволяет считать его простым жонглером, хотя из ряда «авторских ремарок» (см., например, ст. 313—314 и примечание к ним) явствует, что он исполнял поэму перед слушателями. Он мог быть клириком или, по крайней мере, иметь какое-то отношение к монастырской среде, однако иногда в тексте поэмы проскальзывают иронические нотки, отнюдь не говорящие об излишнем почтении автора к духовному сословию (ст. 387—399). С другой стороны, детальное знакомство с рыцарским бытом, подробное описание вооружения, боевых приемов, всякого рода церемоний и ритуалов, свидетельствует о том, что он был «своим человеком» среди феодалов.

Таким образом, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что автор «Коронования», какова бы ни была его социальная принадлежность, был выразителем идеалов всего феодального общества в целом, что вдохновение его носило общенациональный характер, что ему, как и автору «Слова о полку Игореве», были близки радости и невзгоды всех тогдашних сословий — от крупных сеньеров и клириков до горожан и даже вилланов.

Несколько слов о времени создания поэмы. Верхней границей датировки можно считать 1173 год, когда была составлена так называемая «Книга св. Иакова» — пятитомная компиляция, повествующая о житии св. Иакова Компостельского, покровителя Испании. Пятый том этого сочинения является своего рода «путеводителем» к месту погребения апостола — местечку Сантьяго-де-Компостела, на северо-западе Испании, в Галисии, куда во множестве стекались паломники из всех стран Западной Европы. В одной из глав этого тома упоминается монастырь Желлона, где покоится прах св. Гильома; паломникам, идущим в Сантьяго-де-Компостела по Тулузской дороге, советуют посетить этот монастырь и поклониться мощам святого воителя, освободившего от сарацин Ним и Оранж.

Попытку установления нижней границы предпринял голландский ученый Р. ван Ваард. Он установил интересную и довольно убедительную взаимосвязь между описанным в поэме коронованием Людовика Благочестивого в Ахене в 813 году и сходной церемонией, которая состоялась в 1131 году в Реймсе, когда король Людовик VI Толстый сделал своим соправителем своего сына Людовика VII Младшего. Эта церемония должна была предотвратить волнения, нередко возникавшие во времена первых Капетингов при смене

монархов. Р. ван Ваард считает, что совпадения между обстоятельствами обеих церемоний (присутствие в Реймсе папы, несовершеннолетие наследника, которому едва исполнилось одиннадцать лет) не могут быть объяснены простой случайностью. Подобный интерес к деталям коронования мог быть актуальным только в промежутке между 1131 и 1137 годами, то есть между годом коронации Людовика Младшего и годом смерти Людовика Толстого. Именно этот промежуток и является, по мнению голландского ученого, нижней границей датировки поэмы. Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что «Коронование Людовика», в той форме, в какой оно дошло до нас, было создано приблизительно в середине XII века: не раньше тридцатых его годов и не позже шестидесятых; именно такого мнения придерживается большинство современных исследователей данного произведения.

До нас дошло восемь манускриптов, содержащих, целиком или в отрывках, текст «Коронования Людовика». Пять из них хранится в Парижской национальной библиотеке и по одному — в Британском музее, библиотеке Тривульци в Милане и муниципальной библиотеке г. Булонь-сюр-Мер. Впервые внимание на эту поэму обратил в 1840 году французский ученый Полен Парис, посвятивший ей статью в многотомной «Истории французской литературы» (т. XXII, с. 481—488). Первое критическое издание текста выпустил голландский специалист по французской средневековой литературе В.-Й. Йонкблут («Guillaume d'Orange», chansons de geste de XI et XII siècles, v. I, La Haye, 1854—1867). Второе критическое издание, опирающееся на все известные рукописи «Коронования», подготовил Э. Ланглуа («Le couronnément de Louis», chanson de geste du XII siècle. Editée par Ernest Langlois, P., 1888). Эта публикация, не утратившая своей научной ценности по сию пору, была с незначительными изменениями переиздана в 1920 году. По этому изданию и был выполнен предлагаемый русскому читателю перевод Ю. Корнеева.

6. *Услышьте ж, как Людовик сел на трон...*— Начальные лэссы, непосредственно посвященные коронованию Людовика, свидетельствуют о знакомстве автора поэмы с хрониками, отражающими это событие, в частности, с «Жизнеописанием Карла Великого» Эгинхара и «Жизнеописанием Людовика Благочестивого» Тегана: в ряде мест поэт почти дословно следует тексту хронистов, перелагая в стихи целые абзацы их сочинений.

Тем более удивительна смелость, с которой он как здесь, так и в остальных частях поэмы перекраивает исторические факты, стремясь придать своему рассказу наибольшую живость и драматичность. Хроники сообщают, что в 813 г., предчувствуя скорую кончину, Карл Великий действительно короновал Людовика в Ахенской капелле, сделав его своим соправителем. Однако обряд коронования не был омрачен ни одним их тех происшествий, о которых говорится в поэме. Людовик, бывший, кстати сказать, не пятнадцатилетним подростком а тридцатипятилетним мужчиной, принял венец безо всяких колебаний. Папа римский в торжествах не участвовал; не было в Ахенской капелле ни Эрнеиса Орлеанского (он вообще неизвестен как историческое лицо),

ни графа Гильома Тулузского (о нем см. ниже); не могло быть, следовательно, и никакой стычки между ними.

В поэме все переиначено: спокойное и суховатое описание официальной церемонии заменяется в ней чередованием напряженных ситуаций, каждая из которых обусловлена столкновением резко противопоставленных друг другу персонажей. В зачине поэмы участвуют четыре основных действующих лица: Карл, Людовик, Эрнеис, Гильом. Безвольный Людовик, который пятится от предназначенной ему короны, не решаясь взять на себя ответственность за судьбы империи, вызывает гнев и презрение Карла, идеального государя, могучего воина и опытного политика. В свою очередь, Карл, при всей своей многомудрости, готов поддаться на уловку пронырливого краснобая Эрнеиса, стремящегося всеми правдами и неправдами пробраться к власти. Коварному Эрнеису противостоит решительный, преданный и прозорливый Гильом, который без труда разгадывает его подлинные намерения, ударом кулака расправляется с зарвавшимся интриганом, а затем без проволочек возлагает корону на голову Людовика. Все эти эффектные, стремительно следующие одна за другой сцены, являются, по мнению ряда исследователей, примером вполне сознательной «романизации» истории, а не результатом пассивного перерастания истории в легенду.

7. *И что свершил Гильом Короткий Нос...*— Наиболее вероятным прототипом Гильома д'Оранжа является барон Гильом, которого Карл Великий сделал графом Тулузским и, по существу, наместником Южной Франции. Этот исторический Гильом прославился своими воинскими подвигами, в частности — подавлением восстания басков, сражением с маврами при Орбье в 793 г. и взятием Барселоны (803 г.). В 806 г. удалился в основанный им самим монастырь Желлону, где и умер в 812 г.

12. *Бог, девяносто девять царств создавший...*— Здесь налицо характерное для эпоса, да и вообще для всех фольклорных жанров, манипулирование «священными», «магическими» числами (у индоевропейцев это — тройка, четверка и их производные, у китайцев — тройка и пятерка и т. д.). Кроме того, автору поэмы, несомненно, были знакомы библейские тексты, где упомянуто число «девяносто девять»: «Аврам же был девяноста девяти лет, и Господь явился Авраму...» (Бытие, XVII, 1); «...на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». (Евангелие от Луки, XV, 7) и т. д.

13. *Над ними всеми Францию поставил...*— Во второй лэссе с особой отчетливостью выражен патриотический пафос, пронизывающий всю поэму. Франция — страна, избранная богом, лучшее из царств на свете. Понятие о «богоизбранной» стране также восходит к Библии.

Употребленное во французском оригинале этого стиха выражение «douce France» («милая Франция») заимствовано из «Песни о Роланде» и, по всей вероятности, призвано подчеркнуть связь между жестами так называемого «королевского цикла», то есть поэмами, повествующими о жизни и деяниях Карла Великого, и циклом Гильома д'Оранжа.

17—19. *Он покорил и немцев и баварцев...*— Перечисление народов, подвластных Карлу Великому, почерпнутое из упомянутого выше «Жизнеописания» Эгинхара, говорит о том, что в сознании автора поэмы Франция середины XII в. продолжает отождествляться с огромной империей Карла, хотя к тому времени эта империя давно уже распалась на десятки самостоятельных и полусамостоятельных феодальных государств.

27. *Карл в Ахене капеллу освятил...*— Сохранившаяся доныне капелла в Ахене, резиденции Карла Великого, сооруженная зодчим Одо из Меца, была закончена и освящена в 805 г., то есть за несколько лет до того, как в ней свершился обряд коронования Людовика.

75. *Жиронда* — морской залив на западном побережье Франции, образуемый общим устьем рек Гаронны и Дордони.

95. *Ему мы лучше темя острижем...*—То есть заставим принять постриг, сделаем клириком. В клирики шли обычно младшие сыновья феодалов, которым не приходилось рассчитывать на получение наследства.

125—127. *Он зарубить лжеца решил мечом, // Да вспомнил вдруг, что заповедал бог: // Убийство— смертный грех перед творцом.*— На самом деле Гильом не решается обнажить оружие вовсе не потому, что считает грехом убийство коварного врага, а потому, что пролитие крови в церковных стенах рассматривалось как святотатство.

197—198. *Ведь коль французов недруг разобьет, // Нормандцы скажут, сын, тебе в укор...*— Одно из многочисленных в поэме свидетельств антинормандской настроенности автора. Нормандцы, во главе с герцогом Ришаром, изображаются в ней непокорными вассалами, вечно готовыми взбунтоваться против короля и тем самым поставить под угрозу целостность всего государства. См. ниже ст. 1396—1402.

206—207. *В советники тебе виллан не гож, // Им быть не гож ни стражник, ни прево...*— Виллан — в феодальной Франции крестьянин, лично свободный, но зависимый от сеньера в качестве держателя земли. В контексте поэмы данное слово звучит так же, как звучало бы русское «холоп» или «смерд». Прево—должностное лицо, которому король поручал ведение судебных дел; судейство рассматривалось как доходная статья королевской казны, и поэтому должность прево нередко отдавалась на откуп. Таким образом, Карл предостерегает сына от общения с прево-лихоимцами.

232. *Пасть там во прах перед святым Петром.*— То есть поклониться собору св. Петра в Риме и получить отпущение грехов у наместника св. Петра — римского папы.

249. *Гильом Железная Рука* (Guillaume Le Bras de Fer) — одно из прозвищ героя поэмы, данное ему за необыкновенную физическую силу.

270. *На Сен-Бернаре сильно притомился...*— Сен-Бернар — горный хребет и перевал через него, отделяющий Западные Альпы от Средних. На самом перевале расположен знаменитый монастырь, основанный в 926 г. Бернардом Ментонским.

277—278. *Оруженосцы верные кряхтят: // Щит и копье господ тащить — не сласть.* — Полный набор рыцарского вооружения уже в XI в. весил немало: одна из сцен знаменитого «Ковра из Байе», вышитого женой Вильгельма Завоевателя, изображает двух оруженосцев, согнувшихся под тяжестью несомых ими доспехов. Помимо собственного оружия (два меча и два шлема), им приходится тащить пластинчатый панцирь вместе с поддевавшимся под него стеганым кафтаном, а также меч с ножнами, шлем и копье своего господина.

289. *И видит сон, в нем пробудивший страх...* — Описание вещих снов — мотив, характерный для эпической поэзии вообще: вспомним хотя бы вещий сон Святослава из «Слова о полку Игореве». Ср. также сны Карла Великого из «Песни о Роланде» (ст. 718—735).

290. *Со стороны Руси идет пожар...* — Здесь славяне отождествляются с язычниками, а те, в свою очередь, с сарацинами. В так называемом «эпизоде с Балиганом» из «Песни о Роланде» (ст. 2609—3657) перечисляется ряд славянских племен, якобы входивших в полчище сарацинского исполина Балигана.

301. *Эмир Корсольт* — вымышленный персонаж, одновременно устрашающий и гротескный, нечто вроде «Идолища поганого» русских былин. Подобные персонажи, наделенные чудовищной силой и омерзительным обличием, внушающие ужас и отвращение, нередки в жестах: достаточно упомянуть волосатого Шернобля Монэгрского («Песнь о Роланде», тирада LXXVIII) или Фальзарона, брата Марсилия (тирады LXX, XCIV). Однако автор «Коронования Людовика» идет дальше своих предшественников: он наделяет Корсольта чертами титана-богоборца. Не удивительно, что язычник представляется христианину божьим супостатом. Но изображение личной вражды между Корсольтом и богом свидетельствует о смелой творческой фантазии автора поэмы, в какой-то мере предвосхищающей образы Данте, Мильтона и Байрона. Корсольт жаждет отомстить богу, убившему его отца не в честном поединке, как подобает рыцарю, а метнув в него молнию с недоступных небесных высот. Поскольку бог недосягаем, Корсольт решает мстить его «вассалам» — христианам: «Их истреблять я буду в этой жизни, // Коль в небе дать не властен богу битву» (ст. 534—535).

По мнению Ф.-М. Уоррена («The giant Corsolt». Modern Philology, XXVIII, 1930—1931, p. 467—468), имя этого великана связано с названием местечка Corseult (ныне департамент Кот-дю-Нор, близ Динана), где находятся развалины римских строений, считавшихся в эпоху раннего средневековья делом рук «сарацинских исполинов».

303. *Капуя* — древний, основанный еще этрусками, укрепленный город в Южной Италии. В 841 г. был взят сарацинами и полностью ими разрушен.

304. *Король Гефье к неверным в плен попал.* — Можно предположить, что прототипом этого вымышленного персонажа является реальное историческое лицо — Гефье III, князь Салерно, отстоявший свой город от мусульман в 871—873 гг. лишь благодаря помощи Людовика II Немецкого. Вероятно, в народной традиции стерся последний эпизод защиты Салерно, а сохранилась лишь память о намерении Гефье сдать город «нехристям».

Другим историческим событием, так или иначе отразившимся в эпизоде с Корсольтом, является осада Рима сарацинами в 846 г. Однако реальный Гильом Тулузский не мог участвовать ни в освобождении Салерно, ни в обороне Рима: ведь он, как говорилось выше, скончался в 812 г.

313—314. *О чем мы позже поведем рассказ, // Коль скупы не окажетесь вы к нам.*— Весьма прозрачный намек на то, что профессиональные жонглеры, обычно небогатые люди, исполняли жесты не за «спасибо», а нуждались в реальном вознаграждении со стороны слушателей и, не получив такового, могли прервать свой рассказ на самом интересном месте.

318—319. *Сложил свои доспехи на алтарь...*— Гильом как бы просит взаймы божью благодать под залог оружия: бог ему поможет, а он расплатится добычей.

320. *Увидел там наместника Христа...*— То есть папу римского.

366. *Пускай господь // Ума и живота лишит того,// Кто королю такую весть пошлет!*— Бертрана беспокоит судьба гонца, которого Гильом решил отправить за подкреплением к малолетнему и немощному Людовику: тот мог казнить посланника, принесшего недобрую весть. Ср. «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина: «Как услышал царь-отец, // Что донес ему гонец, // В гневе начал он чудесить // И гонца хотел повесить».

390. *Вам можно будет мясо есть вседневно...*— Известно, что крестоносцы, отправлявшиеся на «отвоевание гроба господня», нередко получали от церкви отпущение еще не совершенных ими грехов. Однако Гильом, идеальный рыцарь и благочестивый христианин, не может, разумеется, воспользоваться той неограниченной свободой, которую обещает ему папа в случае победы над сарацинами. Несомненен иронический и в какой-то мере антиклерикальный оттенок этого эпизода: посулы перепуганного папы призваны подчеркнуть превосходство рыцарской морали над не заслуживающим похвалы поведением духовного пастыря, готового поступиться догмами церкви ради собственного спасения.

393. *За исключеньем разве что измены...*— Нелишне напомнить, что и Данте считал измену тягчайшим из грехов, и в самом центре своей преисподней, в ледяной бездне Джудекке, поместил трех предателей — Иуду, Брута и Кассия, которых терзает Люцифер.

411. *Червленый щит повешен им на шею...*— Щит, треугольный, овальный или круглый (вошедший в употребление в эпоху крестовых походов), обычно висел на специальной перевязи за спиной рыцаря; во время боя его перебрасывали вперед, продевая левую руку в специальные петли с тыльной стороны щита (ср. ст. 1125). Червленый — красный.

464—465. *Рим, город ваш, достался мне от предков, // Меж коих Ромул был и Юлий Цезарь...*— Утверждение Галафра аналогично рассказам некоторых средневековых хронистов о происхождении того или иного народа. Сарацины (или турки) связывались с Троей, а через нее — с Римом в силу того, что к середине XII в. им удалось овладеть большей частью Малой Азии.

471. *Хоть дай мне все богатства Карфагена.*— По всей вероятности, имеется в виду не древний Карфаген, давным-давно разрушенный римлянами, а принадлежавший в ту пору сарацинам богатый испанский город Картахена, именуемый также Новым Карфагеном. Картахена упоминается и ниже, в ст. 2027.

475. *Чтоб ты, на ком колпак широк не в меру...*— Галафр называет «колпаком» папскую тиару.

547. *Да этот турок, видно, одержимый!* — Папа устрашен кощунственными словами Корсольта, чудовищно звучащими даже в устах «нехристя», наместник св. Петра недоумевает, почему господь не покарал на месте этого нечестивца.

548. *...клянусь святым Денисом!* — Святой Денис — первый архиепископ Парижа, святой покровитель Франции; жил в III в. В VIII в. король Дагобер основал на его могиле знаменитый монастырь Сен-Дени, базилика которого вплоть до конца XVIII в. служила усыпальницей французских монархов.

564. *Живи Роланд и Оливье доныне...*— Далее перечисляются двенадцать пэров Карла Великого, знакомые читателю из «Песни о Роланде»; впрочем, этот перечень не совсем совпадает с аналогичными перечислениями в «Песни о Роланде», в которой не упомянут «Млад-Манессье».

599. *Обереги* — амулеты; в данном случае — кресты, отлитые из золотого реликвария, в котором хранилась десница св. Петра.

600—601. *...за победу над Корсольтом диким //Граф лишь пустячным заплатил убытком.*— В этих стихах предваряется один из эпизодов предстоящего поединка (ст. 1040—1041).

622. *Кагю и Магомету грош цена.*— Здесь к имени Магомета (или Маома), образующего вместе с Аполленом (Аполлоном) и Терваганом триаду демонических существ, которым якобы поклонялись мусульмане, прибавлено четвертое имя — Кагю. Что оно означает и каково его происхождение — неизвестно.

661. *Сенешаль* — управитель дворца средневекового феодала.

689. *О помощи воззвал к царю небес.*—Молитва Гильома (ст. 695—789), представляющая из себя спрессованное до предела изложение основных эпизодов Книги Бытия и Нового завета с вкрапленными в него мотивами из апокрифических сочинений и житий святых, свидетельствует о незаурядной начитанности поэта. Анализируя эту часть поэмы, некоторые исследователи склонялись к мысли, что ее автор был клириком или, в крайнем случае, мирянином, получившим образование в монастыре.

692—693. *...на заре, // Когда чинить нам черт не в силах вред.*—Считалось, что нечистая сила исчезает с первыми криками петуха или первыми проблесками рассвета.

701. *На яблоко лишь наложил запрет.*— Библейский текст (Бытие, II, 16—17; III, 1—17) обходит молчанием природу таинственного «древа познания добра и зла», плоды которого господь запретил вкушать Адаму и Еве. Яблоней оно стало только в народной традиции, но традиция эта настолько

укоренилась в сознании людей, что поэты и живописцы средних веков и Возрождения неизменно изображали змея, искушающего Адама и Еву именно яблоком.

707. *Убит был Авель Каином затем...*—Первое на земле убийство (и братоубийство) рассматривается церковным преданием как закономерное следствие грехопадения Адама и Евы, ослушавшихся господа и вкусивших запретный плод.

718—719. *Произошла от Ноевых детей // Та наимилосердная из дев...*— то есть дева Мария, богородица.

723—724. *...город Вифлеем // Избрал ты, боже, родиной своей...*— Согласно Евангелию, Мария и ее муж Иосиф отправились из Назарета в Вифлеем (совр. Бейт-Лахм), город к югу от Иерусалима, чтобы принять участие в переписи, проводимой в Палестине по приказанию императора Августа; там и родился Иисус Христос.

726—727. *Там первое содеял из чудес — // Анастасии руки дал...* — Канонические Евангелия не упоминают об этом чуде, которое Иисус якобы совершил еще во чреве матери; автор поэмы черпает сведения о нем из апокрифических, то есть не признанных официальной церковью, сочинений о жизни Христа.

729—730. *...смирну, ладан, с золотом ларец // В подарок получил от трех царей...*— Речь идет о дарах трех царей — волхвов, пришедших с Востока поклониться Иисусу. Они поднесли ему смирну (благовоние, употреблявшееся при богослужениях) как богу, ладан как человеку, и золото как царю.

731. *...покинули твой хлев...*— В Евангелии от Луки (II, 7) говорится, что Мария родила сына в яслях (хлеву), потому что «не было им места в гостинице».

734. *...тридцать тысяч неповинных жертв.*— Волхвы предсказали Ироду, что рожденный в Вифлееме младенец станет «царем Иудейским»; поэтому он «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Евангелие от Матфея, II, 16).

740. *...взнес тебя на кровлю храма бес.*— Намек на одно из трех искушений, которым подвергся Христос во время своего сорокадневного поста в пустыне.

747. *Симон-прокаженный* — евангельский персонаж, в доме которого неоднократно останавливался Христос.

756. *Чеканенных в Мафусаилов век...*— По апокрифическим легендам, предательство Иуды было предопределено от «начала времен». Мафусаил — один из «праотцев человеческих», упоминаемый в Книге Бытия; «век Мафусаила» — седая древность.

768. *Сотник Лонгин* — римский воин, участвовавший в казни Христа; впоследствии стал ревностным христианином.

775. *Иосиф.*— Имеется в виду Иосиф Аримафейский, тайный ученик Христа, испросивший у римских властей позволения похоронить его тело.

776. *Никодим* — богатый фарисей, ставший после смерти Христа проповедником его учения.

778. *...погребен в скале...*— В древней Палестине, да и вообще на Древнем Востоке, могилы нередко вырубались в скалах.

780. *Спустился в ад...*— Сошествие во ад не описано в канонических Евангелиях и восходит к апокрифам, однако изображения Христа, изводящего из преисподней заключенных в нее ветхозаветных праведников (начиная с Адама), были широко распространены в средневековой иконографии.

800. *Эмир вскричал: «Ты не в своем уме».*— Далее следует традиционная перебранка противников перед поединком.

830. *Славян и сарацин громит везде.*— См. прим. к ст. 290.

847—848. *Магомет, как каждому известно, // спервоначалу был к Христу привержен...* — Поразительное утверждение, согласно которому Магомет был первоначально христианином, при всей своей нелепости, свидетельствует о некоторой осведомленности автора в мусульманской теологии: в Коране около двадцати раз упоминается Иисус (Иса); но о нем говорится не как о богочеловеке, а как о предпоследнем из великих пророков, непосредственном предшественнике Магомета.

957. *Лот* — один из персонажей Ветхого завета.

979. *Адам из персти вылеплен тобой...*— Книга Бытия (II, 7) гласит, что бог создал первого человека из «персти», то есть земного праха.

986. *...ты вверг их в ад, в бездонный Баратрон...*— Этимология слова «Баратрон» неясна. Возможно, что оно происходит от глагола «baratter»,— «пахтать»; в таком случае мучения грешников, ввергнутых в ад, сравниваются с процессом пахтания, который осуществлялся при помощи тяжелого деревянного песта (baratton) в конусовидном чане (baratte).

987. *Где воет Вельзевул, Нерон ревет.*— Автор помещает в преисподнюю известного своими злодеяниями Нерона, подобно тому как Данте описывает терзаемых в Джудекке Люцифером предателей—Иуду, Брута и Кассия.

1001. *И на тебя донес, себе во зло.*— После смерти Христа Иуда повесился, мучимый раскаянием.

1014. *Неронов луг блюсти поставлен Петр...* — Луг Нерона (Pré Noiron, от лат. Pratum Neronis) — Ватиканский холм, папская резиденция в Риме. Когда-то здесь находился построенный Нероном цирк, в котором выступал сам император, мнивший себя великим актером. Интересно заметить, что в оригинале имя Нерона явно перекликается со словом «черный» (noir).

1015. *Его сподвижник Павел — обращен...*— Апостол Павел, бывший первоначально яростным противником христианства, обратился в эту веру после того, как ему явился Христос.

1016. *Иона рыбам не пошел на корм...*— Ветхозаветный пророк Иона был поглощен огромной рыбой (или китом), но затем извергнут на сушу. В истории пророка Ионы средневековая теология видела прообраз нисхождения Христа во ад. Ср. сходное выражение в молитве Карла Великого («Песнь о Роланде», лэсса CCXXV).

1017. *От голода излечен Симеон...*—Скорее всего, речь идет о христианском аскете Симеоне Столпнике (356—459).

1018. *И Даниил спасен во рву от львов...* — Пророк Даниил, брошенный в ров со львами по приказанию персидского царя Кира, пробыл там шесть дней, но звери не тронули его. Ср. сходное выражение в молитве Карла Великого («Песнь о Роланде», лэсса CCXXV).

1019. *И кару Симон-маг понес за ложь...*— В «Деяниях апостолов» (VIII, 9—24) говорится о «волхве» Симоне, который предложил апостолам Петру и Иоанну денег, с тем чтобы они открыли ему тайну «получения даров святого духа», но был отвергнут и наказан апостолами.

1020—1021. *А Моисею видеть довелось, // Как куст горел, не становясь углем.*— Бог явился ветхозаветному пророку Моисею в виде горящего, но не сгорающего тернового куста («неопалимой купины») и говорил с ним из пламени (Исход, III, 2—5).

1036. *Пришпорил арагонца своего...*— В Испании в средние века разводили специальную породу лошадей, способных нести тяжеловооруженного рыцаря.

1038. *И рассекло кольчужный капюшон...*— Под шлем надевался сплетенный из мелких стальных колец наглавник, иногда заменявший самый шлем.

1040—1041. *...кончик носа отрубило прочь, чем и дразнили рыцаря потом.*— В средние века (и в России вплоть до XVIII в.) преступников нередко наказывали, вырывая им ноздри. Так что, нанося Гильому незначительную рану, Корсольт наносит ему тяжкое оскорбление. Помимо того, несомненен комический характер данного эпизода.

1049. *Жуайёз* («Радостный») — меч Карла Великого, отданный им Гильому.

1118. *В куски подшлемник плотный изорвал...*— Чтобы предохранить голову от контузии в случае прямого удара, к шлему изнутри прикреплялся конусовидный подшлемник из плотной ткани (чаще всего — войлока), благодаря которому череп соприкасался со шлемом только по нижнему его краю.

1149. *...все богатства Монпелье...*— Монпелье, город и порт на юге Франции, известный своим медицинским факультетом, основанным в XII в. арабскими врачами, изгнанными из Испании, был в XII-XV вв. крупнейшим центром торговли драгоценными металлами. Статут Лионского монетного двора (1274) предусматривал чеканку монеты преимущественно из золота и серебра, ввозимых из Монпелье.

1163. *Берри* — старинная провинция в центральной Франции с центром в г. Бурже. Французские короли неоднократно давали Берри в пожизненное владение кому-нибудь из своих младших детей или братьев.

1167. *Всяк стремя подержать ему был рад.*— То есть выразить свое почтение. Ср. начало пушкинского вольного переложения эпизода из романа Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе»: «Альфонс садится на коня; // Ему хозяин держит стремя».

1179—1180. *Тем, кто влечет паломников сюда, // Клянусь...*— Гильом клянется св. Петром.

1210. *Полегче у него стал всадник ныне.*— Раньше Алион носил исполина Корсольта, у которого, как помнит читатель, «меж глаз умещалось пол-локтя».

1293. *Тут воду принесли...*—для омовения рук после еды. Обычай этот распространился в Западной Европе со времен первых крестовых походов.

1318. *Себя измазал песьей кровью...*— чтобы сарацины решили, что Галафр изранен в битве с христианами.

1399—1400. *И сана королевского для сына // Ришар Руанский хитростью добился.*— Ришар Руанский, именуемый также Ришаром Рыжим и Ришаром Старым,— заклятый враг Людовика и Гильома. Возможно, что его историческим прототипом послужил нормандский герцог Ришар I (943—996).

1423. *Чей не Галафр, а я местоблюститель.*— Гильом напоминает папе, что владыкой Рима является император Людовик, и только он, а не сам Гильом, вправе оставлять там наместника.

1433. *Забыл Орабль невесты новой ради...*— В поэме «Юность Гильома» рассказывается о том, как Гильом, будучи еще подростком, заочно влюбился в принцессу Орабль, жену сарацинского правителя Оранжа. Брак Гильома и Орабль, которая стала христианкой и приняла имя Гибор, описывается в относящейся к тому же циклу жесте «Взятие Оранжа».

1449. *Бри* — историческая область в междуречье Сены и Луары; входила в состав Иль-де-Франс.

1458. *Тур-де-Сен-Мартен* — монастырь в г. Туре, основанный одним из популярнейших во Франции святых — Мартином Турским (316—400).

1463—1464. *Изменников... // Ришар Руанский на мятеж подбил...*— Город Тур никогда не был ареной событий, хотя бы отдаленно напоминающих те, о которых говорится в данной части поэмы. Ни один из королей Франции никогда не был заключен в монастырь св. Мартина Турского, и ни Гильому, ни еще какому-либо герою не приходилось мчаться из Рима ему на помощь. Однако автору поэмы, достаточно начитанному, как мы видели, человеку, было небезызвестно, что последние Каролинги и первые Капетинги должны были постоянно сражаться с мятежными вассалами. Он знал, что слабое королевство нуждалось в защитниках. Именно этот общий исторический фон и послужил ему основой для создания эпизода, в котором описывается расправа Гильома с восставшими нормандскими баронами.

1499. *Алори* — предки изменника Ришара.

1603. *...натянул перчатку на десницу...* — с тем, чтобы потом бросить ее Ришару в знак вызова.

1619. *Готье Туделец* — в остальной части текста он именуется Готье Тулузцем. Тудела — город на северо-востоке Испании, в Наварре.

1660. *Пуатье* — главный город графства и провинции Пуату, на западе Франции.

1668. *Плесси* — город неподалеку от Тура.

1796. *...все богатства Авалона.*— Авалон — известный еще из кельтских преданий мифический остров в Атлантическом океане, «страна блаженных», куда якобы удалился легендарный король Артур.

1915. *Венец Ришар, отец твой, не наденет.*— Авторская неувязка: ведь короноваться собирается не Ришар, а сам Аселен, к которому обращены слова Гильома.

1935. *Из тына вырвал... кол...*— Предатель Аселен заслуживает позорной смерти и потому гибнет не от меча, а от «мужицкого» оружия — жерди, выдернутой из частокола.

1936. *Монжуа* — боевой клич французов; впервые засвидетельствован в 1119 г. в битве между французами и нормандцами. В ст. 2505—2510 «Песни о Роланде» приводится наивное этимологическое истолкование этого слова («Монжуа» от «Жуайёз» — названия меча Карла Великого).

1994—1995. *Будет здесь король // Надежнее храним, чем наш патрон.*— То есть Людовика будут почитать в монастыре так же, как почитают св. Мартина Турского.

2022. *У Амармонда королевство отнял...*— Завоевание Бордо, которым правит мифический король Амармонд, является таким же вымыслом, как и упоминавшееся выше (ст. 1983—2012) усмирение Пуату.

2026—2027. *...под Пьерелатом он в сраженье // Взял верх над Дагобером Карфагенским...* — Поэт продолжает описание вымышленных подвигов Гильома. Пьерелат.— Возможно, имеется в виду город Перелада на склоне Восточных Пиренеев.

2032. *Достиг ворот Сен-Жиля поутру...*— Сен-Жиль — городок в устье Роны, основанный, по преданию, в VII в. святым Жилем (латинская форма его имени — Aegidius, Эгидий). Центр паломничества и, в эпоху крестовых походов, значительный порт, откуда крестоносцы отплывали в Палестину.

2036. *Жюльен, который правил в том краю...*— Еще один вымышленный персонаж.

2050. *Мон-Сен-Мишель* — монастырь на одноименном скалистом островке у берегов Нормандии, где, по преданию, в 706 г. верующим явился архангел Михаил. Вплоть до настоящего времени остается местом паломничества ревностных католиков.

2052. *Котантен* — полуостров на северо-западе Франции, ограниченный бухтой Сены, заливом Сен-Мало и проливом Ла-Манш.

2085. *Денница* — здесь: утренняя звезда, Венера.

2086. *Чащи лионские* («Bois de lion», букв.: «Львиный лес») до сих пор существуют неподалеку от г. Дезанделис, в Нормандии.

2242—2243. *...собрал Гугон Немецкий рать // И приступом твердыни Рима взял.*— По мнению ряда исследователей, реальным прототипом Гугона мог быть князь Сполето Гвидо III, один из правнуков Карла Великого. В 888 г. он оспаривал корону германской империи у Эда, графа Парижского; в том же году овладел Римом; в 889 г., после смерти Эда, был провозглашен королем, а в 891 — германским императором. Таким образом, и в этом случае реаль-

ный Гильом, умерший в начале IX в., не мог принять участия в войне с узурпатором.

2379. *Пускай сидит в Париже или Шартре...*— Шартр, наряду с Парижем и Ланом, был одним из городов королевского домена и одной из резиденций французского короля.

2413. *В свой горностай уткнулся и заплакал.*— Королевские мантии шились из белых горностаевых шкурок.

2433. *А вот французов ваших в грош не ставлю.*—Гильом, сын графа Нарбоннского, может не считать себя французом в узком смысле этого слова (то есть жителем области Иль-де-Франс).

2442. *Палатин* — титул феодала, имеющего придворную должность.

2453. *Абилан* — неизвестен.

2575. *Безан* (или безант) — золотая монета византийской чеканки. Вплоть до начала крестовых походов Византия была единственной страной, поставлявшей золотую монету на европейский рынок.

2618. *Взял Клиневана в повод...*— Ранее автор не сообщал кличку коня, принадлежавшего Гугону. Конь побежденного в единоборстве соперника считался законной добычей победителя.

2656. *Монтрей-сюр-Мер*— город на крайнем севере Франции, на берегу пролива Па-де-Кале.

2688. *Донжон* — главная, самая высокая башня феодального замка, служившая последним укрытием в случае нападения неприятеля.

2695. *Но позабыл его заслуги вскоре.*— Последний стих «Коронования Людовика» служит как бы прологом к следующей поэме данного цикла — «Нимской телеге».

НИМСКАЯ ТЕЛЕГА

«Нимская телега» является непосредственным продолжением «Коронования Людовика» в ряду жест, посвященных подвигам Гильома д'Оранжа. Главное стилистическое различие между обеими поэмами заключается в обилии комических положений и деталей, содержащихся в тексте «Нимской телеги», хотя многие из этих деталей, несомненно, вызывавшие смех у средневековых слушателей поэмы, уже не кажутся смешными современному ее читателю. Автор «Нимской телеги» не щеголяет знаниями, почерпнутыми из книг, и не пытается, подобно своему предшественнику, увязать повествование с действительными историческими фактами; его рассказ в некоторых отношениях ближе к озорной сказке, чем к героическому эпосу. Некоторые эпизоды поэмы наводят на мысль о намеренном «снижении» героической патетики, о шутовском обыгрывании торжественных сцен: таково, например, перечисление кухонной утвари в XXVII лэссе, немыслимое ни в «Песни о Роланде», ни в «Короновании Людовика»; таковы речи Гильома, объясняющего мусульманским владыкам Нима, откуда у него появился шрам на носу.

Автор «Нимской телеги», так же как и автор «Коронования Людовика»,

неизвестен. В.-Й. Йонкблут, опираясь на две строки из принадлежащего Парижской национальной библиотеке манускрипта 24369—24370, пытался приписать авторство жесты некоему жонглеру Жерому, но в настоящее время большинство исследователей отвергает его предположение.

Относительно датировки поэмы существуют разные мнения: одни ученые относят время ее создания к 1135—1140 годам, другие — к 1160—1165 годам, третьи, как говорилось в примечаниях к «Коронованию Людовика», считают если не всю поэму, то хотя бы ее начальные лэссы наиболее древней частью всего цикла Гарена де Монглана. Приведем гипотезу Ж. Фраппье, изложенную в его работе о цикле Гильома д'Оранжа. Фраппье обращает внимание на упоминаемый в XLVI лэссе «Крак, который древней ярмаркою славен», и вкратце излагает историю этого укрепленного города, отвоеванного в 1110 году у сарацин. В 1142 году граф Раймонд Трипольский уступил его ордену Госпитальеров, а те превратили Крак в крупный торговый центр, в котором устраивались ежегодные ярмарки, привлекавшие купцов со всех сторон света. Таким образом, заключает Фраппье, говорить о «древней ярмарке» в Краке можно было только спустя хотя бы четверть века после ее основания, то есть в 60—70-е годы XII века. Примерно к этому времени и нужно отнести создание «Нимской телеги».

Текст «Нимской телеги» содержится в тех же манускриптах, что и текст «Коронования Людовика». Первое критическое издание поэмы, вкупе с остальными жестами данного цикла, осуществил В.-Й. Йонкблут в уже упомянутом нами выше (см. с. 607) гаагском трехтомнике. Парижский манускрипт 774 (с учетом остальных рукописей) лег в основу издания, подготовленного французским медиевистом Ж.-Л. Перрье. По этому изданию («Le charroi de Nimes, chanson de geste du XII siècle», éditée par J.-L. Perrier, P., 1931) и выполнен настоящий перевод.

5. *Маркграф*—во Франкском государстве VIII—IX вв.—правитель пограничной области, марки. Позднее — владетель феодального княжества, имеющий равные с герцогами права.

6—7. *В Ним на простой телеге въехал он, // Оранжем с бою овладел потом...*— В первом из этих стихов предвосхищается сюжет настоящей жесты, во втором содержится намек на следующую часть эпопеи о Гильоме — «Взятие Оранжа» («La prise d'Orange», ок. 1150 г.), где рассказывается, как, победив короля Тибо, владевшего Оранжем, Гильом женится на его вдове, которая крестится и принимает христианское имя Гибор. Кстати сказать, именно так звали жену исторического Гильома.

22. *Лук заболонный* — то есть сделанный из цельного ствола, очищенного от коры. Заболонь — наружный, лежащий непосредственно под корой слой древесины.

23—24. *С ним скачут сорок юных удальцов из графских и из княжеских родов...*— Обычай отдавать знатных юношей и девушек на воспитание к чужим дворам был характерен для средних веков.

28. *Малый мост* (Petit Pont) — мост, соединявший остров Сите, где находился королевский дворец, с левым берегом Сены.

55—56. ... *пбножи долой//Слетают с добрых кордовских сапог.*—Кордова еще во времена мусульманского владычества славилась своими изделиями из кожи. Кордовская кожа упоминается ниже в числе товаров, которые якобы привез в Ним переодевшийся купцом Гильом.

88—89. ... *так долго ждать не в силах // Столь молодой, как я, и бедный рыцарь...*—Характерный для ироикомического стиля всей поэмы пример шутовского самоуничижения.

98. ...*Письмом Гефье Сполетский обещал...*— Вероятно, имеется в виду тот самый Гефье, князь Солерно, который фигурировал в «Короновании Людовика» (ст. 304). По-видимому, в устном предании он превратился в Гефье Сполетского (не смешивать с герцогом Гефье, который упоминается в «Песни о Роланде», ст. 798).

144—147. *Обрубок к месту я прижал рукой...*— В «Короновании Людовика» об этом не говорится; там, как помнит читатель, Гильом так и остался без кончика носа.

153. Лэсса шестая — краткий пересказ предыдущей жесты, однако здесь Гильом описывает свои подвиги не в том порядке, в каком они изложены в «Короновании Людовика». Некоторые исследователи видят свидетельство своеобразного психологизма поэмы именно в этой непоследовательности: она как нельзя лучше передает гнев и негодование, которыми охвачен Гильом.

170. *В монастыре Марии из Магдалы...*— Имеется в виду Ахенская капелла, где происходит коронование. Ж. Фраппье считает, что имя Марии из Магдалы, блудницы, ставшей преданнейшей ученицей Христа, употреблено здесь просто для ассонанса.

178. *Пред папою и сонмом патриархов...*— Как говорилось в примечаниях к «Коронованию Людовика», ни папа, ни тем более патриархи, то есть главы самостоятельных восточных церквей, не присутствовали при реальной коронации Людовика в Ахене в 813 г.

189. *Всех растолкал, кол заостренный поднял...*— «Кол», мужицкое орудие в руках сеньера, подчеркивает комический характер эпизода.

193. *Ришар Старый* — нормандский герцог, участник заговора против Людовика; подробнее о нем говорится в предыдущей поэме цикла.

203. *Гугон Немецкий.*— См. прим. к «Коронованию Людовика», ст. 2242.

213. *Король, забыл ты про войну с Отоном.*— Отон — персонаж вымышленный, не имеющий ничего общего с германскими императорами, носившими это имя.

215. *Фризы* — германское племя, обитавшее в междуречье Эмса и Везера и в теперешней Голландии; входило в состав империи Карла Великого.

451. *А также Тортелозу с Порпайаром...*— Тортелоза.— См. прим. к ст. 916 «Песни о Роланде». Порпайар, часто упоминаемый в цикле о Гильоме, соответствует, по мнению одних специалистов, местечку Pagus Palliarensis, неподалеку от г. Лерида на северо-востоке Испании; другие считают его

искаженным названием «Portus Balearis», в котором отразились воспоминания о захвате графом Гильомом Балеарских островов (799 г.).

494. *Вальсур (*и *Вальсор)* — воображаемые города, захваченные сарацинами.

515. *Там правят Дераме и Мюргале...*— Дераме — вымышленный сарацинский царь Кордовы; его вторжение во Францию и победа над ним Гильома описаны в поэмах того же цикла «Песнь о Гильоме» (нач. XII в.) и «Алисканс» (ок. 1165 г.). Об именах мусульманских владык см. прим. к ст. 63—68 «Песни о Роланде».

548. *Был я в Михайлов день на богомолье...*— См. прим. к ст. 53 «Песни о Роланде».

570. *И вижу я окрест неверных толпы...*— Сарацины занимали Ним дважды — в 719 г. и 737 г.; город был окончательно отвоеван у мусульман в 738 г. Карлом Мартеллом и с тех пор подвергался лишь случайным набегам, наиболее значительный из которых произошел в 793 г. Таким образом, ни исторический Гильом, ни какой-либо другой французский полководец не изгонял сарацин из Нима, и весь сюжет «Нимской телеги» является литературным вымыслом.

595. *Двух отпрысков Бернара де Бребан: // Один звался Гелен, другой— Бертран...*— Подробнее об этих героях говорится в следующей поэме цикла — «Взятие Оранжа».

678. *Тут в тронный зал старик Эмон явился...*— Эмон (или Аймон) и его четыре сына — герои весьма популярной в средневековой Франции поэмы «Четыре сына Эмона» или «Рено де Монтобан» (конец XII в.). Советскому читателю эта поэма знакома по вольному переложению отрывка из нее, сделанному О. Э. Мандельштамом («Стихотворения». Л., 1973, с. 233—235), и по навеянной ее мотивами пьесе Э. Клоссона «Действо о четырех сыновьях Аймона» («Восемь бельгийских пьес», перевод Ю. Стефанова). М., 1975, с. 267—358.

765—766. *Скажу вам, что везут передовые:// Распятья, дароносицы и ризы...*— Всеми исследователями жесты подчеркивается наивный комизм этого отрывка, в котором подробное и тщательное перечисление предметов культа завершается столь же «торжественным» описанием кухонной утвари.

783. *За Францию и Ахен бога молит...*— См. прим. к ст. 52 «Песни о Роланде».

785. *Овернь* — историческая область в центре Франции, с VIII в. — графство, входившее во Франкское королевство, затем — независимое герцогство Аквитания.

824. *Бриуд* — старинный, основанный еще кельтами, город в теперешнем департаменте Мен и Луара.

833. *Клермон и Монферран обходят слева...*— Клермон-Ферран — ныне центр департамента Пюи-де-Дом, тоже старинный город, известный со времен римского владычества.

840. *Помчались по дороге Ригорданской,//До Ле-Пюи не делали привала...*— Ригорданская дорога связывала Овернь с Лангедоком, именно по ней шли

богомольцы к «Эгидию святому». Детальное и топографически точное описание последнего этапа похода Гильома наводит на мысль о том, что автор «Нимской телеги» сам не раз проходил по «дороге Ригорданской» в качестве странствующего жонглера или паломника. Ле-Пюи — город на одном из притоков Луары, основанный римлянами.

865. *Орифламма.*— См. прим. к ст. 3093 «Песни о Роланде».

874. *Лье* — старофранцузская путевая мера; в разных провинциях колебалась от 3268 м до 5849 м, для простоты можно считать ее равной четырем километрам.

890. *Лаваль-сюр-Клер.*—Возможно, имеется в виду г. Лаваль-Сен-Роман (департамент Гар), куда, выйдя из Сен-Жиля, виллан держит путь через Ним.

910. *Денье* (от лат. denarius, «состоящий из десяти») — в XII в. мелкая разменная монета.

938. *И стал Гильом держать пред ними речь.*— Основной эпизод «Нимской телеги» — взятие города с помощью спрятанных в бочки воинов — является распространенным фольклорным мотивом. Вспомним знаменитую историю с Троянским конем или аналогичный эпизод из арабской сказки «Али-баба и сорок разбойников».

989. *Диковинный наряд смельчак надел...*— Еще один эпизод, подчеркивающий комический характер поэмы.

1032. *Гардон* — приток реки Гар.

1055—1057. *В Нозьер он прибыл, Лаварди проходит, // А в том селенье есть каменоломни, // Откуда камень нимских башен добыт...*—Нозьер—до сих пор существующее местечко неподалеку от Нима; Лаварди — не поддается точному определению. Реальные «каменоломни, откуда камень нимских башен добыт», находятся в восьми километрах от Нима, в местечке Барутель.

1098. *У Тервагана помощи просили...*— См. прим. к ст. 610 «Песни о Роланде».

1200. *Намерен я добраться и до Крака...*— Крак (Crac de Chevaliers)— город в Сирии, занятый в 1110 г. крестоносцами и превращенный ими в мощную крепость, остатки которой сохранились поныне.

1211. *Эмери де Нарбонн, отец Гильома* — тоже герой поэм данного цикла.

1277. *Убил Байе с Лонелем, двух волов...*— В героических жестах имена даются коням (ср. прим. к ст. 346—347 «Песни о Роланде»), а здесь волам, что усиливает комическую окраску эпизода.

1332. *Впился он графу в бороду рукою...*— Даже простое прикосновение к чужой бороде считалось в средние века величайшим оскорблением. Ср. прим. к ст. 1843 «Песни о Роланде».

1372—1377. Арпен ведет себя как наглый оскорбитель и поэтому заслуживает не почетной гибели от меча, а позорной смерти от удара кулаком.

Ю. Стефанов

ПЕСНЬ О СИДЕ[1]

«Песнь о Сиде» дошла до нас в единственной рукописи XIV века, притом крайне неисправной и неполной. Не хватает начала, и дальше есть две большие лакуны. Для восполнения этих пропусков и перестановок стихов издатели пользуются текстами испанских хроник XIII—XIV веков, которые дают прозаический пересказ «Песни о Сиде», настолько подробный, что в иных местах еще легко различить остатки стихов. Эти интерполяции при вышеописанном состоянии рукописи являются совершенно необходимыми, ибо иначе текст во многих местах окажется фрагментарным и непонятным.

Настоящий перевод сделан по изданию: «Cantar de mio Cid». Texto, gramática y vocabulario por R. Menéndez Pidal, tt. I—III. Madrid, 1908. Интерполяции из других источников отмечены курсивом, буква «а» после порядкового номера стиха указывает на то, что строка рукописи разделена на два стиха, сдвоенный номер означает, что две строки рукописи сведены в один стих.

В начале рукописи недостает, по-видимому, пятидесяти строк (иначе говоря, исчез первый лист), где рассказывалось о причинах изгнания Сида, как они изложены в «Хронике двадцати королей». Ниже приводится соответствующий отрывок из «Хроники» (перевод Б. И. Ярхо). Пропуск нескольких стихов (как это явствует из нумерации) сделан Менендесом Пидалем: пропускаются стихи манускрипта, по ошибке переписчика повторяющие предыдущий стих.

ИЗ «ХРОНИКИ ДВАДЦАТИ КОРОЛЕЙ»

Послал король дон Альфонс Руй Диаса, моего Сида, за ежегодною данью, причитавшейся с царей Кордовы и Севильи. Альмутамид, царь севильский, и Альмудафар, царь гранадский, в ту пору сильно враждовали и ненавидели друг друга смертельно. И были тогда с Альмудафаром, царем гранадским, те вельможи,что ему помогали: граф дон Гарсия Ордоньес и Фортун Санчес, зять дона Гарсии, короля наваррского, и Лопе Санчес, брат его, и дон Диего Перес, один из знатнейших во всей Кастилии. И все эти вельможи со своими дружинами помогали Альмудафару и напали на Альмутамида, царя севильского.

Когда Руй Диас Сид узнал, что готовится такой поход против севильского царя, вассала и данника его сеньора, короля дона Альфонса, он принял это во зло, и было ему очень досадно. И разослал всем просительные письма, чтобы они не выступали против севильского царя и не разоряли его земли во имя долга, связывавшего их с королем доном Альфонсом, ибо если они посту-

---

[1] В настоящем издании использованы комментарии покойного профессора А. А. Смирнова, написанные им к «Песни о Сиде» в переводе Б. И. Ярхо («Наука», 1959).

пят иначе, то не преминет король дон Альфонс помочь своему вассалу, потому что тот его данник. Царь гранадский и вельможи ни во что не поставили письма Сида и все вместе напали весьма отважно и разорили всю землю царя севильского вплоть до замка Кабры.

Увидев это, Руй Диас Сид собрал, сколько мог, войска из христиан и мавров и двинулся против гранадского царя, чтобы вытеснить его из земли царя севильского. Гранадский же царь и бывшие с ним вельможи, узнав, что Сид идет на них таким походом, послали ему сказать, что из-за него не вздумают покинуть эту землю. Услыхав такие слова, Руй Диас Сид рассудил, что нехорошо будет, если он на них не нападет; и нагрянул он на них и сразился с ними в открытом поле, и длилась их битва от третьего часа до полудня, и великое было умерщвление мавров и христиан в войске царя гранадского, и победил их Сид и принудил бежать с поля. И полонил Сид в этой битве графа Гарсию Ордоньеса и вырвал у него клок из бороды, и (захватил) также Лопе Санчеса, и Диего Переса, и других рыцарей многих, и прочего люда без счета. И держал их Сид в плену три дня, а затем всех отпустил. Когда же он их захватил, то приказал своим собрать все добро, оставшееся на поле битвы. Затем вернулся Сид со всей дружиной и со всем богатством к Альмутамиду, царю севильскому, и отдал ему и всем его маврам то, что они признали своим, и даже из прочего столько, сколько они пожелали взять. И с тех пор прозвали мавры и христиане этого Руй Диаса де Бивар Сидом Кампеадором, что значит Ратоборец.

Тогда Альмутамид дал ему много добрых даров и те дани, за которыми он приехал; затем подтвердили они мирный договор между королем доном Альфонсом и этим Альмутамидом, и возвратился Сид со всею данью к королю дону Альфонсу, своему сеньору. Король принял его хорошо и был им очень доволен, и нравилось ему то, что Сид там сделал. Поэтому стали ему очень завидовать и строить против него козни и поссорили его с королем.

После того как Сид прибыл к королю дону Альфонсу, собрал король огромное войско для похода в мавританские земли... И Сид захотел пойти с ним, но очень тяжко заболел и не смог пойти, и тогда оставил его король сторожить землю. И король дон Альфонс вошел в мавританские земли, и разорил много земель, и учинил им большое зло. Но пока король проходил по Андалузии, делая там все, что ему хотелось, с другой стороны собрались большие силы мавров, и вступили в его землю, и обложили замок Гормас, и штурмовали его с великим упорством, и творили много зла по всей той земле. Между тем Сид уже выздоравливал и когда услыхал о том, что творили мавры в Сант-Эстеванской земле, собрал, сколько мог, народу, и напал на мавританскую землю, и устроил набег, и разорил всю Толедскую землю, и полонил мавров и мавританок семь тысяч. Затем возвратился Сид в Кастилию с богатством и почетом и большой поживой.

Когда же узнал о том король дон Альфонс, то огорчился всем сердцем. Видя это, бывшие при нем вельможи из великой своей зависти к Сиду наговорили о нем королю много худого, стараясь поссорить его с королем, и твер-

дили: «Государь! Руй Диас Сид нарушил мир, заключенный и утвержденный между вами и маврами, и сделал он так не для чего другого, а лишь для того, чтобы убили и вас и нас». Король же, будучи весьма сердит и разгневан на Сида, тотчас им поверил, ибо таил на него обиду за ту клятву, которую тот взял с него по случаю смерти его брата, короля дона Санчо... И немедля послал он Сиду грамоту, повелевая ему покинуть пределы королевства.

Стр. 259. *Родич его Альвар Фаньес.*— Имя это впервые упоминается в грамоте, устанавливающей брачный дар Сида (1074 г.). Согласно «Песни о Сиде», дочери Сида — двоюродные сестры Альвара Фаньеса. Исторический Альвар Фаньес был видным кастильским военачальником. В 1085—1086 гг. король Альфонс VI послал его в Валенсию с ответственным поручением. В 1097 г. он участвовал в походе Альфонса против Сарагосы. В 1099 г. был разбит альморавидами [1] при Куэнке. С 1109 г., в правление доньи Урраки,— губернатор Толедо. В 1110 г. отражает осаду альморавидов. В 1114 г. погиб под Сеговией, защищая права королевы против арагонцев. В «Песни о Сиде» он все время состоит при дяде, что противоречит истории; его участие в завоевании Валенсии тоже апокрифично: в 1095 г. он был при дворе Альфонса VI. Понятно, что он перешел в народную поэзию как посредник между Сидом и Альфонсом, так как действительно пользовался доверием этого короля.

1. *Заплакал мой Сид...*— Подлинное имя Сида было Родриго Диас, в сокращении — Руй Диас. Что касается прозвища «Сид», то это слово арабского происхождения, означающее «господин».

4. *Нашесты* — употреблялись для развешивания платья, а также для домашней живности, в том числе и для охотничьих птиц.

Шубы.— Мужская одежда состояла из рубашки и штанов; поверх рубашки надевался род камзола (brial) с узкими рукавами, доходившего до пят. Покороче его был кафтан, или шубейка (pel, pellizon), с меховой оторочкой и широкими рукавами (при горностаевой отделке все это одеяние иногда называлось «горностаем»). Поверх шубейки носили широкий плащ, застегнутый пряжкой.

5. *Линялых соколов.*— См. прим. к «Песни о Роланде», ст. 31.

11—12. Сид здесь гадает по полету птиц,— обычай, сохранившийся еще со времен римского язычества. Полет птицы слева — дурной знак. То, что исторический Сид верил в это гадание, подтверждается ругательным письмом графа Беренгария к Сиду: «...Видим также и знаем, что горы, и вóроны, и во-

---

[1] Альморавиды — мусульманская секта, отличавшаяся чистотой нравов и религиозным фанатизмом; возникла за Атласскими горами. Начало ей положил около 1039 г. проповедник Абдалах ибн Ясин. К 1042 г. он уже обратил всю Сахару, а в 1055 г. начал поход на Могриб (Передняя Африка). В 1061 г. он передал звание вождя Юсуфу ибн Тешуфину, который распространил власть альморавидов на Испанию. Около 1120 г. там же, за Атласом, возникло новое движение — альмохадов, которые оспаривали власть альморавидов и к 1146 г. окончательно взяли верх над ними.

ро́ны, и копчики, и орлы, и все прочие виды пернатых — твои боги, ибо больше веришь ты в их пророчества, нежели в господа».

14 (курсив). *Но с честью в Кастилью вернемся обратно.*—Вставка, необходимая здесь по смыслу, заимствована из «Первой Генеральной хроники».

22. *Король дон Альфонс.*— Альфонс VI, сын Фернандо (Фердинанда), леонский король с 1065 г. В битве при Гольпохере был разбит братом Санчо и изгнан из королевства. До смерти брата находит прибежище у Мамуна, царя толедского. По смерти Санчо воцарился над Леоном, Кастилией и Галисией (1072—1109), объединив снова все земли своего отца. Царствование его — сплошной ряд войн, большей частью успешных. Центральным моментом этих войн является взятие Толедо в 1085 г. Его дальнейшее победоносное продвижение в Андалузию было остановлено альморавидами, нанесшими ему три тяжелых поражения (Саграхас — 1086 г., Хаэн — 1102 г., Уклес — 1108 г.). В последней битве погиб его единственный сын (от мавританки Саиды) Санчо. После смерти Альфонса VI (1109) владения его отошли к дочери, донье Урраке.

27. Эти кары являлись мерою исключительной строгости. Ослепление применялось лишь к самым тяжким уголовным преступникам, а имущество изгоняемых далеко не всегда подвергалось конфискации.

65. *Мартин Антолинес* — неизвестная личность. «Частная хроника Сида» (гл. 90) превращает его в «племянника героя, сына его брата Фернандо Диаса», что совсем нелепо, так как, по законам испанской патронимики, называться Антолинесом мог бы только сын Антолина.

98—99. *К Рахилю с Иудой.*— Певец принял еврейское женское имя Рахиль за мужское. Второе имя читается всеми издателями «Песни о Сиде» как Видас, потому что такое имя (готского происхождения) действительно существовало в средневековой Испании, и начертание в рукописи ближе всего к такому произношению. Однако при тогдашнем начертании букв между VI и IV почти никакого различия не было, и IVDAS (распространеннейшее еврейское имя) могло быть ошибочно прочитано как VIDAS. То, что евреи живут за оградою замка, дело вполне возможное. Городские управления предпочитали отводить евреям место для жительства поближе к укреплениям. Овьедское постановление от 1274 г. гласит: «Так как евреи рассеялись по городу и селятся врозь, отчего происходит вред для города по разным причинам, которые мы не желаем объявлять, приказываем, чтобы впредь евреи и еврейки жили в Подзамке (socastiello), от ворот Замка до новых ворот Подзамка, все вместе, и за воротами, если пожелают». Таким образом, устанавливалось огражденное гетто. В частности, в Бургосе евреи, видимо, были связаны с замком; когда в 1126 г. этот замок перешел в руки арагонцев, евреи вместе с кастильцами штурмовали замок и вернули его Кастилии («Хроника Альфонса VII», гл. III).

111. Это обвинение встречается только здесь. Латинское прозаическое жизнеописание Сида — «История Родерика» и латинская «Кантилена о Родерике» его не знают, а хроники следуют за «Историей». Не исключена,

однако, возможность, что это и было одним из обвинений, возведенных на Сида его врагами. Согласно «Песни», обвинение ложное, ибо Сид уходит из Бивара бедным.

154. *Кампеадор* — прозвище Сида, первоначально означавшее «боец», «ратоборец», но уже в XIV в. утратившее свой общий смысл и ставшее как бы вторым именем Сида.

181 (курсив). *Держат торговцы свой путь восвояси...*— Менендес Пидаль интерполирует три стиха, хотя текст хроники дает два коротких предложения, возникших, возможно, из двух стихов.

190. И просьба Антолинеса дать ему на «чулки» (то есть на чай), и самая уплата этого куртажа опущены хрониками.

253. *Химена* Диас — дочь графа Астурийского, Диего Родригеса, и инфанты Леонской Химены, двоюродная сестра Альфонса VI. В 1074 г. вышла замуж за Сида. Согласно «Истории Родерика», в 1089 г. была заключена в темницу своим кузеном Альфонсом VI, но вскоре выпущена, после чего последовала в изгнание за мужем. Это расходится с показанием «Песни о Сиде», где Химена выезжает в земли мавров уже после взятия Валенсии (1094 г.). После смерти Сида Химена правила Валенсией с 1099 г. до ее отвоевания маврами в 1102 г., затем жила в Кастилии. После 1113 г. следы ее теряются. В вопросе о детях Химены и Сида «Песнь» также расходится с «Историей Родерика», которая говорит: «Король Альдефонс... дал ему в жены племянницу свою госпожу Эхимену, дочь Дидака, Овьедского графа, от которой родились у него (Сида) сыновья и дочери». Исторически известен только один из этих сыновей—Диего Родригес, павший в битве при Консуэгре в 1097 г., двадцати двух лет от роду. Однако были и другие сыновья. В 1101 г. Химена составила дарственную в пользу валенсийского собора «с согласия сыновей и дочерей, а также добрых моих вассалов».

268. *Бородою славный*— ибо никто еще не осмеливался оскорбить Сида, коснувшись его бороды рукой (см. ст. 3285).

330—365. *Молитва Химены.*— Манера вставлять молитвы в героический эпос перешла из французских поэм. В «Песни о Роланде» (ст. 3100) есть молитвы, весьма сходные с этой по выражениям:

Защитою нам будь, Спаситель наш!
Всеправедный наш бог, Ионе встарь
В китовом чреве не дал ты пропасть;
От гибели ты Ниневию спас;
Ты Даниила вызволил из рва...
и т. д.

Или еще (ст. 2384):

Царю небес, от века чуждый лжи,
Кто Лазаря из мертвых воскресил,
Кем был от львов избавлен Даниил...

337. *Мельхиор, Валтасар и Гаспар* — апокрифические имена евангельских волхвов, пришедших поклониться младенцу Иисусу. Происхождение этих имен неизвестно. Впервые они встречаются в VII—VIII вв. в форме:

«Мелихиор, Батисарея и Гатаспа». С XII в. широко распространены в церковной литературе.

406. *Гавриил-архангел.*— В ст. 406—409 речь идет о том, что Гавриил является Сиду в сновидении. Эпизод этот, составляющий единственный сверхъестественный мотив во всей «Песни о Сиде», следует рассматривать как наносный, он заимствован из «Песни о Роланде», где Гавриил постоянно служит посредником между героями и богом: дважды приносит он вести с неба, дважды является Карлу в видении, он же уносит душу Роланда в рай (см. «Песнь о Роланде», ст. 2395).

418. *Не считая пехоты, а также вождей.*— В оригинале: «omnes valientes»—«мужественные люди»; очевидно, имеются в виду главные бойцы, которые являются начальниками, вроде Альвара Фаньеса и т. п. Отсюда — наш перевод.

424. Эта фраза вряд ли угроза по отношению к дону Альфонсу; вернее, ее следует понимать как ожидание пополнения сил разными искателями приключений и легкой наживы.

476. *А двести три в набег отряженных...*— «Три» — это Альвар Альварес, Альвар Сальвадорес и Галинд Гарсиас (ст. 443—443-а); сам Альвар Фаньес не сосчитан (см. ст. 418).

504—505. «Первая Генеральная хроника» (гл. 853) дает такое толкование словам Минайи: «Очень благодарил Альвар Фаньес Сида за то, что тот ему предлагал; но сделал это Альвар Фаньес для того, чтобы Сид делился с ним в других случаях».

508—509. Буквальный перевод: «Что к королю Альфонсу придет его дружина», что он причинит ему зло со всею его (или своею?) дружиной — masnadas. Благодаря обилию личных местоимений текст становится настолько непонятным, что эта непонятность, по-видимому, вызвала путаницу даже в «Первой Генеральной хронике» (гл. 853): «И Сид тоже, увидев, как ему повезло с самого начала, набрался по этой причине большой смелости в своих делах и послал сказать королю дону Альфонсу, что раз он его таким образом изгнал из страны, то и он сослужит ему плохую службу с тою дружиной, которую он ведет с собой». А затем, в гл. 854, «Хроника» парафразирует речь Сида (см. ст. 530—531 и 538), из которой явствует, что Сид боится короля. Это противоречие можно устранить только таким истолкованием ст. 508—509: «Король соберет дружину и нападет на людей Сида».

528. *Мирные мавры* — заключившие договор с Кастилией и откупившиеся от нападений. По-видимому, Сид нападает на данников своего короля.

611. *Педро* (или Пер, Перо) *Бермудес* — согласно «Песни о Сиде», племянник и знаменосец Сида. Родство это исторически не установлено. В одной кастильской дарственной 1069 г. встречается подпись: «Дон Педро Бермудес, вельможа». Возможно, что это другой Педро Бермудес. Еще раз имя это встречается в документах в 1085 г., но уже без добавления слова «вельможа». В поэме (ст. 3302) встречается игра слов: «Vermudos — mudo» («немой»), а в «Рифмованной хронике» эта шутка Кампеадора перешла в прозвище: «Сын его

брата, по прозванью Перо Молчун». Хроники пытаются подвести под тот же каламбур реальную базу, утверждая, будто Педро Бермудес гнусавил и язык у него заплетался.

654. *Фарис.*— Так же, как Гальве и предполагаемый его сеньор Тамин, историей не засвидетельствован. Как имя нарицательное по-арабски «фарис» значит «всадник». В «Первой Генеральной хронике» (гл. 848) сказано: «Немного времени спустя сразился Сид Руй Диас в Мединасели с мавром по имени Фарис, который был отличным витязем, и победил его Сид и убил его». Но это произошло в 1066 г., за четверть века до событий, описываемых в «Песни о Сиде».

698—699. *Стяги двух королей* — два главные стяга. Главный стяг — это прежде всего знамя главнокомандующего; но, кроме того, у начальников отдельных отрядов, у крупных вассалов были свои знамена; таково, например, знамя Альвара Фаньеса в ст. 482.

737. *Муньо Густиос* — вассал Сида. Братья Химены, астурийский граф Родриго Диас и Фернандо, в 1083 г. подарили монастырю св. Викентия землю, «приобретенную от сестры нашей Ауровиты Диас и полученную ею по брачному контракту от супруга ее, Муньо Густиоса». Этот же Муньо Густиос в 1113 г. скрепил купчую Химены. Итак, Муньо Густиос был свойственником Сида.

738. *Мартин Муньос, Монтемайора властитель.*— Город Монтемайор находится в Португалии, и действительно в 1080 г. некий Мартин Муньос был альгвасилом при Сиснанде ибн Дауде, мосарабском вожде, которого Фернандо I сделал графом всей Португалии. Мартин Муньос был женат на дочери Сиснанда и после его смерти стал графом Коимбри; по-видимому, был с этого поста смещен графом Раймундом, королевским зятем. В 1094 г. Мартин Муньос занимал место губернатора. Менендес Пидаль предполагает, что в этом году он отъехал к Сиду, будучи обижен на Раймунда и на короля. Действительно, имя его затем исчезает, и лишь в 1110 г. он появляется вновь в качестве ярого противника вдовы графа Раймунда, доньи Урраки, и сторонника арагонского короля Альфонса Воителя. В этом же году кастильцы берут его в плен. Несомненно, «Песнь о Сиде» имеет в виду это самое лицо; но несомненно также, что этот Мартин Муньос не мог быть при Сиде неотлучно во время его изгнания ни в 1081, ни в 1089 г.

740. *Альвар Сальвадорес* —знатный кастилец, младший брат графа Гонсало Сальвадореса; жил при дворе Фернандо I, Санчо II и Альфонса VI. Подписал среди прочих свидетелей брачный контракт Сида. Его участие в походе на Валенсию вполне возможно.

742. *Фелес Муньос* — племянник Сида, упоминаемый только в «Песни» и в «Хронике двадцати королей». Остальные хроники заменяют его столь же неизвестным Ордоньо.

861. Живя в *Алькосере* и грабя окрестности, Сид и его дружина сравнительно дешево сбывали награбленное на местном рынке. Поэтому города оказывали слабое сопротивление такого рода бандам и охотно платили им неболь-

шую дань в расчете на большую поживу за счет соседей. Так было, как отмечает Менендес Пидаль, и в Валенсии после занятия ее Сидом в 1094 г.

875 (курсив). *Но взял он Алькосер, придумав хитрость...*— Интерполяция продиктована словами «в бою» (ст. 877) и взята из «Первой Генеральной хроники».

957. *Граф Барселонский.*— В «Песни о Сиде» так ошибочно назван граф Беренгарий Братоубийца, сын Раймунда Беренгария Старого; сперва Беренгарий правил вместе с братом Раймундом, затем убил его. Беренгарий дважды сражался с Сидом и оба раза был взят в плен (в 1081 и 1090 г.). В 1098 г., обвиненный в братоубийстве, Беренгарий бежал в Палестину. Племянник его Раймунд Беренгарий III женился на дочери Сида.

964. *...край, охраняемый мной...*— земли Аль-Хаджиба, союзника барселонского графа, заплатившего Беренгарию за то, чтобы тот освободил его от Сида.

993—994. Седла легкие (coceras) противопоставлены «галисийским», снабженным, вероятно, более высокой лукой и сообщавшим большую устойчивость всаднику.

1009. *Колада* — меч, будто бы добытый Сидом в бою у графа Раймунда Беренгария и позднее послуживший ему для того, чтобы разрубить пополам царя Букара и добыть второй меч, Тисону (ст. 2426). Название «Колада», по-видимому, означает «литая». Сначала оба меча через посредство дочери Сида Марии Родригес перешли в собственность королей Арагонских. Колада в 1286 г. попала в руки дона Санчо IV Кастильского. В XV в. оба меча оказались в Мадриде. В 1503 г. они описаны в инвентаре сеговийского алькасара. Согласно этому описанию, у Колады перекладина (крест) и набалдашник железные, посеребренные, с узором в шашечку, рукоять деревянная, с белой кожаной обмоткой, клинок с желобами по обе стороны и отмечен на одной стороне четырьмя концентрическими кругами. После 1503 г. Колада нигде больше не появляется. В XVII и XVIII вв. показывали разные мечи, называя их «Коладой», но подлинной Колады уже нет.

1012. «История Родерика» рисует обращение Сида со своим пленником несколько иначе: «Граф же Беренгарий, видя и сознавая, что господь поразил и сокрушил его и что он предан в руки Родерика,— смиренно умоляя о милосердии, предстал перед Родериком, сидевшим в своей ставке, и многими просьбами просил снисхождения. Родерик же не пожелал принять его благосклонно и не позволил ему сесть рядом с собою в ставке, но повелел своим рыцарям сторожить его вне палатки, однако же заботливо приказал, чтобы ему щедро отпускали пищу». Затем Сид, выздоровев от раны, отпускает графа на волю, определив выкуп его и Гиральда Алемана по 80 000 марок золотом. Остальных, в особенности неимущих (которые хотели заложить детей и родственников), Сид отпускает без выкупа.

1040. «История» называет четырех главнейших рыцарей, захваченных вместе с графом: «Убив и умертвив огромное и бесчисленное множество их

(барселонцев), захватили наконец и самого графа и, пленного, вместе с пятью с лишним тысячами его людей, тоже захваченных, привели к Родерику. Родерик же приказал некоторых из них, а именно дона Бернальда, Гиральда Алемана, Раймунда, Муронова сына, Рикарда, Гвилельмова сына, и нескольких других, и бесчисленных знатнейших людей, содержать вместе с этим графом и охранять неусыпною стражею в особом месте». В «Первой Генеральной хронике» названы другие имена. «Частная хроника Сида» (гл. 106) приписывает пленение графа самому Сиду: «Мой Сид увидел, где граф стоял... и поскакал к нему и так ударил его копьем, что свалил на землю... и тогда граф был взят в плен». Это — плод «героического развития» сказания.

1064—1065. Рыцари Сида, очевидно, снимали с пленных все мало-мальски ценное платье; это было обычным явлением в средние века. Например, из Лиутпранда Кремонского («Антоподосис», II) мы узнаем, что даже знатных пленников раздевали до рубашки.

1085. *Деянья* (la gesta).— Перевод «деяния» дан по основному значению слова, которое присуще ему в большом количестве староиспанских памятников. Здесь оно является синонимом «песни» (cantar), что явствует из заключительных стихов этой части поэмы (ст. 2275); очевидно, эти два термина употреблялись без различия, когда речь шла об эпическом стихотворном произведении.

1181. Имеется в виду посольство к Юсуфу в 1093 г., когда альморавидский правитель послал зятя, но тот не посмел выступить против Сида и ушел ни с чем.

1187. В 1091 г. в войске Сида было до сорока арагонских рыцарей.

1209. Сид два раза давал валенсийцам срок для посылки за помощью: первый раз в августе 1093 г. на один месяц, второй — в июне 1094 г. на две недели. В первый раз они посылали к Юсуфу (см. выше), во второй—к правителю Сарагосы и альморавидскому правителю Мурсии; оба раза — неудачно. Вообще предоставление осажденным срока для призыва на помощь являлось почти что обычаем в войнах с маврами. Два таких случая засвидетельствованы в XII в. при Альфонсе VII. Менендес Пидаль указывает на древность этого обычая, приводя пример из Библии (Первая Книга Царств, II), где Ноас Аммонитянин осаждает Иавис: «И сказали ему старейшины Иависа: «Дай нам сроку семь дней, чтобы послать нам послов во все пределы израильские, и если никто не поможет нам, то мы выйдем к тебе». Саул освобождает Иавис.

1222. В Севилье в то время не было короля, так как альморавиды в 1091 г. овладели Севильей и посадили там губернатором Сира бен Абу-Бекра. Кроме того, Сид не вел войны с Севильей ни в то время, ни раньше, когда там были короли.

1244. Неотлучное пребывание Минайи Альвара Фаньеса при Сиде в Валенсии — вымысел.

1252. Вассал, который покинул своего сеньора, формально не объявив ему о том и не поцеловав руки, считался предателем.

1289. *Епископ Жером* — дон Иероним из Перигора, клюнийский монах, около 1096 г. вывезенный из Франции первым толедским архиепископом (тоже клюнийцем), Бернаром де Седирак. Очевидно, Бернар отправил его немедленно в недавно покоренную Валенсию. Сид принял его и богато одарил. В 1098 г. Жером был избран в епископы клиром и народом; папа Урбан II утвердил избрание.

1304—1306. Буквальный перевод: «...дали ему в Валенсии, отчего он мог быть богат». Очевидно, обеспечили его доходом; слова «в Валенсии» означают, что доход шел с земельного участка в этой области.

1333. *Пять раз побеждал он по воле творца.*— Менендес Пидаль считает это ошибкой певца и насчитывает всего четыре битвы: с Фарисом и Гальве (тирады 34—40), с Беренгарием (тир. 58), с валенсийцами (тир. 68) и с «королем Севильи» (тир. 75). Но, быть может, имеется еще в виду битва под Алькосером (тир. 29). В цикле Сида пять побед являются «эпическим числом»: в «Родриго» (ст. 422) Сид клянется одержать пять побед на поле бранном; в «Частной хронике Сида» (гл. 2) Сид побеждает пятерых мавританских царей.

1342. *Святой Исидор* — епископ севильский (570—636), известный ученый средних веков. Кроме своей огромной энциклопедии («Этимологии») в двадцати книгах, был автором ряда трудов по естествознанию, истории, каноническому праву и даже лексикологии. В «Песни о Сиде» король постоянно клянется святым Исидором. Помимо того что Исидор считался одним из патронов Испании, у леонского короля были и особые причины для его почитания: в 1063 г. мощи Исидора были перенесены в Леон, и соборная церковь стала называться его именем. Культ Исидора стал официальным, и двор поддерживал его.

1345. *Гарсия Ордоньес* (или Гарси Ордоньес) — при Санчо II сеньор над Панкорво, с 1074 г. альферес короля Альфонса VI, с 1076 г. граф Нахеры; назывался также сеньором Кабры и Граньона. Погиб в 1108 г. в битве при Уклесе, прикрывая щитом королевича Санчо, своего воспитанника. Гарсия Ордоньес был женат на донье Урраке, дочери наваррского короля Гарсии и двоюродной сестре Альфонса. Памятники не дают ясного представления о его личности. Были, несомненно, какие-то заслуги, ибо Гарсия Ордоньес пользовался неизменной милостью короля. Судя по многочисленным походам, в которых он участвовал, и по его героической смерти, он был человеком храбрым. Вследствие этого, а также ввиду его высокого положения он, казалось бы, должен был пользоваться уважением современников; однако «История Родерика» рисует его трусом, не дерзнувшим выйти на Сида, когда тот вызвал его на бой в 1092 г., предварительно разграбив его земли. Согласно арабскому историку Ибн Бассаму, Гарсию Ордоньеса в насмешку звали «криворотым». «Курчавым граньонцем» называет его «Песнь о Сиде» (ст. 3112). Разные памятники описывают его позорное поражение при Кабре; не имея основания сомневаться в подлинности факта, мы вынуждены, однако, предположить, что памятники, восхваляющие Сида, дают не совсем полную картину отношений и вряд ли являются вполне надежными источниками для характеристики

Ордоньеса (Каброю, по-видимому, он владел до смерти). Взаимная нелюбовь Сида и графа, вероятно, возникла еще тогда, когда после смерти короля дона Санчо бывший альферес Кастилии Сид должен был уступить первенство альфересу леонского короля Гарсии Ордоньесу. То обстоятельство, что Гарсия Ордоньес в качестве поручителя подписал брачный контракт Сида, еще не свидетельствует о дружбе между этими двумя сановниками: может быть, семья невесты потребовала таких знатных и могущественных поручителей, как Гарсия Ордоньес и граф Педро Асурес; возможно также предположить, что первый из них участвовал в совершении этого акта, представляя особу короля.

1363. «История Родерика» о втором изгнании Сида повествует так: «Король же, выслушав такого рода ложное обвинение, подвигнутый и распаленный величайшим гневом, немедля приказал отнять у него (Сида) все замки, деревни и земельные владения» (а может быть, почести — honeres). Об этой конфискации здесь, очевидно, и идет речь. В другом месте там говорится: «А также приказал... жену его и детей, связанных, со всею жестокостью бросить в темницу». «Песнь» представляет положение Химены и дочерей совсем в другом свете.

1376. *Инфанты* — титул, ныне применяемый только в отношении королевских детей, но в XI и XII вв. применявшийся к сыновьям всех знатных домов. Потому так именуются и зятья Сида, инфанты де Каррион. Женитьба этих инфантов на дочерях Сида исторически не засвидетельствована, ибо хроники в данном случае черпают сведения из «Песни о Сиде». В частности, маловероятно, чтобы инфанты могли отвергнуть дочерей Кампеадора после того, как он взял Валенсию, когда такие магнаты, как Рамиро де Монсон, внук наваррского короля, или Раймунд Беренгарий III, властитель Барселоны, считали возможным породниться с Сидом. С другой стороны, трудно допустить, чтобы предание о таком браке было чистым вымыслом. Быть может, была какая-нибудь расстроившаяся помолвка еще в пору жизни Сида до его изгнания, и наш певец обошелся столь же свободно с хронологией, как с именами обеих девушек. (см. прим. к ст. 2075).

1519. Этот обычай неоднократно засвидетельствован в испанских хрониках. Еще в XVI в. Антонио де Гевара говорит: «Мавры... при встрече целовали друг друга в плечо, а при расставании — в колено» (Менендес Пидаль).

1548. У вполне снаряженного рыцаря было три лошади: боевая (cavallo en diestre, старофранцузское — destrier), дорожная (palafré, старофранцузское — palafroi) и вьючная, которая чаще всего заменялась мулом. Мул вез доспехи, а «palafré» рыцаря, который пересаживался на боевого коня перед самым сражением. Последний, шедший до места боя порожняком, в старину у нас назывался также *«заводным»* (то есть запасным)

1573. *Бабьека.*— Буквальное значение этого слова — «пентюх», «дуралей». О происхожении этого коня поэтические памятники повествуют различно. «Песнь о Сиде» говорит (ст. 1574), что он был добыт в бою с королем Севильи, но и король и бой, как мы видели, вымышлены (см. прим. к ст. 1222). «Кантилена» называет его: «конь, привезенный варваром заморским». В «Част-

ной хронике Сида» мы находим вариант довольно обычного в героическом эпосе мотива «выбора коня». «Несколько времени спустя попросил он (Сид) у этого своего крестного (клирика Пейре Прингоса) жеребчика от какой-нибудь из его кобыл. И тот выпустил всех кобыл с жеребцами, и Сид не взял ни одного, а под конец выбежала кобыла с жеребцом очень безобразным и паршивым. И сказал Сид крестному: «Хочу этого». А крестный, рассердившись, сказал ему в гневе: «Дуралей, плохо выбрал!» И сказал тогда Родриго: «Это будет добрый конь, и имя ему будет Дуралей (Бабьека)». Германский герой Сигурд («Сага о Вёльсунгах») тоже вместе со стариком выбирает коня и тоже выгоняет табун. Илья Муромец покупает «жеребчика немудрого, бурого жеребчика косматого», из которого потом выходит богатырский конь.

1577. *Ратные забавы* заключались в скачке и главным образом в метании копья (bofordas) в деревянные доски (tablaclos), служившие мишенью (см. ст. 1602 и 2249).

1615 (курсив). *Каждый им вид отраден и люб.*— Интерполяция не является безусловно необходимой, но «Хроника двадцати королей», парафразирующая это место «Песни», дает здесь добавочную ассонирующую фразу, которая сама укладывается в стих.

1621. *Король Юсуф.*— Юсуф ибн Тешуфин (1059—1106) — вождь из племени ламтуни, которого Абдаллах, шейх альморавидов, сделал эмиром. В 1061 г. Абдаллах передал ему свою власть.

Юсуф основал столицу в Марокко и оттуда захватил весь Могриб до Сеуты. Уже в 70-х годах XI в. испанские царьки, теснимые Альфонсом VI, просят Юсуфа о помощи, неоднократно призывая его на полуостров. Юсуф четыре раза переправлялся через пролив (1086, 1089, 1090, 1097 гг.); он одержал две крупные победы над Альфонсом — при Саграхас (1086 г.) и при Консуэгре (1097 г.). Он смещал мавританских царьков в Испании, как хотел. Альвара Фаньеса его войска разбили два раза (1090 г. и 1097 г.). Лично против Сида Юсуф не выступал никогда, но его войска дважды были разбиты наголову Кампеадором (1094 г. и 1097 г.). Зато после смерти героя альморавиды снова овладели Валенсией.

1631. Единственное место в «Песни о Сиде», где мавры названы *неверными*, вообще единственное место, указывающее на отрицательное отношение к чужой вере.

1658—1660. *Барабаны* африканских (берберийских) войск производили сильное впечатление и на крестоносцев. То же—в «Песни о Сиде», стихи 2345—2347. В «Песни о Роланде» (ст. 3137) упоминаются барабаны в армии египетского эмира. Арабские источники единогласно отмечают страх, который нагоняли на христиан барабаны Юсуфа в битве при Саграхас.

1663. Сид перед торжественным обещанием берется за бороду, как бы клянясь ею.

1681. «Первая Генеральная хроника», гл. 925: «Альвар Сальвадорес, преисполнившись великого желания убивать мавров и думая, что дамы на него смотрят, поскакал далеко впереди других и вре-

зался в середину мавров; он не получил помощи и был взят в плен» (более куртуазный вариант). Там же далее говорится, что смельчак был найден целым и невредимым в захваченной испанцами вражеской ставке и затем освобожден, о чем в «Песни о Сиде» не упоминается.

1704—1705. Обычная проповедь перед крестовым походом. В «Песни о Роланде» (ст. 1133) архиепископ Турпен таким же образом ободряет франков:

Я ж дам вам отпущение грехов.
Вас в вышний рай по смерти примет бог,
Коль в муках вы умрете за него.

1798. Это принятая в средние века церковная десятина, подать в пользу церкви (библейского происхождения).

1940. Имеется в виду король.

2002. *Алькасар* (арабское аль-каср) — высочайшая в городе башня над дворцом правителя. Иногда так называли весь дворец. Валенсийский алькасар помещался в самом центре города напротив главной мечети. Сид поселился в нем только в феврале 1095 г., через полгода после занятия города.

2041. *Альвар Диас* (ум. в 1111 г.) — вельможа, правитель Оки в Старой Кастилии, свояк эпического героя Диего Ордоньеса.

2075. *Эльвира и Соль.*— Дочерей с такими именами у Сида, по-видимому, никогда не было. Относительно «Соль» еще можно предполагать, что это прозвище при христианском имени. В XI—XII вв. нередко встречается в грамотах «Мария, по прозвищу Соль», то есть «Солнце». Но относительно Эльвиры такого предположения сделать нельзя. О браке дочери Сида с инфантами де Каррион тоже ничего не известно. Тех дочерей Сида, через которых он породнился с Наваррой и Арагоном, звали Кристиной и Марией.

2093. Обмен мечами засвидетельствован в средние века как знак примирения и братания, но не как свадебный обряд.

2164—2165. В действительности дело обстояло далеко не так. Как передает «История Родерика», во время опалы Сида (1089 г.) «Родерика покинули многие из его рыцарей и перешли в королевский лагерь».

2314. *Букар* — неизвестный правитель. «История Родерика» вместо него называет Магомета, зятя и племянника Юсуфа ибн Тешуфина, который, однако, в сражении не погибает.

Имя Букара (может быть, искаженное Абу-Бекр, по Сиру Абу-Бекру, альморавидскому правителю Севильи; см. прим. к ст. 1222) упоминается у самых первых хронистов XIII в., Луки Туйского и Родриго Толедского. Любопытно, что оба хрониста расходятся с «Песнью»: у них Букар не убит Сидом. Эта версия, по-видимому, тоже была распространена в народных песнях, ибо и в старом романсе «Повстречался добрый Сид» Букар, хотя и раненный, успевает сесть в лодку.

2337. После этого стиха в рукописи отсутствует целый лист (около пятидесяти стихов). Следуя Менендесу Пидалю, мы восполняем пропуск прозифицированным текстом по «Хронике двадцати королей».

2373. Речь идет о бенедиктинском *ордене*, точнее, о его клюнийском ответвлении, к которому принадлежал Жером. Из монастыря Клюни (основан в 910 г.) берет начало движение, преследовавшее цели установления теократии. Организационно это движение, охватившее огромное число влиятельных монастырей во Франции, Германии, Италии и Испании, выражалось в том, что все они признавали главенство Клюни, настоятель которого в XII в. получил прозвище «аббата аббатов». Политическое влияние клюнийцев, составлявших как бы орден в ордене, было огромно.

2375. *Герб* — вернее, «эмблема». Родовых и земельных гербов, по-видимому, еще не было в Испании в XI в. Однако это уже не простой отличительный знак, судя по тому, что на значке у епископа изображен посох. На позднейших епархиальных гербах мы всегда видим посох и митру. Таким образом, знак уже имеет смысл, является «эмблемой» и индивидуальным гербом (см. «Песнь о Роланде», ст. 3090). В 1147 г. в битве при Альмерии леонские рыцари носили на щите изображение льва (Леон). В XIII в. уже все испанские королевства имеют гербы и появляются гербы фамильные.

2455. Этот стих явно неуместен после ст. 2454. Менендес Пидаль переставляет его после ст. 2437.

2564—2565. Дословно: «Введем их во владение брачным даром, который мы даем им в честь». Брачный дар давался мужем жене и, по леонскому праву, составлял половину земельного имущества мужа. Этот дар (по-латыни — arrhae, donatio propter nuptias), согласно часто встречающейся формуле, давался «в честь» непорочности, или красоты, или любви новобрачной.

2662. «Первая всеобщая хроника», передавая (в гл. 933) эту часть «Песни», совершенно опускает заговор инфантов против Абенгальбона (который там назван Абенканьоном), очевидно, считая этот эпизод слишком неправдоподобным. И в самом деле, находясь на мавританской земле с небольшою свитою, могли ли инфанты думать о безнаказанном убийстве алькальда, располагавшего двумя сотнями всадников?

2694—2695. *Аламос* и *Эльфа* — персонажи не дошедшей до нас легенды. Имя Аламос нигде не встречается; Эльфа — распространенное женское имя.

2813. *Дьего Тельес.*— Имя землевладельца, засвидетельствованное в купчих крепостях 1078 и 1092 гг. Между прочим, он купил землю у матери Альвара Сальвадореса (см. прим. к ст. 740). Однако неизвестно, можно ли отождествить это лицо с упоминаемым в ст. 2813 вассалом Альвара Фаньеса.

3004—3008. Все это место сильно попорчено и восстановлено по тексту «Хроники двадцати королей».

3112. *Курчавый Граньонец* — Гарсия Ордоньес.

3129. По-видимому, ссылка на какие-то два очень важных созыва кортесов, но на какие именно — установить сейчас невозможно.

3197—3197-а. В рукописи чрезмерно длинный стих. Менендес Пидаль принимает здесь полтора стиха и прибавляет полстиха от себя.

3287. «История Родерика» (источник всех хроник в отношении этого эпизода) говорит: «Взяты были в этой битве граф Гарсия, сын Ордония, Луп,

сын Санкция, и Дидак, сын Петра, со многими своими рыцарями. Родерик, сын Дидака, отпраздновав победу, продержал их в плену три дня, а затем, отняв у них палатки и прочее добро, отпустил их на волю». О бороде дона Гарсия не говорится ни слова. Впервые эпизод с бородой появляется в «Хронике двадцати королей», где, вероятно, он заимствован из «Песни о Сиде».

3291-а (курсив). *В кошельке у меня клок ее хранится.*— Восстановлено по «Хронике двадцати королей».

3302. *Педро Молчун.*— См. прим. к ст. 611.

3394. *Иньиго Хименес*— знатный вельможа при дворе Альфонса Воителя, короля Арагонского (начало XII в.); возможно, что в 90-х годах XI в. был послом короля Педро.

Охарра — не известная истории личность, именуемая в «Частной хронике Сида» и некоторых других — Очоа Перес и Очоа Лопес. Охарра и Очоа— баскские имена и потому хорошо подходят для наваррского посла.

3457. *Гомес Пелаэс.*— Лицо с таким именем фигурирует в грамотах конца XI — начала XII в. Оно принадлежало к роду Вани-Гомесов.

3507. Здесь в рукописи выпал лист, то есть около пятидесяти стихов; они восстановлены по «Хронике двадцати королей».

3544. Всенощное бдение с оружием в церкви предписывалось перед посвящением в рыцари и перед судебным поединком. Сохранились соответствующие узаконения. Обряд этот часто встречается в рыцарских романах.

3610. *Делить солнце* — значило расставить бойцов так, чтобы они были в равно выгодных условиях, чтобы ни одному из них солнце не било в глаза.

3726. «История Родерика» сообщает: «Преставился же Родерик в Валенсии в эру 1137, в июне месяце». «Первая Генеральная хроника», гл. 954: «Благородный муж отдал богу душу. Случилось это в эру 1132, по прошествии 15 дней месяца мая».

3733. В тексте: «Эра MCCXLV». Выяснилось, что одно «С» стерлось и надо читать: MCCCXLV, то есть по нашему летоисчислению, 1307 г.

3734—3735. Эта шутливая присказка чтеца внесена в манускрипт другой рукой также в XIV в. *Книгу* — в подлиннике «El romanz», что означало всякое сочинение на испанском, народном (в отличие от латинского) языке.

А. Смирнов

РОМАНСЕРО

РОМАНСЫ О КОРОЛЕ РОДРИГО

Легенда о последнем вестготском короле Родриго относится к числу древнейших исторических преданий Испании. Возникла она, по всей вероятности, вскоре после реальных драматических событий, приведших к завоеванию почти всей территории Пиренейского полуострова маврами.

В июле 711 года арабское войско под командованием Тарика сокрушило при реке Гвадалете (нынешняя провинция Кадис) армию вестготского короля Родриго. На стороне Тарика выступили и отряды сыновей Витицы, предшественника Родриго, умершего в 710 году. Победа Тарика открыла арабам путь на север. Согласно арабским историкам, быстрой победе арабов содействовал и некто Ольбан (Олиан, Ильян, Орбан), наместник Сеуты, дочь которого была обесчещена королем Родриго. Первое из дошедших до нас упоминаний об этой легенде содержится в «Хронике Муассака» (начало IX в.), откуда она перешла к арабским и христианским хронистам. Под пером последних Ольбан превратился в графа Хулиана, а его обесчещенная дочь — в Каву. Завершение свое легенда получила в «Сарацинской хронике» (или «Хронике короля дона Родриго») Педро дель Корраля, составленной около 1430 года. Эта хроника и явилась основным источником для цикла романсов о короле Родриго, опубликованных в собраниях середины XVI века.

Прослеживаются три фазы этой на редкость драматической легенды:

1. Дон Родриго проникает в заколдованный замок в Толедо — «жилище Геркулеса», куда никто не смел проникать. На стене замка были изображены арабские воины, а под ними надпись, гласящая, что Испания будет завоевана народом, здесь изображенным, едва лишь кто-нибудь нарушит запрет.

2. Ла Кава (Флоринда), дочь графа Хулиана, наместника Сеуты и Танжера, была обесчещена королем Родриго во время ее пребывания при королевском дворе в Толедо. Ла Кава (а р а б с к. «Алакаба») поблекла от горя и позора. Она пишет письмо отцу с просьбой отомстить за бесчестье. Разгневанный Хулиан, получив дочернее письмо, вступает в сговор с маврами, чтобы сокрушить королевство дона Родриго.

3. После разгрома при Гвадалете король Родриго бежит в Португалию. Возле городка Визео он встречает монаха, которому исповедуется в содеянном. Монах накладывает на него такое покаяние: лечь в гроб со змеей о двух головах (последняя деталь возникла позже, вероятно, в конце XIV в., и является скорее всего португальским нововведением). В момент смерти Родриго колокола Визео зазвонили сами собой, и душа грешника обрела вечное блаженство.

Такова легенда. Как бы плохо ни согласовывались с ней исторические данные, они тем не менее проступают сквозь толстый слой поэтического вымысла. Так, в Толедском дворце была какая-то сокровищница. Полагают, что, готовясь к войне с басками, Родриго решил завладеть сокровищами, принадлежавшими церкви, и именно в тот час, когда он там находился, случилось известие о нападении отрядов мавра Тарика. Произошло это примерно за год до нашествия мусульман. В народной памяти события смешались, появились новые их сцепления.

Мотив предательства тоже подсказан реальными историческими фактами. После смерти предпоследнего готского короля Витицы в 710 году на престол самоуправно вступил правитель Бетики дон Родриго. Сыновья Витицы

и их единомышленники выступили против Родриго. Граф Хулиан держал сторону сыновей Витицы. Он решил заручиться поддержкой мавров. Согласно договору было решено вторгнуться в Испанию и возвести на престол детей Витицы. Весной 711 года мусульманские полчища переправились через пролив и начали победоносное шествие по полуострову, быстро разгромив Родриго, покинутого своими сторонниками.

Что касается заключительного эпизода, то дело обстояло примерно так: Родриго, согласно единственной хронике того времени — «Анонимной кордовской хронике» («Crónica del anónimo de Cordova»), погиб в бою. Поэтический вымысел оказался более эффектным: Родриго бежал, решив искупить свою вину с помощью столь страшного покаяния. «Хроника Альфонса III Великого» («Crónica de Alfonso III el Magno», 880 г.) утверждает, что в Визео была найдена скромная гробница со следующей надписью: «Hic requiescit Rudericus ultimus Rex Gothorum» («Здесь покоится Родриго, последний король готов»). Согласно предположению Менендеса Пидаля, надпись эта появилась в результате искаженного перевода другой надписи, сохранившейся в старинной арабской хронике. Надпись сообщала всего-навсего о том, что в такой-то могиле был заживо погребен такой-то. Дело в том, что, согласно древнеримскому закону, с некоторыми изменениями воспринятому вестготским законодательством, отцеубийство наказывалось так: преступника зашивали в мешок и бросали в море либо сажали в яму со змеями.

Так или иначе, в Визео имеется могила, которую выдают за могилу дона Родриго. Отголоски сведений о покаянии, наложенном, согласно легенде, на короля Родриго, сохранились во многих позднейших романсах. В частности, один из таких романсов цитируется в XXXIII главе второй части «Дон-Кихота» Сервантеса: «Она грызет меня, грызет мое сердце — средоточие моих прегрешений, источник великого моего несчастья».

Помимо хроник и романсов, легенда о короле Родриго получила разработку в театре (у Луиса де Леон в «Пророчестве Тахо», у Лопе де Вега в «Последнем готе» и у ряда других драматургов). В XIX веке легендой воспользовались испанские романтики — герцог Ривас, Эспронседа и Соррилья. Из иностранцев вдохновлялись ею Вальтер Скотт, Саути, Лэндор, Вашингтон Ирвинг, Виктор и Абель Гюго. В России легендой о короле Родриго воспользовался для своего «Родрика» А. С. Пушкин, исходным материалом для которого послужила пространная (около 7000 стихов) поэма Саути.

Стр. 363. *Толедо* — столица тогдашнего вестготского государства.

В древнем доме Геркулеса... — К сказанному выше следует добавить, что, согласно легендам, Геркулес (Геракл) почитался основателем Толедо.

Стр. 367. *На корабль он сел в Тарифе...* — Тарифа — город и крепость на юге Испании, неподалеку от Гибралтара. В XIII в. Тарифа была военным форпостом против мавров.

Стр. 369. *Словно Сулла или Марий.* — Римские полководцы, прославившиеся жестокостью и деспотизмом.

Стр. 370. *В восьмой решительной битве.*— Согласно «Всеобщей хронике», битва при Гвадалете длилась восемь дней.

Стр. 371. *«Вчера я носил корону, // Сегодня покрыт позором...»*— Этот стих Сервантес вкладывает в уста маэсе Педро («Дон-Кихот», II, 26). Цитирует его и Виктор Гюго («Восточные стихотворения», XVI).

РОМАНСЫ О БЕРНАРДО ДЕЛЬ КАРПИО

Никаких эпических песен, связанных с деяниями астурийских и леонских королей, до нас не дошло. Испанский эпос локализуется в Кастилии, что само по себе является важным аргументом против сторонников вестготского происхождения испанского эпоса. Единственным исключением являются стихотворные сказания о Бернардо дель Карпио, которого народная молва пожелала превознести как «могучего бойца» в войнах против императора Карла Великого. Бернардо дель Карпио стал испанским противовесом легендарного французского Роланда. Каких-либо подтверждений реальному историческому существованию Бернардо дель Карпио не имеется.

Согласно хроникам, зависящим, по-видимому, от поздних поэтических сказаний, Бернардо находился во вражде с леоно-астурийским королем и своим дядей Альфонсом II Чистым (791—842). Причиной этой вражды явилось следующее: сестра Альфонса Чистого донья Химена родила сына Бернардо от Дона Санчо, графа де Салданья. Проведав о тайной связи сестры, разгневанный король заточил графа в замок Луна, а родившегося ребенка решил воспитать при своем дворе, как принца. Возмужав, Бернардо возглавил партию, которая противилась включению королевства в империю Карла Великого на условиях ленной зависимости в обмен на обещание Карла изгнать мавров из Кастильского графства (входившего в состав леоно-астурийского королевства). Под нажимом этой партии король Альфонс собрал многочисленное войско и двинулся против французов. Тогда-то и произошло знаменитое Ронсевальское сражение, в котором от руки Бернардо пал знаменитый Роланд.

Вернувшись из похода, Бернардо узнает, кто был его отцом, и требует милосердия. Альфонс отказывается освободить узника. Тогда Бернардо, доблестно служивший своему сюзерену, порывает с Альфонсом. Конфликт между долгом вассала и сыновьей любовью разрешается в пользу последней. Бернардо удаляется в свой родовой замок в Салданье и остается там безвыездно на протяжении всех оставшихся лет царствования Альфонса II и частично царствования Альфонса III (866—910). Поблизости от Саламанки Бернардо возводит неприступный замок Карпио и запирается в нем. В конце концов Альфонс уступает и разрешает ему забрать отца. Но когда Бернардо приезжает в темницу, отец оказывается уже мертвым. В отчаянье Бернардо удаляется в Наварру, оттуда во Францию, чтобы никогда не возвращаться домой.

Первое, что бросается в глаза в этом легендарном жизнеописании,— хронологическая несообразность. Бернардо должен был прожить минимум

сто пятьдесят лет, чтобы стать участником рассказанных исторических событий (напомню, что Ронсевальская битва произошла в 778 г.). Это лишнее свидетельство тому, что Бернардо является персонажем либо целиком вымышленным, либо до неузнаваемости преображенным народной поэтической фантазией позднейшего времени.

В Леоне на основе этой легенды сложился популярный цикл романсов. Цикл быстро разрастался. К анонимным романсам стали добавляться «авторские» (например, Сепульведы). Отдельные романсы цикла Бернардо послужили основой множества позднейших литературных произведений: от Хуана де ла Куэвы и Лопе де Вега до известного испанского драматурга и ученого XIX века Арсенбуча.

Стр. 377. *Властитель Мериды гордый...* — Мерида — древний и замечательный в историческом отношении испанский город; был одним из центров мавританского владычества.

Стр. 381. *Вы вспомните об Энсинале...* — При Энсинале произошла битва, в которой король едва не погиб. Некоторые же ученые (например, итальянский испанист Франко Мерегалли) полагают, что под неизвестным нам «Энсиналем» можно подразумевать и искаженный «Ронсеваль», то есть битву, в которой, согласно легенде, принимал участие Бернардо.

Стр. 382. *Или грозный Муса из Гранады...* — Муса (IX в.) — мавританский вождь, властитель завоеванного Арагона, превращенного им в самостоятельное арабо-христианское государство.

РОМАНСЫ ОБ ИНФАНТАХ ЛАРА

Среди эпических сказаний испанского средневековья сказание об инфантах Лара является, пожалуй, наиболее известным после сказания о Сиде. С ним нас подробно знакомит «Первая всеобщая хроника» (см. вступ. статью). Еще Мила́ указал на несомненную зависимость соответствующего рассказа в хронике от эпической поэмы. Вслед за ним Менендес Пидаль со всей очевидностью установил наличие еще одной эпической поэмы, пересказанной в хронике 1344 года с такой точностью, что стало возможным даже реконструировать целый ряд стихов. Эта вторая эпическая поэма является более поздней (ок. 1300 г., согласно Пидалю), чем первая (ок. 974 г.), и менее достоверной в части исторических реалий.

Суть легенды: в Бургосе происходят пышные торжества по случаю бракосочетания доньи Ламбры де Буреба (из семьи кастильских графов) с властителем Вильвестре доном Родриго Веласкесом (дон Руй или Рой Бласкес). Рыцари состязаются в метании копий. Внезапно, во время состязания, один из гостей падает мертвым. Ликование сменяется трауром. Убит племянник невесты дон Альвар Санчес, убийца — дон Гонсало Гонсалес, младший из семи инфантов Лара — сыновей сестры Руй Веласкеса доньи Санчи и знатного рыцаря Гонсало Густьоса. Смерть Альвара Санчеса при подобных обсто-

ятельствах позорит донью Ламбру. Так это воспринимает и дон Руй Веласкес. Он гневно выговаривает племяннику и в ссоре даже ранит его. Кастильскому графу Гарсия Фернандесу с большим трудом удается с помощью Гонсало Густьоса примирить враждующие стороны. Донья Ламбра удаляется в свой замок Барбадильо, и в знак примирения ее сопровождают семь инфантов Лара (или Салас). Среди них — Гонсало Гонсалес.

По дороге в замок донья Ламбра гневно посматривает на братьев. Но те ничего не замечают. Прибыв в замок, донья Ламбра подзывает пажа и о чем-то долго с ним говорит. Внезапно паж подходит к Гонсало Густьосу и бросает в него тыкву, наполненную кровью, что, по тогдашним понятиям, являлось смертельным оскорблением. Братья Гонсало устремляются за обидчиком, но тот успевает забиться под плащ доньи Ламбры. Ослепленные яростью, они хватают пажа и тут же на месте предают смерти и покидают Барбадильо. Вдвойне оскорбленная смертью племянника и убийством пажа, прибегшего к ее защите, донья Ламбра проплакала два дня, взывая к супругу о мести. Она умоляла его до тех пор, пока наконец дон Родриго не молвил таковые слова: «Слушайте хорошо, что он сказал: инфантам из Саласа я отомщу. Я им подстроил ловушку и такую месть уготовил, что родившиеся и те, которые еще родятся, будут долго об этом рассказывать».

Чтобы исполнить задуманное, дон Родриго с притворным радушием принимает Гонсало Густьоса и его семерых сыновей. Когда отец и сыновья успокоились, решив, что мир восстановлен, дон Родриго просит Гонсало Густьоса взять на себя деликатную миссию — лично отвезти послание в Кордову к повелителю мавров Альмансору. Польщенный Густьос соглашается, не подозревая, что в послании, писанном по-арабски, Родриго просит умертвить посланца и обещает передать в руки мавров семерых инфантов.

Альмансор, прочитав послание, решает не предавать смерти Гонсало, но заточить его в замок. Надзирать же за ним приставляет свою сестру, которая влюбляется в узника.

Между тем Руй Веласкес просит племянников помочь ему в набеге на мавританскую землю. Ничего не подозревающие инфанты выступают в поход. С ними — их наставник Нуньо Салидо и двести всадников. Поход начался при дурных предзнаменованиях. Нуньо просит вернуться. Но инфанты не хотят внять его советам. На берегу реки Эбро они встречают Руй Веласкеса с войском. Встреча была холодной. Дядя заспорил с племянниками о предзнаменовании. В споре один из рыцарей дона Родриго ранит старого Нуньо. Гонсало Гонсалес убивает обидчика. Отряды двинулись в поход.

На границе Веласкес приказывает инфантам отправиться на разведку. Но едва лишь вступили они на землю мавров, как были ими окружены.

Преимущество мавров в числе было столь великим, что, несмотря на геройство, наставник и семеро братьев в конце концов гибнут. Их головы — по приказу Руй Веласкеса — отдают мавру Аликанте, который отвозит их в Кордову.

Альмансор велит показать головы убитых сыновей Густьосу, который, обезумев от горя, «начал говорить с ними, словно те были живые», или, согласно «Всеобщей хронике» Альфонса X, «он выказывал такое горе и так сильно рыдал над ними, что никто не мог такого выдержать, и все рыдали в голос».

Тронутый горем Густьоса, Альмансор отпускает его на свободу. Прежде чем покинуть замок Альмансора, Густьос разламывает свое кольцо на две половинки. Одну из них он отдает возлюбленной мавританке с просьбой передать ее ребенку, который должен у них родиться.

Густьос возвращается в Кастилию в великой печали. Проходит много времени, как вдруг в Салас прибывают двести мавританских всадников во главе с Мударрой (по-арабски «Мститель»). Мударра просит свидания с Густьосом. Густьос его принимает, и тот показывает ему половинку кольца. Отец узнает сына. Мударра говорит, что хочет отомстить убийце братьев.

Густьос и Мударра отправляются в Бургос и там во дворце графа Кастильского встречают Руй Веласкеса. Мударра наносит ему оскорбление. Но граф требует трехдневного перемирия. Руй Веласкес бежит в Барбадильо. Мударра со своими людьми преграждает ему дорогу и страшным ударом меча повергает наземь. Донью Ламбру Мударра приказывает сжечь заживо.

Как и предыдущие легенды, предание об инфантах Лара имеет долгую литературную историю, начиная от первой эпической поэмы, пересказанной во «Всеобщей хронике» Альфонса Мудрого, и кончая недавним временем. В анонимных романсах содержатся отдельные эпизоды легенды. Некоторые эпизоды обработали в своих романсах Сепульведа, Кавальеро Сесарио и Тимонеда. Легендой вдохновлялись дон Хуан Мануэль, Хуан де ла Куэва («Семь инфантов Лара»), Лопе де Вега («Бастард Мударра и семь инфантов Лара»), Кансер и Велес де Гевара («Семь инфантов Лара»), Кубильо де Арагон, герцог Ривас и многие другие. Во Франции один эпизод (встреча Мударры с ненавистным врагом) вдохновил Виктора Гюго на написание «Мавританского романса».

Стр. 390. *Воители Альмансора...*— Альмансор (939—1002) — один из славнейших мавританских вождей эпохи Реконкисты (см. прим. к «Песни о Роланде», ст. 849—850).

РОМАНСЫ О ФЕРНАНЕ ГОНСАЛЕСЕ

Фернан Гонсалес (912?—970) — личность, несомненно, историческая. Он был сыном Гонсало Фернандеса, графа де Бургос; унаследованное графство он сумел округлить за счет соседей и, в частности, за счет графства Кастильского, части Астурии и других земель. В результате, около 950 года он основал сильное графство Кастильское, которое если и не получило сразу же (как того требует эпическая легенда) полной самостоятельности от Леона, то,

во всяком случае, приобрело значительную автономию. Кастильское графство стало наследственным.

Подобно Сиду, Фернан Гонсалес герой чисто кастильский, враждебный к леонцам, подобно Сиду — потомственный кастилец. Около 1250 года он был воспет в одной поэме, сочиненной монахом монастыря Сан-Педро-де-Арланса, который был смотрителем его гробницы. В «Хронике 1344 г.» особо отмечается оппозиционность Фернана Гонсалеса по отношению к королю Леона, подчеркивается упорная распря между Кастилией и Леоном, что нашло отражение во многих романсах этого цикла.

Романсы о Фернане Гонсалесе восходят к эпической поэме, известной по редакции середины XIII века (хотя есть сведения и о редакциях более ранних). Из поэм и романсов Фернан Гонсалес предстает как непобедимый боец, «которого не могли одолеть ни мавры, ни христиане». Он без устали сражается то с Альмансором, то с королем Наварры, то с графом Тулузским.

Контуры поэтической легенды таковы: Фернан Гонсалес, граф Кастильский, появляется при дворе короля Леона дона Санчо Ордоньеса. Граф приезжает на роскошном арабском скакуне, отбитом «у мавра Альмансора». Королю так приглянулись конь и кречет, сидевший на руке Гонсалеса, что он тут же пожелал их купить. Граф предлагает их королю в подарок. Король упорствует: он хочет непременно купить их. Граф сдается, и они уславливаются о цене; причем за каждый просроченный день плата удваивается (ср. с аналогичной историей о китайском императоре и изобретателе шахмат). Король забирает коня и кречета и вскоре легкомысленно забывает о договоре.

Через несколько лет король вспоминает об обещании, но денег на оплату в казне не находится, и тогда в счет долга король Санчо предоставляет Кастилии самостоятельность. Фернан Гонсалес собирается в свои владения. Но королева, желая отомстить графу за смерть убитого им брата, короля Наваррского, подстраивает Фернану Гонсалесу ловушку. Она предлагает ему в жены свою племянницу, донью Санчу, принцессу Наваррскую. Граф соглашается и едет в Наварру. Там, по приказанию короля Наварры, его хватают и заточают в замок Кастровьехо.

Норманнский паломник (согласно романской версии) умоляет инфанту, «прекрасную душой и телом», сделать все возможное, чтобы спасти кастильца. Инфанта, уже влюбленная в Фернана Гонсалеса, внимает словам паломника, освобождает узника, и они вместе бегут в Кастилию. В глухом лесу они встречают монаха, который прельщается красотой доньи Санчи. Угрожая выдать беглецов, он домогается любви инфанты. Фернан Гонсалес убивает монаха. Вовремя подоспевает конный отряд кастильцев, скакавший на выручку графа. Фернан Гонсалес и донья Санча, эскортируемые рыцарями, въезжают в Кастилию. Дело кончается пышной свадьбой. Через некоторое время король Леона хитростью вытребовал графа к себе и вновь заключил его в темницу. И опять вызволяет его донья Санча. Переодевшись в одежду паломника, она пробирается в замок и обменивается платьем с мужем. Граф выходит на волю. Король вынужден отпустить и донью Санчу.

Если отбросить поэтические прикрасы, то главные перипетии этого предания соответствуют историческим фактам: ссора с королем Леона, плен в Наварре, женитьба на Наваррской принцессе. Особо же ценно не столько то, что в поэме и производных от нее романсах отразились эти реальные факты, сколько историческое самочувствие анонимных авторов, их симпатии и антипатии.

Романсы о Фернане Гонсалесе привлекли внимание многих писателей позднейшего времени. Дань им отдали Гонсало де Берсео, Рохас, Лопе де Вега, а в новое время — Труэба и Хосе Хоакин де Мора.

Обрело поэтическую традицию и предание, связанное с наследниками Фернана Гонсалеса: Гарси Фернандесом, Санчо Гарсия и сыновьями дона Санчо Большого, при котором произошло объединение Кастилии и Наварры. Почти во всех этих поэтических сказаниях содержатся трагические ноты, ибо в основе лежит не только мотив мести, но и трагические судьбы раздираемой междоусобицами родины.

Стр. 401. *В Кордове жил Абдеррамен...*— Абдеррамен III (912—961) — мавританский эмир из династии Омейядов. При нем Кордовский халифат достиг наивысшего могущества.

РОМАНСЫ О СИДЕ

Исторический Родриго Диас де Бивар, прозванный маврами «Сидом», то есть «господином», перешел в легенду почти сразу после смерти. Родился он около 1043 года в Биваре, неподалеку от Бургоса. Умер в 1099 году в Валенсии, отвоеванной им у мавров. Сид является единственным национальным героем средневековой Испании, подвиги которого прославила эпическая поэма «Песнь о Сиде» (см.), почти полностью до нас дошедшая. Сложена она была примерно лет через сорок после его смерти.

Сид поэмы предстает образцовым, непобедимым рыцарем, заботливым отцом и мужем, верным вассалом, справедливым и добрым человеком. Таким он запечатлелся в народной памяти. Таким он перешел в романсы. Любопытно, что во второй поэме о Сиде, «Рифмованная хроника, или Песнь о Родриго», созданной через два века после первой, образ эпического героя претерпевает некоторые изменения. Сид теряет уравновешенность и простоту, превращается в гордеца и даже немножко фанфарона. В новой поэме появляются новые красочные эпизоды,— например, эпизод убийства Сидом отца своей будущей жены Химены в отместку за нанесенное отцу Сида оскорбление. Эпизод действительно яркий, подлинной биографии Сида не отвечающий, но зато имевший огромный успех у драматургов. Начиная с Гильена де Кастро и вдохновленного им Корнеля (трагедия «Сид») мотив этот стал обязательным. Литература оказалась сильнее истории.

Сиду посвящено множество романсов (более двухсот, до нас дошедших). Публикуемые тут романсы дают в своей совокупности как бы связную историю героя.

Согласно этим поэтическим преданиям, сидовская биография предстает в таком виде: сначала следуют события, связанные со временем Фернандо I (1037—1065), то есть разделом этим монархом своих владений и распрями между наследниками. Старший сын, Санчо, получил Кастилию; второй, Альфонс,— Леон; третий, Гарсия,— Галисию. Две дочери Фернандо, Эльвира и Уррака, получили небольшие наделы. После смерти отца дети перессорились. Санчо попытался силой объединить владения снова в одних руках. Сперва он отнял Галисию у Гарсии, которого заточил в темницу, потом отобрал Леон у Альфонса, который бежал от него к маврам в Толедо. Со стороны Урраки Санчо встретил отпор. Собрав большое войско, он осадил Самору. Осада Саморы кончилась гибелью Санчо. Он был убит перебежчиком. Умирая, Санчо покаялся в том, что не выполнил отцовский наказ, и велел передать Альфонсу, что умоляет его о прощении и просит принять на службу верного Сида. Когда Альфонс прибыл в лагерь, все ему присягнули, кроме Сида, потребовавшего, чтобы новый король сначала принес клятву в том, что неповинен в гибели брата. Альфонс присягнул, но в душе затаил смертельную ненависть к Сиду. Далее романсы рассказывают об истории с инфантами Карриона. Излагать эту историю тут нет смысла, она отчетливо вырисовывается из «Песни о Сиде» и публикуемых в книге романсов.

Цикл романсов о Сиде имел в самой Испании и за ее пределами успех беспримерный. Они переведены почти на все европейские языки. В Германии их переводил Гердер, в Италии — Бершэ и Монти, в Англии — Гиббсон и Локхарт, в России — Жуковский, Катенин.

Стр. 416. *Лаинес Кальво* — один из двух судей, которых, согласно легенде, избрали кастильцы, недовольные леонским судом и королем Фрокаса (ок. 900 г.). По легендарной генеалогии, Сид был его внуком.

Стр. 418. *Помогал в боях Пелайо...*— Пелайо (699—737) — первый король Астурии. Положил начало Реконкисте, разгромив арабские войска при Ковадонге.

Стр. 420. *Острозубую Тисону...*— Тисона — меч, добытый Сидом у царя Букара.

РОМАНСЫ О КОРОЛЕ ПЕДРО ЖЕСТОКОМ

Личность короля Кастилии и Леона дона Педро (1350—1369), прозванного «Жестоким» за то, что, по словам современного ему летописца Лопеса де Аяла, «многих убил он за свое царствование и ущерб причинил великий», еще при жизни была окружена легендами. Король дон Педро не пользовался симпатией авторов романсов. Больше повезло ему у позднейших драматургов, которые прозвище «Жестокий» поменяли на прозвище «Справедливый».

Эпоха Педро Жестокого, «великого ростом, белотелого, светловолосого и присюсюкивающего в разговоре», изобилует трагическими событиями, междоусобными братоубийственными войнами. К слову сказать, и сам дон

Педро пал от руки своего брата дона Энрике. Очевидно, что романсы о жестоком короле создавались в среде его противников.

Начиная с хроники Лопеса де Аяла, который был непосредственным свидетелем многих кровавых происшествий, к личности дона Педро обращались многие историки, поэты, драматурги. Среди них: Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Морето, герцог Ривас, Соррилья.

Стр. 451. *Дон Фадрике де Кастилья* (1334—1358) — внебрачный сын короля Кастилии Альфонса XI и брат Педро I Жестокого, по приказанию которого был убит за участие в заговоре.

Стр. 453. *Мария де Падилья* (ум. в 1361 г.) — первая жена короля Педро Жестокого. Славилась красотой и интригами.

Стр. 454. *Взятой мной у супостата...*— то есть у мавров.

Стр. 457. *Донья Бланка...*— Донья Бланка де Бурбон (1338—1361) — королева Кастилии, супруга Педро Жестокого.

РОМАНСЫ РЫЦАРСКИЕ, НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ, ЛИРИЧЕСКИЕ, ПОГРАНИЧНЫЕ И МОРИСКСКИЕ

Чаще всего рыцарские романсы подразделяют, в свою очередь, по тематическому принципу на романсы «каролингского» цикла, то есть романсы, группирующиеся вокруг личности императора Карла Великого и его пэров, и «бретонского» цикла, то есть романсы о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Само обозначение указывает на их генетическую связь с соответствующими французскими поэмами и их позднейшими испанскими отголосками. Так, знаменитый романс о Геринельдо находится в прямой зависимости от истории, повествующей о любви дочери императора Карла; романс о донье Альде, возможно, восходит к какому-нибудь фрагменту поэмы о Ронсевале (почти целиком утраченной). Названия и собственные имена в этих романсах настолько испанизировались, что о первоисточнике догадаться довольно трудно. Впрочем, неиспанского в романсах этой группы не осталось почти ничего, кроме сходства мотивов.

Новеллистические романсы построены на самых различных темах. Это как бы стихотворные новеллы или рассказы. Из «старых» романсов они самые поздние. Сохранялись они чаще всего в изустных передачах. Известный немецкий ученый-испанист XIX века Вольф так определял их: «Если исторические романсы называют испанской «Илиадой», то новеллистические и лирические можно назвать испанской «Одиссеей». Они рисуют домашнюю жизнь испанского общества, чувства и страсти. Среди них много подлинных шедевров по своей изящной простоте, ясности и непосредственности чувств».

В отличие от романсов исторических, восходящих к героическим поэмам, которые уже в силу своего происхождения легко циклизуются, романсы по-

граничные и мавританские (морискские), являясь с одной стороны, как бы их идеальным продолжением, в цельные циклы не объединяются. Они автономны, так как трактуют совершенно разные темы и основываются на разных событиях. Они возникали либо на основе непосредственных впечатлений от событий, либо вдохновлялись еще живой памятью о прошлом. Как правило, содержание таких романсов исторично, хотя понятно, что смещения событий и фактов встречаются нередко.

Наиболее старыми романсами являются те, которые относятся к событиям, связанным с осадой Баэсы (1368 или 1407 г.); наиболее поздними — относящиеся к взятию Гранады (1492 г.) или эпизодическим стычкам, последовавшим за ее взятием.

После завершения Реконкисты (конец XV в.) очевидно, что на первый план выдвигались уже не сами события, а экзотическая, живописная сторона той среды, к которой относилось действие романсов. Это в большинстве случаев романсы мавританские (морискские). Разграничить пограничные и мавританские романсы не всегда легко. Но если в первых часто можно видеть чувства арабской стороны (многие романсы носят явные следы симпатии к противнику), то во второй группе преобладает рыцарская галантность, характерная для испанца XVI века. Острота военных переживаний исчезла. В XVII веке успех именно мавританских романсов достигает апогея. Утверждение Переса де Иты в «Гражданских войнах в Гранаде» о том, что включенные в книгу романсы были арабского происхождения, новейшей критикой решительно отвергаются. Обманывают «мавританские одежды». Существо же их сугубо испанское.

В основной своей массе романсы пограничные и мавританские отражают жизнестойкость национального духа испанцев. Они воспевают людей героической закалки, смелых, решительных. «Рыцарственность» этих романсов более подлинная, чем романсов собственно «рыцарских». Источником вдохновения являлась не литература, а сама жизнь, бурная, полная опасностей, борьбы и самоотверженности. Жизнь эпохи Реконкисты.

Между романсами перечисленных разделов и циклов существует определенная разница. Исходный материал, время написания, идеологическое задание сочинителей — все это наложило отпечаток также и на их поэтику. Но вместе с тем в их поэтике существует отчетливое сходство: простота изобразительных средств, предметность, отсутствие украшающих эпитетов, внешняя фрагментарность (многие романсы начинаются прямо-таки с пистолетного выстрела — с прямой речи, с кульминации действия). Последнее объясняется в известной степени тем, что, как уже было сказано, старейшие романсы восходят к тем или иным эпизодам эпических поэм. Слушатели отлично знали целое и не нуждались ни в каких предысториях. Этим же нередко объясняют неожиданные концовки.

Есть романсы, которые обрываются как бы на полуслове. В период «цветения» романсного творчества предельная краткость и насыщенность действия прочно вошли в поэтику романса, вообще стали как бы обязатель-

ным условием. Интересно, что романсы, имеющие по многу редакций, с развитием книжно-литературного вкуса чаще всего ухудшались! Редакция становилась пространнее, многословнее. Появлялись ненужные детали и словесные украшения. Романсы, стилизованные под народные в эпоху барокко, поражают вычурностью слога, изысканностью словаря. Недаром лучшие поэты и составители сборников романсов с конца XVIII века и в XIX веке чаще всего возвращались к редакциям более ранним. Замечательно и то, что, какие бы изменения ни претерпевала поэтика романса с течением времени, основная тенденция — лаконизм, ясность и простота — оставалась незыблемой, и все попытки повернуть романс на другую дорогу заканчивались неудачно. В этом великая сила поэтического мышления, выкованная веками[1].

Стр. 470. *Грубый шерстяной сайяль...*— Сайяль — накидка, плащ.

Стр. 471. *Первые пять букв каштана...*— Здесь игра слов: по-испански «каштан» — «castano», а «чистый», «целомудренный» — «casto».

Стр. 474. *Взял ташим...*— Ташим — старинный музыкальный духовой инструмент.

Стр. 475. *О Гайферосе...*— Гайферос — один из героев романсов каролингского цикла.

Стр. 476. *Как Рольдану-паладину...*—Рольдан — испанская форма имени Роланда, героя французского эпоса.

Стр. 512. *Берберские мавры* — арабы, населявшие Берберию (Северную Африку).

Стр. 529. *Об утрате Антекеры...*— Антекера — старинный город в провинции Малага. Этот романс навеян историческими событиями — отвоеванием у мавров испанских городов.

...с башенок Альгамбры...— Альгамбра — знаменитый дворец в Гранаде, величайший памятник арабо-испанской архитектуры XIII—XIV вв.

...из Алькасабы...— Алькасаба — укрепленный замок.

Дон Фернандо.— Вероятно, имеется в виду Фернандо I (1380—1416), король Арагона и Сицилии, прозванный «Антекерским» за подвиги в борьбе с маврами во время взятия этого города.

Стр. 536. *Осада Алоры...*— Алора — старинный город в провинции Малага; один из оплотов мавританского владычества на юге Испании. В 1484 г. был взят войсками дона Фернандо де Арагон.

Стр. 537. *Альфаки* — у мусульман: юрист, законник.

Убил ты Абенсеррахов...— Абенсеррахи — мавританский род, имевший большое влияние в арабском Гранадском королевстве в XV в.

Стр. 545. *И герб Сегрийского дома...*— герб одной из влиятельнейших арабских фамилий Гранады XV в.

---

[1] В качестве любопытного примера различных поэтических редакций одного и того сюжета приводим «Романс о прекрасной Альбе» и романс «О Бланке-нинье».

РОМАНСЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ

В этом разделе представлены образцы романсного творчества таких могучих индивидуальностей, как Лопе де Вега, Гонгора и Кеведо, и в этой связи он особенно интересен. Многое из написанного ими (особенно Лопе де Вега) воспринималось читателем как нечто настолько подлинное, народное, что отрывалось от имени автора и начинало жизнь классического традиционного романса. Но дело, конечно, здесь не только в замечательных имитациях старых романсов. Заслуга всех трех авторов заключается прежде всего в том, что они сумели, идя каждый своим путем и сообразуясь с духом времени и собственным поэтическим кредо, вдохнуть в, казалось бы, обветшалую традиционную форму новую жизнь. Они сумели надолго утвердить романс в качестве одного из ведущих жанров испанской поэзии. По их стопам шли поэты последующих поколений, вплоть до крупнейших наших современников.

Хотя в настоящем томе преимущественное место отведено «старому» романсеро, который пользуется и наибольшей известностью, да и в познавательном отношении представляет больший интерес, «новый» романсеро представлен также достаточно широко. В основном даются лирические романсы, которые в эпоху Возрождения пользовались в Испании огромной популярностью. Богатство чувств, образность и техническое совершенство «нового» романсеро — качества, столь ценимые тогда, — как будто бы противопоставлены наивности и безыскусной красоте «старого» романсеро. На самом деле они совмещаются совершенно органически. Два романсеро — это два этапа художественного сознания. Старый романсеро живет в новом.

Стр. 551. *Драгут* — знаменитый турецкий корсар XVI в.

Стр. 568. *Альваро де Луна* (1388—1453) — коннетабль Кастилии, сражавшийся с маврами и с мятежными кастильскими баронами. Фаворит Хуана II, один из богатейших и влиятельнейших людей Испании. Казнен в 1453 г.

Н. Томашевский

СОДЕРЖАНИЕ

Романсы о короле доне Педро Жестоком

РОМАНСЫ РЫЦАРСКИЕ, НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ

РОМАНСЫ ПОГРАНИЧНЫЕ И МОРИСКСКИЕ

РОМАНСЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Луис де Гонгора. *Перевод И. Чежеговой*

Лопе де Вега

Франсиско Кеведо. *Перевод М. Донского*

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 10

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ
КОРОНОВАНИЕ ЛЮДОВИКА
НИМСКАЯ ТЕЛЕГА
ПЕСНЬ О СИДЕ
РОМАНСЕРО

*

Редакторы
М. Ваксмахер
С. Шлапоберская

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
О. Ярославцева

Корректор
Д. Эткина

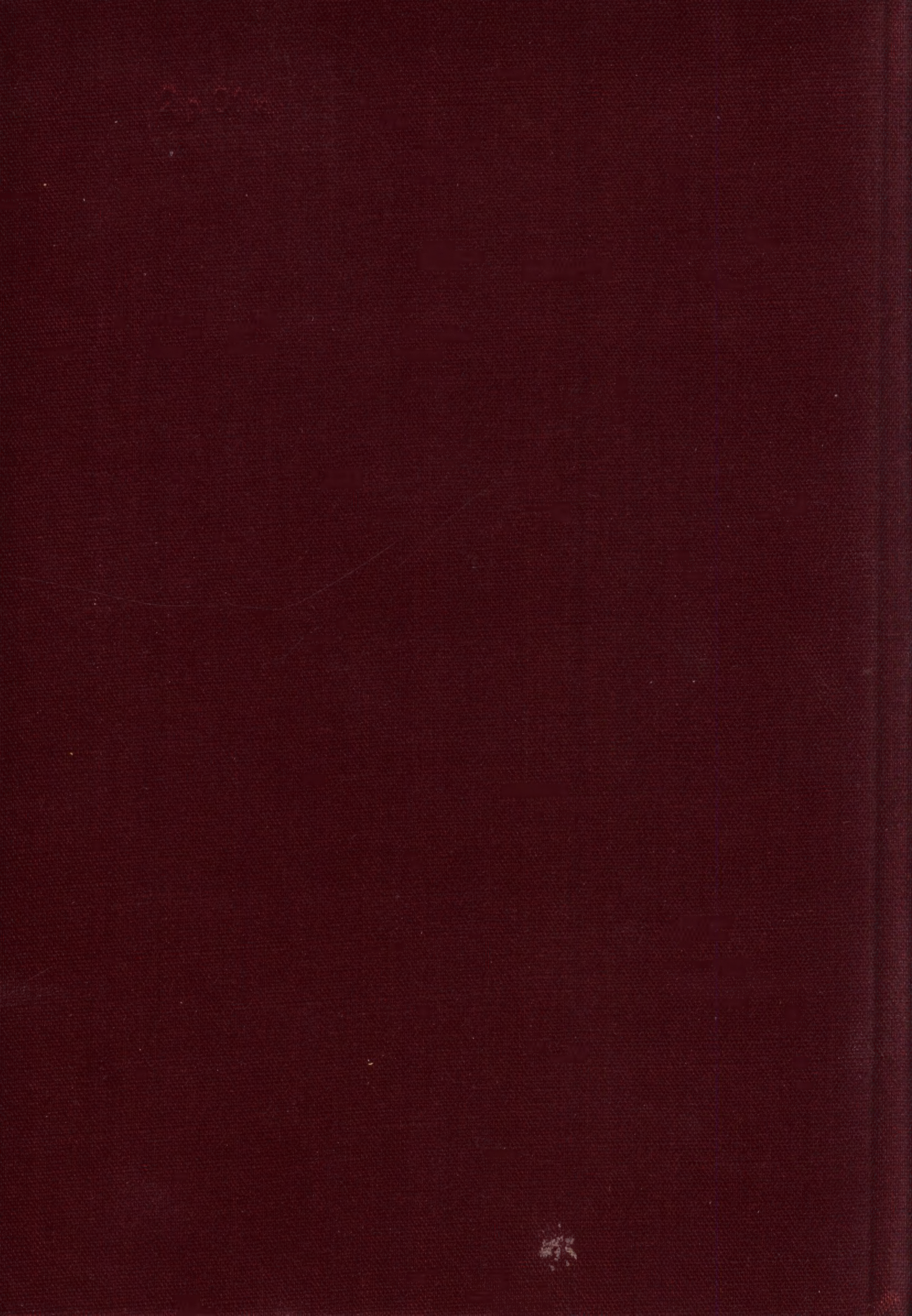
*

Сдано в набор 29/IV 1976 г. Подписано к печати 22/IX 1976 г. Бумага типогр. № 1. Формат $60\times84^1/_{16}$. 41 печ. л. 38,253 усл. печ. л. 38,101 +5 накид. = 38,933 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. Заказ 205. Цена 2 р. 01 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

ПЕСНЬ

О РОЛАНДЕ

•

КОРОНО-

ВАНИЕ

ЛЮДОВИКА

•

НИМСКАЯ

ТЕЛЕГА

•

ПЕСНЬ

О СИДЕ

•

РОМАНСЕРО

•

